НИКОЛАЙ II

СВЯТОЙ или КРОВАВЫЙ?

АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ

ГЕННАДИЙ ПОТАПОВ

УДК 327 (470+571)
ББК 66.4(2)
К 60

Колпакиди А.И. Потапов Г.В.

К 60 Правда о последнем царствовании: за что расстреляли Николая Кровавого / А.И. Колпакиди, Г.В. Потапов. – М.: Алгоритм, 2017 – 512 с. – (Уроки истории).

ISBN 978-5-906947-80-2

О Николае II изданы сотни книг, тысячи статей, сняты десятки художественных и документальных фильмов. В большинстве из них повествуется о семейной идиллии и трагической гибели последнего самодержца, при котором экономика России процветала и росла самыми быстрыми темпами в мире.

Такой книги, как эта, ещё не было ни в наше, ни в советское время. В ней рассказывается о репрессиях, расстрелах демонстраций, силовом подавлении забастовок и восстаний, погромах и терроре царского режима. Внимательный читатель найдёт на страницах книги множество интересных и совершенно неведомых ему сведений, получит ответы на вопросы:

- кем же на самом деле был Николай II – Кровавым самодержцем или Святым великомучеником?
- почему он был свергнут и за что убит?
- почему в огромной стране не нашлось никого, кто бы попытался его спасти?
- с какими целями нам сегодня пытаются навязать представление о последнем императоре из рода Романовых как о страстотерпце, совершившем Христоподобный подвиг?

УДК 327 (470+571)
ББК 66.4(2)

© Колпакиди А.И.,Потапов Г.В., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

ISBN 978-5-906947-80-2

Массово-политическое издание

Колпакиди Александр Иванович,
Потапов Геннадий Владимирович

ПРАВДА О ПОСЛЕДНЕМ ЦАРСТВОВАНИИ:
ЗА ЧТО РАССТРЕЛЯЛИ НИКОЛАЯ КРОВАВОГО

Редактор Н.В. Мезина
Художник Б.Ю. Протопова

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 25.03.17. Подписано в печать 10.05.17
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная.
Печ. л. 16 Тираж 1500 экз. Заказ №

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Кремлёв. Вниманию читателей этой книги 7

Часть первая

ЗА ЧТО

Предисловие 10
Глава 1. Ложь о молочных реках. *Разбор мифов о развитии Российской империи* 12
Глава 2. «Хозяин земли русской». *Личные качества Николая II* 24
Глава 3. Кровавое начало. *«Бессмысленные мечтания», Ходынка, императорские дяди* 35
Глава 4. Небожитель. *Религиозность и жандармский плен императора* 43
Глава 5. «Кровавые воскресенья». *Условия жизни рабочих и 9 января 1905 года* 52
Глава 6. Кровь и розги. *Жизнь крестьян и расправы с ними* . . . 65
Глава 7. Кровавое «усмирение». *Казни, карательные акции и поощрение их царем* 74
Глава 8. Армия с поротым задом. *Хозяйственность, произвол, дезертирство и распад императорской армии* 89
Глава 9. Жизнь после смерти. *Белый террор и царелюбивая пропаганда* 106
Глава 10. Монархисты: от царя к фюреру. *Поклонники Николая II в Великой Отечественной войне — от Третьего Рима к Третьему рейху* 122

Часть вторая

ХРОНИКИ

Расправы с рабочими. *Расстрелы забастовщиков в Златоусте, Сосновицах, Иваново-Вознесенске, Лодзи, Ростове-на-Дону, Риге, Новороссийске, Екатеринославе, Ревеле, Коломне, Костроме и других местах* 150

Расправы с крестьянами. *Расстрелы крестьян в деревнях и селах Тамбовской, Саратовской, Самарской, Воронежской, Полтавской, Черниговской, Курской, Казанской, Рязанской и прочих губерний* 218
Разгон демонстраций и другое. *Расстрелы демонстраций в Минске, Севастополе, Баку, Ченстохове, Казани и других городах; а также казни и бессудные убийства* 267
Погромы и карательные экспедиции. *Китайские, еврейские, армянские, антиреволюционные, немецкие, продовольственные погромы и деяния карателей в Прибалтике, Сибири и Закавказье* 302
Вооруженные восстания. *Восстания в Андижане, Владивостоке, Лодзи, Севастополе, Москве, Ростове-на-Дону, Сормове, Кронштадте, Свеаборге, Камышине, Средней Азии, Петрограде и других местах; а также вооруженный террор* 354
Послесловие 459

Примечания 461
Литература 504

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЭТОЙ КНИГИ

Предлагаемая вниманию читателя книга вполне заслуживает подзаголовка, который когда-то выставляли на листовках: «Прочти и передай товарищу!». В весьма обширной современной литературе по политической истории царствования Николая II она занимает совершенно особое место.

С одной стороны, книга полностью документальна и представляет собой капитальное научное исследование тиранического и антинародного характера последней николаевской империи. При этом, несмотря на формально преимущественно компилятивный характер, сам объем исторических фактов, извлеченных на свет божий и обличающих царизм, делает книгу не компиляцией, а синтетической монографией. И уже этим она сразу противопоставляет себя всей своре околонаучной, псевдонаучной и антинаучной литературы, накопившейся за последнее столетие и восхваляющей царскую Россию, которую потеряли романовы, говорухины и михалковы.

С другой стороны, книга имеет остро публицистический смысл и убедительно противостоит олигархическим и неомонархическим попыткам реабилитировать и даже реанимировать политический труп российской монархии, протухший и разложившийся сто лет назад.

Принявшись за чтение и частичное — чисто стилистическое — редактирование рукописи книги по просьбе одного из авторов — А. И. Колпакиди, я быстро увлекся содержанием, несмотря на то, что ничего особо нового для себя не находил. Я и сам не раз писал, ссылаясь на те же, что и у авторов, цифры и факты, о несомненной отсталости и некондиции царской России, о ее полузависимой от Запада экономике... Писал об ужасающих российских реалиях в социальной сфере, об оскорбительно низких для огромной страны душевых показателях и т. д. Однако концентрат исторических данных, спокойно предлагаемый в книге ее авторами, не только вызывал уважение, но попросту восхищал.

Что же до кошмарной хроники подавления администрацией Николая Кровавого собственного народа, то, собранная под одной обложкой, эта хроника окончательно делает книгу уникальной, актуальной, боевой и убийственной для всех фальсификаторов истории России... Поэтому, как отмечают и сами авторы, книга вызовет, вне сомнений, зубовный скрежет всей родной отечественной сволочи, кликушествующей о тиранах Ленине и Сталине и пытающейся доказать исторически недоказуемое, выдав последнего российского царя за страстотерпца, в то время как он был не только позором русской истории, но и палачом собственного народа во главе паразитов и палачей.

Могу лишь поздравить авторов с завершением блестящей и многотрудной работы и пожелать книге той громкой известности, которой она достойна.

Сергей Кремлёв (Брезкун)

Памяти Александра Ивановича Кирякина — типичной жертвы режима Николая II*

---

* *«Кирякин Александр Иванович* (13(25).10.1880 — 07(20).12.1905). Родился в Иваново-Вознесенске в семье рабочего. Русский. Окончил начальную школу. С 11 лет работал в переплетной мастерской. Александр много читал и выделялся среди сверстников рассудительностью. На книги тратил все свои крохотные сбережения, часто экономя на еде. Позднее поступил на завод Жохова, где освоил специальность медника. Молодой рабочий много читал. Его младшая сестра Клавдия вспоминала: „Саша так любил печатное слово, что часто лишал себя куска хлеба и на сэкономленные деньги покупал у букинистов книги". Вступил в рабочий марксистский кружок. К революционной работе А. И. Кирякина привлекла Е. А. Володина, которая снимала комнату в доме его отца — разнорабочего фабрики Фокина. Член РСДРП с 1899 года. Дом Кирякиных на Московской улице становится конспиративной квартирой.

Александру было поручено создать подпольную библиотеку. Основу библиотеки составили его собственные книги. Вскоре стала поступать революционная литература из Москвы, Петербурга, Ярославля. Легальные книги он хранил в комнате сестры, а нелегальные — в тайнике на чердаке. Через короткое время в библиотеке сосредоточилось более 200 книг. Росло и количество читателей. Разрешенная литература выдавалась всем, нелегальная — только проверенным людям.

В апреле 1900 года местной охранке удалось получить сведения о Иваново-Вознесенской и Кохомской социал-демократических организациях. Начались аресты. В октябре был арестован и Кирякин. Его заключили на шесть месяцев в петербургскую тюрьму „Кресты", однако за недостаточностью улик вскоре освободили. А. И. Кирякин продолжил революционную работу. Встречался с представителями социал-демократических организаций Шуи и Кохмы, вел революционную пропаганду среди рабочих, помогал Н. Н. Панину распространять газету „Искра". Вскоре был включен в состав Иваново-Вознесенского комитета РСДРП.

В апреле 1901 года полиция произвела обыск в доме Кирякиных, но обнаружила только легальную литературу. Комитет РСДРП принял решение оставить библиотеку на прежнем месте и даже увеличить число читателей.

10 января 1902 года полиция арестовала 19 человек, в том числе А. И. Кирякина. При обыске у него и сестры Клавдии нашли около 300 книг, брошюр и других нелегальных изданий. По окончании следствия в марте 1903 года А. И. Кирякина выслали на четыре года в село Мартыновское Киренского уезда Иркутской губернии. В ссылке он быстро сошелся со ссыльными революционерами, много занимался самообразованием, участвовал в диспутах по проблемам рабочего движения. 22 октября 1905 года черносотенцы разгромили дом Кирякиных в Иваново-Вознесенске.

После амнистии осенью 1905 года Александр Кирякин вернулся в Иваново-Вознесенск и вновь включился в партийную работу: посещал собрания, стал членом боевой дружины. 7 (20) декабря участвовал в сходке текстильщиков в лесу на берегу реки Талки. На рабочих напали полиция и казаки. В завязавшейся перестрелке Кирякин был тяжело ранен, а затем жестоко избит. В бессознательном состоянии его привязали к седлу лошади и доставили в полицейский участок, а уже потом — в городскую больницу, где дважды пытались допрашивать, но безрезультатно. Через несколько часов он умер» (Революционеры текстильного края. Сборник очерков. Ярославль. Верхне-Волжское книжное издательство. 1980. С. 118–121).

Часть первая

ЗА ЧТО

Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму — темно.
Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.
Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот.

К. Бальмонт. 1906 год.

Предисловие

Эти стихи были написаны в 1906 году и выражали общее мнение тогдашнего образованного общества. Общество необразованное тоже постепенно начало к нему присоединяться, окончательно завершив поворот умов к 1917 году. Россия единодушно приветствовала отречение Николая, после чего попросту о нем забыла. Бывший царь не интересовал россиян ни живой, ни мертвый — никого, кроме большевистского правительства, которому от «временных» предшественников достался подарочек в виде арестованных членов дома Романовых (арестовали их еще в марте 1917 года). До такой степени не интересовал, что не было ни одной попытки освободить «обожаемого монарха». Да и сама казнь Романовых потерялась в кровавой вакханалии Гражданской войны.

Уже потом, в эмиграции, отчаянно пытаясь вернуть себе свое «шампанское и хруст французской булки», бывшая элита России задумалась о знамени. Белые вожди на эту роль не годились — у каждого была своя команда, и договориться они не смогли бы ни при каких обстоятельствах. Так называемые «наследники престола» — тем более. (Свары между ними прекрасно отражены в детском фильме «Корона российской империи, или Снова неуловимые».) А Николай подходил прекрасно — красив, религиозен, хороший человек и расстре-

лян злыми большевиками вместе с семейством. И, что важно, мертв — то есть уже никогда не скажет и не сделает такого, за что станет неудобно.

Дальнейшее — дело техники. Тем более что в эмиграции оказалась бывшая элита России — это для них сияли упоительные вечера, плыл аромат пирогов и гуляли румяные гимназистки... Им было о чем пожалеть и было что вспомнить.

Поначалу не прокатывало — слишком много существовало в эмиграции людей, негативно относившихся к последнему царю. Кто-то был обижен им лично, кто-то обижен за Россию. Но время шло. Подрастали поколения эмигрантов, для которых царская Россия была прекрасной сказкой — а сказка требует соответствующих героев. Да и пропагандистская война против Советского Союза не утихала — ей тоже нужны были знамена.

В попытке вернуть свои упоительные вечера эмигрантские деятели сотрудничали с кем угодно: менее разборчивые — с Гитлером, более разборчивые — с любыми спецслужбами, до которых удавалось дотянуться. Идея «поставить» на последнего царя родилась в тех же идеологических лабораториях, где появились на свет радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», где раскручивали «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и старую катынскую провокацию Геббельса. Николай II не был образцом правителя и государственного мужа, но если бы он мог заглянуть вперед и узнать, как используют его имя... Трудно сказать, как поступил бы царь, но царица уж точно прокляла бы всех оптом.

В 1981 году Русская православная церковь за границей канонизировала семью Романовых как «царственных мучеников» — то есть христиан, погибших за веру. Правда, никто не предлагал им отречься от Христа, снять кресты и прочее — уральских чекистов эти вопросы вообще не интересовали. Но кого в РПЦЗ, иерархи которой сотрудничали с Гитлером, волновали такие мелочи? Это было просто оружие в борьбе с Советским Союзом. Тем более к тому времени и в СССР условия созрели.

До тех пор, пока живы были люди, помнившие прежнюю Россию «вживую», СССР был гарантирован от монархической ностальгии. Но время шло. В школах преподавали дворянскую литературу, в кино показывали «господ офицеров», а рассказы из учебника истории стали казаться страшной сказкой. Да и кто всерьез относится к учебникам?

С какого момента началась в нашей стране романтизация Российской империи и ее последнего царя? Пожалуй, с забы-

того ныне фильма Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Небывалый подъем во всех сферах народного бытия, все сияет идиллией, «балы, красавицы, лакеи, юнкера», император с кроткими газельими глазами... Фильм забыт — а слоган остался, породив массу претензий к истории, которая учинила в России три «ненужные» революции, разрушившие державу. Балы разогнаны, красавицы изнасилованы, юнкера убиты... Император как-то странно, может быть, даже ритуально расстрелян в подвале дома Ипатьева вместе с семьей. А ведь они были такие красивые!

Именно на таком уровне мозги и «промывали».

В девяностые годы, когда громили идеологию добиваемого СССР, в качестве снарядов годилось все что угодно. Получив в руки эмигрантские идеи и эмигрантские книги, СМИ принялись раскручивать новую тему со всем неофитским пылом. Мнения Русской православной церкви никто не спрашивал — бал правили исключительно «зарубежники». Между тем РПЦ сопротивлялась канонизации до последнего, и в результате Романовы были канонизированы в России как страстотерпцы — то есть христиане, преданные мученической смерти, но не за веру, а просто так. Для иерархов, которым выкручивали руки «агенты влияния» как в церкви, так и в правительстве, такое решение можно считать гражданским подвигом.

Впрочем, нас интересует не как умер Николай, а как он жил. Точнее, как правил. Потому что восстановить против себя все слои общества и за двадцать три года довести вверенную тебе державу до объемного взрыва — тут никакие «протоколы сионских мудрецов» не помогут, для этого нужен особый талант. Абы у кого не получится.

Глава 1. Ложь о молочных реках

Разбор мифов о развитии Российской империи

В наследство от девяностых годов нам осталась сказочка о «процветавшей» до революции 1917 года Российской империи. В доказательство приводятся в основном темпы роста некоторых (не всех) отраслей промышленности. В самом этом подходе заложено определенное лукавство: темпы роста зависят от исходных показателей. Если они малы, то темпы могут быть высокими, а конечные результаты — очень скромными. И уж коли говорить о промышленности, надо учитывать все факторы, а не только те, которые хочется.

Возьмем, например, часто упоминаемые показатели по выплавке чугуна и стали. Они у России были, казалось бы, доста-

точно приличными (пятое место в мире). Однако большинство металла в России съедали железные дороги. Так, в 1881 году было произведено стальных рельсов и прочих железнодорожных причиндалов 12 612 тыс. пудов (около 2/3 произведенной в России стали), а в 1896 году — 24 300 тыс. пудов (около 1/3). В той же Франции, где выплавляли больше металла, чем в России, столько дорог не строили, так что металл явно шел на что-то еще...

Однако существуют и «знаковые» показатели. К ним, в частности, относятся структура промышленного производства и структура экспорта. Вот что пишет по этому поводу российский писатель-историк Елена Прудникова.

«В 1896 году структура промышленного производства в Российской империи представляла собой мечту „перестройщика“ — абсолютнейшее преобладание так называемых „товаров народного потребления“. По стоимости произведенной продукции на первом месте стоит мануфактура — от хлопка до джута — 851 млн руб. или 31 % валовой продукции российской промышленности. Затем следует обработка питательных веществ, или пищевая промышленность — 722 млн (26 %). Третье место — 614 млн (22 %) занимает „горная и горнозаводская промышленность, со включением обработки металлов и машиностроения“. Вот и понимай как хочешь: сколько тут добывающей промышленности, сколько обрабатывающей, а сколько собственно машиностроения. Дальше идут уже разные мелочи, вроде обработки животных продуктов (117 млн), деревообрабатывающей промышленности (91 млн), керамики, химической промышленности и пр.

Собственно машиностроение отыскать все же удалось... 1896 год — 136 424 тыс. руб., или около 5 % общей промышленной продукции. В том же году было ввезено машин на 65 361 тыс. руб., то есть еще 2,5 %. И это в условиях „бурного роста“!

...Взглянем теперь на структуру внешней торговли Российской империи.

Первое место среди экспортных товаров занимал хлеб — большей частью пшеница, которую и растили, в основном, на вывоз, ибо население питалось черным хлебом. Еще торговали лесом, нефтепродуктами, яйцами. Практически не вывозили никаких готовых изделий — в 1898 году они составляли всего 4 % от экспорта, и то еще вопрос — что это были за изделия? Вполне возможно, что какая-нибудь „рашн экзотика“. В том же году в структуре импорта 54 % составляли сырье и полуфабрикаты (в основном хлопок и металлы), 17,5 % —

„жизненные припасы“, то есть продовольствие, и 28 % — готовые изделия (машины)»[1].

Занятно получается: своих машин страна почти не производит и еще меньше покупает — но тем не менее в ней наблюдается промышленный подъем! И это не говоря о том, что большая часть российской тяжелой промышленности российской вообще не была.

«Уже в конце XIX века 60 % капиталовложений в российскую тяжелую промышленность и горное дело были заграничными. Англо-французский капитал контролировал 72 % производства угля, железа и стали, 50 % нефти. (А ведь был еще и немецкий, и бельгийский, и американский капитал. — *Авт.*) Иностранцы вкладывали деньги в то, что им было нужно, развивая не экономику в комплексе, а отдельные отрасли — попросту пользуясь тем, что труд в России дешевле, чем в Европе. Формально их предприятия входили в российскую экономику, а фактически иностранцы использовали страну как колонию, производя нужные им товары и качая прибыли»[2].

Что же касается новых, современных технологий — все было еще печальней. Важнейшим показателем промышленного развития, причем в начале XX века связанного с передовыми технологиями, является добыча нефти. В 1901 году Россия занимала по этому показателю первое место в мире (681 миллион пудов, или 50,6 % всего мирового производства). Соединенные Штаты в 1901 году добывали 555 миллионов пудов, или 41,2 %. В 1911 году добыча Соединенных Штатов увеличилась втрое — до 1794 миллионов пудов (63,1 % мировой добычи), а России — 559 миллионов пудов (19,6 %)[3]. Как видим, добыча «процветающей» Российской империи за десять лет упала не только в относительном, но даже и в абсолютном исчислении. По-видимому, стремительно богатеющая деревня с керосиновых ламп перешла на лучины — иначе как объяснить абсолютный спад?

Или другой малозаметный, но значимый показатель: телефон. По данным 1909 года, на каждые 100 жителей приходилось абонентов в Соединенных Штатах 7,6, в Дании — 3,3, в Швеции — 3,1, в Норвегии — 2,3, в Швейцарии — 2, в Германии — 1,5, в Англии — 1,3, а в России — 0,1[4]. Приуроченный к трехсотлетию дома Романовых, изданный в 1913 году шеститомник «Три века» сообщает, что «всего телефонов за последнее время в мире исчисляется почти 11 236 тысяч, и из этого количества 68,2 %, то есть 7660 тысяч, приходится на Соединенные Штаты, 8,9 % — на Германию, 5,7 % — на Англию и 1,5 %, то есть 172 900, на Россию»[5]. Это, конечно, мелочь — но мелочь показательная.

Еще хуже обстояло дело в сельском хозяйстве Российской империи. По данным переписи 1897 года, в деревне жило 87 % населения России («промышленно развитой» страны, ага!). Основу аграрного сектора составляли почти 20 млн мельчайших крестьянских хозяйств, о которых сторонники «потерянной России» говорят с умиленным придыханием, как о селянской идиллии. Вот только три четверти этих хозяйств по статистике являлись бедняцкими — большинство их не способны были прокормить даже себя, не то что кормить страну. Их агрокультура была на уровне Киевской Руси: соха, лошадь, трехполье. Елена Прудникова пишет:

«Землю эксплуатировали хищнически, до такой степени, что в начале XX века урожай в нечерноземных губерниях был сам-3 — сам-4 (то есть на каждое брошенное в землю зерно собирали два или три. — *Прим. ред.*). Если переводить на центнеры, то урожай колебался с 3–5 до 10–12 центнеров с гектара. В Германии в то же время средний урожай был около 24 центнеров, и русские крестьяне в северо-западных губерниях покупали немецкий хлеб — он был дешевле русского!»[6]

Да, именно так: не меньше половины крестьян аграрной страны вынуждены были покупать хлеб! Практически все зерно, предназначавшееся на продажу, выращивалось в крупных современных хозяйствах. Сто миллионов русских крестьян не могли прокормить даже себя, не то что Европу.

К началу XX века положение крестьянства стало катастрофическим.

«Ряд официальных (!) исследований с несомненностью установил ужасающий факт крестьянского разорения за 40 лет, истекших со времени освобождения. Размер надела за это время уменьшился в среднем до 54 % прежнего (который тоже нельзя было считать достаточным). Урожайность уменьшилась до 94 %, а в неблагоприятной полосе даже до 88–62 %. Количество скота упало (с 1870 года) в среднем до 90,7 %, а в худших областях до 83–51 % прежнего. Недоимки поднялись с 1871 года в среднем в пять раз, а в неблагоприятной полосе и в восемь, и в двадцать раз. Ровно во столько же раз увеличилось и бегство крестьян с насиженных мест в поисках большего простора или за дополнительными заработками. Но и цена на рабочие руки в среднем почти не поднялась, а в неблагоприятных местностях даже упала до 64 %.

...Показательно, что смертность в российской деревне была выше, чем в городе, хотя в европейских странах наблюдалась обратная картина»[7].

Неудивительно, что голод в Российской империи был постоянным явлением. «Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (1913 год) сообщает:

«После голода 1891 года, охватывающего громадный район в 29 губерний, нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XX века Самарская губерния голодала восемь раз, Саратовская — девять[8]. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 году (Нижнее Поволжье, часть приозерных[9] и новороссийских губерний) и к 1885 году (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 года наступил голод 1892 года в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897-го и 1898 годов приблизительно в том же районе; в XX веке голод 1901 года в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 года (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 годы (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)»[10].

Это не говоря о ежегодном, обыденном весеннем голоде бедняков, который имел место в России повсеместно. И о постоянном, из года в год, хроническом недоедании абсолютного большинства населения.

22 марта 1901 года в Петербурге был издан доклад в соединенном собрании Общества русских врачей, Общества детских врачей в Петербурге и Статистического отделения Высочайше утвержденного Русского общества охранения народного здравия «Смертность в России и борьба с нею». О питании народа там говорится следующее:

«Как известно, около 78 % населения России принадлежит земле, пропитывается ее плодами и составляет главную платежную силу государства; между тем земля эта дает в среднем крестьянину для пропитания зачастую значительно менее необходимого.

Чрезвычайно обстоятельно разобран этот вопрос в недавно вышедшем труде П. Лохтина „Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. Итоги к XX веку“. СПб, 1901.

По вычислениям автора, в среднем за 16 лет, Россия потребляет хлеба и картофеля 18,8 пуда на человека (от 13 в неурожаи до 25 в урожаи), тогда как в других странах количество потребляемого одним человеком хлеба не падает ниже 20–25 пудов, и физиологическая норма для человека при умеренной работе не может быть ниже 17,2 пуда. Поэтому цифра

18,8 пудов на человека в России, исключив из них около 10 % на отруби и сор, оказывается недостаточной для прокормления даже самого крестьянина, не говоря уже о скоте его, между тем как, по вычислениям проф. Лензевитца, немецкий крестьянин потребляет пищи, в переводе на хлеб, около 35 пудов, следовательно, вдвое более нашего русского. Если же принять во внимание сверх того расход из 18 пудов на прокорм лошадей и скота владельцев, горожан и войска, на производство спирта и т. п., на потери пожарами, то для личного потребления остается только около 16 пудов, купить же где-либо невозможно, так как хлеба в государстве более не имеется. Что же говорить про неурожайные годы, а между тем в течение 16 лет население голодало 6 раз, на границе голода было 4 раза и имело некоторый излишек в запасе на время всего от 1–2 недель до 3 месяцев только 6 раз...

Совершенно аналогичные этому данные относительно недостаточности питания крестьянина находим в трудах д-ра Почтарева и д-ра Грязнова.

По данным д-ра Грязнова, вся пища крестьян состоит из ржаного и редко ячменного хлеба, картофеля и черной капусты, причем хлеба в день приходится 2,8–3,5 фунта на взрослого человека. Мяса приходится на человека (включая детей) в год 14–16 фунтов.

По вычислениям же д-ра Почтарева, каждый работник в исследованном им Духовщинском уезде сверх уродившегося хлеба только для одного прокормления должен заработать на стороне 17 руб. 26 коп., не говоря о том, что еще сверх того должен заработать для уплаты податей 15 руб. 61 коп., в силу чего и приходится, за невозможностью столько заработать, впадать в недоимки, за которые приходится платиться продажей скота. Удивительно ли после этого, что, по данным д-ра Святловского, 35 % хозяйств не имеют ни одной коровы, а в 25 % нет никакой рабочей скотины.

Конечно, после всего сказанного станет понятным, что население, существующее впроголодь, а часто и вовсе голодающее, не может дать крепких детей...»[11]

О детях чуть позже, а пока приведем в качестве резюме мнение известного русского публициста XX века, эмигранта и монархиста Ивана Солоневича:

«Факт чрезвычайной экономической отсталости России по сравнению с остальным культурным миром не подлежит никакому сомнению. По цифрам 1912 года народный доход на душу населения составлял: в САСШ 720 рублей (в золотом довоенном исчислении), в Англии — 500, в Германии — 300, в

Италии — 230 и в России — 110. Итак, средний русский еще до Первой мировой войны был почти в семь раз беднее среднего американца и больше чем в два раза беднее среднего итальянца. Даже хлеб — основное наше богатство — был скуден. Если Англия потребляла на душу населения 24 пуда, Германия — 27 пудов, а САСШ — целых 62 пуда, то русское потребление хлеба было только 21,6 пуда — включая во все это и корм скоту. Нужно при этом принять во внимание, что в пищевом рационе России хлеб занимал такое место, как нигде в других странах он не занимал. В богатых странах мира, как САСШ, Англия, Германия и Франция, хлеб вытеснялся мясными и молочными продуктами и рыбой — в свежем и консервированном виде.

Русский народ имел качественно очень рациональную кухню, богатую и солями, и витаминами, но кладовка при этой кухне часто бывала пуста. Русский народ был, остается и сейчас преимущественно земледельческим народом, но на душу сельскохозяйственного населения он имел 1,6 га посевной площади, в то время как промышленная и „перенаселенная" Германия имела 1,3, а САСШ — 3,5. При этом техника сельского хозяйства, а следовательно, и урожайность полей в России была в три-четыре раза ниже германской.

Таким образом, староэмигрантские песенки о России как о стране, в которой реки из шампанского текли в берегах из паюсной икры, являются кустарно обработанной фальшивкой: да, были и шампанское и икра, но — меньше чем для одного процента населения страны. Основная масса этого населения жила на нищенском уровне. И, может быть, самое характерное для этого уровня явление заключается в том, что самым нищим был центр страны»[12].

Естественно, страна с таким экономическим положением просто не могла быть социально благополучна. Ужасным было состояние здравоохранения в России. Да, русская медицина славилась учеными и подвижниками, но это касалось нескольких крупных городов, а в деревне один врач приходился порой на 20–25 тысяч человек, разбросанных на огромном пространстве. Большинство жителей империи жили и умирали, так и не соприкоснувшись с медициной. Да и в городах тоже услуги врачей были доступны далеко не всем. Отсюда и результаты.

«По данным на 1897 год смертность на 1000 человек составляла: Англия — 17,4; Франция — 19,6; Германия — 21, 3, Италия — 22,1; Россия — 31,5...

Только в двух губерниях — Эстляндской и Курляндской — смертность была ниже 20 чел. на 1000 среднего населения.

В девяти губерниях — Бессарабской, Ковенской, Лифляндской, Витебской, Виленской, Херсонской, Таврической, Архангельской и Волынской — она не превысила 25; в 11 губерниях — Гродненской, Полтавской, Подольской, С.-Петербургской, Екатеринославской, Могилевской, Минской, Новгородской, Киевской, Вологодской и Уфимской — была от 26 до 28,9; в девяти губерниях — Черниговской, Донской обл., Харьковской, Псковской, Костромской, Олонецкой, Астраханской, Тамбовской и Ярославской — от 30,6 до 34,5; от 35,1 до 39,9 чел. умерших с 1000 населения наблюдалось в 15 губерниях — Казанской, Тверской, Курской, Саратовской, Нижегородской, Воронежской, Владимирской, Вятской, Московской, Орловской, Симбирской, Оренбургской, Рязанской, Самарской и Пензенской и, наконец, более 40 в Пермской, Тульской, Смоленской и Калужской губерниях...

Насколько велико число умирающих детей в России, видно из представленных таблиц... Из них видно, что из 1000 родившихся до 5 лет доживает более 700 детей только в 4 губерниях, 700 — в 7 губ., 650 — в 8 губ., 600 — в 10 губ., 550 — в 9 губ. и менее 500 человек в 12 губ...

Выше мы видели, что из детей гибнут главным образом самые маленькие, и особенно ужасная смертность оказывается в возрасте до 1 года, причем в некоторых местностях России эта смертность доходит до таких цифр, что из 1000 родившихся детей доживают до года гораздо менее половины... Если мы добавим к этому смертность детей более старших, 1–5 лет, затем от 5–10 лет и от 10–15 лет, то мы увидим, что из 1000 родившихся доживет до 15 лет весьма небольшое число детей, и это число во многих местах России не превышает одной четверти родившихся.

Таким образом, мы имеем в России несомненный факт вымирания детей, и если в настоящее время общее число населения в России не уменьшается, а увеличивается, то объясняется это значительной рождаемостью, пока еще превышающей смертность, отчего и является прирост населения, хотя, надо сознаться, есть многие местности, где замечается убыль населения от преобладания смертности над рождаемостью...»

«Следующая таблица показывает то место, которое занимает Россия среди других народов земного шара по смертности своих детей.

В 1905 году из 1000 родившихся умирало до 1 года:

В Мексике — 308 детей;

В России — 272 ребенка;

В Венгрии — 230 детей;

В Австрии — 215 детей;
В Германии — 185 детей;
В Италии — 166 детей;
В Японии — 152 ребенка;
Во Франции — 143 ребенка;
В Англии — 133 ребенка;
В Голландии — 131 ребенок;
В Шотландии — 116 детей;
В Соединенных Штатах Америки — 97 детей;
В Швеции — 84 ребенка;
В Австралии — 82 ребенка»[13].

Говоря о причинах, врачи отметили тяжелую борьбу за существование, низкую санитарную культуру населения, алкоголизм родителей, сифилис, но на первом месте — голод.

«Познакомясь со столь безнадежными выводами относительно питания большинства населения России, конечно, ни для кого не станет удивительным, что при хроническом полуголодании население не может дать здорового поколения, да и даже дав таковое, не в состоянии будет его выкормить. Поэтому П. Лохтин находит весьма естественным, что там, где даже питание народа достаточно не удовлетворяется, смертность должна производить уравнение баланса, и поэтому она уступает только Гондурасу, Фиджи и Голландской Индии, хотя по некоторым губерниям в неурожайные годы превосходит даже и эти места»[14].

Что интересно: в двадцатые годы, пока еще не сделав ничего для улучшения жизни народа, большевистское правительство сумело уменьшить детскую смертность на четверть. Как это удалось? Объяснение одно: за счет санитарного просвещения. Не было еще ни врачей, ни больниц, но были избы-читальни, и в них регулярно проводились лекции по основам гигиены. Другого объяснения просто нет...

Даже по дореволюционным исследованиям официального органа (отдела Министерства внутренних дел Российской империи) видно, насколько «передовой» была держава[15]. В исследовании приведен показатель смертности на 100 тыс. чел. по болезням: в европейских странах и отдельных самоуправляемых территориях (например, Венгрия) в составе стран. По смертности от шести основных инфекционных болезней (оспа, корь, скарлатина, дифтерия, коклюш, тиф) прочно, с колоссальным отрывом лидировала Россия.

1. Россия — 527,7 чел.
2. Венгрия — 200,6 чел.
3. Австрия — 152,4 чел.»[16].

Примерно на таком же уровне, как народная медицина, находилась и санитария.

«Согласно собранным в отчетном году данным о положении водоснабжения и удаления нечистот в городах и негородских пунктах, в коих число жителей превышает 10 тыс. чел., водопроводы общественного пользования имеются лишь в 190 из 1078 населенных пунктов; только при 58 из них устроены фильтры или иные приспособления для очищения воды. Между тем, например, в Германии в городах с населением свыше 20 тыс. жителей устроены водопроводы в 98 поселениях из 100, из городов с населением от 5 до 20 тыс. имеются водопроводы в 74 пунктах из 100. Сплавная канализация у нас существует лишь в 13 городах и устраивается в трех. В большинстве остальных поселений удаление нечистот поставлено весьма неудовлетворительно. При этом существующие устройства в некоторых городах находятся в антисанитарном состоянии. В результате обследования городов Киева, Харькова, Ростова-на-Дону и С.-Петербурга в 1907–1910 годах оказалось, что одною из причин широкого распространения эпидемий тифа и холеры было загрязнение водопровода сточными водами»[17].

А вот конкретные данные о заболеваемости холерой:

«1908 год.

Число пораженных холерой губерний и областей — 69.

Число заболевших — 30 705 чел.

Число умерших — 15 542 чел.

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших — 50,5 %.

1909 год.

Число пораженных холерой губерний и областей — 50.

Число заболевших — 22 858 чел.

Число умерших — 10 677 чел.

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших — 46,7 %.

1910 год.

Число пораженных холерой губерний и областей — 72.

Число заболевших — 230 232 чел.

Число умерших — 109 560 чел.

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших — 47,6 %»[18].

Теперь об образовании. По данным переписи 1897 года, грамотными были 17,4 % жителей России (25,2 % у мужчин

и 9,8 % у женщин). В начале XX века число умеющих читать и кое-как расписываться достигло 25 %. При этом показатели по стране отличались в разы. Так, в 1910 году в Петербурге грамотными были две трети населения, а в Пензенской губернии — 14,8 %. При этом надо понимать, что речь идет не об образовании (даже начальном), а именно о грамотности. Продолжит образование за пределами трехклассного начального училища всего 10 % школьников.

При таком положении с образованием о каком промышленном подъеме может идти речь? Страна задыхалась от недостатка образованных кадров. Иногда это обходилось очень дорого. Так, например, нехватка качественных офицеров сыграла не последнюю роль в поражении в русско-японской войне.

Россия к началу XX века представляла собой не «упоительные вечера», а клубок тяжелейших проблем. И, в довершение «радостей», там до сих пор господствовало сословное общество — да еще какое!

Сословное общество — не просто термин, а вполне конкретный тип общественного устройства. Люди от рождения принадлежали к определенному сословию, которые различались по своему правовому положению. Нюансов было множество, существенно одно: право рождения.

Отсюда уже один шаг до теорий о «сверхчеловеке» и «недочеловеке».

А европейские страны, особенно столь любезная нашей «элите» Англия, были в то время «больны» расизмом, и наши насквозь европеизированные верхи подхватили эту заразу. Вот только туземцев в России не было — но зато были низшие сословия! А ведь держава всего полвека как вынырнула из самого настоящего рабства (которое стыдливо именовалось «крепостным правом»), перейдя к крепостному праву (по той же логике именуемому «свободой»).

Стоит ли удивляться, что господствующей идеологией верхушки общества (в основном на практике, без осмысления, но иной раз появлялись и теории) стал социальный расизм.

Что это такое? Википедия сообщает: «Расизм — совокупность воззрений, в основе которых лежат положения о физической и умственной неравноценности человеческих рас и о решающем влиянии расовых различий на историю и культуру. Существует и несколько более широкое определение расизма. Так, в энциклопедии Britannica указывается, что расизм — это идеология, заявляющая о разделении людей на строго дифференцированные группы, называемые расами, о связи между унаследованными физическими чертами и чер-

тами характера, интеллектом, моралью, культурой, а также о врожденном превосходстве одних рас над другими. Осуществление расистских теорий на практике находит свое выражение в политике расовой дискриминации от ограничения каких-либо прав до физического уничтожения».

«Более широкое определение» — это как раз про Россию.

Е. Прудникова пишет: «Дело в том, что в верхушке российского общества бытовал даже не англосаксонский — если бы! — а французский сословный идеал. Верхушка роялистской Франции кое-как признавала третье сословие — буржуазию, — у которой регулярно брала деньги в долг, на прочий же народ французские дворяне смотрели как на говорящий инвентарь — за что и поплатились в 1789 году. Именно этот взгляд на низы общества переняло и офранцузившееся русское дворянство, особенно после того, как в Россию хлынули пострадавшие от революции эмигранты... Российская элита не воспринимала крестьянина как существо, подобное себе — не воспринимала на уровне подсознания...»[19]

В качестве иллюстрации можно привести не слишком известную статью Льва Толстого «О голоде», где он писал так:

«В последние 30 лет сделалось модой между наиболее заметными людьми русского общества исповедовать любовь к народу, к меньшому брату, как это принято называть. Люди эти уверяют себя и других, что они очень озабочены народом и любят его. Но все это неправда. Между людьми нашего общества и народом нет никакой любви, и не может быть.

Между людьми нашего общества — чистыми господами в крахмаленных рубашках, чиновниками, помещиками, коммерсантами, офицерами, учеными, художниками и мужиками нет никакой другой связи, кроме той, что мужики, работники, hands, как это выражают англичане, нужны нам, чтобы работать на нас.

Зачем скрывать то, что мы все знаем, что между нами, господами, и мужиками лежит пропасть? Есть господа и мужики, черный народ. Одни уважаемы, другие презираемы, и между теми и другими нет соединения. Господа никогда не женятся на мужичках, не выдают за мужиков своих дочерей, господа не общаются как знакомые с мужиками, не едят вместе, не сидят даже рядом; господа говорят рабочим ты, рабочие говорят господам вы. Одних пускают в чистые места и вперед в соборы, других не пускают и толкают в шею; одних секут, других не секут.

Это две различные касты. Хотя переход из одной в другую и возможен, но до тех пор, пока переход не совершился, раз-

деление существует самое резкое, и между господином и мужиком такая же пропасть, как между кшатрием и парием»[20].

А известный русский философ Николай Бердяев дал этому явлению и «научное» обоснование (прочитав это, становится понятным, почему большевистское правительство выслало его из страны). В труде «Философия неравенства» он писал:

«„Просветительное“ и „революционное“ сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование „белой кости“ есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт»[21].

Предлагаемая Бердяевым апология антропологического, физиологического превосходства «элиты» над «быдлом» для Советской России была, конечно же, чужда и недопустима. Не осознав того, что «элита» Российской империи относилась к народу как к чему-то среднему между рабом и скотиной, мы вообще ничего в том времени не поймем.

Мало кто из представителей высших сословий заморачивался составлением теорий, но они так жили. Таковы были и законы Российской империи. Русская верхушка впитывала презрительное отношение к народу с малолетства, вдыхала вместе с воздухом. И русский царь, стоявший на самом верху социальной пирамиды, не был исключением, да и с какой стати? Или он дышал другим воздухом? Тем более на протяжении двух веков матери русских царей были европейскими принцессами — то есть русские являлись для них еще и туземцами.

Как это все соотносится с христианством — пусть объясняют монархисты...

Глава 2. «Хозяин земли русской»

Личные качества Николая II

Николай II имел очень длинный и практически невоспроизводимый титул: «Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстлянд-

ский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкесских и Горских князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голштинский, Сторманский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая и прочая и прочая». Многие из вышеперечисленных земель были больше среднего европейского государства.

Носитель этого титула имел неограниченную личную власть в Российской империи. То есть мог по своему желанию издавать и отменять любые законы и правила, назначать и смещать любых чиновников, генералов и министров. В 1897 году на вопрос всероссийской переписи о роде занятий он ответил: «Хозяин земли русской».

Насколько хозяин соответствовал хозяйству? Каким он был? Не станем гадать, обратимся к воспоминаниям современников.

Очень интересную характеристику Николая оставил его родственник, великий князь Александр Михайлович Романов. К «кузену Ники» он относился с определенной симпатией, по крайней мере не был склонен ни лакировать, ни демонизировать своего венценосного родича.

«Будущий император Николай II рос в напряженной атмосфере вечных разговоров о заговорах и неудавшихся покушениях на жизнь его деда императора Александра II. Пятнадцати лет он присутствовал при его мученической кончине, что оставило неизгладимый след в его душе.

Николай II был мальчиком общительным и веселым. Детство его протекало в скромном Гатчинском дворце в семейной обстановке, среди природы, которую он очень любил. Его воспитатели были сухой, замкнутый генерал, швейцарец-гувернер и молодой англичанин, более всего любивший жизнь на лоне природы...

В семейной обстановке он помогал отцу строить дома из снега, рубить лес и сажать деревья, так как доктора предписали Александру III побольше движения. Разговоры велись или на тему о проказах его младшего брата Михаила, или же о моих успехах в ухаживании за его сестрой Ксенией. Все темы о по-

литике были исключены. Поэтому не было случая увеличить запас знаний. В царской семье существовало молчаливое соглашение насчет того, что царственные заботы царя не должны были нарушать мирного течения его домашнего быта. Самодержец нуждался в покое»[22].

До Александра III круг общения русских царей был очень широк. Балы, обеды, приемы, военные маневры, да и сама жизнь в центре столицы поневоле учила царских детей общению с самыми разными людьми. Перебравшись после убийства отца в охраняемую Гатчину, Александр III резко сузил круг своего общения. И если на царе это не так сказывалось, то дети росли в некоем «заколдованном» мире.

Николай получил домашнее и вроде бы серьезное образование. Сперва — расширенный гимназический курс, потом — специальный, сочетавший курсы государственного и экономического отделений юридического факультета университета и Академии Генерального штаба. Лекции читали лучшие специалисты в своей области. Но теория без примеров мертва, да и наследник, по-видимому, был просто малоспособен. По крайней мере, о его средних способностях говорили многие, а об уме и таланте... биографы, право, очень старались — но почти без результатов. А кроме того, преподаватели не имели права спрашивать своего ученика, что он понял и понял ли вообще.

«Накануне окончания образования, перед выходом в Лейб-Гусарский полк, будущий император Николай II мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его, по знанию английского языка, за настоящего англичанина, точно так же знал Николай Александрович французский и немецкий языки.

Остальные его познания сводились к разрозненным сведениям по разным отраслям, но без всякой возможности их применять в практической жизни. Воспитатель генерал внушил, что чудодейственная сила таинства миропомазания во время Св. Коронования способна была даровать будущему российскому самодержцу все необходимые познания»[23].

Это суждение подтверждается и из иных источников.

«Александра Викторовна Богданович, жена генерала от инфантерии, старосты Исаакиевского собора и хозяина одного из наиболее престижных и влиятельных салонов высшей петербургской знати Е. В. Богдановича, писала в дневнике 6 ноября 1889 года: наследник „развивается физически, но не умственно“. И даже отец Николая император Александр III отметил в 1892 году, когда наследнику было уже 24 года: „Он совсем мальчик, у него совсем детские суждения“»[24].

По настоянию отца Николай участвовал в заседаниях Государственного совета — «почетной богадельне» для отставных чиновников. Вместе с отцом путешествовал по России и предпринял даже путешествие по миру. Как русские цари перемещались по своей стране, мы расскажем несколько позже, что же касается зарубежных визитов, то он сам жаловался, что надоело осматривать пагоды. Единственное, что ему нравилось, — это служба в армии. Правда, служба в гвардейских полках сильно отличалась от армейской, особенно для принца — но все же...

Александр Михайлович пишет:

«В Николае II рано начала развиваться большая любовь к военной службе. Эта служба, как нельзя лучше, отвечала складу его характера. Он был командиром эскадрона Лейб-Гусарского полка. Два года прослужил он офицером в Гвардейской Конно-артиллерийской бригаде. Ко всем своим обязанностям относился серьезно и добросовестно. Смерть отца застала его командиром батальона Л.-Гв. Преображенского полка в чине полковника, и всю свою жизнь он остался в этом сравнительно скромном чине. Это напоминало ему его беззаботную молодость, и он никогда не выражал желания произвести себя в чин генерала. Он считал недопустимым пользоваться прерогативами своей власти для повышения себя в чинах.

Его скромность создала ему большую популярность в среде офицеров-однополчан. Он любил принимать участие в их вечерах, но разговоры офицерских собраний не могли расширить его умственного кругозора. Общество здоровых, молодых людей, постоянной темой разговоров которых были лошади, балерины и примадонны французского театра, могло быть очень приятно для полковника Романова, но будущий российский монарх в этой атмосфере мог приобрести весьма мало полезного».

Веселая жизнь гвардейского офицера пришлась наследнику по душе. Вот выдержки из дневника. «12 января 1890. Встал в 10S; я уверен, что у меня сделалась своего рода болезнь — спячка, т. к. никакими средствами добудиться меня не могут. <...> Катались на катке без Воронцовых. После закуски поехали в Александринский театр. <...> Отправились на ужин к Пете. Порядочно нализались и повеселились»[25]. Или: «31 июля 1890. Вчера выпили 125 бутылок шампанского. Был дежурным по дивизии»[26].

«Балы, лакеи, юнкера»... Ну, и красавицы тоже — как же без них! Была в Петербурге такая балерина — Матильда Кшесинская, «коллекционировавшая» Романовых. Издатель А. С. Суво-

рин писал в своем дневнике: «Наследник посещает Кшесинскую и е...т ее. Она живет у родителей, которые устраняются и притворяются, что ничего не знают. Он ездит к ним, даже не нанимает ей квартиры и ругает родителя, который держит его ребенком, хотя ему 25 лет. Очень неразговорчив, вообще сер, пьет коньяк и сидит у Кшесинских по 5–6 часов, так что очень скучает и жалуется на скуку»[27].

Все это для молодого гусарского офицера вполне естественно и заклеймению позором не подлежит. «Блажен, кто смолоду был молод». Один только нюанс: молодой повеса — сын императора, будущий хозяин огромной страны. Чем он занимался еще, кроме шампанского, балерин и присутствия на заседаниях Госсовета? Сведений нет никаких. Но, коль скоро мог позволить себе по 5–6 часов просиживать в доме любовницы, государственными делами наследник обременен не был...

Высокопоставленный чиновник того времени Владимир Гурко позднее воспроизвел в воспоминаниях слова управлявшего Морским министерством Н. М. Чихачева: «Наследник — совершенный ребенок, не имеющий ни опыта, ни знаний, ни даже склонности к изучению широких государственных вопросов. Наклонности его продолжают быть определенно детскими... Военная строевая служба — вот пока единственно, что его интересует»[28].

Конечно, Александр, могучий богатырь, мог надеяться дожить до глубокой старости, и Николай, пробыв в наследниках лет до пятидесяти, постепенно, может быть, и освоил бы науку управления государством — но ведь всякое бывает!

И «всякое» случилось. Александр III умер в 1894 году, не дожив и до пятидесяти лет. На трон вступил Николай, которого отец до последнего времени держал за «ребенка».

И опять слово Александру Михайловичу:

«Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Никки. В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что он сделался императором, и это страшное бремя власти давило его.

— Сандро, что я буду делать! — патетически воскликнул он. — Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть

царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами...

Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и сознавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание и что все мы стояли пред неизбежной катастрофой»[29].

Как видим, Николай сам понимал, что не готов править. 31 декабря 1894 года он записал в своем дневнике: «Я без страха смотрю на наступающий год — потому что для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь!».

Каким человеком был Николай? По отзывам большинства современников — прекрасно воспитанным, безукоризненно вежливым, приветливым со всеми, никогда не выходил из себя, не повышал голоса, прекрасно одевался и танцевал. Баронесса Буксгевден писала о нем: «простой в обращении, без всякой аффектации, Он имел врожденное достоинство, которое никогда не позволяло забывать, кто он. Вместе с тем Николай II имел слегка сентиментальное, очень совестливое и иногда очень простодушное мировоззрение старинного русского дворянина... Он мистически относился к своему долгу, но и был снисходителен к человеческим слабостям и обладал врожденной симпатией к простым людям — в особенности к крестьянам»[30].

Однако этот очаровательный человек в огромном количестве наживал себе врагов. Почему бы это? Сейчас поймем.

«Сам государь представлял собою своеобразный тип, — вспоминал последний пресвитер русской армии и флота, протоиерей Георгий Шавельский. — Его характер был соткан из противоположностей. Рядом с каждым положительным качеством у него как-то уживалось и совершенно обратное — отрицательное. Так, он был мягкий, добрый и незлобивый, но все знали, что он никогда не забывает нанесенной ему обиды. Он быстро привязывался к людям, но так же быстро и отворачивался от них. В одних случаях он проявлял трогательную доверчивость и откровенность, в других — удивлял своею скрытностью, подозрительностью и осторожностью. Он безгранично любил Родину, умер бы за нее, если бы увидел в этом необходимость, и в то же время как будто уж слишком дорожил он своим покоем, своими привычками, своим здоровьем и для охранения всего этого, может быть, не замечая того, жертвовал интересами государства...

Государь чрезвычайно легко поддавался влияниям и фактически всегда находился то под тем, то под другим влиянием, которому иногда отдавался почти безотчетно, под первым

впечатлением. Каждый министр после своего назначения переживал „медовый месяц“ близости к государю и неограниченного влияния на него, и тогда он бывал всесилен. Но проходило некоторое время, обаяние этого министра терялось, влияние на государя переходило в руки другого, нового счастливца, и опять же на непродолжительное время...»[31]

А наклонности императора отражались в его дневнике. Он регулярно записывал: какая была погода, как катался, развлекался, гулял и сколько и кого сегодня убил. Например, в 1904 году Николай II совершил 575 убийств: 3 лосей, 9 глухарей, 28 тетеревов, 2 рябчиков, 2 вальдшнепов, 46 куропаток, 326 фазанов, 2 кроликов, 117 зайцев-беляков, 15 зайцев-русаков, 24 ворон и одной совы. В разгар войны с Японией он пишет: «8 мая 1905 года. ...Принял морской доклад. Гулял с Дмитрием в последний раз. Убил кошку. После чая принял князя Хилкова, который только что вернулся из поездки на Дальний Восток». Или в разгар революции: «10 сентября 1905 года. <...> В 2 часа отправился на „Разведчике“ на охоту к восточным островам. Загоны были в красивых местах. Летало много тетеревей. Убил дятла. В 7 часов была всенощная».

Наклонности Николая II передались и его наследнику — цесаревичу Алексею. Как писал Георгий Светлани: «Кто-то подарил Алексею игрушечное ружье. Наследник подходил к любому, прицеливался и говорил:

— Пах!..

И если кто не падал, он закатывал страшную истерику»[32].

Видный сановник, товарищ министра внутренних дел Владимир Гурко уже в эмиграции дал развернутый портрет самодержца:

«Николай II принуждал себя заниматься государственными делами, но по существу они его не захватывали. Пафос власти ему был чужд. Доклады министров были для него тяжкой обузой. Стремление к творчеству у него отсутствовало...

Министры знали, насколько их доклады утомляли государя, и старались по возможности их сократить, а некоторые стремились даже вносить в них забавные случаи и анекдоты... Впрочем, краткости доклада министров весьма содействовала способность царя на лету с двух слов понять, в чем дело, и ему нередко случалось перебивать докладчика кратким досказом того, что последний хотел ему разъяснить.

Да, в отдельных вопросах Николай II разбирался быстро и правильно, но взаимная связь между различными отраслями управления, между отдельными принимаемыми им решениями от него ускользала.

Вообще синтез по природе был ему недоступен... Отдельные мелкие черты и факты он усваивал быстро и верно, но широкие образы и общая картина оставались как бы вне поля его зрения...

Обладал Николай II исключительной памятью. Благодаря этой памяти его осведомленность в разнообразных вопросах была изумительная. Но пользы из своей осведомленности он не извлекал. Накапливаемые из года в год разнообразнейшие сведения... совершенно не претворялись в знание, ибо координировать и сделать из них какие-либо конкретные выводы Николай II был не в состоянии...

Общепризнанная черта характера Николая II — его слабоволие было своеобразное и одностороннее.

Слабоволие это состояло в том, что он не умел властно настоять на исполнении другими лицами выраженных им желаний, иначе говоря, не обладал даром повелевать. Этим, между прочим, в большинстве случаев и обусловливалась смена им министров. Неспособный заставить своих сотрудников безоговорочно осуществлять высказываемые им мысли, он с этими сотрудниками расставался, надеясь в их преемниках встретить более послушных исполнителей своих предположений.

Однако если Николай II не умел внушить свою волю сотрудникам, то и сотрудники его не были в состоянии переубедить в чем-либо царя и навязать ему свой образ мыслей»[33].

Кстати, менял он министров тоже особым образом — и почти каждый из смененных делался врагом царя, даже не за отставку, а за то, как именно она была проведена. Действительный тайный советник, бывший член Государственного совета А. Ф. Кони, хорошо знавший жизнь государственной верхушки, писал о «жестоких испытаниях законному самолюбию и чувству собственного достоинства, наносимых им своим сотрудникам на почве самомнения или даже зависти...»[34].

И не только писал, но и примеры приводил:

«Неоднократно предав Столыпина и поставив его в беззащитное положение по отношению к явным и тайным врагам, „обожаемый монарх“ не нашел возможным быть на похоронах убитого, но зато нашел возможным прекратить дело о попустителях убийцам и сказал, предлагая премьерство Коковцову: „Надеюсь, что вы меня не будете заслонять, как Столыпин?“.

Такими примерами полно его царствование. Восьмидесятилетний Ванновский, взявший на свои трудовые плечи тяжкое дело народного просвещения в смутные годы, после ласкового и любезно встреченного доклада о преобразовании средней школы получил записку о своем увольнении. Обер-

прокурор синода Самарин, приехав на другой день после благосклонно принятого доклада в совете министров, прочел записку царя к Горемыкину, в которой стояло: „Я вчера забыл сказать Самарину, что он уволен. Потрудитесь ему сказать это“. <...> Вечером того же дня, когда утром Кауфман-Туркестанский был удостоен лобзаний и приглашения к завтраку за то, что он рассказал об опасностях, грозящих России и династии, он получил увольнение от звания, дававшего ему возможность личных свиданий с государем...»[35].

За эту особенность характера — за то, что не любил говорить неприятные для собеседника вещи прямо, а действовал все какими-то обходными путями, он и получил репутацию человека коварного и двуличного, «византийца». «Безвольный, малодушный царь», — писала все та же Богданович. «Хитрый, двуличный, трусливый государь», — это уже председатель второй Государственной думы кадет Головин. Может быть, и несправедливо заявлено — но таково было общее впечатление, и кто скажет, что незаслуженное? Если бы у вас был такой начальник — как бы вы к нему относились?

«Мягкохарактерный и потому бессильный заставить людей преклоняться перед высказанным им мнением, — пишет далее Владимир Гурко, — он, однако, отнюдь не был безвольным, а, наоборот, отличался упорным стремлением к осуществлению зародившихся у него намерений...

Насколько Николай II в конечном результате следовал лишь по путям собственных намерений, можно судить по тому, что за все свое царствование он лишь раз принял важное решение вопреки внутреннему желанию, под давлением одного из своих министров, а именно 17 октября 1905 года, при установлении народного представительства»[36].

Президент Франции с 1899-го по 1906 год Эмиль Лубе так же оценивал его характер: «Обычно видят в императоре Николае II человека доброго, великодушного, но немного слабого, беззащитного против влияний и давлений. Это глубокая ошибка. Он предан своим идеям, он защищает их с терпением и упорством, он имеет задолго продуманные планы, осуществления которых медленно достигает. Под видом робости, немного женственной, царь имеет сильную душу и мужественное сердце. Непоколебимое и верное. Он знает, куда идет и чего хочет»[37].

А вот жена императора Александра Федоровна была иного мнения. Она писала мужу: «Как легко ты можешь поколебаться и менять решения, и чего стоит заставить тебя держаться своего мнения... Как бы я желала влить свою волю в твои жилы...

Я страдаю за тебя, как за нежного, мягкосердечного ребенка, которому нужно руководство»[38].

В чем же проявлялась сильная воля царя? По сути, в одном: в отстаивании принципов самодержавной власти. Обратимся снова к воспоминаниям Владимира Гурко.

«...От воли государя зависело самовластно и единолично отменить закон и издать новый, но поступить вопреки действующему закону он права не имел. Между тем Николай II до самого конца своего царствования этого положения не признавал и неоднократно, по ничтожным поводам и притом в вопросах весьма второстепенных, нарушал установленные законы и правила, совершенно игнорируя настоятельные возражения своих докладчиков.

Видя в себе прежде всего помазанника Божьего, он почитал всякое свое решение законным и по существу правильным. „Такова моя воля", — была фраза, неоднократно слетавшая с его уст и долженствовавшая, по его представлению, прекратить всякие возражения против высказанного им предположения.

Regis voluntas suprema lex esto[39] — вот та формула, которой он был проникнут насквозь. Это было не убеждение, это была религия.

Своеобразное представление о природе и пределах власти русского царя было внушено Николаю II еще в начале века двумя лицами, известными — первый своей ограниченностью, а второй — раболепной подлостью, а именно: министром внутренних дел Д. С. Сипягиным и проникшим к тому времени ко двору кн. В. П. Мещерским. В дневнике статс-секретаря А. А. Половцова, под 12 апреля 1902 года, значится, что именно эти лица убедили государя, что „люди вообще не имеют влияния на ход человеческих событий, а что всем управляет Бог, помазанником коего является царь, который поэтому не должен ни с кем сговариваться, а следовать исключительно Божественному внушению. Если царские веления современникам не нравятся, то это не имеет значения. Результат действий, касающихся народной жизни, обнаруживается лишь в отдаленном будущем, и лишь тогда получают сами эти действия правильную оценку. Согласно сему, — добавляет хорошо осведомленный, благодаря своим обширным связям, Половцов, — государь никого больше не слушается и ни с кем не советуется". (Едва ли тридцатилетнему царю можно было внушить что-то, не согласующееся с его убеждениями. Они могли разве что придать этим убеждениям словесную форму. — *Авт.*) <...> Не на основании какой-либо системы, или вперед

начертанного плана и не в путях преследования твердо определенных целей стремился он править великой империей, а как Бог ему в каждом отдельном случае „на душу положит“»[40].

Подобные настроения всячески поддерживала и супруга. Немка, выросшая в Англии, о России она знала меньше, чем ничего, — то есть европейские сказки.

«Выходя замуж за русского царя, — пишет Владимир Гурко, — она была глубоко убеждена, что власть его, не только фактически, но и в силу действующего в России закона, беспредельна... Поэтому ни государь, ни царица особого значения законам вообще не придавали, так как были искренно убеждены, что законы обязательны лишь для подданных русского царя, но до него самого никакого касательства не имеют...

...Властная природа Александры Федоровны никогда не могла примириться с возможностью ограничения в чем-либо воли ее супруга. К этому вопросу она относилась, можно сказать, с болезненной напряженностью. Отсюда ее постоянные напоминания в письмах Государю: „Ты — самодержец, ты владыка и повелитель, ты — глава Церкви“, „Ты — самодержец — помни это“, „Как они смеют (члены Св. Синода) не исполнять твоих велений?“».

Причем сочетание самовластия и безволия были у царя самые неудачные. «Свою волю» он проявлял большей частью в мелочах. Произвести статского чиновника в военный чин, наградить орденом Св. Владимира с ленточкой Св. Георгия, отменить штраф, наложенный директором Императорских театров на балерину Кшесинскую... Были деяния и покрупнее — например, приказать открыть понравившемуся ему человеку кредит в Государственном банке. Одно из таких деяний — а именно поддержка финансовых планов некоего ротмистра Безобразова по части лесных концессий в Корее — привела к русско-японской войне. Гурко писал:

«Примечательно, что Николай II, неоднократно превышавший свою власть в отдельных частных случаях, ни разу по собственному побуждению не нарушил закона в вопросах общегосударственного значения. В этих вопросах он почти неизменно соглашался со своими докладчиками... Он расходился с министрами не на почве разногласий в понимании порядка управления той или иной отраслью государственного строя, а лишь оттого, если глава какого-нибудь ведомства проявлял чрезмерное доброжелательство к общественности, а особенно если он не хотел и не мог признать царскую власть во всех случаях безграничной.

Степень личной преданности министра государю всегда измерялась именно этим последним обстоятельством.

Вследствие этого в большинстве случаев разномыслие между царем и его министрами сводилось к тому, что министры отстаивали законность, а царь настаивал на своем всесилии. В результате сохраняли расположение государя лишь такие министры, как Н. А. Маклаков или Штюрмер, согласные для сохранения министерских портфелей на нарушение любых законов...

...Нужно отметить одно весьма любопытное явление: несмотря на свои деспотические наклонности и всегдашнее стремление использовать в полной мере казавшуюся ему неограниченной царскую власть, Николай II ни на своих отдельных сотрудников, ни на Россию в целом не производил впечатления сильного человека. Обаяния его властности никто не чувствовал.

Происходило это потому, что в личности Николая II наблюдалось странное и редкое сочетание двух, по существу, совершенно противоположных свойств характера: при своем стремлении к неограниченному личному произволу он совершенно не имел той внутренней мощи, которая покоряет людей, заставляя их беспрекословно повиноваться. Основным качеством народного вождя — властным авторитетом личности — государь не обладал вовсе. Он и сам это ощущал, ощущала инстинктивно вся страна, а тем более лица, находившиеся в непосредственных сношениях с ним»[41].

В сочетании с ограниченностью, инфантилизмом нового самодержца и его пристрастием к армейской службе это обещало для России незабываемое царствование.

Так оно и случилось.

Глава 3. Кровавое начало

«Бессмысленные мечтания», Ходынка, императорские дяди

Правление Николая началось со скандала, связанного с «бессмысленными мечтаниями». Кто только не отписался по этому поводу — от Толстого до Солженицына! Суть же предельно проста. К воцарению нового монарха земства подготовили приветственные адреса. В некоторых из них, в очень обтекаемой форме, присутствовали пожелания об участии земств в делах управления, то есть о каком-то народном представительстве. Понимать это можно было как угодно. Лев Толстой писал, что это было «право доводить до сведения царя о своих нуждах». Александр Солженицын — что они хотели

«иметь свою долю в управлении русскими делами». В общем, земства желали какого-то народного представительства.

О том, что было дальше, поведал Лев Толстой:

«Наконец, наступила торжественная минута, и все эти сотни, большей частью старые, семейные, седые, почитаемые в своей среде люди замерли в ожидании.

И вот отворилась дверь, вошел маленький, молодой человек в мундире и начал говорить, глядя в шапку, которую он держал перед собой и в которой у него была написана та речь, которую он хотел сказать. Речь заключалась в следующем.

„Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Путь все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель“.

Когда молодой царь дошел до того места речи, в котором он хотел выразить мысль о том, что он желает делать все по-своему и не хочет, чтобы никто не только не руководил им, но даже не давал советов, чувствуя, вероятно, в глубине души, что и мысль эта дурная и что форма, в которой она выражена, неприлична, он смешался и, чтобы скрыть свой конфуз, стал кричать визгливым, озлобленным голосом».

Решив (что бывало очень редко) сказать нечто неприятное прямо в лицо, Николай не мог выбрать худшего случая. Скандал грохнул грандиозный. Правда, тут же пошел слух, что в первоначальном тексте речи стояло слово «беспочвенные» — но так выходило еще хуже. Получалось, что, оговорившись, царь сказал то, что думал на самом деле.

«Прошло четыре месяца, — продолжает Толстой, — и ни царь не нашел нужным отречься от своих слов, ни общество не выразило своего осуждения его поступка... И как будто всеми решено, что так и должно быть. И депутации продолжают ездить и подличать, и царь так же принимает их подлости, как должное. Мало того, что все вошло в прежнее положение, все вступило в положение гораздо худшее, чем прежде. Необдуманный, дерзкий, мальчишеский поступок молодого царя стал совершившимся фактом; общество, все русское общество проглотило оскорбление, и оскорбивший получил право думать (если он и не думает, то чувствует), что общество этого самого и стоит, что так и надо с ним обращаться, и теперь

он может попробовать еще высшую меру дерзости и оскорбления и унижения общества...

В газетах иностранных („Times“, „Daily News“ и др.) были статьи о том, что для всякого другого народа, кроме русского, такая речь государя была бы оскорбительна, но нам, англичанам, судить об этом с своей точки зрения нельзя: русские любят это и им нужно это.

Прошло четыре месяца, и в известных, так называемых высших кругах русского общества установилось мнение, что молодой царь поступил прекрасно, так, как должно было поступить. „Молодец Ники, — говорят про него его бесчисленные кузены, — молодец Ники, так их и надо“.

И течение жизни, и управление пошло не только по-старому, но хуже, чем по-старому; те же ссылки без суда; те же отнятия детей у родителей; те же виселицы, каторги, казни; та же нелепая до комизма цензура, запрещающая все, что вздумается цензору или его начальнику; те же одурение и развращение народа.

Положение дел ведь такое: существует огромное государство с населением свыше 100 миллионов людей, и государство это управляемо одним человеком. И человек этот назначается случайно, не то что избирается из самых лучших и опытных людей наиболее опытный и способный управлять, а назначается тот, который прежде родился у того человека, который прежде управлял государством. А так как тот, который прежде управлял государством, тоже назначался случайно по первородству, точно так же, как и его предшественник, — и только родоначальник их всех был властителем, потому что достиг власти или избранием, или выдающимися дарованиями, или, как это бывало большей частью, тем, что не останавливался ни перед какими обманами и злодеяниями, — то выходит, что становится управителем стомиллионного народа не человек, способный к этому, а внук или потомок того человека, который выдающимися способностями или злодеяниями, или и тем и другим вместе, как это чаще всего бывало, достиг власти, — хотя бы этот потомок не имел ни малейших способностей управлять, а был бы самым глупым и дрянным человеком. Положение это, если прямо посмотреть на него, представляется действительно бессмысленным мечтанием.

Ни один разумный человек не сядет в экипаж, если не знает, что кучер умеет править, и в поезд железной дороги, если машинист не умеет ездить, а только сын кучера или машиниста, который когда-то, по мнению некоторых, умел ездить; и тем менее не поедет в море на пароходе с капитаном, права которого на управление кораблем состоят только в том, что он —

внучатный племянник человека, который когда-то управлял кораблем. Ни один разумный человек не вверит себя и свою семью в руки таких кучеров, машинистов, капитанов, а все мы живем в государстве, которое управляется, и неограниченно, такими сыновьями и внучатными племянниками не только не хороших правителей, но на деле показавших свою неспособность к управлению людей...

Считается и предполагается, что правит делами государства царь; но ведь это только считается и предполагается: править делами государства один царь не может, потому что дела эти слишком сложны, он может только сделать все то, что ему вздумается по отношению тех дел, которые дойдут до него, и может назначать себе помощниками тех, кого ему вздумается; а править делами он не может потому, что это совершенно невозможно для одного человека. Правят действительно: министры, члены разных советов, директоры и всякого рода начальники. Попадают же в эти министры и начальники люди никак не по достоинствам, а по проискам, интригам, большей частью женским, по связям, родству, угодливости и случайности»[42].

В общем, едва приступив к власти, молодой царь сумел многих обидеть. Правда, народ тут совершенно ни при чем. Народ обижался на другое. Земства, конечно, были выборным органом, но там существовал такой имущественный и сословный ценз, что по факту в них присутствовали только дворяне, землевладельцы да верхушка буржуазии. Им действительно хотелось парламента. Несколько позже они его получили. Ничего путного из этой затеи не вышло, так что, по сути, царь был прав. Другое дело, что можно было бы не выражать свои взгляды в такой оскорбительной форме — но молодому человеку, воспитанному в понятиях «царского служения», идеи парламентаризма казались даже не оскорбительными, а богохульными. Он — помазанник, а депутаты кто такие?

Снова слово Александру Михайловичу:

«Стройный юноша, ростом в пять футов и семь дюймов, Николай II правил первые десять лет своего царствования, сидя за громадным письменным столом в своем кабинете и слушая с чувством, скорее всего, приближающимся к ужасу, советы и указания своих дядей. Он боялся оставаться наедине с ними. В присутствии посторонних его мнения принимались дядями за приказания, но стоило племяннику и дядям остаться с глазу на глаз, их старшинство давало себя чувствовать, а потому последний царь всея Руси глубоко вздыхал, когда во время утреннего приема высших сановников империи ему извещали о приходе с докладом одного из его дядей.

Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич воображал себя великим полководцем. Алексей Александрович повелевал морями. Сергей Александрович хотел бы превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину. Владимир Александрович стоял на страже искусств.

Все они имели каждый своих любимцев среди генералов и адмиралов, которых надо было производить и повышать вне очереди, своих балерин, которые желали бы устроить „русский сезон“ в Париже, своих удивительных миссионеров, жаждущих спасти душу императора, своих чудодейственных медиков, просящих аудиенции, своих ясновидящих старцев, посланных свыше... и т. д.».

В подкрепление своих слов великий князь приводит очаровательный диалог с царем, красноречиво рисующий методы его управления.

«Как часто, когда я спорил о полной реорганизации флота, которым управлял дядя Алексей, согласно традициям XVIII века, я видел, как государь в отчаянии пожимал плечами и говорил монотонно:

— Я знаю, что ему это не понравится. Говорю тебе, Сандро, что он этого не потерпит.

— В таком случае, Никки, ты заставишь его это потерпеть. Это твой долг пред Россией.

— Но что я могу с ним сделать?

— Ты ведь царь, Никки. Ты можешь поступить так, как это необходимо для защиты наших национальных интересов.

— Все это так, но я знаю дядю Алексея. Он будет вне себя. Я уверен, что все во дворце услышат его крик.

— В этом я не сомневаюсь, но тем лучше. Тогда у тебя будет прекрасный повод уволить его немедленно в отставку и отказать ему в дальнейших аудиенциях.

— Как я могу уволить дядю Алешу? Любимого брата моего отца! Знаешь что, Сандро, я думаю, что с моими дядями у меня все обойдется, но за время твоего пребывания в Америке ты сам стал большим либералом».

Ситуация тем более прелестна, что адмирал русского флота, великий князь Алексей Александрович — путешественник, гурман, дамский угодник, светский человек — был равнодушен, кажется, к одной лишь вещи на земле — к вверенному его попечению флоту. Причем нисколько этого не скрывал.

Семейка была, надо сказать, колоритная. По российским законам Романовы были неподсудны, при этом большей частью несли государственную службу. Надо сказать, что иные несли ее достойно. Но не все.

Характеризуя своих родственников, Александр Михайлович пишет:

«Великий князь Владимир Александрович... обладал несомненным художественным талантом. Он рисовал, интересовался балетом и первый финансировал заграничные балетные турне С. Дягилева. Собирал старинные иконы, посещал два раза в год Париж и очень любил давать сложные приемы в своем изумительном дворце в Царском Селе. Будучи по натуре очень добрым, он по причине некоторой экстравагантности характера мог произвести впечатление человека недоступного... С ним нельзя было говорить на другие темы, кроме искусства, или тонкостей французской кухни... Он занимал, сообразно своему происхождению и возрасту, ответственный пост командира Гвардейского корпуса, хотя исполнение этих обязанностей и являлось для него большой помехой в его любви к искусству.

Великий князь Алексей Александрович пользовался репутацией самого красивого члена императорской семьи... Светский человек с головы до ног... Алексей Александрович много путешествовал. Одна мысль о возможности провести год вдали от Парижа заставила бы его подать в отставку. Но он состоял на государственной службе и занимал должность не более не менее как адмирала Российского Императорского флота. Трудно было себе представить более скромные познания, которые были по морским делам у этого адмирала могущественной державы...

Великий князь Сергей Александрович сыграл роковую роль в падении империи и был отчасти ответствен за катастрофу во время празднования коронации Николая II на Ходынском поле в 1896 году. При всем желании отыскать хотя бы одну положительную черту в его характере я не могу ее найти. Будучи очень посредственным офицером, он тем не менее командовал Л.-Гв. Преображенским полком — самым блестящим полком гвардейской пехоты. Совершенно невежественный в вопросах внутреннего управления, великий князь Сергей был тем не менее московским генерал-губернатором — пост, который мог бы быть вверен лишь государственному деятелю очень большого опыта. Упрямый, дерзкий, неприятный, он бравировал своими недостатками, точно бросая в лицо всем вызов и давая, таким образом, врагам богатую пищу для клеветы и злословия»[43].

Все трое сослужили своему племяннику великую службу. Сергей Александрович «облагодетельствовал» его Ходынкой, Владимир Александрович — Кровавым воскресеньем, Алексей Александрович — Цусимой.

Дяди были не единственными родственниками, точно знавшими, как надо управлять государством. К ним прибавлялись еще многочисленные кузены и прочие члены императорского дома. (Александр Михайлович тоже постоянно описывает, как давал монарху советы, а тот не внимал.)

Нетрудно понять, что мысль прибавить к августейшему семейству, министрам, губернаторам и прочая еще и народное представительство ввергла царя в состояние истерики. Однако и «обществу», буквально помешанному к тому времени на парламентаризме, было обидно: составлять экономическую основу страны, платить налоги и не иметь ни малейшего влияния на государственную политику. Так что поссорились они всерьез. С тех пор «общество» и подконтрольная ему пресса пользовались любым случаем, чтобы «куснуть» самодержавие. Фрондеров, конечно, преследовали, но в целом это напоминало сказку о войне медведя с комарами. Вскоре дело дошло до того, что человек не мог быть принят в «образованном обществе», если он не выражал антимонархических настроений.

Второй после «бессмысленных мечтаний» «звоночек» можно отнести к разряду мистических предзнаменований! Правда, в основе «мистики» лежало банальное разгильдяйство, которое развел в своем ведомстве очередной царский дядя, генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович.

На тогдашней окраине Москвы находилось Ходынское поле — место народных гуляний и войсковых учений. Там и решили устроить коронационные торжества «для народа», сопряженные с раздачей подарков. Рядом с полем проходил овраг, на нем самом было множество канав и ям, кое-как заделанных досками. В общем, территорию не подготовили, охрану не обеспечили. Прослышав о подарках, на поле еще с вечера 17 мая 1896 года собралась колоссальная толпа — около 500 тысяч человек. Около 5 утра 18 мая пронесся слух, что подарков не хватит. Возникла давка, жертвами которой стали почти 1400 человек.

Само по себе мрачное событие усугубилось реакцией властей. Поле спешно расчистили, трупы убрали. К середине дня там уже играла музыка, вовсю шли народные гуляния (не все же москвичи участвовали в ночной давке!). Император побывал на Ходынском поле, выслушал громовое «ура!» и пение гимна, а вечером посетил бал у французского посла.

Пытаясь оправдать монарха, фрейлина императрицы Александры Федоровны Вера Клейнмихель писала: «Французский посол умолял ввиду страшных расходов согласиться хотя бы просто на раут. Государя, не без большого труда, умолили появиться с императрицей, хотя бы ненадолго, на рауте... На госу-

даре, что называется, лица не было. Он весь осунулся, был бледен как полотно. В молчании они прошли по залам, кланяясь собравшимся. Затем прошли в гостиную маркизы Монтебелло и очень скоро отбыли во дворец. Французы были в отчаянии, но, кажется, и они поняли, что требовать большего... было невозможно»[44].

Однако, согласно воспоминаниям, императорская чета не прошла по залам, а открыла бал танцем. Впрочем, и сам император в дневнике пишет: «До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки, наперла на постройки и тут произошла страшная давка, причем, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек!! Я об этом узнал в 10S ч. перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия... В 12S завтракали и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствование при этом печальном „народном празднике". Собственно, там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и „Славься". Переехали к Петровскому, где у ворот приняли несколько депутаций, и затем вошли во двор. Здесь был накрыт обед под четырьмя палатками для всех волостных старшин. Пришлось сказать им речь, а потом и собравшимся предводителям двор. Обойдя столы, уехали в Кремль. Обедали у Мама в 8 ч. Поехали на бал к Montebello. Было очень красиво устроено, но жара стояла невыносимая. После ужина уехали в 2 ч.».

Так что, как видим, императорская чета осталась и на бал, и на ужин.

Старшая сестра императора, великая княгиня Ксения Александровна, писала о том же бале: «Конечно, мы были расстроены и совсем не в подобающем расположении духа! Ники и Аликс хотели уехать через полчаса, но милые дядюшки (Сергей и Владимир) умоляли их остаться, сказав, что это только сентиментальность („поменьше сентиментальности!") и сделали скверное впечатление!»[45].

Дяди, дяди... снова дяди!

Александр Михайлович писал: «Вечером император Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка»[46].

Улыбавшийся на балу великий князь Сергей Александрович, как московский генерал-губернатор, нес ответственность за происшедшее. Был ли он хоть как-то наказан — вопрос, конечно, нелепый: не привлекать же к ответственности родного

дядю! За кровавый бардак были уволены несколько второстепенных чиновников.

В народе Ходынку сочли за очень скверное предзнаменование — и были правы. Что бы ни делал новый царь — все оборачивалось против него и против России.

Глава 4. Небожитель

Религиозность и жандармский плен императора

Царь был не только красив и отменно воспитан, но и безукоризненно религиозен. Что же касается царицы, то, переехав в Россию, эта воспитанная в английском протестантизме немка ударилась в православие со всем неофитским пылом.

Владимир Гурко писал: «В Александре Федоровне глубокая религиозность проявлялась с молодости, наружно выражаясь, между прочим, в том, что она долгие часы простаивала на коленях на молитве.

Побуждаемая той же религиозностью, она восприняла перед вступлением в брак православие всем своим существом. Последнее оказалось для нее задачей не трудной; в православии она нашла обильную пищу для своей природной склонности к таинственному и чудесному. Она... пропитала православием все свое существо, притом православием приблизительно XVI века. Обрела она глубокую веру не только во все догматы православия, но и во всю его обрядовую сторону. В частности, прониклась она глубокой верой в почитаемых православной церковью святых. Она усердно ставит свечи перед их изображениями и, наконец, и это самое главное, — проникается верой в „божьих людей“ — отшельников, схимников, юродивых и прорицателей...

Одновременно она углубляется в чтение творений отцов церкви. Творения эти были ее настольными книгами до такой степени, что рядом с кушеткой, на которой она проводила большую часть времени, стояла этажерка, заключавшая множество книг религиозного содержания, причем книги эти в большинстве были не только русские, но и написанные на славянском языке, который государыня научилась вполне свободно понимать.

Любимым ее занятием, наподобие русских цариц допетровского периода, стало вышивание воздухов и других принадлежностей церковного обихода...»[47]

Сочетание народной веры в «божьих людей» с изучением высокого богословия и само-то по себе гремучая смесь, а уж замешанная на религиозной экзальтации и неофитском

пыле... Трудно сказать, насколько религиозен был сам Николай и какова именно была его религиозность. По церковным вопросам он с женой не спорил — то ли разделял ее воззрения, то ли просто отмалчивался.

Естественно, в стране находились люди, которые боготворили царскую чету. Одним из таких являлся известный церковный писатель Сергей Нилус. «Сергей Нилус оставил описание своих ощущений от первой встречи с государем, происшедшей 5 мая 1904 года на перроне Мценского вокзала, где собралась депутация местного дворянства, чтобы приветствовать Боговенчанного Помазанника, следовавшего через Мценск в сторону Орла, Курска и далее к другим городам юга России для преподания монаршего благословения войскам, отправлявшимся на войну с Японией. На платформе Нилус находился рядом с участником Севастопольской обороны Хитрово. Ветеран стоял в парадной военной форме и при орденах. Государь, заметив доблестного защитника Отечества, подошел к нему и стал ласково расспрашивать о прежней службе.

Оказавшись невольным свидетелем этого диалога, С. Нилус впоследствии написал: „Тут я имел радость, более того, восторг видеть глаза и взгляд Государя. Передать выражения ни словами, ни кистью невозможно. Это был взгляд Ангела-небожителя, а не смертного человека. И радостно, до слезного умиления радостно было смотреть на него, и любоваться им страшно, страшно от сознания своей греховности с близким соприкосновением с небесной чистотой“»[48].

Царь был прекрасен в глазах экзальтированных православных монархистов — и неудивительно. На сайте «Православная беседа» в разделе «Материалы, связанные с вопросом о канонизации царской семьи» говорится:

«Последний император России относился к Православной церкви с сыновней заботой. За время его царствования число приходских церквей в России увеличилось более чем на 10 тысяч, открыто было более 250 новых монастырей. Император сам участвовал в закладке и освящении новых храмов, жертвовал на их созидание личные средства. Государь часто посещал святые места, глубоко и искренне почитал святых угодников. В последнее царствование канонизовано было больше святых, чем за два столетия правления его предшественников, от Петра I до Александра III. При предшественниках Николая II, начиная с Петра Великого, канонизованы были святители Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Тихон Задонский, Митрофаний Воронежский и преподобный Феодосий Тотемский, а за годы последнего царствования к лику святых были причислены святитель Феодосий Углицкий (в

1896 году), преподобный Серафим Саровский (в 1903 году), святая благоверная княгиня Анна Кашинская (восстановление почитания в 1909 году), святители Иоасаф Белгородский (в 1911 году), Гермоген Московский (в 1913 году), Питирим Тамбовский (в 1914 году), Иоанн Тобольский (в 1916 году). При этом император вынужден был проявить особую настойчивость, добиваясь канонизации преподобного Серафима Саровского, святителей Иоасафа Белгородского и Иоанна Тобольского. Ему пришлось столкнуться с возражениями некоторых членов Святейшего Синода»[49].

Тем не менее большинство иерархов (и не только) с восторгом встретили отречение Николая. Приветственные телеграммы Временному правительству от представителей церкви сыпались, как из рога изобилия. На первом же заседании Священного Синода из зала торжественно вынесли царский трон. А какие статьи писали тогдашние иерархи — многие из которых тоже потом будут прославлены, но не как страстотерпцы, а как новомученики!

Петербургский историк Клим Жуков приводит примеры статей, которые писали церковные иерархи весной 1917 года.

Епископ Переяславский Иннокентий (Фигуровский): «Как мы все искренне радовались и торжествовали, когда низвергнут был Богом с престола безвольный, подпавший под власть хлыстов император...»

Епископ Александровский Михаил (Космодемьянский): «Я не стану подробно останавливаться на таком, например, поразительном совпадении, что выступлению династии Романовых на арену жизни Русского государства предшествовал Гришка Отрепьев, тело которого было потом сожжено, и прах его выстрелили из пушки, а свержению той же династии способствовал своим позорным фаворитством не менее позорный другой Гришка — Распутин, тело которого тоже сожжено. Согласитесь, однако, что это не простое только случайное совпадение. В природе русской и в жизни русской — государственной, политической, общественной, национальной, вероисповедной, правовой — идет полное и всестороннее воскресение человека навстречу ныне празднуемому нами Воскресению Христову, дарующему нам свободу духа и с нею живот вечный. Это ли не поразительное провиденциальное совпадение? Христос воскресе! Воскрес Христос, и пали рабские дьявольские цепи, пал самодержавный строй, деспотический режим, и обрушились путы, которыми окована была вся жизнь человека от утробы матери и до могильной гробовой доски».

Итак, свержение самодержавия в глазах православного иерарха — это пасха, ни больше ни меньше! Великий праздник!

Епископ Досифей (Протопопов), Саратовская губерния: «Все слои русского народа давным-давно всей душой и сердцем были на стороне Государственной Думы, которая вступила в героическую борьбу с безответственными темными силами старого правительства, с его бесправием, угнетением и коварной изменой русскому народу и русскому делу. Душа русского человека исстрадалась за время правления старой бюрократической власти, крепко цеплявшейся за свои права, преимущества личной выгоды, но в конце концов приведшей нашу страну на край гибели. Целое море русской крови пролито благодаря темным силам старого правительства, действовавшего с наглостью и коварством. Да будет священна кровь народных мучеников!».

А кто хозяин старому правительству? Разве не тот, кто был всей русской земле хозяином?

Епископ Омский и Павлодарский Сильвестр (будущий священномученик):

«Неустранимый ход жизни вынудил императора Николая II отказаться от престола, что он исполнил за себя и за наследного сына 2 марта сего 1917 года. Так совершился суд Божий над бывшим нашим царем Николаем II, как в древности над Саулом»[50].

Нынешние поклонники Николая II, не утруждая себя размышлениями, обвиняют тогдашнее священноначалие в предательстве, в лучшем случае — в лакейской готовности приветствовать любую власть. Однако те же люди несколько месяцев спустя не приняли большевиков и стояли в этом неприятии до изгнания или же до смерти. Значит, не все так просто.

В чем же дело? А дело в том, что у русской церкви была мощнейшая причина сильно не любить русских царей. За двести лет до описываемых событий Петр Первый решил старый спор государства и церкви о власти (и отчасти о деньгах) по-европейски. Наглядевшись в Европе на протестантов, он решил, по примеру Англии, сам стать во главе церкви. Петр упразднил патриарха и подчинил церковь Святейшему Синоду, а последний — обер-прокурору, императорскому чиновнику. Чиновники эти бывали очень разными. Одни ограничивались тем, что выполняли царскую волю, другие пытались проводить церковные реформы. В 1767 году Иван Мелиссино предложил упразднить некоторые обряды, уничтожить посты. Будь это при Петре — неизвестно, чем бы дело кончилось, но Екатерина хода реформам не дала и обер-прокурора уволила. Преемник Мелиссино Петр Чебышев вообще объя-

вил, что он атеист, однако просидел в должности шесть лет, оставив по себе недостачу в 10 тысяч рублей. Алексей Мусин-Пушкин делил синодальные обязанности с куда больше привлекавшими его постами действительного члена Императорской Российской академии и президента Академии художеств. Николай Протасов сделал из синода уже совершенное «министерство благочестия», полностью подчинив его государству. Нравилось ли такое положение иерархам — вопрос риторический. И вот наконец впервые за двести лет они смогли высказаться, и оказалось — если бы современные монархисты хоть немного интересовались историей, они были бы бесконечно потрясены! — что русская церковь вовсе не считает романовскую самодержавную монархию не то что абсолютной ценностью, но и вообще приемлемым для России строем.

Пантелеймон, епископ Двинский, все в том же 1917 году писал: «Враги православия стараются убедить, будто старые порядки и старая власть были благоприятны для церкви и духовенства. Но это неверно, они никогда не были благоприятны. Старое правительство в упоении своей властью не считалось ни с постановлениями святых отцов, ни с епископской благодатью, а грубо господствовало над высшим духовенством, обращая церковь в служанку для своего возвеличивания и тщеславия. С этой целью старая власть не допускала, чтобы епископы Православной церкви собирались бы для свободного управления делами церкви. Со стороны могло показаться, что у епископов полнота власти, что они все могут, а на самом деле им представлялась одна только видимость в церковном управлении. Все дела церковные решались светскими чиновниками, иногда маловерующими или даже просто еретиками, которые глумились над архиереями. Грех против церкви есть самый главный грех старой власти, и, пожалуй, он больше всего и привел прежнее правительство к погибели, а теперь продолжает быть причиной многих настоящих и грядущих бедствий»[51].

Наконец, еще один будущий священномученик, епископ Уфимский и Мензелинский Андрей в статье с характерным названием «Нравственный смысл современных великих событий» писал:

«Самодержавие русских царей выродилось сначала в самовластие, а потом в явное своевластие, превосходившее все вероятия. ...Самодержавие не охраняло чистоты православия и народной совести, а держало святую церковь на положении наемного слуги. Церковь обратилась сначала в ведомство православного исповедания, а потом просто в победоносцевское ведомство. Это доставляло тяжкую скорбь людям серьезным

и верующим, а легкомысленным и скалозубам давало много пищи для издевательства над святостью церкви.

Но за последние три года церковь подверглась явному глумлению. Она была почти официально заменена разными пройдохами, ханжами, старцами-шантажистами и т. п. С голосом церкви не только не считались, но явно им пренебрегали. Этого мало: была сделана попытка ввести в иерархию лиц определенно предосудительного поведения.

И вот рухнула власть, отвернувшаяся от церкви. Свершился суд Божий. ...»[52].

Чем же государь император уел (другого слова и не подберешь) обычно выдержанных православных иерархов? Да все по мелочам, как Гурко говорил. Был, например, такой монах Илиодор, приятель Распутина, персонаж в высшей степени колоритный — то произносил черносотенные речи, то изгонял бесов из припадочных, то критиковал губернатора, то основывал монастырь. В общем, развлекался как хотел, повелениям Священного Синода демонстративно не подчинялся, а отмены их добивался через царскую семью. Так все и тянулось, пока в 1912 году Илиодор не расстригся и не отрекся от православия, подставив своих благодетелей.

Или, например, Николай предписал канонизировать Иоанна Максимовича, епископа Тобольского. Не то чтобы святитель был человеком недостойным, но решать вопросы канонизации — прерогатива духовной власти, а не гвардейского полковника, пусть и с короной на голове.

С другой стороны, в вопросах важных царь, как обычно, тянул, отмалчивался и не принимал никакого решения. С 1905 года шли разговоры о восстановлении патриаршества, но дело у «заботливого сына церкви» так и кончилось ничем. После отречения же вопрос был решен за девять месяцев.

Ну, и Распутин, конечно... Епископ Саратовский Гермоген за попытки добиться удаления от двора Распутина был уволен на покой. Будущий священномученик Владимир, митрополит Петроградский, после беседы с царем на ту же тему был переведен в Киев.

Стоит ли удивляться, что церковь приветствовала отречение царя?

Распутин, безусловно, сыграл роковую роль в судьбе Романовых. Этого колоритного мужика использовали против династии, как торпеду против броненосца. Но он лечил наследника! По многим свидетельствам, семья для Николая была превыше всего, и семьянин он действительно был образцовый. По-человечески его очень даже можно понять, но...

Многие из окружения царя буквально умоляли Николая удалить Распутина или хотя бы ввести его в какие-то рамки — и сами же за это поплатились. Как отмечено в «материалах о канонизации», «советы епископа Гермогена и свщмч. митрополита Владимира, как и некоторых государственных сановников, удалить Распутина от дворца могли болезненно восприниматься государем и потому, что положение Распутина не представлялось ему имеющим важное государственное или придворное значение, и отношения царской четы с ним казались ему частным, семейным делом». Но это едва ли. Николай не был глуп и не мог не понимать, что история со «старцем» давно переросла частные рамки. Скорее уж он в очередной раз посчитал, что «такова его воля», которую никто не вправе критиковать.

И здесь опять же сыграло свою роль своеобразие личности Николая. «Необходимо отметить еще одну чрезвычайно характерную, объясняющую многое, черту в характере государя, — писал прот. Георгий Шавельский, — это его оптимизм, соединенный с каким-то фаталистическим спокойствием и беззаботностью в отношении будущего, с почти безразличным и равнодушным переживанием худого настоящего, в котором за время его царствования не бывало недостатка. Кому приходилось бывать с докладами у государя, тот знает, как он охотно выслушивал речь докладчика, пока она касалась светлых, обещавших успехи сторон дела, и как сразу менялось настроение государя, ослабевало его внимание, начинала проявляться нетерпеливость, а иногда просто обрывался доклад, как только докладчик касался отрицательных сторон, могущих повлечь печальные последствия... Таково же было отношение государя и к событиям. Радостные события государь охотно переживал вместе с окружавшими его, а печальные события как будто лишь на несколько минут огорчали его...

В этой особенности государева характера было, несомненно, нечто патологическое. Но, с другой стороны, несомненно и то, что сложилась она не без сознательного упражнения. Государь однажды сказал министру иностранных дел С. Д. Сазонову:

— Я... стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу...

Кто хотел бы заботиться исключительно о сохранении своего здоровья и безмятежного покоя, для того такой характер не оставлял желать ничего лучшего; но в государе, на плечах которого лежало величайшее бремя управления 180-миллионным народом в беспримерное по сложности время, подобное настроение являлось зловещим»[53].

И еще одно обстоятельство сыграло роковую роль в правлении последнего самодержца. Нельзя сказать, что царь не любил простых людей. Нет, он был преисполнен к ним симпатии, насколько это было возможно в обстановке социального расизма, и был уверен, что народ любит своего государя. Вот только что он знал о простых людях, если окружение, а особенно российская бюрократия, старалось, чтобы ничто не оскорбило взор «небожителя»?

При поездках Николая II иной раз сооружались целые «потемкинские деревни» — в прямом смысле. «С одной станции царю приходилось 70 верст проехать на лошадях. По этому пути все изменяли и прикрашивали, чтобы царь не видел того, что есть; чтобы он не заметил, что настоящая русская деревня похожа скорее на большую навозную кучу, чем на селение людей; что на полях нет того обилия плодов и того благополучия, о которых министры ему говорят в своих отчетах.

Вдоль всей дороги посадили березок, дороги выровняли и посыпали песком, крестьянским бабам приказывали выполоть вдоль всего пути сорные травы. Дома, мимо которых проезжал царь, велели покрыть тесом и даже железом; уездным предводителям дворянства поручили набрать среди крестьян 20 000 человек-добровольцев, которые стояли шпалерами вдоль всего пути»[54].

Самодержец был отделен от народа плотной стеной жандармов. При этом меры охраны принимались исключительные. Вот совершенно дивный документ — тайный циркуляр нижегородского губернатора Унтербергера «Меры охраны, подлежащие к принятию в селениях по пути Высочайшего следования от г. Арзамаса в Саровскую пустынь и Дивеевский монастырь и обратно через с. Глухово в Арзамас».

«1. Все строения, жилые и холодные, находящиеся на самом пути, так равно и на расстоянии десяти саженей в обе стороны от дороги, за двое суток до проезда тщательно осматриваются комиссией, состоящей из полицейского и жандармского (где таковые есть) офицера, местного сельского старосты и при участии двух понятых. Председателем в комиссии является старший в чине офицер. Те строения, в которых нет особой надобности для хозяев, опечатываются ею, чтобы убедится в целости их.

Примечание. Если впоследствии хозяевам встретилась бы особая надобность войти в опечатанное строение, то это может быть сделано в присутствии той же комиссии, и после этого строение вновь опечатывается.

2. В упомянутых выше строениях, после осмотра, никто из посторонних, к семье хозяина не принадлежащих, оставаться не может впредь до того времени, пока охрана не будет снята.

3. За сутки до проезда в каждый дом, находящийся по пути следования, помещаются два охранника, которые следят, чтобы никто из посторонних в дом и во двор не входил.

4. За четыре часа до проезда помещаются с задней стороны домов, лежащих по пути, охранники, стражники или воинские чины, по мере надобности, которые следят за тем, чтобы на дорогу, по которой имеет быть проезд, никто не выходил.

5. Все выходящие на улицы окна или отверстия на чердаках заколачиваются.

6. Полицией и сельскими властями устанавливается строгий надзор за всеми живущими в селениях и за тем, что вообще происходит в селениях. За двое суток до Высочайшего проезда селение должно быть очищено от всех неизвестных лиц.

7. С раннего утра дня Высочайшего проезда в попутных селениях все собаки должны быть на привязи и находящийся в селении скот загнан».

Приведший этот документ известный государственный и общественный деятель Сергей Урусов комментирует его:

«Это только один из перлов охранной литературы. Все они свидетельствуют о том, что для безопасности возлюбленного монарха все находящиеся на пути его свободные люди должны быть на привязи подобно собакам или, вместе со скотом, „загнаны“. Большей любви, привязанности и доверия к своему народу нельзя проявить!»[55]

Естественно, крестьяне, толпами приветствовавшие царя, тоже были отобраны, отмыты, принаряжены, а за ними стояли добротные дома на обсаженных березками улицах. Так что симпатизировал Николай не народу, а образу, сложившемуся в его голове из сказок, нравоучительных книг и тому подобных источников. Нет свидетельств, что он хотя бы солдат в полку расспрашивал о прежней жизни.

И это несмотря на то, что подлинным «призванием» и любовью Николая была военная служба. Даже став царем, он не изменил некоторым привычкам. Любимой компанией царя была кампания гвардейских офицеров, лишь в ней он отдыхал душой. Военный министр (1905–1909) граф Редигер вспоминал: «До начала доклада государь всегда говорил о чем-либо постороннем; если не было иной темы, то о погоде, о своей прогулке, о пробной порции, которая ему ежедневно подавалась перед докладами, то из Конвоя, то из Сводного полка. Он очень любил эти варки и однажды сказал мне, что только что пробовал перловый суп, какого не может добиться у себя:

Кюба (его повар) говорит, что такого навара можно добиться, только готовя на сотню людей...

Докладывать приходилось множество пустяков, например, о всех назначениях и увольнениях полковых командиров и старших начальников... О назначении старших начальников государь считал своим долгом знать. У него была удивительная память. Он знал массу лиц, служивших в Гвардии или почему-либо им виденных, помнил боевые подвиги отдельных лиц и войсковых частей, знал части, бунтовавшие и оставшиеся верными во время беспорядков, знал номер и название каждого полка, состав каждой дивизии и корпуса, места расположения многих частей...

Он мне говорил, что в редких случаях бессонницы он начинает перечислять в памяти полки по порядку номеров и обыкновенно засыпает, дойдя до резервных частей, которые знает не так твердо»[56].

Правление Николая II отмечено двумя внешними войнами — ни первая, ни вторая не принесли славы русскому оружию — и одной внутренней. Эта завершилась победоносно, поскольку противник был не вооружен и не обучен, но славу принесла настолько специфическую...

Глава 5. «Кровавые воскресенья»

Условия жизни рабочих и 9 января 1905 года

Плохо в России живется.
В банках, в торговле застой.
Рушатся старые фирмы,
Тают, как льдины весной...
В кризисе общем лишь только
Два предприятья цветут,
И небывалую прибыль
Эти два дела дают.
Чтобы не быть голословным,
Я укажу на пример:
Спрос на веревки — бесспорен,
Спрос на гробы — выше мер.

В.Курицын. 1906 год

При всех своих милейших человеческих качествах почему-то на протяжении всего своего царствования Николай II находился в состоянии войны с населением Российской империи. Почему бы это? Попробуем разобраться, проанализировав события 9 января 1905 года.

У нас любят говорить (кстати, с аргументами и доказательствами в руках), что рабочие при царе жили куда лучше, чем при социализме. Да, так оно и было: имели квартиры, посещали театры и выставки, учили детей в гимназиях. Вот только касалось это тончайшего слоя квалифицированных рабочих — «рабочей аристократии». Жизнь остальных была беспросветна.

Е. Прудникова пишет:

«...Среди моих домашних „ужастиков“ не последнее место занимает исследование К. А. Пажитнова „Положение рабочего класса в России“, 1908 года выпуска, которое, в свою очередь, содержит анализ многочисленных отчетов фабричных инспекторов и прочих исследователей и проверяющих. Чтение, надо сказать, не для слабонервных.

Одной из главных приманок (точнее, лозунгов. — *Прим. ред.*) большевиков был лозунг восьмичасового рабочего дня. Каким же он был до революции?

На фабриках и заводах с посменной работой естественным и самым распространенным был 12-часовой рабочий день... На более мелких кустарных заводишках, где не было посменной работы, хозяева эксплуатировали рабочих кто во что горазд. Так, по данным исследователя Янжула, изучавшего Московскую губернию, на 55 из обследованных фабрик рабочий день был 12 часов, на 48 — от 12 до 13 часов, на 34 — от 13 до 14 часов, на 9 — от 14 до 15 часов, на двух — 15,5 часов и на трех — 18 часов.

„Рогожники г. Рославля, например, встают в час пополуночи и работают до 6 часов утра. Затем дается полчаса на завтрак, и работа продолжается до 12 часов. После получасового перерыва для обеда работа возобновляется до 11 часов ночи. А между тем почти половина работающих в рогожных заведениях — малолетние, из коих весьма многие не достигают 10 лет“[57].

В среднем по всем обследованным производствам продолжительность рабочей недели составляла 74 часа (тогда как в Англии и в Америке в то время она была 60 часов). Никакого законодательного регулирования продолжительности рабочего дня не существовало — все зависело от того, насколько жажда наживы хозяина перевешивала его совесть...

Теперь о заработной плате... В 1900 году фабричная инспекция собрала статистику средних зарплат по отраслям. В машиностроительном производстве и металлургии рабочие получали в среднем 342 рубля в год. Стало быть, в месяц это выходит 28,5 рублей. Неплохо. Но, обратившись к легкой промышленности, мы видим уже несколько иную картину. Так, обработка хлопка (прядильные и ткацкие мануфактуры) —

180 рублей в год или 15 в месяц. Обработка льна — 140 рублей в год, или 12 в месяц. Убийственное химическое производство, рабочие на котором до старости не доживали, — 260 рублей в год, или 22 в месяц. По всей обследованной промышленности средняя зарплата составляла 215 рублей в год (18 в месяц). При этом платили неравномерно. Заработок женщины составлял примерно 3/5 от уровня взрослого мужчины. Малолетних детей (до 15 лет) — 1/3. Так что в среднем по промышленности мужчина зарабатывал 20 рублей в месяц, женщина — 12, а ребенок — около семи. Повторяем — это средний заработок. Были больше, бывали и меньше.

Теперь немножко о ценах. Угол, то есть место на койке, в Петербурге стоил 1–2 рубля в месяц, так называемая „каморка“ (это не комната, как можно бы подумать, а кусочек комнаты, разгороженной фанерными перегородками, что-то вроде знаменитого общежития из „Двенадцати стульев“) стоила 5–6 рублей в месяц. Если рабочие питались артелью, то на еду уходило самое меньшее 6–7 рублей в месяц на человека, если поодиночке — более семи. Одиночка при среднем заработке мог прожить, но ведь любому человеку свойственно стремиться создать семью — и как прикажете ее кормить на такой заработок? Поневоле дети рабочих с 7–10 лет тоже шли работать. Причем женщины и дети составляли категорию самых низкооплачиваемых рабочих, оттого-то потеря кормильца была уже не горем, а трагедией для всей семьи. Хуже смерти была только инвалидность, когда отец работать не может, а кормить его надо.

Да, кстати, еще штрафы мы забыли! Как вы думаете, за что штрафовали? Во-первых, естественно, за опоздание. Завод Мартына (Харьковский округ): за опоздание на 15 минут вычитается четверть дневного заработка, на 20 минут и более — весь дневной заработок. На писчебумажной фабрике Панченко за час опоздания вычитается как за два дня работы. Но это как бы строго, однако понятно. А как вы думаете, за что еще штрафовали? Фабрика Пешкова: штраф в один рубль, если рабочий выйдет за ворота (в нерабочее время, ибо выход за ворота фабрики был *вообще* запрещен!). Мануфактура Алафузова (Казань): от 2 до 5 рублей, если рабочий „прошелся, крадучись, по двору“. Другие примеры: 3 рубля за употребление неприличных слов, 15 копеек за нехождение в церковь (в единственный выходной, когда можно поспать!). А еще штрафовали за перелезание через фабричный забор, за охоту в лесу, за то, что соберутся вместе несколько человек, что недостаточно деликатно рабочий поздоровался и пр. На Ни-

кольской мануфактуре Саввы Морозова штрафы составляли до 40 % выдаваемой зарплаты, причем до выхода специального закона 1886 года они взыскивались в пользу хозяина. Надо ли объяснять, как администрация старалась и как преуспевала в самых разнообразных придирках?

<...>

Об условиях труда и быта рабочих — отдельный разговор. Об охране труда в то время говорить вообще почти не приходилось — это относилось всецело на христианское чувство хозяина...

В Царстве Польском по части условий труда было, пожалуй, самое лучшее положение в Российской империи. И вот что пишет фабричный инспектор Харьковского и Варшавского округов Святловский, который лично осмотрел 1500 (!) предприятий с 125 тыс. рабочих — то есть в основном мелких. „Относительно рабочих помещений можно принять за правило следующее положение: если во вновь воздвигаемых фабриках далеко не всегда обращается внимание на требования строительной гигиены, то в старых фабриках и особенно в мелких заведениях эти требования всегда и благополучно игнорируются, и нигде не имеется приспособлений ни для вентиляции, ни для удаления пыли“[58]. Так, сушильни на махорочных фабриках таковы, что даже привычного рабочего, который пробыл там 15 минут, иной раз вытаскивали в глубоком обмороке. „При входе в сушильню дух захватывает почти в той же мере, как и при входе в помещение химических заводов, где вырабатывается соляная кислота“.

Да, кстати, химические заводы — вот где были настоящие фабрики смерти. Московская губерния (относительно цивилизованная): „На химических заводах в подавляющем большинстве случаев воздух отравляется различными вредными газами, парами и пылью. Эти газы, пары и пыль не только вредят рабочим, причиняя более или менее тяжкие болезни от раздражения дыхательных путей и соединительной оболочки глаз и влияя на пищеварительные пути и зубы, но и прямо их отравляют... На зеркальных мелких заводах рабочие страдают от отравления ртутными парами. Это обнаруживается в дрожании рук, в общем упадке питания и дурном запахе изо рта“. Кстати, один из таких заводов — по производству свинцовых белил — красочно описан Гиляровским в очерке „Обреченные“.

Фабрики тогдашние мало походили на нынешние, где, даже если есть проблемы с вентиляцией, то, по крайней мере, достаточно самого воздуха. Но исследователи условий труда на кустарных и полукустарных производствах, таких как табач-

ные, спичечные фабрики и пр., пришли в ужас, когда измерили, сколько воздуха приходится на одного работающего. Получалось иной раз половина, а иной раз и треть кубической сажени (сажень — около 2 метров, соответственно, кубическая сажень — около 8 кубометров). При этом единственной вентиляцией зачастую служила открытая дверь и форточка в окне, которую рабочие закрывали по причине сквозняков.

Ну, а теперь дадим слово самим фабричным инспекторам. Вот все о тех же несчастных рогожниках (более половины работающих — дети!): „На всех фабриках без исключения мастерские дают на каждого рабочего, или, вернее, живущего, менее принятой нами нормы в 3 куб. сажени, а 2/3 из них дают менее 1 куб. сажени на человека, не считая при том массы воздуха, вытесняемого мочалой и рогожами. На 7 кожевенных заводах было найдено отопление ‹по-черному› — без труб. Из 1080 фабрик Московской губернии периодическое (!) мытье полов существовало только на трех!“

„Работа в паточной (на сахарных заводах. — *Е.П.*) положительно вызывает особую, чисто профессиональную болезнь, именно нарывы на ногах. В паточном отделении рабочий все время стоит в патоке босиком, при чем малейшая ссадина или царапина разъедается, и дело доходит до флегмонозных воспалений. Высокая температура и господствующие сквозняки вызывают ревматические заболевания...“

„В квасильне, где более всего работают дети от 7 лет, у здорового, но непривыкшего человека через четверть часа разболится до обморока голова от невыносимой вони и сырости, которую издает квасящийся уголь... В костопальне дети от 7 лет (которые работают также 12 часов) ходят и распластывают горячую крупку, от которой пыль буквально покрывает их с головы до ног... В прачечной — девочки от 14 лет, совершенно голые, моют грязные от свекловичного сока салфетки в сильно известковой воде, от которой лопается у них кожа на теле...“

Эти доклады относятся к восьмидесятым годам XIX века. Но, может быть, за двадцать лет что-нибудь изменилось? Посмотрим. Мы снова на сахарном заводе, и снова слово фабричному инспектору. „Работа на заводе продолжается 12 часов в день, праздников не имеют и работают 30 дней в месяц. Почти во всем заводе температура воздуха страшно высокая. Работают голышом, только покрывают голову бумажным колпаком да вокруг пояса носят короткий фартук. В некоторых отделениях, например в камерах, куда приходится вкатывать тележки, нагруженные металлическими формами, наполненными сахаром, температура доходит до 70 градусов. Этот ад

до того изменяет организм, что в казармах, где рабочим приходится жить, они не выносят температуры ниже 30 градусов...“ Разница если и есть, то в том, что к тому времени на таких заводах не стало маленьких детей. Запрет на детский труд рабочие все же вырвали у „отца-государя“. Не из гуманизма, а чтобы дети не сбивали цену на труд. Впрочем, на многих заводах малолетние по-прежнему работали — но при приходе инспекторов прятались.

Что же касается быта — то человек, не знающий, что такое рабочая казарма, вообще не имеет представления о „России, которую мы потеряли“. На большинстве фабрик в глубине России помещения для рабочих подразделялись на две категории: казармы и каморки. Что такое казарма, знает каждый, читавший историю ГУЛАГа, — это обычный барак с нарами, примерно при той же или большей тесноте. Но у зэка по крайней мере было свое отдельное место на нарах, а у рабочего не было — нары, как и цеха, использовались в две смены. Каморки — это тот же барак, но поделенный на отдельные клетушки, — такое жилье предназначается для семейных рабочих. Только не стоит думать, что в комнате помещается по одной семье — обычно по две-три, но иной раз и до семи. Однако даже таких каморок для семей не хватает, и в ожидании своей очереди на кусок комнаты семейные пары размещаются все в тех же казармах. В этих случаях они отделяют свои места на нарах занавесками. „Иногда фабриканты идут навстречу этому естественному стремлению рабочих и на помосте нар делают дощатые перегородки вышиною в полтора аршина (около метра. — *Авт.*), так что на нарах образуется ряд, в полном смысле слова, стойл на каждую пару“. Через некоторое время в ногах такого „жилья“ появляется люлька — значит, люди ухитряются еще и заниматься любовью в этом помещении! Воистину, к чему только не приспособится человек...

Наконец, „на большинстве фабрик для многих рабочих, по обыкновению, особых спален не делают“. Это значит, что спят рабочие в тех же цехах, где и работают. Ткачи (ручные) спят на станках, столяры — на верстаках, несчастные рогожники — на тех же самых мочалах и рогожах, которые они изготавливают, в тех же сырых и удушливых помещениях. Учитывая, что у рогожников еще и самый длинный в России рабочий день — до 18 часов, то вся жизнь их проходит в этих темных душных цехах. А работают здесь в основном, еще раз напоминаем, женщины и дети»[59].

И кто-то считал и считает, что людям, существующим в таких условиях, нужны революционеры-пропагандисты, что-

бы бунтовать? Стачечное движение в России развивалось параллельно с развитием капитализма. Выступления рабочих разгоняли с разной степенью жестокости. Расстрелы тоже не были чем-то исключительным. Вот лишь несколько примеров. 9 марта 1902 года — расстрел рабочих в Батуме (15 убитых); 13 марта 1903 года — расстрел забастовщиков в Златоусте (69 убитых); 14 июля 1903 года — расстрел на станции Михайлово (18 убитых); в августе 1903 года — в Екатеринославе (14 убитых). Но события 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге стоят особняком. В этот день народ шел не к хозяевам с требованиями, а к царю с выражениями любви и преданности.

Вот начало петиции, которую планировалось подать Николаю II:

«Государь!

Мы, рабочие города С.-Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению!

Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немногого просили: мы желаем только того, без чего жизнь — не жизнь, а каторга, вечная мука.

Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсуждали наши нужды, — но и в этом нам отказали; нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными оказались также наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до восьми в день, устанавливать цены на наши работы вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией завода, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Все оказалось, по мнению наших хозяев, противозаконно, всякая наша просьба — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для наших хозяев.

Государь! Нас здесь больше трехсот тысяч — и все это люди только по виду, только по наружности; в действительности же за нами не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать меры к улучшению нашего положения.

Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть рабочего, забитого, бесправного, измученного человека — значит совершить тяжкое преступление!

Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть, — умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты и чиновники-казнокрады, грабители русского народа.

Вот что стоит пред нами, государь! И это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук; к нам оно не доходит, — мы получаем только горе и унижение!..»[60]

Как видим, письмо, выражаясь словами самого царя, относится к разряду «бессмысленных мечтаний». Более того, замысел рабочих был насквозь незаконным, ибо право подавать петиции в Российской империи имели лишь дворяне. Впрочем, снисходить до объяснений никто не стал.

Все началось 3 января 1905 года с забастовки на Путиловском заводе, которая вскоре охватила и другие заводы Петербурга. Организовывало ее вполне легальное «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», которым руководил священник Георгий Гапон. Забастовка была более чем серьезной: к 8 января бастовали 456 предприятий, на которых работало 111 тысяч рабочих. Однако о беспорядках пока речи не шло. Гапон призывал обратиться с петицией к царю. «Царь не знает наших нужд, мы о них ему скажем. Если он любит свой народ, он исполнит его смиренную просьбу».

Те, кто шел ко дворцу, смотрели на Николая теми же глазами, что и Нилус, видя в нем «ангела». Накануне шествия Гапон написал два письма: царю и министру внутренних дел Святополк-Мирскому. Неизвестно, было ли передано первое письмо, но второе было получено, и Святополк-Мирский возил его вместе с петицией в Царское Село. Однако никакого ответа не последовало. Николай просто «слил» ситуацию, переложив проблему на плечи очередного дяди, на сей раз Владимира Александровича, главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа.

В ночь на 9 января Владимир Александрович отдал распоряжение остановить шествие военной силой. Говорили о каких-то «революционных провокациях» — но ведь царя в городе не было, он так и сидел в Царском Селе. Чего боялся великий князь? Что в респектабельном центре витрины побьют?

Как бы то ни было, останавливать шествие было слишком поздно, и произошло то, что произошло.

О расстреле демонстрации существует множество воспоминаний. Мы приведем лишь несколько отрывков из рассказа великого русского писателя Максима Горького, который волею судьбы стал очевидцем этой бойни:

«Толпу расстреляли почти в упор, у Троицкого моста. После трех залпов откуда-то со стороны Петропавловской крепости выскочили драгуны и начали рубить людей шашками. Особенно старался молодой голубоглазый драгун со светлыми усиками... до сего дня режет мне память визг драгуна, прыгает передо мною лицо убийцы, красное от холода или возбуждения, с оскалом стиснутых зубов и усиками дыбом на приподнятой губе. Замахиваясь тусклой полоской стали, он взвизгивал, а ударив человека — крякал и плевал, не разжимая зубов. Утомясь, качаясь на танцующем коне, он дважды вытер шашку о его круп, как повар вытирает нож о свой передник.

Странно было видеть равнодушие солдат; серой полосою своих тел заграждая вход на мост, они, только что убив, искалечив десятки людей, качались, притоптывая ногами, как будто танцуя, и, держа ружья к ноге, смотрели, как драгуны рубят, с таким же вниманием, как, вероятно, смотрели бы на ледоход или на фокусы наездников в цирке.

Потом я очутился на Полицейском мосту, тут небольшая толпа слушала истерические возгласы кудрявого студента, он стоял на перилах моста, держась одною рукой за что-то и широко размахивая сжатым кулаком другой. Десяток драгун явился как-то незаметно, поразительно быстро раздавил, разбил людей, а один конник, подскакав к студенту, ткнул его

шашкой в живот, а когда студент согнулся, ударом по голове сбросил за перила, на лед Мойки...

Мы подошли к Александровскому скверу в ту минуту, когда горнист трубил боевой сигнал, и тотчас же солдаты, преграждавшие выход к Зимнему дворцу, начали стрелять в густую, плотную толпу. С каждым залпом люди падали кучами, некоторые — головой вперед, как будто в ноги кланяясь убийцам. Крепко въелись в память бессильные взмахи рук падавших людей...

Близко от солдат, среди неподвижных тел, полз на четвереньках какой-то подросток, рыжеусый офицер не спеша подошел к нему и ударил шашкой, подросток припал к земле, вытянулся, и от его головы растеклось красное сияние.

Толпа закружила нас и понесла на Невский... Я попал на Певческий мост, он был совершенно забит массой людей, бежавших по левой набережной Мойки, в направлении к Марсову полю, откуда встречу густо лилась другая толпа. С Дворцовой площади по мосту стреляли, а по набережной гнал людей отряд драгун. Когда он втиснулся на мост, безоружные люди со свистом и ревом стиснули его, и один за другим всадники, сорванные с лошадей, исчезли в черном месиве. У дома, где умер Пушкин, маленькая барышня пыталась приклеить отрубленный кусок своей щеки, он висел на полоске кожи, из щеки обильно лилась кровь, барышня, всхлипывая, шевелила красными пальцами и спрашивала бегущих мимо ее:

— Нет ли у вас чистого платка?

Чернобородый рабочий, по-видимому, металлист, темными руками приподнял ее, как ребенка, и понес, а кто-то сзади меня крикнул:

— Неси в Петропавловскую больницу, всего ближе...

...Дома медленно ходил по комнате Савва, сунув руки в карманы, серый, похудевший, глаза у него провалились в темные ямы глазниц, круглое лицо татарина странно обострилось.

— Царь — болван, — грубо и брюзгливо говорил он. — Он позабыл, что люди, которых с его согласия расстреливали сегодня, полтора года тому назад стояли на коленях пред его дворцом и пели „Боже, царя храни...“

— Не те люди...

Он упрямо тряхнул головой:

— Те же самые русские люди. Стоило ему сегодня выйти на балкон и сказать толпе несколько ласковых слов, дать ей два, три обещания, — исполнить их не обязательно, — и эти люди снова пропели бы ему „Боже, царя храни“. <...>

Он сел рядом со мною и, похлопывая себя по колену ладонью, сказал:

— Революция обеспечена! Года пропаганды не дали бы того, что достигнуто в один день...»[61].

То же самое накануне Кровавого воскресенья говорил Гапон: «Пойдем к царю, и уж если царь не выслушает — то нет у нас больше царя, и мы тогда крикнем: „Долой царя!..“».

В общем, очередной дядя в очередной раз очень крупно подвел монарха. Защитники Николая стараются обелить царя, доказывая, что он «не знал», что его чуть ли не обманом вывезли в Царское Село, уговорили, убедили, напугали... И сами не видят нынешние монархисты, кем изображают своего обожаемого императора. Что это за «хозяин земли русской», который не знает, что творится в его собственной столице и боится рискнуть, выйдя к народу на балкон дворца?

Вечером 9 января Николай записал в своем дневнике: «Тяжелый день. В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных частях города; было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело! Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей. Мама осталась у нас на ночь»[62].

Такова его интерпретация событий. Рабочие были убиты за то, что посмели пойти к Зимнему дворцу. Пустому.

Для сравнения: тезка последнего русского императора, Николай Первый, во время восстания декабристов спокойно, ничего не боясь, ездил по улицам. В страшные дни холерных бунтов на Сенной площади, стоя в экипаже, успокаивал толпу. Люди в России были воспитаны на этих примерах, и царь, отсиживавшийся в загородном дворце, когда его народ убивают на улицах, означал одно: в России больше нет царя.

Положение еще можно было исправить, если бы его «больно и тяжело» воплотилось хоть в какие-то действия, если бы на следующий день было проведено следствие и сделаны хоть какие-то выводы. Но... как можно даже подумать о том, чтобы пойти против дяди?!

(Владимир Александрович, правда, все же лишился своего поста, и даже в том же 1905 году, но не за трупы на улицах Петербурга, а за то, что его сын вступил в брак с разведенной женщиной. Это было куда более тяжким преступлением, чем расстрел пары сотен представителей столь любимого царской четой народа.)

Однако скандал получился огромный, и надо было как-то выправлять положение. С этой целью 19 января 1905 года был

разыгран спектакль «общения самодержца с рабочим народом». Вот как это происходило: «Охранка набрала на заводах для представления царю „рабочую делегацию“ в составе 34 человек. Комплектовалась группа так: конторщик одной из фабрик сидит в своей квартире, пьет чай. Резкий стук в дверь. Конторщик открывает и пугается: перед ним пристав, жандармский офицер, городовые, дворник.

— Вы Х.?

— Я.

— Одеться и следовать за нами.

— За что?

— Поторопитесь.

Конторщика посадили в карету, привезли к комендантскому подъезду Зимнего. Жандарм все время подгоняет: „Скорей! Скорей!“. Вошли в зал, в центре стоит генерал Трепов. „Обыскать!“ — командует градоначальник. Обыскали. „Раздеть!“ Раздели. „Наденьте на него вот это“. Что-то надели. Затем увозят на Царскосельский вокзал и помещают в вагон, где под охраной шпиков уже сидят другие „рабочие депутаты“, схваченные таким же образом. В вагоне им запрещено переговариваться.

Царское Село. Зал Большого Екатерининского дворца. К побледневшим и осунувшимся конторщикам, облаченным в треповские костюмы, выходит царь»[63].

Речь императора Николая II к организованной полицией «рабочей депутации»:

«Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от Меня услышать слово Мое и непосредственно передать его вашим товарищам.

Прискорбные события, с печальными, но неизбежными последствиями смуты, произошли оттого, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины. Приглашая вас идти подавать Мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против Меня и Моего правительства, насильно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно русские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага.

Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы. Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Многое надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливыми и к вашим хозяевам и считаться с ус-

ловиями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах — преступно. В попечениях Моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано, и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд.

Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их Мне, а потому прощаю им вину их. Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами, и да будет Бог вам в помощь»[64].

Напоминаем: это был не бунт, не мятеж, а мирная демонстрация для подачи челобитной. Естественно было бы ждать от главы государства если не извинений, то хотя бы сожаления о погибших. Но не снисходительного объяснения доведенным до крайности рабам, в чем они перед ним виноваты. «Приглашая вас идти подавать Мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против Меня и Моего правительства».

Это и есть социальный расизм — на практике, без теорий.

Рабочие урок усвоили и выводы сделали. Грохнуло так, что монархия едва уцелела. Царю пришлось-таки реализовать «бессмысленные мечтания» и создать «народное представительство». Правда, рабочим толку от Думы не было никакого: в ней сидели все те же хозяева. Продолжались и расстрелы: почему нет, если царь показал делом и сказал словами: можно. «Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе». Если уж попытка подать прошение — беспорядок, достойный расстрела, стало быть, сам факт, что рабочие собрались вместе, есть преступление, на которое правительство вправе отвечать пулями. Что оно и делало.

Уже после революции 1905–1907 годов и учреждения Государственной Думы последовал Ленский расстрел 4 апреля 1912 года (270 убитых), и уже во время Первой мировой войны 11 августа 1915 года произошел расстрел рабочих в Иваново-Вознесенске (30 убитых).

Стоит ли удивляться, что в феврале 1917 года рабочие толпы с радостью приветствовали отречение?

...Из письма императрицы сестре, принцессе Виктории Баттенбергской: «Не верь тем ужасам, о которых пишут в газетах. От их рассказов волосы встают дыбом, все это бесстыдная ложь. Да, увы, войскам пришлось стрелять. Толпе неоднократно было приказано разойтись и сказано, что Ники нет в столице (поскольку зимой мы живем в Царском Селе) и что войска будут вынуждены стрелять, но толпа не захотела повино-

ваться, и пролилась кровь. Всего убито 92 человека и 200–300 человек ранено. <...> Петербург — порочный город, в нем ничего русского. Русский народ искренне предан своему монарху, а революционеры, прикрываясь его именем, настраивают крестьян против помещиков и т. д., каким образом, не знаю»[65].

Да и откуда бы знать, видя лишь прополотые обочины и нарядных поселян?

Глава 6. Кровь и розги

Жизнь крестьян и расправы с ними

Во время правления Николая II около 80 % населения Российской империи составляли крестьяне, которых революционерам приходилось «настраивать» против помещиков. Еще бы: ведь причин у крестьян для недовольства не было! Какие могут быть причины у людей, родителей которых помещики продавали и покупали, как скот, и вообще делали с ними что хотели?

В 1861 году крестьяне были освобождены от крепостной зависимости (фактически — от рабства), при этом их заставили заплатить помещикам за полученную землю. Платить по завышенным ценам, в кредит на 49 лет, из грабительских 6 % годовых. Выплаты были милостиво отменены лишь в 1907 году, когда до окончания срока оставалось три года.

Как же жили эти 4/5 народа? А вот как.

По разным данным, в стране в то время было от 15 до 20 млн крестьянских хозяйств. Из них около 75 % относились к бедняцким: надел менее 5 десятин, не более одной лошади и одной коровы. Абсолютное большинство не могло прокормить себя с земли и, зарабатывая где и чем придется, покупали хлеб. Или же побирались, а когда «кусочков» не хватало, умирали с голоду. Каждый год, вне зависимости от урожая.

«Крестьянское хозяйство на протяжении всего предреволюционного периода оставалось крайне примитивным. Доля хозяйств, не имевшая даже такого „чуда техники“, как обычный плуг, в 1917 году составляла 52 %. Главными орудиями труда крестьянина были соха, деревянная борона, серп, коса, цеп. Использование сельскохозяйственных машин в крестьянском хозяйстве было минимальным. Средний показатель по Европейской России впечатляет: 1 сеялка приходилась на 67 хозяйств, 1 жатка — на 25,1, молотилка — на 32»[66].

Впрочем, о состоянии сельского хозяйства мы уже писали. Что же касается того, как жил русский мужик, можно почитать изданный в 1901 году доклад Общества русских врачей, Об-

щества детских врачей в Петербурге и Статистического отделения Русского общества охранения народного здравия под названием «Смертность в России и борьба с нею». После констатации того, что в этой области в России дело обстоит неблагополучно, и особенно велика детская смертность, авторы перешли к причинам такого положения вещей. Причины, впрочем, лежали на поверхности. Напомним:

«...По данным д-ра Грязнова, вся пища крестьян состоит из ржаного и редко ячменного хлеба, картофеля и черной капусты, причем хлеба в день приходится 2,8–3,5 фунта на взрослого человека. Мяса приходится на человека (включая детей) в год 14–16 фунтов.

По вычислениям же д-ра Почтарева, каждый работник в исследованном им Духовщинском уезде сверх уродившегося хлеба только для одного прокормления должен заработать на стороне 17 руб. 26 коп., не говоря о том, что еще сверх того должен заработать для уплаты податей 15 руб. 61 коп., в силу чего и приходится, за невозможностью столько заработать, впадать в недоимки, за которые приходится платиться продажей скота. Удивительно ли после этого, что, по данным д-ра Святловского, 35 % хозяйств не имеют ни одной коровы, а в 25 % нет никакой рабочей скотины.

Конечно, после всего сказанного станет понятным, что население, существующее впроголодь, а часто и вовсе голодающее, не может дать крепких детей...»[67].

Объективно такое положение вещей программировалось предельной слабостью и отсталостью крестьянских хозяйств, средневековым уровнем средств производства. Но крестьяне считали иначе. Они полагали, что их обделили при реформе 1861 года. И резон у них был. Половину земли безвозмездно оставили помещикам, а крестьян заставили выкупать у них свои наделы. При этом и не подумав компенсировать крестьянам два столетия рабского труда.

«Земля вся нами окуплена потом и кровью в течение нескольких столетий, — писали в мае 1906 года в письме в Государственную Думу крестьяне Волоколамского уезда Московской губернии. — Ее обрабатывали мы в эпоху крепостного права и за работу получали побои и ссылки и тем обогащали помещиков. Если предъявить теперь им иск по 5 коп. на день за человека за все крепостное время, то у них не хватит расплатиться с народом всех земель и лесов, и всего их имущества. Кроме того, в течение сорока лет уплачиваем мы баснословную аренду за землю от 20 до 60 руб. за десятину в лето, благодаря ложному закону 61-го года, по которому мы получили свободу с малым наделом земли, почему все трудовое

крестьянство и осталось разоренным, полуголодным народом, а у тунеядцев помещиков образовались колоссальные богатства». В этом вся суть крестьянских претензий к помещикам, и никакие революционеры здесь не нужны.

Слабосильные хозяйства подняться не могли в принципе. Но и деваться от земли крестьянину было некуда: Россия не имела ни заморских колоний, ни мощной промышленности, требующей рабочих рук. Со временем положение только ухудшалось: с ростом населения на человека приходилось все меньше земли, да и сама земля истощалась, голод был все более частым гостем в крестьянских избах. Аграрный сектор агонизировал, народ вырождался. Перед Первой мировой войной половину рекрутов признавали негодными к военной службе. И даже из тех, кто остался, сорок процентов впервые в жизни ели мясо, попав в армию. Про хлеб проверяющие не спрашивали, но если копнуть, наверняка выяснилось бы, что и чистый, без примесей хлеб они тоже ели впервые.

К началу нового века терпению народному стал приходить конец. Крестьянские волнения начались еще в 1902 году. В 1904-м они ненадолго стихли, чтобы после Кровавого воскресенья вспыхнуть с новой силой, пока что в виде разграбления имений. Причем странные это были грабежи. Начались они в ночь на 14 февраля в Дмитровском уезде Курской губернии, уже в ближайшие дни пострадали еще 16 имений в округе, а там пошло...

Британский историк Теодор Шанин[68] пишет:

«Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями запряженных телег собирались по сигналу зажженного костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались „разобрать“ поместье. Только в нескольких случаях имел место поджог и одному-единственному полицейскому были, как сообщают, нанесены телесные повреждения, когда он собирался произвести арест. Унесенное зерно часто делилось между крестьянскими хозяйствами в соответствии с числом едоков в семьях и по заранее составленному списку. В одной из участвующих в „разборке“ деревень местному слепому нищему была предоставлена телега и лошадь для вывоза его доли „разобранного“ зерна. Все отчеты подчеркивали чувство правоты, с которым обычно действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил, например, они не брали вещей, которые считали личной собственностью...

Другие формы крестьянского бунта распространились к тому времени на большей части территории. Массовые „порубки“ начались уже в конце 1904 года. Так же как и „разборки“, „порубки“ обычно происходили в виде коллективных акций с использованием телег. В ходе „порубок“ крестьяне стремились обходиться без насилия. Тем не менее, когда в одном случае крестьянин был схвачен полицией на месте преступления и избит, его соседи в ответ полностью разрушили пять соседних поместий, ломая мебель, поджигая здания и забивая скот...

В течение первых месяцев 1905 года крестьянские действия в значительной степени были прямым и стихийным ответом на нужду и отчаянный недостаток продовольствия, корма и леса во многих крестьянских общинах. Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития...

...Массовые разрушения поместий не были к тому времени ни „бездумным бунтом“, ни актом вандализма. По всей территории, охваченной жакерией, крестьяне заявляли, что их цель — навсегда „выкурить“ помещиков и сделать так, чтобы дворянские земли были оставлены крестьянам для владения и обработки».

Однако по-настоящему крестьянские волнения вспыхнули осенью 1905 года. Е. Прудникова пишет: «„Манифест 17 октября“ либералы из верхушки общества выдавливали из правительства для себя. У них и в мыслях не было, что еще кто-то, кроме них, захочет воспользоваться его плодами. Однако, едва узнав о даровании „свобод“, крестьяне тут же горячо откликнулись на события. Вот только свободы они понимали иначе.

...Уже 17 октября 1905 года в Марковской волости Дмитровского уезда Московской губернии на сходе тамошнего сельского общества крестьяне попросили местного агронома выступить с рассказом о манифесте. Аудитория сообщение выслушала и разошлась по домам — думать.

Через две недели, переварив новости, крестьяне собрали второй сход, уже гораздо более представительный. На него сошлись жители нескольких деревень. Сход принял своеобразную „синтетическую“ резолюцию, в которой смешались требования крестьянские и политические: демократические свободы, всеобщее образование, наделение землей безземельных крестьян и амнистия политзаключенным. Более того: сход постановил властям не подчиняться, податей не платить и рекрутов не давать до тех пор, пока эти требования не будут выполнены (из чего можно предположить, что агроном, вероятно, был „с народническим уклоном“).

Но все это оказалось только началом. Тут же, на этом сходе, было провозглашено „государство в государстве“ — Марковская республика, президентом коей избрали сельского старосту Бурышкина. В ноябре программу дополнили требованиями отмены самодержавия и созыва Учредительного собрания...

Республика просуществовала до июля 1906 года. Все это время ею де-факто управлял местный комитет Крестьянского союза, состоявший из пяти человек. Первое и главное, что они делали — строго контролировали арендные платежи, поскольку плата за аренду земли в малоземельной Московской губернии была очень высока. Летом 1906 года полиция вошла на территорию „республики“, староста-президент был арестован. Крестьянские органы власти мгновенно исчезли, испарились, словно бы их и не было. Община — осталась»[69].

Это лишь один пример — а их множество. Крестьяне были гораздо более организованы, чем рабочие. Вся их жизнь подчинялась требованиям общины. Существовал и почти не оставивший по себе документов Всероссийский крестьянский союз. Делали «крестьянские власти» примерно одно и то же: конфисковывали помещичьи запасы и инвентарь, в ряде случаев и землю. По их понятиям, земля являлась общенародным достоянием. Мог ли с этим смириться стоявший во главе государства крупнейший помещик Российской империи?

Для справки: в 1905 году в Российской империи было 408 млн десятин пахотной и обрабатываемой земли. Из них казенных — 138 млн, удельных — 7,8 млн, церковных и монастырских — 2,5 млн. Удельные земли — это земля, принадлежащая членам императорской фамилии[70]. Крестьянское хозяйство же в среднем имело 4–5 десятин.

«В собственности Николая II находилось 7 миллионов десятин земли, что делало его самым крупным помещиком в империи. Вот что писала ему вдова Александра III — императрица Мария Федоровна (Мария София Фредерика Дагмара Глюксбург) Романова:

«Теперь я хочу тебе поговорить об одном вопросе, который меня очень мучает и беспокоит. Это насчет кабинетных и удельных земель, которые эти свиньи хотят отобрать по программам разных партий...

Нужно, чтобы все знали уже теперь, что до этого никто не смеет даже думать коснуться, так как это личные и частные права императора и его семьи. Было бы величайшей и непоправимой исторической ошибкой уступить здесь хоть на копейку, это вопрос принципа, все будущее от этого зависит. Не-

вежество публики в этом вопросе так велико, что никто не знает начала и происхождение этих земель и капиталов, которые составляют частное достояние императора и не могут быть тронуты, ни даже стать предметом обсуждения: это никого не касается, но нужно, чтобы все были в этом убеждены»[71].

С крестьянами власть разговаривала тем же языком, что и с рабочими. Впрочем, есть и аргументы в защиту власти. В Российской империи отвечать пулями на любой народный протест было в обычае.

В 1861 году в селе Бездна Казанской губернии начались крестьянские волнения против Указа об освобождении крестьян. Выступления были для того года традиционными: некий Антон Петров по-своему толковал царский указ. Ответ властей тоже оказался традиционным: пришли солдаты.

12 апреля в Бездну вошли две роты Тарутинского полка под командованием генерал-майора графа Апраксина. В селе собралась толпа числом до 5000 человек. Апраксин потребовал выдать Петрова, мужики отказались. Тогда генерал приказал стрелять. Результат — 51 убитый и 77 раненых. На рапорте Апраксина Александр II написал: «Не могу не одобрить действий гр. Апраксина; как оно ни грустно, но нечего было делать другого»[72]. Однако гораздо более показательна реакция на события российского общества.

Расстрел безоружных крестьян вызвал в обществе сильнейшее негодование. Казанский военный губернатор Козлянинов в донесении от 22 апреля министру внутренних дел писал об Апраксине: «Числом жертв он вызвал здесь негодование многих, тем более что, кроме непреклонного упорства в ложном толковании и невыдаче Петрова, крестьяне не буйствовали, ни вреда сделать никому не успели и были 12 числа совершенно безоружны»[73].

Зато дворянство казанское было в восторге. «Радости их, — писал в письме адъютант казанского губернатора Половцев, — при получении известия о стрельбе не было конца; многие публично пили шампанское и поздравляли друг друга с успехом; мало того, слабые женщины и те выказывали свою радость и жалели только о том, что убитых было слишком мало»[74].

С тех пор так и шло с неотвратимостью механизма: волнения — солдаты. Однако 1905 год все же отличался от 1861-го: к тому времени успели вырасти два поколения рожденных свободными людей. А власти этого так и не поняли и продолжали действовать по старинке.

Вот лишь несколько примеров:

«Самарская губерния, 1903 год. Крестьяне села Мордовская Борковка, ссылаясь в подтверждение своего права на землю на жалованную грамоту царя Алексея Михайловича, самовольно запахали графские земли. Хозяева вызвали казаков. Те, приехав, 17 крестьян запороли насмерть, а 70 человек, запоротых до полусмерти, отправили в Ставропольскую тюрьму, где семь человек умерли от страшных истязаний»[75].

«Черниговская губерния, 27 мая 1904 года. Село Володькова Девица. Для пресечения претензий крестьян на земли княгини Долгоруковой в Володькову Девицу прибыл черниговский губернатор в сопровождении трех сотен казаков и двух рот солдат. 600 крестьян согнали на сход и поставили на колени. Затем начались аресты. Арестованных вызывали и отправляли в тюрьму, а остальные продолжали стоять на коленях. Когда крестьяне отказались признать земли Долгоруковой, губернатор приказал начать избиения. Так было избито до полусмерти девять человек, которым наносили по 40 и больше ударов. Этими истязаниями губернатор вынудил крестьян дать обещание не трогать земли Долгоруковой»[76].

«Полтавская губерния. 4 января 1906 года. Село Кривая Руда. Для подавления забастовки в село был послан карательный отряд во главе с Филоновым. Вечером 4 января он прибыл в село. Филонов потребовал к себе старшину, с которого сорвал знак и избил его палкой. Затем крестьян согнали на сход. По приказу Филонова началась массовая порка. Из толпы послышались возгласы: „Что это за закон? Значит, нас всех так будут бить и резать?!“. Тотчас после этих возгласов все, как один, поднялись с колен и побежали в разные стороны. Дав несколько выстрелов, за убегающими крестьянами погнались казаки. Они избивали безоружных крестьян нагайками и топтали лошадьми. Во время этой расправы были убиты три человека, один тяжело ранен (вскоре умер в больнице) и до 40 человек ранено»[77].

«Самарская губерния. 1906 год. Массовой и жестокой расправе были подвергнуты крестьяне села Герасимовки за разгром хуторов Сапрыкина, Мжельского, Петрова, Субботиной и выступления против начальства. В этом селе телесному наказанию были подвергнуты 180 человек, трое запороты насмерть и многим нанесены ранения огнестрельным оружием»[78].

Весной 1922 года в журнале «Северный Край» была опубликована не издававшаяся ранее статья писателя-вологжанина Павла Засодимского «О крестьянских волнениях в 1905–1906 годах».

«...Крестьяне были отданы в полное и безграничное распоряжение озверелой полиции, солдат и казаков. Все законы — божеские и человеческие — были попраны. Манифест 17 октября, казалось, был издан где-то на другой планете. В воздухе слышался лишь один клич „бить!“. И люди-звери били, истязали, убивали. Били плетьми, нагайками с вплетенною проволокой и с свинцовыми наконечниками, увечили ружейными прикладами, расстреливали... Били взрослых, били подростков, женщин, стариков. Засекали до бесчувствия, многих — до смерти.

Старосту села Александровки, который телеграммой просил у губернатора защиты против казацкой орды, Богданович приказал арестовать; старосту пытали, кто его научил послать телеграмму.

Крестьян предавали зверскому истязанию, несмотря на отсутствие улик в том преступлении, в каком их подозревали. В селе Павлодаре замучено таким образом семь крестьян, в селе Алешках — пять, в селе Липягах — девять. Желая замаскировать свои злодейства, власти свозили убитых и изувеченных из Павлодара и других сел в Павловку, имение Волконских, чтобы показать, что эти крестьяне были убиты и искалечены при нападении на это княжеское имение. Здесь, в имении князей Волконских 13 ноября после семидневных страданий умер Алекс. Григ. Дубровин, изувеченный и расстрелянный казаками по распоряжению администрации. (Покойный Дубровин поехал в деревни с целью отговаривать крестьян от поджогов и грабежей.)

В селе Павлодаре один из крестьян, Павел Зайцев, пытался скрыться на чердаке земского училища. Там его все-таки нашли и, вытащив на улицу, стали бить прикладами и плетьми. Когда он захрипел, мучители сказали: „Собаке — собачья и смерть!“ — и выстрелом из ружья прикончили его.

В селе Алешках крестьян истязали в присутствии самого исправника, Ламанского. Истязуемым внушалось, что они „предаются телесной казни“ по указу Его Императорского Величества Государя Императора. В этом же селе был схвачен и подвергся истязанию случайно проходивший мимо волостного правления, где производились экзекуции, железнодорожный машинист Апол. Полянин-Подболотов. Он только позволил напомнить, что „телесные наказания отменены еще в прошлом году Высочайшим Манифестом“. По приказу Ламанского несчастного заступника подвергли беспощадному истязанию. Полубесчувственного его взвалили на телегу и повезли на станцию Мучкап за 50 верст от Алешков. Дорогою опять принялись бить его, и привезли его в Мучкап уже мертвым»[79].

В Саратовской губернии вспыхнули крестьянские волнения. Там крестьян «успокаивали» следующими методами.

«В селе Малой Шитневке казаки при содействии местных черносотенцев жестоко избили крестьян, из которых четыре человека тут же умерли. Из числа избитых отобрали 12 человек и отправили под арест в село Романовку, но один из них дорогой умер и брошен в селе Дурнякине. В селе Сорокине казаки так неистовствовали, что даже вызвали протест одного из своих товарищей; казак вступился за избиваемых и прекратил зверскую расправу. В селе Киндоле, Ивановке и Ключах казаки избивали встречного и поперечного. В Ключах избиение крестьян казаками происходило в присутствии и по указанию земского начальника»[80].

«Расправа в селе Чирикове (Балашовского уезда) особенно характерна; она может служить иллюстрацией к тем зверствам, какие совершались над несчастным народом. Здесь казаки плетьми истязали крестьян, „били по чему попало“, по спине, по животу, по голове, били без счета. Из 70 человек мужского населения 50 подверглись этой пытке. Истязали стариков лет 60–65 и 17-летних мальчиков, истязали так, что несчастные не могли на другой день снять рубашку, прилипшую к мясу, так как кожа была содрана плетьми. Казаками командовал полковник Зворыкин, давший честное слово, что — если беспорядки не прекратятся — все село будет разнесено пушками...»[81]

Трудно сказать, сколько человек было казнено военно-полевыми судами, и совершенно невозможно — сколько было убито просто так по ходу «усмирения». А вот на что обычно и вовсе не обращается внимания, так это на порки (в 1904 году телесные наказания в России были отменены). Казачьи и воинские команды разъезжали по деревням и пороли, пороли... Десять лет спустя, в 1914–1916 годах, врачи, обследовавшие призывников, обнаружили, что у четырех из десяти крестьян-новобранцев когда-то были пороты задницы или имеются рубцы на спине от казацких нагаек или армейских шомполов[82]. 40 % поротых из тех, кто в 1906 году был еще очень молод. Сколько же таковых было в старшем поколении?

Выполняя свою работу, «усмирители» ссылались на власти вплоть до государя императора. А поскольку никто из них не был наказан, зато многие награждены, — какие выводы оставалось сделать поротой России? Мужику показали и его права, и его место в Российской империи. Он затаился, подчиняясь силе, однако ничего не забыл.

Глава 7. Кровавое «усмирение»

Казни, карательные акции и поощрение их царем

Предельна досягаемость
Властительной картечи,
Безмерна изменяемость
Правительственной речи.
Предельна убедительность
Посула и обмана,
Но без границ вместительность
Сановного кармана.
Предельно обаяние
Штыка и пулемета,
Бездонно одичание
«Слуги и патриота».
Предельны дарования
И ум министров рати,
Бескрайни наказания
За смелый тон печати.
Предела нет глумлению,
Поругана свобода,
И нет конца терпению
У русского народа!

Л. М. Василевский. 1906 год

Сторонники «России, которую мы потеряли», представляют ее как исключительно гуманное государство, в котором смертная казнь представляла собой нечто исключительное. Пожалуй, так оно и было. Вот как в революцию 1905 года обстояло дело с казнями.

«В „ежегодных отчетах военно-судного управления“ приводятся интересные данные по эпохе массовых казней с 1906 года: **1906 — 225 реально казненных, 1907 — 624, 1908 — 1340...** Из этого следует вывод: в 1908 году было казнено больше людей, чем в революционный период с 1905-го по 1907 год включительно. Нужно учесть и то обстоятельство, что в приведенную статистику военно-окружных судов не были включены казненные военно-полевыми судами. Военно-полевые суды, действовавшие в 1906–1907 годах, реально казнили 683 человека. В совокупности военно-полевыми и военно-окружными судами в 1906–1907 годах было казнено 1532 человека, что превышает казни по суду 1908 года. Всего по суду в 1906–1908 годах было казнено 2872 человека...»[83]

Для революции это — смешная цифра. Ну что такое 2872 человека на всю Россию? Но если рассмотреть хронику, то возникают вопросы.

29 июля 1906 года были расстреляны восемь руководителей и участников Свеаборгского восстания: подпоручик Емельянов, подпоручик Коханский, нестроевой старшего разряда Детинич, рядовой свеаборгского крепостного пехотного полка Воробьев и четверо фейерверкеров: Тиханов, Иванов, Герасимов, Виноградов[84].

6 августа 1906 года в Ревеле расстреляны 18 участников восстания на крейсере «Память Азова». Тела расстрелянных выброшены в море у острова Нарген[85].

7 августа 1906 года в Кронштадте расстреляно десять человек: крестьянин Конаков, студент Тер-Мкртычанц, сын ремесленника Иванов и семь нижних чинов минной роты: младшие унтер-офицеры Герасимов и Дорошенков, рядовые Виноградов, Рюмаев, Сильченков, Степанов и Филиппов. Из судившихся с ними суд приговорил: 81 человека к отдаче в каторжные работы на сроки от четырех до 20 лет, 33 человека к отдаче в исправительные отделения на сроки от двух до четырех лет и семь человек к заключению в гражданские тюрьмы на два года[86].

Получается, что за десять дней казнено 36 человек, а за год — 225? Впрочем, следующее сообщение открывает дотоле неведомый аспект карательной политики.

21 августа 1906 года временный военный суд вынес 22 смертных приговора участникам свеаборгского восстания. Кроме того, к каторжным работам на срок от 12 до 13 лет приговорены 33 солдата, на 4 года тоже 33 солдата, в дисциплинарный батальон на срок 3–4 года — 195 человек, в военные тюрьмы на 3–4 месяца — 298 человек[87].

Это еще одна разновидность судов в Российской империи. Временные военные суды предусматривались для срочного решения дел в местах, отдаленных от города, где находился военно-окружной суд. Такой суд комплектовался из офицеров по назначению начальника дивизии, а председательствовал офицер, командированный из состава военно-окружного суда. Значит, нам нужна еще одна судебная статистика.

Вот еще данные из Свеаборга. 5 сентября 1906 года был вынесен приговор участникам восстания на Скатуддене. 17 человек были приговорены к расстрелу, семь человек на каторжные работы без срока, семь человек к каторге на 20 лет, четыре человека в каторгу на 15 лет, четыре человека на восемь лет, десять человек на шесть лет, 21 человек на четыре года, восемь человек в исправительные арестантские отделения на шесть

лет и десять человек туда же на пять лет. В тот же день все 17 человек были расстреляны[88].

11 сентября 1906 года в том же Свеаборге был вынесен приговор минерам, которые не участвовали в восстании, поскольку сидели под арестом. На этот раз было вынесено четыре смертных приговора. Пять человек были приговорены к бессрочным каторжным работам, 18 человек к каторге на срок от 20 до шести лет, 31 человек в арестантские отделения сроком на шесть лет, 61 человек в арестантские отделения на четыре года[89].

21 сентября 1906 года в Кронштадте приведен в исполнение смертный приговор над 19 матросами. Из судившихся с ними 114 человек были приговорены к каторжным работам (12 к бессрочным и 102 к различным срокам от четырех до 20 лет) и 425 человек к тюремному заключению на разные сроки[90].

14 октября 1906 года в Кронштадте же по приговору военно-полевого суда в форте № 6 казнены: В. Тубилевич, А. Мамаева, Г. Венедиктова и рядовые К. Власов и А. Ипатов за намерение бросить бомбу в Кронштадтский военный суд[91].

Отлично! Стало быть, в этой гуманнейшей из держав вполне могли казнить за намерение. Тогда какие вообще могут быть претензии к Сталину?

28 ноября 1906 года в Москве военно-полевой суд вынес четырем подсудимым, обвинявшимся в нападении на городового, приговор, по которому они лишались всех прав состояния и присуждены к ссылке в каторжные работы без срока. В тот же день командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант Гершельман передал дело вторично на рассмотрение военно-полевого суда при новом составе судей. Вторичный суд, рассмотрев дело, признал подсудимых виновными и приговорил к смертной казни через повешение[92].

Городовой, похоже, остался жив. Иначе бы говорилось не о нападении, а об убийстве.

Далеко не всегда судьи разбирали дело по существу. А чего, впрочем, от них ждать — офицеры же, не юристы. Например, 19 января 1907 года в Одессе повешены четыре человека, выбежавшие, вместе с другими жильцами, из обстреливаемого полицией дома. Ничего общего с анархистами они не имели. Мать двоих из них сошла с ума.

15 ноября 1907 года в Риге расстреляны два человека, на смертный приговор которым был подан протест прокурором, так как они были невинны.

После революции 1905 года репрессии продолжались, хотя и не в тех масштабах.

1 июля 1912 года восстали два саперных батальона в Троицком лагере под Ташкентом. 14 руководителей восстания повесили, около 200 участников приговорили к каторге, сдали в дисциплинарные части[93].

2 июля 1912 года в Севастополе, в военно-морском суде, закончилось слушанием дело 16 матросов броненосца «Иоанн Златоуст». Матросы обвинялись в том, что подстрекали команду перебить офицеров, завладеть кораблем и поднять восстание. 10 обвиняемых были приговорены к расстрелу, пятеро — к каторге, один был оправдан. Утром 10 июля близ Херсонесского монастыря были расстреляны гальванер Зеленин, машинист Карпишин и электрик Селяков; семерым смертная казнь была заменена бессрочной каторгой[94].

26 июля 1912 года военно-морской суд в Севастополе приговорил к расстрелу матроса Полонского, покушавшегося на убийство своего ротного командира капитана Битковского[95].

2 августа 1912 года военно-морской суд в Севастополе приговорил к смертной казни через повешение матросов Борцова, Лясковского, Щетинина, Бабича и Масленникова, покушавшихся на побег из военно-морской тюрьмы. Первые трое были повешены. Бабичу и Масленникову казнь была заменена бессрочной каторгой[96].

11 октября 1912 года в Севастополе, в военно-морском суде, началось рассмотрение дела 142 матросов, обвинявшихся в подготовке восстания во флоте. Морские казармы, где происходил процесс, были оцеплены войсками. Суд приговорил к смертной казни 17 человек и 106 человек к каторге на разные сроки. В конце ноября из осужденных были казнены одиннадцать матросов, остальным казнь была заменена каторгой[97].

В многотомной «Истории Сибири» говорится, что за 1907–1910 годы были осуждены по политическим делам десятки тысяч человек, из которых более 5 тыс. приговорено к смертной казни. За 7 лет (1905–1912) умерло в тюрьмах от пыток, голода и болезней свыше 30 тыс. чел.[98]

Более того. Противники большевиков, как ни старались, так и не смогли найти ни одного доказанного примера расстрела несовершеннолетнего — не только в 1937 году, но даже за годы гражданской войны. Романовская же юстиция и тут отличилась.

В ходе подавления революции 1905–1907 годов смертная казнь широко применялась к подросткам, не достигшим 18 лет. Как отмечает автор исследования «Смертные казни в царской России. К истории казней по политическим процессам с

1824-го по 1917 год» С. С. Ушерович: «Царские законы предусматривали замену казни каторгой для малолетних и несовершеннолетних. Но в эпоху действия военно-полевых „судов“ законы эти „устарели“ и казни несовершеннолетних имели место почти по всей России. Так, среди 11 крестьян, повешенных в марте 1908 года в Херсоне, чья казнь побудила Льва Толстого написать знаменитую статью „Не могу молчать“, был 17-летний Юрченко.

В Ченстохове 22 сентября 1906 года было расстреляно 4 малолетних. В Новороссийске 17 января 1907 года казнь совершили над едва достигшим 17 лет.

5 ноября 1907 года в Пензе по приговору суда был повешен 17-летний Николай Пчелинцев. Как член группы анархистов-коммунистов, участвовал в экспроприациях и терактах, в том числе в убийстве начальника депо Пенза-Вяземская И. А. Сафаревича 12 сентября 1907 года и жандармского унтер-офицера (в перестрелке). Как несовершеннолетний взял убийство унтера на себя, однако снисхождения не дождался.

Бабание (17 лет). Казнен в Саратове в январе 1908 года по процессу группы петровских максималистов, за разгром помещичьих имений, экспроприации и террористические акты.

Александр Грингоф (17 лет). Расстрелян в Митаве в ноябре 1906 года за участие в боевой дружине.

Иван Мирковский (17 лет). Расстрелян в Люблине в январе 1906 года за убийство начальника станции.

Ян Руман (17 лет). Казнен в Риге 7 декабря 1906 года за активное участие в революционном движении.

Гергард Шервень (17 лет). Расстрелян в Ревеле 6 января 1906 года за участие в восстании батраков.

16-летние Андрей Кологривый, Афанасий Савченко, Иван Свистун, Василий Тура были повешены в Елисаветграде 13 января 1909 года по подозрению в участии в террористическом акте.

Но если смертные казни несовершеннолетних за убийства и теракты еще можно оправдать, то как быть с такими фактами:

Граудынь (17 лет). Расстрелян в Рижском уезде 12 февраля 1906 год за то, что не выдал своего отца, укрывавшегося от карательной экспедиции.

Шульмейстер (отец и сын 15 лет). Казнены в Риге 14 августа 1906 года за предоставление приюта „лесным братьям“.

На станции Хилок (Забайкалье) командовавшей карательной экспедицией генерал Ренненкампф расстрелял 4 юношей и 15-летнего мальчика только за то, что они поколотили ма-

шиниста и тем самым „способствовали низвержению существующего государственного строя“ (буквальное выражение из обвинительного акта).

15-летние Рудольф Альфред и Петр Дийка были расстреляны 8 января 1906 года в Вольмаре за пение революционных песен...

18 сентября 1906 года в Бахмуте были расстреляны семеро подростков в возрасте от 14 до 19 лет за распространение нелегальной литературы»[99].

Повторяем: даже лютые противники большевиков не могли найти ни одного доказанного факта казни несовершеннолетнего большевистским судом (сказки господина Мельгунова не в счет). Тем более за пение песен.

Но для большинства населения Российской империи даже военно-полевые суды были слишком большой честью. Каратели прекрасно обходились без юстиции вообще.

«Как следует из документов того времени: «До 18 февраля 1906 года действиями военных отрядов были лишены жизни: в Эстляндской губернии при сопротивлении с оружием в руках убито — 50 чел. и расстреляно — 68 чел., на острове Эзель расстреляно — 2 чел.; в Лифляндской губернии убито при сопротивлении с оружием к руках — 14 чел., а при попытке бежать — 1 чел., расстреляно — 120 чел.; в Южном отряде убито при попытке бежать — 2 чел., расстреляно — 39 чел.; в Курляндской губернии убито при сопротивлении с оружием в руках — 36 чел., при попытке бежать — 37 чел. и расстреляно — 64 чел.; в отряде подполковника Принца убито при сопротивлении с оружием и руках — 5 чел., в отряде генерал-майора Безобразова расстреляно 63 чел. Всего убито при сопротивлении с оружием в руках — 105 чел., при попытке к побегу — 52 чел., расстреляно — 356 человек. За февраль 1906 года в Прибалтике карательными отрядами было расстреляно больше, чем за весь 1906 год казнено военно-окружными судами. Посмотрим, за что казнили подданных „Его Величества“: 280 человек было казнено за чисто политические преступления, без малейшего посягательства на жизнь и имущество. На 1908 год приходится 118 человек. Следует прибавить к этому 51 казнь за неповиновение и сопротивление властям, без посягательства на жизнь должностных лиц, и 12 случаев казни за похищение имущества, без малейшего насилия над личностью»[100].

И это только Прибалтика. Страна же у нас была большая: и прибалтийские губернии, и великорусские, и украинские, и белорусские, и кавказские и т. д.

А сколько смертей вообще не нашло отражения в документах? Вот еще ряд представительных примеров.

Зимой 1905 года генерал-лейтенант Меллер-Закомельский во главе 200 гвардейцев занимался «усмирением» в Сибири. «12 января 1906 карательный отряд Меллера-Закомельского стрелял по митингу на станции Иланской, что недалеко от Красноярска. Это послужило основанием для запроса Государственной Думы правительству. Считается, что при этом погибло около 20 человек. Депутат от Енисейской губернии Н. Ф. Николаевский уточнял: „На другой день после этого за семафором, в 100 саженях от того места, где была бойня, нашли еще 7 трупов, и вот относительно этих трупов было недоумение, каким образом они оказались здесь. Это выяснилось через томских солдат, которых часть была взята Меллером-Закомельским в поезд, чтобы в Чите производить операции такого же рода. Когда Меллер-Закомельский вернулся, то эти солдаты тоже были возвращены в Канск и помещены для охраны канской тюрьмы. Вот они и сообщили, что эти семь человек были взяты в поезд Меллером-Закомельским. Для того чтобы узнать, насколько томские солдаты надежны в своих действиях, Закомельский велел вывести этих людей за семафор и приказал томским солдатам расстрелять их. Солдаты говорили, что положение их было ужасно: если они откажутся стрелять, то семеновцы (так в источнике. — *Авт.*) расстреляют и их, и тех семерых человек. Если же они их только подстрелят, то семеновцы добьют окончательно. В результате эти семь человек были расстреляны ими наповал“»[101].

Вы понимаете, что произошло? Схватили на станции первых попавшихся людей просто для того, чтобы проверить местных солдат. Случай получил огласку, стал предметом думского запроса. Как поплатился генерал? А никак! В 1906 году стал генерал-губернатором Прибалтики, потом был членом Государственного совета. Благополучно дожил до революции, эмигрировал. Сожалел, наверное, что мало стреляли — не удалось предотвратить революцию.

Совершенно исключительный персонаж — Николай Карлович Риман, сорокалетний полковник, командир батальона лейб-гвардии Семеновского полка. В декабре 1905 года командир полка полковник Мин остался «усмирять» Москву, а Римана послал с той же миссией по линии Московско-Казанской железной дороги. Официально считается, что его команда казнила 55 человек — но это официально.

Знаменитый журналист Владимир Гиляровский нашел очевидца поездки, обер-кондуктора Голубева, и, уж незнамо как, уговорил его поделиться воспоминаниями.

«16 декабря я вышел на дежурство с бригадой. На вокзале — войска. Времени 9 час. утра. Я осмотрел поезд, а в товарные вагоны вкатили два орудия, для чего пропилили стенки вагонов и выбили окна. В передние классные вагоны поставили два пулемета...

Вот и Сортировочная. Следы погрома. Вагоны разгромлены. Товары, мука, хлеб разбросаны по путям... Около погромленных вагонов были люди: кто с лошадью, кто с санками — они забирали грузы; некоторые, завидя нас, кричали: „Да здравствует свобода!“.

Солдаты стреляли в них из окон, а некоторые с площадок. Стреляли без разбору. Люди падали, бились на снегу, ползли, оставляя кровавые следы. Вот народ бросил все и побежал в поле, а кто остался у лошадей и саней, тех всех перебили. Женщина укрылась за сарай ассенизации со своими санками. Муж ее убежал, а ее застрелили...

...Был полдень. Направо у станции Перово забор мастерских и роща. Шли люди вдоль полотна и около забора, приличные, человек шестьдесят.

— Ни с места! Руки вверх! — наведя револьвер, закричал им с площадки вагона Риман. Люди продолжали путь. Риман остановил поезд. Солдаты начали в них палить. Когда сосчитали убитых, то оказалось их шестьдесят три человека. Некоторые, услышав выстрелы, поднимали руки, но их били. Все солдаты вышли из поезда, а его, пустой, приказали двинуть на станцию. Солдаты пошли в наступление с двух сторон. Влево загремели выстрелы. Я остался в поезде с бригадой. Видно было, как падали люди.

Когда поезд остановился около платформы, мы услыхали крик: штыком прикололи помощника начальника станции в то время, когда он говорил по телефону...

...Прибыли в Люберцы...

...Подъезжает к станции извозчик. На санях сидит бритый человек в шубе. Его остановили и обыскали. Ничего не нашли и отпустили. Он пошел на село, в чайную. Там он сидел с компанией — солдаты вновь его обыскали и нашли у него два револьвера. Забрали его и шестерых пивших с ним чай. Их отвели в контору начальника станции.

Около двери совещались офицеры, потом привели священника к арестованным. Он там пробыл несколько времени и ушел. Вслед за ним арестованных под конвоем повели в поле. Мы смотрели с платформы вагона. Они шли бодро, быстро. Впереди спокойно шагал бритый в шубе, руки в карманы. Это был Ухтомский. Сначала его не узнали — он прежде

носил бороду и усы. Всех поставили у кладбища, на горке, лицом в поле, а спиной к шеренге солдат, но бритый взял да повернулся и стал лицом к солдатам. Грянул залп. Все упали, а бритый стоял, руки в карманах. Второй залп — он закачался. В это время его дострелили из револьвера, и он упал.

Поехали дальше. Захватили арестованного слесаря и дорогой его пристрелили и выбросили из вагона на путь...

В Голутвино прибыли около трех часов дня... По платформе шел машинист Харламов. У него нашли револьвер без барабана — вывели на станцию и расстреляли.

В это время фельдфебель какого-то полка, возвращавшегося с войны, подошел к Риману и сказал:

— Удивляюсь, ваше высокоблагородие, как можно без суда расстреливать?

— А, ты лезешь учить! — и пристрелил его. (Эта скотина, Риман, ни в одной войне не участвовал, служил в Петербурге! — *Авт.*)

Народу была полна станция. Всех задерживали, обыскивали. Расстреляли у штабелей с камнем 23 человека... Взяли начальника станции Надежина и его помощника Шелухина — старые, уважаемые всеми люди. Повели гуськом: Шелухина — впереди, сзади — Надежина, который шел рядом с Риманом и просил его:

— Пожалейте, хоть ради детей.

Риман приказал солдату велеть ему замолчать, и солдат ударил кулаком старика по шее. Их расстреляли в числе двадцати трех у штабелей...

На обратном пути в Ашиткове тоже были расстрелы; между прочим, расстреляли начальника станции и телеграфиста. Останавливались на некоторых станциях, но нигде никого больше не убили. Да и станции были пусты и окрестности тоже: будто все вымерло.

Подъезжая к Москве, Риман призвал нас и приказал молчать о том, что видели. Прибыли в Москву в 10 ч. утра 19 декабря. Вернувшись домой, я долго не мог прийти в себя — все плакал. А кондуктор Маркелин, ездивший с нами, сошел с ума»[102].

Какие тут 55 человек! Это только по отчетам! То, что могли официально предъявить.

Кстати, Риман засветился еще в Петербурге в Кровавое воскресенье. Свидетельство о его «подвигах» оставил служивший тогда в Генеральном штабе будущий писатель Евгений Никольский.

«...Я увидел роту лейб-гвардии Семеновского полка, впереди которой шел полковник Риман... Рота пересекла Морскую,

направляясь к Полицейскому мосту... Около моста по команде Римана рота разделилась на три части — на полуроту и два взвода. Полурота остановилась посредине моста. Один взвод встал справа от Невского, а другой — слева, фронтами вдоль реки Мойки.

Некоторое время рота стояла в бездействии. Но вот на Невском проспекте и по обеим сторонам реки Мойки стали появляться группы людей — мужчин и женщин. Подождав, чтобы их собралось больше, полковник Риман, стоя в центре роты, не сделав никакого предупреждения, как это было установлено уставом, скомандовал:

— Прямо по толпам стрельба залпами!

После этой команды каждый офицер своей части повторил команду Римана. Солдаты взяли изготовку, затем по команде „Взвод" приложили винтовки к плечу, и по команде „Пли" раздались залпы, которые были повторены несколько раз. После пальбы по людям, которые были от роты не далее сорока-пятидесяти шагов, оставшиеся в живых бросились опрометью бежать назад. Через минуты две-три Риман отдал команду:

— Прямо по бегущим пальба пачками!

Начался беспорядочный беглый огонь, и многие, успевшие отбежать шагов на триста-четыреста, падали под выстрелами. Огонь продолжался минуты три-четыре, после чего горнист сыграл прекращение огня.

Я подошел поближе к Риману и стал на него смотреть долго, внимательно — его лицо и взгляд его глаз показались мне как у сумасшедшего. Лицо все передергивалось в нервной судороге, мгновение, казалось, он смеется, мгновение — плачет. Глаза смотрели перед собою, и было видно, что они ничего не видят.

Через несколько минут он пришел в себя, вынул платок, снял фуражку и вытер свое потное лицо...

Я свернул вдоль Мойки, но у первых же ворот налево передо мною лежал дворник с бляхой на груди, недалеко от него — женщина, державшая за руку девочку. Все трое были мертвы. На небольшом пространстве в шагов десять-двенадцать я насчитал девять трупов. И далее мне попадались убитые и раненые. Видя меня, раненые протягивали руки и просили помощи.

Я вернулся назад к Риману и сказал ему о необходимости немедленно вызвать помощь. Он мне на это ответил:

— Идите своей дорогой. Не ваше дело»[103].

Интересно, за что сын генерала, выпускник Пажеского корпуса, человек с благополучнейшей биографией, полковник Риман так люто ненавидел простой народ?

Дальнейшая биография этого безумного убийцы более чем благополучна. В 1906 году, получив предупреждение боевой организации эсеров о том, что его приговорили к смерти, драпанул за границу. (Его командир, Мин, остался и был убит.) По возвращении из-за рубежа командовал 91-м Двинским пехотным полком. (Почему не вернули в Семеновский? Офицерское собрание не захотело видеть в своих рядах струсившего карателя?) В 1912 году получил генерал-майора. В Первой мировой войне также не участвовал — был уполномоченным санитарного поезда Александры Федоровны. После Февраля 1917 года попытался опять удрать, но на сей раз не вышло. Римана арестовали на границе и доставили в Таврический дворец. Больше о нем ничего не известно.

Видный член никоим образом не революционной, но совершенно буржуазной партии кадетов В. П. Обнинский так описывал положение в Российской империи: «Главными средствами реакции в ее расправе с революционными и оппозиционными силами оставались обыски, аресты, высылки, ссылки, тюрьма и казни; арсенал обогатился лишь военно-полевой юстицией, положившей как бы несмываемый штемпель на кабинет П. Столыпина. <...> Высылались здоровые и больные, старцы и подростки... Суровые правила о содержании арестантов сменялись еще более суровыми. А беспорядки карались с жестокостью, не укладывавшеюся ни в какие рамки и переходившею нередко в систематические истязания. <...> Последумский период принес более 20 случаев убийства арестантов. Это снаружи. А внутри бьют и истязают за те же проступки, а иногда пытают и убивают безо всякой причины, как, например, в астраханской тюрьме.

В заявлении 20 крестьян Тамбовской губернии говорится о пытках и истязаниях, которым они подвергались в тюрьме города Козлова. Их избивали нагайками и железными прутьями до потери сознания, после чего обливали водой и снова били...

В Харьковской тюрьме на шумевших арестантов надели горячечные (то есть смирительные) рубашки и били кулаками и каблуками до крови; избито 25 человек.

В Севастопольской за малейшие протесты секут розгами.

В Риге 16 человек, из коих 10 было расстреляно, а трое сослано в каторгу, подвергались до суда пыткам; били плетьми, посыпали рубцы солью, покрывали тряпками и снова били. Потом топтали ногами за отказ дать показания. Вырывали волосы из головы и бороды, выбивали зубы. Тушили о тело папиросы и сигары. За два-три дня до истязаний переставали

давать хлеб и воду, а кормили исключительно селедкой и селедочным рассолом. Одному во время допроса заткнули рот прокламациями, приговаривая: „Почитай-ка теперь свои прокламации!“. Товарищи не узнали одного из своих, так изуродовано было лицо.

Самоубийства в тюрьмах все растут.

Очевидно, крутая лестница репрессий не позволяет остановиться на полдороге вниз, и скоро вступаем мы в полосу казней и расстрелов. Военно-полевая юстиция тяжким кошмаром повисла над придушенным обществом, пока оно к этому не притерпелось»[104].

Нет, мы не говорим, что противников царского режима надо было кормить пряниками. Но врать-то про «особое милосердие» зачем?!

В тридцатые годы число жертв репрессий было неизмеримо больше. Но есть и разница. Все они проходили через суды (так называемые «особые тройки», в статистике НКВД называющиеся «особыми трибуналами», уж всяко не хуже столыпинских военно-полевых судов). А вот санкционированных сверху расстрелов невооруженных митингов и демонстраций не бывало никогда[105]. Те, кто все же допускал подобное превышение власти, жестоко за это поплатились — вплоть до расстрела. А император за Кровавое воскресенье даже «стрелочников» не покарал.

Но, может быть, «ангел» молча страдал? Или все эти зверства совершались без его ведома, а он наставлял «усмирителей» быть помилосерднее, по возможности обходиться без стрельбы?

Нет, помимо дневников, после Николая осталось множество бумаг: докладов, отчетов, рапортов и донесений, на которых начертаны его резолюции.

«Витте докладывает о „переизбытке усердия“ Рихтера, командующего карательной экспедицией в прибалтийских губерниях. Его жандармы порют поголовно крестьян, расстреливают без суда и следствия, выжигают деревни. Следует высочайшая резолюция на записке: „Ай да молодец!“»[106].

«Министерство внутренних дел представило царю доклад о забастовочном движении, указав, где и сколько стачек сорвано с помощью штрейкбрехеров, сколько подавлено силой. Николай предписывает: „И впредь действовать без послаблений“»[107].

«Херсонский губернатор в годовом отчете сообщает, что участились случаи „правонарушений“ в рабочих районах. На полях резолюция: „Розги!“»[108].

«Дальневосточное командование сообщает в Петербург, будто из центра страны прибыли в армию „анархисты-аги-

таторы“ с целью разложить ее. Не интересуясь ни следствием или судом, ни даже простым подтверждением факта, царь приказывает: „Задержанных повесить“»[109].

«По действовавшему в империи „Положению о телесных наказаниях“ местный полицейский начальник мог по своему усмотрению выпороть любого крестьянина. За отмену „Положения“, как позорного, выступил Государственный совет. На отчете о дискуссии в совете надпись: „Когда захочу, тогда отменю“»[110].

«На докладе уфимского губернатора о расстреле рабочей демонстрации и о гибели под пулями 47 человек Николай надписывает: „Жаль, что мало“»[111].

«Во время доклада Витте о положении в стране царь подошел к окну и, глядя на Неву, сказал: „Вот бы взять всех этих революционеров да утопить в заливе“»[112].

«В Таврическом саду молодой человек с расстояния в десять шагов выстрелил в гулявшего Дубасова из браунинга. Промахнулся, был схвачен. В полиции заявил, что хотел отомстить за расправы при подавлении восстания в Москве. Дубасов просил царя пощадить юношу, назвав его „почти мальчиком“. Николай просьбу отклонил, „почти мальчик“ предстал перед военно-полевым судом и был повешен»[113].

Мы уже писали о Римане и Мине. По итогам карательной деятельности первый был награжден орденом св. Владимира, а второй получил чин генерал-майора и премию, как написали в газетах, «с присовокуплением царского поцелуя».

Эти деятели не были исключением. Вот еще несколько подобных.

Тамбовский губернатор фон дер Лауниц. «...Ввел в практику поголовную порку в „беспокойных“ деревнях; „по ошибке“, как сам доложил в одном из отчетов царю, „выпорол и несколько спокойных“. В Тамбове Лауниц устроил суд над группой крестьян — участников аграрных волнений; допустив к выступлениям на процессе адвокатов, схватил и выпорол также адвокатов. Выдающийся истязатель был и незаурядным вором. Посвятив часть своей энергии скупке и перепродаже земель, он шантажом и жульническими махинациями восстановил против себя в Тамбовской губернии даже собственных приспешников; местное дворянство возбудило в Петербурге ходатайство о лишении его дворянского звания. Кончились тамбовские похождения гусарского генерала тем, что царь, отозвав его в Петербург, зачислил в свою свиту, затем назначил столичным градоначальником».

Лауниц был застрелен 22 декабря 1905 года в Петербургском медицинском институте. Террорист был убит на месте. Чтобы установить личность покушавшегося, убитому отрезали голову, положили в банку со спиртом и выставили перед фасадом института.

«Однокашником фон дер Лауница по кадетскому корпусу и его компаньоном по пирушкам в Царском Селе был генерал Курлов... Получив назначение в Курск на должность вице-губернатора, Курлов одним махом завоевывает себе всероссийскую известность: на второй день после выхода царского манифеста об отмене телесных наказаний он приказывает выпороть восемьдесят шесть крестьян, арестованных за неповиновение. Перемещенный вскоре после этого на равную должность в Минск, он и здесь вписывает в свой послужной список достойное деяние: с жандармским отрядом окружил на привокзальной площади большую толпу рабочих, проводивших митинг, и приказал стрелять в них. Площадь усеяна убитыми и ранеными. Царь отзывает Курлова из Минска и назначает его товарищем министра внутренних дел...

На подавление крестьянских волнений в Харьковской и Полтавской губерниях послан карательный отряд под начальством генерала Клейгельса; в помощь ему прикомандирован князь Оболенский. Оба открывают, по выражению Витте, „сплошное триумфальное сечение бунтующих и неспокойных крестьян“. Порют мужчин и женщин, старух и девушек, даже детей. Общественность страны охвачена гневом. Царь же посылает Клейгельсу орден и денежную премию, объявляет ему благодарность, а Оболенского, прежде харьковского генерал-губернатора, производит в сенаторы. Оным способом „дранья“ добывали себе у царя аттестаты на государственную зрелость и другие высшие администраторы...

На юге, в Причерноморье, бесновались генерал Каульбарс (командовавший войсками Одесского военного округа), барон Нейгардт (одесский градоначальник), генерал Толмачев (сменивший Нейгардта) и граф Коновницын (сменивший Толмачева). Многие честные люди пали жертвами террора, развязанного в Одессе и прилегающих районах этими прямыми ставленниками петербургского двора. Они убивали граждан — на улицах и в тюрьмах, вымогали у населения дань, расхищали денежные фонды и имущество города. Когда же группа представителей общественности опротестовала в центре произвол одесских властей, царь демонстративно пригласил Коновницына к себе в Ливадию (где проводил лето), обласкал его, одарил и посадил за свой семейный стол. Все газеты

сообщали тогда, как о сенсации, что „граф Коновницын приглашен его величеством на интимный завтрак. Это сообщение многих поразило, ибо обыкновенные смертные постесняются пригласить к себе и сидеть за одним столом с таким субъектом, как граф Коновницын“[114].

В бытность свою (до премьерства) министром внутренних дел Столыпин, по просьбе Каульбарса, разработал проект указа о переводе Одессы на режим так называемого исключительного положения. Почему-то, однако, не решился представить проект на подпись царю. Узнав об этом, Николай сказал: „Я не понимаю, почему Столыпин думает, что я постеснялся бы перевести Одессу на исключительное положение. Впрочем, Каульбарс и Толмачев такие градоначальники, что им никакого исключительного положения не нужно. Они и без всяких исключительных положений сделают то, что сделать надлежит, не стесняясь существующими законами“.

В его устах это была высшая из похвал»[115].

«Не стесняясь существующими законами» — это, по-видимому, комплимент. Он ведь и сам ими не стеснялся.

Как увязать очаровательного собеседника, любящего мужа и отца, добропорядочного христианина с этими резолюциями? Объяснить все отсутствием фантазии, неумением поставить себя на место другого? Или глава государства просто «делал, что должно», привычно отвечая на волнения народа пулями, даже не предположив, что можно как-то иначе? «Социальный расизм», которым он дышал с малолетства, не позволял судить о подданных по себе, потому что судить по себе значило уравнять их с собою? А он с собой и министров не равнял...

...Что бы Николай ни говорил по поводу своего «попечения о народе», для облегчения его положения царь не сделал ничего. Любые же попытки не только протестовать, но даже коленопреклоненно умолять пресекались розгой и пулей. При этом каратели ссылались на «высочайшее повеление», которое, как видно из вышеприведенных резолюций, не заставляло себя ждать. «Чумазые» притихли, смирились, но урок, как уже было сказано, запомнили.

А с другой стороны, его запомнили и солдаты — такие же крестьяне. Кто-нибудь задумывался над тем, как отозвались в душах томских солдат приказы «кончить» за семафором рабочих, с которыми у них было гораздо больше общего, чем с отдавшими эти приказы генералом?

Если полковник Романов судил о надежности армии по своему лейб-гусарскому полку, он глубоко ошибался.

Глава 8. Армия с поротым задом

Хозяйственность, произвол, дезертирство и распад императорской армии

Единственной опорой царского режима оставалась армия. Полиция слаба, полиция не в счет. Церковь за два века лакейского существования растеряла авторитет. А больше ничего и не было — так, сказочки о «подданных, обожающих монарха», в которые никто, кроме экзальтированных великосветских дам, не верил.

Но уже 1905 год, так богатый на восстания в армии и на флоте, показал, что войска тоже ненадежны. Причем это были не обычные военные заговоры, во главе которых стоят генералы и офицеры. Бунтовали нижние чины. Надежными и лояльными режиму в 1905 году оказались только привилегированные воинские части — гвардия и казаки. Но много ли их было?

Впрочем, армия есть армия. Надежные генералы, обученные солдаты, военные победы — и страну можно было бы удержать от многих бед. Однако хваленая русская армия, «чудо-богатыри», позорно проиграла в 1905 году даже японцам. Солдаты были попросту плохо обучены — в отличие от противника. Фактически их бросали на смерть, надеясь «завалить врага мясом». Солдатики отлично поняли это в 1905 году и еще лучше поняли в 1914-м, а особенно в 1917-м.

Да и могло ли быть иначе?

У государства находились деньги для безумных авантюр, махинаций и казнокрадства. Но царское государство не желало как следует содержать свою надежду и опору. Вот что писал военный историк Антон Керсновский, открывая нам неведомый дотоле аспект русской армейской жизни: «Скудные отпуски кредитов военному ведомству, которому приходилось торговаться с министром финансов из-за каждого рубля, привели к тому, что у Российской империи не находилось средств на содержание своей армии. Войска были вынуждены сами себя содержать. Перевооружение войск магазинными ружьями в девяностых годах, двукратное перевооружение артиллерией в девяностых и начале девятисотых требовали больших расходов. Приходилось строить помещения, амуницию, отдавать и довольствовать войска хозяйственным способом, „без расходов от казны“.

Полковые хлебопекарни, полковые сапожные мастерские, швальни, шорни, столярные и плотничьи артели стали отни-

мать все силы войск и все внимание начальников. Офицеры превратились в артельщиков и каптенармусов — некому было посещать тактические занятия. Вся служба — в частности ротных командиров — стала заключаться во всевозможных экономических покупках, приемах, сортировках, браковании, проверках разных отчетностей, отпиской бесчисленных бумаг и бумажек. На милютинском канцелярском бумагопроизводстве привилась куропаткинская[116] хозяйственность. Система „без расходов от казны“ была заведена еще при Ванновском[117]. Куропаткин — сам ревностный и убежденный „хозяйственник“ — развил ее, доведя до геркулесовых столпов.

В русской армии конца XIX века „хозяйственность“ заняла то место, которое в первую половину столетия занимал „фронт“ — шагистика. Она проникала всю армию сверху донизу. Во времена Аракчеева и Паскевича начальство умилялось „малиновым звоном“ ружейных приемов, во времена Ванновского и Куропаткина — доброкачественностью сапожного товара, заготовленного без расходов от казны. Капитан, изобретший новый способ засолки капусты, приобретал почетную известность в дивизии, командир полка, у которого кашу варили пятнадцатью различными способами, аттестовался „выдающимся“. Все помыслы и устремления были направлены на нестроевую часть...

В нормальных условиях молодой солдат находился лишь первые четыре месяца своей службы, когда обучался собственно военному делу. По истечении этого установленного законом времени всевидящее фельдфебельское око намечало в строю молодых солдат будущих сапожников, портных, слесарей. Не попавшие в эти ремесленные цехи проходили главным образом караульную службу...

От воинских частей требовались все в большем количестве дозоры, конвои, караулы. При малейших беспорядках сил полиции всегда оказывалось недостаточно и приходилось вызывать воинские части. Принимая во внимание слабую их численность (роты в 48 рядов), нередко создавалось положение, при котором треть всего состава несла караульную службу, треть отдыхала, а треть была занята хозяйственными работами. В результате — полезный срок службы солдата вместо 4 лет, как правило, был 4 месяца»[118].

Но себя при этом командование не обделяло. «В 1904 году некоторые адмиралы получали такие годовые оклады: А. А. Бирилев (главный командир флота и портов, начальник морской обороны Балтийского моря и военный губернатор Кронштадта) — 14 тысяч рублей, Н. И. Скрыдлов (главный ко-

мандир флота и портов Черного моря) — 15 тысяч рублей, Н. М. Чихачев (состоявший в Департаменте промышленности, наук и торговли Государственного совета) — 22 тысячи рублей, Ф. К. Авелан (управляющий Морским министерством) — 28 тысяч рублей и Е. И. Алексеев (наместник на Дальнем Востоке) — 55 тысяч рублей»[119]. В то время как рядовой армейской пехоты получал в год 6 рублей, а только что призванному молодому матросу полагалось 9 рублей в год[120]. То есть один адмирал Алексеев получал столько же жалования сколько 6111 матросов.

Если бы генералы были толковыми, так и ничего себе. Для Суворовых и Кутузовых любого жалованья не жалко. Но уже русско-японская война показала полную, феноменальную бездарность командования русской армии, которое ухитрилось за всю войну не одержать ни одной победы и постоянно проигрывать японцам при превосходстве в численности и артиллерии.

Думаете, это кого-то чему-то научило?

«Весной 1911 года Сухомлинов с позволения императора получил целое крыло Зимнего дворца для проведения игр, в которых участвовали командиры и штабы армий, выделенных для возможных действий против Германии и Австро-Венгрии. Одна из задач игр заключалась в проверке концепций будущей войны ввиду того, что „обстоятельные данные, имевшиеся у нас в Главном управлении Генерального штаба, давали возможность создать обстановку и образ вероятных действий наших противников с большой правдоподобностью относительно возможных, действительных военных операций иностранных армий“. Другая цель сводилась к тому, чтобы выяснить, как командиры будут реагировать на реальные ситуации, с последующим намерением назначить тех, кто плохо себя проявит, на другие должности. Когда великий князь Николай Николаевич почуял, к чему могут привести эти учения, он был против „этой затеи“, в которой „военный министр хочет делать экзамен командующим войсками“, и сумел убедить царя в последнюю минуту отменить игры»[121].

В общем, все как обычно: пришел возмущенный дядя, и племянник опять не смог его обидеть. Что же касается командующих, то Керсновский пишет:

«Совещания начальников русского Генерального штаба с их французскими коллегами происходили ежегодно. Требования французов заключались в возможно более срочном наступлении Северо-Западного фронта с целью отвлечь на себя 5–6 германских корпусов (в случае начала войны. — *Прим.*

ред.) <...> Готовность наших войск к наступлению определялась сроком в 20 дней. В 1911 году генерал Жилинский заверил генерала Дюбайля, что войска эти якобы способны к наступлению уже на 15-й день мобилизации. Следствием этого легкомысленного и преступного обещания должен был быть поход в Восточную Пруссию совершенно не готовых войск. Об организации операционной базы и устройстве продовольственной базы генерал Жилинский, оказывается, забыл...»[122].

Генералов экзаменовала уже война.

Ну и, конечно, некоторые особенности российского общества в армии процветали, как нигде. Был ли кто-либо в царской России бесправнее солдата, отданного в полную власть своего командира — какого-нибудь мелкого дворянчика, от безысходности пошедшего в армию и озлобленного за это на весь мир?

«17 июня 1905 года в Курске стоял прибывший из Воронежа товарный поезд с эшелоном конно-горной батареи, состоящий из одного вагона первого класса, где помещался офицер, и товарных вагонов. В последних, в страшной тесноте, при 30-градусной жаре, жались нижние чины. На окрик командира, почему он не садится, один из них отвечал, что в вагоне невозможно дышать от тесноты, и от имени товарищей просил, чтобы прицепили еще вагонов. Офицер (поручик Михолапов) накричал на солдата и, когда тот стал возражать, велел связать его. Тогда солдат (канонир Бажиков), уже связанный, обругал офицера. Офицер выхватил шашку и одним взмахом почти снес ему голову. Солдат без крика, мертвый упал на платформу. Весть о происшедшем моментально разнеслась по мастерским, и в короткий промежуток времени громадная толпа окружила поезд. Офицер скрылся в вагоне. Вагон был облит керосином, подожжен, и убийца-офицер погиб в пламени. Солдаты же эшелона все время молча сидели в своих вагонах»[123].

Согласитесь, реакция солдат впечатляет больше всего.

Вот еще два примера. Это ситуация-«перевертыш» — одно и то же преступление, а жертвы и преступники — разные.

В мае 1913 года в Киеве солдат 6-го понтонного батальона, доведенный до отчаяния издевательствами фельдфебеля, выстрелом из винтовки ранил его и бежал из казармы. Преследуемый городовыми, он ранил одного из них штыком. Забежав в квартиру своего ротного командира, он и его также ранил. Загнанный солдат долго отстреливался от окружавших его городовых и специальных отрядов, пока выстрелами не был тяжело ранен. Солдата вылечили, судили и 28 июня расстреляли[124].

А вот обратный пример, наделавший в свое время много шуму. Осенью 1912 года в Петербурге корнет Доне застрелил буфетчика офицерского собрания, солдата 2-го эскадрона Мочалина. Тот отказался дать ему бутылку шампанского, поскольку корнет уже задолжал более 200 рублей. Доне решил, что это является нарушением субординации, и по уставу он может привести к повиновению нижнего чина любыми средствами. Корнет выхватил револьвер и убил Мочалина выстрелом в голову. Военный суд приговорил его к лишению прав состояния и четырем годам арестантских рот. Но тут вмешались Романовы. Великий князь Николай Николаевич лично доложил императору дело корнета Доне. По его ходатайству Николай II заменил Доне арестантские роты разжалованием в рядовые.

Едва ли взводный командир бил рядового Доне по морде. И, уж коль скоро сам царский дядя проявил интерес к молодому человеку, тому недолго пришлось оставаться рядовым.

И таких поручиков, капитанов, полковников в армии было — легион. Стоит ли удивляться тому, что уже в 1905 году солдаты и матросы то и дело бунтовали? Но все же большей частью они пока молчали, как те артиллеристы в эшелоне.

Можно ли назвать надежной армию, в которой складывались подобные отношения между солдатами и офицерами? Тем более что уже были ведь и «звоночки» 1905 года. Однако разумного выхода из ситуации царизм не находил. Россия была связана союзом с Англией и Францией. В стране существовала и влиятельнейшая группа «ястребов», во главе которой стоял очередной царский дядя, великий князь Николай Николаевич. Все они были свято уверены, что играючи справятся с «тевтонами», как за десять лет до того были уверены, что играючи побьют японских «макак».

Насколько обосновано было это утверждение? Генерал Деникин впоследствии писал: «Положение русских армий и флота после японской войны, истощившей материальные запасы, обнаружившей недочеты в организации, обучении и управлении, было поистине угрожающим. По признанию военных авторитетов, армия вообще до 1910 года оставалась в полном смысле слова беспомощной. Только в самые последние перед войной годы (1910–1914) работа по восстановлению и реорганизации русских вооруженных сил подняла их значительно, но в техническом и материальном отношении совершенно недостаточно...

Так называемая „Большая программа“, которая должна была значительно усилить армию, была утверждена лишь... в марте

1914 года. Так что ничего существенного из этой программы осуществить не удалось; корпуса вышли на войну, имея от 108 до 124 орудий против 160 немецких и почти не имея тяжелой артиллерии и запаса ружей. Что же касается снабжения патронами, была восстановлена лишь старая, далеко не достаточная норма в одну тысячу против трех тысяч у немцев.

Такая отсталость в материальном снабжении русских армий не может быть оправдана ни состоянием финансов, ни промышленности.

Кредиты на военные нужды отпускались и министерством финансов и последними двумя Государственными Думами достаточно широко.

В чем же дело?

Наши заводы медленно выполняли заказы по снабжению, так как требовалось применение отечественных станков и машин и ограничен был ввоз их из-за границы. Затем — наша инертность, бюрократическая волокита и междуведомственные трения. И, наконец, правление военного министра Сухомлинова — человека крайне легкомысленного и совершенно невежественного в военном деле. Достаточно сказать, что перед войной не подымался вовсе вопрос о способах усиленного военного снабжения после истощения запасов мирного времени и о мобилизации военной промышленности!»[125]

Сухомлинова после начала войны не пинал только ленивый — и большей частью заслуженно (учитывая специфический метод подбора кадров, применяемый Николаем, удивляться этому не приходится). Но именно отсутствие станков от него не зависело. Дело военного министра — размещать заказы, а не выполнять их.

Е. Прудникова пишет: «Начиная с 1910 года казенные заводы регулярно проваливали военные программы, и Россия вступила в Первую мировую войну абсолютно к ней не подготовленной. Мобилизационного запаса снарядов хватило на четыре месяца, а потом русские солдаты с тоскливым ужасом слушали немецкую канонаду, на которую им нечем было ответить. Мобзапас винтовок был около 5 млн штук, при том что число мобилизованных первой очереди насчитывало 7 млн человек. Уже к ноябрю 1914 года дефицит винтовок достигал 870 тысяч, а промышленность могла дать не более 60 тысяч штук ежемесячно. Люди были, но не было оружия.

„Выручили“ — если можно так сказать — частные военные заводы. Они-то снаряды давали, но... в три — пять раз дороже, чем казенные. Созданное весной 1915 года Особое совещание по обороне распределяло заказы с щедростью необыкновен-

ной — надо полагать, что и „откаты“ там были экстраординарные. Московское текстильное товарищество Рябушинского официально имело 75 % чистой прибыли (а сколько неофициально?). Но это еще скромненько, а у тверской мануфактуры было уже 111 %, меднопрокатный завод Кольчугина принес за 1915–1916 годы свыше 12 миллионов прибыли при основном капитале в 10 миллионов. Капиталисты наживались на войне с редкостным бесстыдством...»

А что же «хозяин земли русской», имевший полную власть над своими подданными? А ничего! Начальник Главного артиллерийского управления генерал Маниковский привел в своих воспоминаниях диалог с царем следующего содержания.

«*Николай II:* На вас жалуются, что вы стесняете самодеятельность общества при снабжении армии.

Маниковский: Ваше величество, они и без того наживаются на поставке на 300 %, а бывали случаи, что получали даже более 1000 % барыша.

Николай II: Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали.

Маниковский: Ваше величество, но это хуже воровства, это открытый грабеж.

Николай II: Все-таки не нужно раздражать общественное мнение»[126].

Тем не менее даже «чистое» «общество» не оценило лояльности монарха и радостно приветствовало его отречение в феврале 1917 года, продолжая грабить страну уже без него.

За все расплачивалась армия — мобилизованные и кое-как обученные, но при этом основательно битые русские мужики. Сразу после начала Первой мировой войны в городах царил патриотический энтузиазм. На улицах собирались толпы митингующих, попутно громили немецкие магазины... Газетчики изощрялись в выражениях «верноподданного» патриотизма. В деревнях же все было иначе.

«Свой протест и нежелание воевать многие ратники и ополченцы, подлежащие явке для отбытия повинности, выразили тем, что вообще не явились к освидетельствованию на призывные участки. Только по Ардатовскому уезду Симбирской губернии в списках не явившихся на призывные участки в первые дни мобилизации 1914 года значилось 222 человека... Всего, по сведениям Управления Казанского военного округа, на сборные пункты в начале августа 1914 года не явилось без уважительных причин 22 700 человек. Кроме того, заявили себя больными 173 809 человек, или 28,4 % всех призываемых по 14 уездам округа... О том, что заявления о болезни носили характер предумышленной симуляции, видно из следующего:

при общем числе (указано выше) заявивших о болезни, 40 % из них подали заведомо ложные сведения, и только 45,9 % переосвидетельствованных были признаны негодными к военной службе»[127].

Дальше продолжалось не лучше. Вот как оценивал состояние армии близко стоявший к военному делу председатель Государственной думы Родзянко: «Справедливость требует указать, что симптомы разложения армии были заметны и чувствовались уже во второй год войны. Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт с утечкой 25 % в среднем, и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следовавшие в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона, за исключением начальника его, прапорщиков и других офицеров».

Вот лишь один, наиболее характерный случай массового оставления воинской части. «В сентябре 1915 года из Симбирской дружины ополчения, находившейся в Ашхабаде, было направлено 300 солдат в 158-й пехотный запасной батальон. Из этих 300 солдат к месту назначения прибыли всего три человека при пяти конвойных. Остальные 297 человек сбежали, из них 166 человек прибыли в Ардатовский уезд. Командир батальона просил ардатовского исправника принять меры к розыску и возвращению в батальон солдат, самовольно оставивших службу»[128].

Стоит ли удивляться? Если горожане хотя бы приблизительно представляли себе причины войны — так, как их объясняли газеты (надо защитить братушек сербов от австрийцев и отбить Константинополь у турок, да и вообще германцы сами напали), — то для неграмотного мужика все это было полной тарабарщиной. Генерал Брусилов в воспоминаниях писал:

«Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герец-перц с женой были убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать, было совершенно неизвестно»[129]. И из-за всей этой галиматьи почему-то должны были мучиться и умирать русские мужики на фронте и их семьи в тылу.

В XX веке русская армия преуспела лишь в войне с собственным народом. Что касается внешнего супостата, то похвастать было особо нечем. Великий князь Николай Николаевич

так великолепно провалил командование армией, что царь был просто вынужден его снять. Николай стал главнокомандующим сам — но тоже особого успеха не добился.

Военные неуспехи дополнялись полным расстройством снабжения. На военных поставках не обогащался только ленивый, и уж совсем ленивый при этом не воровал. А расплачивались за все солдаты в окопах.

«Уже через два-три месяца после начала войны в войсках стал ощущаться недостаток в одежде и обуви. Причина традиционна: до войны об этом (как и о многом другом) „не подумали". По данным Военного министерства, в 1915 году армия получила лишь 64,7 % потребного количества сапог. Солдат обували в ботинки, но и тех не хватало. Тогда в ход пошли лапти. Солдаты с фронта писали: „Ходим наполовину в лаптях, над нами германец и австриец смеются — возьмут в плен кого в лаптях, с него лапти снимут и вывесят на окоп и кричат — не стреляйте в лапти свои"; „солдаты сидят без сапог, ноги обвернуты мешками"; „привезли лаптей два воза, доколе вот такой срам — войско в лаптях — до чего довоевали..."»[130]

Продовольственное снабжение армии также все более ухудшалось по мере роста хозяйственной разрухи в стране. За время войны правительство несколько раз сокращало нормы продовольственного снабжения, урезало солдатский паек. К апрелю 1916 года норма выдачи мяса солдатам сократилась в три раза (в связи с этим было введено три рыбных дня). Часто рыба выдавалась испорченной и непригодной к употреблению. Крупы заменялись чечевицей. Солдаты писали: «...Недостаток питания, а кроме того, хищничество нашего командира, который по крошкам грабит и отнимает у солдат и то, что отпущено казной. Начальство не входит в нужды солдат, не спрашивает и не опрашивает солдат, какая их жизнь и как довольствуют их». «Воруют все, начиная с кашевара и кончая, наверное, заведующим интендантством. Это же, черт их знает, через сколько рук пройдет все полагающееся нам, и к каждым рукам все пристает и доходит до нас совершенно скудное и плохое»[131].

Не лучше обстояло дело с размещением солдат, заботой о их здоровье. Снова обратимся к письмам: «...Помещаемся мы в летних бараках, народу масса, режим ужасный. Насекомых больше, чем народу. Все время стоят морозы с ветром». «...Обедаем на тех же нарах, на которых сидим и лежим с грязными ногами. Как я до сих пор не заразился, уму непостижимо, теперь у нас большой мороз до –25. У многих отморозились уши, ноги, носы, руки. Я тоже отморозил левую ногу, большой палец...»[132].

Ну и, конечно же, офицеры остались теми же, что и до революции. Точнее, офицеры бывали, конечно, всякие. Но каждый случай дикого произвола передавался из уст в уста, гремел по всему фронту.

9 декабря 1914 года около станции Радзивиллов командир 102-го пехотного Вятского полка полковник Довбор-Мусницкий встретил двух солдат и набросился на них с руганью. Затем выхватил револьвер и двумя выстрелами в упор тяжело ранил солдат. Самодурство Довбор-Мусницкого, получившего вскоре чин генерала и командование дивизией, осталось безнаказанным[133].

9 марта 1915 года, около девяти часов утра, в Перемышле, тотчас же по сдаче его русским войскам, проезжавший вместе со своим штабом по одной из улиц города начальник 81 пехотной дивизии генерал-лейтенант Чистяков заметил какого-то русского солдата, разговаривавшего с местными крестьянами. Генерал Чистяков «без всякого повода со стороны нижнего чина» и «совершенно неожиданно, по словам документа, — для всех свидетелей (офицеров штаба дивизии), не видевших никакой необходимости в принятии столь суровой меры», избив солдата хлыстом, обратился к сопровождавшему его ординарцу со следующими словами: «Отведи его туда (указывая рукой на пустырь вправо от улицы) и застрели, как собаку». Ординарец-казак, «исполнив приказание начальства», доложил генералу: «Ваше превосходительство, приказание исполнил». Далее следует обычный для царской армии диалог. Генерал: «Спасибо, молодчина». Казак: «Рад стараться»[134].

В феврале 1916 года в 23-м Сибирском стрелковом запасном полку в Новониколаевске призванный из Барнаульского уезда рядовой Казанцев во время дежурства поставил винтовку, закурил папиросу и отказался назвать свою фамилию командиру роты. Вместо дисциплинарного наказания прапорщик Степанов приказал под угрозой расправы избить нарушителя воинской дисциплины. У Казанцева было сломано 9 ребер и их осколками порвана печень. Вскоре он умер, а прапорщика перевели в другую роту на должность младшего офицера. Произошедшее, согласно информации жандармов, вызвало «большое недовольство» солдат[135].

А в довершение всего с 1915 года в армии снова ввели телесные наказания (на фронте, во время войны!). По-видимому, другие меры воздействия на солдатскую массу к тому времени полностью себя исчерпали. «Это явление — свидетельствовал один из солдат, — осенью 1915 года стало обыденным: секут за то, что вздумается, за самые ничтожные пустяки, час-

то совершенно безвинных, а то и просто по прихоти начальства. Мы знаем такие роты, батареи и команды, где мало есть телесно ненаказанных и [где все] поголовно биты начальниками этих рот, батарей и команд».

Солдаты часто писали о чувстве безысходности, об угнетающих мыслях о порабощении, вызываемых зверским обращением офицеров с солдатами: «Что-то жуткое чувствуется при переживании всего этого кромешного матершинства, глумления над человеком, слишком ужасно видеть, как бьют, таскают за бороду людей, которым 40 и больше лет»[136].

Положа руку на сердце: кого-то еще удивляет, что в армии «революция» началась с расправ с офицерами? Чего еще приходилось ждать?

А из дому шли и шли письма. И почти в каждом за строчками или прямым текстом стояло: «Мы голодаем...»

Ранее уже говорилось о том, что даже в мирное время крестьяне не могли прокормиться с земли. Постоянные мобилизации резко сократили численность трудоспособного населения деревни. По 50 губерниям и областям страны призванные в армию составили 47,4 % всего трудоспособного мужского населения деревень[137]. С каждым годом войны число семейств без работников все более и более возрастало. Вскоре на поля начали отправлять военнопленных, но их было к осени 1916 года всего 1 млн 100 тыс. человек, в то время как армия выгребла из деревень 15 миллионов. Резко сократилось и поступление сельскохозяйственной техники. В России ее производство во время войны уменьшилось в два раза по сравнению с 1913 годом, а поставки из-за рубежа прекратились. В «промышленно развитой державе» даже косы, как оказалось, ввозились из Австро-Венгрии.

Результат? В крестьянских хозяйствах посевная площадь под зерновыми и бобовыми культурами сократилась с 1914-го по 1916 год с 77,30 млн десятин до 62,28 млн — на 11,7 %. У помещиков посевные площади сократились в этот период с 8,41 до 6,63 млн десятин, то есть на 22,3 %[138]. По данным А. М. Анфимова, автора специальной книги о положении российской деревни во время Первой мировой войны, валовой сбор зерна в 1916 году сократился по сравнению с 1913-м на 27,2 %, товарность уменьшилась на 32,6 %...[139] И даже то, что собиралось, попадало в руки спекулянтов-перекупщиков, которые предпочитали припрятывать продовольствие в расчете на повышение цен.

Тогда правительство прибегло к продразверстке — каждая губерния получила определенные цифры поставок хлеба,

причем, в отличие от большевистской продразверстки, царская касалась не только хлебопроизводящих губерний, но и тех, которые даже в мирное время ввозили хлеб. Заготовками зерна занимались специальные уполномоченные, но результаты разверстки оказали более чем скромными.

Результатом стало усугубление голода (напомним, что голодала Россия постоянно), который охватил не только города, но и армию. Петроград в ноябре 1916 года вместо 3050 тыс. пудов хлебопродуктов получил всего 465 тыс. пудов, или 15 %, а в декабре вместо 3740 тыс. пудов — только 524 тыс., то есть 14 %[140]. Не лучше обстояло дело и в Москве.

Уже в 1915 году народное потребление сократилось на 25 %, а в 1916-м — на 43 %. Цены на продукты питания по сравнению с довоенным уровнем в том году поднялись в стране в среднем в 3–4 раза. Особенно подорожали одежда и обувь. Стоимость жизни рабочей семьи в связи с дороговизной к февралю 1917 года выросла в 4 раза по сравнению с довоенным временем. В промышленности рабочий день составлял 12 часов, нередко доходя до 14–16 часов. Перегрузка на производстве влекла за собой рост травматизма и заболеваний. В Петрограде заболеваемость рабочих возросла с 0,5 % в 1915 году до 10 % в 1917-м[141]. В 1916 году заработок рабочих был в среднем в 3 раза меньше, чем у служащих на предприятиях, и в 15 раз меньше, чем у директоров и управляющих[142].

Уже в 1915 году начались массовые выступления населения — пока еще стихийные голодные бунты. Например, 17 августа в Петрограде в течение дня в различных районах города, прежде всего рабочих, толпы людей перебили стекла в 103 магазинах и лавках, некоторые из них разграбили. Такие выступления отмечены не только в столицах, но и в других городах и даже поселках по всей стране. В 1916 году, по официальным данным, число таких выступлений увеличилось в 13 раз, с 23 до 288.

Совершенно секретный «Доклад Петроградского охранного отделения департаменту полиции» в октябре 1916 года констатировал: «Экономическое положение массы, несмотря на огромное увеличение заработной платы, более чем ужасно. В то время как заработная плата у массы поднялась всего на 50 % и лишь у некоторых категорий (слесаря, токаря, монтеры) на 100–200 %, цены на все продукты возросли на 100–500 %... Даже в том случае, если принять, что рабочий заработок повысился на 100 %, то все же продукты повысились в цене на 300 % в среднем. Невозможность добыть даже за деньги многие продукты питания и предметы первой необходи-

мости, трата времени на простой в очередях при получении товаров, усилившиеся заболевания на почве скверного питания и антисанитарных жилищ (холод и сырость благодаря отсутствию угля и дров) и пр. — сделали то, что рабочие, уже в массе, готовы на самые дикие эксцессы „голодного бунта“»[143]. 1917-й год облегчения не обещал. 25 января 1917 года в жандармском агентурном донесении из Петрограда сообщалось: «...Подобного рода стихийные выступления голодных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех — анархической революции...»[144]. Эти слова были сказаны за месяц до Февраля[145].

В армии усталость от бессмысленной войны и беспросветной жизни тоже начинала переходить в солдатские выступления. В декабре 1916 года отказались выехать на фронт и оказали вооруженное сопротивление солдаты 12-го Кавказского стрелкового полка, располагавшегося в Аккермане, а 21–23 февраля 1917 года вспыхнуло восстание на распределительном пункте бендерского гарнизона. Восстания солдат также произошли на распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге. Во время декабрьских боев 1916 года на Рижском плацдарме отказались наступать солдаты 2-го Сибирского корпуса. Целого корпуса!

В ходе Митавской операции 23–29 декабря 1916 года отказался идти в атаку 17-й пехотный полк, затем к нему присоединились еще несколько полков, волнения охватили части трех корпусов и десятки тысяч солдат. Командование все же смогло справиться с ситуацией; 92 наиболее активных участника выступления были расстреляны, несколько сот осуждены на каторгу. Но всем было ясно, что это не конец — скорее, начало.

К концу 1916 года число дезертиров в армии достигло 1,5 млн человек[146]. Дело доходило до массовой сдачи в плен[147]. По наблюдениям военной цензуры, к октябрю 1916 года «произошел какой-то перелом в настроениях армии в худшую сторону»[148].

Этот переход количества в качество усугублялся тем, что на фронте заканчивались запасы продовольствия. «В начале февраля на Северном фронте продовольствия оставалось на два дня, на Западном фронте запасы муки закончились, и части перешли на консервы и сухарный паек. В первой половине февраля старший военный цензор штаба 2-го Сибирского корпуса доносил о характерных высказываниях в солдатских письмах: „кормят плохо, хлеба дают мало, очень стало труд-

но“, „часто по суткам сидим не емши, без хлеба“, „голод мучит больше всего, хлеба я получаю около фунта в сутки, ну а суп — это чистая вода“ — и так далее. 22–23 февраля восстали солдаты двух стрелковых полков на Кавказском фронте: они требовали хлеба и мира. 22 февраля Николай II срочно отправился из Петрограда в Ставку спасать армию от продовольственного кризиса. Но на следующий день под воздействием того же продовольственного кризиса начались массовые волнения в Петрограде»[149].

До сих пор историки не пришли к единому мнению: вспыхнули ли эти восстания стихийно или были спровоцированы намеренными перебоями в поставках хлеба. Но ситуация в стране была такова, что достаточно искры — и полыхнет та самая «анархическая революция». Месяцем раньше, месяцем позже — конец один. Люди просто не могли больше так жить. И не последней причиной такого положения вещей была деятельность на вверенном ему посту «хозяина земли русской» и (будем справедливы!) его многочисленной, неподсудной и облеченной государственными полномочиями родни.

«Николай II в это время находился в штабе генерала Рузского, командующего Северным фронтом. При первых известиях о мятеже царь направил к Петрограду четыре полка под командованием генерала Иванова, чтобы традиционно погасить мятеж пулями и кровью. Никто не знает, чем бы все закончилось — озлобленные фронтовики могли ведь и присоединиться к мятежу, — однако железнодорожники остановили движение эшелонов вблизи Петрограда.

Дальнейшие действия царя зависели от позиции командующих фронтами. Монархически настроенные историки утверждают, что все они входили в спровоцированный англичанами заговор против монарха. Нет, заговор, конечно, был — но командующие фронтами учитывали еще и объективную обстановку. Например, они всерьез боялись революции на фронте. 1 марта начальник генерального штаба М. В. Алексеев телеграфировал царю о том, что вслед за Петроградом восстала Москва, и что революция грозит распространиться на армию. „Беспорядки в Москве, без всякого сомнения, перекинутся в другие большие центры России, — предупреждал Алексеев, — и будет окончательно расстроено и без того неудовлетворительное функционирование железных дорог. А так как армия почти ничего не имеет в своих базисных магазинах и живет только подвозом, то нарушение правильного функционирования тыла будет для армии гибелью, в ней начнется голод... Армия слишком связана с жизнью тыла, и с уве-

ренностью можно сказать, что волнения в тылу вызовут таковые же в армии... Подавление беспорядков силой в нынешних условиях опасно и приведет Россию и армию к гибели...“»[150]

«Ночью 2 марта председатель Государственной Думы Родзянко после переговоров с Петроградским советом сообщил Рузскому и Алексееву, что положение в столице диктует необходимость отречения. Алексеев запросил мнение командующих фронтами и флотами, сообщив, что сам он выступает за отречение с тем, чтобы предотвратить развал армии; все командующие согласились с его мнением. Командующий Западным фронтом А. Е. Эверт писал: „Я принимаю все меры к тому, дабы сведения о настоящем положении дел в столице не проникли в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений“. Командующий Балтийским флотом адмирал А. И. Непенин телеграфировал: „С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные мне войска. В Ревеле положение критическое... Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет за собой катастрофу“.

Снова встал вопрос о наличии надежных частей для борьбы с восстанием. Как говорил Николаю II посланец Думы А. И. Гучков, „надежных“ частей просто не было: „...Движение захватывает низы и даже солдат, которым обещают отдать землю. Вторая опасность, что движение перекинется на фронт... Там такой же горючий материал, и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нет ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас не заражалась бы. Вчера к нам в Думу явились представители... конвоя вашего величества, дворцовой полиции и заявили, что примыкают к движению“. Гучкова поддержал генерал Рузский: „Нет такой части, которая была бы настолько надежна, чтобы я мог послать ее в Петербург“.

Как видим, „заговор“, если даже таковой был, играл лишь вспомогательную роль. Главным аргументом являлось положение в армии, угроза бунта на фронте. Как позиция генералов, так и отречение Николая II были прямыми следствиями восстания 170-тысячного гарнизона Петрограда. Процесс уже пошел дальше. 1 марта в Кронштадте мятежные матросы убили адмирала Р. Н. Вирена и более 50 офицеров; 4 марта в Свеаборге погиб адмирал А. И. Непенин. 2 марта на псковской станции взбунтовался эшелон 1-го железнодорожного батальона; мятежные солдаты двинулись к царскому поезду, и их остановило лишь известие, что идут переговоры об отречении»[151].

Последний момент особенно важен. Николаю удалось практически невозможное: победить многовековое упование

русского народа на «батюшку царя», на то, что «царь у нас хороший, это бояре плохие». Для этого, право, нужен был особый государственный талант.

Действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета юрист А. Ф. Кони в 1917 году писал: «Мне думается, что искать объяснения многого, приведшего в конце концов Россию к гибели и позору, надо не в умственных способностях Николая II, а в отсутствии у него сердца, бросающемся в глаза в целом ряде его поступков. Достаточно припомнить посещение им бала французского посольства в ужасный день Ходынки... Стоит вспомнить его злобную выходку о „бессмысленных мечтаниях“ перед лицом земств... Достаточно, наконец, вспомнить равнодушное отношение его к поступку генерала Грибского, утопившего в 1900 году в Благовещенске-на-Амуре пять тысяч мирного китайского населения, трупы которых затрудняли пароходное сообщение целый день, по рассказу мне брата знаменитого Верещагина; или равнодушное попустительство еврейских погромов при Плеве; или жестокое отношение к ссылаемым в Сибирь духоборам, где они на севере обрекались, как вегетарианцы, на голодную смерть... Можно ли, затем, забыть Японскую войну, самонадеянно предпринятую в защиту корыстных захватов, и посылку эскадры Небогатова со „старыми калошами“ на явную гибель, несмотря на мольбы адмирала... Можно ли забыть ничем не выраженную скорбь по случаю Цусимы и Мукдена и, наконец, трусливое бегство в Царское Село, сопровождаемое расстрелом безоружного рабочего населения 9 января 1905 года. Этою же бессердечностью можно объяснить нежелание ставить себя на место других людей и разделение всего мира на „я“ или „мы“ и „они“. Этим объясняются жестокие испытания законному самолюбию и чувству собственного достоинства, наносимые им своим сотрудникам на почве самомнения или даже зависти...

...Нельзя не признать справедливой характеристику Николая II, сделанную в 1906 году одним из правых членов Государственного совета: „это трусость, и он трус“. Трусость и предательство прошли красной нитью через все его царствование. Когда начинала шуметь буря общественного негодования и народных беспорядков, он начинал уступать поспешно и непоследовательно, с трусливой готовностью, то уполномочивая Комитет министров на реформы, то обещая совещательную Думу, то создавая Думу законодательную в течение одного года. Чуждаясь независимых людей, замыкаясь от них в узком семейном кругу, занятом спиритизмом и гаданья-

ми, смотря на своих министров как на простых приказчиков, посвящая некоторые досужие часы стрелянию ворон у памятника Александры Николаевны в Царском Селе, скупо и редко жертвуя из своих личных средств во время народных бедствий, ничего не создавая для просвещения народа, поддерживая церковно-приходские школы и одарив Россию изобилием мощей, он жил, окруженный сетью охраны, под защитою конвоя со звероподобными и наглыми мордами, тратя на это огромные народные деньги. Отсутствие сердечности и взгляд на себя как на провиденциального помазанника божия вызывали в нем приливы горделивой самоуверенности, заставлявшей его ставить в ничто советы и предостережения немногих честных людей, его окружавших или с ним беседовавших, и допустившей его сказать на новогоднем приеме японскому послу за месяц до объявления Японией пагубной для России войны: „Япония кончит тем, что меня рассердит"...

А между тем судьба была к нему благосклонна. Ему, по евангельскому изречению, вина прощалась семьдесят семь раз. В его кровавое царствование народ не раз объединялся вокруг него с любовью и доверием. Он искренно приветствовал его брак с „Гессен-Даршматской" принцессой, как ее назвал на торжественной ектении протодиакон Исаакиевского собора. Народ простил ему Ходынку; он удивлялся, но не роптал против Японской войны и в начале войны с Германией отнесся к нему с трогательным доверием. Но все это было вменено в ничто, и интересы родины были принесены в жертву позорной вакханалии распутинства и избежанию семейных сцен со стороны властолюбивой истерички. Отсутствие сердца, которое подсказало бы ему, как жестоко и бесчестно привел он Россию на край гибели, сказывается и в том отсутствии чувства собственного достоинства, благодаря которому он среди унижений, надругательства и несчастия всех близких окружающих продолжает влачить свою жалкую жизнь, не умев погибнуть с честью в защите своих исторических прав или уступить законным требованиям страны. Этим же отсутствием сердца я объясняю и то отсутствие негодования или праведного гнева за судьбы людей и подданных, пострадавших от противозаконных и вредных действий его сатрапов...

...Обращаясь к непосредственным личным воспоминаниям, я должен сказать, что, хотя я и был удостаиваем, как принято было писать, „высокомилостивым приемом", но никогда не выносил я из кабинета русского царя сколько-нибудь удовлетворенного впечатления. Несмотря на любезность и ласковый взгляд газели, чувствовалось, что цена этой приветливости

очень небольшая и, главное, неустойчивая. Мне особенно вспоминается представление ему в 1896 году, когда оказалось, что он не знает о завещанных ему Ровинским драгоценных собраниях офортов Рембрандта, несмотря на то что таковые уже целый год как были переданы душеприказчиками в министерство двора... Каждый раз, когда мне приходилось ему представляться и выслушивать его обычный вопрос: „Что вы теперь пишете и что теперь интересного в сенате и Совете?“ — я присоединял к моему ответу, по возможности, яркое и сильное указание на ненормальные явления и безобразия нашей внутренней жизни и законодательства, стараясь вызвать его на дальнейшую беседу или двинуть в этом направлении его мысли. Но глаза газели смотрели на меня ласково, рука, от почерка которой зависело счастье и горе миллионов, автоматично поглаживала и пощипывала бородку, и наступало неловкое молчание, кончаемое каким-нибудь вопросом „из другой оперы“»[152].

«Кругом измена, трусость и обман», — записал Николай в дневнике после отречения. Он так ничего и не понял.

Глава 9. Жизнь после смерти

Белый террор и царелюбивая пропаганда

Мы не будем в тысячу первый раз рассказывать об аресте и гибели последнего русского царя, его семьи и слуг. Мы перечислим лучше некоторые неизвестные и никого из либералов не интересующие события июня-июля 1918 года.

«**11 июня 1918 года** в город Карабаш (Южный Урал) вошли белые войска под командованием поручика Глинского. Вскоре был издан приказ об аресте всех активных сторонников советской власти. В 20-х числах июня в Карабаш прибыл карательный отряд, арестовавший 96 человек: заместителя председателя Карабашского Совета В. М. Тетерина, членов городского совета, советских активистов, красногвардейцев и ряд рабочих, хранивших оружие. После допросов и применения пыток арестованным было объявлено, что их через Миасс отправят в Челябинск. Арестантов, построенных в колонны, в окружении казаков повели на станцию. Кто не мог идти, тех волочили по земле, привязав к седлам, остальных подгоняли плетками.

Арестованных провели 35 километров до законсервированного рудника вблизи от озера Тургояк. В расположенных здесь бараках заключенные провели двое суток, после чего их стали уводить группами к заброшенным шахтам. Казаки под-

водили арестованных к краю шахты по два-три человека и рубили их саблями, сбрасывая затем тела в рудник. Некоторые обреченные на смерть сами бросались живыми в шахты. После уничтожения всей партии заключенных шахты были заброшены камнями. Согласно свидетельству сторожа бараков, стоны из шахт были слышны еще несколько дней.

12 июня 1918 года в результате антибольшевистского восстания, возникшего на почве слухов о приближающихся войсках чехословацкого корпуса, на несколько дней захвачен город Невьянск (Пермская губерния). В самом начале восстания был убит председатель следственной комиссии П. П. Шайдуков и ранены товарищ председателя исполкома и двое его служащих (всех членов совета и служащих арестовали). Ночью был расстрелян, арестованный среди прочих членов совета, председатель местного Совета С. Ф. Коскович. Аресты были продолжены по всему уезду. Всего, по воспоминаниям невьянского комиссара финансов Н. М. Матвеева, повстанцами было арестовано в самом городе около 40 большевиков и до 60 большевиков в окрестных волостях. Согласно сообщению Уральского обкома, 17 июня, когда к городу стали приближаться красные войска, охрана стала бросать бомбы в камеры арестованных и стрелять. В одной из камер из 14 человек уцелело двое, в другой — из 17 — трое (остальные были убиты или тяжело ранены).

14 июня 1918 года войсками чехословацкого корпуса захвачен город Барнаул. На следующий день жертвами расстрелов стали все выжившие члены интернационалистического отряда (венгры). Были также казнены захваченные члены Барнаульского Совета.

Впоследствии режим в городе и его окрестностях также характеризовался массовыми расстрелами. Так, были расстреляны 50 человек в селе Карабинка Бийского уезда, 24 крестьянина села Шадрино, 13 фронтовиков в селе Корнилово. Первоначально начальник барнаульской городской, а затем уездной милиции поручик Леонид Ракин — младший брат коменданта Барнаула Авенира Ракина — прославился тем, что мог за несколько ударов превращать тело жертвы в кусок разбитого мяса. Поручик Гольдович и атаман Бессмертный, действовавшие в Каменском уезде, заставляли своих жертв перед расстрелом, стоя на коленях, петь себе отходную, а девушек и женщин насиловали. В селе Крутиха ими были расстреляны крестьяне, за то, что не смогли спеть „Боже, царя храни“. Строптивых и непокорных живыми закапывали в землю. Поручик Носковский был известен тем, что умел одним выстрелом убивать нескольких человек.

16 июня 1918 года казаками взят под контроль Новоузенск, уездный город Саратовской губернии. Заняв город, казаки провели массовые аресты и расстрелы местных советских работников и захваченных в плен красноармейцев. Согласно исследованию профессора Л. И. Футорянского, в Новоузенске было расстреляно 160 сторонников советской власти.

17 июня 1918 года войсками чехословацкого корпуса захвачен Ачинск. В городе войскам корпуса сдался отряд командующего советским Мариинским фронтом Павла Зверева в 80 штыков. Несмотря на добровольную сдачу, Зверев был расстрелян. В ачинскую тюрьму были посажены десятки человек. Часть из них будет расстреляна позднее.

18 июня 1918 года чехословацкими войсками совместно с оренбургскими казаками был взят под контроль Троицк. В городе, по данным советской периодики, в первые недели после его захвата было расстреляно 700 человек. Следует отметить, что особенно пострадали железнодорожники города. Незадолго до захвата Троицка они пустили пустой паровоз навстречу чехословацкому бронепоезду, в результате чего было много убитых и раненых. Мотивы мести определили расстрел 80 железнодорожников. Существенно большие цифры жертв в городе зафиксировал впоследствии в статье „Восстание чехословаков в Сибири“ меньшевик С. Моравский, который так описывал эти события: „Около пяти часов утра 18 июня 1918 года город Троицк был в руках чехословаков. Тот час же начались массовые убийства оставшихся коммунистов, красноармейцев и сочувствующих советской власти. Толпа торговцев, интеллигентов и попов ходила с чехословаками по улицам и указывала на коммунистов и совработников, которых чехи тут же убивали. Около 7 часов утра в день занятия города я был в городе и от мельницы к гостинице Башкирова, не далее чем в одной версте, насчитал около 50 трупов замученных, изуродованных и ограбленных. Убийства продолжались два дня, и, по данным штабс-капитана Москвичева, офицера гарнизона, число замученных насчитывало не менее тысячи человек“.

20 июня 1918 года в станицу Бердскую в Оренбуржье, после боя на р. Сакмаре оставленную красными войсками, вступил казачий карательный отряд. На ночном заседании стариков станицы с представителями отряда был составлен список 36 местных жителей, поддерживавших большевиков. На следующий день была сформирована Чрезвычайная следственная комиссия, которая в течение одного дня, рассмотрев дела арестованных, приговорила 13 из них к расстрелу.

23 июня 1918 года у станции Тундуш убит белыми партизанами комиссар златоустовского фронта И. М. Малышев. Он возвращался на санитарном поезде из Кусинского завода. Все задержанные (11 человек) были также расстреляны. Согласно более позднему советскому судебному процессу, который проходил 15 мая 1920 года, после убийства одежда Малышева (сапоги, кожаная тужурка и т. д.) были поделены между восставшими. Вместе с Малышевым было расстреляно 54 пленных красноармейца, еще 15 красноармейцев было расстреляно у Айского моста. Еще двое красноармейцев были убиты вилами в селе Куваши.

26 июня 1918 года в Канской тюрьме расстреляно 13 большевиков — организаторов советской власти в Канском и Татарском уездах Томской губернии (ныне Новосибирская область).

27 июня 1918 года войсками чехословацкого корпуса захвачен Златоуст. В городе начались массовые аресты сторонников советской власти. К 29 июня количество арестованных в городе превысило 360 человек. Согласно данным советских газет в городе при белых арестовано около 2 тысяч человек, расстреляно около 500.

28 июня 1918 года частями чехословацкого корпуса совместно с оренбургскими казаками захвачен Сорочинск. Было арестовано более 20 человек. Затем через несколько дней по приговору полевого суда в штабе карательного отряда в селе Лабазы Новосергиевского района их казнили. Каждого из них заставили рыть себе могилу, кололи штыком в спину и рубили шашками.

В селе Пьяновке (12 верст от Сорочинска) карательный отряд прапорщика Левина казнил восемь бывших красногвардейцев, затоптав их, еще живых, лошадьми в яме и зарыв полуживых в земле. В селе Исаево-Дедово было расстреляно 18 активных советских работников.

29 июня 1918 года войсками чехословацкого корпуса произведен переворот во Владивостоке. В городе были расстреляны многие рабочие и советские работники. Газета „Красное знамя“ 4 июля 1918 года писала: „После кровавой расправы над рабочими многие рабочие организации недосчитывают многих своих товарищей. Так, из союза грузчиков пропало без вести около 70 членов. По рассказам очевидцев, при занятии штаба телами убитых рабочих были нагружены и отвезены неизвестно куда два автомобиля. ЦБ профессиональных союзов получило всего 8 трупов, которые были похоронены. <...> После боя было выведено несколько пленных, которые были на

месте расстреляны. ‹Победители› принялись добивать раненых. Присутствовавшая тут молодая женщина в костюме сестры милосердия, не могшая удержаться от протеста при виде этих зверств, была на месте заколота штыками“.

1 июля 1918 года произошел налет партизанского отряда подполковника И. С. Смолина на станцию Тугулым. Согласно сообщениям советских газет, на станции чехословацким отрядом было расстреляно 17 человек из железнодорожной охраны и еще три человека. Начальник охраны перед расстрелом был подвергнут пыткам (выкололи глаза). Также были расстреляны члены красного летучего отряда: 10 красноармейцев и 4 сестры милосердия. О расправе на станции Тугулым писал в своих воспоминаниях и Ф. И. Голиков: „Самое ужасное — известия о зверствах белогвардейцев. Кулачье лютует, не жалея женщин, детишек, стариков. Под станцией Тугулым было расстреляно много красноармейцев, а начальнику станции Артюхову белые сначала выкололи глаза, потом зарубили его шашками“.

6 июля 1918 года в ответ на мученическую смерть захваченного красноармейским отрядом командира дроздовского полка М. А. Жебрака под Белой Глиной (согласно белым свидетельствам, был сожжен заживо), а также на смерть захваченных в плен других дроздовцев, командир 3-й дивизии Добровольческой армии М. Г. Дроздовский отдал после боя приказ расстрелять не менее 1000 взятых в плен красноармейцев. Прежде чем успел вмешаться штаб командующего армии, были расстреляны несколько крупных партий большевиков. „На мельницу (куда сводили пленных) пришел Дроздовский. Он был спокоен, но мрачен. На земле внутри мельницы валялись массы потерянных винтовочных патронов. Там были всякие: и обыкновенные, и разрывные, и бронебойные. Дроздовский ходил между пленными, рассматривая их лица. Время от времени, когда чье-либо лицо ему особенно не нравилось, он поднимал с земли патрон и обращался к кому-нибудь из офицеров. ‹Вот этого — этим›, — говорил он, подавая патрон и указывая на красного. Красный выводился вон, и его расстреливали. Когда это надоело, то оставшиеся были расстреляны все оптом“.

Расстрелы происходили в разных местах. Больные красноармейцы вытаскивались на улицу и немедленно расстреливались. Во дворе мельницы Пшивановых, по воспоминаниям очевидцев, расстреляли 125 человек, а на Ярмарочной площади красноармейцев массово уничтожали из пулемета.

...Всего за три дня только по приговору военно-полевого суда (роль прокурора исполнял поручик Зеленин) было расстреляно от 1500 до 2000 красноармейцев, захваченных в плен дроздовцами. Впрочем, данная цифра, исходящая из белых источников, также не является окончательной. Расстреливали и рубили шашками не только пленных красноармейцев, но и местных жителей, включая 14-летних подростков. Поэтому вполне реальной является и большая цифра. Помимо расстрелов, белое командование наложило на жителей села 2,5-миллионную контрибуцию.

(Интересно, в ответ на что красные так поступили с полковником Жебраком и его товарищами — если они так с ними поступили? Судя по поведению белых, было за что.)

12 июля 1918 года белыми войсками „кубанского" генерал-майора В. Л. Покровского захвачен Ейск. С приходом Покровского в городе незамедлительно появились виселицы. „О, знаете, виселица имеет свое значение — все притихнут", — отвечал на вопросы генерал Покровский. Первая виселица была сооружена незамедлительно в центре города в городском саду. Уступая возмущению местных жительниц, начальник гарнизона Белоусов вскоре ее убрал (на ней было повешено трое человек). Вместо нее виселицы были установлены в других местах, в том числе во дворе тюрьмы.

15 июля 1918 года войска под командованием генерала И. Г. Эрдели во время Второго Кубанского похода взяли под контроль станицы Переяславскую и Новокорсунскую. В станице Новокорсунской белоказаки повесили четырех членов местного Революционного комитета, в том числе и двух казаков, а затем еще шесть активистов. Около 20 заложников, взятых в станице, расстреляли позднее в станице Елизаветинской. При этом генерал Эрдели находил время заносить записи в свой дневник и пересылать записи из него своей возлюбленной. Очевидно, что он был уверен в правильности своих действий, когда писал ей: „Как бы я хотел, чтобы... ты мною гордилась, хвалила меня. Ты мой самый строгий судья".

18 июля 1918 года белыми войсками занят город Мелекесс Самарской губернии (с 1972 года Димитровград)... Так, в Мелекессе были расстреляны 20 рабочих-грузчиков. При этом расстрелы членов этого союза продолжались и в дальнейшем. По данным П. Г. Попова, до переворота в союзе насчитывалось 75 грузчиков, „...из них только 21 остался в живых, остальные погибли от рук белогвардейцев".

22 июля 1918 года войсками В. О. Каппеля захвачен Симбирск. В городе произошли массовые расстрелы. Комендант

города подпоручик Воробьев в официальных донесениях писал о 500 арестованных в первые дни после занятия Симбирска, при этом упоминая об отсутствии точных цифр расстрелянных. Между тем свидетельства расстрелов приводились в публикациях тех лет. „Вестник Комуча“ признавал 28 июля 1918 года: „Пойманные в городе красноармейцы в большинстве случаев расстреливались“. Самарская „Вечерняя заря“ писала, что, в Симбирске „расстрелы производились без всякого стеснения тут же на улицах, без следствия и суда, и трупы расстрелянных валялись на улице несколько дней“. Очевидно, что в свете этих сообщений можно говорить о массовых расправах в городе. Так, П. Г. Поповым приводились данные о почти 400 жертвах расправ на улицах и площадях Симбирска.

25 июля 1918 года войсками чехословацкого корпуса захвачен Екатеринбург. В городе фиксируется ряд самосудных расстрелов. Жители выдают на расправу чехам и казакам красноармейцев, а те их расстреливают. Общее представление о терроре в городе дает информация Центрального областного бюро профсоюзов Урала в августе 1918 года: „Вот уже второй месяц идет со дня занятия Екатеринбурга и части Урала войсками Временного сибирского правительства и войсками чехословаков, и второй месяц граждане не могут избавиться от кошмара беспричинных арестов, самосудов и расстрела без суда и следствия. Город Екатеринбург превращен в одну сплошную тюрьму, заполнены почти все здания, в большинстве невинно арестованными. Аресты, обыски и безответственная и бесконтрольная расправа с мирным населением Екатеринбурга и заводов Урала производятся как в Екатеринбурге, так и по заводам различными учреждениями и лицами, неизвестно какими выборными организациями, уполномоченными. Арестовывают все кому не лень...“.

Позднее при подготовке открытого политического процесса над колчаковскими министрами в мае 1920 года данные о репрессиях в регионе за период нахождения в нем белых войск были обобщены органами местной ЧК. На запрос суда ЧК сообщала, что по „приблизительным сведениям, далеко не точно, в Екатеринбургской губернии колчаковскими властями расстреляно минимум двадцать пять тысяч. Особым репрессиям подвергались уезды Екатеринбургский и Верхотурский“»[153].

Это только те эпизоды лета 1918 года, которые получили огласку. Многие из этих жестоко умерщвленных людей наверняка были христианами. Что же касается детишек, которых насаживали на пики казаки, расправляясь с непокорными де-

ревнями, — те и вовсе были безгрешны. Но их не только не канонизируют — о них просто забывают. Мало ли случается эксцессов на войне, да и вообще — сами виноваты (не они, так родители). Зачем «радетелям за Россию» под руку попались? Тот поручик, что расстреливал крестьян за то, что не смогли спеть «Боже, царя храни!», определенно был монархистом.

Тем не менее замученные детишки не имеют «переломного, ритуального смысла для всего мира». Беспрецедентным и трагическим объявлен расстрел 11 человек в Екатеринбурге. Именно о нем в первую очередь вспоминают, когда речь заходит об июне-июле 1918 года.

Почему именно этих людей — семью Николая Романова — выхватили и поместили на икону из кровавой вакханалии Гражданской войны, не начавшейся бы, к слову, если бы не иностранная интервенция, а? Зачем это понадобилось эмигрантам и дружественным им западным спецслужбам — понятно. Понятны и побуждения тех их потомков, которые всячески продвигают в России идею восстановления монархии — они рассчитывают после возвращения трона вернуть и свое место возле него со всеми полагающимися привилегиями. Но почему попадаются на эту удочку простые россияне, которым никакие преференции не светят?

А. А. Ананьев в книге «Призвание Рюриковичей, или Тысячелетняя загадка России» резонно писал: «Века шли за веками, рождались и умирали империи, сменялись кланы царствовавших династий и вывески социальных систем, возникали и укреплялись в схватках за господство над людскими душами новые и новейшие религии, но суть и церемонии похорон царствовавших особ оставались неизменными как нечто существовавшее и существующее само собой, обособленно, вне разгоравшихся в мире социальных и нравственных страстей и кровавых их разрешений; рядом с дворцами и храмами столь же мраморно-основательно, мраморно-нетленно, то есть с расчетом на века, эпохи, эры, высятся, поражая красотой, величием и могуществом, усыпальницы полководцев, царей, святителей, и что-то незаметно, чтобы за свою протекавшую в пресыщенности и барстве дворцовую жизнь сии усопшие персоны терзались положенными им (скажем, по постулатам христианской веры) муками ада... Среди простонародья бытует понятие, что смерть уравнивает людей; что ж, по логике или в согласии с природной заданностью утверждение это имеет смысл, против которого трудно что-то возразить; но ведь человечество, принявшее со времен пирамид поводырство за основу общественного бытия, если и следует какой-либо логи-

ке или закономерностям, то лишь логике и закономерностям фараоновской державности, по усилиям которой все мы от пращуров до новорожденных младенцев давно и безвозвратно погружены в обман, обставляемый церковными и светскими ритуалами, и, думаю, вряд ли нужно повторно расшифровывать суть деятельности полководцев, монархов, святителей на пространстве веков; кровавый след их тянется через тысячелетия, и если бы история писалась не троноугодниками, а представителями из народа, то едва ли все наши „бессмертные кумиры“ удостоились бы такого посмертного почитания, какое по своему невежеству (насильственному, принудительному) люди предоставили и продолжают предоставлять им. Чем кровавее тиран, тем выше и нетленней его слава в веках; могилы простолюдинов, кто по предначертаниям Бога заслужил вечное благоденствие, предаются забвению, распахиваются, отводятся под строительство городов, склепы же, мраморные усыпальницы, пантеоны, храмы, церкви, принявшие под свои купола останки знатных особ, родовые, фамильные захоронения, — они защищены не только святостью сложенных вокруг них легенд, но и тронным надзорным оком. Те, кто на себе пронес через века тяготы жизни, безвестны, а кто обратил и продолжает обращать свободных людей, свободные народы в рабство — в ореолах прижизненной и посмертной славы; нет, мир не просто расколот на богатых и бедных, властей предержащих и бесправных, но раскол этот закреплен почитанием кровавых кумиров, кровавых поводырей и наставников, отовсюду с пьедесталов и иконостасов взирающих на нас, и если кто думает, что у нынешних правителей — преемников исшедшего из Египта стержня господства и рабства — изменились цели их тронных притязаний или методы насилия и самовозвеличения, тот глубоко заблуждается, преступно повторяя ошибки отцов, дедов, прадедов, пращуров»[154].

Короче говоря, все это пережитки культа обожествления царей и императоров. То есть самое махровое язычество. Первые христиане предпочитали смерть, но не соглашались поклониться статуям цезарей. А что у нас?

А у нас почти никого не интересуют жертвы Гражданской войны из числа простолюдинов, хотя их тысячи и даже миллионы. Все внимание уделяется бывшей коронованной особе и его родственникам. Проводятся торжественные перезахоронения, воздвигаются церкви и монастыри, работают комиссии по идентификации останков (это-то зачем?! Прославление мощей готовят?). Более того, нам постоянно твердят о ка-

кой-то «вине» русского народа перед Николаем II, иной раз договариваясь до вещей о-очень интересных.

Народу пытаются навязать поклонение Николаю Кровавому. Между тем самая большая вина и перед русским народом, и даже перед представителями собственной династии лежит именно на бывшем императоре. Он взялся руководить Российской империей, но оказался к этому абсолютно не способен. Над ее проблемами он даже и не думал никогда. Его дневники это отлично показывают. Под скипетром Николая II Россией управлял эгоистический социальный слой: бюрократы, дворяне-помещики, олигархи. Ослепленные своей алчностью и спесью, думая лишь о собственном процветании и обогащении, они не только не проводили необходимых России преобразований, но и в борьбе против собственного народа залили страну кровью, пытаясь силой удержаться в руководящих креслах. Как справедливо заметил Л. Н. Толстой: «Совершенно ясно понял и почувствовал все безумие нашей, богатых, освобожденных от труда сословий, жизни и то, что оно не может быть иначе. Люди, не работая, то есть не исполняя один из законов своей жизни, не могут не ошалеть. Так шалеют перекормленные домашние животные: лошади, собаки, свиньи»[155].

Правнук старшего повара Николая II — кандидат исторических наук, начальник сектора анализа и оценок Российского института стратегических исследований (РИСИ) Петр Мультатули объявил виновным в расстреле Николая II и его семьи все человечество! Вот его слова: «Не в силах человеческих даже представить те душевные страдания, какие переживал Государь. Он не мог не понимать, не осознавать, не предвидеть, что смерть неумолимо приближается к Нему и к Его Семье. Он понимал это еще во время царскосельского заключения, когда сказал отцу Афанасию Беляеву: „Я решил, что, если это нужно для блага Родины, я готов на все. Семью мою жаль!“. Эти слова „Семью мою жаль“, произнесенные Государем, по свидетельству священника, со слезами на глазах, ложатся тяжким обвинением на плечи не только палачей, не только народа русского, но и на все человечество»[156].

В качестве «доказательства» причастности «всего человечества» к убийству Н. А. Романова Мультатули не постеснялся использовать газетную «утку» в стиле «один мужик сказал». Вот его писанина: «В двадцатые годы в газете „Царский вестник“, издававшейся в Белграде, была помещена статья „Кто убил Царскую Семью?“. *„Когда большевики и местный Совдеп при приближении белых вынуждены были спешно покинуть Екатеринбург*, — говорилось в статье, — *то впопыхах они оста-*

вили на телеграфе телеграфные ленты зашифрованных переговоров по прямому проводу между Свердловым (Москва) и Янкелем Юровским (Екатеринбург).

Ленты эти вместе с другими следственными материалами попали в руки следователя по особо важным делам Н.А. Соколова.

Расшифровать эти ленты Н.А. Соколову удалось лишь в 1922 году в Париже при помощи специалиста по разборке шифров.

Среди этих телеграфных лент оказались ленты исключительной важности, касающиеся именно убийства Царской Семьи. Содержание их было следующее:

Свердлов вызывает к аппарату Юровского, сообщает ему, что на его донесение в Америку об опасности захвата Царской Семьи белогвардейцами, или немцами, последовал приказ, подписанный Шиффом, о «необходимости ликвидировать всю Семью». Приказ этот был передан в Москву через Американскую миссию, находившуюся тогда в Вологде, равно как и через нее передавались в Америку и донесения Свердлова. Свердлов подчеркивал в своем разговоре по прямому проводу, что никому другому, кроме Свердлова, обо всем этом неизвестно и что он в таком же порядке передает приказание «свыше» ему, Юровскому, для исполнения.

Юровский, по-видимому, не решался сразу привести в исполнение этот приказ. На следующий день он вызывает к аппарату Свердлова и высказывает мнение о необходимости убийства лишь Главы Семьи, последнюю же он предлагал эвакуировать.

Свердлов снова категорически подтверждает приказание убить всю Семью, выполнение этого приказа ставит под личную ответственность Юровского.

Последний на следующий день выполняет приказ, донеся Свердлову по прямому проводу об убийстве всей Семьи. После этого Свердлов сообщил об этом ЦИКу, поставив последний перед свершившимся фактом.

Все эти данные, не вошедшие в книгу Соколова об убийстве Царской Семьи, были лично сообщены Соколовым в октябре 1924 года, то есть за месяц до внезапной своей смерти, его другу, знавшему его еще как гимназиста пензенской гимназии. Этот личный друг Соколова видел и оригинальные ленты, и их расшифрованный текст“»[157].

Лживость этой газетной «утки» очевидна. Соколов якобы расшифровал материалы «исключительной важности» в 1922 году, но за два года так их и не опубликовал, хотя часть

материалов следствия печатал в 1924 году. И даже за те же два года никому о них не рассказал, кроме анонимного «друга», не имеющего фамилии, имени и отчества. К тому же в схеме «заказчик — организатор — исполнитель» исполнителю никогда не сообщается имя заказчика. Для того, чтобы исполнитель не знал заказчика, и существует промежуточное звено. Поэтому лже-Свердлову в якобы переписке с лже-Юровским абсолютно не было нужды ссылаться на якобы переписку с американским банкиром-евреем Шиффом. С какой стати верить в то, что в данном случае сообщали исполнителю, от кого и откуда получен «приказ». Но Мультатули вещает эту заведомую галиматью, подавая ее как несомненный факт.

Впрочем, г-н Мультатули печется о своем — его прадед был расстрелян вместе с семьей бывшего царя в Ипатьевском доме. А родоплеменные отношения — древнейшая и могучая сила. Да и другие мотивы нельзя сбрасывать со счетов. Прославление Николая косвенно освещает и его верного повара, а отсвет достанется и правнуку.

Но все это мелочи по сравнению с откровениями диссидента-эмигранта Михаила Назарова: «Те, кто упрекает Государя в „безволии“ в те роковые дни, не осознают мистического уровня мировой катастрофы, остановить которую никакой глава государства был не в силах... Он предчувствовал, что спасти Россию уже нельзя военно-политическими мерами (которые он предпринял для подавления бунта, но они были за его спиной отменены генералами-заговорщиками), а только духовным подвигом, положившись на волю Божию. В те безумные для России дни его смиренный отказ бороться за власть и за жизнь был в чем-то подобен отказу Христа бороться за Свою жизнь перед распятием. Сын Божий смиренно предал себя в руки палачей ради спасения рода человеческого через победу над смертью в Своем Воскресении, Он молча стоял перед Пилатом и беснующейся еврейской толпой. Так же на свою Голгофу молча взошел и Государь Николай II, человек высочайшего христианского духа, интуитивно зная, что иного пути спасения России уже нет, кроме самопожертвования для вразумления потомков на предстоящем пути страданий. Вот в чем смысл святости Царя-Мученика. Таким образом, его отречение было последним актом царского служения Помазанника Божия Божией воле. Это подтвердилось явлением иконы „Державной“ Божией Матери в день отречения и затем было открыто митрополиту Макарию в примечательном сне: Царь вымолил у Господа горькую чашу для себя и манну для своего народа, после чего незримый голос сказал: „Госу-

дарь взял вину русского народа на себя, и русский народ прощен“ <...> Даже после формального отречения, вырванного у Царя обманом и революционным насилием... Николай II все еще оставался Помазанником Божиим — этого качества, получаемого через особое церковное таинство, его никто лишить не мог. Поэтому в Екатеринбурге убили не „гражданина Романова“... а Помазанника, и это имело исторически переломный, ритуальный смысл для всего мира»[158].

Так вот, напрямую, уподобить смертного человека Христу — другого такого случая в истории церкви сразу и не припомнишь. Точнее, случаев-то сколько угодно — но вслед за этим сразу следует появление секты. И нынешний прецедент — не исключение.

На этом уподоблении, как на фундаменте, стоит так называемое «царебожие» — современная ересь, уже породившая и собственную «церковь». Впрочем, большая часть царебожников разумно прикидывается православными. Но их можно легко узнать по терминологии. Если услышите о «царе-искупителе», о «всенародном грехе русского народа» перед царем, о «царственных великомучениках» — скорее всего, перед вами либо сектанты, либо замороченные ими православные. «Царебожцы» пытаются говорить как бы от лица Русской православной церкви, но в РПЦ царская семья — страстотерпцы, и не более того. И таинства помазания на царство в РПЦ тоже не существует. И уж никоим образом никогда ни один православный не поставит смертного человека рядом с Христом.

Впрочем, расстрелянный сто лет назад бывший русский царь во всей этой современной вакханалии уж точно не виноват. Фальшивый образ Николая II используется олигархией и правящей бюрократией для одурачивания народа и насаждения всяческого мракобесия. А ведь Николай II в свое время, развязав террор против народов Российской империи и кинувшись в Первую мировую войну, должен был понимать, что вызванное этим озверение может обрушиться на все общество вообще и него и его семью в частности. Должен был, но, вероятно, не понимал.

Этот труд не является аналитическим, не претендует на какую-то оригинальную концепцию истории. Здесь, по сути, собрана подборка когда-то широко известных фактов, которые ныне тщательно замалчиваются. А между тем народ должен знать правду о собственной истории, а не набор мифов на потребу очередному правителю или церковной организации.

Потому что смысл изучения истории состоит и в том, чтобы не повторять ошибок, которые уже имели место ранее.

А история показывает всем, кто хочет и может ее понять, что монархия — самая примитивная форма организации государства. Она существовала начиная с Шумера и Древнего Египта. Ее основа — копирование иерархии стаи диких приматов, из которых и развился человек. Поэтому чем примитивнее общество, чем больше в нем элементов борьбы за доминирование в стиле стай приматов, тем больше в нем монархических элементов. Главный элемент тут — алчность, то есть стремление присвоить лично себе максимум всего, даже если это нет никакой возможности использовать.

Отсюда все эти безумные постройки в виде гигантских пирамид, дворцов, храмов и прочих бессмысленных с точки зрения практического использования сооружений. Единственный смысл этого расточительства ограниченных ресурсов в демонстрации превосходства местного повелителя и его приближенных как перед простолюдинами, так и перед иностранными правителями. Такой же характер имеет ювелирное производство, вызванное к жизни потребностями обитателей дворцов и храмов в демонстрации своего «высокого» статуса перед теми, у кого нет возможности обвешаться побрякушками из драгоценных металлов и ярких камней. Это поведение типичных приматов.

Второй монархический элемент — сословность, то есть убеждение, что люди делятся на лиц «благородного» происхождения и простолюдинов. При этом все «благородство» первых заключается в том, что у них есть много предметов, являющихся редкими в данном обществе. Это может быть что угодно: от раковин на островах Полинезии до миллиардных счетов в знаках стоимости данного государства.

В свою очередь алчность порождает жестокость, потому что ворам сначала нужно силой отнять у людей их достояние, а затем приходится охранять награбленное и продолжать грабить, чтобы не отстать от других грабителей. Сословность же порождает спесь, потому что неприятно считать себя вором и грабителем, поэтому придумываются всякие теории о «голубой» крови и городятся всякие дворянские гербы и родословные. И такое положение существует с незапамятных времен.

Повторим: данная книга — не научная монография, а обзор доступных источников. Поэтому тут, возможно, представлена даже меньшая часть всего того кровавого произвола, который реально происходил во времена царствования Николая II. В частности, сюда не включены сведения о множестве разгонов демонстраций и подавлений забастовок, которые не сопровождались смертоубийством. Для более-менее полно-

го восстановления всей картины царского террора необходимы годы работы в архивах и библиотеках. Но для этого у авторов нет ни времени, ни сил. Ведь ни российские олигархи, ни олигархическое государство, ни зарубежные олигархические фонды не выделят на такой огромный труд ни копейки. Вот на писанину про ГУЛАГ, красный террор, преступления Сталина и тому подобные темы деньги выделяются щедро, на данные темы выходит множество книг.

Из тех же источников подпитывается и истерическая кампания по поклонению мифологизированному образу Николая II. Постоянные призывы к покаянию... Плакаты «Прости нас, Государь!»... Художественные фильмы, ежегодные напоминания по телевидению и прочим СМИ о расстреле в Екатеринбурге... О Николае II издаются сотни книг апологетического содержания. А объясняется все заинтересованностью эксплуататоров в одурманивании масс ложными идеями о посмертном вознаграждении современных «рабов божьих» за терпеливое прозябание при жизни. Таким образом и почти через сто лет после своей насильственной смерти Николай Кровавый продолжает служить делу ограбления народа и деградации страны.

Совершенно очевидно, что те, кто прославляет Николая II, вовсе не хотят восстановления исторической правды, а вполне сознательно и за щедрую плату дурачат народ в интересах коррумпированной власти и олигархата. Кстати, точно так же обстояло дело и в Российской империи, во главе которой стояла коррумпированная династия Романовых.

К сожалению, после смерти Сталина, то ли по недомыслию, то ли в результате вполне сознательного вредительства, тема царского террора против народа была в Советском Союзе реально табуирована. Кроме случайно, благодаря титаническому труду энтузиаста-одиночки, пробившейся к читателю книги Касвинова «Двадцать три ступени вниз» (великолепной, но все же публицистической), обобщающих, современных работ по теме не существует. Не считая очень давней книги Ушеровича, вышедшей в Харькове более 80 лет назад, опереться не на что. Поэтому, когда современные фальсификаторы истории распинаются насчет ужасного советского агитпропа, якобы коварно оклеветавшего Николая II, имеет смысл поинтересоваться — где же изданные в СССР книги и статьи с цифрами и фактами царского террора против народов России?

Кстати, огромная популярность книги Касвинова в советское время свидетельствует, что народ хотел знать правду о последнем царе, поскольку информации на эту тему практи-

чески не было. Однако правды этой партийная номенклатура и ее обслуга из числа исторической челяди тогда не говорили, а сейчас и подавно не скажут.

Почему сейчас власть и олигархия принялись восхвалять Николая II? Почему они не жалеют средств на эту кампанию? Ответ прост — рухнула народная власть и к власти вернулся олигархический капитализм. Олигархия заменила дворянство, а бюрократия восстановила свое всевластие. Церковь вернулась к своей традиционной роли — угождать существующей власти. Для продолжения разграбления России олигархам необходимо дурачить народ... Говоря научно — обеспечивать идеологически-политическое прикрытие. И его дружно обеспечивают бюрократия, олигархия и «иностранные агенты» вкупе с историческими глупцами. В коллизии с попытками переименования станции «Войковская» все они, от Проханова до Алексеевой и от Мультатули до Венедиктова, выступали единым фронтом против народа. Запад такая политика тоже вполне устраивает. После ликвидации СССР там тоже началось наступление на права трудящихся, начались рост неравенства, упадок культуры, науки и морали. Таким образом, утрата русским народом власти в своей стране привела к прогрессирующей деградации всего человечества. Провокационная кампания по прославлению Николая II — это только звено в цепи событий, ведущих человечество к гибели.

Почему объектом восхваления и чуть ли не образцом монарха сделан именно Николай II? Ведь до его правления царская власть еще пыталась соблюдать какие-то правила и приличия, сохранять хотя бы видимость равноудаленности от всех сословий. С начала XX века народы России стали все более настойчиво заявлять о своих правах на жизнь и счастье. В ответ именно при императоре Николае II в Российской империи утвердилась практика массовых убийств и государственного насилия. Эту политику сегодня кое-кто хотел бы возродить, заранее оправдывая ее. Вот почему из всех царей, включая зверски убитого Павла, именно Николая II объявили святым. Именно его прославляют и восхваляют из каждого утюга, именно ему ставят памятники, именно о нем пишут бесчисленные книги и статьи, снимают фильмы и телепередачи.

Необходимо хоть что-то противопоставить этому потоку лжи. И мы надеемся, что наша книга внесет в народное сознание хоть каплю правдивой информации о деяниях режима Николая Кровавого и о той царской России, которую потеряли Говорухины.

Глава 10. Монархисты: от царя к фюреру

Поклонники Николая II в Великой Отечественной войне — от Третьего Рима к Третьему рейху

Немцам

Христос Воскрес! Спешите, братья!
Из мглы кровавой октября
Мы простираем к вам объятья,
Зовем свободу, ждем царя!
Он возвратит нам рай святыни,
Свободный труд и честный торг,
Забьют фонтанами пустыни,
В сердцах заискрится восторг!
Да сгинет шайка негодяев,
Кем опозорена Москва,
Кто нас учил, как попугаев,
Твердить дурацкие слова!
Христос Воскрес!
Отныне снова
Пребудет с нами, как и встарь,
Заветное, святое слово:
Самодержавный русский царь.

Сочинено Б. А. Садовским в июне 1941 года[159]

В гражданской войне 1918–1922 годов в рядах белогвардейских вооруженных формирований оказалось немало активных монархистов. Хотя руководство белогвардейцев открыто не выступало за восстановление монархии, но оно декларировало непредрешенчество (как будущее Учредительное собрание решит — так и решит). То есть реставрация монархии в будущем ими не исключалась. В белогвардейских вооруженных формированиях сражались против русского народа следующие генералы-монархисты: И. Г. Барбович, М. К. Дитерихс, М. Г. Дроздовский, В. О. Каппель, П. Н. Краснов, А. П. Кутепов, Н. А. Лохвицкий, С. Л. Марков, Е.-Л. К. Миллер, В. М. Молчанов, А. В. Туркул, Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг, Н. Н. Юденич и другие. Еще больше сторонников монархии было в званиях полковников, майоров, капитанов и проч. Так что неверно утверждение, что в ходе гражданской войны сторонники Октябрьской революции сражались со сторонниками Февральской революции — в рядах сторонников Февраля находились в немалом числе и приверженцы монархии.

После поражения иностранных интервентов и их белогвардейских марионеток монархисты оказались в эмиграции и начали борьбу за уничтожение нового русского государства. Уже в мае — июне 1921 года в Баварии, в местечке Рейхенгалле прошел так называемый первый монархический съезд, принявший «Рейхенгалльскую платформу», которая декларировала необходимость реставрации монархии в России и сохранение власти за династией Романовых. В съезде приняли участие бывшие сенаторы, бывшие члены Государственного совета, бывшие депутаты Государственной думы, церковные иерархи (А. П. Храповицкий и др.). На съезде был также сформирован Высший монархический совет (ВМС), который возглавил известный черносотенец и антисемит Н. Е. Марков.

В том же году в Берлине группой монархистов-эмигрантов (герцог Г. Н. Лейхтенбергский, литераторы С. А. Соколов-Кречетов и А. В. Амфитеатров, генерал П. Н. Краснов и пр.) была основана православно-монархическая диверсионно-террористическая организация «Братство русской правды» (БРП).

В 1922 году великий князь К. В. Романов объявил себя блюстителем несуществующего престола, а в 1924 году провозгласил сам себя императором несуществующей империи. Для консолидации своих сторонников среди эмигрантов в том же году К. В. Романов образовал Корпус офицеров Императорской армии и флота (затем Корпус Императорской армии и флота — КИАФ).

В 1924 году был создан Русский общевоинский союз (РОВС) под руководством одного из главарей белогвардейщины барона П. Н. Врангеля. Затем РОВС возглавляли генералы: Кутепов, Миллер, Архангельский, фон Лампе, Харжевский. Главным идеологом РОВС был философ Иван Ильин, так любимый нынешними горе-националистами.

Свою подрывную работу вела и церковь. В ноябре 1921 года в Сремских Карловцах в Югославии состоялось Всезаграничное Русское церковное собрание, затем переименованное в Собор. На Соборе были приняты: «Обращение к воинам русской армии», «Послание чадам Русской православной церкви, в рассеянии и изгнании сущим» и другие документы. В частности, собрание призвало: «И ныне пусть неусыпно пламенеет молитва наша — да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли, да даст защиту вере и церкви и всей земле русской и да осенит Он сердце народное; да вернет на всероссийский престол помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из дома Романовых»[160].

В 1936 году Архиерейский синод РПЦЗ установил такую формулу поминовения на церковных службах Гитлера и его режима: «1. На великой ектении: „О христолюбивом вожде народа германскаго, правительстве и воинстве его Господу помолимся“.

2. На сугубой ектении: „Еще молимся о христолюбивом вожде народа германскаго, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении их и Господу Богу нашему наипаче поспешати и пособити им во всех и покорити под нозе их всякаго врага и супостата“[161].

Как утвержденное Архиерейским Синодом, данное поминовение вскоре распространилось в РПЦЗ и за пределами германской епархии и продолжалось вплоть до окончания войны»[162].

Такую же линию РПЦЗ продолжала и в годы Второй мировой войны. Вот воззвание к пастве митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ляде), которое печаталось в виде листовки в июне 1941 года: «Во Христе возлюбленные братья и сестры! Карающий меч Божественного правосудия обрушился на советскую власть, на ее приспешников и единомышленников. Христолюбивый Вождь германского народа призвал свое победоносное войско к новой борьбе, к той борьбе, которой мы давно жаждали, — к освященной борьбе против богоборцев, палачей и насильников, засевших в Московском Кремле... Воистину начался новый крестовый поход во имя спасения народов от антихристовой силы... Наконец-то наша вера оправдана!.. Поэтому, как первоиерарх Православной церкви в Германии, я обращаюсь к вам с призывом. Будьте участниками в новой борьбе, ибо эта борьба и ваша борьба; это — продолжение той борьбы, которая была начата еще в 1917 году, — но увы! — окончилась трагически, главным образом, вследствие предательства ваших лжесоюзников, которые в наши дни подняли оружие против германского народа. Каждый из вас сможет найти свое место на новом антибольшевицком фронте. „Спасение всех“, о котором Адольф Гитлер говорил в своем обращении к германскому народу, есть и ваше спасение — исполнение ваших долголетних стремлений и надежд. Настал последний решительный бой. Да благословит Господь новый ратный подвиг всех антибольшевицких бойцов и даст им на врагов победу и одоление. Аминь!»[163].

И белогвардейцы откликнулись на призывы. «Сколько же эмигрантов и их взрослых детей пошли в формируемые гитлеровцами „русские части“? Анализ разрозненных данных позволяет с определенной долей уверенности говорить, что речь

идет примерно о 30 % способных носить оружие эмигрантов в возрасте от 18 до 60 лет, проживавших в оккупированных немцами или союзных им странах. Одним из наиболее массовых формирований был Русский охранный корпус, созданный к 12 сентября 1941 года на территории Югославии. Успех мобилизации эмигрантов в РОК объяснялся прежде всего надеждой, подогреваемой его организатором генералом Скородумовым, что корпус двинется в освободительный поход и станет основой будущей русской национальной армии. Свою роль сыграло и увольнение марионеточным режимом генерала Недича всех русских эмигрантов с государственной службы. В некоторых исследованиях и в мемуарах корпусников утверждается, что через РОК прошло свыше 16 тыс. белых эмигрантов. Скорее всего, эта цифра завышена за счет добровольцев из Молдавии, Буковины и советских военнопленных. По-видимому, можно говорить о 12–13 тыс. человек. До сентября 1944 года, то есть в течение трех лет, корпус нес в основном сторожевую службу, охраняя железные и автомобильные дороги, склады и т. п., освобождая немецкие войска для боев на Восточном фронте. Столкновения с партизанами Тито хотя и носили ожесточенный характер, но, как правило, были кратковременными и не масштабными. За три года РОК потерял 282 человека убитыми и 494 ранеными. Значительно больше было дезертиров (468) и уволенных по болезни и рапортам (1870) <...> К сентябрю 1944 года, то есть к моменту выхода Советской (Красной. — *Авт.*) армии к границам Югославии, число не желающих воевать на стороне немцев значительно возросло. За 6 месяцев из РОК дезертировали 480 человек, уволены по болезни и рапортам 1587, пропали без вести 2002 (это при 734 убитых и 2478 раненых). Если на 12 сентября 1944 года в корпусе состояло 11 197 человек, то на 12 мая 1945 года, то есть к моменту капитуляции страны, осталось около 4500 человек... Небольшая часть эмиграции (1–1,5 %) с началом Великой Отечественной войны включилась в движение Сопротивления на стороне коммунистов. Это были прежде всего дети белых эмигрантов, выросшие в Югославии, Болгарии, Франции и других странах, попавшие под влияние левых идей»[164].

Конечно, белоэмигранты лгали и себе, и друг другу, что борются «за Россию», но на самом деле они стремились вернуть русский народ под корону Гольштейн-Готторпской династии, чтобы занять прежние места в новой России и снова паразитировать на народе. А в случае если бы это не удалось, монархисты готовы были уничтожить и Россию, и русский народ.

Для достижения своих целей они шли в услужение к любым врагам СССР. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с биографиями некоторых монархистов, бежавших за границу.

Романов К. В. (1876–1938). Сын брата Александра III. Двоюродный брат Николая II. В начале русско-японской войны находился в Порт-Артуре. Отличался пьянством и хамством по отношению к офицерам эскадры. 31 марта 1904 года находился на борту флагманского броненосца «Петропавловск». При взрыве броненосца оказался одним из немногих, кто остался жив и даже не был ранен. В тот же день выехал на лечение «нервного расстройства» в Германию. В 1905 году был в конфликте с императором Николаем II из-за своего не разрешенного императором брака с Викторией Мелитой, разведенной с родным братом императрицы Александры Федоровны Эрнстом-Людвигом. Николай II написал следующую резолюцию по этому делу: «Признать брак Вел. Кн. Кирилла Владимировича я не могу. Великий Князь и могущее произойти от него потомство лишаются прав на престолонаследие». Однако в 1907 году император признал этот брак и восстановил династические права К. В. Романова и его семьи. Великий князь служил на крейсере «Олег», в 1912 году командиром. С 1913 года в Гвардейском экипаже. С началом Первой мировой войны продолжал службу в штабе Верховного главнокомандующего. С 1915 года командовал Гвардейским экипажем. Во время Февральской революции во главе Гвардейского экипажа перешел на сторону Государственной думы. В 1917 году выехал в Финляндию, затем в Швейцарию и Германию. 1924 году объявил себя «императором Кириллом I». В 1938 году умер в Париже, был похоронен в Кобурге. В 1995 году перезахоронен в Петропавловской крепости в Петербурге.

Романов В. К. (1917–1992). «Великий князь» и претендент на несуществующий престол с 1938 года. С началом Второй мировой войны (3 ноября 1939 года) выпустил антисоветское обращение к белоэмигрантам: «В течение долгого времени мир колебался между войной и миром. Однако, попущением Божиим, война разразилась в самом сердце Европы. Судьбы народов заколебались на чаше весов. Настало, несомненно, время, когда народы Европы должны были вспомнить об отсутствующей России и потому стали стремиться снова вовлечь многомиллионный русский народ в постоянное сотрудничество с другими государствами для восстановления разрушенного ныне равновесия. Но для этой цели вполне соответствовала бы только национальная Россия. Ме-

жду современной советской и подлинной Россией существует столь же глубокое различие, как между тьмой и светом, между палачом и его жертвой.

Коммунизм не изменяет своего существа: его целью попрежнему остается разрушение современного мира со всей его вековой культурой. Не новым ли доказательством этому являются гонения, которым подвергается население вновь занятых советами областей? Почти весь цивилизованный мир почувствовал опасность проникновения большевицкого растления в глубину Европы, угрожающего ей неизмеримо большими разрушениями и бедствиями, чем какие способна причинить ему война.

Надо быть поистине слепым или желать быть сознательно обманутым, чтобы не видеть этой угрозы. Я почитаю своей священной обязанностью обратиться ныне ко всем русским людям с словом предупреждения против опасного соблазна мнимыми великодержавными успехами советской власти, ибо они влекут за собой не возвеличение и освобождение России, а укрепление в ней власти богоборческого Интернационала.

Одновременно я почитаю своим долгом еще раз заявить, что советская власть, столько лет угнетающая русский народ, разрушающая и оскверняющая его святые храмы и алтари, истребившая голодом и казнями более двадцати миллионов русских людей, томящая миллионы других доныне в тюрьмах и лагерях, не может иметь никакой органической связи с русским народом, ее ненавидящим. Я обращаюсь также к нашим братьям, томящимся в России: мужайтесь, час вашего избавления приближается, ибо сколько бы большевизм ни превозносился своей мнимой силой, он обречен на неизбежную гибель, которая может наступить гораздо раньше, чем мы думаем.

Для всех нас есть один путь к скорейшему восстановлению России — это путь жертвенной любви к ней, путь непоколебимой нравственной стойкости и непримиримой борьбы против III Интернационала под знаменем Животворящего Креста, которое уже начинает высоко возноситься над страждущей Русской землей. Не напрасно пролилась кровь наших многочисленных мучеников, во главе которых стоит великий страстотерпец Государь Император Николай II»[165].

Среди потоков лживого антисоветского бреда хорошо видна позиция как этого «претендента на престол», так и прочих монархистов. Это ненависть к СССР — то есть к той России, которая их выгнала, и стенания по Романовской империи, где им так сладко жилось. Чтобы вернуть «свою» Россию, они готовы были на все — хоть продать душу дьяволу. Что в итоге и

сделали, поступив в услужение человеконенавистническому оккультистскому режиму Гитлера. Понимая это, понимаешь и то, что данная монархическая особь сказала правду. Действительно, их Россия соотносилась с СССР как тьма и свет. Вот только они оказались на стороне тьмы.

С 1940 года В. К. Романов жил в оккупированной нацистами Франции. 26 июня 1941 года выступил с обращением в поддержку нацистской агрессии против СССР: «В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма, который поработил и угнетает народ России в течение двадцати четырех лет, я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом: способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма»[166].

В 1945 году В. К. Романов сбежал через Австрию в Испанию. В феврале 1952 года обратился к «свободному миру» (то есть к державам блока НАТО) с обращением: «Всякая война ужасна и несет с собой величайшие страдания, разрушения и невинные жертвы. Я, безусловно, не сторонник применения оружия для разрешения международных конфликтов, однако я считаю рискованным утверждать, что теперь коммунизм может быть уничтожен без применения силы. Распространяемое некоторыми кругами мнение о возможности революции в Советском Союзе без внешней вооруженной помощи — опасный миф, в который еще хотят верить жаждущие мира народы и который, вероятно, поддерживается самими же коммунистами, дабы усыпить бдительность своих противников. Русский народ без внешней поддержки бессилен совершить переворот, ибо, при существующей системе террора и доносов, всякая революционная попытка в мирное время обречена на неудачу»[167]. Умер в Майами. Похоронен в Петропавловской крепости в Петербурге, что вполне характеризует суть постсоветской РФ.

Абрамов Ф. Ф. (1871–1963). Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию генерального штаба. Участник Первой мировой войны, генерал-майор. Белогвардейский генерал-лейтенант. Монархист. Командовал Донским корпусом. В эмиграции проживал в Болгарии. Непродолжительное время был и. о. руководителя РОВС. В период Второй мировой войны участвовал в деятельности власовского «Комитета освобождения народов России» (КОНР) и формировании казачьих частей для Третьего рейха. Подписал Пражский манифест. Умер в США.

Апухтин К. В. (1881–1945). Окончил Пажеский корпус, Николаевскую академию и Офицерскую кавалерийскую школу. Участник Первой мировой войны, полковник, командир 17-го Уланского полка. С августа 1919 года — в деникинских Вооруженных силах Юга России (ВСЮР). Начальник штаба гарнизона Одессы, командир 2-го Таманского полка Кубанского казачьего войска Днестровского отряда войск Новороссийской области, начальник штаба 5-й пехотной дивизии. В Крыму командовал запасным кавалерийским полком. После бегства из России служил в пограничной страже Королевства сербов, хорватов и словенцев. С 1924 года в КИАФ. С 1929 года — генерал-лейтенант КИАФ. В период Второй мировой войны был представителем РОК в Югославии, где и умер.

Балабин Е. И. (1879–1973). Окончил Донской кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник Первой мировой войны, полковник. В гражданскую войну получил звание генерал-лейтенанта. Член Донского правительства. В 1920 году сбежал в Турцию. В 1921 году переехал в Чехословакию. После оккупации Чехословакии нацистами в 1940–1945 годах был атаманом Общеказачьего объединения в Третьем рейхе, Словакии и Венгрии. С 1944 года в КОНР. После капитуляции сбежал в Южную Америку, затем вернулся в Австрию. Умер в Вене.

Бискупский В. В. (1878–1945). Окончил 2-й кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Белогвардейский генерал. Монархист. В 1918 году командовал войсками прогерманского марионеточного гетмана Украины Скоропадского. Сбежал в Германию, участвовал в Капповском путче. Был связан с НСДАП. Представлял интересы великого князя К. В. Романова в Германии. С 1936 года был начальником Управления делами российской эмиграции (УДРЭ) в Третьем рейхе. Умер в Мюнхене.

Богданович П. Н. (1883–1973). Окончил Царицынскую гимназию, Киевское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Офицер лейб-гвардии Преображенского полка. Участник Первой мировой войны. В 1914 году попал в плен, бежал в Нидерланды. Служил во ВСЮР. С 1922 года — полковник. В 1925 году основал во Франции Национальную организацию русских разведчиков (НОРР). В годы оккупации (1942–1944) — заместитель начальника Управления делами русской эмиграции (УДРЭ) в Париже. В 1948 году сбежал в Аргентину, где и умер.

Бразоль Б. Л. (1885–1963). Бывший офицер императорской армии, прибывший в 1916 году в США. После революции в России остался там. Монархист-черносотенец. Распространял «Протоколы сионских мудрецов». Писал лживые сочинения с целью представить загнивающую Российскую империю процветающим государством. Например, этим Бразолем была выпущена брошюрка «Царствование императора Николая II. 1894–1917. В цифрах и фактах». В этой брошюрке Бразоль врет, что «Императорская Россия строила свою политику не только на бездефицитных бюджетах, но и на принципе значительного накопления золотого запаса. Несмотря на это, государственные доходы с 1 410 000 000 рублей в 1897 году, без малейшего увеличения налогового бремени неуклонно росли... За последние десять лет до Первой мировой войны превышение государственных доходов над расходами выразилось в сумме 2 400 000 000 рублей»[168].

Бразоль приводит таблицу обыкновенных доходов и расходов с 1908-го по 1912 год. Но не включает в нее чрезвычайные расходы за эти годы, как будто бы их не было. «Третья Государственная дума утвердила шесть новых налогов, а кроме того, были подняты цены на вино, что сразу увеличивало доходы бюджета на 100 млн руб. в год»[169]. Так что утверждение про отсутствие роста налогового бремени — это ложь. Ложью является и сумма 2,4 миллиарда рублей. «Превышения эти — совершенно фиктивные величины и составляли 0,13 млрд руб. Если что они реально и выражали, то сумму недовложений ассигнований по утвержденным сметам гражданских расходов. Да и куда делись эти „накопления“, если с 1900-го по 1913 год государственный долг России вместе с внешним увеличился на 4,8 млрд руб., достигнув 12,7 млрд руб.»[170].

Далее у Бразоля писано: «В царствование Императора Николая II, законом 1896 года, в России была введена золотая валюта, причем Государственному банку было предоставлено выпускать 300 000 000 рублей кредитными билетами, не обеспеченными золотым запасом. Но правительство не только никогда не воспользовалось этим правом, но, наоборот, обеспечило бумажное обращение золотой наличностью более чем на 100 %, а именно: к концу июля 1914 года кредитных билетов было в обращении на сумму 1 633 000 000 рублей, тогда как золотой запас в России равнялся 1 604 000 000 рублей, а в заграничных банках 141 000 000 рублей»[171].

И эти мнимые успехи Романовской империи давно разоблачены: «Введение золотого обращения было куплено дорогой ценой роста кабальных займов, по которым надо платить. Уже

тогда член Финансового комитета П. Х. Шванебах определял сумму платежей процентов по размещенным за границей ценным бумагам в 140 млн руб. в год. „Дань, — писал Шванебах, — доколе не удается покрывать ее избытками товарного отпуска (то есть форсированным экспортом хлеба, минерального сырья и т. д. — *Авт.*) остается поэтому дамокловым мечом...“[172]

Как известно, эта дань к кануну Первой мировой войны возросла до 400 млн руб. За 1900–1913 годы внешний государственный долг возрос с 4 до 5,4 млрд руб., и, таким образом, царское правительство стало одним из крупнейших должников в мире (История СССР. Т. VI. М., 1968. С. 277)»[173].

Далее Бразоль лжет про сельское хозяйство: «В 1913 году в России урожай главных злаков был на 1/3 выше такового же Аргентины, Канады и Соед. Штатов вместе взятых»[174].

В действительности дело обстояло так:

«Производство и вывоз хлебов в 1913 году.

Страна	Население, тыс. чел.	Про-ство хлебов, тыс. пуд.	На душу, пуд.	Вывоз, тыс. пуд	% к произв.	Остаток в стране всего, тыс. пуд.	На душу, пуд.
Аргентина	7988	742 936	93,0	529 609	71,3	213 327	26,7
Канада	7541	886 841	117,6	202 491	22,8	684 350	90,8
США	98 781	6 370 636	67,2	360 450	5,7	6 010 186	60,8
Итого...	114 310	8 000 413	70,0	1 092 550	13,7	6 907 863	60,4
Россия	178 905	5 636 601	31,5	663 465	11,8	4 973 136	27,8
% к итогу трех стран	156,5	70,5	45,0	60,7		72,0	46,0

Источник: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. С. 3, 6, 108, 111»[175].

То есть урожай в России был не на треть выше, чем в Аргентине, Канаде и США вместе взятых (133 %), а примерно на треть ниже (70,5 %). И даже меньше, чем в одних США. В том же духе выдержаны и остальные утверждения Бразоля. Помер этот наглый враль в Новом Йорке (то бишь в Нью-Йорке).

Витковский В. К. (1885–1978). Белогвардейский генерал. Командовал Дроздовской дивизией. В эмиграции возглавлял 1-й (французский) отдел РОВС. 15 декабря 1941 года издал приказ по этому отделу: «Наступает 1942 год, несущий смерть коммунизму. Советская власть за все время нашего пребыва-

ния за рубежом стремилась ослабить, разложить и уничтожить Русскую Белую Эмиграцию. В этом отношении она вновь усилила свою работу с 22 июня сего года, то есть со времени начала войны Германии против СССР. Чем ближе подходит конец коммунизму — тем яростнее ведется работа против нас.

Насколько возможно выяснить, коммунистическая работа против Белой Эмиграции в данное время ведется главным образом по двум направлениям: — воздействие на эмиграцию — стараются всячески внушить ей, что советская власть блюдет интересы Национальной России, что эта власть защищает наше Отечество, что Сталин национальный герой и пр. Другое — воздействие на иностранцев, желание доказать им, что Русская Белая Эмиграция уже разложилась, погрязла во взаимных распрях и обывательщине и не представляет собой никакой ценности...

Сейчас в особенности наш долг всеми доступными нам средствами парализовать работу красных по указанным выше направлениям. Все, кто поддается их пропаганде, вольно или невольно содействуют большевизму.

Пусть знает дьявольская советская власть, что Русский Общевоинский Союз всегда был и остается до конца непримирим к ней и что первой и главной нашей задачей является уничтожение коммунизма в России, что не удалось нам сделать в 1917–1921 годах и к чему мы стремимся долгие годы пребывания в эмиграции...»[176]. После Второй мировой войны руководил североамериканским отделом РОВС. Умер в США.

Власьевский Л. Ф. (1884–1946). Участник Первой мировой войны, поручик. Белогвардейский генерал. Начальник канцелярии отряда атамана Семенова. Затем начальник казачьего отдела Дальневосточной армии. Сбежал в Китай. С 1941 года был советником русского отдела Общества Согласия (Кио-Ва-Кай) в Маньчжоу-Го. В 1944–1945 годах — начальник БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии). Расстрелян в Москве.

Гонтарев Б. В. (1879–1977). Окончил Одесское военное училище и Николаевскую военную академию. Участник Первой мировой войны, подполковник. Белогвардейский полковник. Начальник штаба Кубанской армии. Монархист. Бежал из Крыма в Турцию, затем перебрался в Югославию. Начальник отдела Генштаба «Корпуса императорской армии и флота». В годы Второй мировой войны командир полка Русского охранного корпуса в Югославии. Умер в Зальцбурге.

Граббе М. Н. (1868–1942). Окончил Пажеский корпус. Граф. Монархист. Участник Первой мировой войны, генерал-

лейтенант. После Октябрьской революции эмигрировал в Королевство СХС, в 1925 году переехал в Париж. С 1935 года во Франции числился атаманом ВВД (Всевеликое войско Донское). Председатель Ниццского монархического общества, член совета Союза ревнителей памяти императора Николая II. После нападения фашистской Европы на СССР хлопотал о постановке казаков на службу Третьему рейху. Умер в Париже.

Грибановский А. А. (1873–1965). Он же митрополит Анастасий. С 1936-го по 1965 год первоиерарх РПЦЗ. В 1938 году направил благодарственный адрес фюреру Третьего рейха Адольфу Гитлеру: «Ваше Высокопревосходительство! Высокочтимый Господин Рейхсканцлер! Когда мы взираем на наш Берлинский соборный храм, ныне нами освящаемый и воздвигнутый благодаря готовности и щедрости Вашего Правительства после предоставления нашей Святой Церкви прав юридического лица, наша мысль обращается с искренней и сердечной благодарностью, прежде всего, к Вам, как к действительному его создателю. Мы видим особое действие Божьего Промысла в том, что именно теперь, когда на нашей Родине храмы и народные святыни попираются и разрушаются, в деле Вашего строительства имеет место и создание сего храма. Наряду со многими другими предзнаменованиями этот храм укрепляет нашу надежду на то, что и для нашей многострадальной Родины еще не наступил конец истории, что Повелевающий историей пошлет и нам вождя, и этот вождь, воскресив нашу Родину, возвратит ей вновь национальное величие, подобно тому, как Он послал Вас германскому народу.

Кроме молитв, возносимых постоянно за главу государства, у нас в конце каждой Божественной Литургии произносится еще и следующая молитва: „Господи, освяти любящих благолепие дому Твоего, Ты тех воспрослави Божественною Твоею силою...“. Сегодня мы особенно глубоко чувствуем, что и Вы включены в эту молитву. Моления о Вас будут возноситься не только в сем новопостроенном храме и в пределах Германии, но и во всех православных церквах. Ибо не один только германский народ поминает Вас с горячей любовью и преданностью перед Престолом Всевышнего: лучшие люди всех народов, желающие мира и справедливости, видят в Вас вождя в мировой борьбе за мир и правду.

Мы знаем из достоверных источников, что верующий русский народ, стонущий под игом рабства и ожидающий своего освободителя, постоянно возносит к Богу молитвы о том, чтобы Он сохранил Вас, руководил Вами и даровал Вам свою всесильную помощь. Ваш подвиг за германский народ и величие

германской Империи сделал Вас примером, достойным подражания, и образцом того, как надо любить свой народ и свою родину, как надо стоять за свои национальные сокровища и вечные ценности. Ибо и эти последние находят в нашей Церкви свое освящение и увековечение.

Национальные ценности составляют честь и славу каждого народа и посему находят место и в Вечном Божием Царстве. Мы никогда не забываем слов Священного Писания о том, что цари земные принесут в Небесный Божий Град славу и честь свою и славу своих народов (Откр. 21, 24, 26). Таким образом, создание сего храма является укреплением нашей веры в Вашу историческую миссию. Вы воздвигли дом Небесному Владыке. Да пошлет же Он Свое благословение и на дело Вашего государственного строительства, на создание Вашей народной империи. Бог да укрепит Вас и германский народ в борьбе с враждебными силами, желающими гибели и нашего народа. Да подаст Он Вам, Вашей стране, Вашему Правительству и воинству здравие, благоденствие и во всем благое поспешение на многая лета.

Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей, Митрополит Анастасий (Источник: „Церковная жизнь“, 1938, № 5–6)»[177].

В 1942 году Анастасий (Грибановский) писал в пасхальном послании: «...Настал день, ожидаемый им (русским народом), и он ныне подлинно как бы воскресает из мертвых там, где мужественный германский меч успел рассечь его оковы... И древний Киев, и многострадальный Смоленск, и Псков светло торжествуют свое избавление как бы из самого ада преисподнего. Освобожденная часть русского народа повсюду уже запела... Христос Воскресе!» (Источник: «Церковная жизнь», 1942, № 4)[178].

С отступающими нацистами первоиерарх РПЦЗ сбежал из Югославии в Баварию. В 1950 году перебрался из Мюнхена в США. Умер в Новом Йорке.

Гримм И. Д. (1891–1971). Белогвардейский капитан. В 1941–1944 годах член управления Латвийской православной епархии. Секретарь Управления Псковской православной миссии. Сотрудник СД (службы безопасности СС). Умер в Австралии.

Дитерихс М. К. (1874–1937). Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Белогвардейский генерал. Монархист. В 1919 году — командующий Восточным фронтом у Колчака. В 1922 году провел во Владивостоке При-

амурский Земский собор, на котором группа белогвардейских самозванцев решала вопросы управления страной за русский народ. Владивостокские сидельцы постановили: 1. Верховная власть в России должна принадлежать династии Романовых. 2. Пригласить во Владивосток на должность Верховного правителя кого-нибудь из членов династии. 3. До прибытия представителя династии Романовых временно избрать Дитерихса главой Приамурского Земского края.

В том же году Дитерихс сбежал в Китай. С 1930 года был председателем дальневосточного отдела РОВС. Умер в Шанхае.

Жадвойн Н. Л. (1893–1954). Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию генерального штаба. Участник Первой мировой войны, ротмистр. Белогвардейский полковник на Восточном фронте Гражданской войны. Сбежал в Китай. Член руководства Харбинского монархического центра. Представитель «императора» Кирилла на Дальнем Востоке в 1920-е годы. Умер в США.

Жеребков Ю. С. (1908 — не ранее 1980). Эмигрировал в Югославию, затем жил в Германии. Артист балета. Возглавлял в оккупированной Франции Управление делами русской эмиграции (УДРЭ). 25 июля 1941 года выступил в Париже с обращением к русским эмигрантам с призывом сотрудничать с нацистами. Член КОНР, был начальником отдела внешних сношений. После Второй мировой войны жил в Испании.

Кириенко И. К. (1881–1971). Окончил Киевский кадетский корпус и Киевское военное училище. Участвовал в русско-японской войне. Участник Первой мировой войны. Был произведен в полковники. После Февральской революции формировал в Киеве 1-й запасной Георгиевский полк. Белогвардейский генерал. Занимал административные должности при штабе Добровольческой армии, а затем ВСЮР. У Врангеля — комендант 1-го армейского корпуса. После бегства из Крыма жил в Салониках. В 1923 году переехал в Королевство СХС. Монархист, член КИАФ. Был командиром бригады в РОК в Югославии. Умер в Бельгии.

Коссиковский Д. В. (1882–1944). Участник Первой мировой войны, ротмистр. В Гражданской войне в составе Добровольческой армии и ВСЮР. Белогвардейский полковник. Из Крыма сбежал в Турцию. С 1921 года в эмиграции в Королевстве СХС (Югославии). Монархист, член КИАФ. С 1941 года служил в Русском охранном корпусе. Умер в Белграде.

Краснов П. Н. (1869–1947). Окончил Александровский кадетский корпус и Первое военное Павловское училище. Участник Первой мировой войны, генерал-майор, начальник 2-й

Сводной казачьей дивизии. После Февральской революции — командующий 3-м конным корпусом. После Октябрьской революции двинул части корпуса на Петроград, но провалился. Белогвардейский генерал и атаман Донского казачества. Монархист. В эмиграции был одним из основателей БРП. В период Второй мировой войны — бригадефюрер СС и начальник Главного управления казачьих войск Имперского министерства оккупированных восточных территорий. Повешен в Москве.

Краснов С. Н. (1893–1947). Окончил Николаевское кавалерийское училище. Участник Первой мировой войны, подъесаул. Участвовал в Гражданской войне в звании есаула. С августа 1920 года — начальник личного конвоя Врангеля до бегства из Крыма. В октябре 1920 года получил чин белогвардейского полковника. С 1924 года жил в Париже. Монархист. Во время Второй мировой войны — начальник штаба Главного управления казачьих войск Имперского министерства оккупированных восточных территорий. В 1944 году получил звание генерал-майора вермахта. Повешен в Москве.

Крейтер В. В. (1889–1950). Окончил Суворовский кадетский корпус в Варшаве и Николаевское кавалерийское училище. Белогвардейский генерал. Сбежал из Крыма. В эмиграции жил в Югославии. Произведен нацистами в генералы и назначен начальником штаба 2-го армейского корпуса РОА. Член КОНР. Умер в Баварии.

Кромиади К. Г. (1893–1990). Участник Первой мировой войны, поручик. Белогвардейский полковник. Монархист. С 1941 года служил в министерстве по делам восточных территорий Германии, а затем начальником личной канцелярии генерала Власова. После Второй мировой войны работал начальником отдела кадров радиостанции «Свобода». Умер в Мюнхене.

Лампе А. А. фон (1885–1967). Окончил Первый кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую военную академию. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Белогвардейский генерал. Начальник оперативного отдела штаба Добровольческой армии. Монархист. С 1938 года возглавлял РОВС в Третьем рейхе. Член КОНР. С 1957 года руководил всем РОВС. Умер в Париже.

Ларионов В. А. (1897–1988). Белогвардейский капитан. Террорист. Участвовал в теракте в Ленинграде в 1927 году. Примыкал к Русской фашистской партии. Занимался разведкой и контрразведкой во власовской РОА. Умер в Мюнхене.

Лейхтенбергский С. Н. (1903–1966). Окончил офицерскую школу РОВС. Основатель и первый руководитель Народ-

но-трудового союза (НТС) в 1930–1933 годах. В период Второй мировой войны был переводчиком в 9-й армии Вермахта, Ржевской комендатуре и штабе 6-го армейского корпуса. Умер в США.

Ольденбург С. С. (1888–1940). Белогвардеец. Монархист. В эмиграции написал апологетическое сочинение «Царствование императора Николая II». Симпатизировал фашизму. «В июне 1922 года он (С. С. Ольденбург) писал П. Б. Струве: „Деятельность фашистов является огромным благотворным фактором — каковы бы ни были отдельные проявления“»[179].

Вот интересный факт об умственных способностях данного экземпляра: «Пораженные вирусом антикоммунизма, лучшие умы белой эмиграции выдавали на-гора настолько нелепые прогнозы развития событий на Европейском континенте, что диву даешься. Апрель 1939 года, статья весьма уважаемого исследователя Сергея Сергеевича Ольденбурга, автора монументальной монографии „Царствование Николая II“. Профессор истории, между прочим, пишет, не отставной козы барабанщик, привыкший к строгим научным формулировкам, консерватор, близкий по взглядам к П. Б. Струве. Публикация называется „Политика Польши“ (источник: „Возрождение“, Париж, № 4178 от 7 апреля 1939 года) и посвящена позиции Польского государства, оказавшегося перед лицом немецкой угрозы. Г-н Ольденбург метко подметил, что двумя базовыми „китами“ польской политики этого времени были два положения: 1) *„Польша намерена сохранять свою независимость“* и 2) *„Польша знает, что советская опасность может оказаться горше германской“*. Менее чем через полгода Варшаве довелось испытать катастрофические последствия умозаключения № 2, но весной 39-го антисоветчики разливаются в похвалах упертым и кичливым ляхам: *„Польша уже добилась того, что в Западной Европе замечается резкое охлаждение к идее союза с большевиками.Дав понять, что ни в какой блок, включающий СССР, Польша не войдет; что никакой советской поддержки она не только не желает, но и не допустит, — польское правительство уже оказало огромную услугу европейскому миру“*. Мне трудно понять, как политический аналитик мог столь упрямо игнорировать шаткость польской позиции, рассматривая польско-немецкий договор 1934 года как надежную гарантию ненападения Берлина. Сергей Сергеевич на полном серьезе пишет: *„Это* (вышеупомянутый договор, заключенный Пилсудским и Беком с Третьим рейхом. — *Breviarissimus*) *дало возможность Польше приобрести самостоятельное значение на востоке Европы, стать великой*

державой, а не простою спутницей других держав. Конечно, самостоятельная политика таит в себе опасности, — ‹великодержавие обязывает!›“. Феерия какая-то, автор нахлобучил академическую шапочку на глаза, нарисовал вслепую точку на потолке и убеждает окружающих, что истина — строго там. Впрочем, ларчик открывается элементарно, читаем следующее предложение. *„Если бы Польша сейчас соскользнула снова на роль второстепенного государства, взывающего к чужому покровительству и следующего чужим указаниям, — она не спасла бы себя и в то же время не отдалила бы, а наоборот — провоцировала бы ту вторую мировую войну, которой жаждут большевики“*. Глубина заблуждений публициста тем страшнее, что перед нами строки, вышедшие из-под пера одного из самых способных и информированных в „делах европейского концерта“ эмигрантов. Пещерный антикоммунизм Гитлера казался этим господам куда предпочтительнее, нежели потуги европейских правительств, изрядно напуганных растущими аппетитами Рейха и предчувствующих неминуемую схватку с немцами. Любые же попытки западных держав как-то обезопасить себя путем налаживания контактов в сфере оборонных вопросов с Советами, вызывали у господ *белодельцев* нервные расстройства, ввиду чего неудача так называемых англо-франко-советских „Московских переговоров“ середины 1939 года была восторженно встречена в русских эмигрантских кругах. Уподобившись блаженным деревенским дурачкам, эмигрантские „мыслители“ на все лады повторяли за Чемберленом сказки об „умиротворении Германии“ <...> хотя, казалось бы, в апреле, после распила Чехословакии, ВСЕ уже должно было быть ясно как божий день. „Гитлер — это война“. Ан нет, Ольденбург убежденно рассуждает в том же „мюнхенском“ русле: *„Если бы Польша вошла в антигерманский блок, это почти наверное было бы тем ‹коротким замыканием›, которое автоматически вызвало бы мировую войну“*»[180]. Умер Ольденбург в Париже.

Орехов В. В. (1896–1990). Белогвардейский капитан. Командовал бронепоездом. Издавал журнал «Часовой». Поддерживал диктатора Франко, от которого получил орден. Умер в Брюсселе.

Рогожин А. И. (1893–1972). Белогвардейский офицер. Монархист. В период Второй мировой войны был командиром полка в коллаборационистском Русском охранном корпусе в Югославии, затем командиром корпуса. Получил железный крест. Умер в США.

Романовский С. Г. (герцог Лейхтенбергский) (1890–1974). Пасынок великого князя Николая Николаевича. Окончил Морской корпус. Капитан 2 ранга. Участник Первой мировой войны. Белогвардеец. Возглавлял Русское собрание в Риме. Умер в Риме.

Ряснянский С. Н. (1886–1976). Белогвардейский полковник, командир кавалерийского полка. Монархист. В годы Второй мировой войны служил начальником штаба в 1-й Русской национальной армии. После 1945 года жил в США. Умер в Новом Йорке.

Сальников Д. Н. (1882–1945). Участник Русско-японской войны. Окончил Николаевскую военную академию. Белогвардейский генерал. Воевал в бандах Деникина и Колчака. Монархист. Начальник штаба Дальневосточного отдела КИАФ. Умер в Маньчжурии.

Сахаров К. В. (1881–1941). Окончил кадетский корпус, Николаевское военно-инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, полковник. Участник Корниловского мятежа в августе 1917 года. Служил в Добровольческой армии. Получил в 1918 году чин генерал-майора, в 1919 году — генерал-лейтенанта. Представитель Деникина при «верховном правителе» Колчаке, командовал белогвардейскими армиями в Сибири. Бежал в Японию, затем в Германию. Монархист. Был одним из руководителей русских фашистов в Германии. Умер в Берлине.

Семенов М. А. (1894–1965). Окончил 1-й кадетский корпус в Санкт-Петербурге и Павловское военное училище. Участник Первой мировой войны. В Добровольческой армии и ВСЮР капитан, начальник полковой команды конных разведчиков. Монархист. После бегства из России жил в Королевстве СХС (сербов, хорватов и словенцев). Весной 1941 года сотрудничал с 6-м отделом Главного управления имперской безопасности (РСХА). Летом 1942 года организовал штаб для формирования добровольческого русского отряда вспомогательной полиции из трех рот. Весной 1943 года служил в Германии в составе разведывательной службы «Цеппелин», гаупштурмфюрер СС. Осенью того же года из добровольцев — молодых эмигрантов в Югославии и военнопленных — формировал особый полк СС «Варяг». Воевал с югославскими партизанами. Получил звание оберста. Полк «Варяг» вошел в состав ВС КОНР. Умер в Сан-Паулу.

Скаржинский П. В. (1881–1956). В 1915–1917 годах — Волынский губернатор. В эмиграции был председателем окружного совета Объединенных монархических организаций

в Югославии, а с 1940-го по 1956 год председателем Высшего монархического совета (ВМС). Умер в ФРГ.

Скородумов М. Ф. (1892–1963). В 1912 году окончил Павловское военное училище и служил в Павловском полку. Участник Первой мировой войны. В Гражданской войне воевал в войсках Деникина и Врангеля. Белогвардейский генерал. Монархист. После бегства из России жил в Югославии. После оккупации Югославии нацистами формировал Русский охранный корпус, но был отстранен от командования. Служил в Русском охранном корпусе в Югославии рядовым. После Второй мировой войны уехал в США. Умер в Лос-Анджелесе.

Смысловский Б. А. (кличка Артур Хольмстон) (1897–1988). Окончил Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны. Белогвардейский офицер. Воевал в составе ВСЮР. Бежал в Польшу, а затем перебрался в Германию. В период Второй мировой войны: сотрудник Абвера, начальник Зондерштаба «Р» (Россия), командир 1-й Русской национальной армии в чине генерал-майора вермахта. Численность сотрудников зондерштаба «Р» превышала 1000 предателей России. Перед капитуляцией Третьего рейха сбежал в нейтральный Лихтенштейн. В 1948 году переехал в Аргентину. В 1966 году вернулся в Лихтенштейн, где и умер.

Соломоновский И. К. (1901–1974). Белогвардеец. Жил в Югославии. После нападения Германии на СССР подал рапорт с просьбой направить на Восточный фронт, который был удовлетворен. Дослужился от чина фельдфебеля до майора вермахта, служил в разведке и контрразведке. Умер в Бразилии.

Солоневич И. Л. (1891–1953). Белогвардеец. Теоретик монархизма. После бегства из СССР сотрудничал с Геббельсом. Вот записи в дневнике Йозефа Геббельса: «*01.07.37.* Читаю ужасающую книгу о России. Солоневич „Потерянные“ („Россия в концлагере“ в переводе на немецкий. — *Авт.*). Фюрер тоже хочет ее прочитать. Следующий партсъезд будет опять посвящен борьбе с большевизмом. Мне фюрер дает тему Испании.

Фюрер поговорил с нашим московским послом Шуленбургом, который рисует очень мрачную картину России. Только террор, интриги, убийства, предательство, коррупция. И это родина рабочего класса!

05.07.37. Потрясенно продолжаю чтение „Потерянных“ Солоневича.

22.07.37. Дочитал „Потерянных“ Солоневича до конца. Жуткая хроника. Вот он, большевизм в чистом виде.

14.10.37. С ужасом читаю вторую часть „Потерянных“ Солоневича. Да в России просто кромешный ад. Стереть с лица земли. Пусть исчезнет.

22.10.37. Читаю „Потерянных“ дальше. Ужасно, ужасно, ужасно! Мы должны защитить Европу от этой чумы.

27.10.37. Вчера проснулся очень рано. Дочитал „Потерянных“ Солоневича. Эта книга должна попасть ко всем. Документ XX столетия. Вот до чего мы довели Европу.

04.02.38. ГПУ взорвало бомбу в Софии. Покушение на Солоневича. Его жена погибла, он невредим. Это Москва... Эти Советы — настоящий преступный синдикат. Их надо уничтожить огнем и мечом!

04.03.38. Гестапо не хочет пускать Солоневича в Германию. Якобы он агент ГПУ. Несусветная чушь. Придется проявить настойчивость.

10.03.38. Солоневича, наконец, несмотря на все сомнения, пустят в Германию. Хорошо сработано!

28.04.38. Солоневич побывал у Ханке. Произвел приятное впечатление. Хочет денег за свою антибольшевистскую работу. Не имею ничего против, такие люди могут нам пригодиться.

01.05.38. Даю Солоневичу субсидию в 30 000 марок для его антибольшевистской газеты. Он работает хорошо.

29.05.38. Солоневич все же остается в Берлине. Его газета должна и дальше выходить в Софии. Я предоставляю для этого средства. В Берлине она нам не слишком нужна.

07.09.38. Говорил с Розенбергом о Солоневиче. Он считает того не слишком искренним. Буду действовать более осторожно.

07.06.41. Солоневич предлагает свое сотрудничество. Прямо сейчас я еще не могу его использовать, но наверняка смогу очень скоро» (Источник: «Die Tagebücher von Joseph Goebbels», Teil I, Bd. 4: 206, 210, 228, 358, 364, 376; Bd. 5: 135, 186, 197, 276, 281, 323; Bd. 6: 75; Bd. 9: 357, 359)[181].

«Из переписки И. А. Ильина и И. С. Шмелева в 1939 году: „Ильин: [Солоневич] *гад последний! наемный агент Геббельса, живет под Берлином в отнятой у евреев вилле.*

Шмелев: *Для меня Солоневич был всегда гадом. Его приемы — грязные*“ (цит. по „Переписка двух Иванов (1935–1946)“, 2000)»[182].

В книге «Россия в концлагере» Солоневич показал полное непонимание положения в СССР. Он там написал: «Один факт остается для меня абсолютно вне всякого сомнения... страна ждет войны для восстания. Ни о какой защите „социалистического отечества“ со стороны народных масс не может быть

и речи. Наоборот, с кем бы ни велась война и какими бы последствиями ни грозил военный разгром, все штыки и все вилы, которые только могут быть воткнуты в спину красной армии, будут воткнуты обязательно. Каждый мужик знает это точно так же, как это знает и каждый коммунист! Каждый мужик знает, что при первых же выстрелах войны он в первую голову будет резать своего ближайшего председателя сельсовета, председателя колхоза и т. д., и эти последние совершенно ясно знают, что в первые же дни войны они будут зарезаны, как бараны»[183]. Что ж, тем хуже для тех, кто ему доверился! Будущее показало, какой строй защищает русский народ. Умер Солоневич в Монтевидео.

Спасовский М. М. (1890–1971). Дворянин. Эмигрировал из СССР в Персию в 1926 году. Работал архитектором при дворе шахиншаха Реза Пехлеви. В 1940–1941 годах жил в Бомбее. В 1941 году переехал в Шанхай, где печатал статьи в журнале «Фашист». Перевел на русский язык «Майн кампф» Гитлера. В 1949 году бежал на Тайвань, а в 1955 году в Австралию. Умер в Аргентине.

Столыпин А. П. (1903–1990). Сын премьер-министра Николая II П. А. Столыпина. С 1935 года член Национального союза нового поколения (НСНП), затем Народно-трудового союза (НТС). В 1942–1949 годах председатель отдела НТС во Франции. На антисоветском митинге 28 октября 1947 года зачитал декларацию «СССР — это не Россия». Умер в Париже.

Трескин Л. Н. (1888–1957). Окончил 2-й Московский кадетский корпус и Александровское военное училище. Участник Первой мировой войны. Белогвардейский полковник. Монархист. Оказывал вооруженное сопротивление Октябрьской революции в Москве. Начальник отдела связи Добровольческой армии. Эмигрировал в Югославию. В период Второй мировой войны служил в Русском охранном корпусе в Югославии командиром батальона. Умер в США.

Туркул А. В. (1892–1957). Участник Первой мировой войны в чине подпоручика. Участвовал в дроздовском походе Яссы — Дон и Гражданской войне. В 1920 году получил от Врангеля чин генерал-майора. Командовал Дроздовской дивизией. В 1920 году сбежал из Крыма в Галлиполи. В 1931 году эмигрировал во Францию. С 1935 года — организатор и главарь Русского национального союза участников войны (РНСУВ). В 1938 году выслан из Франции. В годы Второй мировой войны член Комитета освобождения народов России (КОНР) и командир Отдельного корпуса ВС КОНР (РОА). Умер в Мюнхене.

Храповицкий А. П. (1863–1936). Первоиерарх РПЦЗ с 1920-го по 1936 год. До 1929 года признавал «Верховным Вождем» великого князя Николая Николаевича, а после похорон последнего объявил о признании «императором» великого князя Кирилла Владимировича. «У митрополита была своя православная вера в царство и царя, вера чисто византийская, теократическая. Царь не был для него политической формулой, как для всех бюрократов, политиков или просто „союзников". Царь — это был догмат веры... Царь и монархия для митрополита именно и не были вопросами политическими, а чисто религиозными. Он и не сопоставлял, и не мог сопоставлять монархию с другими обликами государственного устройства, потому что все остальное было политическое, человеческое, государственно-правовое, а монархия почивала на библейской теократии, на священноначалии. Потому-то политика и была ему чужда. Царь был религиозно оправдан, а идеологию конституционного либерализма, кадетской партии, республики никак нельзя было религиозно канонизировать. Отсюда и известный антониевский афоризм: „Терпеть не могу слов, кончающихся на ‹уция›: конституция, революция, проституция..."»[184].

В 1930 году Храповицкий обратился с архипастырским посланием такого содержания: «...Я, смиренный Антоний, Митрополит Киевский и Галицкий, старейший из русских Архипастырей, находящихся волею Божией на свободе от красного плена, возвышаю свой голос, дабы возвестить русскому народу:

Православные христиане! Вставайте все против красного Антихриста! Не слушайте ничьих призывов примириться с ним, от кого бы сии призывы ни исходили! Нет мира между Христом и Сатаною. Властию, данною мне от Бога, разрешаю и освобождаю всех верующих от присяги, данной Советскому самозваному Правительству, ибо Христиане Сатане не подданные. Властию, данной мне от Бога, благословляю всякое оружие, против красной Сатанинской власти подымаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложит голову за русское и Христово дело.

Первее же всего благословляю оружие и боевую работу всенародного Братства Русской Правды, которое уже немало лет словом и делом ведет упорную борьбу против красного Сатаны во имя Бога и России. Милость Господня да почиет над каждым, кто вступит в Братские ряды, либо придет на помощь Братству!»[185]. Умер Храповицкий в Сремских Карловцах (Югославия).

Черепов А. Н. (1877–1964). Белогвардейский генерал. Командовал дивизией. В эмиграции председатель Новисадского отделения 4-го отдела РОВС. В период Второй мировой войны командовал полком в РОК. Был награжден Железным крестом 2-го класса. Умер в Нью-Йорке.

Чухнов Н. Н. (1897–1978). Белогвардейский корнет. В период Второй мировой войны был прикомандирован к штабу 1-й казачьей кавалерийской дивизии генерал-майора Х. фон Паннвица и к штабу Отдельного корпуса ВС КОНР генерал-майора А. В. Туркула. С 1947 года — Генеральный секретарь представительства Высшего монархического совета (ВМС) в Германии и Австрии. С 1953 года председатель Главного управления Российского общемонархического объединения (ГУ РОМО). Умер в Новом Йорке.

Шатилов Б. Н. (1891–1972). Окончил Орловский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны. Белогвардейский полковник в Добровольческой армии и ВСЮР. Монархист. Сбежал в Галлиполи, затем в Болгарию. Во Второй мировой войне сражался как командир роты в составе коллаборационистского Русского охранного корпуса в Югославии. После 1945 года перебрался в США. Умер в Новом Йорке.

Штейфон Б. А. (1881–1945). Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище в 1902 году. Участник Русско-японской войны. В 1911 году окончил Николаевскую военную академию. Участвовал в Первой мировой войне. Белогвардейский генерал. Начальник дивизии. Монархист. После бегства из Крыма командовал лагерем в Галлиполи. Затем жил в Болгарии и Югославии. В период Второй мировой войны командовал Русским охранным корпусом (РОК) в Югославии, воевавшим с партизанами Тито и РККА. Умер в Загребе.

Улагай К. К. (1893–1953). Окончил Елисаветградское кавалерийское училище. Участник Первой мировой войны в чине штаб-ротмистра. Во время Гражданской войны воевал в Добровольческой армии и ВСЮР. Сбежал в Турцию, затем в Югославию. В 1920-е и 1930-е годы был близок к королю Албании Ахмеду Зогу. После оккупации Албании Италией уехал в Иран. В 1942 году возглавил Мусульманский комитет по освобождению Кавказа, ваффенштандартенфюрер СС. Сбежал в Италию, затем в Чили. Умер в Сантьяго-де-Чили.

Фосс К. А. (1898–1991). Служил во ВСЮР. Белогвардейский капитан. Монархист. Руководитель канцелярии РОВС. Командующий внутренней линией (начальник разведки) РОВС. С 1925-го по 1941 год служил в военном министерстве

Болгарии. В период Великой Отечественной войны сотрудничал с абвером, был помощником коменданта города Николаева при немецких оккупантах. Заслужил звание зондерфюрера и Железный крест. Умер в Баварии.

Шкуро А. Г. (1886–1947). Участник Первой мировой войны в чине есаула. Во время Гражданской войны произведен в белогвардейские генералы. Командовал конным корпусом. В эмиграции жил в Королевстве СХС, Франции и Германии. Во Второй мировой войне — группенфюрер СС и начальник Резерва казачьих войск при Главном штабе войск СС. Подготовленные Шкуро казаки воевали с партизанами в Югославии. Сдался англичанам, но был ими выдан советским властям. Повешен в Москве.

Это лишь некоторые весьма известные монархисты, прошедшие путь от монархизма к нацизму и коллаборационизму. Петлю из русской пеньки получили немногие из них, но заслуживали ее все они.

9 мая 2016 года нынешний депутат Госдумы Наталья Поклонская пронесла икону с изображением Николая II на шествии «Бессмертный полк» в Симферополе. Она заявляла, что якобы ее просил об этом некий мифический «ветеран», которому Николай II помог, сотворив чудо, во время Великой Отечественной войны. Хотя Россия переполнена религиозной пропагандой, но ни об одном документально зафиксированном факте такой «помощи» мы не слыхали. Зато имеется информация о «чудесной помощи» Николая II нацистским пособникам и предателям России. Вот она: «В 1947 году в русской эмиграционной печати появилось сообщение о дерзновенном молитвенном обращении к Царской Семье во время Второй мировой войны в Югославии. Небольшой отряд казаков с обозом, в котором находились раненые, женщины, дети, старики и один священник, потерял связь с главными силами и оказался окруженным с трех сторон врагом и прижатым к непроходимому болоту. Это случилось в день Тезоименитства Государя Императора. Священник о. Илья, призвав всех к молитве, отслужил молебен „Мученику Николаю, Государю Российскому“ с призывом: *„Святые мученики Дома Царского, молите Бога о нас“*. Пел весь отряд и все, находившиеся в обозе. На чье-то возражение, что Царственные Мученики еще не прославлены и чудеса от Них еще не явлены, о. Илья ответил: *„А вот молитвами Их и выйдем... Указание вам в житиях святых чтите, когда на телесах святых мучеников, без всякого прославления, христиане храмы строили, лампады возжигали и молились таковым яко предстоятелям и ходатаям...“*.

И действительно, чудесным открытием о. Ильи отряд и обоз вышли в полном составе из окружения, пройдя ночью через болото, прямо к месту расположения главных сил, с которыми они и соединились. Из окрестных жителей никто не хотел верить, что прошли они этим путем. Утром неприятели не могли установить и следа, куда ушел отрезанный отряд, который считали своей верной добычей»[186].

Так с каким «ветераном» толковала Поклонская? Уж не с ветераном ли нацистского коллаборационистского Русского охранного корпуса?

Ведь большинство беглых монархистов вообще и поклонников Николая II в частности сражались во Второй мировой войне на стороне держав фашистской «оси». Логично, что их «небесный покровитель» Николай II тоже по мере сил способствовал им в борьбе с СССР. Так что нет никаких оснований сомневаться в том, что если бы Николай II и другие члены его семьи были живы во время Великой Отечественной войны, то также поддерживали бы фашистских агрессоров против России. Собственно, многие царские родственники поддерживали их и реально.

Мы понимаем, что после выхода этой книги на нас обрушатся с критикой ангажированные историки. И даже не столько проплаченные, что было бы естественно, а жертвы проведенного в последние тридцать лет жесточайшего «промывания мозгов» — точнее, их загаживания. Когда тебе из каждого утюга демонстрируют тщательно отретушированные фотографии «царственных мучеников» и поют о том, какой Россия была славной и богатой, то и у доктора физико-математических наук «крыша поедет», а историки — они же сплошь гуманитарии, у них с логикой-то не очень...

На неотретушированных фото царь с семейством уже не такие красивые — но тоже ничего. Не то что рабочие вожаки, все какие-то худые, чахоточные, и дети их страшны, хоть в триллер вставляй. Но ведь царская чета не работала по 14 часов, а после прогулок шла во дворец, а не в казарму. Их дети не батрачили с семи лет и не ели хлеб с лебедой — так почему бы им красивыми не быть.

Да, мы не спорим — количество убитых при Николае II его подданных несопоставимо с жертвами Гражданской войны. Но изверги, залившие кровью новую, только что родившуюся Советскую Россию, не с Марса были импортированы — они были воспитаны в той самой «благословенной» России, которую мы, хвала Универсуму, потеряли. И если Сталина сейчас делают ответственным за все: голод (хотя сельское хозяйство

угробили еще при монархии), ежовщину, убитых нацистскими оккупантами советских людей и т. д., то «хозяин земли русской», легкомысленно или сознательно допустивший множество преступлений, позволявший использовать армию против народа и поощрявший государственных убийц, — он-то почему весь в белом? Потому что таким его нарисовали в изданиях НТС и на радио «Свобода»?

Ну, креатуры ЦРУ США — это настоящие друзья русского народа, кто бы сомневался! Одной Новодворской надо разве что не в ноги поклониться...

Да, кстати: пусть каждый из критиков заглянет в свой семейный альбом. Если там отыскиваются дворяне, священники и прочие привилегированные в императорской России лица, тогда интерес к реставрации монархии понятен. Если же рабочие или крестьяне, то сначала стоит задать себе вопрос: вы точно хотите, чтобы революции не было, а через сто лет после Октября 1917 года в Россию вернулось сословное общество? Совершенно точно? Потому что в Российской империи нищий деревенский пацан не мог стать доктором наук ни при какой погоде. От аристократов он мог получить только один ответ: твое место — в хлеву, туда и ступай.

Вы хотите в хлев?

Часть вторая

ХРОНИКИ

В этом разделе приведены, конечно же, далеко не полные списки убитых, расстрелянных, повешенных и другими способами умерщвленных подданных Российской империи. Следует иметь в виду, что погибшие солдаты, офицеры, казаки, полицейские и чиновники тоже являются жертвами царского режима. Они погибли, защищая неправедную власть, но они тоже погибли. Их тоже следует отнести к жертвам царизма, потому что вместо необходимых России изменений администрация Николая II развязала ту вакханалию террора, крови и убийств, которая залила всю страну на десятилетия вперед. Именно при этом страстотерпце цена человеческой жизни обесценилась до ничтожных величин! Французский историк Сильвен Марешаль высказал в XIX веке точную мысль: «Чувствительные люди, проливающие потоки слез над ужасами революции, пролейте хотя бы несколько слезинок над ужасами, ее породившими». Это сказано и о России начала XX века...

4 мая 2017 года президент РФ В. В. Путин, выступая на церемонии открытия в Кремле памятного креста на месте убийства великого князя С. А. Романова, сказал: «Насилию, убийствам, какими бы политическими лозунгами они ни прикрывались, не может быть никакого оправдания». Интересно, не может быть никакого оправдания только эсерам, убившим этого великого князя, или Николаю II и его режиму, также широко прибегавшим к насилию и убийствам, тоже не может быть никакого оправдания?

Не Сталин, а Николай II создал социальные и нравственные условия для появления таких кровавых палачей, как гвардейцы Мин и Риман, а затем — махновский сподвижник Щусь, барон Унгерн фон Штернберг и т. д., включая авторов эксцессов уже советских времен. Если иметь в виду последних — типа Ежова и Евдокимова, то Сталин перестрелял тех из них, до кого мог добраться, как бешеных собак. Николай II же своих палачей только благодарил за уничтожение народа и награждал.

Современные пропагандисты на службе олигархии договорились уже до того, что именно Николай II выиграл Вели-

кую Отечественную войну! А Сталин якобы виновен в том, что Гитлер пришел к власти и напал на СССР. До подобного раньше не договаривались даже скорбные главой пациенты Канатчиковой дачи, но логика мракобесам-антисоветчикам не нужна, мракобесам она не интересна по определению. Зато любому более-менее осведомленному человеку понятно, что не будь Первой мировой войны, к которой Россия была не готова, которая России была не нужна и которой при умной политике Николая II вполне можно было если не избежать, то отсрочить, пусть и с потерей «лица», но не с потерей миллионов жизней, как это сделал Сталин в 1939 году, то не было бы и никакого «фюрера», не было бы Второй мировой.

Николай II втравил Россию в абсолютно не нужную ей мировую войну, не соизволив даже подготовить толком к ней ни армию, ни страну. В ходе этой войны за чужие интересы Россия терпела поражение за поражением, пока все не закончилось революцией и развалом страны. Но царь тем не менее хорош — по вывернутой логике его современных апологетов. Почему? Да потому, что при царе прадеды тех, кто сегодня платит за его прославление, имели теплые места и хорошие деньги, ели устрицы и пили шампанское, водили девочек в номера и ни в чем ограничений не знали.

Большевики собрали по крупицам разваленную страну, создали передовую промышленность, сделали нищую, отсталую, зависимую от Запада Россию сверхдержавой, выиграли тяжелейшую войну против всей Европы. Но они плохие. Почему? Ответ один: потому что дали прадедам тех, кто платит за нынешнее прославление Николая, коленом под зад, вышибив их в эмиграцию. И вместо Привилегии поставили в основе общества Труд.

Расстрелы рабочих при Николае II просто безнравственно сравнивать с хрущевским Новочеркасском, предыстория которого к тому же сомнительна. Причем это был единственный случай за всю историю СССР. Но если в «Гугле» набрать запрос «расстрел рабочих», то первым вылезет именно Новочеркасск 1962 года, а не Кровавое воскресенье 1905 года или Ленский расстрел 1912 года...

И это не только безнравственно! Это исторически преступно! И это целенаправленная политика олигархии, которая стремится всячески оплевать тот период нашей истории, когда источником власти был именно русский народ, а не олигархия, как бы она ни называлась — дворяне, банкиры, главы госкорпораций и т. п., все эти Романовы, Витте, Штюрмеры, Фредериксы, Рябушинские, Лианозовы, Абрамовичи, Вексельберги, Фридманы, Грефы, Алекперовы и прочие Чу-

байсы. Именно советский народ во главе с его великорусским ядром сделал СССР величайшей по силе духа державой в истории человечества, вывел страну на передовые позиции в хозяйстве, науке, культуре, здравоохранении и других сферах человеческой деятельности. После реставрации олигархического правления в России положение во всех этих областях откатилось далеко назад. И не олигархату и монархистам его исправить!

Цель нынешней олигархии — дурачить русский народ сказками про «доброго» царя, про то, как страна при нем процветала и как плохо было при «злом» Сталине. Советский период истории России тотально очерняется для того, чтобы люди не задавали простого вопроса: если в СССР можно было хорошо жить и работать без дворян и банкиров, то зачем нужны дворяне и банкиры?

Олигархам и их интеллектуальной обслуге из числа интеллигентов (в ленинском, да и в толстовском смысле этого слова) наплевать, что эти сказки лишают Россию будущего. Эти люди верят в своего «бога» — деньги, и поэтому они живут по давнему принципу эгоистической монархической элиты — «После нас хоть потоп».

С олигархами все понятно, искреннее недоумение вызывает их клака из числа историков, публицистов, журналистов, телевизионщиков. Среди них можно наблюдать две категории персонажей: а) проплаченные негодяи, которые просто отрабатывают подачки со стола своих «благодетелей», и б) искренние невежественные дураки, уверовавшие в «святого Государя». Последним заранее приносим извинения за то, что попытались открыть им глаза. Возможно, они и впрямь прозреют — ведь лучше поздно, чем никогда, и лучше раньше, чем позже.

Расправы с рабочими

Расстрелы забастовщиков в Златоусте, Сосновицах, Иваново-Вознесенске, Лодзи, Ростове-на-Дону, Риге, Новороссийске, Екатеринославе, Ревеле, Коломне, Костроме и других местах

Ярославль. 1895.

«26 апреля — 5 мая 1895 года в Ярославле на Ярославской Большой мануфактуре прошла забастовка. Волнение рабочих усиливалось, толпа увеличивалась, что было отмечено в донесении начальника ГЖУ. Последний отправился прямо с фабрики к губернатору А. Я. Фриде и убедил того послать на ЯБМ

три роты пехоты для „поддержания порядка“. По распоряжению губернатора на мануфактуру были отправлены три роты Фанагорийского полка — „при полном составе офицеров и одном штаб-офицере“. Однако прибытие солдат не остановило рабочих, которые так и не получили какого-либо внятного ответа на свои заявления. После 10 часов вечера 26 апреля численность собравшихся во дворе достигла уже 2 тысяч человек, поскольку к стачечникам присоединились рабочие, пришедшие на следующую смену. 27 апреля рабочие отказались приступить к работам и около 6 часов вечера в письменной форме потребовали рассмотрения и удовлетворения требований. Крайне резкие реплики и тон губернатора, обратившегося к стачечникам после этого, спровоцировали взрыв возмущения толпы рабочих, которая ринулась к Новой фабрике, чтобы силой остановить те отделы, которые еще продолжали работать. Результатом этого стало столкновение рабочих и солдат, начавшееся с рукопашной и закончившееся залпами в толпу рабочих. Вот как описаны эти события в донесении начальника ГЖУ в Департамент полиции: „Прочитав объявление, толпа разбушевалась, изорвала вывешенные объявления и тронулась к корпусу Новой фабрики, где работы еще производились. Дабы помешать толпе прорваться в это здание, туда была направлена рота пехоты, занявшая входы. Увидя это, толпа бросилась на солдат, но была отбита, и дело дошло до рукопашной схватки: когда же стачечники, разобрав мостовую, стали бросать в солдат каменья и ранили 12 человек, то был дан залп, результатом которого был убит один рабочий и 14 ранено. Толпа разбежалась, оставив убитого“. Так закончилось 27 апреля 1895 года — самый трагичный день этой стачки. На докладе, представленном Николаю II о стачке на Большой ярославской мануфактуре, он написал: „Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков“. 33 участника стачки были привлечены к дознанию, 11 из них оказались на скамье подсудимых. Дело разбиралось Московской судебной палатой при закрытых дверях. Восемь человек были приговорены к отдаче в арестантские исправительные роты на два года»[187].

Тейково. 1895.

«5–10 мая 1895 года. Стачка рабочих (2000 из 3000) в селе Тейково, Шуйского уезда, Владимирской губернии на бумаготкацко-прядильной фабрике товарищества мануфактур „А. Каретникова с сыном“ в связи с недовольством новым директором англичанином И. Крошо, ужесточившим дисциплину на фабрике путем введения более строгих правил внутреннего распорядка. Требования — уволить директора, уменьшить

штрафы, улучшить условия труда. Требования были предъявлены 4 мая владельцу фабрики толпой в 300 человек, но были оставлены без последствий. Стачка переросла в открытое столкновение с администрацией фабрики. В ходе его Крошо убил из пистолета одного из рабочих. Озверевшая толпа выволокла его из квартиры, куда он скрылся, и избила до смерти; квартира и близлежащие хозяйственные постройки были разгромлены. Вызваны 2 батальона пехоты, сотня казаков. Арестовано 55 человек, в том числе главные „зачинщики" — З. Козлов, Е. Смуров, М. Курнеков, В. Валяев. Трое рабочих приговорены к каторжным работам; один сослан в Сибирь на поселение, 24 отданы в исправительные арестантские отделения, пятеро посажены в тюрьму, остальные оправданы»[188].

Иваново-Вознесенск. 1895.

«4–18 октября 1895 года. Владимирская губерния, Шуйский уезд, Иваново-Вознесенск. Стачка рабочих (всех 2500) бумаготкацкой и прядильной фабрики товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры в связи с неожиданным понижением расценок на сдельную работу и отказом администрации рассмотреть претензии рабочих. Требование — отменить новые расценки, доведя среднюю заработную плату до уровня прошлых лет... В ходе переговоров рабочих с властями полиция арестовала „выборных" от рабочих. 11-го на площади у городской управы прибывшими вместе с губернатором двумя батальонами пехоты (800 человек) и двумя сотнями казаков разогнана толпа рабочих в 500 человек, несколько человек ранено и отправлено в больницу, одна женщина умерла, 11 человек арестовано. Объявлены локаут и новый набор рабочих на фабрику; 80 человек остались без работы. Требование не удовлетворено, изменен только ход станков для увеличения выработки»[189].

Кривощеково. 1896.

«16 мая 1896 года. Томская губерния, станция Кривощеково. Бунт строителей в поселке Николаевский в связи с желанием получить деньги для празднования коронации императора. Разбиты питейные дома, разгромлена „каталажка", откуда освобождены арестованные. Вызвана полиция. Двое рабочих убиты полицией. Инициаторы арестованы»[190].

Иркутск. 1897.

«15 июня 1897 года. Волнение строителей из-за обсчетов и поборов рабочих кабатчиками и полицейскими. Разгром пивных, убит городовой, толпа рабочих разогнана полицией»[191].

Никольское. 1897.

«7–8 октября 1897 года произошла стачка всех рабочих (7817 человек) четырех фабрик — прядильной, ткацкой, кра-

сильно-отбельной и плисово-красильной — товарищества мануфактур Викулы Морозова с сыновьями (село Никольское, Владимирская губерния). Требования — сократить продолжительность рабочего дня, увеличить зарплату, уволить ряд мастеров... Стачка проходила бурно: выбиты стекла в фабричных корпусах, в конторе, разграблен и сожжен дом директора, сожжены четыре соседних дома, взломан склад и похищен из него товар. Вызваны фабричный инспектор, вице-губернатор, начальник ГЖУ, прокурор суда, полиция, 400 казаков, 300 солдат и полк пехоты из Москвы. Произошло столкновение рабочих с полицией: убит один и ранены двое рабочих. Требования не удовлетворены. Арестовано 100 человек, привлечены к следствию — 42, 26 — уволены, 18 — высланы „на родину“»[192].

Екатеринослав. 1898.

«29 мая 1898 года. Волнения рабочих Александровского Южно-российского рельсопрокатного и железоделательного завода Брянского металлургического общества в связи с убийством кинжалом сторожем-черкесом Хас-Булатом, рабочего Н. Кутилина, оторвавшего доску от заводского забора. Предъявлены требования об изгнании с завода черкесов, сокращении рабочего времени и увеличении зарплаты. Волнения сопровождались сожжением сторожевой будки, главной конторы, поджогом заводской лаборатории, разграблением кассы завода, винной лавки, магазина Общества потребителей завода, около 20 еврейских бакалейных лавок в поселке Кайдаки и Новосолдатской слободке и молитвенного еврейского дома. Был ранен камнем в голову полицмейстер. Вызваны: вице-губернатор, полк солдат и пожарная команда. Арестовано более 1200 человек, 500 из них высланы „на родину“, против 73 рабочих возбуждено уголовное дело и 34 посажены в тюрьму на два года»[193].

Брянск. 1898.

«12–14 июня 1898 года. Орловская губерния. Брянский уезд. Станция Бежицкая Риго-Орловской железной дороги. Стачка всех 10 740 рабочих завода Брянско-Бежицкого рельсопрокатного и железоделательного акционерного общества из-за убийства сторожем завода мальчика из рабочей семьи. В ночь с 12-го на 13 июня были сожжены и разгромлены заводские постройки, главная контора завода, где хранились расчетные книжки, главный корпус завода, сожжены и уничтожены машины в мастерской, со складов похищены готовые изделия. На станции Бежицкая разгромлены: гостиница, два магазина, 32 мелкие лавки, в том числе две пивные. Вызваны: пристав и 1500 солдат. В ходе столкновений рабочие избивали солдат камнями, 17 рабочих были ранены. 72 человека

были арестованы и заключены в тюрьму на два месяца. На заводе учрежден полицейский пост»[194].

Николаев. 1899.

«21–23 апреля 1899 года в городе Николаеве Херсонской губернии прошла коллективная стачка более 3000 рабочих двух заводов и артели строительных рабочих. Стачка началась с волнений 19 апреля, поводом которых было продолжение работы в ремесленных заведениях на еврейскую Пасху. Волнения вызвали еврейские погромы: был разгромлен базар, три большие и около 40 маленьких лавок, выбиты стекла в 8000–10 000 домов. Вызваны: старший фабричный инспектор, полиция, солдаты 58-го пехотного полка, в том числе две роты пехоты и 250 казаков. В столкновении с войсками убит один человек, один ранен в голову, пять получили ушибы. Среди полиции и солдат легко ранено 14 человек. Арестовано 500 участников выступления»[195].

Рига. 1899.

«В коллективном выступлении 1–18 мая 1899 года приняли участие более 10 000 (из почти 16 000) рабочих, объявивших стачки на 35 предприятиях Риги и ее окрестностей. Началось выступление стачкой рабочих фабрики общества льняной и джутовой мануфактуры, предъявивших требование об увеличении заработной платы. Были вызваны старший фабричный инспектор, фабричный ревизор, пристав, полицмейстер, полиция, казаки, войска. 5 мая произошло столкновение бастующих мануфактуры и рабочих соседних фабрик с полицией и солдатами. Были убитые и раненые, в том числе с вагоностроительного завода „Феникс“. В городе начались беспорядки. 6-го вечером горели публичные дома, частный дом и винная лавка. Толпы двигались по улицам и били стекла в окнах домов. Вновь произошло столкновение с войсками: они действовали прикладами, штыками и стреляли. 7-го беспорядки продолжались. 8-го с утра по городу было расклеено объявление губернатора. Вечером были закрыты все кабаки. Беспорядки на предприятиях города продолжались... С 10 мая по фабрикам Риги начались забастовки. Стачки везде начинались одинаково: работу бросала часть рабочих, к ним присоединялись остальные. Толпы, стоящие у ворот предприятий, встречали выходящих криками „Ура!“, бросали камни в окна фабричных зданий, угрожали тем, кто не хотел прекращать работу. На Зассенгофской бумагопрядильной и ткацкой фабрике рабочие в первый день стачки вели себя шумно: одно отделение начинало работу, рабочие другого отделения врывались в мастерские и избивали работающих. Вечером посторонние лица ворвались на фабрику, били стекла, ломали оборудование. Во

многих случаях на предприятия вызывались казаки или солдаты для охраны предприятий. На фабрике „Текстиль“ казаки избили рабочих нагайками. Требования на некоторых фабриках были частично удовлетворены. Было арестовано 192 человека, в столкновениях убито пять человек, ранено 34, в том числе 23 рабочих, а также полицейские, солдаты и казаки»[196].

Луганск. 1899.

«20–22 мая 1899 года. Екатеринославская губерния. Славяносербский уезд. Стачка и волнения не менее 5000 рабочих паровозостроительного завода Гартмана и других заводов Луганска в связи с убийством в полицейском участке кузнеца паровозостроительного завода Н. Соколова. 22 мая на Соборной площади собралась огромная толпа рабочих по поводу разъяснений обстоятельств „дела Соколова“. Была вызвана полиция и две сотни казаков. Во время разгона собрания рабочие кидали в казаков камнями, стаскивали их с лошадей. Бросались на них врукопашную. 60 рабочих были арестованы и заключены в тюрьму»[197].

Мариуполь. 1899.

«Май 1899 года. Екатеринославская губерния. Мариупольский уезд. Станция Сартана. Волнения рабочих металлургического завода „Русский Провиданс“ и машиностроительного Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества по поводу зарплаты. Были вызваны войска и полиция. В столкновениях с ними среди рабочих были убитые и раненые»[198].

Макеевка. 1899.

«Стачка в конце мая 1899 года на Макеевском заводе Генерального общества. (Область Войска Донского. Таганрогский округ.)

Началась она с того, что заработная плата грузчикам была уменьшена задним числом: при найме было обещано по 75 копеек в день, рассчитали же по 70 копеек, что и вызвало общий протест со стороны грузчиков. Они забастовали и потребовали, собравшись толпой у конторы, справедливого расчета. Прибывшая сотня казаков оттеснила рабочих (около 700 чел.) от конторы к базарной площади, где последними было разрушено здание почты и убит почтовый чиновник. Дело это разбиралось в Таганроге, причем даже прокурор отказался от обвинения. Рабочие глубоко были возмущены зверствами казаков при усмирении „бунта“. Например, два конных казака гнали немого рабочего до деревни Макеевки, отстоящей от завода версты на три. У несчастного, говорят, не осталось живого места на теле. Казаки врывались верхами в казармы, грабили и истязали беззащитных, разоряли шахтерские кухни и

хлевы и т. д. и, наконец, сгоняли рабочих к трехсаженному обрыву и заставляли бросаться вниз, спасаясь от нагаек»[199].

Златоуст. 1899.

«21 июня 1899 года. Демонстрация около 1000 рабочих в городе Златоусте Уфимской губернии в день похорон А. С. Тютева — руководителя златоустовского рабочего кружка, выпущенного из тюрьмы за три дня до смерти»[200].

Мариуполь. 1899.

«10–20 июля 1899 года состоялась коллективная стачка рабочих (не менее 4759 из 7757) заводов акционерного общества горного и металлургического Никополь-Мариупольского и металлургического „Русский Провиданс“ в связи с отказом выполнить предъявленные ранее требования и арестом 80 рабочих, оставивших работу для предъявления этих требований администрации... Вызван исправник, полиция, четыре роты 210-го Перекопского резервного батальона, 3-й батальон 133-го Симферопольского полка, батальон 13-го Феодосийского полка. 14-го мая огромная масса рабочих (до 4000 человек) направилась к баракам незабастовавших рабочих Никополь-Мариупольского завода и стала их избивать, требуя присоединения к стачке; тогда же были разбиты окна в мастерских, поломано 48 токарных станков и т. д. В полицейских и солдат, пытавшихся остановить побоище, полетели камни и палки; в ответ солдаты открыли огонь. Всего в ходе столкновений было убито не менее 21 человека, многие ранены. По другим данным были убиты 30 человек. Требования не удовлетворены. Всего в ходе стачки арестовано не менее 157 человек, 27 человек предстали перед судом, в том числе члены Мариупольской социал-демократической группы»[201].

Сантуриновка. 1900.

«9–15 июля 1900 года. Екатеринославская губерния. Бахмутский уезд. Село Сантуриновка. Стачка всех 600 рабочих стеклодельного завода и всех 1000 рабочих железопрокатного завода общества Донецких железопрокатных заводов, протестующих против пренебрежительного отношения мастеров-бельгийцев к русским рабочим. Стачка началась с избиения рабочих бельгийцами. В ходе стачки в ночь с 9-го на 10-е и в ночь с 10-го на 11-е толпы рабочих громили, грабили и поджигали квартиры и имущество бельгийцев. Была уничтожена и колониальная лавка. Вызваны: полиция и полусотня казаков. В ходе столкновений убиты двое полицейских, несколько рабочих ранены. Арестовано 28 человек; привлечено к следствию от 115 до 250 человек. 55 человек предстало перед судом»[202].

Варшава. 1900.

«25 июля 1900 года. Уличная политическая демонстрация во время похорон по дороге на кладбище столяра, члена СДКПиЛ Э. Венгржновича с участием до 2000 человек. Организована СДКПиЛ и Бундом. По ходу демонстрации произошли столкновения рабочих с полусотней казаков и полицией. Обороняясь, рабочие пустили в ход палки и ножи. Задержано 250 человек. 49 рабочих с различных предприятий города уволено»[203].

Благовещенск. 1900.

«13 августа 1900 года. Амурская область. Амурский горный округ. Коллективная стачка 500 рабочих на ряде приисков Златоустовской и Жедринской компании Мординга. Требования — удвоить цену за добываемое золото, а также записывать в рабочие книжки количество добытого золота. Эти требования не были удовлетворены. Разгромлена приисковая контора, избит и ранен управляющий. Вызвана полиция, которая залпами пыталась разогнать толпу. 12 человек были убиты и еще шесть ранены. Многие арестованы и доставлены в полицейский участок города Благовещенска»[204].

Петербург. 1901.

«В Петербурге в 1896–1897 годах стачечное движение приняло столь широкий характер, что получило название „петербургской промышленной войны“. Некоторые из рабочих выступлений сопровождались столкновениями с полицией и войсками. В мае 1901 года в окрестностях Петербурга (точнее, в селе Александровском Шлиссельбургского уезда Санкт-Петербургской губернии) прошла стачка с участием рабочих нескольких предприятий Невской заставы. В центре событий находился Обуховский сталелитейный завод. В те годы он выполнял важные и сложные военные заказы (дальнобойные орудия, бронещиты, мины, снаряды, оптическое вооружение). В апреле 1901 года предприятие получило срочный государственный заказ, что повлекло за собой ужесточение графика рабочего времени, введение сверхурочных работ и, как следствие, негативную реакцию со стороны многих рабочих. Представители целого ряда подпольных кружков (социал-демократического, народнического и пр. толка), организованных на заводе, объявили 1 мая 1901 года политическую стачку. Несколько сотен рабочих не вышли на работу. 5 мая исполняющий обязанности начальника завода подполковник Иванов (начальник генерал-майор Г. А. Власьев был в отпуске) решил уволить 70 зачинщиков.

В ответ кружковцы, проведя накануне организационную подготовку, вышли 7 мая к администрации с рядом требо-

ваний. Кроме отмены увольнений, бастовавшие требовали включить 1 мая в число праздничных дней, установить восьмичасовой рабочий день и отменить сверхурочные и ночные работы, учредить на заводе совет выборных уполномоченных от рабочих, увеличить расценки, уволить некоторых административных лиц и т. д. После того как администрация отказалась удовлетворить эти требования, организаторы стачки остановили работу мастерских и вывели рабочих на бывший Шлиссельбургский тракт, где к ним присоединились рабочие Александровского завода и Карточной фабрики.

Прибывшие по вызову администрации отряды конной полиции были встречены градом камней из разобранных мостовых. В ответ полиция и отряд матросов, охранявших завод, открыли огонь. Рабочие, которые оборонялись лишь камнями, дровами, кипятком и железными прутьями, вынуждены были отступить к флигелям Карточной фабрики. Отбив несколько атак, они забаррикадировались на территории фабрики и продолжали забрасывать полицейских камнями. На помощь к бастующим пытались пробиться представители близлежащих Семянниковского и Александровского заводов. Полиция применяла нагайки и шашки, но ее дважды прогоняли. Лишь к вечеру роты Омского полка, вызванного из Петербурга, залпами и прикладами очистили улицы и восстановили порядок. Восемь рабочих были убиты, среди них тринадцатилетний Н. Евдокимов, многие ранены. Погибли и несколько полицейских. 800 участников „Обуховской обороны“ были арестованы. Суд приговорил 29 из них к каторжным работам»[205].

Батум. 1902.

«27 февраля — 19 марта 1902 года. Коллективная стачка всех 2045 рабочих керосино-нефтяного завода Ротшильда Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества, ящичного и жестяночного отделения нефтяного завода С. А. Сидериса, керосино-ящичного отделения завода „М. Р. Хачатрянц и компания“, жестяночно-ящичного завода нефтепромышленного и торгового общества „А. И. Манташев и компания“ и рабочих порта. Стачка началась на заводе Ротшильда в связи с предстоящим массовым увольнением 389 рабочих. Переговоры с рабочими фабричного инспектора и военного прокурора были безрезультатны. В начале марта начались стачки на других предприятиях города. 7 марта на заводе Ротшильда были арестованы 32 забастовщика. 8 марта Батумским комитетом РСДРП была организована демонстрация протеста. 400 демонстрантов были окружены полицией, задержаны и препровождены в полицейский участок. 9 марта была организована политическая демонстрация с требова-

нием освободить задержанных. В результате столкновения с полуротой солдат, „выпустившей до 90 зарядов“, было убито 15 и ранено 20 человек, арестованы до 500 человек. Демонстранты разбежались. Пять человек из числа раненых скончались на следующий день. 10 марта в город прибыло 200 казаков Хоперского казачьего полка, батальон 79-го Куринского полка, рота 7-го Кавказского стрелкового батальона. 12 марта состоялись похороны жертв расстрела демонстрации. На заводе Ротшильда прошли массовые увольнения, аресты и „высылка по этапу“ большой группы рабочих»[206].

Батум. 1902.

«4 мая 1902 года. Стачка всех 900 рабочих керосино-нефтяного завода Ротшильда Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества в связи с предполагаемым сокращением 500 рабочих. Администрация наняла 70 штрейкбрехеров. Группа бастующих скрывалась в окрестностях Батума и оттуда совершала нападения на представителей администрации: один приказчик был смертельно ранен кинжалом, другой избит палками»[207].

Тихорецкая. 1902.

«9 мая 1902 года. Кубанская область. Кавказский отдел. Беспорядки на станции Тихорецкой Владикавказской железной дороги.

Беспорядки были вызваны изнасилованием и убийством в местном полицейском участке 18-летней жительницы Екатеринодара Татьяны Золотовой, находившейся под арестом. Ее сняли с проходящего поезда еще 3 мая по сфабрикованному обвинению в краже старой офицерской шпаги и старого мужского зонтика. Рабочие Тихорецких железнодорожных мастерских, узнавши об этом, разгромили сторожку, станичное правление, железнодорожную станцию, избили полицию и казаков. Сотня казаков была вызвана из Екатеринодара. Ввиду громкой огласки, приданной этому злодеянию протестом рабочих и общественной агитацией, правительству пришлось назначить следствие, но в результате суду преданы были все-таки не виновные, а рабочие, которые были приговорены, правда, только к аресту»[208].

Утулик. 1902.

«18 августа 1902 года. Иркутская губерния. Станция Утулик Кругобайкальской железной дороги. Рабочие убили в бараке жандарма, издевавшегося над ними. Было арестовано семь человек»[209].

Ростов-на-Дону. 1902.

«4 ноября 1902 года в Ростове-на-Дону рабочие Главных мастерских Владикавказской железной дороги бросили рабо-

ту. Поводом для этого явился обсчет администрацией рабочих котельного цеха. Вслед за железнодорожниками забастовали рабочие табачных фабрик, заводов Пастухова, Токарева, „Аксай“ и др. Стачка стала общегородской.

С первых же дней стачки проходили многотысячные сходки, перенесенные из двора мастерских в Камышеватскую балку. Здесь зазвучали обращенные к рабочим слова о необходимости борьбы с самодержавием. С каждым днем число собиравшихся послушать выступления ораторов все увеличивалось. На сходке 10 ноября участвовало уже до 30 тыс. человек. Напуганные размахом движения, ростовские власти решили „арестовать ораторов и не допустить новой сходки, не останавливаясь даже перед самыми крутыми мерами“, и на восьмой день стачки, во время очередного митинга, войска открыли огонь по его участникам. О подробностях расправы с безоружными участниками митинга ростовская охранка сообщала в Департамент полиции: „11-го распоряжением атамана казаки разогнали толпу, залпом убито пять мужчин, одна женщина, ранено 14... Убиты только любопытные“. Стачка прекратилась 23 ноября, после чего начались репрессии»[210].

Тихорецкая. 1902.

«15–25 ноября 1902 года. Кубанская область. Кавказский отдел. Станица Тихорецкая. Коллективная стачка всех 830 рабочих Тихорецких мастерских Владикавказской железной дороги и депо станции Тихорецкая. Требования — сократить рабочий день до девяти часов, повысить зарплату и другие. Требования не удовлетворены. 16 ноября прибыл начальник Кубанской области генерал-лейтенант Малама и объявил о запрещении сходок. 17 ноября до 800 рабочих собрались в версте от железнодорожной станции и не выполнили требование генерала разойтись. Были вызваны: сотня казаков 1-го Екатеринодарского конного полка, две сотни казаков льготного состава, сотня пластунов 2-й очереди, а также две роты железнодорожного батальона и рота Анапского резервного батальона. Произошло столкновение с казаками, которые открыли стрельбу. Были убиты пять рабочих и 40 человек ранены. Ранены также 18 казаков. Около 100 участников сходки были арестованы»[211].

Ростов-на-Дону. 1903.

«2 марта 1903 года. Политическая демонстрация в Ростове-на-Дону, устроенная Донским комитетом РСДРП с участием до 20 тысяч рабочих и жителей города. Были подняты красные флаги с надписями: „Долой самодержавие!“, „Да здравствует политическая свобода!“. Демонстрация была разогнана конными казаками. Во время столкновения с полицией од-

ному приставу нанесены были раны, от которых он умер. По этому делу предано было военно-окружному суду 23 человека, из коих трое (Браиловский, Колосков и Куксин) приговорены к смертной казни, а остальные к каторге и другим наказаниям. Смертная казнь заменена осужденным 15 и 10 годами каторги. Суд происходил в Таганроге во избежание демонстраций со стороны ростовских рабочих»[212].

«3 марта 1903 года в Ростове-на-Дону прошла новая массовая демонстрация в связи с появлением манифеста Николая II от 26 февраля 1903 года. Поднимались красные флаги с надписями: „Земля и воля!“, „Долой самодержавие!“, „Долой буржуазию!“. В столкновении с полицией были ранены два пристава и два городовых, арестовано 20 рабочих»[213].

Гомель. 1903.

«Могилевская губерния. Гомельский уезд. Город Гомель. Стачка рабочих типографии Ш. Фриландера. В столкновении с полицией один рабочий был смертельно ранен»[214].

Златоуст. 1903.

«8–15 марта 1903 года. Уфимская губерния. Златоустовский уезд. Забастовка 1903 года — одно из наиболее значительных событий в революционной истории златоустовских рабочих. Непосредственной причиной забастовки явилось решение администрации завода ввести с 1903 года новые расчетные книжки с изложенными в них новыми условиями труда, найма и увольнения, значительно ухудшавшими положение рабочих. Отказавшись принять новые условия, представители рабочих заявили на собрании Горнозаводского товарищества 6-го и 8 марта, что начнут забастовку, если администрация не отменит своего решения. Отмены не последовало. С 10 марта завод остановился. Руководство стачкой взяла на себя социал-демократическая организация. Для ведения переговоров рабочие избрали Ф. В. Симонова и И. Д. Филимошкина, в ночь на 12 марта они были арестованы. В Златоуст прибыл уфимский губернатор Богданович, начальник губернского жандармского управления и окружной прокурор. Были вызваны: три роты Мокшанского полка и две роты Златоустовского батальона. 13 марта перед домом горного начальника собралась большая толпа народа и потребовала освободить арестованных. Губернатор отказался сделать это и предложил разойтись, но с площади никто не ушел. И тогда губернатор дал команду солдатам стрелять. Были убиты 69 человек, более 250 — ранены. В ночь с 13-го на 14 марта свыше 100 человек были арестованы. За участие в забастовке многие отправлены в административную ссылку в Архангельскую губернию и другие места России под гласный надзор полиции. К суду привлекли 34 человека,

но суд, состоявшийся в январе 1904 года, 29 из них оправдал, а пять человек получили от одного до трех месяцев тюремного заключения... Убитых похоронили 15 марта на старом Уреньгинском кладбище, в том числе часть — в братской могиле. Богданович был объявлен врагом рабочего класса и был приговорен к смерти революционными террористическими организациями. Уже 6 мая 1903 года в Уфе он был убит членом „Боевой организации социалистов-революционеров“ Егором Дулебовым»[215].

Сочи. 1903.

«17 марта 1903 года. Черноморская губерния. Сочинский округ. Поселок Сочи. Волнения нескольких сотен чернорабочих, вызванные смертью арестанта от побоев городового. Участники волнений разгромили арестный дом, выпустили всех арестантов, был избит городовой. Порядок восстановлен воинской командой. Арестовано 15 человек»[216].

Баку. 1903.

«27 апреля 1903 года. Демонстрации с участием 10 тысяч человек в разных районах города. В столкновениях с полицией один демонстрант убит и 17 ранены. Арестовано не менее 49 человек»[217].

Хашури. 1903.

«14 июня 1903 года. В Хашури проведена рабочая демонстрация, было убито и ранено 29 рабочих»[218].

Батум. 1903.

«Конец июня 1903 года. Демонстрация 3000 рабочих с кладбища после похорон убитого провокатором рабочего Ломтадрия»[219].

Тифлис. 1903.

«1 июля 1903 года. Беспорядки при отправлении поезда с 12 политическими заключенными. Около 2000 человек собрались на станции Навтлуг. Когда поезд со ссыльными тронулся, из толпы в него полетели камни, было разбито несколько стекол. Поезд остановился, демонстранты попытались взобраться на паровоз, но им преградили дорогу жандармы. Поезд уехал, сопровождаемый выстрелами и градом камней. В перестрелке с полицией рабочий Карусов получил смертельное ранение, пострадали три помощника машиниста, сцепщик, дежурный помощник начальника станции Тифлис, два городовых и два жандарма. Было арестовано 24 человека»[220].

Одесса. 1903.

«1–23 июля 1903 года. Всеобщая стачка на 280 предприятиях города с участием до 50 тысяч человек. Требования — повысить зарплату на 10–20 %, сократить рабочий день до 8–10 часов. Были вызваны 14 рот пехоты и два батальона сапе-

ров. В столкновениях с казаками ранено несколько человек. Один раненый умер в больнице. Было арестовано 322 человека»[221].

Михайлово. 1903.

«14–17 июля 1903 года. Тифлисская губерния. Горийский уезд. Станция Михайлово Закавказской железной дороги. Коллективная стачка более 1500 рабочих железнодорожного депо, керосинопроводной станции и других предприятий. 14 июля в 8 часов 30 минут утра рабочие депо после двух сигнальных гудков бросили работу, организовав шествие к базару. На базаре рабочими была остановлена работа всех торговых и промышленных заведений селения. Увлекая за собой работавших в них, забастовщики собрались у железнодорожного моста через реку Сарамулу. Толпа, выросшая до 1000 человек, остановила товарный поезд и отцепила паровоз. Была вызвана Сурамская местная команда из 400 человек и полиция. Рабочие отказались очистить главный железнодорожный путь и пропустить пассажирский поезд. Произошло столкновение с полицией и войсками: рабочие бросали камни, а солдаты открыли ружейный огонь. Были убиты на месте 14 человек, ранены 18, в том числе смертельно четыре человека»[222].

Батум. 1903.

«17–23 июля 1903 года. Стачка более 6000 рабочих различных предприятий города. В подавлении стачки принимали участие: конная команда, рота Михайловского крепостного пехотного батальона, две роты Кавказского стрелкового батальона, 5-я сотня 1-го Хоперского казачьего полка. В столкновении с казаками один рабочий был убит, один смертельно ранен и двое ранены»[223].

Николаев. 1903.

«21–29 июля 1903 года. Херсонская губерния. Город Николаев. Стачка около 4000 рабочих различных предприятий города, организованная Николаевским комитетом РСДРП. Стачку начали 21 июля около 13 часов рабочие судостроительного и механического заводов, толпой ушедшие с них. Брошенным из толпы рабочих камнем был ранен в голову прибывший к заводу градоначальник контр-адмирал Энквист. Сломав забор, рабочие судостроительного завода ворвались на Черноморский завод, где, вооружившись гаечными ключами, молотками и т. п., силой остановили работу. 2000 рабочих вышли с территории Черноморского завода и двинулись в город. По дороге к демонстрантам присоединялись работники других предприятий. Раздавались возгласы „Долой самодержавие!“. Число участников демонстрации превысило 10 тысяч человек. В столкновении с войсками и полицией было ранено

восемь рабочих и 11 солдат. Арестовано 46 человек. 22 июля было арестовано еще 25 человек. 23 июля опять было столкновение с войсками. Солдаты открыли стрельбу. Было ранено несколько рабочих, убиты случайный прохожий и околоточный. Арестовано 15 человек»[224].

Киев. 1903.

«21 июля — 2 августа 1903 года. Всеобщая стачка не менее 12 789 рабочих не менее 93 предприятий и мелких заведений города. Требования — сократить рабочий день, повысить зарплату и другие. Организаторы — Киевские комитеты РСДРП и ПСР. 21 июля около 8 часов утра одновременно забастовали рабочие Киевских железнодорожных мастерских Юго-Западной железной дороги, механического и машиностроительного завода Южнорусского общества и других предприятий. В обеденное время в железнодорожные мастерские, сломав ворота, ворвалась группа рабочих. Они остановили работу и стали подавать тревожные гудки. Затем прекратились работы городского трамвая, в типографиях, на табачных фабриках, в пароходном обществе, в пекарнях и булочных. Около 15–16 часов состоялась сходка рабочих типографий города на склонах у реки Днепр. Сходка была разогнана полицией и казаками; арестовано 75 человек. 23 июля к стачке присоединились рабочие завода „Арсенал“, железоделательных и пивоваренных заводов, завода дубильных экстрактов, паровых мельниц, пароходных мастерских, казенного винного склада и др. 23 июля после обеда рабочие железнодорожных мастерских направились в депо, чтобы остановить там работу. Толпа около 1000 человек заняла все станционные пути и остановила движение поездов. Около 14 часов 30 минут прибыл губернатор и предложил рабочим очистить пути, но они не подчинились. Были вызваны два батальона пехоты и две казачьи сотни. Около 16 часов произошло столкновение с казаками и войсками: казаки с шашками набросились на толпу; оттесненные с путей рабочие стали бросать в солдат камнями, войска произвели несколько залпов. Были убиты четверо рабочих, ранены 30, со стороны войск ранены 22 человека. Железнодорожная станция была взята под усиленную охрану. 24 июля многотысячная толпа рабочих собралась на Бибиковском бульваре и около 12 часов двинулась на Крещатик, а затем на Еврейский базар. Здесь на демонстрантов напали четыре сотни казаков, которые были встречены градом камней. 25 июля на Подоле собралось до 4000 судовых рабочих, грузчиков, рабочих мельниц. Произошло столкновение с казаками, которые применили огнестрельное оружие. Было убито 11 человек, тяжело ранено не менее 16, легко ранено 150 человек, арестовано 150

человек. 27 июля по призыву Киевского комитета РСДРП рабочие устроили демонстрацию по Владимирской улице и на Софийской площади, которая также была разогнана войсками. 28 участников стачки были привлечены к суду»[225].

Екатеринослав. 1903.

«5–13 августа 1903 года. Стачка в Екатеринославе началась по призыву стачечной комиссии Екатеринославского социал-демократического комитета. Остановились абсолютно все фабрики и заводы, потухли домны и мартены, стала электрическая станция, прекратилось трамвайное движение, приостановился выход газет. Требования — сократить рабочий день, отменить штрафы и др. Активное участие в организации стачки принимали Екатеринославские комитеты РСДРП и ПСР. 7 августа забастовали рабочие Екатеринославских железнодорожных мастерских и заводов: Александровского рельсопрокатного и механического, Эзау и других...

9 бастовавших предприятий, по далеко не точным данным, насчитывали 14 175 человек... Попытки разогнать собрания и демонстрации рабочих, захвативших улицы и тротуары, встречали отпор со стороны рабочих, их жен и детей. Несмотря на то, что рабочие были вооружены только камнями и палками, уличная борьба в первый же день дала перевес рабочим. Вблизи Александровского завода в фабричной слободе Чечелевка на железнодорожных путях собралась толпа до 3000 человек. Были вызваны: полиция и полурота Керчь-Еникальского полка. Произошло столкновение. Рабочие кидали в конных городовых и солдат камни. Около полудня солдаты открыли по рабочим стрельбу, убили на месте 14 человек и 40 ранили. Было арестовано 80 человек»[226].

Керчь. 1903.

«7–13 августа 1903 года. Таврическая губерния. Керченский уезд. Город Керчь. Всеобщая стачка около 2000 рабочих: порта, грузчиков, чугунолитейных заводов, табачной фабрики, мельниц, типографий и др. Требования — сократить рабочий день до десяти часов, повысить зарплату, оплачивать дни болезни. Активную роль в организации бастующих играла Керченская организация РСДРП. 7 августа стачку начали грузчики в порту, к ним присоединились рабочие заводов. 11 августа, утром, стачку начали рабочие чугунолитейного завода М. И. Бухштаба. Получив отказ в удовлетворении своих требований, рабочие толпой двинулись к заводу Золотарева и остановили на нем работу. Затем рабочие двух заводов направились к центру города, останавливая работы „во всех промышленных и ремесленных заведениях, а также в торговых лавках“. Другая часть рабочих, собравшись на горе Митридат, двину-

лась к железнодорожному вокзалу. Полиция направила на эту толпу струю воды из пожарного обоза, но рабочие перерезали шланг, выпустили пары из паровоза и вернулись в город. Произошло несколько столкновений с полицией и солдатами, но к вечеру порядок на улицах был восстановлен.

13 августа. Утром, около 1500 рабочих снова собрались на горе Митридат, оттуда двинулись к агентству Русского общества пароходства и торговли, часть рабочих которого не присоединилась к стачке. Рабочие закидали камнями взвод пехоты, несший охрану ворот во двор агентства, в ответ солдаты произвели 20 выстрелов в воздух, один рабочий был убит, 14 солдат получили легкие ранения камнями. Толпа, окружив тело убитого, попыталась пронести его по главным улицам города, но была оттеснена двумя ротами Евпаторийского пехотного полка, причем в ходе столкновения один рабочий был ранен ударами приклада и штыка и помещен в больницу. Далее рабочие направились к управлению 2-го полицейского участка, где пытались ворваться в ворота, требуя освобождения пятерых арестованных рабочих. Охранявшие ворота полицейские дали ружейный залп в толпу, в результате чего трое рабочих были убиты и пятеро ранены. После залпа толпа отступила. Для охраны города было введено 18 рот солдат»[227].

Рига. 1903.

«16 ноября 1903 года. Демонстрация рабочих в связи с похоронами рабочего А. Тупиньша, убитого городовым. Организована рижскими социал-демократами. На кладбище состоялся митинг. Городовые произвели аресты»[228].

Армавир. 1904.

«29 апреля 1904 года. Кубанская область. Лабинский отдел. Город Армавир. Волнение 300 рабочих в связи с самоубийством 23-летней работницы П. Кузнецовой, изнасилованной в полицейском участке»[229].

Сормово. 1904.

«11 июня 1904 года. Нижегородская губерния. Балахнинский уезд. Село Сормово. Демонстрация 150 рабочих Сормовского завода в знак протеста против избиения до смерти в полицейском участке рабочего электрического цеха М. П. Фролихина. Организована Нижегородским комитетом РСДРП. На демонстрации поднимались красные флаги, пелись революционные песни. Разогнана полицией, арестовано четыре человека»[230].

Белосток. 1904.

«3 августа 1904 года. Гродненская губерния. Белостокский уезд. Город Белосток. Демонстрация около 50 рабочих-евреев в знак протеста против празднования дня рождения цеса-

ревича Алексея Николаевича. Организована местным комитетом Бунда. Демонстранты били камнями и палками окна магазинов и фонарей, бросали камнями в городового. Раздавались выкрики: „Долой самодержавие!“, „Долой наследника!“, „Да здравствует республика!“. Полиция обстреляла демонстрацию. В результате было ранено пятеро демонстрантов»[231].

Из дневника Алексея Сергеевича Суворина: «Сегодня мебельщик Михайлов говорил мне: „Еду с дачи по железной дороге. Разговор о новорожденном наследнике. Радуются. Вдруг какой-то господин очень громко говорит: ‹Странные какие-то русские. Завелась новая вошь в голове и будет кусать, а они радуются›. Все разом так и притихли. До чего вольно разговаривают, так просто удивительно“»[232].

Варшава. 1904.

«10 октября 1904 года. Демонстрация в связи с объявлением мобилизации в армию. Произошло столкновение с полицией, обнажившей шашки и сделавшей несколько выстрелов. В ответ демонстрантами был убит околоточный надзиратель, ранены четверо городовых. Арестовано девять рабочих»[233].

Ченстохова. 1904.

«19 октября 1904 года. Петроковская губерния. Ченстоховский уезд. Город Ченстохова. Демонстрация до 5000 польских рабочих. Слышались возгласы: „Долой царя!“, „Смерть царю!“. Демонстранты были вооружены камнями, холодным оружием, железными палками. Они забросали камнями полицию. Находившийся на площади военный караул открыл огонь, один демонстрант был убит, трое ранены»[234].

Варшава. 1904.

«31 октября 1904 года. Демонстрация не менее 600 рабочих, студентов и горожан с протестом против войны и мобилизации. Организована ППС. Был поднят красный флаг с надписью: „ППС“. Демонстранты были вооружены палками, камнями, револьверами и винтовками. Они обстреляли и забросали камнями и палками полицию и солдат. Последние дали по демонстрантам два залпа. Шесть демонстрантов и один городовой были убиты. Было задержано 600 человек, из них 29 переданы в жандармское управление для дознания»[235].

Радом. 1904.

«12 декабря 1904 года. Город Радом. Около 2 часов ночи состоялась демонстрация около 300 рабочих и жителей города с протестом против мобилизации. Демонстранты были вооружены револьверами и палками. Произошло столкновение с солдатами: были убиты командир полка и демонстрант и ранены несколько солдат и демонстрантов»[236].

Лодзь. 1904.

«13 декабря 1904 года. Петроковская губерния. Город Лодзь. Демонстрация вооруженных револьверами рабочих и горожан. При попытке задержать знаменосца был убит городовой и ранен казак. Задержано пять человек»[237].

Баку. 1904.

«Декабрь 1904 года. Бакинская стачка. Забастовка началась 5 декабря, расширяясь и распространяясь все больше и больше; 13 декабря она приняла характер всеобщей забастовки, с определенными политическими требованиями... У горы Степана Разина собралось огромное собрание рабочих (около трех тысяч человек). Большевистские ораторы призывали держаться стойко, разъясняли рабочим, что успех стачки зависит от сплоченной и дружной борьбы всех рабочих... Как только началась стачка, местные власти оказались в полной растерянности. В Петербург и Тифлис полетели донесения о стачке. Из Тифлиса запросили присылки немедленной военной помощи в виде двух стрелковых батальонов. Вице-губернатор города Баку Лилеев очень опасался захвата забастовщиками местных учреждений власти (банк, почта, телефон, железнодорожные станции) и поэтому в первый же день забастовки распорядился установить усиленную охрану этих мест. С полудня и на промыслах появились разъезды из казаков и полиции. В городе было введено военное положение. Полиция и казаки начали разгонять митинги и собрания. Но где бы ни появлялись казаки и полиция, рабочие встречали их, забрасывая камнями и палками, провозглашая политические лозунги. Начались аресты (было арестовано около 200 человек в первые дни стачки). Многие из арестованных были посажены и тюрьму „в порядке охраны“ на сроки от шести дней до трех месяцев...

Возмущение рабочих усилилось особенно после того, как стало известно, что нефтепромышленники с помощью небольшой части несознательных рабочих начали работу на промыслах „Олеум“, Набатова, Мухтарова и других. Вокруг этих промыслов собрались большие группы рабочих, требовавшие прекращения работы. К этому времени подоспела и полиция во главе с бакинским уездным начальником и бакинским полицмейстером. Рабочие силой остановили работу на промыслах „Олеум“, Набатова, Борна и „Шихово“. Полиция, а позднее и казачьи разъезды вступили в борьбу с рабочими, защищая штрейкбрехеров. Рабочие оказали решительное сопротивление. В полицию и казаков дождем посыпались камни, гайки, палки. Особенно бурные события разыгрались у промысла Мухтарова и Балаханского товарищества. Подхо-

рунжий Мачнев приказал казакам стрелять в рабочих. За весь день было убито пять рабочих и ранено около 40 (точное число раненых установить невозможно, ибо из опасения репрессий рабочие унесли сами часть раненых и лечили их тайно).

Затем, спустя три-четыре часа, биби-эйбатскому приставу дали знать, что на промысле „Олеум“ рабочие бьют окна и промысловых рабочих, желающих работать. Сообщив немедленно об этом по телефону уездному начальнику, пристав отправился на место буйства и здесь застал большую толпу рабочих, вооруженных дубинками. Толпа эта при появлении пристава с городовыми остановилась, но, теснимая сзади командою полицейской стражи во главе с офицером, бросилась вправо от шоссе на промысел Набатова. Здесь пристав выяснил, что еще на промысле „Олеум“ разбушевавшиеся рабочие напали на двух стоявших у ворот стражников полицейской стражи и, свалив их, отняли у них ружья. В то время, когда упомянутая выше толпа бросилась на промысел Набатова, приставу дали знать, что другая толпа числом до 300 человек громит промысел „Шихово“. Прибыв на этот промысел, пристав застал эту толпу, причем часть ее направилась к нему, а остальная часть засела за валом. В это время на Биби-Эйбатские промыслы прибыл Бакинский уездный начальник с командой стражников, и полицейский пристав, присоединившись к нему, доложил о положении дела. На промысле Мухтарова, встретив отпор со стороны рабочих промысла, полиция вступила с ними в драку, во время которой произведенными выстрелами из револьверов, кинжалами и палками нанесены многим нападавшим ранения и один рабочий был убит. По произведенному подсчету, раненых оказалось 18 человек (в том числе девять армян и восемь лезгин), в том числе пятеро — тяжко. Из рабочих же промысла Мухтарова поранено только двое. В тот же день, то есть 23 декабря, в районе Балахано-Сабунчинских нефтяных промыслов рабочие пыталась произвести беспорядки на промыслах Нобеля и разбить окна в жилых помещениях, но попытка эта не удалась. Затем до 2 часов дня ничего не происходило, но затем большая толпа рабочих напала на промысловую контору Нобеля, побила окна, переломала некоторые машины и произвела несколько выстрелов, после чего направилась на промысел Балаханского Товарищества, где также побила все стекла в окнах. Здесь к этой толпе присоединилось еще две толпы, образовав массу около тысячи человек, преимущественно армян. В это время толпу эту нагнал казачий разъезд от 6-й сотни, в который из толпы стали производить выстрелы из револьверов и бросать камнями. Второму разъезду удалось пробиться сквозь толпу и

соединиться с первым, а к тому времени прибыл еще разъезд 3-й сотни под командой хорунжего Мачнева. Хорунжий Мачнев многократно предлагал толпе разойтись, не подходить, обещая стрелять. Но толпа, продолжая забрасывать камнями и стреляя, все напирала на казаков, пытаясь их охватить. В это время к месту скопления толпы подоспел балахано-сабунчинский полицмейстер, вместе с товарищем прокурора Бакинского окружного суда бароном Раденом, и просил хорунжего Мачнева не прибегать без крайности к оружию. Но толпа, не внимая увещаниям, все напирала, продолжая стрелять. Тогда по команде хорунжего Мачнева казаками был сделан залп по толпе, причем трое оказались убитыми и пятеро раненными. В числе раненых один татарин, а остальные все армяне. Кроме того, задержаны девять человек участников беспорядков. После этого, около 3 часов пополудни, порядок восстановился, но тем не менее казаки совершали усиленные разъезды и от стрелков были высланы патрули. Кроме промыслов Нобеля и Балаханского товарищества в Балаханах подверглись нападению промысла: Манташева, Кавказ, Сумбатова, Шумахера и Васпуракан, где были побиты стекла и выпущен пар из паровиков, причем на промысле Манташева буровой рабочий Маснеф Надыров, погнавшись за толпой, поранил лезгина Каинбека Мирзабек-оглы и еще неизвестного, скрывшегося татарина. Вечером же 23 декабря на промысле Мотовилиха была обнаружена попытка поджечь буровую вышку.

В ночь на 25 декабря на шестом промысле Товарищества братьев Нобель в Романах начался пожар, продолжавшийся всю ночь и уничтоживший 16 вышек у Нобеля, шесть — у Московского товарищества и до 30 саженей деревянной забойки. Всего от пожара убыток составил около 150 тысяч рублей. Пожар начался одновременно с двух рядом стоящих вышек Нобеля и вследствие сильного ветра и отсутствия, по причине забастовки, пара и воды быстро распространился на соседние вышки. Полиция считает, что это был поджог.

К 31 декабря стачка распространилась на большинство предприятий Баку. Начались митинги и демонстрации, которые не прекратились и с вводом войск. Стойкость и организованность рабочих вынудила предпринимателей пойти на переговоры со стачкомом, по итогам которых был заключен первый в истории России коллективный договор. По колдоговору был установлен девятичасовой рабочий день для всех рабочих, а для ночных смен и буровых партий — восьмичасовой. Зарплата была увеличена с 80 копеек до 1 рубля, был введен ежемесячный четырехдневный оплачиваемый отпуск. Капиталисты обязались улучшить жилищные условия рабочих»[238].

Петербург. 1905.

«9 (22) января 1905 года. Забастовка в Петербурге началась на Путиловском заводе, где за несколько дней до того было уволено несколько рабочих. Депутация от „Собрания фабрично-заводских рабочих“ к директору завода с требованием приема рабочих обратно успеха не имела, и 3 января завод стал. 4-го к забастовке путиловцев примкнул сначала Семянниковский, а за ним и другие заводы за Невской заставой. 5-го и 6-го к забастовке примкнули почти все заводы и мастерские, и забастовка в Петербурге стала всеобщей.

Бастовало около 200 000 человек. Но это не была стачка из сочувствия к путиловцам. Это был взрыв революционной энергии пролетариата, которая искала только повода, чтобы проявиться. Поэтому среди рабочих требований только у путиловцев, да и то только в первые дни забастовки, имеется пункт о принятии обратно уволенных товарищей. На прочих заводах формулируются широкие рабочие требования: сначала общеэкономические, а вскоре за тем и политические.

В петиции к царю, в которой стремления рабочих получили свою окончательную формулировку, наряду с требованиями, касающимися условий труда, имеются чисто политические требования, вплоть до Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. За три дня всеобщей забастовки политическое развитие рабочих масс сделало гигантский скачок вперед: нетронутая серая масса стала за эти дни сознательной революционной силой.

Идея шествия ко дворцу и подачи петиции царю появилась как-то внезапно и мгновенно овладела массами. Эта форма наиболее соответствовала тому состоянию наивной веры, в каком широкие народные массы находились до 9 января. Как только появилась петиция, она была покрыта десятками тысяч подписей. 7-го и 8-го в массы проникают тревожные слухи, и начинают раздаваться призывы к оружию, но народ отвергает их в своем экстазе. Полный небывалого революционного подъема, народ проникнут глубокой верой в правоту своего дела и в торжество правды: его не посмеют тронуть, не посмеют не допустить к царю; безоружный и смиренный пойдет он в этот день, и все преграды, отделяющие его от царя, падут сами собой.

Не так смотрели руководители рабочих и интеллигенция. Они пытались, как могли, предотвратить надвигающуюся катастрофу. Гапон написал письма царю и Святополк-Мирскому, в которых извещал их о готовящемся шествии и от имени рабочих гарантировал неприкосновенность личности царя. Правительство между тем либо колебалось и не знало, как по-

ступить, либо решилось на сознательную провокацию. Не нарушая и не препятствуя организации шествия, правительство, видимо, что-то готовило, но еще 8-го не было точно известно, допустят ли шествие или нет. Только к вечеру стало категорически известно, что правительство решило не пустить рабочих в город и мобилизовало военные силы. Ночью к министру внутренних дел и председателю комитета министров Витте была отправлена депутация от петербургской интеллигенции с просьбой не допустить кровопролития. Депутация только убедилась, что кровопролитие неизбежно, и Петербург с тревогой и опасением стал ждать следующего дня.

Собраться у Зимнего дворца, предположено было в 2 часа дня, а потому шествие началось очень рано. Во многих местах шествие напоминало крестный ход — все было проникнуто какою-то религиозной торжественностью.

У Нарвских ворот, на Шлиссельбургском тракте, на 5-й линии Васильевского Острова, у Троицкого моста на Петербургской Стороне, на Адмиралтейском проспекте и во многих других местах солдаты и конница преграждали путь рабочим и залпами расстреливали толпу. Только немногие дошли к назначенному часу к Дворцовой площади, оцепленной со всех сторон солдатами и казаками.

Здесь повторились те же сцены расстрела безоружной толпы. Сотни мужчин, женщин и детей пали в этот день жертвой своей наивной веры смирения и покорности. Залпы пробудили толпу, и она бросилась прочь от того места, откуда она незадолго до того благоговейно ждала мира и правды. В безумном ожесточении люди бросились навстречу войскам, и вновь и вновь падали жертвы. Страх у людей пропал. Ими руководила ненависть и обида. На окраинах стали появляться баррикады, и на них развевались красные знамена — символ того, что наивная вера, двинувшая народ к Зимнему дворцу, заменилась революционным сознанием и жаждой борьбы. Около 11:30 утра процессия приблизилась к Нарвским триумфальным воротам, возле которых ее ожидали войска — эскадрон конногренадер и две роты 93-го пехотного Иркутского полка. При приближении толпы от войска отделился отряд конно-гренадер и, обнажив шашки, во весь опор бросился на толпу. Толпа раздалась в стороны, послышались крики и стоны раненых. По данным военного рапорта, в этот момент из толпы послышались два выстрела, трое солдат получили удары палками, а одному взводному был нанесен удар крестом. Встретив сопротивление, эскадрон прорезал толпу и, сделав круг, вернулся обратно к воротам. „Вперед, товарищи, свобода или смерть!“ — прохрипел Гапон. Толпа сомкнулась и с негодую-

щим ревом продолжила свой ход. По воспоминаниям одного из участников, передние ряды ринулись в сторону солдат ускоренным шагом, почти бегом. В это время раздался сигнальный рожок, и по толпе был произведен ружейный залп. Участники шествия легли на снег, но затем снова поднялись и двинулись вперед. Тогда по ним было произведено еще четыре залпа. Первые ряды повалились на землю, задние обратились в бегство. Толпа разбегалась, оставляя на снегу около 40 убитых и тяжело раненых. Выстрелами были убиты председатель „Собрания русских фабрично-заводских рабочих“ Иван Васильев и старик Лаврентьев, несший царский портрет.

Когда говорят о Кровавом воскресенье 9 января 1905 года, то, как правило, имеют в виду расстрел манифестации во главе с попом Гапоном перед Нарвскими воротами. Между тем в тот день толпы рабочих, желающих „идти к царю“, собрались и в других районах города. И везде были жестоко, со стрельбой разогнаны. За один из самых ответственных участков — Невский проспект в месте пересечения с рекой Мойкой — как раз и отвечал 3-й батальон лейб-гвардии Семеновского полка под командованием полковника Римана. Народ собирался там с 11 утра. К двум часам дня собралась уже огромная раздраженная толпа, которая активно пыталась прорваться на Дворцовую площадь. До поры до времени полиции удавалось сдерживать людей. Но вскоре начали поступать слухи о трагедии у Нарвских ворот. Затем донеслись выстрелы из Александровского сада, где солдаты Преображенского полка дали несколько залпов, убив и ранив около 30 человек. Тогда из толпы полетели куски льда и камни, а несколько полицейских даже были избиты. Напряжение нарастало с каждой минутой.

Тогда-то полковник Риман и принял роковое решение. В ответ на очередной провокационный выкрик из толпы он выхватил из кобуры револьвер и со словами „Вас, бунтовщиков, перестрелять надо!“ несколько раз выстрелил по людям. Затем приказал одной роте своего батальона выстроиться на мосту через Мойку и открыть стрельбу.

Рабочие Василеостровского отдела „Собрания“, находившегося на 4-й линии Васильевского острова, двинулись из отдела в 12-м часу. С утра в отделе продолжали собирать подписи под петицией и произносить речи. Затем, пропев „Отче наш“, рабочие в количестве около 6 тысяч человек двинулись по 4–5-й линии к набережной Невы. Шествие возглавляли председатель отдела К. В. Белов, рабочие А. Е. Карелин, В. М. Карелина, Г. С. Усанов и другие. При выходе на набережную, у Академии художеств, шествие было встречено отрядами пехоты и кавалерии. Вожаки вышли вперед и показывали, что они безо-

ружны. Навстречу им был брошен отряд казаков, который пытался оттеснить колонну нагайками и шашками, но она продолжала идти вперед. Офицер приказал пехоте взять ружья на изготовку. Заиграл сигнальный рожок, но колонна не отступила, а передние ряды распахнули пальто, подставляясь под пули. Тогда пехота расступилась, и из-за нее вырвался новый отряд кавалерии с обнаженными шашками. Казаки рубили, стегали нагайками и топтали лошадьми. Колонна была смята и отброшена, люди толпами бежали к Среднему проспекту. Основная масса отступила обратно к отделу, где начали произносить речи.

По свидетельству художника В. А. Серова, наблюдавшего за происходившим из окон Академии художеств, „То, что пришлось видеть мне из окон Академии художеств 9 января, не забуду никогда — сдержанная, величественная, безоружная толпа, идущая навстречу кавалерийским атакам и ружейному прицелу, — зрелище ужасное“.

Около 12 часов дня на Дворцовой площади напротив Зимнего дворца стал собираться народ. Сюда попали те из рабочих, которые пробирались к центру мелкими группами, и те, кому удалось пройти через заставы. Вся Дворцовая площадь была заполнена военными, по ней разъезжали конные отряды, а солдаты выкатили пушки. К 2 часам дня на площади собралось несколько тысяч человек. Толпа сгустилась у решетки Александровского сада и у ближайшего крыла Генерального штаба. Кроме рабочих, здесь было много случайной публики. День был выходной, и жители Петербурга отправились к дворцу посмотреть, как царь выйдет к народу принять челобитную. Один рабочий из Колпино держал в руках свиток петиции. Прибывающие с застав рабочие рассказывали, как их встретили солдаты. Говорили о стрельбе на заставах, о множестве убитых и раненых. У Нарвских ворот произошла форменная бойня, говорили, что Гапон убит. Напряжение в толпе нарастало.

Около 2 часов дня толпу попытались оттеснить конные отряды, однако эти попытки оказались безуспешными. Рабочие, взявшись за руки, обступили кавалеристов плотной стеной, не давая им возможности повернуться. Со стороны демонстрантов раздавались дерзкие заявления, что они не разойдутся, хотя бы в них стреляли. Солдат упрекали, что они воюют не с японцами, а со своим народом. Численность собравшихся продолжала расти. В 2 часа дня напротив толпы выстроилась рота Преображенского полка. Солдаты взяли ружья наизготовку. Офицер трижды предупредил собравшихся, что, если они не разойдутся, в них будут стрелять. В ответ демонстран-

ты махали шапками и кричали: „Стреляйте!“. Раздался сигнальный рожок. Толпа продолжала стоять, старики сняли шапки и стали креститься. Раздался залп, и на землю повалились раненые. Затем рота повернулась вполоборота и дала второй залп. Толпа взвыла и бросилась бежать к Адмиралтейскому проспекту, а вслед за ней бросилась сотня казаков, избивая нагайками бегущих. Толпы отхлынули назад, количество раненых и убитых составило около 30 человек.

Всего за 9 января войсками были произведены залпы на Шлиссельбургском тракте, у Нарвских ворот, близ Троицкого моста, на 4-й линии и Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада, на углу Невского проспекта и улицы Гоголя, у Полицейского моста и на Казанской площади. По данным полицейских докладов и военных рапортов, стрельба во всех случаях была вызвана нежеланием толпы подчиниться требованию остановиться или разойтись. За день несколько военных были избиты, однако ни один военный не погиб. Два полицейских, убитых у Нарвской заставы, — Жолткевич и Шорников — были убиты залпами 93-го пехотного Иркутского полка, что подтверждается свидетельствами очевидцев, данными полицейских докладов и результатами вскрытия.

Вопрос о количестве жертв Кровавого воскресенья всегда был предметом разногласий. По официальным правительственным данным, опубликованным 10 января, всего 9 января в больницы Петербурга было доставлено 76 убитых и 233 раненых. Впоследствии эта цифра была уточнена: 96 убитых и 333 раненых, из которых в дальнейшем умерло еще 34 человека, итого 130 убитых и 299 раненых. Эти цифры были приведены в докладе директора Департамента полиции министру внутренних дел, который предназначался для императора. 18 января в правительственных газетах был опубликован „Список лиц, убитых и умерших от ран в разных больницах г. С.-Петербурга, полученных 9 января 1905 года“. Список включал 119 фамилий погибших с указанием их возраста, звания и занятий и 11 неопознанных лиц, всего 130 человек. Кстати, среди них 8 тезок императора — Николаев и двое тезок цесаревича — Алексеев. Кроме того, среди жертв 9 января 1905 года: Кула Карл Карлов — 14 лет. Курочкин Андрей Ильин — 15 лет. Ежов Павел Гурьянов — 15 лет. Белова Мария Константинова — 16 лет. Бибичин Иван Никандров — 16 лет. Мухин Федор Федоров — 16 лет.

Официальные цифры с самого начала были поставлены под сомнение общественностью. Говорили, что правительство сознательно скрывает количество жертв, чтобы уменьшить масштабы своего преступления. Недоверие к официаль-

ным источникам информации порождало множество слухов. Так, британское агентство „Лаффан“ сообщало о 2000 убитых и 5000 раненых, газета „Дейли мейл“ — о более 2000 убитых и 5000 раненых, а газета „Стандард“ — о 2000–3000 убитых и 7000–8000 раненых»[239].

«Частное расследование (как это было во все времена и при всех режимах, в данном случае это была Комиссия присяжных поверенных, собиравшая информацию у очевидцев расстрела на фабриках и заводах, в больницах Петербурга и обследовавшая кладбища в первые недели после трагедии) называло более 4,5 тыс. пострадавших, из них — более 1200 убитых и умерших от ран»[240].

Рига. 1905.

«12–13 января 1905 года. После получения сообщений о Кровавом воскресенье в Петербурге ЦК Латышской социал-демократической рабочей партии объявил 12 января всеобщую стачку. В этот день остановились фабрики, заводы, типографии, не ходили трамваи, закрылись театры и учебные заведения. 13 (26) января 1905 года несколько тысяч демонстрантов вышли на улицы Риги. Войска и полиция встретили их ружейным огнем и казачьими саблями. Спасаясь от пуль, демонстранты спускались на лед Западной Двины. Лед, оказавшийся не очень крепким, проломился, и много людей утонуло. По официальным данным, было убито 48 человек и 50 ранено. По другим сведениям, погибли 73 человека и более 200 получили ранения»[241].

Как писала полиция: «Рабочие двинулись на Московский форштадт, где к прекращению работ принуждались многочисленные фабрики и между ними завод Кузнецова. Толпа, усиленная рабочими этих фабрик, вернулась около 5 часов обратно в город. У железнодорожного моста им загородила путь полурота учебного унтер-офицерского батальона. Из толпы раздались возгласы: „Вперед!“, несмотря на то, что временно исполняющий обязанности полицеймейстера г. Роемак и помощник пристава Грегус увещевали толпу разойтись. Вдруг из толпы крикнул один студент: „Назад! Бегите наверх, через мост!“, — после чего часть толпы бросилась через мост в город, а другие стали наступать на солдат, сорвали с барабанщика шашку и нанесли унтер-офицеру твердым орудием удар по голове. Между тем находящиеся на мосту стали бросать в солдат камнями и стрелять в них. После троекратного предупреждения командира полуроты разойтись, по толпе был открыт огонь. Одновременно прибыла другая полурота солдат, которая встретила народ, дошедший до Господской улицы. Солдаты были встречены выстрелами толпы. Коман-

дир 2-й полуроты, увидя, что первая полурота окружена толпою, также приказал стрелять, после чего толпа вскоре рассеялась во все стороны. На плацу остались 22 убитых, между ними две женщины, и 60 раненых. Некоторые были отправлены в городскую больницу. Помощник пристава Билев был смертельно ранен и в городской больнице вскоре скончался. Из солдат было ранено восемь человек; пять было отправлено в городскую больницу, где один умер. Из демонстрантов умерло в больнице 12 человек. В госпиталь Красного креста были доставлены семь раненых студентов, из которых трое умерли... Того же дня около 6 часов вечера, в частную клинику доктора Цеге фон Мантейфеля был доставлен студент политехнического института Константин Николаевич Печуркин с огнестрельной раной в голове, скончавшийся в клинике, спустя несколько часов. Труп был отправлен на квартиру покойного, по Гертрудинской улице, № 64, где 14 января состоялось официальное освидетельствование трупа, после чего было дано разрешение на погребение его»[242].

Ревель. 1905.

«14–15 января 1905 года. Всеобщая забастовка в Ревеле. Войсками расстреляна антиправительственная демонстрация. Первой жертвой кровавых событий в Ревеле стал рабочий завода „Двигатель“ Александр Касман. На следующий день войска снова открыли огонь по демонстрантам около химической фабрики Майера. Всего за 14–15 января 1905 года в городе были убиты 10 и ранены около 100 человек»[243].

Горы-Горки. 1905.

«15 января 1905 года. Могилевская губерния. Местечко Горы-Горки. Здесь состоялась демонстрация по поводу событий 9 января в столице. Толпа до ста человек, из которых 40 рабочих, а остальные ученики местного таксаторского училища, собрались в роще. После краткой речи оратора толпа выбросила красное знамя и направилась к местечку. В этот момент появился исправник с жандармами и потребовал разойтись. В ответ толпа запела „Марсельезу“ и двинулась в местечко. Произошло столкновение с полицией. В результате были убиты наповал два ученика и ранены рабочий, работница и мальчик. Сначала убитых не позволили хоронить, мотивируя это тем, что они политические преступники, но ученики училища (500 человек) отправились в полицию отнимать тела, чтобы похоронить самим»[244].

Варшава. 1905.

15–16 (28–29) января 1905 года. «15 января революционное выступление варшавских рабочих приняло еще более бурный характер. Наряду с рабочими промышленных пред-

приятий к забастовке примкнули рабочие конно-железной дороги, служащие аптек и торговых заведений. Забастовку поддержали студенты Варшавского университета. Около 12 часов дня 15 января 2 тыс. бастующих студентов организованной колонной прошли по улицам Новый Свят и Краковское предместье. На Театральной площади колонна студентов была встречена войсками и рассеяна...

С каждым днем возрастало количество „войск охраны". Генерал Новосильцов сообщал: „На 15 января, ввиду полученных мною от обер-полицмейстера сведений о возможном усилении беспорядков, наряд в помощь полиции был усилен до 29,5 рот, пяти эскадронов и трех сотен"...

Одним из важнейших эпизодов борьбы варшавских рабочих за 15 января следует считать проведенную по инициативе местной организации СДКПиЛ внушительную рабочую демонстрацию. Организованные колонны демонстрантов прошли по улицам города с пением революционных песен. Во время шествия по улицам демонстранты неоднократно вступали в стычки с полицией и воинскими нарядами, в результате чего несколько демонстрантов было убито и ранено. Несмотря на большое скопление войск и нарядов полиции, которые пытались преградить путь демонстрантам, рабочие плотными рядами двигались к площади Витковского, где предполагалось провести массовый митинг. Отбивая атаки войск, демонстранты к 9 часам вечера достигли площади Витковского. В колонне демонстрантов насчитывалось до 5 тыс. человек. Площадь была окружена войсками, готовыми в любую минуту броситься в атаку на демонстрантов. Полиция приказала демонстрантам покинуть площадь, на что рабочие ответили решительным протестом. Раздраженный упорством рабочих, полицейский начальник отдал войскам приказ атаковать демонстрантов. Не выдержав атаки, рабочие были вынуждены рассеяться, оставив на площади много убитых и раненых. Очевидец этой кровавой расправы, учиненной войсками над демонстрантами, сообщал: „Жертв на этой демонстрации было много, и полиция увезла ночью с площади Витковского на двух платформах массу трупов".

15 января стычки бастующих рабочих с полицией и войсками имели место и в других районах Варшавы. На некоторых улицах Варшавы были сооружены баррикады. Так, около 7 часов вечера баррикада была сооружена на углу Вороньей и Грибной улиц. Засевшие здесь рабочие стреляли в войска и оставили баррикаду только после того, как против них был двинут дополнительный отряд полицейских. В результате столкновений с войсками и полицией варшавские рабочие

в течение 15 января понесли многочисленные жертвы. Даже официальные документы отмечали, что „при усмирении убито девять человек, раненых зарегистрировано 13 человек, задержано 157 человек“.

По распоряжению генерала Новосильцова войска в ночь с 15-го на 16 января разбили бивуаки на отдельных площадях города. „Ночью (с 15-го на 16-е), — сообщала большевистская газета ‹Вперед›, — войска бивуакуировали на Театральной площади“. Всего в наряде на 16 января было 64S роты, девять эскадронов и четыре сотни. 16 января столкновения революционно настроенных рабочих с войсками начались с самого утра. Полиция и воинские патрули не допускали появления на улице даже небольших групп рабочих... В течение всего дня бастующие рабочие продолжали вести упорную борьбу, переходя время от времени к вооруженным стычкам с войсками и полицией. Большое напряжение политической обстановки в Варшаве были вынуждены признать даже официальные лица. „В воскресенье... — сообщал генерал-губернатор Чертков, — забастовки продолжались. Войска были вынуждены несколько раз стрелять... Причем убито до 60 человек. Количество раненых пока не определено, в больницы доставлено свыше 70 человек“»[245].

Лодзь. 1905.

15 января 1905 года. Из доклада начальника Петроковского Жандармского управления: «В деревне Видзев, около фабрики Гейнцеля и Куницера... полурота была вынуждена открыть огонь по лесу, и только тогда рабочие разбежались, оставив на месте четырех убитых и 24 раненых».

20 января 1905 года. «Часовой, охранявший доступ к воротам фабрики Гейера, был атакован толпой, вследствие чего произвел выстрел, вместе со стоявшим тут же городовым, при чем убито двое и одной пулей ранены три брата Друхи»[246].

Томск. 1905.

«После известий о Кровавом воскресенье в Санкт-Петербурге томская молодежь решила провести демонстрацию протеста. Несколько сотен рабочих и студентов с красными флагами и пением революционных песен утром 18 (31) января 1905 года двинулись вниз по Почтамтской улице. У Пассажа Второва произошло их столкновение с полицией. На требование полиции разойтись демонстранты ответили револьверными выстрелами. Демонстрация была рассеяна с применением холодного и огнестрельного оружия. Итоги этого столкновения были таковы: убиты один из знаменосцев демонстрантов — член томской организации РСДРП 18-летний рабочий-печатник Иосиф Егорович Кононов и случай-

ный прохожий, 14-летний мальчик Елизаров. Ранены 23 демонстранта и шесть полицейских»[247].

Тихорецкая. 1905.

«Волнения на станции Тихорецкая начались в январе 1905 года. 19 января казачьим нарядом была расстреляна политическая демонстрация рабочих станции, были погибшие и раненые»[248].

Лодзь. 1905.

27 января 1905 года. Из доклада начальника Петроковского Жандармского управления: «Когда полицмейстер Хржановский подъезжал к толпе с эскадроном драгун, то из домов по Петроковской улице и из толпы было произведено несколько выстрелов. Одним контужен в голову полицмейстер, а другим ранены две лошади. Несколько драгун немедленно спешились и произвели одиночные выстрелы, при чем убито из толпы двое и ранено шесть человек, после чего толпа рассеялась.

Одновременно из пригорода двигались по двум направлениям к Горному рынку... густые массы рабочих. Чтобы закрыть им доступ в город, начальник Земской стражи выставил две заставы, по полуроте каждая. Через эти заставы рабочие во что бы то ни стало хотели прорваться, почему солдаты были вынуждены дать несколько выстрелов, коими убито три человека и ранено восемь, что заставило толпу разойтись»[249].

Сосновицы. 1905.

27 января 1905 года. Из доклада начальника Петроковского Жандармского управления полковника Уттофа: «С утра 27 января на некоторых заводах рабочие приступили к занятиям, между прочим, и на заводе „Екатерина“ <...> Группа забастовщиков, узнав об этом, появилась в 6S часов вечера у названного завода... Завод охраняли две роты Бутырского пехотного полка. Когда толпа достигла приблизительно 1000 человек, она начала выламывать двери. Ротный командир предупредил, что будет стрелять, но на это не было обращено внимания... Произведено было несколько залпов, коими толпа рассеяна. Из удалявшейся толпы начали стрелять в полуроту, расположенную напротив завода, вследствие чего полурота дала залп. Всего, как теперь оказалось, убито 33 и ранено 36 человек»[250].

Донбасс. 1905.

«16–18 февраля 1905 года. В середине февраля вспыхнула забастовка на Рыковском руднике в Донбассе. Поводом к ней послужила приостановка 16 февраля на шахте № 3 работ в связи с разрывом каната. Не занятые по этому случаю рабочие собрались у конторы и выдвинули требования: сокращение рабочего дня, увеличение зарплаты и другие. На следую-

щий день требования были предъявлены в письменной форме. Видя, что администрация не идет на уступки, шахтеры устроили демонстрацию. Демонстранты направились к шахте № 4, пытаясь прорваться к коксовым печам и электрической станции, чтобы прекратить там работы. Но по пути к шахте рабочие были обстреляны казаками. Один рабочий был убит и несколько ранено»[251].

Донбасс. 1905.

«18–20 февраля 1905 года. 18 февраля началась стачка 2500 шахтеров Щербиновского и Нелеповского рудников. Администрация рудников согласилась удовлетворить второстепенные требования рабочих, но в главном требовании — увеличении зарплаты на 58 % — отказала. С целью расширения стачки активная часть забастовщиков 20 февраля пыталась пройти в котельную, чтобы остановить там работы, но казаки дали по ним залп. Были убиты четыре человека и ранены шесть. 164 забастовщика были арестованы»[252].

Донбасс. 1905.

«19–21 февраля 1905 года. 19 февраля началась стачка 1500 горняков ртутного рудника Ауэрбаха за повышение зарплаты на 20 копеек. 21 февраля забастовщики подверглись нападению казаков, в результате которого три человека были убиты и пять человек ранены»[253].

Петербург. 1905.

«22 марта 1905 года. Столкновение рабочих фабрики Паля с конными стражниками в СПБ. Мастером Колянским убит рабочий Алексеев. 25 марта 1905 года. Похороны рабочего Ф. Алексеева, убитого мастером Колянским. Более 10 000 рабочих следовало за гробом»[254].

Варшава. 1905.

«2 апреля 1905 года. Демонстрация в Варшаве по поводу смерти в Павиаке рабочего Израиля Гравера, умершего после семидневной голодовки.

По призыву Варшавского комитета Бунда к Павиаку собралось на похороны Гравера свыше 30 000 рабочих. Но администрация запретила выдать тело покойника. С революционными песнями толпа стала демонстративно расходиться по городу.

На Смочьей улице в толпу демонстрантов патруль дал несколько выстрелов, которыми трое демонстрантов — Каган, Гоберштейн и Гольдман — убиты наповал и 20 человек тяжело ранены. Из числа раненых через несколько дней умерли студент С. Марголин и Ф. Грабельская. В память погибших 2 апреля состоялась однодневная забастовка»[255].

Варшава. 1905.

«18 апреля 1905 года. Первомайская демонстрация в Варшаве.

Во время демонстрации на Иерусалимской аллее в демонстрантов дано было несколько залпов, которыми убито около 30 и ранено более 100 человек. Толпа бросилась в разные стороны, но солдаты преследовали ее. Убегавших настигали во дворах и даже в квартирах. Вечером в 9 часов около Венского вокзала бомбой было ранено три казака и несколько посторонних. Сейчас же началась стрельба — снова многие были ранены. Через несколько дней объявлена однодневная забастовка в виде протеста против этой бойни»[256].

Иваново-Вознесенск. 1905.

«Стачка 1905 года происходила с 12 мая по 23 июля под руководством большевистской организации, во главе которой были Михаил Фрунзе, в 1905 году ему было 20 лет, Федор Афанасьев (Отец), Семен Балашов (Странник). Она началась как экономическая, но вскоре переросла в политическую. В стачке, которая распространилась на весь текстильный район Иваново-Вознесенска, участвовало около 70 тысяч человек. Бастующие требовали восьмичасового рабочего дня, повышения зарплат, отмены штрафов, ликвидации фабричной полиции, свободы слова, союзов, печати, стачек, созыва Учредительного собрания и пр.

15 мая рабочие выбрали 151 депутата, создавших Собрание уполномоченных депутатов — фактически первый в России общегородской Совет рабочих депутатов. 3 (16) июня 1905 года отряд астраханских казаков под командованием полицмейстера Кожеловского напал на заседание Совета уполномоченных рабочих депутатов на реке Талка, за городом. Произошли избиение и расстрел рабочих, детей и женщин казаками в Иваново-Вознесенске. 28 человек убиты, много раненых. Арестовано 80 человек, в том числе 50 депутатов Совета. В ответ на это в ночь на 4 (17) июня 1905 года начались поджоги предприятий Гандурина и Дербенева, домов и дач Горелина, Фокина, Дербенева и других иваново-вознесенских фабрикантов. Всеобщая забастовка продолжалась 72 дня. Лишь голод принудил рабочих удовлетвориться частичными уступками предпринимателей и возобновить работу»[257].

Лодзь. 1905.

«20 мая 1905 года. При попытке отбить у солдат двоих арестованных стачечников было убито двое рабочих. В городе бастуют 42 фабрики общей численностью 33 тыс. чел. В ответ на забастовку лодзинские фабриканты объявили локаут»[258].

«26 мая состоялись похороны рабочего Яна Грабчиньского, застреленного казаками перед фабрикой Грохмана. В траурной манифестации участвовало 50 тысяч жителей — это было первое торжественное захоронение рабочего, павшего во время революции»[259].

Лодзь. 1905.

«5 июня 1905 года. После проведения в лесу под городом митинга СДКПиЛ пятитысячная колонна демонстрантов под красным флагом вошла в город. Колонна была атакована царскими войсками, вооруженные демонстранты отразили три последовательные атаки солдат, драгун и казаков, однако, потеряв 10 убитых и более 40 раненых, не смогли пробиться к центру города»[260].

«8 июня 1905 года новая 70-тысячная антиправительственная демонстрация была атакована казаками и драгунами; было убито и искалечено около 100 человек»[261].

«9-го должны были состояться похороны умерших от ран в больнице еврейских рабочих, но они были накануне тайно похоронены полицией.

Когда это стало известно рабочим, они стали собираться около больницы и на главных улицах города. Вскоре количество демонстрантов возросло до ста тысяч. Приветствуемые всеобщим сочувствием, демонстранты прошли по главным улицам города с развернутыми красными знаменами и пением революционных песен. Полиция всюду покидала свои посты, но как только демонстранты вошли в узкие и тесные улицы предместий, полиция из засады стала осыпать демонстрантов выстрелами. 10-го город представлял собою род военного лагеря. С утра началась всеобщая стачка; настроение рабочих было чрезвычайно возбужденное. В течение всего дня были отдельные стычки с войсками и нападения на военный патруль; к вечеру на Всходней и Полуденной улице начали строить баррикады, обстрел которых начался ночью.

Опасаясь взрывов бомб, войска действовали чрезвычайно осторожно. Разрушенные баррикады воздвигались вновь и должны были снова быть взяты с бою. Только 11-го восстание было подавлено. 12-го Лодзь объявлена была на военном положении, и в городе воцарился военный террор. Число жертв достигло 200. Со стороны казаков и солдат было убито и ранено несколько десятков, несколько офицеров и жандармский полковник Андреев убиты»[262].

Ковно. 1905.

«12 июня 1905 года. Разгон ротой пехоты и полуэскадроном 7-го драгунского Новороссийского полка демонстрации. Напав на демонстрантов, солдаты и полицейские начали из-

бивать рабочих, группа рабочих была арестована и отправлена в полицейское управление. Демонстранты собрались на соседних улицах, и совершили нападение на полицейское управление, желая освободить арестованных. Столкновение рабочих с войсками продолжалось до ночи. В результате было убито двое рабочих и несколько человек ранено»[263].

Одесса. 1905.

13 июня 1905 года. «В понедельник 13 июня 1905 года рабочие завода сельскохозяйственных машин Иоганна Гена, проводившие к тому моменту уже более месяца забастовку с экономическими требованиями, решили провести совместную встречу для обсуждения текущих дел и планов на будущее. С просьбой о разрешении на такую встречу к градоначальнику была послана депутация рабочих. Градоначальник, запросив мнение фабричного инспектора, в проведении встречи рабочим отказал. Тогда толпа рабочих в 200–300 человек, решив собраться вопреки запрету властей, начала скапливаться на улице у заводского управления. Полиция, видя проведение несанкционированного собрания, произвела аресты активистов, выхватывая их прямо из толпы и отводя их в полицейский участок. Толпа рабочих последовала за арестованными к участку, требуя их освобождения. Для усмирения беспорядков были вызваны казаки. Собравшиеся рабочие стали забрасывать прибывших казаков камнями, причем среди казаков были раненые. Казаки дали залп по толпе боевыми патронами. Двое рабочих были убиты.

После этого начались стычки рабочих с полицией и казаками во многих местах центра города — на Успенской, Ришельевской, Преображенской, Канатной улицах, на Тираспольской площади. Особенно сильные столкновения произошли на Мещанской улице... 14 июня 1905 года вечером на Соборной площади из проезжающего экипажа в расположенных на площади казаков была брошена бомба, причем был убит городовой Павловский — старейший городовой одесской полиции. В ночь на 15 июня 1905 года была предпринята попытка ограбить магазины на Александровском проспекте, торгующие оружием. По случайному стечению обстоятельств, именно в самый разгар беспорядков на рейде Одессы появился броненосец „Потемкин“, захваченный восставшей командой»[264].

Нижний Новгород. 1905.

9–11 июля 1905 года. «Стачка началась утром 9 июля, состоялись митинги и демонстрации. Но уже вечером началось избиение казаками расходившейся по домам публики. 10 июля начался погром. Избиение интеллигенции, рабочих и евреев продолжалось и 11 июля. Было много убитых и около 40 раненых.

В этот день в городе появилась группа вооруженных сормовских рабочих. Им удалось нагнать страху на бандитов, но вмешались казаки — и рабочие вынуждены были отступить. Было убито два сормовских рабочих социал-демократа. Один из них, Л. Командин, являлся активным членом организации, был ранее членом Нижегородского комитета, свыше года отсидел в тюрьме. Другой — Алеша Димитриев, 19-летний юноша»[265].

«10-го к 4 часам я пришел на место... Однако мы не успели пройти и половины дороги от поля до города, как толпа с гиканьем и криками „Назад, негодяи, мерзавцы!“ бросилась на нас... Мы с товарищем бросились к дому, к которому успели добежать ранее толпы. В дом пустили. После этого в поле началась страшная паника. Я уже был в доме и наблюдал из окон. Толпа схватывала и тут же растерзывала, кто попадался ей. Раздался выстрел, другой... то товарищ отбивался от черносотенников. Прискакали казаки. Они сбрасывали с ног и отдавали толпе. Толпа же расправлялась с ними. Трудно и невыносимо передать даже туманно общую картину избиения на поле. Это был сплошной ужас. Приехали полицмейстер и губернатор. Их встречали и провожали криком „Ура!“ после каждого с их стороны поощрения... Убито 13–15 человек, ранено до 50... Убито несколько евреев, несколько рабочих, аптекарь Гейнце; несколько студентов тяжело ранено... Из Сормова вчера пришел отряд вооруженных рабочих в 70 человек для защиты. Завязалась перестрелка с черносотенными на улице в нижней части города. Убито несколько из „черной сотни“, два товарища (Л. В. Командин и А. Дмитриев) и, кажется городовой. При преследовании товарищей-сормовцев можно было наблюдать следующую картину. Толпа из 200 человек гонялась за троими рабочими, те, отстреливаясь, бежали к пароходику, перевозившему в Сормово. Товарищи успели вскочить на пароход и вооруженной силой заставили капитана отплыть. Там поднялась паника. Несколько человек бросились в воду: из них еврей рабочий (наборщик Пинкус), вытащенный из воды, был убит на глазах полиции. В Сормове брошена бомба. Другая разорвалась случайно, убив товарища-рабочего (А. П. Ефремов) и ранив двоих»[266].

«10-го у Народного дома во время митинга налетела черная сотня, организованная губернатором и полицмейстером. В результате около 10 убитых и 40–50 раненых. 11-го происходило нечто в роде еврейского погрома... Убитых с нашей стороны до 20 человек и раненых около 100 человек. 12-го тихо. Губернатора и полицмейстера после погрома черная сотня качала с криком „Ура!“»[267]

«Необходимо отметить следующие подробности избиения или расправы, как очень удачно выражаются господа организаторы. Прежде всего полиция присутствовала при избиении. Казаки и конная полиция стояли у Народного дома и время от времени пускались на толпу, но не для того, чтобы препятствовать, а для того, чтобы содействовать или, в лучшем случае, делать вид, что препятствуют, то есть скакать на одном месте, то поднимая лошадь на дыбы, то опуская... Били всех без разбору; неблагонадежность определяли по длинным волосам и даже по костюму: например, били всех, на ком были надеты черные шляпы, били до тех пор, пока лицо не превращалось в кровавый студень, били ногами... Из интеллигенции убит А. К. Гейнце — аптекарь, про которого в правительственном сообщении сказано, что он „руководил демонстрантами", но который на самом деле приехал на площадь за своим братом, о котором ему сказали, что он в числе пострадавших»[268].

Мотовилиха. 1905.

10 июля 1905 года. «4 июля рабочий Юрш, выступавший как депутат, был арестован. В ответ на это рабочие, как один человек, забастовали. Между выставленными требованиями было требование освобождения Юрша и других, ранее арестованных за стачку, товарищей. В продолжение недели каждый день собирались сходки в количестве 2–3 тысяч в центре завода на так называемой „вышке". Здесь депутаты докладывали о результатах своих переговоров с администрацией и говорились политические речи.

10 июля, когда настроение пошло на убыль, собралось на „вышку" около четырех тысяч человек, чтобы ликвидировать стачку и договориться, на каких требованиях настаивать, но депутаты не успели еще начать своего доклада, как на безоружных людей налетели казаки и началась расправа. Убит рабочий Борчанинов, растоптан лошадью мальчик, масса избитых и раненых. Разогнав толпу, казаки понеслись победителями по улицам и били всех, кто попадался, врывались в дома, вытаскивали укрывшихся»[269].

Ростов-на-Дону. 1905.

«15 июля 1905 года. Рабочие Ростова, попытавшиеся задержать подготовленный к отправке поезд, подверглись нападению жандармов, которые пустили в ход шашки. В результате был убит один рабочий и несколько человек ранено»[270].

Новороссийск. 1905.

«19 июля 1905 года. Трагедией обернулись события в Новороссийске, связанные с забастовкой железнодорожников, прошедшей в июле 1905 года, где активное участие приняли представители Черноморского и Кубанского комитетов

РСДРП... Из отчета начальника железнодорожных жандармов ротмистра Мальдонато известно, что 19 июля 1905 года на железнодорожном полотне собралось около 2 тысяч человек, которые на все уговоры и предложения не препятствовать движению поезда отвечали отказом. Казаки пытались очистить от бастующих железную дорогу, не применяя огнестрельного оружия <...> Среди бастующих были вооруженные люди, которые расположились в устроенных засадах вокруг железнодорожного полотна. В то же время на железной дороге находились безоружные бастующие, среди которых были женщины, старики и дети, а во время перестрелки с казаками и солдатами был убит лидер боевой группы социал-демократов грузчик Давид. Только после того, как выстрелами из засады был убит казак, солдаты и спешившиеся казаки открыли ответный огонь. Всего было убито 13 человек и 15 человек ранено, властями были задержаны 176 человек, из них 12 арестованы и помещены в тюрьму. Забастовка рабочих железной дороги началась 15 июля и продолжалась 11 дней»[271].

Ковно. 1905.

«25 июля 1905 года. У завода Рекоша драгуны во главе с офицером потребовали, чтобы рабочие разошлись и не собирались толпой. Когда рабочие отказались выполнить этот приказ, драгуны открыли огонь: было убито три человека, восемь человек ранено. Тысячи рабочих собрались у ворот завода. Сюда прибыл губернатор, жандармы и полицейские. Рабочие избили помощника полицмейстера, несколько полицейских было убито. Губернатор бежал»[272].

Рига. 1905.

25 июля 1905 года. Из письма М. М. Литвинова: «Рига, 26 июля. Вспыхнувшая недели две тому назад на заводе „Феникс“ стачка, постепенно разрастаясь, в настоящее время стала почти всеобщей. Уже седьмой день, как прекратилось даже движение электрического трамвая. Бастуют судовые рабочие, грузчики на железной дороге, вследствие чего в городе начинает ощущаться недостаток съестных припасов... Митинги на заводах происходят ежедневно. Полиция и войска вначале не вмешивались, но долго оставаться в роли спокойных зрителей этим блюстителям проклятого порядка несвойственно. Вчера было первое столкновение, причем казаки убили одного и ранили четырех рабочих»[273].

Новониколаевск. 1905.

«Обстоятельства между тем настоятельно диктовали обеим группам необходимость полного слияния для образования единого центра. Для этой цели в июле 1905 года обе группы — Обской руководил Иван Теодорович, а во главе городской

стояли тогда Петухов и Кирилл Шипулин (убит на фронте во время империалистической войны) — созвали собрание в лесу за 2-й Ельцовкой. Был установлен пароль и расставлены пикеты. Сходились на собрание десятью дорогами. Участвовало на этом собрании около 60 товарищей. Собравшиеся договорились. Произошло полное слияние обеих групп. Образовался единый Комитет. С этим собранием связан инцидент, о котором не мешает упомянуть. Дело в том, что на собрание хотел было проникнуть один охранник по фамилии Лежнин. Его уличили. По постановлению Комитета, дружинники отвели Лежнина в глубь леса и там расстреляли. Труп Лежнина был на следующий же день найден, но ни полиция, ни жандармерия не решились предать этот факт огласке. Жандармерия, правда, вскоре кое-кого из „подозрительных" арестовала, но через некоторое время была принуждена всех арестованных освободить из тюрьмы»[274].

Перово. 1905.

«7 августа 1905 года. Массовый митинг на станции Перово близ Москвы. В самом начале митинга прискакали казаки. Их встретили караулившие у дороги дружинники залпами. Подхватив одного убитого и двух раненых, казаки быстро ускакали»[275].

Красноярск. 1905.

10–18 августа 1905 года. «Четвертого августа была устроена новая открытая массовка, собравшая до 1500 человек; следующая массовка, устроенная 10 августа, собрала уже до 3000 человек. Собрания эти проводились на открытой поляне у самого входа в Николаевскую слободку. Темой в обоих случаях была пропаганда всеобщей стачки, как протеста против войны, и критика Булыгинской думы. На митинге 10 августа, в связи с получением известий о начавшейся стачке в Чите, рабочими Красноярских железнодорожных мастерских и депо было решено поддержать стачку и забастовать с 11 августа. Августовская забастовка прокатилась по всей линии Сибирской железной дороги, захватив ее отдельные пункты. Однако началась она неодновременно и приняла затяжной характер. В то время, как в одном месте стачка кончалась, в другом к ней только еще приступали. В одних случаях она носила ярко выраженный политический характер, в других преобладали экономические требования. Собрание 10 августа закончилось кровавыми событиями. К концу собрания невдалеке от него появились наряды полиции и казаков. Красноярский полицмейстер Дитмар несколько раз пытался прекратить собрание, но безуспешно. Толпа не желала слушать его уговоров. Однако к насильственному роспуску митинга полиция пока не прибегала. По окончании собрания часть участников с пением ре-

волюционных песен направилась к слободке, другие пока оставались на поляне. Когда мы прошли, примерно, полквартала и начали уже спускаться к линии железной дороги, вдруг раздались выстрелы сзади. Казаки, следовавшие за демонстрацией, начали наезжать на толпу, кое-кому попало и нагайками. Начало уже смеркаться. Демонстранты, спасаясь от нагаек и лошадей, которые на них наезжали, начали перепрыгивать через заборы, часть отстреливалась или кидала в казаков камнями, а затем скрывалась, пользуясь наступающей темнотой. Стрельба скоро прекратилась. Во время стрельбы, как потом оказалось, был убит рабочий Чальников (беспартийный) и несколько человек ранено. Тот факт, что убитых и раненых было немного, указывает на то, что большинство выстрелов было вверх, стреляли в толпу лишь наиболее ретивые защитники власти. Чальников был убит, по словам некоторых участников демонстрации, жандармом Авдонькиным, выстрелившим в него в упор.

Забастовка в мастерских и депо продолжалась. Ежедневно к проходным воротам стачечным Комитетом посылались патрули, чтобы помешать штрейкбрехерам сорвать забастовку. Жандармы, однако, решили принять меры; были произведены аресты; кроме того, им удалось организовать небольшое ядро активных штрейкбрехеров, вступавших в бой с патрулями при содействии жандармов и полиции. Появление активных противников забастовки среди рабочих является особенностью августовской стачки и, несомненно, оказало известное влияние на характер и продолжительность стачки, вызвав новое кровавое событие. На почве столкновений между патрулями и штрейкбрехерами 18 августа жандармами был убит рабочий Гусенко и тяжело ранен рабочий Васенин, вскоре умерший от нанесенных ему ран»[276].

Рига. 1905.

16 августа 1905 года. Из письма М. М. Литвинова: «Рабочие сами опережают всякие призывы. Перенесши недавно почти месячную забастовку, изголодавшиеся, изнервничавшиеся, они, узнав о мобилизации, немедленно побросали работу. Сегодня бастуют почти на всех крупных заводах. На Венденской улице уже была одна стычка сегодня: один казак убит, ранены казак и городовой. Сегодня же разграблена оружейная лавка: взято 40 револьверов, 20 винтовок»[277].

Либава. 1905.

20 августа 1905 года. «Окончательные результаты столкновения 20 августа: убитых — 6, ранено — 25. Из раненых умерло 2. Женщин — 3, детей (мальчиков в возрасте 11–12 лет) — 2, остальные — взрослые мужчины. Относительно потерь

противной стороны ничего определенного неизвестно; убит один городовой (достоверно), тяжело ранен один офицер»[278].

Тифлис. 1905.

«29 августа 1905 года. В Тифлисе столкновение рабочих с казаками. Более 100 убитых и раненых»[279]. Письмо от 1 сентября 1905 года: «Вчера полиция ночью тайно хоронила убитых 29-го. До сегодняшнего дня умерло свыше 60 человек. Сегодня же объявлена всеобщая забастовка. Стоят все фабрики и заводы, типографии, стоят трамваи и конка, закрыты все магазины»[280].

Красноярск. 1905.

30 сентября 1905 года. «Ранение солдатами, охранявшими железнодорожные мастерские, рабочего Дьякова. В конце сентября боевой дружиной эсеров был убит полицмейстер Дитмар, ближайший виновник августовских убийств рабочих»[281].

Орехово-Зуево. 1905.

«6 октября 1905 года. По окончании работ, во время сходки ткачей фабрики товарищества Саввы Морозова, выстрелом из револьвера убит городовой, приглашавший рабочих разойтись»[282].

Коломна. 1905.

«10 (23) октября 1905 года. Начало стачки на Коломенском машиностроительном заводе. Митинг перед зданием главной конторы предприятия, на котором собралось более семи тысяч человек. Выступающие рабочие обличали произвол администрации предприятия и властей города. Митинг был разогнан вызванными директором казаками и солдатами запасного стрелкового полка. Около 30 рабочих были ранены, один из них умер в заводской больнице»[283].

Харьков. 1905.

«10 октября 1905 года. Толпа пыталась разграбить оружейные магазины, что отчасти и достигнуто. Владельцы оказали вооруженное сопротивление. Было несколько убитых и раненых. 11-го и 12 октября все было закрыто и заперто. В некоторых частях города были столкновения войск с народом; стреляли с обеих сторон, при чем убито и ранено человек 50»[284].

Екатеринослав. 1905.

«11 октября 1905 года революционный накал достиг апогея и вылился на екатеринославские улицы. Газета „Новая жизнь“ от 8 ноября сообщала: „11 октября — отныне исторический для Екатеринослава день — около 10 часов утра забастовали ученики всех учебных заведений, собрались на улице и искали помещения для сходки, но их никуда не пустили. На проспекте, на углу Кудашевской улицы, при проезде губернатора на них налетели казаки и конные городовые и произвели

нагаечную расправу, некоторых измяли, после чего им открыли двор находящегося в том же квартале реального училища, где они стали говорить политические речи. К месту расправы в несколько минут собралась огромная толпа народа (до 30 тысяч), запрудившая проспект от Иорданской до Волосской улицы. Рабочих здесь не было, так как они были отрезаны от города войсками. Появилась рота солдат и казаки. Ученики выскочили из ворот училища и спешно воздвигали баррикады близ Кудашевской улицы. Перед баррикадой построился отряд солдат, но под градом камней отступил и построился в боевую линию несколько дальше. С другой стороны баррикады стали наступать казаки.

Публика, состоявшая в большинстве из родителей, родственников и педагогов, замерла в тревоге. Вдруг раздались один за другим шесть залпов: три — со стороны казаков и три — со стороны солдат. В страшной панике с истерическими криками публика рассеялась по дворам и боковым улицам, а когда опомнилась, ее глазам представилась ужасная картина: лежали трупы молодежи, много раненых и обморочных. Сейчас же явились врачи для перевязок, и иные герои находили мужество утешать их в эту невероятно скорбную минуту. В течение нескольких дней к этому ставшему священным месту, где долгое время сохранялась лужица крови, наблюдалось паломничество жителей города". Было убито десять и ранено восемь учащихся Екатеринослава. Раненых и убитых уносили в глубь Кудашевской улицы, во двор дома № 5...

Вести о событиях дня 11 октября вызвали гнев среди рабочих и железнодорожных служащих Екатеринослава. Последовала немедленная реакция. Цитируемая нами газета сообщает: „В то же время происходила в управлении сходка служащих железной дороги, после которой они в количестве 500 человек мирно двинулись по Военной улице к месту избиения детей; постановили песен не петь, выстрелов не давать и знамен не выбрасывать. Тем не менее налетели казаки и без предупреждения дали три залпа. Опять много убитых и раненых. Между прочим, убиты инженер-технолог Кириллов и инженер путей сообщения Майковский". Всего было убито 11 человек, около 20 человек ранено.

В тот же день началось сооружение рабочих баррикад на Павловской улице, на Первой, Второй, Третьей и Четвертой Чечелевках. Всего было построено шесть баррикад, самая большая на углу Орловской и Первой Чечелевки.

Не лишним будет процитировать рапорт пристава 6-й части г. Екатеринослава начальнику городского жандармского управления о событиях 11 октября:

„...доношу со слов господ офицеров, главным образом. 11 октября около 7 часов утра у завода бывш. Эзау, а главным образом, на углу 1-й и 2-й Чечелевки стала собираться толпа, в последнем месте толпа приблизительно достигла до 5000 человек. Около 10 часов утра следовавший в Екатеринослав поезд с полусотней казаков был остановлен, несколько человек вскочило на паровоз, отвинтило какие-то гайки, выпустило пар и воду. Казаки высадились на пути железной дороги и ушли в город окружным путем через Брянскую колонию, следуя за городскими бойнями. Толпа, стоящая на углу Чечелевки и Брянской площади, увеличивалась, наконец, стала ломать и рубить телеграфные столбы, телефонные и трамвайные, вновь строящегося городского трамвая, рвать со столбов проволоку, отняли у рабочих вновь строящегося трамвая тачки и стали против дома Копылова строить баррикады, вывесили три красных флага.

Около 3 часов дня шли роты Бердянского полка по 1-й Чечелевке, в них были брошены две бомбы, и из-за заборов, из окон производилась стрельба из револьверов; войска отвечали залпами и одиночной стрельбой, продолжавшейся до вечера. В результате убитых нижних чинов — 1, раненых — 23, казаков ранено — 6, бунтовщиков убито — 8, ранено — 4, все находятся в Брянской больнице и при покойницкой Брянской больницы. Заводы стоят...

Прошу распоряжения о разрешении похоронить убитых, ибо собираются около часовни толпы, которые могут произвести беспорядок“.

Григорий Иванович Петровский вспоминал: „Я видел, как из квартир выбегали жены рабочих, выворачивали камни из бульвара, копали траншеи, делали проволочные заграждения. Они работали с таким энтузиазмом, что трудно передать словами“. В сражении на Брянской площади погибли и умерли от ран 22 человека, очень многие были ранены»[285].

Самара. 1905.

«13 октября 1905 года. На митинге за городом присутствовало до 10 тысяч человек. Возвращаясь с митинга, демонстранты прошли по Дворянской улице до почтамта, где стоял отряд казаков. Казаки без предупреждения открыли по демонстрантам огонь, ранив 15 человек и в их числе рабочего Журавлевского завода И. В. Карасева, который на третий день умер»[286].

Петербург. 1905.

13 октября 1905 года. «Из доклада по охранной агентуре: „Сегодня утром начались беспорядки: рабочие Путиловского завода громадной толпой идут по шоссе к Нарвским воротам и

закрывают по пути торговые заведения. Убит постовой городовой, войска пока еще не стреляют. Ротмистр Дукельский“»[287].

Саратов. 1905.

«14 октября 1905 года. Вечером у городской думы, где собралось до двух тысяч рабочих, произошло крупное столкновение с полицией и войсками. Большевистская газета „Пролетарий“ так описала его: „Картина была грандиозной. Московская улица от Думы до Приютской улицы была запружена народом. Казаки стояли издали. Еще немного — и раздраженный народ двинулся к двери Думы. Наряд отлетел от дверей как мяч. Обнажились шашки, раздался резкий свист, а затем барабанный бой, и отряд казаков врезался в толпу... Шум, крики, грохот слились с выстрелами. В результате три человека убитых, 300 раненых и изуродованных; из опричников пало пять человек и ранено около 30 человек“»[288].

Чита. 1905.

«15 октября 1905 года. На митинге 15 октября было решено захватить оружие. С этой целью группа рабочих отправилась в материальный склад на вокзале. В момент, когда рабочие забирали винтовки, появилась полурота солдат во главе с поручиком Шпилевским. Последний бросился с револьвером в руках на рабочих, произвел три выстрела, одним из которых смертельно ранил рабочего Кисельникова, умершего на другой день»[289].

Ревель. 1905.

«16 (29) октября 1905 года. Октябрьская всероссийская политическая стачка 1905 года началась в Эстляндии 14 октября стачкой железнодорожных рабочих в Ревеле, Нарве, Валге и других городах, а также на железнодорожных станциях. 16 октября царские войска обстреляли митинг рабочих в Ревеле, было убито свыше 90 и ранено более 200 человек. Жертвами кровавой расправы стали в том числе 18 рабочих завода „Двигатель“»[290].

«Похороны жертв 20 октября вылились в грандиозную сорокатысячную демонстрацию. Всеобщая забастовка закончилась 26 октября. По всей Эстляндии в ней участвовало 20 тысяч промышленных и железнодорожных рабочих.

Еще больший размах приобрело революционное движение в деревне. Эстляндские крестьяне только 12–20 декабря 1905 года сожгли и разгромили свыше 120 помещичьих имений. Владельцами почти всех этих имений были немцы»[291].

Мариуполь. 1905.

«16 октября 1905 года. Митинг и демонстрация, окончившиеся столкновением с полицией. В столкновении был убит

один рабочий и один городовой. Среди рабочих было много раненых, восемь человек арестовано»[292].

Одесса. 1905.

«16 (29) октября 1905 года. После закрытия распоряжением градоначальника Одесского университета — центра антиправительственных митингов — в городе началось строительство баррикад. В столкновениях с войсками убито девять и ранено 80 человек»[293].

Ташкент. 1905.

«19 октября 1905 года. Войсками был расстрелян митинг у здания городской думы. В результате были убиты три человека (подручный котельщика Среднеазиатских железнодорожных мастерских А. А. Королевский, кучер конки К. П. Глушков, мелкий торговец А. Ахумянц) и 19 ранены. Раненые, которые смогли уйти, не были зафиксированы»[294].

Зима. 1905.

«18 октября 1905 года. В октябре 1905 года Иркутский комитет РСДРП обратился к железнодорожникам с призывом „смело и дружно“ выступить на борьбу за политическую свободу и всенародное Учредительное собрание. По примеру рабочих центров России зиминская партийная организация приступила к вооружению рабочих дружин. Из донесения начальника Тулунского жандармского отделения Иркутской губернии становится известно, что на станции Зима под руководством местного комитета РСДРП организована рабочая группа численностью около 500 человек. Перепуганный начальник испрашивал в Иркутске разрешения на арест зиминского комитета и разоружение рабочих, для этого требовалось около батальона пехоты и не менее сотни казаков... 17 октября, в день начала забастовки, Максимских с группой товарищей разоружил часовых железнодорожной охраны и забрал 12 винтовок и девять револьверов. Жандарма Шпаковича арестовали прямо на квартире. В этот день в руки стачечного комитета перешли депо, мастерские и 150 паровозов. Рабочие избрали свою администрацию: заведующего депо, трех помощников; установили охрану, после чего в помещении кузнечного цеха начался митинг... Восемнадцатого октября митинг в кузнечном цехе продолжился. Но неожиданно для всех раздался гудок, призывающий собравшихся приступить к работе. Народ заволновался, после чего руководители стачки заверили, что гудка больше не будет. Но он прозвучал снова, после чего раздались первые выстрелы, и обезумевшая толпа ринулась к выходу. В результате расстрела митинга был убит слесарь Воробьев, пятеро ранены, один из них, кондуктор Доценко, вскоре скончался»[295].

Петербург. 1905.

18 октября 1905 года. «Сообщение газеты „Новая жизнь“ от 2 ноября 1905 года. „Как путиловские рабочие на опыте познали «блага дарованной свободы»». С утра 18 октября среди путиловцев началось брожение. Не то праздничное, не то торжествующее настроение господствовало. На дворе завода видны были группы рабочих, то останавливающиеся около мастерских, то приближающиеся к часовенке. В самой большой группе над головами собравшихся развевалось красное знамя с надписью серебряными буквами ‹Да здравствует революция›, и слышно было пение марсельезы. Одни собирались отслужить благодарственный молебен по случаю манифеста, другие — панихиду по павшим в борьбе за свободу товарищам... Рабочие начали расходиться, и группа в 250–300 человек с красным знаменем пошла к выходу, намереваясь разойтись по домам. В это время обер-сыщик завода и глава полиции, смотритель Чачи, послал за солдатами, стоявшими около главной конторы, и те под предводительством двух офицеров почти бегом пошли в обход конторы к выходным калиткам и выстроились вдоль пути рабочих в два ряда. За солдатами явились казаки. Рабочие, предчувствуя ужасное, смущенно остановились, не решаясь выходить за ворота. Казаки схватили винтовки и собирались, пользуясь остановкой, начать стрельбу через головы солдат без команды, но были остановлены городовым, открывшим для них предупредительно ворота на улицу. В это время солдаты вытеснили ошеломленную толпу на улицу, и началась дикая расправа: стрельба, удары прикладами, разбивавшие черепа, штыковая работа. Все калитки за вытолкнутыми были немедленно заперты, чтобы не дать несчастным жертвам спастись в заводе, а немногие, прорвавшиеся обратно, попали под удары городовых. Очевидец говорит, что происходило нечто прямо невероятное, но строго организованное г. Чачи, Казимиром, Герасимовыми и К. На глазах очевидцев солдат догнал идущего по другой стороне рабочего и ткнул его сзади, в поясницу, штыком. Несчастный упал с нечеловеческим стоном, поднялся, закрывая рану рукой, побежал, перегибаясь неестественно назад. ‹Доблестный же воин›, хладнокровно вытирая левым рукавом шинели кровь на штыке и торжествуя ‹победу›, вернулся в ряды. Солдаты вошли во двор завода раньше казаков, продолжавших бойню, выстроились, и офицер, махая шашкой, торжествующе воскликнул: ‹Я научу эту сволочь собираться›. Вернувшиеся казаки спешились и, показывая окровавленные приклады с прилипшими к ним волосами жертв, хвастались своими ‹ге-

ройскими подвигами». Мертвые тайком зарыты полицией, раненые спрятаны".

Записка прокурора Петербургской судебной палаты министру юстиции от 18 октября 1905 года. „Сегодня в 6 час. 30 мин. утра рабочие Путиловского завода по установленному гудку пришли на работу, и к 8 час. все механические паровозные мастерские, окончив работу, вышли во двор завода... Рабочие механических мастерских, сгруппировавшись в центре завода, у котельной мастерской, требовали служить панихиду по умершим борцам за свободу, после чего вся толпа с революционными песнями и красными флагами, с надписью «Долой самодержавие, да здравствует революция», направилась к выходу, бросая в полицию и войска камнями, но у ворот завода была остановлена местным участковым приставом Вербицким. Толпе было предложено идти по улице спокойно, без пения и флагов. В это время в местности против ворот завода в толпе последовало шесть выстрелов в полицию и войска, причем одна пуля была направлена в казака 28 Донского полка Брюзчалина, но попала в рабочего Семена Волкова, убив его наповал; кроме того, убит легковой извозчик Петр Николаев, случайно находившийся во дворе соседнего дома против завода, откуда были направлены выстрелы. Двое рабочих получили легкие поранения, а именно Александр Лаврентьев и Алексей Гуняев, а во время драки во дворе завода был ранен мещанин Николай Васильев. После произведенных выстрелов толпа разбежалась по домам"»[296].

Москва. 1905.

«18 октября 1905 года. В Замоскворечье на Дровяной площади большая группа рабочих, преимущественно с завода Бромлей, при попытке остановить работу на химическом заводе Лепешкина подверглась нападению казаков, которые открыли огонь по рабочим. Имелись жертвы. Демонстранты при попытке разгромить 1-й Серпуховской полицейский участок подверглись нападению со стороны казаков, оказав им сопротивление, отбивались камнями. Со стороны демонстрантов один человек был убит и несколько ранено. Всем полицейским приставам Москвы была разостлана телеграмма: „Внушить всем околоточным и городовым, чтобы в случаях проявления патриотических манифестаций не оказывать противодействия, а, наоборот, оказывать содействие". 21-го и 22 октября 1905 года по улицам Москвы бродили черносотенные банды, вооруженные револьверами и дубинами. Под пение „Боже, царя храни" и „Спаси, Господи, люди твоя" они нападали на рабочих и студентов. Двух студентов, не снявших фуражки при проходе мимо портрета Николая II, погромщи-

ки избили и сбросили в реку с Большого Каменного моста. Рабочие в ходе драк разгоняли черносотенцев. По сведениям охранного отделения, в Москве при столкновениях черносотенцев с революционными демонстрантами с 18-го по 23 октября с обеих сторон убит 31 человек, ранено 109 человек»[297].

Владикавказ. 1905.

«19 октября 1905 года. Вооруженное столкновение казаков и черносотенцев с демонстрантами. Это столкновение произошло в северной части Александровского проспекта. Было убито шесть демонстрантов и несколько человек ранено»[298].

Двинск. 1905.

«21 октября 1905 года. Патрули разгоняли толпу штыками и выстрелами. Убиты двое рабочих. После разгрома оружейных магазинов казаками был дан залп в толпу. Убито шесть, много раненых»[299].

Вильно. 1905.

«21 октября 1905 года. В 14 часов на Завальной улице рабочая демонстрация была обстреляна дежурной ротой Оренбургского полка. Через несколько часов в этом же районе началась вооруженная схватка рабочих с казаками и жандармами. В результате этих событий было убито и ранено 20 человек»[300].

Нижнеудинск. 1905.

«22 октября 1905 года. Железнодорожники собрались на митинг в своем клубе. Рота солдат окружила клуб и стала стрелять по зданию. Войска стреляли три минуты, после чего осажденные выбросили белый флаг и сдались. В результате восемь убитых и 15 раненых»[301].

Иваново-Вознесенск. 1905.

«22 октября 1905 года. Во время митинга рабочих на реке Талке в Иваново-Вознесенске толпой черносотенцев убит ткач Федор Афанасьевич Афанасьев»[302].

Кострома. 1905.

«23 октября 1905 года. В собравшийся митинг рабочих врезался отряд казаков. Выстрелами рабочих убиты два казака, трое ранены. В толпе ранен один и несколько изувечено»[303].

Александровск-Грушевск. 1905.

«25 октября 1905 года. Утром 25 октября началась забастовка на шахте РОПИТ. Предъявив администрации экономические требования, в том числе повышение зарплаты на 20 %, ропитовцы направились на соседние шахты Кошкина, Чурилина. По тревожным гудкам рабочие этих шахт соединились с ропитовцами и толпой направились в город Александров-Грушевск. Здесь их встретили черносотенцы. „Местные мещане, интеллигенция, извозчики, ремесленники, торговцы и

кулаки Грушевки под руководством приставов и жандармов организовали ‹самооборону›, выдвинув до 100 человек, вооруженных револьверами и охотничьими ружьями, розданными из магазинов, вилами и топорами, резиновыми палками, гирями, кольями и прочим. Вся эта свора набросилась на шахтеров, расстреливая их в упор и избивая“ (Ким Зеленский. Шахтинские горняки на путях к большевизму в 1905–1908 годах. Ростов-на-Дону, 1931. стр. 25). По данным полиции, были убиты восемь человек и 20 ранены»[304].

Никольское. 1905.

«1 ноября 1905 года. В ответ на решение рабочих начать забастовку с 1 ноября администрация фабрики Саввы Морозова в селе Никольском (Владимирская губерния) закрыла ее. Владимирский губернатор И. М. Леонтьев в связи с закрытием фабрики Саввы Морозова просил у командующего войсками Московского военного округа генерала Н. Н. Малахова прислать на фабрику в дополнение к двум ротам пехоты и неполной сотне казаков еще батальон пехоты и сотню казаков. Местечко Никольское было объявлено на военном положении. Казаки стреляли в рабочих, среди которых убито 18 человек, число раненых неизвестно»[305].

Петербург. 1905.

«18 ноября 1905 года. Около 8 часов дня на Шлиссельбургском тракте у завода „Атлас“ был убит Александр Иванович Телятников, 18 лет, рабочий электротехнической мастерской Александровского завода Николаевской железной дороги. Телятников был остановлен городовым с целью изъятия предполагаемого оружия при обыске. Телятников бросился бежать. Тогда трое пьяных солдат из сторожевого патруля у завода „Атлас“ выстрелили в него. Он был убит наповал. При осмотре трупа Телятникова оружия при нем найдено не было»[306].

Городищи. 1905.

«25 ноября 1905 года. На Городищенскую плисорезную фабрику из Орехова прибыла группа из пяти дружинников и предложила рабочим кончать работу и идти на митинг. В это время к проходной прибыли пять астраханских казаков, присланных приставом для ареста агитаторов. При выходе произошла перестрелка. Дружинники убили двух казаков и двоих ранили, а оставшийся в живых казак ускакал. В этой перестрелке погиб большевик, рабочий-дружинник с фабрики Викулы Морозова П. А. Черепнин (Пашка Егуза). 27 ноября в Орехово состоялись его похороны. Траурную процессию сопровождали павловская, дрезненская, ликинская, зуевская и ореховская боевые дружины. Всего в процессии участвовало 15–20 тысяч человек»[307].

Орехово. 1905.

«30 ноября 1905 года. Астраханские казаки и полиция в 23 часа учинили налет на рабочие казармы. Казаки вели стрельбу залпами по окнам 30-й и 32-й казарм. Затем ворвались внутрь и пытались устроить обыск. Но, встреченные огнем из револьверов и ружей, ретировались. В результате этого погрома были убиты: рабочий И. И. Воронцов, Тимоша-дурачок (слабоумный), случайная работница, подстреленная в коридоре, и зарубленный шашкой десятилетний мальчик. Еще восемь рабочих и десять полицейских и казаков были ранены. 1 декабря все местные фабрики остановились. Рабочие группами приходили в больницу навестить раненых товарищей. Около 14 часов к больнице приехали около сотни казаков и стали пропускать сквозь строй рабочих, выгоняемых ими же из больницы. Казаки избивали каждого прикладами, нагайками, а по убегавшим стреляли. Таким образом была застрелена работница Херувимова и зарублен рабочий Харьков»[308].

Макеевка. 1905.

«4 декабря 1905 года. На почве подорожания продуктов 4 декабря была забастовка шахтеров Русско-Донецкого общества в Макеевском районе. „Окрестные рудники, — сообщалось в жандармском донесении, — прекратили работу, и рабочие стали направляться к Дмитриевке, но туда допущены не были — там стояла сотня казаков“. А точнее сказать, казаки зверски избили шахтеров, причем два человека были убиты и девять ранены»[309].

Ярославль. 1905.

«9 декабря 1905 года была намечена общегородская политическая демонстрация. В полдень демонстранты двинулись от ЯБМ (Ярославская большая мануфактура) по Большой Федоровской улице, к ним присоединились рабочие свинцово-белильных заводов и железнодорожники. Еще в одной колонне шли учащиеся, ремесленники, служащие, рабочие спичечных и табачных фабрик. Обе колонны встретились на Ильинской площади, чтобы предъявить свои требования губернатору А. А. Римскому-Корсакову. Численность участников демонстрации достигала восьми тысяч человек.

Однако со стороны Демидовского сквера вдруг появились казаки 30-го Донского казачьего полка во главе с ротмистром Голубинцевым, и началась перестрелка с рабочей дружиной. Казаки отъехали в сторону, где их не могли достать „бульдоги“ и „браунинги“, и дали несколько залпов из винтовок. Было убито шесть человек (четверо рабочих ЯБМ, портной и служащий), трое смертельно ранено (двое с ЯБМ и ученик городского училища), более 20 получили тяжелые ранения. Потери

другой стороны были такие: один казак убит и трое ранено. Это событие получило название „Кровавой пятницы“»[310].

Коломна. 1905.

«11 (24) декабря 1905 года. В селе Боброве состоялся митинг рабочих Коломенского машиностроительного завода в знак солидарности с рабочими Москвы, объявившими всеобщую политическую стачку. Около 14 часов примерно две тысячи рабочих пошли демонстрацией в Коломну. По пути к ним присоединились новые группы рабочих и гимназисты. Когда демонстранты с красными флагами подошли к заставе Коломны, на них напали казаки и черносотенцы. Во время побоища около 30 рабочих получили ранения, в том числе председатель Совета рабочих депутатов Д. А. Зайцев. Двое участников демонстрации были убиты — гимназист Иван Марков (17 лет) и работница шелкокрутильной фабрики Екатерина Зубачева»[311].

Ковно. 1905.

«13 декабря 1905 года. Утром, под охраной солдат, начала курсировать конка. Рабочие забросали вагоны конки камнями и заставили их убраться в парк. Через несколько часов вагоны конки снова появились на улицах, и рабочие снова встретили их градом камней. Солдаты открыли огонь, несколько рабочих было убито и ранено»[312].

Саратов. 1905.

«16 декабря 1905 года. Телеграмма Николаю II от генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Саратова 16 декабря 1905 года в 8 часов 25 минут пополудни: „Вследствие отсутствия известий в последние дни революционные агитаторы распускали по городу ложные слухи об успехах революции в Москве. Слухи эти вызвали брожение между забастовавшими рабочими. Вчера, 15 декабря, большая толпа собралась на главной улице и двинулась к тюрьме с видимою целью освободить арестованных агитаторов и зачинщиков железнодорожной забастовки, но была разогнана казаками без употребления оружия. Сегодня, 16 декабря, толпа забастовщиков собралась в местности около института. Для ее рассеяния были вызваны казаки и две роты пехоты. Когда казаки подъехали к толпе и предъявили к ней требования разойтись, то были встречены выстрелами, при чем был ранен один казак и одна лошадь. Беспорядочная стрельба со стороны толпы продолжалась некоторое время, не причинивши дальнейших потерь казакам, которые, спешившись, открыли огонь, и толпа рассеялась. До сих пор выяснено, что у мятежников шесть убитых и 15 раненых. В настоящее время беспорядков в городе нет. Но настроение рабочих тревожное. О чем всеподданней-

ше доношу Вашему Императорскому Величеству“»[313]. «Восемь участников митинга были убиты на месте, 24 — тяжело ранены, из них семь умерло. Легкораненых насчитывалось гораздо больше»[314].

Горловка. 1905.

«16 (29) декабря 1905 года. Расстрел войсками бастующих рабочих на территории машиностроительного завода; убито десять человек. 17 (30) декабря восставшие шахтеры атаковали военные казармы и после двухчасового боя выбили из города правительственные войска, отошедшие на станцию Волынцево. Однако вечером подоспевшие казаки после жестокого боя сломили сопротивление восставших; было убито около 300 дружинников, более 500 сложили оружие. Солдат убито и ранено 15 человек»[315].

Таганрог. 1905.

«17 декабря 1905 года. Рабочие котельного завода, обезоружив городовых на своем заводе, пошли на металлургический завод с целью обезоружить там полицию и казаков, но были рассеяны выстрелами. Таким образом, котельщикам не удалось соединится с рабочими металлургического завода, в столкновении с казаками и полицией они потеряли трех человек убитыми и девять ранеными»[316].

Шостка. 1905.

«21 декабря 1905 года. Черниговская губерния. Поселок Шостка. Столкновение рабочих с войсками и полицией. Во время столкновения один рабочий был убит, а другой ранен. 62 человека арестованы, из них 29 были преданы военному суду»[317].

Перово. Люберцы. Голутвин. 1905.

16 декабря 1905 года отряд лейб-гвардии Семеновского полка из шести рот под командованием полковника Римана, получив от командира полка полковника Мина общее указание «арестованных не иметь и действовать беспощадно», отправился в карательную экспедицию по Московско-Казанской железной дороге и на станциях Сортировочная, Перово, Подосинки, Люберцы, Ашитково и Голутвин с необычайной жестокостью убил и изувечил без суда и следствия сотни беззащитных и не сопротивлявшихся мирных обывателей. Вот как это было.

«В то время, когда пришел поезд с одним паровозом и двумя вагонами под управлением поручика железнодорожного батальона Костенко, на станции „Сортировочная“ дежурным находился служащий Ладнов.

Минут через пятнадцать появился без испрашивания пути поезд с солдатами Семеновского полка, которые, не доезжая

станции, повыскакивали из вагонов и без всякого предупреждения открыли жестокий огонь направо и налево по запасным путям, где находилось много народа. Кто оказался поближе, тот поплатился своею жизнью; многие залезли под вагоны и попрятались за колеса.

В это время офицер вышел на платформу, встретил дежурного по станции Ладнова и узнал от него, что в здании никого нет. Осмотрев и убедившись в этом, приказал произвести обыск в нескольких домах, находящихся поблизости от платформы. Когда пошли в квартиру таксировщика Воронина, то дверь его квартиры нашли запертой.

Стали стучать, потом прикладами сшибли дверь с петель. Войдя в квартиру, застали старика 60 лет, крайне встревоженного и не понимающего, что за события происходят кругом. Он был глуховат на оба уха и потому не слыхал стука в дверь; когда же ее начали ломать, подумал, что это хулиганы пришли грабить его имущество. Он отыскал револьвер и ждал, что за грабители такие ломают дверь и зачем они врываются в чужую квартиру.

Жил он только вдвоем со старухой женой, которая раньше, в 1904 году, была душевнобольной и лечилась в Казани несколько месяцев. Затем она поправилась и жила с мужем на станции „Сортировочная", где тот прослужил десять лет.

Старуха тоже, ничего не понимая, что творится кругом, в беспокойстве металась из угла в угол и шептала молитвы.

Наконец дверь была сломана, и на пороге появились солдаты и офицер; старик, увидев их, был очень изумлен, растерян, потом от радости перекрестился, что тревога его напрасна, положил револьвер на стол и направился навстречу желанным гостям. Не успел он сделать и нескольких шагов, как офицер скомандовал: „В штыки его!".

И тут же в квартире началась кровавая, жестокая расправа. С четырех сторон воткнули штыки в тело несчастного старика, а офицер собственноручно, жестоким ударом, раскроил ему череп; только раздался сухой треск расколотого черепа и безумный вопль сумасшедшей женщины, которая в один миг, в этот ужасный миг, снова потеряла рассудок.

Пробыв на станции „Сортировочная" всего минут сорок, главный отряд двинулся дальше, оставив здесь под командой офицера полуроту солдат, которые продолжали весь день стрелять по запасным путям.

На следующее утро около „Сортировочной" было подобрано служащими железной дороги при участии солдат восемь трупов, которые солдаты отправили в товарном вагоне на станцию Москва, не приняв никаких мер, чтобы узнать

личность убитых. Девятый труп Воронина. Кроме того, родственниками ночью было подобрано и увезено 25 трупов. Итого убито здесь 34 человека.

Не доезжая полутора верст до станции Перово, поезд с солдатами повстречал на запасных путях много крестьян с подводами, разбиравших остатки товаров. Они, не торопясь, с большой деловитостью выбирали предметы наиболее необходимые им. Поэтому не обратили никакого внимания на подходивший поезд. Правда, перовцы предупреждали их, что еще с вечера ожидают казаков; но они не верили, не могли понять, к чему это? Зачем нужны теперь казаки? Когда раньше, в начале грабежа не прислали никого, допустили все расхитить; а теперь и товаров-то ничего почти не осталось! Решили по своей простоте, что перовцы нарочно придумали, чтобы попугать их, посмеяться над ними, сделавшими конец на своей клячонке с сотню верст.

Но их благодушие было скоро рассеяно залпами из окон медленно подходившего поезда, от которых попадали их клячонки и с криком и стоном грохнулись на снег раненые люди.

Стрельба началась ожесточенная; солдаты поспрыгивали из вагонов, рассыпались по запасным путям и стреляли по бежавшим вдоль путей! Другая часть крестьян бросилась влево, на поляну, употребляя все усилия достигнуть леса, окаймляющего поляну.

Но их расчет был неверен; пули были быстрее, и много людей полегло на этой поляне; только немногие добрались до леса и избежали смерти.

Сколько было убито на этой поляне и на запасных путях, трудно сказать; точных сведений нет, и получить их вряд ли удастся; большинство из убитых приезжие из дальних деревень, неизвестные местному населению.

По показанию сторожа М., трупы всех убитых солдаты собрали и сложили в два вагона, а потом вечером отправили поездом по направлению к Москве. По его мнению, было 52–57 убитых.

Когда Орловский (старший помощник начальника станции Перово) увидел, что всех согнали с платформы и солдаты угрожающе держали себя по отношению к окружающим, а аппарат, сигнальные приборы и все дежурство станции перешло в руки солдат железнодорожного батальона, он пошел домой, чтобы успокоить жену относительно своей судьбы. Придя домой, он рассказал своей жене, как грубо и жестоко обращаются с публикой прибывшие солдаты, не казаки, которых все ожидали, а другие, петербургские солдаты, поси-

дел четверть часа дома и отправился на станцию. Больше домой он не возвращался. Это были последние пятнадцать минут, которые он подарил своей жене, не сознавая этого сам. Несчастная вдова получила на следующий день только изуродованный, обезображенный труп своего мужа. Он был так сильно изуродован, что, если бы не одежда, то нельзя было бы его признать. Все лицо было истыкано штыками. Глазные впадины были пробиты до мозга. Подбородок, щеки, нос представляли из себя сплошную кровавую маску: „Только губы остались целы“, — сказала вдова.

Когда Орловский подходил к станции и уже поднялся на верхние ступеньки, полковник Риман приказал расстрелять его. Несколько пуль сразили его, он упал еще живой, остальное было сделано штыками.

Покончив с Орловским, полковник Риман встретился на платформе с другим помощником начальника станции, Ларионовым, который был дежурным на станции. Ларионов возвращался с запасных путей, куда он отводил приехавший с семеновцами поезд. Риман, увидев его в форме, спросил:

— Вы помощник начальника станции Ларионов?

— Да.

— Идите ко мне в кабинет.

Через несколько минут они оттуда вышли, и полковник громко ему сказал: „Следуйте за мной!“.

Не доходя нескольких шагов до того места, где стояли четыре солдата, около лесенки, раздалась грозная команда:

— В штыки его!

Первый удар штыка пришелся в позвоночник: Ларионов упал в страшных муках, начал кричать, просить пощады, милосердия. На него посыпались удары штыками. Раздался отчаянный вопль, который разнесся далеко по окрестности. Свидетельница О. рассказывала, что находясь далеко от станции, она слышала душераздирающий крик Ларионова, когда, по ее выражению, „его пороли штыками“. Наконец его запороли до смерти, и офицер для успокоения своей совести, чтобы не оставить его в живых, выстрелил в висок.

Затем полковник Риман отправился с солдатами в одну сторону по Перову, капитан Зыков — в другую.

Придя в одну из частных квартир, мне удалось разыскать одного свидетеля (Молостова) и расспросить об обстоятельствах убийства двух его сыновей. Этот суровый старик произвел на меня сильное, глубокое впечатление своей деловитостью, отсутствием многословия и тем бесконечным, безысходным горем, которое чувствовалось в каждом его суровом слове.

Обстоятельства убийства его сыновей были действительно возмутительны.

К нему в квартиру пришел полковник Риман с обыском; вся семья в это время была в сборе, тут же находились оба его сына: Кузьма и Василий; одному было 20 лет, другому 22. Они работали в железнодорожных мастерских в качестве токарей. Полковник, ничего не найдя, расспросив — кто они, где работают, удовлетворился их ответами и с миром ушел.

Ребята, посидев еще несколько времени дома, пошли прогуляться по улице и кстати поиграть на бильярд. К ним подошли еще двое приятелей, и вчетвером они продолжали путь.

Когда они подошли к переезду через полотно железной дороги, их остановили солдаты и обыскали. Ничего не найдя, хотели отпустить, но один из солдат заметил:

— Ребята, да ведь это забастовщики! В штыки их!

И действительно, в одно мгновение солдаты набросились на них и начали пороть их штыками; двое приятелей бросились бежать, тогда их уложили пулями, а оба брата полегли тут же по краям дороги. Один был исколот штыками, а другой ранен в живот и пулей, и штыками.

Старик, ничего не зная о случившемся, пошел посмотреть, что вообще делается, и, подойдя к переезду, увидал лежащих по краям дороги своих сыновей.

Один из них еще был жив, раненый пулей в живот; другой же мертв, его трудно было отцу признать за своего сына. Ни одного зуба не было во рту, глаза, нос, переносица, — все было испорото штыками. Раненого сына подняли санитары маньчжурских поездов, и к 12 часам ночи он умер в страшных мучениях в санитарном вагоне. Принеся труп другого сына к себе домой, снимая с него пальто, старики увидели примерзшие к одежде несколько зубов, которые повылетали из его рта под жестокими ударами штыков.

В третьем часу дня путевой сторож Дрожжин, сидя у себя дома, обратился к своей старухе с просьбой, чтобы вместо него она пошла на Симоновский путь для исполнения служебных обязанностей.

— Мне как-то жутко, ступай сам, — ответила старуха.

— Ну ладно, попью чайку, схожу, успею еще, — согласился сторож и, напившись чаю, отправился.

Не успел он дойти до своего участка, как меткая пуля попала ему в живот, и когда он упал, солдаты набросились на него и начали пороть штыками. Особенно пострадал живот, так что кишки выпали наружу и примерзли к одежде. Солдаты, думая, что с ним покончили совсем, пошли далее. Несчастный Дрожжин был жив и пролежал на морозе четыре часа с распоротым

животом; в седьмом часу вечера его подняли санитары и отнесли к себе в вагон: только в первом часу ночи он умер на их руках, после того, как они зашили ему кишки и живот. На другой день старуха получила его труп и сама похоронила.

16 декабря 1905 года, производя обыск близ станции Перово, полковник Риман в квартире Оводовой нашел сломанный револьвер без патронов. На вопрос Римана: „Чей револьвер?“ — сын Оводовой Иван Николаевич Оводов ответил: „Мой“. Тогда Риман, отстранив рукою мать и крикнув: „Посторонись, старуха“, выстрелом из револьвера в лоб убил Оводова наповал.

18 декабря 1905 года, после полудня, на платформе станции Голутвин собрались все дружинники, много рабочих и горожан. Их по телеграфу известили с соседней станции, что прибудет поезд с представителями революционных рабочих и железнодорожников Москвы. А к станции Голутвин подошел поезд с карательной экспедицией Семеновского полка. Публика с любопытством встречала поезд, думая, что открылось движение по линии. Никаких выстрелов с ее стороны не было, да и не могло быть. Из окон вагонов еще не остановившегося поезда началась стрельба. С площадок на ходу соскакивали солдаты и тут же, рассыпавшись цепью, открывали огонь по станции и запасным путям. С криками все бросились в рассыпную. Кто прятался в помещении станции, кто лез под вагоны, кто бежал за дома.

После остановки поезда часть семеновцев окружила станцию, а другая часть загнала всю публику в здание вокзала и начала обыскивать всех. Обыскивали офицеры. У машиниста Варламова, пришедшего на станцию за назначенной выдачей продуктов, нашли в кармане сломанный револьвер без барабана. Его подвели к Риману, а он сказал: „Я — здешний машинист, позвольте мне объясниться“. „Нечего тут объясняться“, — ответил Риман и приказал вывести его на черное крыльцо, где собственноручно и застрелил его. Возвращаясь в зал 3-го класса, Риман натолкнулся на фельдфебеля 1-й роты 2-го запасного стрелкового батальона Ильичева, в тот день уволенного в запас. Фельдфебель сказал: „Удивляюсь, ваше высокоблагородие, как можно без суда расстреливать?“. „А, ты лезешь учить?“ — заорал полковник и убил его тремя выстрелами из револьвера. Последний выстрел был сделан уже тогда, когда Ильичев с раздробленной головой судорожно корчился на полу.

Между тем по селу Боброву, примыкающему к станции, были расставлены посты солдат, обыскивавшие всех проходивших. Всякого, кто протестовал против обыска, задержи-

вали и отправляли на станцию. 22-летнего чертежника Коломенского завода Александра Петровича Плотникова задержали за то, что во время четвертого обыска (три раза прошло благополучно) он сказал: „Уже четвертый раз обыскиваете, совсем заморозили“. Мороз в этот день был около 20 градусов. Его спутник Бобылков, сказавший, что за такие пустяки нельзя арестовывать, был также задержан и отправлен на станцию. Еще были задержаны: Владимир Иванович Иванов (28 лет), Иван Иванович Мельников (26 лет), Иван Иванович Котов (26 лет), Алексей Войцехович Стопчик (25 лет), Петр Васильевич Шелыганов (21 года), Алексей Алексеевич Сидоров (20 лет), Алексей Федотович Абрамов (19 лет) и Михаил Антипович Пушков (16 лет). Никто из них не был революционером или террористом.

В результате обысков по списку Мина и сведениям местных полицаев были схвачены: Давыд Андреевич Зайцев — председатель Совета рабочих депутатов, член РСДРП; Александр Иосифович Сапожков — студент, член РСДРП; Владимир Афанасьевич Тарарыков — помощник присяжного поверенного, член РСДРП; Владимир Сергеевич Дорф — заведующий театром на заводе Струве (35 лет); Василий Никитович Старостин (34 лет); Михаил Иванович Костогаров (19 лет) и еще шесть человек.

По личному распоряжению полковника Римана были также задержаны: начальник станции Голутвин Алексей Иванович Надеждин и помощник начальника станции Константин Никифорович Шелухин. Оба были далеки от политики, а Надеждин был много раз награжден за почти сорокалетнюю службу.

Никто их не допрашивал, не требовал от них объяснений, никто даже и не разговаривал с ними. Вечером приказано было вывести арестованных. Солдаты стали цепью от телеграфной комнаты к выходу на платформу, и задержанных повели из здания направо по платформе. Арестованные не знали, куда их ведут, да и сложно им было представить, что сейчас их расстреляют без предъявления каких-либо обвинений, следствия и суда.

В 150 шагах от станции находился сложенный каменный уголь. Сторона его, обращенная к рельсам, представляла отвесную стену, высотой аршина в три. Здесь все задержанные и были расстреляны. Большевик Тарарыков крикнул: „Солдаты, помните — убиваете братьев своих, восставших против кровавого царя!“. Тотчас после выстрелов некоторые из железнодорожных служащих видели кучу трупов. Затем трупы были положены в товарный вагон и оставались здесь до утра

под охраною караула семеновцев. Ночью ремонтные рабочие по приказанию жандарма вырыли на Бобровском кладбище братскую могилу, в которой наутро и были погребены все убитые.

19 декабря 1905 года полковник Риман с частью своего отряда отправился на станцию Ашитково, где во время получасовой остановки приказал расстрелять трех человек. В том числе поднятого с постели начальника станции Сергея Ивановича Виноградова и телеграфиста Фадеева. В ночь с 20-го на 21 декабря 1905 года на дому в селе Боброве был арестован Василий Алексеевич Криворотов. Его привели на станцию и убили, похоронив рядом с братской могилой»[318].

«Точных данных о деятельности войск в подавлении беспорядков нет, но масштабы опубликованных по неточным сведениям данных впечатляют. Так, например, карательный отряд полковника Римана, действовавший на линии Московско-Казанской железной дороги, уничтожил в декабре 1905 года до 150 человек. „Из рапорта полковника Римана ясно, что карателями было расстреляно 55 человек. На самом деле убитых было больше. Это видно из рапорта командира 15-й роты Семеновского полка от 26 декабря 1905 года, оставленной на станции Люберцы. Вместе с рапортом препровождался список с подписями членов боевой дружины. А в рапорте указано, что все числящиеся в списке 35 человек, кроме троих, успевших скрыться, расстреляны. Следовательно, только на станции Люберцы было расстреляно 32 человека, а не 14, как значилось в рапорте Римана“ (В — ИАЛ, фонд 158, дело 2663, лист 4). В документах Особого отдела Департамента полиции написано, что карательный отряд Римана „имел несколько столкновений с мятежниками, убив свыше 300 человек. Кроме того, 63 главных руководителя движения были расстреляны“ (ЦГИАМ, фонд Д. п. О. о. д. 2540, т. 2, 1905 г., лист 150)»[319].

Тифлис. 1905.

«20 декабря 1905 года. При обыске найдены в местности Нахаловка бомбы и оружие. При аресте девять революционеров убито»[320].

Рига. 1905.

«20 декабря 1905 года. Около 7 часов утра, во время чистки лошадей, вооруженная толпа, человек в 800, убив предварительно выставленный караул, напала на расквартированный на фабрике „Проводник“ драгунский отряд из 26 человек. Убиты 11 драгун, остальные ранены, в том числе восемь тяжело. Из толпы на месте осталось восемь трупов. Остальные убитые и раненые подобраны и унесены. Фабрика осаждена войсками. При попытке осажденных прорваться через ряды

войск был открыт огонь из пулеметов, а по фабрике было сделано пять выстрелов гранатами. Фабрика „Проводник“ капитулировала. Жертв много»[321].

Нахичевань-на-Дону. 1905.

«21 декабря 1905 года. Утром на завод „Аксай“ брошена бомба. Более 50 человек убито и ранено»[322].

Ярославль. 1905.

«23 декабря 1905 года. При аресте двое рабочих оказали сопротивление и выстрелами из револьверов убили полицейского надзирателя Королькова и ранили городового»[323].

Рига. 1905.

«25 декабря 1905 года. Из шифрованной телеграммы на имя графа Витте из Риги от генерал-лейтенанта Соллогуба: „Как в Риге, так и в уездах войсковым начальникам даны вполне определенные указания самым энергичным образом проявлять силу оружия в случаях малейшего противодействия со стороны населения. В Риге вчера патруль дал залп по хулиганам, при чем убито четыре и ранено несколько“»[324].

Екатеринодар. 1905.

«27 декабря 1905 года. Стрельба казаков в рабочих во время митинга в Екатеринодаре; один убит, двое ранены»[325].

Виндава. 1905.

«27 декабря 1905 года. Командированным в Виндаву отрядом арестован местный комитет социал-демократов. Из числа шестнадцати главных руководителей трое убито, а один тяжело ранен при попытке бежать»[326].

Варшава. 1906.

«1 января 1906 года. На фабрике металлических изделий Бормана и Шведе собрались рабочие на митинг. Прибывшие войска расстреляли рабочих, при этом один рабочий убит и несколько ранены»[327].

Пермь. 1906.

«2 марта 1906 года. В пригородном селении произошло столкновение между казаками и рабочими. Двое рабочих застрелены»[328].

Ростов-на-Дону. 1906.

«4 марта 1906 года. Разгон митинга в Шаховском училище. Казаки открыли стрельбу. Двое убито. Много ранено»[329].

Конотоп. 1906.

«Апрель 1906 года. Черниговская губерния. На одном из митингов в железнодорожном депо города Конотопа, накануне 1 мая, был убит рабочий-железнодорожник за то, что он перешел линию железной дороги без особого пропуска. В ответ рабочие потребовали удаления караула из депо и выдачи им трупа для устройства гражданских похорон»[330].

Черемхово. 1906.

«22 мая 1906 года. Вечером двое полицейских вели через базар села Черемхово трех арестованных во время забастовки рабочих копей в волостную тюрьму. Рабочих били резиновыми рукавами. Видевший это бесчинство полицейских рабочий-шахтер Дмитриев стал заступаться за арестованных и выразил протест полицейскому уряднику станции Слюдянка Томилину. Дмитриев сказал уряднику, что сегодня забастовка и никаких арестов не должно быть и бить запрещается. Тогда Томилин выстрелом в упор убил рабочего Дмитриева»[331].

Москва. 1906.

«6 июня 1906 года. Под руководством профсоюза обувщиков началась забастовка сапожников, башмачников и штиблетчиков Москвы. В столкновении с полицией со стороны рабочих были убитые и раненые, много арестованных»[332].

Владикавказ. 1906.

«26 июня 1906 года. Прошла политическая демонстрация в связи с похоронами воспитанника реального училища Виктора Друцева, умершего от раны, полученной им во время уличной демонстрации 19 октября 1905 года»[333].

Ташкент. 1906.

3 июля 1906 года. «3 июля осужденные по делу о восстании в Ташкентской крепости должны были быть отправлены из Ташкента. На вокзале собралось свыше тысячи рабочих, которые организовали митинг. До этого рабочие договорились с саперами „помочь рабочим освободить отправляемых арестантов“. Но когда саперы Туркестанского и Закаспийского батальонов самовольно двинулись на вокзал, командование немедленно собрало сотню 5-го Оренбургского казачьего полка, 3-й и 4-й стрелковые батальоны и пулеметную роту, которыми были заняты вокзал и подступы к нему. Саперы открыли стрельбу против 3-го батальона, но после небольшой перестрелки были обращены в бегство пулеметным огнем. Во время перестрелки были убиты двое рабочих и один сапер, 15 человек ранены»[334].

Дружковка. 1906.

«9 августа 1906 года. На 40-тысячном митинге в Дружковке выступал бывший депутат 1-й Государственной думы Михайличенко. В митинге участвовали рабочие из Краматорска, Константиновки, Никитовки, Енакиево, Горловки. Отряд войск разогнал митинг. Восемь человек было убито, 32 ранено»[335].

Красноярск. 1906.

Октябрь 1906 года. «В 1905 году в мастерских наблюдал за политикой жандармский унтер-офицер Авдонькин, убивший товарища Чальникова. Этот убийца впоследствии заме-

нен был более ретивым и подлым жандармом Терещенко. Из-за этого Терещенко немало рабочих было выслано в Туруханский край. Немало рабочих было также запрятано в тюрьмы. Много рабочих пострадало из-за этого негодяя. Сколько рабочих семейств осталось из-за него без крова и без кормильца. Рабочие решили убить его. Жребий пал на Анальских— сына и отца (токарь и слесарь мастерских). В октябре 1906 года Терещенко проходил как-то из ворот механического цеха в паровозно-сборный цех. В затылок ему был дан выстрел, и Терещенко упал замертво. Поднялась тревога, но Анальские не были пойманы. Вскоре явившийся жандармский ротмистр фон Вильперт заявил, что „допущена большая ошибка, нужно было всех, бывших возле этого места перестрелять". Барон рвал и метал по случаю потери „исполнительного работника". Но на смену убитому нашелся достойный негодяй, жандарм Филатов. Смельчаки Анальские, убившие Терещенко, однако, вскоре были арестованы, уличены и без суда повешены»[336].

Юзовка. 1907.

«1 мая 1907 года. Полицейские пытались разогнать первомайский митинг. Но на „блюстителей порядка" обрушился град камней, и они отступили. На помощь полицейским прибыли полусотня казаков и полурота пехоты, также встреченные камнями. По приказанию офицеров пехота, развернувшись фронтом, открыла огонь по участникам митинга. Рабочие вынуждены были отступить, унося с собой одного убитого и двух раненых»[337].

Лодзь. 1907.

4 мая 1907 года. «В Лодзи, на ул. Подлесной, боевая организация осуществила нападение на почтовый фургон. Во время нападения был убит один казак, ранены почтовый чиновник Остромецкий и почтальон Гентшель»[338]. «Разыскивая экспроприаторов, казаки на двух фабриках в Лодзи убили 20 и ранили 35 рабочих»[339].

Лодзь. 1907.

23 сентября 1907 года. Из сообщения Ф. Э. Дзержинского Главному правлению СДКПиЛ: «Сегодня в 6 час. утра расстреляли семь рабочих и одну работницу с фабрики Зильберштейна без суда, по распоряжению нынешнего военного генерал-губернатора Казнакова. Он получил от царя неограниченную власть, а Столыпин телеграфировал ему „действовать беспощадно". Арестованы все рабочие и работницы с фабрики Зильберштейна — около 1000 человек... С Зильберштейном дело было так: это был негодяй и подлец, который на каждом шагу раздражал и издевался над рабочими. Он не обращался никогда иначе, как только с презрением и оскорбительно. Ко-

гда началась забастовка, он не хотел вести никаких переговоров. Представителей профсоюза он выругал последними словами и, угрожая браунингом, выгнал вон. Рабочие были возмущены в высшей степени. Непрерывно и повсюду среди его рабочих раздавались голоса, что эту собаку нужно убить... После убийства по просьбе союза фабрикантов и матери Зильберштейна приехал Набоков, главный прокурор Варшавской судебной палаты, и Казнаков, назначенный из Петербурга генерал-губернатором Лодзинского и Лаского уездов Калишского генерал-губернаторства.

Сегодняшний расстрел является лишь началом дальнейших жертв. Эти — из группы пятидесяти четырех, которых уже допрашивали; остальных из группы пятидесяти четырех сейчас высылают, даже уже выслали. Завтра-послезавтра ожидаются новые казни из числа остальных. Их ужасно истязали и при помощи адских истязаний вынуждали давать показания. Многих — до 48 — пришлось отвезти в больницу. Казнаков обещает подавить рабочих, ссылая тысячи в Сибирь и сотни вешая или расстреливая»[340].

Лена. 1912.

«Ленский расстрел, расправа 4 апреля 1912 царских войск над рабочими приисков Ленского золотопромышленного акционерного товарищества („Лензолото“), расположенных по р. Лене и ее притокам Витиму и Олекме, в 2 тыс. км от железной дороги, к северу от Иркутска. Нещадная эксплуатация обеспечивала громадные прибыли английским и российским акционерам, среди которых были крупные русские предприниматели А. И. Вышнеградский, А. И. Путилов (члены правления товарищества), граф С. Ю. Витте, императрица Мария Федоровна — мать Николая II, и др. Условия работы на приисках были крайне тяжелыми: рабочий день горняков достигал 15–16 часов, только в 1911 на каждую тысячу человек приходилось свыше 700 травматических случаев. Зарплата была низкой, часть ее уходила на штрафы, часть выдавалась в виде талонов в приисковые лавки. Забастовка началась стихийно 29 февраля на Андреевском прииске. Поводом послужила выдача в лавке гнилого мяса. 4 марта были выработаны требования бастующих: восьмичасовой рабочий день, повышение зарплаты на 30 %, отмена штрафов, улучшение снабжения и др. Но ни одно из наиболее важных требований не было удовлетворено администрацией. К середине марта стачка охватила все прииски (свыше 6 тыс. рабочих) <...> Правительство направило из Киренска и Бодайбо войска. В ночь на 4 апреля были арестованы почти все члены стачечного комитета. Утром рабочие потребовали их освобождения, и днем 4 апреля 2,5 ты-

сячи человек двинулись к Надеждинскому прииску для вручения чиновнику прокуратуры жалобы на произвол властей. Рабочие были встречены солдатами, которые по приказу жандармского ротмистра Трещенкова открыли огонь. Было убито 270 и ранено 250 человек»[341].

Петербург. 1914.

3 июля 1914 года. Сообщение газеты «Трудовая правда» от 4 июля 1914 года. «Вчера, за два часа до окончания работ, рабочие турбинной, башенной и др. мастерских прекратили работу и собрались во дворе завода на митинг. Всего присутствовало на митинге до 12 000 рабочих. Ораторы-рабочие, обрисовав положение бастующих бакинцев, призывали тт. путиловцев к поддержке стачечников. Пред окончанием собрания появился во дворе завода большой наряд конной и пешей полиции, которая была спрятана на заводе с утра. Полицейские стали напирать на безоружных рабочих. В ход были пущены нагайки. Командовавший полицейским нарядом офицер потребовал немедленно разойтись, а между тем в этот же момент закрылись заводские ворота и выходить было некуда... Рабочие заволновались, и в тот же момент раздались выстрелы со стороны полиции. Было сделано в рабочих два залпа. Залпами были убиты двое рабочих и 50 ранено. В порыве самообороны некоторые рабочие схватились за камни. Избиение рабочих шло и вне завода на проспекте. Арестовано 65 человек. Они под усиленным конвоем отправлены в Нарвскую часть. На Путиловский завод немедленно отправился депутат Бадаев. В завод уже никого не пропускали. За Бадаевым немедленно отправились полицейские чины. Несколько служащих заявили, что есть четверо убитых и много раненых. В заводской больнице ему сказали, что туда никто не доставлен. Управляющий заводом отказался принять деп. Бадаева, заявив, что никаких сведений не даст. В Петергофском участке деп. Бадаев застал ужасную картину: избитых и стонущих рабочих отливали водой из-под крана. Совершенно ясно, что арестованные избиты. Пристав отказался дать какие-либо сведения, причем вел себя с депутатом так, что А. Бадаев считает нужным довести о его поведении до сведения министра внутренних дел. Бадаев немедленно обратился с телеграммой в министерство, чтобы получить завтра же прием. Ночная смена путиловцев забастовала»[342].

«Письмо Петербургского градоначальника к начальнику Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа от 4 июля 1914 года. „Милостивый государь Арсений Анатольевич! <...> В районе 4-го участка Нарвской заставы сегодня на одном из заводов рабочие окружили очень незначительный наряд

полиции из пеших городовых во главе с полицейским офицером и стали бросать в них камнями, ввиду чего чинами полиции было произведено несколько выстрелов, которыми ранены трое рабочих: один в живот, другой в голову; оба по-видимому, тяжело, а третий легко, в руку. Среди чинов полиции многие при рассеянии в разных местах рабочих получили более или менее серьезные ушибы камнями. Общее число забастовавших рабочих к настоящему времени доходит до 50 000 человек. Принимая во внимание угрожающий характер движения среди рабочих и ввиду совершенной недостаточности при таких условиях наличного состава чинов полиции для поддержания порядка в столице, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в безотлагательном командировании в мое распоряжение одного казачьего полка“»[343].

Петербург. 1914.

«11 июля 1914 года. В 5 часов дня, на Московском шоссе, у кирпичного завода, произошло столкновение между рабочими и казаками. Несколько тысяч рабочих начали сваливать телеграфные столбы, заборы и срывать проволоки для баррикады. Под защитой последней рабочие открыли стрельбу по подъезжавшим казакам. Казаки дали залп. На месте остались двое убитых и двое раненых»[344].

Макеевка. 1914.

«19 июля 1914 года. В Макеевке произошла вооруженная расправа с мобилизованными. Были убиты 13 человек и ранены 17»[345].

Луганск. 1914.

«22 июля 1914 года. В Луганске произошли столкновения мобилизованных с полицией и войсками, в результате которых три человека были убиты и шесть ранены»[346].

Кострома. 1915.

«5 июня 1915 года рабочие костромских Кашинской и Михинской фабрик объявили забастовку, наиболее активные из них пытались остановить прядильную фабрику Зотова. Однако фабрикант вызвал конных стражников, которые напали на рабочих. Близ Михинского сквера стачечники начали строить баррикаду и защищались камнями. Совершилось кровавое злодеяние: царские жандармы дали залп по безоружным людям, убили рабочих А. А. Ермолаева (27 лет), И. И. Корзинкина, М. З. Блохину (оба по 18 лет) и Мишу Королева, которому было десять лет. 15 рабочих было ранено»[347].

«Костромская стачка 1915 года была вызвана ухудшением положения рабочих во время Первой мировой войны. 2 июня забастовали рабочие прядильной, а 5 июня — все 6600 рабо-

чих Большой костромской льняной мануфактуры. Стачка носила экономич. характер. Администрация согласилась удовлетворить требования рабочих о выплате квартирных денег при условии общего снижения зарплаты на 10 %. Возмущенные рабочие вечером 5 июня устроили демонстрацию протеста и с присоединившимися к ним рабочими Бельгийской мануфактуры двинулись к мануфактуре бр. Зотовых, чтобы присоединить и этих рабочих и освободить девять арестованных. В ответ на требование их освобождения отряд полиции и солдат открыл огонь, было убито 12 и ранено 45 человек»[348].

Иваново-Вознесенск. 1915.

«В ночь с 8-го на 9 августа в лесу около деревни Ясюниха (Кохомской волости) Иваново-Вознесенский комитет РСДРП организовал очередную массовку, на которой присутствовало свыше 300 человек, в том числе 30 женщин...

Первыми узнали о произведенных ночью арестах рабочие фабрики Грязнова. Еще больше накалилась атмосфера, когда полиция с явно провокационной целью продолжала утром 10 августа аресты непосредственно на предприятиях. У всех на виду на фабрике Грязнова был схвачен М. Н. Кадыков в то время, когда он раздавал прокламации. Чаша терпения переполнилась. Близкие к арестованным рабочие Н. К. Савенков, П. М. Плешков и другие призвали в знак протеста против проводимого насилия прекратить работу.

В 11 часов утра предприятие остановилось. Его примеру последовали другие. Почти все текстильные предприятия города прекратили работу. Всего приняло участие в стачке 25 182 рабочих.

На многих предприятиях состоялись митинги, на которых под общий гул одобрения раздавались большевистские лозунги. На фабрике Гарелина полиция арестовала рабочего, провозгласившего: „Долой войну и самодержавие!“.

Общегородская политическая стачка развивалась. Сплошной массой многотысячная толпа собралась на площади у городской управы и потребовала освобождения арестованных. Власти выпустили из тюрьмы шесть человек, в том числе и Егора Степановича Зиновьева...

Трудящиеся, возглавляемые Е. С. Зиновьевым, направились к городскому кладбищу с тем, чтобы обсудить план дальнейших действий. Здесь состоялся грандиозный митинг, на котором выступавшие протестовали против войны, притеснений капиталистов, гнета царского самодержавия, требовали возвращения солдат с фронта, освобождения всех арестованных, повышения заработной платы и упорядочения взимания штрафов, сокращения рабочего дня, улучшения снабжения

города хлебом, снижения цен на продовольственные товары. После довольно бурного обсуждения решили снова пойти к городской управе и добиться освобождения всех арестованных, а на другой день забастовки не прекращать, пока не будут удовлетворены экономические требования.

К 6 часам вечера на городской площади собралось несколько тысяч рабочих. Представителям власти, которые вышли для переговоров, Зиновьев, Коржевин, Соловьев и другие изложили требования рабочих, но они не были приняты. Полицмейстер Авчинников заявил, что арестованные освобождены не будут, а с недостатками нужно мириться...

Распространился ложный слух, что арестованных увозят на вокзал. Послышались возгласы: „Пойдемте к тюрьме!". По воспоминаниям участника событий А. Андрианова, Зиновьев предложил воздержаться от похода. Кто-то даже обвинил его в трусости. Тогда Зиновьев сказал: „Если вы, товарищи, согласны идти к тюрьме, то я с вами! Будьте спокойны и мужественны, — вы несокрушимая сила! Пойдемте!". Вся масса двинулась к тюрьме.

За Приказным мостом их ожидала воинская засада. Была мобилизована вся жандармерия и полиция. По распоряжению владимирского губернатора начальник воинского гарнизона полковник Смирнов подготовил вооруженные отряды и выставил заставы к тюрьме, банку и казначейству. На секретном совещании офицеров полка, в полном соответствии с инструкцией свыше, было решено не останавливаться перед применением оружия. Все местные уроженцы, а также подозреваемые в сочувствии рабочим другие солдаты были заперты в казармах. В наряд подбирались особо доверенные лица.

Воинской заставой у тюрьмы командовал прапорщик Носков. Когда рабочие подошли довольно близко, он дал команду приготовиться к стрельбе. Рабочие не могли поверить, что по ним откроют стрельбу. С криками „Братцы-товарищи, неужели вы нас будете стрелять!" они продолжали двигаться вперед. На расстоянии 15–20 шагов рабочие остановились, и Е. С. Зиновьев начал произносить пламенную речь, но договорить ему не удалось. Раздались три условных полицейских свистка, и за ними последовал залп. Страшное злодеяние совершилось. Почти в упор было произведено еще два залпа. Упали убитые, застонали раненые. С нагайками и шашками налетели казаки. В результате расстрела 30 рабочих было убито и 53 тяжело ранено.

Первым же залпом был скошен любимец рабочих один из руководителей партийной организации Е. С. Зиновьев. Свинец прервал жизнь активного участника революции 1905 года, члена партии с 1902 года Царева Григория Венедиктовича. 27

лет проработал он ткачом и погиб за рабочее дело. Смертельно ранен был в грудь большевик Дунаев Александр Иванович. Он скончался через шесть часов после ранения, на 58 году жизни. Три пули пробили грудь 22-летней работницы фабрики „Компания“ — Матрены Григорьевны Лушниковой. Это была веселая, энергичная девушка, недавно вступившая в ряды партии и проводившая работу среди женщин-солдаток. Она шла впереди и в первом боевом крещении погибла смертью храбрых, как и все 29 ее товарищей.

На другой день после расстрела группа рабочих собралась на площади и просила приехавшего из Владимира вице-губернатора разрешения похоронить убитых. Последний грубо отказал им и заявил, что всякое собрание будет разогнано силой оружия. Тайно, ночью, при усиленной охране полиция зарыла жертвы расстрела в двух ямах на Успенском кладбище.

Организатор кровавой бойни полковник Смирнов поспешил сообщить царю о случившемся. В телеграмме на имя императора он, значительно приуменьшив число убитых и раненых, заверил его, что „в городе восстановлено спокойствие“»[349].

Донбасс. 1916.

«2 мая 1916 года. По призыву стачечного комитета шахтеры Горловки, Щербиновки. Никитовки и других рудников с семьями собрались на митинг. Едва он начался, как подвергся нападению полиции и казаков. Возле Щербиновской шахты было арестовано 300 человек. Арестованных повели в Горловку. Полуторатысячная толпа бросилась к ним на выручку. Полицейские открыли стрельбу. Было убито четыре человека»[350].

Алапаевск. 1916.

25 мая 1916 года. «На лесных работах на Мугае (Алапаевский округ) забастовали китайские рабочие в числе 100 человек, требуя возвращения уволенного подрядчиком старосты-рабочего, забастовавшие сняли с работы еще группу в 100 человек. Администрация вызвала отряд стражников, была открыта стрельба, в результате которой оказались раненые и убитые»[351].

Минск. 1916.

«При подавлении забастовки рабочих-китайцев на лесозаготовках в Минском уезде 21 сентября 1916 года казаками было убито три и ранено 45 человек»[352].

По данным этой, далеко не полной хроники, только в результате расстрелов рабочих-забастовщиков и их демонстраций было убито более 3000 человек. Насколько больше было убито реально, неизвестно, поскольку при советской власти

таких подсчетов не производилось. Есть данные С. Ушеровича начала 1930-х годов о 17 тысячах жертв, но откуда они взяты и как получены, неясно. Ведь он собирал сведения частным образом, а интернета тогда не было. Большинство фактов в данной хронике почерпнуто из источников или до 1917 года, или после 1991 года. Однако даже эти фрагментарные данные дают основания для вывода, что подобной войны с рабочими не было ни в одном другом европейском государстве в период времени с 1894-го по 1917 год. То есть при правлении «доброго и милостивого государя» (по уверениям Поклонской) Николая II жертв расстрелов было в неведомое количество раз больше, чем во всей Европе.

Расправы с крестьянами

Расстрелы крестьян в деревнях и селах Тамбовской, Саратовской, Самарской, Воронежской, Полтавской, Черниговской, Курской, Казанской, Рязанской и прочих губерний

Грачевка. 1897.

«Осень 1897 года. Саратовская губерния. Балашовский уезд. Росташевская волость. Деревня Грачевка. Крестьяне совершили вооруженное нападение на объездчиков имения помещицы М. Г. Раевской, пытавшихся загнать их скот, пасшийся на помещичьих лугах. Дело закончилось жертвами с той и другой стороны, а затем арестами и наказаниями крестьянских вожаков»[353].

Полтава. Харьков. 1902.

«27 марта 1902 года вспыхнуло крупное восстание крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях. Поводом к нему явился отказ в просьбе 300 крестьянам имения Карловка Полтавской губернии, оставшимся без средств после неудачной попытки переселиться в Уфимскую губернию, наделить их землей и продать семена. В ответ крестьяне запахали две тысячи десятин помещичьей земли и забрали из амбаров экономии семена. Поступок карловских крестьян послужил примером к аналогичным действиям окрестных селений. Движение перекинулось на смежные уезды Харьковской губернии. Всего им было охвачено 165 сел и деревень с числом жителей 150 тысяч человек. Было разгромлено 80 помещичьих имений. На подавление восстания были направлены более 10 тысяч солдат и казаков. Сюда прибыли командующий войсками Киевского военного округа генерал М. И. Драгомиров с министром внутренних дел и шефом жандармов В. К. Плеве. 1092

участника восстания были преданы суду, из числа которых 836 приговорили к тюремному заключению. По ходатайству высшей инстанции суда для 761 осужденного наказания были смягчены»[354].

Ковалевка. 1902.

«Полтавская губерния и уезд. В деревне Ковалевке, в 12 верстах от Полтавы, в стычке крестьян с войсками были убиты три крестьянина и ранены восемь человек, из них: четыре женщины и один мальчик»[355].

Мордовская Борковка. 1903.

«Самарская губерния. Крестьяне Мордовской Борковки, ссылаясь в подтверждение своего права на землю на жалованную грамоту царя Алексея Михайловича, самовольно запахали графские земли. Самовольная запашка земли закончилась тем, что приехавшие казаки 17 крестьян запороли насмерть, а 70 человек, запоротых до полусмерти, отправили в Ставропольскую тюрьму, где семь человек умерли от страшных истязаний»[356].

Волосовка. 1903.

«1 июля 1903 года. Рязанская губерния. Михайловский уезд. Деревня Волосовка. Крестьянин, проводя покос травы на своей земле, скосил небольшое количество травы из рва, отделяющего землю крестьян от земли князя Гагарина. Черкес-объездчик имения князя Коровино, увидевший это, ударил крестьянина кинжалом. От ранения крестьянин вскоре скончался. Находившийся поблизости сын убитого крестьянина бросился на объездчика с косой и ранил его. Собралась толпа народа. Узнав об этом, князь Гагарин в сопровождении своего родственника князя Щербатова и своей жены, на тройке лошадей прибыл на место происшествия и врезался в толпу крестьян, пытаясь ее разогнать. Тогда на него посыпалось все, что было в руках крестьян, а ловко брошенные железные вилы врезались князю в живот. В результате Гагарин получил тяжелое ранение, а Щербатов начал с испугу „заговариваться“. На место выезжал рязанский губернатор. Группа крестьян была арестована и отдана под суд. По приговору московской судебной палаты 22 крестьянина были лишены всех прав и заключены в тюрьму на срок восемь месяцев и два крестьянина на два месяца. Князь и его служащие никакого наказания за убийство и нападение не понесли»[357].

Полударово. 1903.

«18 декабря 1903 года. Тамбовская губерния. Моршанский уезд. Село Полударово. При попытке полицейских арестовать зачинщиков аграрных беспорядков произошло вооруженное столкновение, в результате которого пять крестьян были тяжело ранены, причем двое из них — смертельно»[358].

Ланчхути. 1904.

«9 апреля 1904 года. В ночь на 9 апреля ланчхутский пристав Квашали и казаки открыли из засады стрельбу в направлении возвращавшихся с митинга крестьян и убили двоих — И. Ебралидзе и Коста Чачава»[359].

Джварцхма. 1904.

«2 мая 1904 года. Жители села Хидистави — около 400 мужчин и женщин двинулись в направлении Чохатаури с красным знаменем и пением революционных песен. Около села Джварцхма демонстранты были встречены вооруженными стражниками. Увидя демонстрантов стражники открыли огонь. Демонстранты были разогнаны. Убитыми оказались двое видных деятелей революционного движения: активный член Гурийской организации Еси Каландадзе и Симон Поцхишвили — юноша 18 лет. Еси Каландадзе был кузнецом, его кузня всегда была местом сбора революционеров»[360].

Новомихайловское. 1904.

«21 июня 1904 года. Кубанская область. Лабинский отдел. Село Новомихайловское. Волнение около 2000 рабочих-косарей частных сельскохозяйственных экономий в связи с покупкой хозяевами 30 косилок и лишением рабочих надежды на увеличение зарплаты. Косари препятствовали переправе косилок через реку Кубань, кричали: „Долой косилки, разобьем их. Мы голодаем!“. Вызваны 15 казаков во главе с атаманом. В ходе столкновения рабочие бросали в казаков камни, колья, поленья. Казаки применили огнестрельное оружие, в результате один человек был убит, семь ранено, среди казаков было ранено шесть человек. Арестовано 13 рабочих»[361].

Романовка. 1905.

«16–21 февраля 1905 года. Саратовская губерния. Балашовский уезд. Крестьяне слободы Романовки и села Мордовского Края произвели массовые порубки леса у помещиков Волконского и Львова. Для учинения расправы были посланы войска, которые намеревались быстро покончить с восставшими, но крестьяне оказали вооруженное сопротивление, в результате чего были убитые и раненые с обеих сторон»[362].

Нижний Кисляй. 1905.

«19 мая 1905 года. Воронежская губерния. Село Нижний Кисляй. 19 мая на лугу князя Васильчикова произошло столкновение крестьян, пасших своих лошадей, с объездчиками и полицией, во время которого выстрелом из револьвера был убит один крестьянин»[363].

Ивановка 2-я. 1905.

«Июнь 1905 года. Саратовская губерния. Столыпин сам систематически разъезжал по уездам с эскадроном драгун и

чинил жестокую расправу над крестьянами. В июне он совершил такую „прогулку“ по Балашовскому и Аткарскому уездам. Столыпин побывал в 21 селе, всюду подвергая крестьян поркам и арестам. В отчете министру он хвастался своими зверскими методами „успокоения“ деревни. „Все село почти сидело в тюрьме по моим постановлениям... Я занял дома наиболее виновных казаками, оставил там отряд оренбуржцев и учредил в этом селе особый режим“, — похвалялся Столыпин о своей расправе в селе Ивановке 2-й»[364].

Алакаевка. 1905.

«Июнь 1905 года. Самарская губерния и уезд. Крестьяне хутора Алакаевки сожгли в Богдановской волости хутор помещика Данненберга, предварительно обстреляв его из ружей и убив управляющего»[365].

Ионишки. 1905.

«17 июля 1905 года. В местечке Ионишки (Литва) проходил митинг сельскохозяйственных рабочих и крестьян (3000 человек). К месту митинга прибыли драгуны, которые попытались разогнать собравшихся, но были встречены градом камней и выстрелами из револьверов. В результате стычки было ранено шесть человек, из которых трое вскоре скончались»[366].

Газенпот. 1905.

«6 августа 1905 года ознаменовалось в Курляндской губернии целым рядом новых преступлений. Накануне вечером в Добленском уезде восемь неизвестных в данной местности лиц подожгли в имении Энденгофе жилой дом и убили управляющего имением. В Газенпотском уезде в ту же ночь убиты из засады в лесу выехавшие для тушения вспыхнувшего в одном из подмызков пожара лесничий, лесной объездчик и кучер; ранены управляющий имением Цирау и его писарь»[367].

Вольск. 1905.

«7 октября 1905 года. В Новосильской волости поджоги частновладельческих имений вызвали командировку казаков. Подозреваемый в вызове казаков старшина убит»[368].

Назрань. 1905.

7 октября 1905 года. «Зачастую призванные по идее поддерживать порядок армейские части сами становились организаторами беспорядков, это, например, произошло при следовании в октябре 1905 года по Владикавказской железной дороге состава с призванными из запаса солдатами. 7 октября состав с буйствовавшими запасниками достиг Назрани, и они нагрянули в близлежащие селения. Ингуши оказали грабителям сопротивление, и в результате были жертвы с обеих сторон»[369].

Бердичев. 1905.

«8 октября 1905 года. Разграблена помещичья усадьба в селе Большой Пятигорке и убит помещик Терлицкий»[370].

Порхов. 1905.

«10 октября 1905 года, в 10 часов утра, в селении Подсухи, при описи скота за неплатеж повинностей, крестьянами оказано вооруженное сопротивление дубенскому волостному старшине Иванову вместе с семью сотскими. Братья Евдокимовы выстрелом из ружья ранили старшину Иванова в голову тяжело и сотского Семенова легко»[371].

Супса. 1905.

«16–18 октября 1905 года. Кутаисская губерния. Озургетский уезд. Восставшие гурийские крестьяне уничтожили железнодорожную линию в двух местах, недалеко от станций Ланчхути и Супса. Во время разрушения пути солдаты убили 18 человек, ранили двоих. В Супса восставшие убили пятерых пластунов. Восставшие крестьяне захватили полицейское управление и убили двоих стражников и двоих ранили. 30 стражников и пристав Гагуа были взяты в плен»[372].

Озургети. 1905.

«20 октября 1905 года. 19 октября уездный начальник Лазаренко со 130 казаками и стражниками решил выручить пленного пристава и стражников. Но в Чохатаури они никого не застали. На обратном пути в Озургети отряд Лазаренко был атакован восставшими крестьянами. В результате боя повстанцы потеряли только одного убитого и двоих раненых. Каратели же потеряли десять человек убитыми, 14 ранеными и шесть пленными»[373].

Гарикули. 1905.

«21 октября 1905 года. Полторы сотни казаков поспешили на выручку отряду Лазаренко. Недалеко от Озургети казаки сожгли 120 домов и убили стариков и детей»[374].

Малиновка. 1905.

«27 октября 1905 года утром более ста подвод со всей Малиновской волости направились на хутор Сусанова. Когда подводы приблизились к хутору, землевладелец сбежал. Крестьяне сбили замки с амбаров. Зерно выгребали и в мешках, и россыпью. До обеда направили в Малиновку, Бахметьевку, Сафоновку и Песковатку 180 подвод с зерном, после обеда — более 200 подвод с зерном в другие села и деревни волости. После разграбления, хутор сожгли.

Днем полковник Н. Д. Свиридов телеграфировал из Салтыковки губернатору П. А. Столыпину: *„Сего числа по донесению Малиновского волостного правления восемьдесят подвод*

села Малиновки и деревни Песковатки отбыли в Балашовский уезд на хутор Сусанова с преступными намерениями". Сам Сусанов телеграфировал губернатору уже из Ртищева: *„Грабят, жгут имение удельного ведомства Мещеряковской волости Прошу помощи. Выгнали всех"*.

Вечером было проведено совещание в доме Синева. Избран Совет действия, установлена связь с окружающими селами. Принят развернутый план и выделены ответственные.

Утром 28 октября бунтовщики разграбили и сожгли имения помещицы Бон (Червяковой), находившееся в 320 метрах от железнодорожного разъезда Платицинский (возможно, Софьино), и Дружинина, имение которого располагалось близ деревни Песковатки. Всего зерном и мукой загрузили 500 подвод. Кроме того, из господских конюшен безлошадным крестьянам раздали лошадей. В имении Бон бунтовщики также захватили много огнестрельного оружия. Разграбление имения Бон происходило на глазах шестерых солдат, присланных для охраны разъезда. Солдаты хотели дать по бунтовщикам залп, однако им запретил это делать унтер-офицер, так как не имел соответствующего распоряжения от начальства.

Вечером того же дня часть бунтовщиков отправилось в село Каменный Враг (Каменка) Балашовского уезда, другая разграбила и сожгла имение Симоновой в Новопавловке. Из имения Симоновой всех коров увели в Малиновку, где их зарезали и поделили.

В тот же день были разгромлены имения Н. Н. Лихарева в Уваровке, Свиридовых в Бахметьевке, Крузо, Епишевского, Лещева, Кривской в Борках и других местных землевладельцев.

В восстание включились села и деревни до восьми волостей трех смежных уездов — Сердобского, Балашовского и Аткарского. Полковник Свиридов телеграфировал губернатору П. А. Столыпину: *„Движение развертывается, сожжено имение Бон. Пожар в Малиновке. Волостное начальство спаслось бегством. Необходимы войска"*.

В ночь с 28-го на 29 октября в Малиновке были сожжены дома церковного причта (священника и дьякона). Провокация была частью плана действий по подавлению восстания, который приняли реакционеры на собрании, состоявшемся 27 (28) октября, в имении помещицы Свиридовой. На собрании присутствовали местные помещики — Н. Н. Лихарев (бывший земский начальник 8-го участка Сердобского уезда), Десницкий, И. С. Симонов, духовенство — священник малиновской церкви Николай Николаевский, псаломщик Кирилл Архангельский, дьякон Дмитрий Селезнев, хлеботорговцы

(например, Белоусов), лавочники, полицейские, зажиточные крестьяне, а также полковники В. А. Янишевский и Н. Д. Свиридов, назначенный земским начальником.

Согласно принятому плану, волостной старшина В. С. Панкрашкин выехал в Змеевку и Ерышовку, а староста Иван Власович Гурьянов — в Бахметьевку, Сафоновку и Песковатку, где они начали агитацию против бунтовщиков, обвиняя „забастовщиков“ в намерении осквернить и сжечь церковь, называя их „безбожниками“. Под предлогом защиты церкви от осквернения и кощунства, насилия над духовенством со стороны безбожников и бунтовщиков планировалось поднять верующих, а затем в шуме и суматохе устранить зачинщиков грабежа дворянских имений. Из домов причта были заранее вынесены вещи, а сами священники отбыли в Змеевку „будоражить людей“, настраивая их против бунтовщиков.

Утром 29 октября началось избиение „забастовщиков“ и погром их домов. В расправе над бунтовщиками участвовали крестьяне „черной“ половины Малиновки, совместно с крестьянами из соседних сел — Змеевки, Песковатки и Крутца. Вооружившись ружьями, топорами, вилами, ножами и ломами, они окружили Малиновку, перехватили все дороги»[375].

«Под покровом ночи поп Николаевский и дьякон Селезнев перенесли свои вещи в кулацкие дома. Сами отбыли в Змеевку, где будоражили людей, „искали спасения от готовившейся будто бы над ними расправы“. А рано утром подвох святых отцов раскрылся. Дома их загорелись изнутри, хотя были на запоре. Над Малиновкой зарделось зарево. Загудел тревожный набат. Толпа, заранее организованная богатеями, двинулась по улице. Впереди — торговцы, кулаки, уголовники, сынки помещиков. Полковники Свиридов и Янышевский снабдили их огнестрельным и холодным оружием — револьверами, берданками, шашками, вилами, ломами, тесаками, скребками, резаками, кувалдами, кольями, ножами. В руках у первого громилы кулака Гурьянова — палка с насаженной на конце гайкой. С тех пор так и прозвали его Иваном Гайкиным. В волостном правлении, мимо которого проходила толпа, был буфет. Бесплатно угощали всех. „Пейте водки сколько хотите. Только порешите всех бунтовщиков, врагов царя и православной церкви“, — напутствовал псаломщик Архангельский. Из толпы вышел старик Егор Молоканов с ружьем. „Старшина Панкрашкин и батюшка уверяли, что забастовщики всех обращают ‹в шайтанскую веру› и жгут храм божий. Церковь же стоит невредимая. Обман. Здесь затевается грязное дело...“ — и Молоканов увел в Змеевку многих сбитых с толку людей, одурманенных про-

поведями о конце света и приходе дьявола. Мимо волостного правления ехал на коне С. Н. Шатаев. Староста Гурьянов остановил его и подал руку. Шатаев протянул свою. Гурьянов рванул его вниз, опрокинул на землю и ударил палкой. Налетели другие, воткнули в грудь вилы и добили кувалдой. Следом сняли с повозки Г. Макеева и убили его. Вывели из арестантской и убили М. Талалайкина. На шум на улице вышли посмотреть А. Ершов, П. Горин и А. Панкрашкин. Их тут же убили ударами тесака в голову. С. Поверинов с поднятыми руками шел навстречу толпе, пытаясь остановить убийства. Пьяные бандиты ударили его колом по голове, а торговец Ф. Грачев выстрелил из револьвера в лицо. Добили кувалдами, до полусмерти избили жену Поверинова Анну. Из дома вышел П. Серебряков и тут же получил пулю из револьвера. Соседка П. Суворова закричала: „Что вы делаете? За что убиваете?". Ее со всего размаху ударили дубиной, и она свалилась, мертвая, рядом с П. И. Серебряковым. Глухонемой Ф. Воронков доставал из колодца воду. Его ударили дубиной, воткнули в грудь вилы, а Грачев добил гирей. Плотник И. Серебряков шел на станцию Салтыковка. На огороде убили. Старшина В. Панкрашкин увидел своего племянника — Тихона Степановича и закричал: „Убейте Тихона, он из бунтарей!". В Тихона выстрелили из ружей. Довершили: Гурьянов — палкой, садист Александрочкин ножом перерезал горло. Все это делалось в присутствии жены и маленькой дочери Тихона. Жестоко расправились черносотенцы и с Синевым. Федор Емельянович вышел навстречу пьяной ватаге и только успел спросить убийц, понимают ли они, что творят. Грачев прервал его слова выстрелами в лицо. Раненому вонзили в грудь вилы. Труп обезобразили. В избе Г. Мирошкина бандиты потребовали сына Кузьму. Его не оказалась дома. Гурьянов приказал старику открыть рот и сунул ему дуло ружья, готовясь выстрелить. Подошел Тарас Емельянович Синев и опросил: „За что казните Мирошкина?". Гурьянов обрадовано крикнул: „Вот он, ура!" — и ударил Тараса палкой. Мирошкина оставили, а Тарасу выстрелили в лицо и раскололи голову тесаками. Племянника Ф. Е. Синева, семнадцатилетнего Артемия, двумя выстрелами убил Честнов. Отца Артемия Степана Емельяновича вывели к толпе на улицу, и Грачев выстрелил ему в глаз. Добили кольями и гирей. В избе Ф. Е. Синева разбили окна, посуду, вещи, вытряхнули из мешков муку, крича: „Она с забастовки". Искали детей — Павла и Герасима, но они успели уйти из села. Жену Синева — Домну Пименовну мучили, затем семь суток держали в кутузке без пищи и воды. Жена П. С. Чигирева, Анна, приходилась двоюродной сестрой Гурь-

янову. Она на коленях умоляла ворвавшихся в избу погромщиков: „Не убивайте Павла Степановича. Иван Власович, пощади!“. Гурьянов наотмашь ударил Анну по лицу, а Павлу Степановичу вонзил вилы в грудь. Окровавленного за руки и ноги вытащили на улицу и там добили. Все это видел 15-летний Ваня Панкрашкин и со слезами закричал: „Что дядя Павел вам сделал?“. Кулак Шустров спокойно произнес: „Кто убьет этого щенка, плачу 25 рублей“. Из толпы послышался голос: „Мало“. „Плачу вдвойне“, — ответил Шустров. Раздались два выстрела из дробовиков прямо в лицо мальчика. Ваниного отца — Е. Панкрашкина с двух сторон вилами подхватили Гурьянов и Стариков, подняли и на полу добили. М. Д. Лисенкова растерзали на глазах жены, шестерых малых детей. С. Шубенина, И. Старикова, И. Шубенина, В. Талалайкина убили на окраине села и изуродовали их трупы. На выгоне перехватили И. П. Потрясова, Ф. Т. Корявова, троих из Песковатки — И. П. Петрова и его братьев. Их зверски убили. П. Литовкина и М. Смирнова привели к волостному правлению и прикрутили к коновязи. Гурьянов, Стариков, Честнов, Шустров, Грачев и псаломщик Архангельский, как в спортзале на тренировке, с разбега и с размаху втыкали им вилы в грудь, а Александрочкин кинжалом распорол жертвам животы. Двое суток — 29–30 октября — пьяные черносотенцы глумились над семьями бедноты. На улицах Малиновки валялись 42 трупа честных тружеников. У них были выколоты глаза, отрезаны уши и носы, отрублены кисти рук, расколоты черепа, вспороты животы. Родных к трупам не подпускали, хоронить не разрешали. Тела подпольщиков стащили в овраг и свалили в общую яму. Более 50 домов в „соломенном крае“ села было разграблено и сожжено»[376].

«Избиение „красной“ части села Малиновки продолжалось два дня — 29-го и 30 октября. После оно перекинулось и на смежные селения. Всего, не считая большого количества искалеченных, было убито: в Малиновке 42 человека, в Песковатке — четыре и в Крутце — два человека.

Бунтовщики села Крутец, дав отпор черносотенцам, пошли на разгром хлебных складов, располагавшихся на станции Салтыковка. Однако там они были встречены карательными войсками полковника Зворыкина, который прибыл в ночь с 27-го на 28 октября с пятью ротами пехоты и с 325 казаками.

30 декабря К. К. Максимович совместно с губернатором Столыпиным, решившим самолично изучить малиновское дело, и отрядом казаков прибыл в Малиновку в качестве следователя. Казаки перекрыли все дороги и тропинки, держали под наблюдением балки и овраги, чтобы никто не мог укрыться или уйти

из Малиновки. Волостной староста Панкрашкин и староста Гурьянов передали Столыпину список случайно оставшихся в живых 48 „неблагонадежных“ крестьян-бедняков»[377].

«Следствие „крамольников“ вел сам Столыпин. Поглаживая свою густую с проседью бороду, он сразу же переходил на сочную брань. Осыпанное оспинами лицо его наливалось кровью, в жгучих цыганских глазах горела ненависть. И он пускал в ход плетку, начинал производить, как он выражался, „врачующее кровопускание“. Привычные к плетке руки-клещи ударяли жертву сильно, хотя от ежедневных экзекуций правая рука его плохо повиновалась — она начинала сохнуть. После 20–25 ударов Столыпин, обращаясь к И. Гурьянову, Я. Старикову, Ф. Грачеву, М. Честнову и Ф. Толкунову, говорил: „Ну-ка, братцы, продолжайте!“. И те продолжали истязать своих односельчан»[378].

«Допросы бунтовщиков, во время которых применялись пытки, проводились в имении Кривских. Крестьян, в том числе несовершеннолетних, пороли нагайками, к телу прикладывали раскаленное железо, им отрубали пальцы рук и ног, отрезали уши, носы, вырывали волосы, щеки.

По результатам следствия 21 „неблагонадежный“ из Крутца и 48 „крамольников“ из Малиновки, в том числе Е. П. Брыков, братья И. Я. и П. Я. Коротковы, Н. Т. Мещеряков, Н. С. Шубенин и Ф. И. Коротков, были арестованы казаками из конной сотни Казурина и отправлены в саратовскую тюрьму. Вскоре 42 арестованных сослали в Тобольскую губернию, остальные провели в тюрьме два года. В „красной“ части Малиновки большое количество домов осталось совершенно без мужчин.

Черносотенцам Максимович и Столыпин объявили благодарность правительства „за верную службу царю и Отечеству“ и в качестве поощрения 23 бойцам вручили специально изготовленные медали-жетоны с надписью: *„Бей — не пугайся!“*. Медаль служила знаком, удостоверяющим принадлежность к черной сотне»[379].

«Крестьяне села Потьма под руководством братьев Мызниковых, Ряшина, Губина, Тельнова, Желнова, учителя Короткова разгромили хоромы и сожгли мельницу купца Кожевникова. Хлеб и скот раздали голодающим. Вскоре в селе появился губернатор Столыпин с сотней казаков. „Вы разорили дворянина, разграбили его добро, самовольно вырубаете его лес, косите его хлеб. Выдайте мне зачинщиков. Если не назовете зачинщиков, буду считать вас всех грабителями и сурово накажу. Жду три минуты“, — горячился Столыпин на площади у церкви, куда согнали всех жителей села. „У нас нет зачинщиков!“ — раздался громкий мужской голос из толпы. „Начинай-

те!“ — крикнул казакам разъяренный губернатор. Пошли в ход нагайки. Столыпин сам бил крестьян и крестьянок по скулам и ушам, бил каблуками и пропарывал животы шпорами. Четырех запорол до полусмерти. Казаки вырывали у мужчин волосы из головы и бороды. Избивали даже 12–14-летних подростков. Сорок человек избили до потери сознания, а учителя В. Е. Короткова и восьмерых крестьян, как „вредных“, увезли в тюрьму»[380].

Козел. 1905.

«27 октября 1905 года. Черниговская губерния и уезд. В селе Козле в ночь на 27 октября группа кулаков набросилась на квартиры ряда активных участников крестьянского движения, жестоко избила их, причем одного из них кулаки убили, а другой оказался тяжело изувеченным»[381].

Тупичево. 1905.

«28 октября 1905 года. Черниговская губерния. Городнянский уезд. Село Тупичево. Кулаки распространяли слухи, что царскими властями разрешено убивать людей, принимавших участие в разгромах помещичьих имений. 28 октября в селе Тупичеве кулаками, вместе с волостной администрацией и полицией, был созван сход, на котором были убиты кольями и расстреляны пять человек»[382].

Смычин. 1905.

«28 октября 1905 года. Черниговская губерния. Городнянский уезд. Село Смычин. Кулацкая банда села Смычина напала на группу крестьян села Куликовки, ехавшую через Смычин с имуществом, взятым у помещика Оболонского, избили их, восемь человек были зверски убиты, а 12 человек были доставлены кулаками в уездное полицейское управление»[383].

Ивашково. 1905.

«29 октября 1905 года. Черниговская губерния и уезд. Седневская волость. Деревня Ивашково. Разгром хутора Глебовки, принадлежащего кулаку-ростовщику Яцко. Крестьяне забрали из амбаров кулацкий хлеб и другое имущество, а затем подожгли постройки. Тем временем к хутору прибыла вызванная кулаком вооруженная стража. Крестьяне, вооруженные топорами и кольями, пытались сопротивляться. Несколькими залпами стражников были убиты и ранены несколько крестьян; крестьяне были вынуждены искать убежища в лесу и ближайшей деревне Ивашково; но здесь на крестьян набросились ивашковские кулаки, в результате чего 12 человек были убиты кулаками»[384].

Красногорье. 1905.

«29 октября 1905 года. Черниговская губерния. В ночь на 29 октября кулаки из пригородного села Хриповки напали на

проезжавших возле села Красногорья крестьян села Пекуровки и начали их избивать, в результате чего два человека были убиты и несколько ранены»[385].

Выхвостово. 1905.

«31 октября — 2 ноября 1905 года. Черниговская губерния. Городнянский уезд. Тупичевская волость. Село Выхвостово. Кулаки во главе с Бобровником учинили расправу над руководителями и наиболее активными участниками разгрома имения помещика Карвольского-Гриневского и изъятия имущества у некоторых местных кулаков. Она проходила в два этапа. Первым днем расправы было 31 октября; в этот день на всех выездах из села кулаки расставили верховых, чтобы не дать возможности никому выехать или уйти из села. А затем начали хватать намеченных жертв. Некоторых крестьян казнили путем расстрела, но в большинстве случаев людей убивали кольями и топорами. Вторым днем кулацкой расправы в Выхвостово было 2 ноября. Так в этом селе были зверски убиты 15 человек. Всего в Городнянском уезде таким образом кулаками было убито более 60 человек. Озверевшие кулаки в течение нескольких недель не разрешали крестьянам убирать трупы убитых. Царский суд делал вид, что расследует это дело. Но никто из кулаков даже не был задержан. 29–30 апреля 1910 года выездной сессией Киевской судебной палаты все участники убийств в Выхвостово были оправданы»[386].

Вырыпаево. 1905.

«Октябрь 1905 года. Саратовская губерния. По официальным данным, в селе Вырыпаево, Петровского уезда, были убиты двое крестьян, а в селе Кондоле — один, близ деревни Сердобинки — два. Присланные в Сердобский уезд войска не раз открывали огонь по безоружным крестьянам. Даже по сообщению самого Столыпина, который, конечно, не раскрывает всей картины расправы, в дни после 20 октября в Сердобском уезде были убиты 51 крестьянин и 14 ранены. Полковника Зворыкина, под командованием которого находились в уезде 5,5 рот и более трех сотен казаков, губернатор называл „офицером выдающейся энергии“»[387].

Павлодар. 1905.

«2 ноября 1905 года. Тамбовская губерния. Борисоглебский уезд. Разгром имения Волконских крестьянами села Павлодар (около 500 человек). При столкновении с казаками убито и ранено 50 человек»[388].

Нижний Шибряй. 1905.

«2 ноября 1905 года. Тамбовская губерния. Борисоглебский уезд. Расстрел крестьян в селе Нижний Шибряй за отказ

вернуть взятое у помещиков имущество. Убито двое. Ранено четверо»[389].

Александровка. 1905.

«4 ноября 1905 года. Тамбовская губерния. Борисоглебский уезд. Вооруженное столкновение крестьян деревни Александровки с казаками из-за отказа крестьян возвратить взятое у помещиков имущество. Убиты четыре, ранены три крестьянина»[390].

Березовка. 1905.

«6 ноября 1905 года. Тамбовская губерния. Борисоглебский уезд. Вооруженное столкновение крестьян деревни Березовки со стражниками. Много крестьян убито»[391].

Петровское. 1905.

«7 ноября 1905 года. Тамбовская губерния и уезд. Жестокая расправа земского начальника и казаков с крестьянами села Петровского, обвиненными в поджоге хутора Антошина: сожжено 20 крестьянских дворов, трое крестьян убиты и 25 ранены»[392].

Александровка. 1905.

«8 ноября 1905 года. Тамбовская губерния. Борисоглебский уезд. Волнения крестьян в селе Александровке. При столкновении с казаками убит один крестьянин»[393].

Саратов. 1905.

«8 ноября 1905 года. В Аткарском уезде сожжены усадьбы Шмидта и Минха. Толпа енгалычевских крестьян, подпоенная купцом Ярцевым, учинила над поджигателями дикий самосуд. Ярцев топтал ногами избиваемых. В Кузнецком уезде сожжены экономии в селах Аряш, Пехлюдовке и винокуренный завод Иконникова. По уезду разъезжают агитаторы в военной форме, созывают народ, объявляют указ в золотой рамке, будто бы позволяющий крестьянам брать господский хлеб. Крестьяне разбирают хлеб, постройки жгут. Есть убитые»[394].

Новая Кирсановка. 1905.

«6 ноября 1905 года. Воронежская губерния. Новохоперский уезд. В начале ноября крестьяне сел Новой Кирсановки, 1-й Кирсановки и деревни Тюменевки участвовали в разгромах имений помещиков Вознесенского, Сушкова, Любимова и Шельдяева. 6 ноября в Новую Кирсановку прибыл отряд драгун для отобрания у крестьян захваченного ими имущества и скота. Крестьяне оказали вооруженное сопротивление, во время которого один из них был убит драгунами»[395].

Митава. 1905.

«7 (20) ноября 1905 года. В местечке Ауц собрался не разрешенный полицией митинг. Толпа, отказавшись разойтись, окружила взвод солдат, который дал залп. Восемь человек ранено, одна женщина — смертельно»[396].

Ольховатка. 1905.

«9–13 ноября 1905 года. Воронежская губерния. Павловский уезд. Село Ольховатка. С 9-го по 13 ноября ольховатские крестьяне производили массовые порубки леса в имении генерала Суханова-Подколзина. 13 ноября для прекращения порубок в лес прибыла полурота пехоты. Крестьяне оказали ей вооруженное сопротивление. Во время перестрелки один крестьянин был убит и другой ранен»[397].

Тамбов. 1905.

«10 ноября 1905 года. После зверских пыток убит член Борисоглебской группы РСДРП А. Г. Дубровин. По воспоминаниям свидетелей, его „...мучили в течение четырех дней и убили на Елизаветинском хуторе...“. Пристав писал местному исправнику, что Дубровин, схваченный 6 ноября за выступление против Луженовского, забит нагайками и в нем „...сидит пуль шесть или восемь...“. <...> каратели докладывали: Багговут: „... казачий разъезд, посланный остановить погром имения Грузиновой, <...> открыл огонь. Ранено семеро <...> убито трое“. Поручик Перукт телеграфировал: крестьяне „начали грабить имение Александровку Петрово-Соловово... Выехал туда... девять мужиков убитых...“. Штаб-ротмистр Белевцев писал, что в селе Петровском за разгром имения Антюшино залпом в сход крестьян „убито трое и ранено семеро“. В своем рапорте вахмистр Прохоров писал: „отряд выехал в село Павлодар, в имение князя Волконского... Вступил в борьбу с крестьянами, употребив в дело оружие. Причинил ущерб крестьянам в 50 человек убитыми и ранеными...“. Штаб-ротмистр Ильюшкин доносил, что в деревне Александрове, в собранных крестьян казаками „... был дан залп. Убито четверо, ранено трое...“. Луженовский сообщал, что в селе Березовке „залпом убит студент“. Затем „дал еще шесть залпов. Видимо, много убитых“. С карательным отрядом в селе Павлодаре Луженовский зарубил крестьянина Зайцева, а затем, собрав остальных „главарей“, избивал „нагайками и прикладами до потери сознания...“. Потом их „...наваливали на повозки и отправляли на Елизаветинский хутор. Где <...> добивали дубинами полицейские. Таким образом в Павлодаре было убито 11 человек“. <...> Сотни крестьян были убиты без следствия и суда, а тысячи — арестованы и посажены в тюрьмы»[398].

Воронов. 1905.

«Харьковская губерния. Старобельский уезд. Хутор Воронов. На хутор прибыл уездный исправник с полицией и полуэскадроном драгун, чтобы арестовать крестьянина Позднякова. Во время ареста Поздняков начал кричать. До 80 кресть-

ян бросились с кольями на драгун. Командир полуэскадрона приказал стрелять. Драгуны открыли огонь из винтовок и рассеяли крестьян. Один из крестьян Герасим Ильич Хохлов был смертельно ранен»[399].

Ольшаны. 1905.

«15 ноября 1905 года. Полтавская губерния. Прилукский уезд. Село Ольшаны. По набатному звону колокола на базарной площади собралась толпа крестьян. Около часа дня толпа в 600 с лишним человек двинулась по направлению к экономии помещика Ефремова. Когда голова толпы подошла к воротам экономии, навстречу ей выехал помощник исправника и приказал остановиться, угрожая расстрелом. Из толпы на это ответили: „Ничего, стреляйте, у вас пуль не хватит!". Другие кричали: „Стреляйте, голодному смерть не страшна!". Оттеснив помощника исправника, толпа ворвалась во двор экономии и кинулась по направлению к стражникам. Полицейские открыли стрельбу по толпе, во время которой были убиты шесть человек и десять ранены»[400].

Николо-Сверчки. 1905.

«18 ноября 1905 года. Московская губерния. В селе Николо-Сверчки Троицкой волости клинскими торговцами-черносотенцами зверски убит руководитель рабочих Высоковской мануфактуры рабочий-большевик В. А. Владыкин»[401].

Большая Писаревка. 1905.

«18 ноября 1905 года. Харьковская губерния. Богодуховский уезд. Слобода Большая Писаревка. Крестьяне напали на квартиру пристава. Квартиру охраняли три стражника, которые открыли стрельбу и ранили двух крестьян. Тогда крестьяне сожгли дом. В огне погибли спрятавшиеся на чердаке стражники. В тот же день крестьяне начали поджигать дома кулаков. Кулаки сопротивлялись и убили главных руководителей крестьян: Корнея Дикого, Потапа Мороза и Николая Дикого»[402].

Покровская. 1905.

«21–22 ноября 1905 года. Воронежская губерния. Крестьяне слободы Покровской 21 ноября начали разгром хутора „Кирпичный". Казаки открыли по крестьянам огонь из винтовок. Группа вооруженных крестьян, отстреливаясь от казаков, отступила от хутора в слободу Покровскую. „Ружейники", преследуемые казаками, засели во дворах и продолжали отстреливаться. Длившаяся более часа перестрелка закончилась убийством одного и ранением четырех крестьян. Пока казаки были заняты перестрелкой, вернувшиеся на хутор „Кирпичный" крестьяне завершили разгром. На следующий день утром по колокольному звону собралось около 2 тысяч кре-

стьян, вооруженных косами, вилами, топорами и ружьями, и с 500 подводами направились в имение Н. И. Шидловского. Навстречу им выехал взвод казаков с винтовками наизготовку и преградил путь. Из толпы в адрес казаков посыпались проклятия и угрозы, а затем крестьяне перешли в наступление. Казаки открыли по крестьянам огонь залпами. В толпе произошло смятение, и крестьяне бросились бежать. В результате этого побоища оказались убиты 13 крестьян и 50 ранены»[403].

Варваровка. 1905.

«22 ноября 1905 года. Полтавская губерния. Пирятинский уезд. Село Варваровка. По приказу статского советника Филонова солдаты стреляли по толпе крестьян в Варваровке. Были убиты три человека и несколько ранены»[404].

Саратов. 1905.

«22 ноября 1905 года. По приговору боевой организации партии социалистов-революционеров Биценко убила в губернаторском доме генерала-адъютанта Сахарова»[405]. Чем «прославился» этот Сахаров, видно из помещенной ниже части статьи:

«(17 мая этого (то есть 1922-го) года исполнится десять лет со дня смерти известного писателя-вологжанина П. В. Засодимского. В этом же номере светлой памяти Павла Владимировича посвящается отдельная статья. Здесь вниманию читателей предлагается еще нигде не напечатанная статья П. В. Засодимского, написанная, судя по фактам, в 1905–1906 годах. Статья названа была им „В наши дни“. Редакция дала ей другое название)».

«Наконец сам генерал Сахаров с казаками и с артиллерией прибыл в село Хованщину „успокаивать“ крестьян. Он обратился с речью к народу. Со стороны крестьян с целью выяснить положение дел выступили сельские власти — староста и председатель волостного суда, но они немедленно же были избиты казаками до потери сознания. После того генерал Сахаров удалился в здание волостного правления, перед которым собрался народ. Здесь губернатор стал вызывать крестьян „по списку“ и допрашивать: „Признавайся, — поджигал, грабил?“ — „Нет!“ — „А-га! Казаки!“ Являлись на сцену казаки и били, били посменно, до потери сознания, отрубали куски мяса с лица, вырывали волосы, бороды и затем сажали в кутузку... Били и стариков 70 лет. Казаки были пьяны, варварство их не поддается описанию... (ib. № 236).

Так генерал Сахаров „успокаивал“ саратовских крестьян.

Кровавые подвиги его и его достойных приспешников не остались в тайне. Узнало о них русское общество, возмутилась

общественная совесть, и громко заговорили о мучительствах и истязаниях, каким этот генерал-адъютант подвергал несчастное, голодное крестьянское население — всех без разбора, старцев и детей. Узнав, что его злодеяния и издевательства над беззащитным народом всплыли наружу, генерал Сахаров захотел оправдаться перед людьми во взводимых на него обвинениях и, по словам одной газеты, писал своей жене: „В газетах московского происхождения уже пишут, что я утопил в крови Саратовскую губернию, но это, конечно, вздор, так как по моему приказу не сделано ни одного выстрела и, Бог даст, сделано не будет"... (Новое время. № 10669).

Даже „самому близкому своему другу" генерал Сахаров не решился сказать всей правды (так она была ужасна!) и дал объяснение весьма уклончивое. „По моему приказу не сделано ни одного выстрела" <...> Залить страну кровью можно и не прибегая к выстрелам; людей можно убивать не одними ружейными пулями или артиллерийскими снарядами. Каин без ружья убил Авеля. До изобретения пороха и до введения огнестрельного оружия земля обильно заливалась человеческою кровью...

Саратовскую губернию можно было без единого выстрела „утопить в крови", по выражению генерала Сахарова. Крестьян можно было истязать до смерти, пронизывать штыками, рубить саблями, срезывать сабельным ударом часть лица, разбивать головы нагайками... Так и было в действительности.

Наконец явился мститель за поруганный, замученный народ. Какая-то неизвестная женщина убила Сахарова и сказала: „Теперь больше не будет мучить крестьян!". Кто бы ни была эта женщина, она — героиня, и саратовское крестьянство с чувством глубокой признательности будет вспоминать о ней — и почем знать, быть может, недалеко тот день, когда ей и ей подобным действительно народным героям — казненным, замученным опричниной — народ поставит памятник. Да! В будущем им станут памятники ставить, а не Муравьевым-вешателям...

Труп генерала Сахарова привезли с помпой хоронить в Петербург. На гроб его возложили царский венок; его хоронили „под залпы орудий артиллерии и стрельбу войск", но ни ружейная трескотня, ни пушечный грохот не заглушили того недоброго слова, каким народ проводил в могилу генерала Сахарова...

В селе Большие Сестренки (Балашовского уезда), например, казаки открыто насиловали женщин... „Отгонят мужа нагайками и насилуют... Человек пять-шесть одну"... (Сар. днев. нар. хоз. № 2). В селе Чернавке того же уезда были изнасило-

ваны казаками 13-летняя девочка и беременная женщина, которая после истязаний родила мертвого ребенка. Обе изнасилованные умерли... Казаки требовали, чтобы местный священник выдал им жену, но той удалось убежать. (Рассказ об этом записан со слов шести крестьян села Дмитриевки на станции Летяжевка Рязанско-Ур. ж. д., препровождавшихся в Балашовскую тюрьму, 14 ноября 1905 года). (С. От. № 245). <...>

Так, на станции Кавказской учительница Дугенцова была растерзана толпой черносотенцев в присутствии офицера и казаков»[406].

Литомгино. 1905.

«23 ноября 1905 года. Пензенская губерния и уезд. Село Литомгино. Во время обхода полицейские и казаки встретились с толпой молодых крестьян. Под аккомпанемент гармоники „толпа пела песни с припевами, выражающими поношение святой церкви...". Урядник приказал разойтись, но толпа только увеличивалась. В полицейских и казаков полетели камни и палки. Казаки дали залп. В результате был убит крестьянин Г. Захаров, ранены И. Харнаев и А. Захаров»[407].

Старо-Салтово. 1905.

«22–26 ноября 1905 года. Харьковская губерния. Волчанский уезд. Село Старо-Салтово. Вечером 22 ноября, по набатному сигналу с колокольни местной церкви, крестьяне дружно двинулись к мельнице и усадьбе купца Стрекалова. Усадьба и мельница были сожжены. 23 ноября старосалтовцами было сожжено имение местного купца Кирьянова. В это время из Харькова прибыл в село эскадрон драгун во главе с помощником исправника Сбитневым. Последний отличился при усмирении крестьян села Большой Бабки тем, что убил старушку-крестьянку Кравшичеву, за что получил повышение по службе. Прибытие драгун испугало крестьян, и они основной массой ушли в лес. Этим воспользовалось кулачество, которое начало расправу с местной земской интеллигенцией и руководителями крестьянского движения. В ночь с 25-го на 26 ноября вооруженная группа кулаков подошла к квартире земского врача Познанского, вызвав его из квартиры, убила несколькими револьверными выстрелами в упор. Ветеринарного врача Постникова и фельдшера Лазуркова силой вывели из их квартир и убили ударами палок. Таким же образом были убиты крестьяне Лебединский, Захарченко, Малько и Саенко, которые руководили разгромом имений купцов Стрекалова и Кирьянова»[408].

Сторожев. 1905.

«26–27 ноября 1905 года. Воронежская губерния. Крестьяне хуторов Сторожева и Пирогова в течение двух дней про-

изводили порубку леса графини Воронцовой-Дашковой. Вечером 27 ноября около 250 крестьян тех же селений, вооруженных вилами, топорами, ружьями и револьверами, на 123 подводах двинулись на хутор «Оселедков» имения графини, где разгромили и подожгли все жилые и хозяйственные строения и повезли домой 3200 пудов хлеба в зерне. В пути их догнали казаки. Произошла перестрелка, в результате которой три крестьянина получили смертельные ранения. Обоз был возвращен в имение»[409].

Коренная. 1905.

«27 ноября 1905 года. Воронежская губерния. Богучарский уезд. Слобода Коренная. Во время совершения массовой порубки леса в имении Ширинкиной произошло вооруженное столкновение коренновцев с казаками. В результате перестрелки один казак был убит и второй тяжело ранен»[410].

Дурныкино. 1905.

«27 ноября 1905 года. Саратовская губерния. Балашовский уезд. Село Дурныкино. Из телеграммы Николаю II от генерал-адъютанта Максимовича, отправленной из Ртищева 29 ноября 1905 года в 5 часов 9 минут пополудни: „Получив донесение о беспорядках в селе Дурныкино, Балашовского уезда, вчера вечером выехал туда с губернатором. По прибытии на место выяснилось, что 27 ноября на сельском сходе, созванном для убеждения крестьян возвратить похищенный у местного землевладельца лес, под начальником казачьего разъезда, хорунжим Федоровым, внезапно последовавшим выстрелом убита лошадь. После чего хорунжим было приказано девяти казакам разъезда открыть огонь по толпе, последствием чего было четверо убитых и десять раненых крестьян. Происхождение выстрела остается пока невыясненным, но есть некоторое основание предполагать, что выстрел произведен случайно неосторожно обращавшимся с револьвером хорунжим. Все потерпевшие принадлежат к совершенно спокойной части населения, не принимавшей участия в аграрных беспорядках. Семьям убитых именем Вашего Величества выдано пособие“»[411].

Большая Раковка. 1905.

«Ноябрь 1905 года. Самарская губерния. В отместку за разгром хутора Кириллина, находившегося близ села Старый Буян, в селе Большая Раковка, толпой крестьян, спровоцированной кулаками, были убиты два крестьянина этого села Нагибин и Махров»[412].

Рогачевка. 1905.

«Ноябрь 1905 года. Воронежская губерния. Задонский уезд. Деревня Рогачевка. При порубке леса произошло вооружен-

ное столкновение крестьян деревни Рогачевка с полицией, во время которого двое крестьян были убиты и трое ранены»[413].

Тальсен. 1905.

«3 декабря 1905 года. На днях состоялся многолюдный митинг мызных батраков для обсуждения своих нужд. Участвовали батраки из 70 окрестных имений. По толпе была открыта стрельба рассеявшими ее драгунами. Убито и тяжело ранено около десяти человек»[414].

Прибалтика. 1905–1906.

«Одной из форм борьбы с.-х. рабочих и крестьян были также поджоги баронских имений. В 1905–1906 годах было сожжено и разгромлено 459 имений, более 40 % всех имений Лифляндской и Курляндской губерний (в России в целом — лишь 6,6 %)... Подавив Московское вооруженное восстание, царское правительство разослало по всей России карательные экспедиции. Прибалтика была объявлена на военном положении. Самую активную поддержку карательным отрядам оказывали прибалтийские бароны. В качестве „почетных полицейских“ они вместе с карателями разъезжали по Латвии, расстреливая и избивая крестьян; тысячи крестьян были подвергнуты экзекуциям»[64]. «Лишь за пять месяцев (с сер. дек. 1905-го до сер. мая 1906-го) в латышской части Прибалтийского края, по неполным данным, без суда и следствия было расстреляно, повешено и замучено 1170 батраков и крестьян, сожжено более 300 крестьянских усадеб со всем имуществом»[415]. «В Латгалии дотла было сожжено местечко Глазманка. Когда за границей и в Государственной думе зазвучали голоса протеста против кровавой расправы, арестованных стали предавать военно-полевым судам. В городах Латвии контрреволюция чинила жесточайшую расправу над революционными рабочими. В застенках тайной полиции Риги многих арестованных подвергали зверским истязаниям. По далеко не полным данным, количество людей, убитых карательными экспедициями, расстрелянных по приговору военного суда, сосланных на каторжные работы в Сибирь и подвергнутых экзекуциям, превышает 10 тысяч»[416].

Зеньков. 1905.

«9 декабря 1905 года. Полтавская губерния. Зеньковский уезд. Город Зеньков. На митинге 9 декабря было решено освободить из тюрьмы арестованных. После того, как в этом было отказано, толпа крестьян и горожан двинулась к полицейскому управлению. Полицейские стражники и городской надзиратель пытались разогнать толпу. По приказу надзирателя стражники открыли стрельбу по толпе, в результате чего были убиты четыре и ранены пять человек»[417].

Великие Сорочинцы. 1905.

«18–21 декабря 1905 года. Полтавская губерния. Миргородский уезд. Село Великие Сорочинцы. 18 декабря в Великих Сорочинцах вспыхнуло восстание под лозунгом „Долой царское самодержавие!“. Был арестован пристав и изгнана полиция. К вечеру стало известно о выезде казачьего отряда из Миргорода. По распоряжению ревкома во всех церквях ударили в набат. У волостного правления 19 декабря собралось до 5 тысяч человек. Отряд из 80 казаков под командованием полковника Бородина и четырех офицеров во главе с помощником миргородского уездного исправника Барабашем прибыл в село и открыл стрельбу по толпе. Крестьяне с вилами и косами набросились на Барабаша и убили его. Не имея оружия, крестьяне начали разбегаться по домам. Казаки убивали всех подряд. Стреляли во дворы и дома крестьян. Затем казаки оставили село, бросив труп Барабаша. Полтавский губернатор доносил в Департамент полиции: „В Сорочинцах население арестовало полицейских чинов, выехавший 19 декабря с войсками для освобождения пристава помощник исправника Барабаш был убит бунтовщиками, среди которых от столкновения с войсками убитых и умерших от ран 18, раненых 45. Войска отступили, не арестовав виновных“. В ночь с 20-го на 21 декабря специальным поездом в Сорочинцы выехал карательный отряд в составе батальона солдат и казаков с двумя пушками под командованием Филонова. 21 декабря каратели заняли село и начали избиения, порки и аресты»[418].

Владимир. 1905.

«21 декабря 1905 года. В Покровском уезде арестовано семь учителей, три учительницы и несколько крестьян. Учитель Копраков убил члена земской управы Рутшевича, защищаясь от нападения на него г. Рутшевича, намеревавшегося его избить за участие в митингах. В селе Коровлеве крестьяне прогнали жандармов, приехавших арестовать учителя»[419].

Ревель. 1905.

«21 декабря 1905 года. Имение Пеникби, в Ревельском уезде, вчера разгромлено и сожжено. Владелец убит. В Хаапсальском уезде отрядом войск разбита одна шайка. Мятежники потеряли убитыми и ранеными 30 человек»[420].

Павловск-на-Дону. 1905.

«23 декабря 1905 года. В имении Дашковой, в селе Воронцовке, на хуторах Данильском и Осельдцовом, крестьяне села Семеновки, числом более 200 человек, напали на хутора и начали увозить хлеб. Подоспевшие казаки разогнали их. Двое убиты, семеро ранены. Ведется судебное следствие. 15 человек препровождены в павловскую тюрьму»[421].

Павловка. 1905.

«23 декабря 1905 года. Полтавская губерния. Кобелякский уезд. Село Павловка. Крестьянский сход закончился столкновением с полицией. Полицейские стреляли в крестьян, смертельно ранив двух мужчин и женщину с двухлетним ребенком»[422].

Погорельцы. 1905.

«23 декабря 1905 года. Черниговская губерния. Конотопский уезд. Село Погорельцы. Столкновение крестьян с драгунами и полицией. Залпами со стороны войск были убиты четыре крестьянина, после чего безоружные крестьяне бежали»[423].

Батурин. 1905.

«26 декабря 1905 года. Черниговская губерния. Конотопский уезд. Местечко Батурин. Крестьяне оказали сопротивление полиции при ее попытке разогнать толпу возле становой квартиры. В результате стрельбы, открытой полицией и казаками, крестьянин Петр Северин был убит»[424].

Кобрин. 1905.

«26 декабря 1905 года. Крестьяне пытались разгромить винокуренный завод Еленского. Произошло столкновение с войсками: шесть убито, восемь ранено, много арестованных»[425].

Прибалтика. 1905–1906.

«В декабре 1905 года во всей Прибалтике было введено военное положение. Такое решение вполне объяснимо: сам Николай II на 95 % был немцем, а была ли среди оставшихся 5 % хоть капля русской крови — вопрос спорный. Его жена была немкой, а среди сановников преобладали этнические немцы или их ближайшие родственники.

Большей частью русских карательных отрядов в Прибалтике командовали офицеры из этнических немцев. По их приказанию войска творили дикие расправы над крестьянами. Так, только в Эстляндии с конца декабря 1905 года по февраль 1906 года каратели расстреляли около 300 крестьян, а свыше 600 были подвергнуты публичным телесным наказаниям.

То же самое происходило в Лифляндии и Курляндии. Там было разгромлено 573 имения, а убытки немецких помещиков исчислялись в 12 млн рублей золотом. Каратели убили несколько тысяч крестьян. В ответ были созданы партизанские отряды „лесных братьев“ <...> С января по ноябрь 1906 года „лесные братья“ совершили свыше 400 вооруженных нападений. Действия партизан продолжались до конца декабря 1906 года»[426].

Коровино. 1906.

«В конце декабря 1905 года Николай II принял депутацию Союза русского народа, и они попросили его: „Великий Государь, повели не давать евреям равноправия с нами, иначе они

будут владычествовать над нами". Царь ответил: „Я подумаю" — и согласился принять знаки принадлежности к Союзу — для себя и своего сына, наследника престола. „Объединяйтесь, русские люди, — сказал он. — Я рассчитываю на вас"»[427].

А вот как царские войска расправлялись с этими самыми русскими людьми, которых Николай II призывал объединяться. 4 января 1906 года. В книге В. П. Обнинского «Новый строй» напечатано письмо крестьянина: «Дорогой братец, уведомляем вас нерадостною вестью, что у нас 4 января в нашем коровинском обществе беда случилась такая, братец, что за слезами не могу вам всего разъяснить и рассказать. В поляковской конторе были наняты стражники-солдаты, человек тридцать, и они ездили по деревням и отбирали экономический лес. Поляковские приказчики нанимали возчиков, они ездили не одни, ездил с ними становой пристав и также урядники. То вот приехали 4 января в нашу деревню, то становой и солдаты остановились в конце деревни, около гамазеи. А у нас в это время была сходка, то прибегает волостной старшина на сходку и говорит на сельского: „Тебя пристав требует", то он побоялся один идти, взял с собой нашего батьку, еще Андрея, Никанорова свекра. Когда подошли они к приставу, стали на колени и сказали: „Что вам надо?". В это время наши шли все со сходки послушать, что будут говорить, то становой, когда увидел народ, закричал: „Нейдите вблизь!", но наши шли послушать, то он обратился к солдатам и скомандовал: „Бить с боевых патронов!". Тогда, дорогой братец, зазвенели пули, как град. В одну минуту убили одиннадцать человек и 12 ранено. Первым убит Кузьма Ник., Филипп Васильев, Андрей Никаноров, Семен Андреев и Матвей Андреев, и сват ваш, Петр Григорьев, и братенника нашего убили, Ивана Осипова и с женою, и с мачехою убили, и отца вашего крестного, но сейчас еще жив, ногу совсем отбили, и пуля прошла изо рта в шею, но нас Господь сберег, в самом огню были. Ранен у нас Ульян Сергеев, Михайло Сергеев, Семен Осипов и жена его и Ив. Матвеев, Данило Андреев, Егор Никаноров и сын его, отец ваш крестовый и жена его сильно ранены и Ив. Кузьмин. Эти все сильно ранены, кто в ногу, кто в руку. Так, дорогой братец, не прогневайся на нас, что мы нескоро письмо писали, пять ден тела лежали непохороненными. Когда было следствие, то пригнали три роты солдат и казаков и секли нас розгами от 15 лет и даже отца нашего секли (25 розог)...»[428] Это при том, что наказание розгами было «отменено» высочайшим манифестом 11 августа 1904 года.

Алферовка. 1905.

«Декабрь 1905 года. Воронежская губерния. Новохоперский уезд. Слобода Алферовка. На волостном сходе крестья-

не сместили старшину Выценко и заочно избрали на его место большевика А. А. Буханцова. Вскоре в Алферовку прибыла полиция и казаки, чтобы „восстановить в правах“ смещенного старшину. Крестьяне оказали вооруженное сопротивление. Во время перестрелки казаками были убиты двое крестьян и трое тяжело ранены»[429].

Хотьки. 1905.

«Конец декабря 1905 года. Виленская губерния. Дисненский уезд. Деревня Хотьки. Крестьяне оказали вооруженное сопротивление полиции, намеревавшейся произвести аресты. Были убиты два крестьянина и несколько ранены»[430].

Чернигов. 1906.

«1 января 1906 года. Черниговская губерния. Из телеграммы черниговского губернатора Родионова председателю совета министров С. Ю. Витте: „Доношу вашему сиятельству, погром имений Михневича и Жемчужникова произведен трехтысячной озверевшей вооруженной толпой крестьян соседних сел, небольшой отряд драгун едва отбился от мятежников, из них есть убитые, раненые“»[431].

Новосильское. 1906.

«4 января 1906 года. Воронежская губерния. Землянский уезд. Село Новосильское. При аресте женщины-врача Городнянской в селе Новосильском крестьяне оказали сопротивление полиции и казакам, в результате чего были убиты двое крестьян и один ранен»[432].

Кривая Руда. 1906.

«4 января 1906 года. Полтавская губерния. Село Кривая Руда. Для подавления забастовки в этом селе был послан карательный отряд во главе с Филоновым. Вечером 4 января он прибыл в село. Филонов потребовал к себе старшину, с которого сорвал знак и избил его палкой. Затем крестьян согнали на сход. По приказу Филонова началась массовая порка. Из толпы послышались возгласы: „Что это за закон? Значит, нас всех так будут бить и резать?!“. Тотчас после этих возгласов все, как один, поднялись с колен и побежали в разные стороны. Дав несколько выстрелов, за убегающими крестьянами погнались казаки. Они избивали безоружных крестьян нагайками и топтали лошадьми. Во время этой расправы были убиты три человека, один тяжело ранен (вскоре умер в больнице) и до 40 человек ранено»[433].

Феллин. 1906.

«9 января 1906 года. В городе Феллине, Лифляндской губернии, по приговору полевого суда расстреляны 45 человек за участие в беспорядках»[434]. «К этому расстрелу относится про-

шение на имя П. А. Столыпина от крестьянина Эстляндской губернии М. Т. Пихельгаса: „В конце 1905 года по ложному доносу были арестованы и посажены в тюрьму в городе Феллине мои несовершеннолетние сыновья Петр 18 лет и Ганс 16 лет. Но прежде, чем судебный следователь II Феллинского участка успел окончить следствие по делу моих сыновей, последние 9 января 1906 года в городе Феллине были застрелены по распоряжению начальника военного отряда фон Сиверса“»[435].

Осиновка. 1906.

«11 января 1906 года. Волнения в Бесарабии. Крестьяне селения Осиновка препятствовали аресту старосты и девяти крестьян, обвинявшихся в организации отделения крестьянского союза. Вызван был отряд войск, произведший залп. Убиты четверо мужчин и одна женщина, ранено 19 мужчин и две женщины»[436].

Кибирщина. 1906.

«13 января 1906 года. Черниговская губерния. Суражский уезд. Заборьевская волость. Село Кибирщина. Попытка сопротивления карательной экспедиции. Один из крестьян набросился с топором на командира казачьей сотни, а другой — с колом на казака, но оба крестьянина были сразу же убиты, а сопротивление сломлено»[437].

Либава. 1906.

«18 января 1906 года. При попытке отправиться на пароходе за границу арестован главный агитатор в Гробинском уезде Штраус. 18 января по решению полевого суда в Прекульне он казнен через повешение. Вместе с ним расстреляно 12 крестьян»[438].

Собачьевская Слобода. 1906.

«Январь 1906 года. Черниговская губерния. Глуховский уезд. Воронежская волость. Село Собачьевская Слобода. Местный помещик Данилевский застрелил во время порубки леса 19-летнего крестьянина Егора Клипа и ранил другого крестьянина»[439].

Двинск. 1906.

1 февраля 1906 года. «В ночь на 29 января 1906 года солдаты, оцепив дом одного из крестьян, ворвались во внутрь дома и, повалив на пол старика и двух его сыновей, начали избивать их нагайками. По распоряжению офицера, руководившего этой расправой, избитые крестьяне были удалены на двор, после чего солдаты обобрали их имущество „до последней тряпки“ и подожгли избу. При этом офицер заявил женщинам и детям: „Если будете тушить, то я всех вас расстреляю“. Награбленное имущество и изувеченных старика и двух его сыно-

вей солдаты увезли в соседнее имение, где бросили избитых крестьян в конюшню. В конюшне их продержали трое суток и ежедневно подвергали по несколько раз самому жестокому избиению. Когда несчастные жертвы расправы были изувечены до неузнаваемости, их отправили на лошадях в Двинскую тюрьму. По дороге в Двинск солдаты стащили одного из них с повозки и тут же застрелили его. Когда по прибытии на станцию Л. стали проверять по именным спискам арестованных и обнаружили отсутствие Ивана Л., солдаты заявили, что они застрелили его за попытку бежать... Тело расстрелянного Ивана Л. лежало неубранным в поле целую неделю, причем власти отказались выдать его родным убитого и лишь впоследствии разрешили предать его погребению. 30 января того же года офицер упомянутого отряда в сопровождении административных властей, созвав крестьян, заставил их стать на колени и расписаться на чистом листе белой бумаги. Отобрав их подписи, им объявили: „Вы можете теперь идти по домам, а приговор будет постановлен без вас". После этого военные власти стали творить „скорый и милостивый суд" — грабить волость и сажать крестьян без разбору в тюрьму, угрожая отсутствующим, в случае неявки их в указанный срок, поголовной смертной казнью и сожжением их домов. „Пока что, — заканчивает свою жуткую исповедь автор этой записи, — казнено 22 человека, один убит и один дом сожжен"»[440].

Сисегаль. 1906.

«29 января 1906 года. Лифляндская губерния. Рижский уезд. В 8 часов вечера в дом Морица Шиллинга явилось двое стражников, предъявивших к нему требование немедля явиться к их начальнику — приставу. Мориц Шиллинг беспрекословно подчинился их требованию и тотчас же отправился в сопровождении стражников к приставу. По дороге к дому пристава Мориц Шиллинг был остановлен офицером 5-го уланского полка, предъявившим к нему категорическое требование доставить безотлагательно к 9 часам вечера — свою дочь Клару Шиллинг-Якович, пригрозив ему, в случае ее неявки, немедленным сожжением всего его имущества. И действительно, офицер не замедлил привести в исполнение свою угрозу: не успел Мориц Шиллинг вернуться домой и передать своей жене требование офицера о немедленном приводе Клары Якович, как спустя 10–15 минут, по возвращении домой, к нему в дом нагрянул отряд улан 5-го полка под предводительством нескольких офицеров и, не говоря ни слова, стал выносить из его дома имущество. Сложив на дворе вынесенное имущество Морица Шиллинга, состоявшее из дубленных кож, гробов (у Шиллинга

было четыре мастерских: кожевенная, седельная, столярная и малярная), платья, мебели и проч., солдаты тут же, на глазах перепуганного Шиллинга, сожгли его имущество — и, арестовав Морица Шиллинга, увезли его вместе с четырьмя другими арестованными латышами в имение Эссенгоф, Рижского уезда, где в ту пору квартировал 5-й уланский полк знаменитого „заплечных дел мастера“ генерала Орлова. По приводе арестованных в имение Эссенгоф Мориц Шиллинг ни разу допрошен не был и лишь 30 января впервые был доставлен для допроса в имение Фистелен (в 12 верстах от Эссенгофа), где оставался под стражей до 1 февраля. Невзирая на заверения В. Ф. фон Кавера (находившегося в имении Фистелен), что с Морицем Шиллингом „ничего не будет“, несчастный Шиллинг и арестованный вместе с ним Калнынь (кожевенный мастер, служивший у Шиллинга) были расстреляны»[441].

Газенпот. 1906.

«3 февраля 1906 года. В Фестене явилась третья карательная экспедиция генерала Орлова. Вблизи Газенпота расстреляны 32 человека.

4 февраля 1906 года. Вблизи Газенпота повешен учитель; расстреляны двое крестьян»[442].

«7 февраля 1906 года близ Гробина расстреляны восемь человек и сожжены две усадьбы»[443].

Борисовка. 1906.

«15 февраля 1906 года. В слободе Борисовке, Черкасского округа, толпа крестьян разгромила дом Тарасова и самого Тарасова убила»[444].

Ардатов. 1906.

«17 февраля 1906 года. В Ардатове Симбирской губернии на Масленой неделе во время базара произошла кровопролитная схватка между стражниками и съехавшимися крестьянами. Народ избил стражников, последние стреляли. Убиты мальчик и крестьянин, ранено восемь человек»[445].

Курск. 1906.

«22 февраля 1906 года. Крестьяне села Щеголево, Суджакского уезда, отбили у стражников двух крестьян. Вызванные 45 драгун 36-го Ахтырского полка открыли по улицам села стрельбу. Залпами убили девять человек, много раненых»[446].

Ровеньки. 1906.

«28 февраля 1906 года. Воронежская губерния. Острогожский уезд. Слобода Ровеньки. Здесь был арестован учитель Поперека. Немедленно собравшиеся крестьяне стали наступать на полицию и казаков, бросая в них камнями и палками. Одновременно в трех церквях зазвонили в набат, созывая народ.

Полиция и казаки, пустив в ход огнестрельное оружие, убили двух крестьян и семь ранили»[447].

Рогачик. 1906.

«В Мелитопольском уезде, в 15 верстах от села Рогачика находилось имение великого князя Михаила Николаевича, которое охраняли драгуны. 27 февраля 1906 года в село Рогачик приехали два драгуна для закупки продуктов. Был базарный день, и около драгун собралась компания крестьян, которые вместе с ними гуляли и выпивали. Среди этой компании нашлось несколько бывших кавалеристов, которые заспорили с драгунами о воинской чести и назначении солдата. Спорили о том, насколько совместимо с достоинством солдата применение оружия не против вражеской армии, а против своих сограждан. Спор делался все жарче и дошел до драки, в которой загулявшие драгуны были побиты. Они сели на лошадей и ускакали.

На следующий день, в 6 часов утра, в село Рогачик явился корнет Бурчак-Абрамович с карательным отрядом из 21 драгуна. Он подъехал к волостному правлению, потребовал к себе урядника и предложил ему представить список тех, кто избивал драгун. Урядник ответил, что там была толпа и он не знает, кто бил драгун. Корнет требовал фамилий, угрожая расправиться с урядником. Урядник, опасаясь расправы, назвал несколько фамилий крестьян, но говорил, что они могли только присутствовать при драке. Но корнета не интересовало расследование: ему был нужен кто-нибудь, на ком можно проявить свое право убивать людей.

Карательный отряд помчался к хате одного из названных урядником крестьян — Марченко. Весь двор наполнился кавалеристами, и Бурчак-Абрамович потребовал, чтобы Марченко вышел к нему. Жена Марченко заявила, что мужа в хате нет. В ответ корнет потребовал выдать мужа, иначе он покажет ей, что значит „противодействовать власти“. В это время в огороде показался сам Марченко. „Руби его!“ — раздалось приказание корнета, и Марченко, окруженный драгунами, обливался кровью под ударами шашек. Марченко удалось прорваться сквозь строй, он вбежал в хату, но там был застрелен. Убийство совершалось на глазах жены и детей. Их крики и вопли о пощаде оглашали весь двор, а корнет спокойно наблюдал убийство.

Затем каратели отправились к хате Куценко — другого крестьянина, названного урядником. Весть о нашествии драгун быстро облетела все село, и толпа начала собираться у хаты Куценко. Бурчак-Абрамович стал грозить, что даст залп, если

толпа двинется к хате. Куценко не было в доме. Корнет угрожал высечь жену вместо него, но тут из погреба показался Куценко. Раздался залп, и он был ранен навылет в грудь. Он все же пытался бежать, но его настигли драгуны и шашками прикончили на месте. При этом в Мелитопольском уезде не было ни военного положения, ни положения чрезвычайной охраны!»[448]

Яранск. 1906.

«6 марта 1906 года. Жители деревни Васькиной, Шешурской волости, оказали сопротивление стражникам при аресте их односельчанина. Четверо крестьян убиты, ранены девять. Стражников ранено трое»[449].

Баклань. 1906.

«Март 1906 года. Черниговская губерния. Мглинский уезд. Местечко Баклань. Столкновения крестьян с полицией во время ярмарки. Были убиты четыре крестьянина и один полицейский»[450].

Русская Цильна. 1906.

«7 апреля 1906 года. Симбирская губерния. Буинский уезд. В 1857 году началась тяжба по поводу владения земельными участками между русскими крестьянами села Русская Цильна и татарскими жителями села Малая Цильна. Татары предпринимали самозахват участков, препятствовали проведению сельхозработ. После потравы зерна 2 августа 1905 года татары задержали приехавших для расследования происшествия исправника и земского начальника, потребовав письменного разрешения на владение землей. В апреле 1906 года, вооруженные вилами, ножами, кольями, более тысячи татар Малой Цильны вновь явились для проведения посевных работ на „свои“ участки. Когда в поле было почти все мужское население, на них напало 150 казаков и стражников. Крестьянину Айнетдинову в четырех верстах от села казак отрубил по плечо правую руку, а затем пристрелил его из винтовки; другой — сыну его 19 лет рассек ногу до кости; 70-летнему крестьянину Бархлеву в двух верстах от села нанесли огнестрельную и сабельную раны; кавалеру Георгиевского креста Барзетдинову, только что вернувшемуся из плена и приезжавшему в гости в соседнюю деревню Шаймурзино, прострелили левую руку; 55-летнего крестьянина Фензова казак привязал к хвосту лошади и притащил в Цильню. Более 200 крестьян-татар было искалечено, а четверо из них — Шамшетдинов 75 лет, Айнетдинов 27 лет. Айнетдинов 33 лет и Айнетдинов 49 лет — убиты»[451].

Чокнари. 1906.

«9 апреля 1906 года. В селе Чокнари, Кутаисского уезда, доносчики довели до сведения казачьего офицера Ларионова,

что у реки Чишура собралась красная сотня. Ларионов в сопровождении 100 казаков отправился к этому месту. В духане Ларионов застал 11 лиц, у которых не оказалось никакого оружия. Их все-таки арестовали и забрали. Когда все подъехали к реке Цкаль-Цители, казаки решили отрубить арестованным головы, что и привели в исполнение в отношении пяти, а остальные шесть успели бежать»[452].

Калязин. 1906.

«16 апреля 1906 года. Тверская губерния. В городе Калязине был арестован крестьянин из деревни Родионово Демьянов. Крестьяне из окрестных волостей собрались у дома судебного следователя и потребовали освобождения Демьянова. Когда конные стражники попытались разогнать их, они были закиданы камнями. Тогда из окон полицейского управления раздался винтовочный залп. Были убиты два крестьянина и несколько ранено»[453].

Верхнее Каранатино. 1906.

«26 апреля 1906 года. Саратовская губерния. Буинский уезд. В деревне Верхнее Каранатино были убиты казаками и стражниками двое крестьян и 17 человек ранены»[454].

Хрущево. 1906.

«22 мая 1906 года. Тамбовская губерния. Лебедянский уезд. Потрава лугов помещика Пальчикова крестьянами села Хрущева. При столкновении с объездчиком смертельно ранен один крестьянин»[455].

Балыклей. 1906.

«25 мая 1906 года. Тамбовская губерния. Кирсановский уезд. 25 мая в селе Балыклей конные стражники убили трех крестьян, из них одну девочку семи лет, 21 человека ранили. 315 жителей села подписали телеграмму протеста в адрес Государственной Думы»[456].

Петровка. 1906.

«12 июня 1906 года. Тамбовская губерния. Моршанский уезд. При столкновении со стражей в деревне Петровке один крестьянин убит и один ранен»[457].

Николаевка. 1906.

«12 июня 1906 года. Пензенская губерния. Чембарский уезд. Село Николаевка. Столкновение крестьян с полицией. Полицейские открыли огонь. Один крестьянин был убит и один тяжело ранен»[458].

Матвеевка. 1906.

«14 июня 1906 года. Самарская губерния. Николаевский уезд. В ночь с 13-го на 14 июня 1906 года в село Матвеевку прибыли исправник и пристав с отрядом казаков и стражни-

ков и начали обыск в квартире сельского писаря Яковлева. Самого Яковлева в селе не было. Его жена, выбежав из дома, с криком побежала по улице, призывая крестьян на помощь. На колокольне ударили в набат и крестьяне, вооружаясь чем попало, сбежались к дому Яковлева. Ночной „визит“ полиции в Матвеевку закончился бегством из села исправника и отряда и убийством пристава Пастуховского. Наутро исправник возвратился в село для расправы. Два старика, первыми попавшиеся в руки казаков и полиции, были убиты. 24 крестьянина были арестованы и заключены в тюрьму, а многие подвергнуты порке»[459].

Ртищево. 1906.

«19 июня 1906 года жители села Ртищево восстали против помещика А. С. Щербина. Вооружившись кто чем мог, они хотели завладеть его землей, движимым и недвижимым имуществом, хлебом и скотом, а деспота приказчика Сафона Сорокина убить. Руководил восстанием член стачечного комитета организации РСДРП А. И. Косоруков. Были убитые и раненые. Восстание не удалось из-за предательства односельчанина В. А. Мозякова. Были заключены в тюрьму шесть участников восстания, а А. И. Косоруков приговорен к шести годам каторги, где и погиб 11 марта 1909 года»[460].

Пушкино. 1906.

«21 июня 1906 года. Тамбовская губерния. Из телеграммы поверенного крестьянского общества губернатору: „По телеграмме Вашего превосходительства пушкинское общество решило уступить во всем согласно Вашему указанию и пошло к управляющему вотчины гр. Остен-Сакен, чтобы достигнуть взаимно мирного соглашения и немедленно встать на работы. Приближаясь к усадьбе, народ встретили стражники под командой управляющего Чернеевского. Народ предупреждал, что идет с мирными целями, безоружные, несмотря на это Чернеевский выстрелил по народу из ружья, а затем последовали залпы стражников, причем оказалось, что один смертельно ранен. А двое ранены в ноги, пятеро биты нагайками“»[461].

Ковылки. 1906.

«22 июня 1906 года. Тамбовская губерния. Кирсановский уезд. Столкновение крестьян села Ковылки со стражниками при аресте сельского старосты. Убит крестьянин Прохор Иванов Облизников»[462].

Сомовка. 1906.

«23 июня 1906 года. Тамбовская губерния. Столкновение крестьян деревни Сомовки, Усманского уезда, и села Лебедянки, Козловского уезда, с драгунами. Убиты трое и ранены четверо крестьян»[463].

Воронеж. 1906.

«24 июня — 3 июля 1906 года. В Воронежской губернии за период с 24 июня по 3 июля 1906 года крестьянами были сожжены и разгромлены 87 усадеб и хуторов. Во время столкновений крестьян с полицией и войсками за этот же период в губернии, только по официальным сообщениям, из крестьян были убиты 23 человека и более 43 ранены. В 1906 году воронежскому губернатору поступило 85 рапортов исправников об оскорблении царя „сквернoматерными“ и другими словами, как, например, „у нас сидит на престоле идиот“, „на кой чорт нам государь“, „его стоит повесить“ и т. п.»[464].

Перлевка. 1906.

«24 июня 1906 года. Воронежская губерния. Землянский уезд. Перлевская волость. Село Перлевка. В волостном селе Перлевке крестьяне разгромили казенную винную лавку. Вскоре в Перлевку прибыла полиция и казаки. Около 700 крестьян, вооруженных кольями и камнями, начали окружать полицейских. Следовавшие за ними казаки, отъехав за мост на пригорок, открыли по наступавшим крестьянам огонь из винтовок. В результате, по официальным данным, четыре крестьянина были убиты (среди них одна женщина) и два тяжело ранены, после чего полиция и казаки поспешили уехать из села»[465].

Горелицы. 1906.

«Июнь 1906 года. Полтавская губерния. Лохвицкий уезд. Село Горелицы. Во время увоза крестьянами помещичьего хлеба с полей объездчики стреляли в крестьян. В результате чего один из крестьян был убит и двое ранены»[466].

Самовец. 1906.

«30 июня 1906 года. Тамбовская губерния. Козловский уезд. Из донесения вице-губернатора тамбовскому губернатору: „30 июня пристав 3-го стана, исполняя поручение, арестовал в деревне Самовце, Павловской волости, троих крестьян, снимавших рабочих в имении Кораблина. Крестьяне в числе около 400 человек, вооруженные вилами и кольями, оказали сопротивление. Казачья полусотня вынуждена была дать залп, ранила четверых крестьян — один скончался. Два казака получили ушибы камнями“»[467].

Кочетовка. 1906.

«1 июля 1906 года. Тамбовская губерния. Козловский уезд. Попытка крестьян села Кочетовки освободить арестованных стражниками и драгунами односельчан. Вооруженное столкновение. Один крестьянин убит, одна крестьянка ранена»[468].

Байряки. 1906.

«18 июля 1906 года. Самарская губерния. Бугульминский уезд. Чеканская волость. Село Байряки. После схода толпа кре-

стьян численностью около 800 человек отправилась в лес, где была встречена стражей. В ответ на предупреждение прекратить порубку леса толпа бросилась с топорами на пешую стражу, которая открыла ружейный огонь. Когда толпа рассеялась, на земле лежали убитыми Шагивалей Валеев, Шакир Вахитов и Мусса Амалетдинов и пять раненых»[469].

Городное. 1906.

«19 июля 1906 года. Харьковская губерния. Богодуховский уезд. Полково-Никитовская волость. Село Городное. 19 июля драгуны, стоящие в экономии Харитоненко, загнали во двор экономии 100 голов крупного рогатого скота крестьян, пасшегося на экономическом лугу. Крестьяне ударили в набат и большой толпой двинулись к экономии. Офицер приказал стрелять. Крестьянин Яков Гавриш был тяжело ранен и на другой день умер»[470].

Долгуша. 1906.

«20 июля 1906 года. Воронежская губерния. Землянский уезд. Село Долгуша. На сельской ярмарке урядника и четверых стражников окружили крестьяне и стали называть „продажными шкурами“, грозя расправой. Полицейские бежали и сообщили об этом приставу, охранявшему со взводом казаков соседнее помещичье имение. Казаки немедленно выехали в Долгушу и были встречены у церкви огромной толпой крестьян, вооруженных кольями и вилами. Казаки открыли стрельбу из винтовок и рассеяли крестьян. По официальному сообщению, было убито двое и ранено трое крестьян»[471].

Чуфаровка. 1906.

«21 июля 1906 года. Самарская губерния. Бузулукский уезд. В деревню Чуфаровку, Твердиловской волости прибыл пристав с полицейскими стражниками для ареста крестьянина Егора Козлова. Но собравшиеся крестьяне деревень Воронцовки, Чуфаровки и Пасмуровой в числе около 1000 человек, вооружившись вилами, косами и кольями, не давали арестовать Козлова, оттеснили полицейских во двор экономии и начали забрасывать стражников камнями, ранив двух из них. Тогда пристав приказал стрелять в толпу, в результате чего двое крестьян были убиты и десять человек ранены»[472].

Воронцовка. 1906.

«22 июля 1906 года. Самарская губерния. Бузулукский уезд. Твердиловская волость. В деревню Воронцовку прибыл отряд стражников во главе с приставом для изъятия нарубленного крестьянами леса. Встретив сопротивление со стороны толпы крестьян, пристав приказал открыть огонь, в результате чего было ранено пятеро крестьян, один из которых умер по пути в Бузулукскую больницу»[473].

Лебедянка. 1906.

«24 июля 1906 года. Тамбовская губерния. Козловский уезд. Вооруженное столкновение крестьян села Лебедянки с драгунами. Трое крестьян убиты, один ранен»[474].

Каменка. 1906.

«31 июля 1906 года. Пензенская губерния. Нижне-Ломовский уезд. Село Каменка. Исправник Петров и пристав Аргузов были направлены в Каменку собрать сход. Но едва лишь показались полицейские, как раздался набат. Пристав Аргузов бросился к церкви, но был окружен толпой. Желая прорваться, Аргузов произвел два выстрела из револьвера, которыми одного крестьянина убил, а другого ранил. Пристав сумел бежать. Другая часть толпы бросилась на исправника и здесь же в ограде церкви прикончила его. Активное участие в расправе с чинами полиции принимали женщины. 12 июня 1907 года в Пензе над 17 участниками событий в Каменке состоялся суд. По приговору суда семь человек, в том числе крестьянка Долгушкина, были осуждены на четыре года каторжных работ, шесть человек — к одному году арестантских рот, один — к восьми месяцам тюрьмы и трое освобождены»[475].

Ильмино. 1906.

«31 июля 1906 года. Пензенская губерния. Село Ильмино. 31 июля в Ильмино был послан надворный советник Баталин в сопровождении казаков и стражников. Когда на сходе были арестованы двое крестьян, остальные, вооруженные вилами, топорами, кольями, бросились на казаков. Полицейские и казаки открыли огонь. В ходе схватки были убиты два крестьянина и четверо ранены»[476].

Кочетовка. 1906.

«1 августа 1906 года. Тамбовская губерния. Козловский уезд. Столкновение крестьян села Кочетовки со стражниками, проводившими в селе аресты. Убиты двое крестьян»[477].

Аккозино. 1906.

«11 августа 1906 года. Казанская губерния. Из отчета казанского губернатора М. В. Стрижевского: „В Чебоксарском уезде 11 августа 1906 года была устроена крестьянами-чувашами противоправительственная демонстрация в деревне Аккозиной, с красными флагами, изображавшими требование земли и воли, при прекращении беспорядков силою оружия один из крестьян был убит, а другой ранен“»[478].

Шишовы Выселки. 1906.

«13 августа 1906. Пензенская губерния. Инсарский уезд. Село Шишовы Выселки. 13 августа в село прибыл полицейский пристав и, остановившись на окраине села, послал уряд-

ника и стражников собрать крестьян. В селе на посланных стражников напали жители. Во время происшедшей схватки был убит стражниками крестьянин С. Когрушев»[479].

Карловка. 1906.

«13 августа 1906 года. Полтавская губерния. Константиноградский уезд. Село Карловка. Во время ярмарки толпой крестьян были избиты пристав и несколько стражников. Для разгона толпы был вызван отряд казаков, которые стреляли в крестьян и избивали их нагайками. Четыре человека были ранены, один из них тут же умер»[480].

Булацеловка. 1906.

«15 августа 1906 года. Харьковская губерния. Купянский уезд. Слобода Булацеловка. Столкновение полиции с крестьянами. Под пулями полицейских погиб один и были ранены пятеро крестьян»[481].

Новая Ляда. 1906.

«18 августа 1906 года. Тамбовская губерния и уезд. Убийство помещика Кочергина в селе Новая Ляда»[482].

Ромашкино. 1906.

«29 августа 1906 года. Самарская губерния. Бузулукский уезд. 567 дворов села Ромашкино имели 9190 десятин земли или в среднем 16 десятин на двор. Однако село было лишено леса и пастбищных угодий, а многие из крестьян имели гораздо меньше, чем 16 десятин. В то же время купец Аржанов имел рядом с этим селом 4000 десятин земли, которая в основном сдавалась в аренду. Но пастбища, наиболее нужные крестьянам, в аренду не сдавались. Не ведя собственного хозяйства, а имея только хутор на указанном участке, управляющий участком Пичугин добился присылки семи казаков для охраны хутора. Управляющий запретил крестьянам водить свой скот на водопой мимо своего хутора, хотя это место было наиболее близким и удобным. В том месте, где крестьянам пришлось ходить со своим скотом, была проведена борозда и поставлен столб с надписью: „Кто перейдет через межу — будет наказан“. И наказывали. 29 августа 1906 года на сельском сходе в Ромашкино было решено удалить казаков. Во исполнение решения схода около 700 человек без оружия двинулись к хутору, расположенному в шести верстах от села Ромашкино. Однако управляющий отказался выполнять решение схода, а провокационное поведение казаков, тут присутствовавших, возмутило крестьян, и они начали разгром хутора и расхищение имущества. Все постройки были сожжены. Казаки же, отступившие с хутора, открыли по толпе ружейный огонь, в результате которого были убиты Федор Чурсин, Егор Чурсин, Нико-

лай Андреев и шесть человек ранены, из числа которых Григорий Титаев умер в пути в Бузулукскую больницу»[483].

Демшино. 1906.

«29 августа 1906 года. Тамбовская губерния. Усманский уезд. Вооруженное столкновение крестьян села Демшино со стражниками. Убито трое крестьян»[484].

Авилово. 1906.

«30 августа 1906 года. Саратовская губерния. На станции Авилово, близ Камышина, крестьяне близлежащих сел, вооруженные берданками и револьверами, разгромили местное полицейское управление и воинское присутствие, возвели баррикады, перерезали телеграфные и телефонные провода, развинтили рельсы, захватили паровоз и до 19 часов вели перестрелку с полицией, в результате чего шестеро были убиты и сорок ранены. В городе Балакове и в деревне Матвеевке во время вооруженного столкновения были убиты становой и два казака, а со стороны крестьян — два человека»[485].

Скалоновка. 1906.

«31 августа 1906 года. Полтавская губерния. Константиноградский уезд. Село Скалоновка. Крестьяне разгромили усадьбу помещика за то, что он вызвал полицию для ареста крестьян, пасших свой скот на его полях. Во время столкновения крестьян с полицейскими последние стреляли и убили одного из крестьян»[486].

Щербаковка. 1906.

«Еще в августе вспыхнуло восстание среди крестьян села Щербаковка в Саратовской губернии. Для его усмирения 1 сентября 1906 года прибыл пристав Раевский с командой. Но крестьяне, вооружившись ружьями, вилами и косами, не пустили „усмирителей“ в село. В тот же день в Щербаковку был послан карательный отряд барона Тизенгаузена, но и он потерпел неудачу. 4 сентября 1906 года для подавления волнений прибыла крупная карательная экспедиция из 125 солдат, прокурора, следователя, земского начальника, двух приставов, нескольких казаков и стражников. Щербаковцы встретили их пулями. Карателям пришлось брать село штурмом. Более десяти крестьян были расстреляны карателями без суда и следствия. Пять членов социал-демократической организации убиты, а их трупы утоплены в Волге. После чего были проведены массовые порки и избиения. Многие крестьяне были посажены в тюрьмы или сосланы в Сибирь»[487].

Лабинская. 1906.

«3 сентября 1906 года. Кубанская область. Станица Лабинская. Полиция и казачий отряд подвергли расстрелу крестьян,

собравшихся около станичного правления Лабинской с требованием освободить арестованных учителей. По официальным, сильно уменьшенным данным были убиты два и ранены три человека»[488].

Новый Мултан. 1906.

«В сентябре 1906 года восстали крестьяне Ново-Мултанской волости Малмыжского уезда Вятской губернии. Поводом послужил переучет подлежащих мобилизации в армию. 5 сентября в село Мултан съехалось до тысячи крестьян из окружающих деревень, которые разоружили полицию и сменили волостную власть. Были убиты: крестьянин, исправник, становой пристав и восемь стражников. Для подавления из Казани и Вятки прибыли карательные отряды»[489].

Бессарабия. 1906.

«Восстание началось 9 сентября 1906 года в Оргеевском уезде и охватило села Охринча, Криуляны, Залончены. Оно вспыхнуло из-за отказа помещика сдать крестьянам в аренду малые участки земли. Ценой больших жертв это восстание тоже было подавлено. Волнения в крае носили массовый характер, охватив все уезды Бессарабской губернии. В 1906 году крестьянские восстания имели место в 66 селах»[490].

Коноплянки. 1906.

«16 сентября 1906 года. Тамбовская губерния. Кирсановский уезд. Крестьяне села Коноплянки произвели порубку леса у помещика Петрово-Соловово. При этом один из крестьян был убит стражниками»[491].

Усово. 1906.

«26 октября 1906 года. Тамбовская губерния. Кирсановский уезд. Порубка леса помещицы Васильевской-Шиловской крестьянами деревни Усово. При столкновении со стражей тяжело ранен один крестьянин, скончавшийся на другой день»[492].

Иконовка. 1906.

«Октябрь 1906 года. Тамбовская губерния. Кирсановский уезд. Столкновение крестьян села Иконовки со стражниками. Убит один крестьянин»[493].

Кочугуры. 1906.

«9 ноября 1906 года. Воронежская губерния. Нижнедевицкий уезд. Село Кочугуры. При попытке исправника с отрядом полиции и полусотней казаков взыскать подати, крестьяне оказали сопротивление. Казаки открыли огонь из винтовок, в результате чего два крестьянина были убиты и два ранены»[494].

Первое Семеново. 1906.

«12 ноября 1906 года. Казанская губерния. Крестьяне деревни Первое Семеново, Цивильского уезда, в количестве 400

человек выступили против полицейского отряда во главе с уездным исправником и земским начальником, прибывшим на их усмирение за самовольное распределение хлеба из общественного амбара. На 47 стражников, вооруженных ружьями, револьверами и шашками, двинулись крестьяне с дубинами, вилами, топорами. Первыми шли бывшие крестьяне-отходники, приехавшие из городов, и вернувшиеся недавно из армии солдаты. В кровавой схватке шесть крестьян были убиты, 20 человек получили ранения. 14 человек из числа организаторов и активных участников выступления были арестованы. Троих продержали в тюрьме до декабря 1908 года, четверых выслали на 2–3 года в Вологодскую губернию. Похороны крестьян превратились в массовую антиправительственную демонстрацию. В ней участвовали жители города Цивильска и окрестных селений, траурная процессия сопровождалась пением революционных песен»[495].

Герасимовка. 1906.

«1906 год. Самарская губерния. Бузулукский уезд. Массовой и жестокой расправе были подвергнуты крестьяне села Герасимовки за разгром хуторов Сапрыкина, Мжельского, Петрова, Субботиной и выступления против начальства. В этом селе телесному наказанию были подвергнуты 180 человек, трое запороты насмерть и многим нанесены ранения огнестрельным оружием»[496].

Слобода. 1906.

«1906 год. Тверская губерния. Старицкий уезд. Братковская волость. Деревня Слобода. Казаки устроили порку всего мужского населения деревни, а когда крестьяне оказали сопротивление, то казаки начали стрелять. В результате двое крестьян были убиты, ранена девочка 14 лет и один крестьянин»[497].

Завьялово. 1907.

«В деревне Завьялово Паутовской волости, Бийского уезда, Томской губернии, 17–22 января 1907 года жители оказали вооруженное сопротивление воинской команде в составе 56 солдат и 60 казаков. Последние 17 января открыли огонь по толпе в 300–400 человек, в результате чего один крестьянин был убит. Узнав о случившемся, обыватели окрестных селений, прежде всего села Быстрый Исток и Верх-Ануйское, вооружившись, стали группами съезжаться в Завьялово для противодействия войскам. В ходе перестрелки 18 января был убит один солдат и трое, в том числе начальник команды, получили ранения. Сопротивление было сломлено после прибытия в деревню роты из Бийска, в село Быстрый Исток направлено две стрелковые роты с артиллерией. В общей сложности аресту подверглись 104 крестьянина»[498].

Ильинское. 1907.

«18 января 1907 года. Рязанская губерния. Скопинский уезд. Село Ильинское. 17 января в Ильинское для взыскания налогов прибыл земский начальник в сопровождении отряда казаков. Крестьяне отказались платить налоги и заперли двери в дома. Полиция начала ломать запоры и отбирать имущество. Когда полиция при помощи казаков выводила со двора крестьян братьев Кузькиных телку, большая толпа крестьян, вооруженных вилами и кольями, бросилась на казаков. Казаки пустили в ход оружие, в результате чего были убиты три человека, братья Кузькины и один мальчик и два крестьянина ранены»[499].

Пескалы. 1907.

«8 февраля 1907 года. Самарская губерния. Ставропольский уезд. Село Пескалы. В село из Вятской ссылки возвратился один из активных участников революционного движения 1905 года С. А. Савватеев. Возвратился на время, чтобы взять с собой детей и жену, но местные кулаки в присутствии сотского и полиции зверски избили его. Причем были переломаны кости обеих рук, семь ребер с левой и пять с правой стороны, прободена колом прямая кишка, проломлен череп. От побоев крестьянин умер. А громилы были оправданы»[500].

Лебедкино. 1907.

«16 февраля 1907 года. Казанская губерния. Ядринский уезд. Село Лебедкино. Столкновение крестьян с полицейскими стражниками. Выстрелами стражников был убит крестьянин Григорий Герасимов»[501].

Новодевичье. 1907.

«5 марта 1907 года. Симбирская губерния. Сенгилеевский уезд. Село Новодевичье. Крестьяне сняли местную администрацию и установили свое самоуправление. Отряд солдат под командованием штабс-капитана Ведера под покровом темноты вошел в село и расположился в обороне в здании местной библиотеки. Поздно вечером этот отряд подвергся нападению вооруженных крестьян. Произошла рукопашная схватка. В результате был убит один крестьянин, 50 тяжело ранены и очень большое количество легко. Победа оказалась на стороне солдат»[502].

Довжок. 1907.

«7 марта 1907 года. Полтавская губерния. Зеньковский уезд. Село Довжок. 7 марта в село явился отряд стражников во главе с помощником исправника. Их встретила толпа из 80 крестьян. На попытку произвести аресты толпа ответила сопротивлением. Тогда стражники открыли стрельбу, во время которой были убиты два крестьянина»[503].

Краснослободск. 1907.

«Начало апреля 1907 года. Пензенская губерния. Столкновение полиции с крестьянами на базаре города Краснослободска. В итоге столкновения были убиты пять крестьян, урядник и шесть стражников»[504].

Табаковка. 1907.

«19 мая 1907 года. Тамбовская губерния. Моршанский уезд. Хутор Табаковка, принадлежащий графу Воронцову-Дашкову. Стражники стали сгонять крестьянских лошадей с графских лугов. Крестьяне стали забрасывать их камнями. Стражники стреляли, причем один из крестьян был убит»[505].

Старица. 1907.

«В мае 1907 года в Старицком уезде стражники убили двух и ранили двух дразнивших их детей»[506].

Ирица. 1907.

«4 июня 1907 года. Рязанская губерния. Спасский уезд. Село Ирица. Крестьяне начали косить траву на лугах помещицы Холщевниковой, когда-то незаконно отобранных у крестьян. Туда явилась полиция и открыла огонь. Двое крестьян были убиты и семеро ранены»[507].

Лача. 1907.

«5 июня 1907 года. Пензенская губерния. Село Лача. 4 июня в Лаче было разгромлено имение помещика Панфилова. На следующий день в Лачу прибыл исправник с усиленным нарядом полиции и устроил погром в селе. Во время побоища было сильно избито семь крестьян, из них две женщины. Одна разрешилась от бремени мертвым ребенком. Стражники вламывались в запертые двери, били окна, пороли хозяев, ловили крестьян на огородах и тоже пороли. Был убит 50-летний крестьянин Глазков, который во время избиения пытался закрыть лицо от ударов»[508].

Лаховка. 1907.

«19–20 июня 1907 года. Рязанская губерния. Раненбургский уезд. Нарышкинская волость. Деревня Лаховка. В деревню прибыл отряд казаков 21-го Донского полка под командой подъесаула Авилова и остановился в имении Карандеева. Пьяные казаки начали приставать к женщинам. 20 июня полицейский урядник заметил у деревни группу пьяных казаков из восьми человек. Около них собралось много народу. Казаки приставали к женщинам. Когда крестьян уговорили разойтись, три казака пошли за девушкой Копеечкиной, брат которой Григорий сказал ей, чтобы она шла домой. Казаки бросились бить Григория, но он убежал, его опять поймали и начали бить, и в огороде священника он был найден зарубленным. Во

время ссоры раздался набат, стражники уговаривали казаков и крестьян разойтись, но в это время отряд казаков с шашками наголо напал на крестьян, казаки ударяли нагайками и шашками крестьян. Причем один казак набросился на 80-летнего старика Елисеева, избил его нагайкой, а потом добил шашкой. Труп Григория Копеечкина был найден страшно изуродованным, со следами издевательств. Несмотря на то, что столкновение учинили казаки, к судебной ответственности были привлечены крестьяне»[509].

Прохоровка. 1907.

«20 июня 1907 года. Полтавская губерния. Золотоношский уезд. Село Прохоровка. 15 крестьян из Прохоровки совершили нападение на урядника Олейникова, возвращающегося после проверки проходящего по Днепру парохода. Урядник стрелял по нападавшим и убил одного из них»[510].

Жеметово. 1907.

«23 июня 1907 года. Рязанская губерния. Раненбургский уезд. Гагаринская волость. Село Жеметово. Крестьяне начали пасти скот на лугах помещика Тарасова. Когда полиция попыталась приостановить потраву лугов, ей было оказано сопротивление. Тогда полиция пустила в ход оружие, в результате чего крестьянин Романов был убит. Восемь крестьян было арестовано»[511].

Круглое. 1907.

«27 июня 1907 года крестьяне села Круглого самовольно косили траву, принадлежавшую помещику Ржевскому. Для наведения „порядка“ был вызван взвод казаков. Возникла схватка, во время которой был убит крестьянин Ф. Геращенко и несколько крестьян ранено. В ответ на эти действия крестьяне сожгли усадьбу Ржевского»[512].

Секирино. 1907.

«Июнь 1907 года. Рязанская губерния. Скопинский уезд. Корневская волость. Село Секирино. Крестьяне пытались ликвидировать водяную мельницу помещика Усова. Толпа из 1000 человек двинулась к мельнице с целью разрушить плотину. Около мельницы ее встретил большой отряд стражников во главе со скопинским уездным исправником. Крестьяне не были вооружены. Однако полиция открыла по ним огонь, в результате чего были убиты восемь человек и шестеро ранены»[513].

Большая Лунина. 1907.

«6 ноября 1907 года. Тамбовская губерния. Темниковский уезд. 6 ноября. Когда полицейские стражники начали забирать имущество за отказ от уплаты податей, население Большой Лунины бросилось на них с возгласами: „Бей грабителей!“. В результате стычки были убиты урядник и староста»[514].

Самара. 1907.

«За последние четыре месяца 1907 года в Самарской губернии было совершено 19 нападений на чинов полиции, при этом было ранено три чина полиции и убито четыре крестьянина»[515].

Чернигов. 1907.

«Черниговский губернатор в отчете за 1907 год указал, что за этот год за участие в крестьянском движении было арестовано 237 человек. Из которых 66 человек были приговорены к смертной казни, а 33 человека были убиты полицией „при сопротивлении“»[516].

Туровское. 1907.

«Декабрь 1907 года. Воронежская губерния. Нижнедевицкий уезд. Село Туровское. Вооруженное выступление крестьян против помещика Русанова. Имение было уничтожено, а его владелец убит»[517].

Подберезье. 1908.

«13–14 января 1908 года. Казанская губерния. Свияжский уезд. Село Подберезье. Из 4000 душ населения этого села только 24 подали заявления на выдел из общины в рамках столыпинской реформы. 24 ноября 1907 года земский начальник предъявил заявление 24 домохозяев Подберезинскому обществу. Общество единодушно заявило, что выдела отдельных участков для 24 домохозяев оно не допустит, что закона 9 ноября 1906 года они не издавали, он им не нужен и признать его они не желают. Земский начальник сбежал со схода. После его ухода общество постановило не допускать выхода из общины. 13 января 1908 года земский начальник назначил по этому вопросу новый сход, пришел на него со становым приставом и пятью полицейскими стражниками. Несмотря на присутствие полиции, крестьяне снова шумно заявили, что выдела из общины они не допустят, лиц, желающих выделиться, они сожгут или убьют и что никакого закона они признавать не желают. Руководителями крестьян, по мнению властей, были сельский староста Яков Мосалев, крестьянин Панкратов и другие. Вечером 13 января в доме сельского старосты крестьяне устроили сходку, на которой постановили: если к ним после этого приедет еще начальство, то его следует гнать, а если начальство кого-нибудь из крестьян арестует, то арестованных не выдавать и, если будет нужно для освобождения последних, употребить силу, то есть бить начальство. Под влиянием угроз со стороны общества несколько человек выделяющихся взяли свои заявления обратно и от выдела отказались. По вызову земского начальника 14 января в село Подберезье

прибыл уездный исправник с отрядом полицейской стражи в 28 человек. Полиция решила арестовать старосту Мосалева, крестьянина Панкратова и других, всего шесть человек главных противников выдела. Как только в селе стало известно об аресте названных крестьян, по набату на площадь сбежались со всех сторон крестьяне, вооруженные вилами, лопатами, дубинами, кольями, поленьями и стали приближаться к съезжей квартире, где находились полицейские стражники, с криками „бей полицию, не давай арестованных, защищай их". Произошел настоящий кровавый бой между вооруженными ружьями, нагайками конными и пешими стражниками и крестьянами, вооруженными чем попало. Крестьяне действовали дружно. Они избивали стражников и их лошадей вилами, кольями и дубинами. Исправник был избит так, что состояние его было признано врачами тяжелым, требующим продолжительного и упорного лечения. Стражники были разбиты на три отряда, и крестьяне не допускали их к объединению. Несмотря на избиение крестьян нагайками, крестьяне продолжали наступать. Был отдан приказ стрелять по наступавшим. Стреляли все три отряда стражников. В результате были убиты и ранены около 20 крестьян. В помощь стражникам в село была направлена казачья сотня. Вооруженной силой восстание крестьян села Подберезья было подавлено. Началось дознание о зачинщиках. Было арестовано 64 крестьянина. Арест крестьян происходил в личном присутствии губернатора. В селе тогда находилось 100 казаков и больше 100 человек полицейской стражи в пешем строю. По приговору суда четверо крестьян были приговорены к десяти годам каторги, 17 крестьян — к четырем месяцам тюрьмы, один — к двум месяцам тюрьмы и один — к году арестантских отделений»[518].

Кочетовка. 1908.

«23 февраля 1908 года. Воронежская губерния. Нижнедевицкий уезд. Село Кочетовка. Начальник Воронежского губернского жандармского управления 25 февраля 1908 года телеграфировал в Департамент полиции: „В селе Кочетовка Нижнедевицкого уезда 23 февраля при аресте урядником и пятью стражниками двух местных крестьян собравшаяся по набату толпа напала на урядника, вынудила освободить арестованных и продолжала преследовать стражу. Открытым огнем стражников шесть крестьян убито, семь ранено. Прибывшим после того исправником арестовано тридцать крестьян"»[519].

Донгузлей. 1908.

«2 марта 1908 года. Саратовская губерния. Кузнецкий уезд. Село Донгузлей. Столкновение крестьян, проводивших поруб-

ки леса в казенной даче Андреевской, с полицейской стражей. В результате стрельбы стражников один крестьянин был убит и четверо ранены»[520].

Караваино. 1908.

«27 июля 1908 года. Тамбовская губерния. Кирсановский уезд. Село Караваино. 15 крестьян вывезли копны ржи с полей землевладельца Крючкова. При столкновении с экономическими служащими один крестьянин был убит»[521].

Николаевка. 1908.

«Август 1908 года. Саратовская губерния. Балашовский уезд. Деревня Николаевка. Столкновение крестьян со стражниками после потравы помещичьих лугов. В результате один крестьянин был убит»[522].

Кинель-Черкассы. 1908.

«1 августа 1908 года. Самарская губерния. Бугурусланский уезд. Село Кинель-Черкассы. Попытка восстания эсеров и социал-демократов. После часовой перестрелки дружинники рассеялись. Был убит один дружинник. За подавлением неудачного выступления последовали массовые аресты, а 14 декабря 1908 года 21 человек предстал перед временным военным судом: трое — Зубков Поликарп Федорович, Максимов Кузьма Григорьевич и Татаринцев Гавриил Семенович — были приговорены к смертной казни через повешение, приведенной в исполнение ночью 2 января 1909 года, шесть человек осуждены к каторжным работам на десять лет каждый, один к десяти годам тюрьмы и один к заключению в крепость на два года»[523].

Таловое. 1909.

«1 февраля 1909 года в селе Таловое Курьянской волости, Змеиногорского уезда, Томской губернии убит урядник, 19 человек арестовано. Военно-полевой суд приговорил четырех к 15 годам каторжных работ, остальных к трем годам тюремного заключения»[524].

Царицын. 1909.

«9 июня 1909 года. Саратовская губерния. Царицынский уезд. Ольховская волость. Крестьяне произвели потраву лугов помещика Мельникова. Как только стражник стал загонять крестьянский скот с потравы, моментально собрались крестьяне, вооруженные чем попало, и напали на стражника. В результате схватки был убит один крестьянин»[525].

Волотово. 1910.

«15 мая 1910 года. Тамбовская губерния. Лебедянский уезд. Черепнянская волость. Село Волотово имело 500 дворов с 3140 жителями, которые располагали всего тремя тысячами

десятин земли. 13 мая вооруженная кольями и вилами толпа явилась на поле, где производились землемерные работы, выдернула межевые столбы, прогнала рабочих и, возвратившись в село, начала громить дома отрубщиков. Двое отрубщиков, находившиеся в кузне, куда крестьяне явились для того, чтобы уничтожить готовящиеся там межевые столбы, были жестоко избиты. Помощника исправника, пытавшегося с помощью местной стражи арестовать зачинщиков, крестьяне прогнали из села. Из Лебедяни был срочно прислан отряд стражников в 20 человек, к вечеру 14 мая численность стражников возросла до 43 человек. Но никакие меры не могли остановить крестьян. Разгромы домов отрубщиков продолжались и на следующий день. Отрубщики в панике разбежались. Днем 14 мая толпу крестьян, собравшуюся еще в 6 часов утра под звон набата, пытался „увещевать" земский начальник, но слышал в ответ лишь одно: „Не дадим резать отруба, пусть всех нас и детей наших перестреляют". Крестьяне заявляли, что „если есть закон ставить отруба, то у них, крестьян, свой закон — отрубов не давать, и что они готовы умереть, но земли не дадут". В село прибыли царские каратели из-за отказа общины выделять землю кулакам по „столыпинской реформе". 15 мая в село явился исправник и назначил сход. На сход пришли более 300 человек. Недалеко расположились женщины и подростки. Исправник, приехав, поместился на верхней ступеньке крыльца сборной избы, имея по сторонам и сзади охрану: пристава, земского начальника, старшину и старосту. На сходе исправник приказал приставу арестовать 27 человек — руководителей протестов. Пристав, по приказанию исправника, стал выкликать предназначенных к аресту, причем о цели переклички никому объявлено не было. Из них оказались в толпе 13 человек. Они вышли. Стражники их моментально окружили. Затем исправник дал команду „принять неповинующихся в нагайки", то есть перепороть всех крестьян. Стражники с нагайками бросились на толпу, как вдруг крестьяне с криками: „Бей, не давай арестовывать" — бросились вперед. Началась свалка. Конные стражники хотели смять крестьян, чтобы выручить пеших, но в них полетели сотни камней. Натиском толпы конный фронт был разбит на две части. Исправник приказал стрелять по восставшим. Началась стрельба. В это время раздались звуки набата, и восставшие получили подкрепление из числа стариков, женщин и подростков. Бой длился несколько часов. Когда прибыло подкрепление вместе с губернатором, наступила ночь. Восстание было сломлено. Были убиты шесть человек, еще 15 крестьян ранены. Из числа раненых только у двух раны были признаны легкими. А остальные

получили или увечье, или тяжелые ранения. Затем 77 крестьян были арестованы и преданы суду. Они просидели от трех до шести месяцев без суда, некоторые заразились тифом и умерли, остальные были приговорены к различным срокам тюремного заключения от одного до семи месяцев»[526].

Врадиевка. 1910.

«Август 1910 года. Херсонская губерния. Ананьевский уезд. Село Врадиевка. Восстание на „почве выделения крестьян из общины на отруба". Около 3000 человек напали на землемеров и стражников. На место восстания был послан усиленный наряд полицейской стражи, который открыл огонь по крестьянам. Во время подавления восстания один крестьянин был убит и двое ранены»[527].

Аул № 4. 1911.

«2 марта 1911 года. Кулаки-переселенцы попытались захватить пахотные земли в ауле № 4 Кугартской волости. Более 150 дехкан напали на чиновников переселенческого управления. Асылбек Мирсеитов, Кунанбай Кулчаев, Тепей Чабаев и Каип Назаров погибли в неравной схватке»[528].

Андижан. 1911.

«4 марта 1911 года. Ферганская область. Андижанский уезд. Узгенская волость. Крестьянин Семен Оставов на допросе окружного суда назвал участкового пристава кровопийцей. Он не признавал власти ни уездного начальника, ни царя и категорически отказывался служить им. В тюрьме Оставов объявил голодовку. Он предпочитал голодную смерть издевательствам и унижениям»[529].

Анненково. 1911.

«Апрель 1911 года. Симбирская губерния. Карсунский уезд. Село Анненково. Выступление крестьян против кулачества, в ходе которого был убит один крестьянин и шестеро изувечено»[530].

Павловское. 1911.

«31 мая 1911 года в селе Павловском Барнаульского уезда около 300 крестьян, вооружившись кто чем мог, разгромили квартиры управляющего Павловским имением, полицейского урядника, лесообъездчика, контору имения и казенную лавку, уничтожили архивы, порвали портреты царя и „даже пели революционную песню ‹Вставай, поднимайся, рабочий народ›". Из Барнаула был вызван конный наряд полиции. Произошло столкновение. Несколько человек было убито и ранено»[531].

Домашка. 1911.

«21 августа 1911 года. Самарская губерния. Бузулукский уезд. Село Домашка. Восстание восьми тысяч крестьян села

Домашки против „столыпинской реформы“. Поводом к восстанию послужил тот факт, что землемер в интересах кулака мельника Осоргина стал прирезать ему лучшую усадебную землю крестьян, расположенную рядом с мельницей. 21 августа утром землемер, земский начальник, становой пристав с отрядом стражников отправились на новое место межевания земли. Когда крестьяне обнаружили уловку врага, ударили в набат. Крестьяне кричали: „Все выходите из домов. Берите вилы, колья, косы и идите уничтожать хуторян и стражу!“. Свыше трех тысяч мужчин, женщин, стариков и подростков, вооруженных косами, топорами, кольями и вилами двинулись на „землеустроителей“. Жандармы встретили крестьян нагайками, затем пулями. Завязалась ожесточенная борьба. Несмотря на убитых и раненых, крестьяне продолжали двигаться вперед с криками: „Всех не перестреляешь, патронов не хватит!“. Становой пристав приказал усилить огонь по толпе и стрелять залпом. Толпа крестьян дрогнула, и жандармы перешли в наступление. К вечеру восстание было подавлено — десять крестьян были ранены, из них трое вскоре умерли. Несколько человек запорото и арестовано»[532].

Мазурки. 1911.

«Август 1911 года. Воронежская губерния. Новохоперский уезд. Крестьяне слободы Мазурки во время столкновения с полицией нанесли побои двум полицейским и убили полицейского урядника Дунаева»[533].

Воронеж. 1912.

«24 мая 1912 года. Воронежская губерния. Из-за преступного отношения графа Орлова-Давыдова к условиям жизни крестьян, занятых на работах в его имении, 24 мая в имении произошел большой пожар. От пожара сгорела рига, в которой погибли 59 крестьян, спавших в ней»[534].

Воскресенское. 1912.

«10 июня 1912 года. Саратовская губерния. Вольский уезд. Село Воскресенское. 10 июня четыре караульщика и объездчик пришли в село Воскресенское для выяснения, кому принадлежит скот, пасшийся в казенном лесу, и кем распахана там земля. Крестьяне напали на них, одного караульщика убили и троих тяжело избили»[535].

Усть-Погожи. 1912.

«Июнь 1912 года. Саратовская губерния. Царицынский уезд. Село Усть-Погожи. Кровавое столкновение крестьян с помещиком Персидским и его охранниками-казаками из-за земли, захваченной помещиком. В результате один крестьянин был убит»[536].

Гавриловское. 1912.

«8 ноября 1912 года в поселке Гавриловском Кыштовской волости, Каинского уезда, Томской губернии два акцизных чиновника подверглись нападению местных крестьян, в ходе столкновения убит один из них и ранен один из нападавших»[537].

Лопатичи. 1913.

«17 января 1913 года. Волынская губерния. Село Лопатичи. Крестьяне не допускали полицию и „землеустроителей" к межеванию. Пристав приказал разойтись и начал стрелять из браунинга. По примеру пристава огонь открыли урядники и стражник. Были убитые и раненые. Волынский губернатор Мельников сказал об этом случае: „Дураки, что не перестреляли всех мужиков"»[538].

Пузево. 1913.

«8 февраля 1913 года. Воронежская губерния. В селе Пузево, Клеповской волости 8 февраля 1913 года крестьяне убили старосту при сборе им податей и налогов»[539].

Шумаковка. 1913.

«15 мая 1913 года. Казанская губерния. Газета „Правда" сообщала: „На почве выдела из общины в селе Шумаковке Ядринского уезда произошли серьезные крестьянские беспорядки. Убито четверо, ранено трое крестьян. Губернатор выехал на место происшествия"»[540].

Большие Атмени. 1913.

«22–23 мая 1913 года. Казанская губерния. Деревня Большие Атмени. Крестьяне отказались дать согласие на передачу земли от общины кулакам. Когда 19 мая 1913 года Ядринская землеустроительная комиссия приступила к работе, атменские крестьяне вооружились дубинами и топорами и первые оказались в рядах восставших, заявив, что они готовы умереть, но земли не отдадут. На место восстания 20 мая прибыл земский начальник с отрядом стражников. Был созван сход крестьян, на котором земский начальник угрожал расстрелять непокорных крестьян. Но крестьяне после схода только взяли на учет топоры, косы и вилы. И когда 22 мая „землеустроители" приступили к работе, крестьяне их прогнали. Тогда в бой вступили стражники: стреляли в крестьян, мяли лошадьми. Били нагайками. Весь день шла борьба крестьян с полицейской охраной, на помощь которой к вечеру прибыло еще 30 человек. 23 мая 1500 крестьян пытались прогнать стражников, но по приказу помощника исправника Маслова были встречены выстрелами. После расстрела был произведен погром, сопровождавшийся насилием женщин и исключительной жестоко-

стью над населением (выкалывали глаза, отсекали уши). Было убито и умерло от ран семь человек, ранено более 15, арестовано 46, всего пострадало около 100 человек. Имущество разграблено и 27 человек предано было суду. Об восстаниях в Атмени и других деревнях в окрестностях трижды писала газета „Правда“: 12-го и 29 мая и 8 июня 1913 года»[541].

Травное. 1914.

«В мае 1914 года крестьяне села Травное Барнаульского уезда Томской губернии в ответ на отрезку 49 огородов во время землеустройства, вооружившись ружьями и кольями, разгромили контору лесничества и убили четырех стражников. Буквально через месяц в Новочихинской и Касмалинской волостях того же уезда, при попытке скосить сено с кабинетских лугов, развернулось сражение, в ходе которого было убито девять крестьян и восемь полицейских»[542].

Сенно. 1914.

«За семь дней (с 19-го по 25 июля) в белорусских губерниях было разгромлено 43 помещичьих имения, два фольварка и 12 хуторов и усадеб сельских богатеев. Наиболее крупным было выступление призывников 21–26 июля в Сенненском уезде Могилевской губернии. Взбунтовавшиеся новобранцы разгромили 13 имений помещиков. Волнения были подавлены только с помощью карательных отрядов.

Царские власти жестоко расправились с бунтовщиками. За поджог имения Юзефин в Минской губернии к судебной ответственности были привлечены 20 крестьян, шестеро из них Минским военно-полевым судом приговорены к смертной казни. В Сенненском уезде четыре участника крестьянских волнений были повешены, многие получили телесные наказания. В Мозырьском уезде 13 крестьян были приговорены к смертной казни»[543].

Александрия. 1914.

«24 ноября 1914 года. Ставропольская губерния. Благодарненский уезд. Крестьяне шести сел отказались платить земские подати. 24 ноября жители села Александрия оказали вооруженное сопротивление стражникам. Во время перестрелки три человека были убиты и семь ранены. За это выступление военно-окружной суд осудил 67 крестьян, четверо из них были приговорены к смертной казни через повешение, остальные — к различным срокам каторжных работ и тюремного заключения»[544].

Нижняя Сыроватка. 1915.

«Апрель 1915 года. Харьковская губерния. Сумской уезд. Село Нижняя Сыроватка. Восстание трех тысяч жен военно-

служащих против выделения кулаков на хутора и отруба. „Землеустроители“ и кулаки укрылись в здании волостного правления. Но восставшие сорвали двери, выбили окна, разобрали фундамент, убили двух кулаков-хуторян. Избили помощника исправника, двух землемеров, городового и непременного члена землеустроительной комиссии»[545].

Козловка. 1915.

«12 августа 1915 года. Воронежская губерния. Село Козловка. Восстание крестьян против кулаков. Полицейские стражники открыли стрельбу, убив и ранив несколько человек. По этому делу было привлечено к суду до 80 человек, из них большинство женщин, мужья которых были призваны на войну, а остальные молодежь и старики. Один из подсудимых был замучен на допросе и умер»[546].

Прилуки. 1916.

«Во время подавления забастовки рабочих-лесорубов в Купрове Витебской губернии каратели убили пять человек и восемь тяжело ранили. Кровавую расправу учинили царские власти и над рабочими деревообрабатывающего завода в имении Прилуки Минского уезда. При подавлении забастовки 21 сентября 1916 года были убиты трое и ранены 45 человек»[547].

По данным этой хроники насчитывается чуть более 2300 убитых. При этом надо учесть, что при ее составлении были фрагментарно просмотрены источники примерно по 20 % губерний Российской империи. Можно предположить, что реальное число жертв режима Николая II среди крестьян превышает 10 тысяч человек. Никаких сводных цифр по данному вопросу в период советской власти не вычислялось. Или они были настолько засекречены, что обнаружить их и теперь не удалось.

Разгон демонстраций и другое

Расстрелы демонстраций в Минске, Севастополе, Баку, Ченстохове, Казани и других городах; а также казни и бессудные убийства

Кавказ. 1895.

«После смерти лидера духоборов, Лукерьи Калмыковой, в общине произошел раскол. Часть духоборов пошла за зажиточным Михаилом Губановым, а часть, более крупная, состоящая в основном из бедных духоборов, за фаворитом Лукерьи, Петром Веригиным. Пошедшие за Веригиным получили на-

звание „Большой партии“ из-за своей численности в 11 тысяч человек. В том же году, когда произошел раскол, в кавказском регионе был издан закон о всеобщей обязанности нести воинскую службу. Одним из догматических законов духоборов всегда являлось ненасильственное сопротивление, а потому служба в вооруженных силах была противна самой сущности движения...

29 июня 1895 года духоборы числом около двух тысяч человек из семи сел Елизаветпольской, Тифлисской губерний и Карсской области с исполнением псалмов сожгли все оружие, наличествующие в общине. Губернатор Георгий Шервашидзе посчитал выступление духоборов бунтом. Для наведения порядка он послал части 1-го конного Уманского полка кутаисского казачьего войска под командованием есаула Праги. Мужчины-духоборы образовали круг, а дети и женщины остались в ее центре. Казаки атаковали круг духоборов, в результате чего несколько человек погибли. После казаки отправились в селения духоборов, участвовавших в сожжении оружия, где устроили погромы. После этого Шервашидзе вызвал духоборов к себе с требованием военной службы, однако те ответили отрицательно.

Тогда Шервашидзе отправил казаков, отказавшихся продолжать погромы, в казармы и призвал лезгинскую жандармерию. После этого шесть дней в селах проходили погромы: все имущество селян было разграблено, женщины были выпороты и изнасилованы, а села сожжены. Выживших духоборов числом около 4000 человек отправили в горы, где погибло около тысячи человек. 330 духоборов арестованы и направлены в штрафные войска, оставшиеся оправлены в долгую 18-летнюю ссылку. Впоследствии еще 4300 человек, из числа не участвовавших в сожжении оружия, были отправлены в Кахетию и Картли без права продажи недвижимого имущества»[548].

Москва. 1896.

«К коронации Николая II министерство двора запланировало раздачу „царских гостинцев“, не предусмотрев, что на это мероприятие пожелают прибыть сотни тысяч желающих не только из Москвы, но и из окрестных губерний. Для раздачи выбрали Ходынское поле, изрытое ямами и траншеями. При подготовке к коронации самые большие из них прикрыли дощатыми настилами. Московские власти не позаботились прислать военных и полицейских в достаточном количестве и бросили неуправляемые толпы на произвол судьбы. Люди начали собираться на поле с вечера 17 мая, и за ночь собралось около 500 тысяч человек. Начало раздачи было заплани-

ровано на 10:00. Перед рассветом появились желающие пробраться ближе к ларькам с подарками. За ними потянулись остальные, и образовалась толпа, передние ряды которой оказались прижатыми к ларькам. Зажатые в середину толпы скоро почувствовали нехватку воздуха, но не имели возможности даже шевельнуть рукой, чтобы оттолкнуть нажимавших. Ослабевшие сползали вниз, где затаптывались, или стояли уже мертвыми, сдавленные до невозможности дышать. У женщин с длинными волосами движением плотно сжатых людей вырывало косы — потом на поле находили скальпированные трупы. Находившиеся в ларьках артельщики не только не могли выйти, но, сидя в трещавших под напором толпы строениях, стали опасаться за собственные жизни. В некоторых ларьках принялись раздавать „царские подарки" задолго до назначенного срока. Как только раздался крик „Дают!", толпа качнулась вперед, и этого хватило чтобы расплющить о стены ларьков тех, кто стоял рядом с ними. Натиском толпы несколько ларьков сдвинуло с места, с одного даже упала крыша. Доски настилов не выдержали, и стоявшие на них полетели вниз. Сверху на них падали новые жертвы, сталкиваемые напором толпы. Первые падавшие разбивались насмерть, остальные задыхались под весом новых тел. Из одного такого колодца потом достали 27 трупов. Только теперь устроители праздника вызвали казаков и попытались разогнать толпу с тыла. Но эти меры слишком запоздали.

В тот роковой день (18 мая 1896 года), по сообщениям печати, погибло до 4800 человек, еще три тысячи человек остались тяжело раненными, а десятки тысяч русских людей получили ушибы и увечья. Вечером того же дня у французского посла Монтебелло был назначен бал, куда были приглашены российский император и императрица. И, вопреки советам придворных отменить поездку на бал, Николай II остался непреклонным. Как можно пропустить такой роскошный праздник, когда из Прованса выписаны 100 тыс. свежих роз, а из Версаля — серебряная посуда. Когда в программе вечера мазурка, полонез и кадриль, так нравившиеся Александре Федоровне. А тут никчемные советы о необходимости почтить память умерших... Достойно ли это императора великой России? Конечно же, нет! И царь со своей супругой вместе с тысячами приглашенных придавался веселью в тот момент, когда десятки тысяч русских хоронили своих близких. А чуть позже дядя его величества, великий князь Сергей Александрович, главный виновник „Ходынки", получил благодарность „За образцовую подготовку и проведение торжеств". Разумеется, им-

перская пропаганда всячески приуменьшала число жертв давки на Ходынском поле. По официальным данным, там было затоптано 1379 человек»[549].

Петербург. 1897.

«12 февраля 1897 года. Самосожжение М. Ф. Ветровой в Петропавловской крепости. Мария Федосеевна Ветрова была арестована по подозрению в сношениях с типографией народовольцев в декабре 1896 года и заключена в Петропавловскую крепость. 12 февраля 1897 года она там сделала покушение на самоубийство. В течение 16 дней смерть Ветровой держалась в секрете, и о ней объявили только 28 февраля товарищ директора Департамента полиции Зволянский заявил родственнице Ветровой, что она облила себя керосином и сама зажгла себя. Молва обвиняла тюремщиков в ужасных насилиях над личностью М. Ф. Ветровой, — причины ее смерти остались невыясненными»[550].

Петербург. 1898.

«12 марта 1898 года. Арест студента С. С. Костромина в СПб. Арестованный по подозрению в революционной агитации, Костромин был заключен в Дом предварительного заключения. Все хлопоты его жены об освидетельствовании здоровья нервно больного Костромина и переводе его в больницу остались безрезультатными. 4 апреля Костромин в Д. п. з. пытался броситься вниз с лестницы и едва был удержан надзирателем, которому искусал руки, крича: „Убейте меня, я не могу больше жить!“. Только 6 апреля явился врач, который нашел Костромина в состоянии, близком к умопомешательству. Однако и после этого было отказано в помещении Костромина в больницу. Через несколько дней он изрезал себе горло осколками разбитого блюдечка. Его смерти посвящено было известное стихотворение А. Н. Хавского-Ленцевича»[551].

Ташкент. 1899.

В 1899 году в Ташкенте редактор газеты «Русский Туркестан» Сморгунер печатал материалы судебного процесса о казаке, который пьянствовал и бил жену. В. Г. Короленко в очерке «Два убийства» писал: «Между тем по городу распространился слух, будто в своей защитительной речи Сморгунер сказал: „гг. казаки днем бьют нагайками лошадей, а ночью своих жен“. Теперь уже совершенно известно, что фразы этой Сморгунер не говорил. Вся речь его была вполне корректна, и ни разу он не был остановлен председателем. Тем не менее командир пятого оренбургского казачьего полка, полковник Сташевский, считая эти (не сказанные) слова оскорбительными для чести полка, явился 2 сентября в квартиру Сморгунера и стал бить его нагайкой, говоря, что казаки умеют бить не одних жен.

Сморгунер схватил стул, а г. Сташевский выхватил револьвер, который, к счастью, дал осечку.

Тогда, недовольный, очевидно, сомнительным исходом столкновения и раздраженный попыткой Сморгунера предать гласности его покушение („Костр. листок", № 109), полковник Сташевский решился довести дело до конца. Это было нетрудно, так как Сморгунер, по-видимому, человек мужественный, по-прежнему являлся в суд и всюду, где этого требовало исполнение его обязанностей. 4 сентября полковник Сташевский пришел в канцелярию суда, вооруженный револьвером, и здесь убил наповал безоружного адвоката-писателя"»[552].

Петербург. 1901.

«14 февраля 1901 года. Покушение Карповича на жизнь министра народного просвещения Боголепова. В ответ на „временные правила" 29 июля 1899 года, в силу которых более 200 киевских и петербургских студентов сданы были в солдаты, бывший студент П. Карпович стрелял в министра народного просвещения Боголепова. Министр был смертельно ранен. Карпович на месте арестован и предан суду»[553].

Сарапул. 1901.

«В 1901 году по требованию сарапульского епископа Владимира полицией была вырублена в деревне Ерыксы священная роща. Местные крестьяне-марийцы оказали при этом сопротивление, обратили в бегство священников и полицейских. Для „усмирения" крестьян был послан полицейский отряд, в результате столкновения было ранено 25 человек, а одного крестьянина убили»[554].

Якутск. 1902.

«2 апреля 1902 года в Якутском окружном суде слушалось дело административно-ссыльного А. А. Ергина по обвинению его в убийстве колымского чиновника В. К. Иванова. Ергин застрелил Иванова за его издевательства над политическими ссыльными, приведшие к самоубийству одного из них»[555].

Шлиссельбург. 1902.

«3 мая 1902 года в Шлиссельбурге был казнен Степан Валерьянович Балмашев, член Боевой организации партии социалистов-революционеров, писавший в прощальном письме к родителям, что он умирает „твердым и спокойным", „неизмеримо счастливым" от возможности „принести свою жизнь в жертву великому делу облегчения участи трудящихся и угнетаемых", в „светлом состоянии духа и блаженном самочувствии от сознания выполненных требований совести"»[556].

«На суде Балмашев вел себя героически. В последнем слове он заявил: „В свою защиту ничего говорить не стану. Хочу только ответить на ваш вопрос о том, кто был моим сообщни-

ком, кто мне помогал. Единственным моим сообщником и помощником было русское правительство. Я не отрицаю, что и раньше, еще со школьной скамьи, равно как и в бытность мою в университете, я вел противоправительственную пропаганду, но никогда не стоял за террор и за насилие. Напротив, я всегда был сторонником правового порядка и конституции. Русские министры убедили меня, что права и законности в России нет, что вместо них безнаказанно царят беззаконие, произвол и насилие, против которых можно бороться только силой“»[557].

Елизаветполь. 1903.

«29 августа 1903 года. Демонстрация рабочих, служащих, учащихся и мелких торговцев в знак протеста против закона от 12 июня 1903 года о секуляризации армянского церковного имущества. Демонстранты собрались во дворе церкви и требовали не передавать имущество в ведение правительства. Произошло столкновение с войсками и полицией, убито и ранено около 80 человек, 45 человек арестовано, из них 23 человека впоследствии были осуждены к лишению свободы»[558].

Тифлис. 1903.

«31 августа 1903 года. Демонстрация около 2000 рабочих, служащих, учащихся, мелких торговцев в знак протеста против закона от 12 июня 1903 года о секуляризации армянского церковного имущества и расстрела демонстрации в Елизаветполе 29 августа. Полиция разогнала демонстрантов, были убитые и раненые, произведены аресты»[559].

Баку. 1903.

«2 сентября 1903 года. Демонстрация рабочих и другого армянского населения с протестом против решения правительства о секуляризации имущества армянской церкви по закону 12 июня 1903 года. Демонстранты собрались на площади Парапет у Армянского собора. Произошли столкновения с вызванными казаками и полицией. Было пять убитых и 12 раненых, произведены аресты»[560].

Шуша. 1903.

«12 сентября 1903 года. Елизаветпольская губерния. Шушинский уезд. Город Шуша. Демонстрация рабочих, ремесленников и местных жителей с протестом против секуляризации армянского церковного имущества. Демонстранты, собравшись во дворе церкви, направились затем к дому уездного начальника, выкрикивая антиправительственные лозунги. Произошло столкновение с полицией и казаками, один человек был убит и несколько ранено»[561].

Томск. 1903.

«Это было осенью 1903 года. Томское студенчество, всколыхнутое докатившейся до Сибири волной студенческого дви-

жения, вышло на улицу. Демонстрация, по тем временам, была значительной. Собралось довольно много студентов университета и технологического института, только что открывшегося в Томске. Но больше, конечно, собралось любопытных зевак, желавших посмотреть на новое для Томска зрелище уличной демонстрации. Полиция, осведомленная о предполагавшейся демонстрации, была наготове. Но демонстранты тем не менее обманули бдительность полицейских. Образовав на Почтамтской улице ядро и выбросив знамена, демонстранты двинулись по направлению к набережной реки Ушайки и запели революционные песни. Эта демонстрация закончилась побоищем. Демонстранты были с четырех сторон взяты в переплет: конные казаки и городовые направо и налево полосовали демонстрантов нагайками и шашками. Кровь, крики, несколько убитых и большое число арестованных было печальным финалом демонстрации»[562].

Нохтуйск. 1904.

«11 июня 1904 года. Около Нохтуйска убит Минским поручик Сикорский, сопровождавший партию политических, за циничное оскорбление одной из политических ссыльных»[563].

Мукден. 1904.

«5 ноября 1904 года. Маньчжурия. Город Мукден. Временный военный суд маньчжурской армии осудил 13 участников восстания чеченской и кабардинской сотен армии 31 октября 1904 года как зачинщиков. Командира чеченской сотни Пашу Тасмахилова и командира кабардинской сотни Зелим-Гирея Керефова приговорили „к смертной казни через расстрел“»[564].

Пермь. 1905.

14 мая 1905 года. «14 мая в Перми собрались в частном помещении учителя, как часть Всероссийского учительского союза, была и посторонняя публика в лице учащихся и рабочих. Налетела полиция и разогнала собравшихся, прежде чем ораторы успели открыть рот. Возмущение собравшихся вылилось в демонстрацию. Толпа прошлась по главной улице с пением революционных песен. Воспользовавшись настроением, Пермская организация известила организованных рабочих о предполагаемой демонстрации вечером и назначила местом собрания Загородный бульвар. В начале 9-го часа вечером собравшиеся рабочие запели „Марсельезу“ и выкинули флаги. Затем выступили ораторы, речи чередовались с пением. Полиция оцепила входы, не выпускала и не впускала публику. Не попавшие в сад огромной толпой, тысяч в пять, двинулись с пением и распущенным красным флагом на главную

улицу. Конная полиция пробовала задержать шествие, но была сбита камнями (причем один городовой, обнаживший шашку, был убит), спешилась и бежала. Демонстранты пошли беспрепятственно, сбивая на пути плошки и разрывая флаги. В доме губернатора были выбиты все стекла»[565].

Ченстохова. 1905.

23 июня 1905 года. «23 июня была устроена грандиозная демонстрация. Когда многотысячная толпа проходила по городу с красными знаменами и пением революционных песен, войско дало несколько залпов, убив 20 чел. и ранив более 80»[566].

Нарын. 1905.

«5 июля 1905 года в городе Нарын казачий офицер застрелил ветеринара, за то, что тот назвал его „царский холуй". Убийца просидел два месяца, и Николай II освободил его и возвратил чин и ордена. В журнале „Голос казачества" от 31 июля 1912 года об этом была помещена заметка: „За поруганную честь"»[567].

Варшава. 1905.

«2 августа 1905 года. Заседание Варшавского военного суда по делу о вооруженном сопротивлении при аресте типографии Польской социал-демократической партии Мартина Каспжака и Бенедикта Гурумана. Каспжак казнен, Гуруман сослан в каторжные работы»[568].

Шлиссельбург. 1905.

«20 августа 1905 года. Казнь в Шлиссельбурге Х. Гершковича за вооруженное сопротивление при аресте в СПБ и Васильева за убийство полицейского»[569].

Севастополь. 1905.

«27 августа 1905 года. Приговор по делу о бунте на „Георгии Победоносце": трое приговорены к смертной казни, 19 — на каторгу, 33 — в арестантские роты»[570].

Феодосия. 1905.

«6 октября 1905 года. Повешен рядовой Виленского полка Могедловер, приговоренный к смертной казни за покушение на полковника Герцыка»[571].

Пенза. 1905.

«18 октября 1905 года. Более 500 учащихся вышли на улицу, чтобы выразить свою солидарность с бастующими рабочими. На разгон демонстрации учащихся губернатор выслал солдат расквартированного в Пензе Пермского полка, солдаты которого были почти все татары. Они били демонстрантов прикладами по чем попало. В результате было много раненых тяжело и легко и несколько убитых»[572].

Севастополь. 1905.

«18 октября 1905 года. Около музея севастопольской обороны был большой митинг. На этом митинге впервые выступил лейтенант Шмидт. Но появившаяся рота пехоты, во главе с севастопольским полицмейстером, разогнала собравшуюся публику. Вечером на улицах города появилась большая толпа рабочих и матросов с флагами, которая направилась к воротам тюрьмы требовать освобождения политических заключенных. Вызванная рота Белостокского пехотного полка без предупреждения дала в безоружную толпу несколько залпов. Были убиты шесть человек и 40 ранены»[573].

Минск. 1905.

«18 октября 1905 года на Привокзальной площади в Минске солдаты открыли огонь по участникам десятитысячного митинга в честь опубликования царского Манифеста 17 октября, которым Николай II даровал населению империи политические свободы. Власти на местах тем не менее получили четкую установку на подавление революции. Павел Григорьевич Курлов, ярый монархист, в то время минский губернатор, отрицал факт прямого приказа стрелять по толпе, однако в наличии такого приказа мало кто сомневался. Число жертв Курловского расстрела от 51 человека по официальным данным до около полутора сотен по оценкам тогдашней прессы и очевидцев. Сам Курлов в воспоминаниях почему-то упирал на то, что большая часть участников митинга и жертв были евреями. С одной стороны, это подтверждается официальным списком погибших, но, с другой, имеются свидетельства, что списки далеко не полные и многие из погибших были тайно похоронены солдатами за городом»[574].

Казань. 1905.

«18 октября 1905 года. Вчера началась общая забастовка наборщиков и служащих в типографиях, а также и других. Так как университет, в котором в два часа дня был назначен митинг, оказался закрытым и охраняемым войсками, то рабочие хотели устроить митинг в семинарии, но когда конная полиция и казаки начали их разгонять силой, то с крыши семинарии была брошена в казаков бомба, не причинившая вреда. Казаки и вызванная пехота начали стрелять. Рабочие отвечали из револьверов. Разыгралась возмутительная сцена, героями которой были казаки и конная полиция. Избивали малолетних учащихся. Казаки были пьяны и стреляли в разных направлениях. Особенно усердно расстреливались окна университета, семинарии и старого пассажа. На улицах виднелись лужи крови от убитых и раненых детей и взрослых. <...> Стрельба каза-

ков продолжалась до полуночи, и в это время они, разгоняя стрельбой свидетелей, грабили часовой магазин Каца и колониальный магазин Афанасьева <...> Раненые и убитые беспорядочно отвозились в больницы. <...> По имеющимся у губернатора сведениям, раненных 36, из которых шесть умерло»[575].

Петербург. 1905.

19 октября 1905 года. «Все высшие учебные заведения с утра стали закрывать. Студентам, находившимся в университете, предложили поодиночке выйти и затем стали избивать нагайками и шашками. Много раненых. Один студент убит. На выборгской стороне в Нейшлотском переулке произошла настоящая бойня. Убитых и раненых около 200... В Обуховской больнице находятся следующие лица: Иус Вульф — огнестрельная рана головы, на Загородном проспекте. Иван Анисимов — огнестрельная рана плеча, у Казанского собора. Александр Смирнов, студент Духовной академии, — резаная рана, Загородный проспект. Андрей Сальников (13 лет) — огнестрельная рана голени, Загородный проспект... Александр Голядкин — огнестрельная рана, угол Садовой и Невского проспекта... Убиты: студент Юрьевского университета Бибигаура и приказчик — неизвестен»[576].

Белосток. 1905.

«19 октября 1905 года. Демонстранты подошли к тюрьме, намереваясь ломать ворота. Солдаты дали залп. Трое убитых и семь раненых»[577].

Баку. 1905.

«20 октября 1905 года. Войска произвели залпы в толпу манифестантов. Убиты трое и 18 ранено, большинство тяжело. В драке патриотов с социал-демократами на Биби-Эйбате один убит, восемь тяжело ранены»[578].

Москва. 1905.

«20 октября 1905 года. Похороны убитого черносотенцем 18 октября председателя МК РСДРП Н. Э. Баумана вылились в 300-тысячную демонстрацию. Вечером того же дня засевшие в Манеже казаки обстреляли возвращавшихся с похорон Н. Э. Баумана рабочих и студентов. Были убиты семь человек и ранены более 70»[579].

Петербург. 1905.

6 ноября 1905 года. «На Семянниковском заводе происходит митинг; решено было закрыть в Невском районе все промышленные и торговые заведения и остановить конку. Сейчас же человек 20–30 отправились приводить это решение в исполнение. Все торговые заведения были немедленно закрыты, кроме трактира „Китай“, хозяин которого протестовал и по-

звал полицию; произошла небольшая свалка, в которой разбит был буфет. При остановке конки произошло столкновение с казаками, которые действовали шашками. Когда конка проходила мимо завода, там уже на пути были навалены бочки и опущены шпалы. Часть казаков начала восстанавливать путь, а другая направилась к столовой завода. После переговоров с полицией солдаты бросились в столовую, где было собрание приказчиков и рабочих, и начали разгонять их и бить. Между прочим, часть казаков, обозленная насмешками и колкостями рабочих, бросилась во двор завода. Митинг в это время еще продолжался. Когда туда сообщили, что солдаты уже во дворе, вышла оттуда боевая дружина и с нею Николай Клемчинский. Его ударил солдат прикладом в грудь так сильно, что он упал без чувств. Солдаты схватили его, оттащили и стали бить нагайками и шашками. Его снесли в больницу, но жив он или нет — неизвестно. Во дворе шло зверское избиение рабочих; слышались выстрелы, отдельно и залпами, обстреливалась столовая. В результате много избитых. <...> С Путиловского завода человек 30–40 отправились закрывать лавки. Около одного трактира их встретили казаки и загнали в узкий Козлов переулок. С другого конца переулка бегущих рабочих встретила толпа извозчиков — легковых и ломовых с ломами, ножами и палками. Произошла страшная бойня. Двое, несомненно, убиты, так как их увезли на дрогах в больницу, остальные избиты и ранены»[580].

Варшава. 1905.

Газета «Варшавский дневник» от 29 ноября (12 декабря) 1905 года писала: «В квартире поручика 182 пех. Гроховского полка Кривицкого (Шопена, 16) ночевал в кухне лакей знакомого г. Кривицкого г. Колянского, по фамилии Дында. Лакей этот постоянно спорил о „политике“ с вестовым поручика, рядовым-татарином Павловым, причем Павлов не раз предупреждал его, что если он будет оскорблять Государя Императора, то он, Павлов, убъет его за это. Вернувшись в 1 час ночи домой, Дында опять принялся „дразнить“ денщика, оскорбительно выражаясь о Государе. Павлов не стерпел этого, пошел в комнату барина, взял револьвер и, вернувшись в кухню, спросил: „Будешь еще Царя ругать?“ — „Буду“, — ответил Дында и опять стал поносить Царское Имя. Павлов выстрелил, и Дында упал, тяжело раненный в живот. Раненый был отправлен в больницу и там вскоре умер».

Все это, разумеется, со слов Павлова. Ведь свидетелей не было. А покойный возражать не мог. Павлова пытались привлечь к ответственности за убийство по закону. Ведь оскорб-

ление величества, хоть и было в Российской империи наказуемо, но не смертной казнью. Результат в приказе по Гроховскому полку: «25 февраля 1906 <...> С заключением прокурорского надзора о предании суду по 1455 ст. уложения о наказаниях уголовных и исправительных рядового 14-й роты вверенного мне полка Павлова, убившего лакея Дынду за то, что последний позволил себе в его присутствии поносить Особу Государя Императора — я не согласился и в порядке статьи 558 п. 2 устава военно-судебного дело было направлено по начальству. Последнее согласилось с моим мнением и довело это до сведения Государя Императора. Его Императорскому Величеству благоугодно было 6 февраля освободить Павлова от всякой ответственности. С чувством глубокой радости спешу поделиться этой Царской милостью. Вот, братцы, с кого пример надо брать, с молодца Сергея Павлова, в коем чувство преданности Царю, верность присяге говорит сильнее опасности за ответственность. Спасибо рядовому Сергею Павлову за его честные, русские убеждения, за то, что не посрамил нашего Гроховского полка.

Поздравляю рядового Павлова ефрейтором, выдать ему в награду десять рублей, отпустить в двухмесячный отпуск. Приказ прочесть во всех ротах и командах и прокричать от русского сердца „ура“ молодому ефрейтору Павлову. Подписал: командир полка полковник Бонч-Богдановский. Верно: полковой адъютант, поручик Эфенбах»[581].

Петербург. 1905.

10 декабря 1905 года. «Семянниковский завод. Избит до полусмерти депутат Трофимов, при следующих обстоятельствах: его указал казакам тот же околоточный, который указал казакам товарища Клемчинского. Трофимов при смерти»[582].

12 декабря 1905 года. «Выборгский район. 12 декабря было назначено собрание (митинг) у дома Нобеля. Собралось около 300 человек. С пением революционных песен пошли останавливать конку. Произошло столкновение с городовыми, из которых один убит, а другой ранен. Вызвали полуроту солдат. Она стреляла, но, по-видимому, холостыми: никто из толпы не ранен. Но через несколько времени, когда городовой ударил проходившего случайно человека, и толпа снова заволновалась, полурота стала стрелять боевыми патронами. Ранена одна девушка. У металлического завода был убит гусар, ударивший рабочего»[583].

Петербург. 1905.

13 декабря 1905 года. «Александровский механический завод (за Невской заставой): 13 декабря в 28 часа проезжали мимо Александровского завода казаки. Из завода кто-то вы-

стрелил. На заводе производились работы. Казаки ворвались в сборочную мастерскую, и началась беспощадная жестокая расправа. Били шашками, нагайками, и на месте сражения осталось трое убитых рабочих и пятеро раненых; один ранен смертельно. После этого рабочие, прекратив работу, ушли с завода... Убит городовой при останавливании путиловцами паркетной фабрики в Бородинском переулке... За Невской заставой, около Обуховского завода, собралась толпа послушать оратора. Появился околоточный и „попросил“ разойтись. Его не послушали. Околоточный засвистел, появились казаки, и не успели рабочие опомниться, как казаки выхватили оратора и увели. Но толпа тотчас опомнилась и бросилась за околоточным. Он, отстреливаясь из револьвера, вскочил на переднюю площадку конки и стал гнать лошадей. Толпа погналась за конкой и успела обогнать ее, опустить шлагбаум. Околоточный спрыгнул с конки и попытался скрыться в калитку ближайшего дома, отстреливаясь из револьвера. Но револьвер не действовал, и околоточный был убит толпою, которая унесла с собой все его оружие. Фамилия убитого околоточного — Макаров»[584].

Москва. 1905.

17 декабря 1905 года. «Профессор В. В. Воробьев оказывал помощь раненым и, как врач, не разбирал, кто были эти несчастные страдающие люди. Он самоотверженно подавал помощь и дружинникам, и солдатам, и случайным жертвам. В субботу 17 декабря около 5 часов вечера, когда Большую Пресню заняли войска, в квартиру доктора в доме Катлама, на Большой Пресне, у подъезда, позвонили. Воробьев, пивший чай в кругу своей семьи, встал, чтобы открыть двери на звонок. В переднюю ворвались три господина, одетые в полицейскую форму.

Один из вошедших, оказавшийся впоследствии приставом Ермоловым, обратился к доктору Воробьеву:

— Вы перевязывали дружинников?

— Я перевязывал раненых, а кто они — не спрашивал! — ответил профессор.

— У вас „Красный крест“?

— Нет!

— У вас есть оружие?

— Да, есть револьвер, но я имею разрешение от градоначальника, — сказал Воробьев.

— Покажите! — попросил пристав Ермолов.

Профессор поворачивается, чтобы идти за револьвером. В этот момент пристав стреляет ему в затылок, и профессор, смертельно раненный, падает»[585].

«8 января 1906 года министр внутренних дел Дурново выразил московскому генерал-губернатору Дубасову свое неудовольствие началом уголовного дела против пристава Ермолова в общем порядке и предложил изъять это дело от гражданских властей и, предъявив Ермолову обвинение в должностном преступлении (за превышение власти), прекратить его. Через две недели, 23 января, Дурново сделал доклад царю и получил от него резолюцию: „Дело это подлежит прекращению без всяких для Ермолова последствий". Тем временем выяснилось, что предъявление 24 декабря вдовой убитого гражданского иска к убийце служит формальным препятствием для прекращения дела... Ожидание министром юстиции оправдательного приговора Ермолову не осуществилось. Суд приговорил виновного к лишению всех особенных, личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к заключению в исправительное арестантское отделение на четыре года. Стоит ли добавлять, что это дело об убийстве полицейским чиновником человека, заподозренного во врачебной помощи революционерам, было рассмотрено судом, по распоряжению генерал-губернатора, при закрытых дверях. Но стоит добавить, что царь фактически отменил приговор суда, заменив указанное наказание осужденному полицейскому приставу лишь заключением на два месяца на военной гауптвахте без лишения прав и церковным покаянием»[586].

«На Девичьем поле, в Казанской церкви, состоялась обедня, после которой публика гурьбой побрела по домам. В силу приказа стрелять по группам свыше трех человек солдаты открыли огонь — в результате несколько человек ранено и убит диакон»[587].

«В Большом Палашевском переулке у окна (флигель далеко от улицы) показалась молодая девушка-прислуга. В это время по переулку проходил солдат одного из гренадерских полков. Увидев девушку, он припал на колено и прицелился.

— Барин, барин, — словно прикованная к окну, закричала девушка, — никак в меня солдат целит?

Грянул выстрел, и девушка, как подкошенная, упала с простреленной головой.

Еще случай, такой же жестокий и непостижимый.

На Петровке, в молочной торговле, сидела кассирша, молодая девушка. Проходивший мимо солдат прицелился и убил наповал несчастную»[588].

Виндава. 1905.

«23 декабря 1905 года. Студент Рижского политехнического института К., 20 лет от роду, был арестован и содержался под стражей в Гольдингенской тюрьме за распростра-

нение противоправительственных прокламаций. В октябре 1905 года он был освобожден из тюрьмы на основании „манифеста“ 17 октября 1905 года. Проживая легально в городе Виндаве по освобождении из тюрьмы, К. обратился к виндавским властям с просьбой разрешить ему устройство литературного вечера. Получив разрешение в канцелярии военного управления, помещавшемся на железнодорожной станции, К. подвергся тут же, по выходе из здания железнодорожной станции, нападению отряда солдат, жестоко избивших его и проломивших ему голову. В декабре 1905 года он снова был арестован ночь с 22-го на 23-е и вместе с товарищем, убитым впоследствии, препровожден на станцию железной дороги. По свидетельству железнодорожного- фельдшера, К., доставленный солдатами на станцию тяжело раненным, обратился к нему с просьбой об оказании медицинской помощи. Раны, нанесенные К. солдатами по пути следования его на железнодорожную станцию, оказались настолько тяжкими и опасными для его жизни, что потребовалась срочная медицинская помощь двух врачей — железнодорожного и частного. К больному К. никого не допускали. На следующее утро К. был найден мертвым. По словам близких к К. лиц, есть основание предполагать, что он был найден с раздробленным черепом. Отцу К. было выдано платье убитого сына, залитое кровью и проколотое во многих местах штыками»[589].

Ревель. 1905.

24 декабря 1905 года. В Вейсенштейнском уезде расстрелян называвшийся президентом Эстляндской республики Шульц, по профессии портной[590]. «По словам знавших его лиц, это был психически больной человек, ненормальность которого бросалась всем в глаза»[591].

Петербург. 1905.

«Убийство в ресторане „Медведь“ в канун Нового года продолжает служить темой разговоров в городе. Убийца студента Петербургского университета Давыдова — г-н Окунев, бывший офицер Сумского драгунского полка, уволенный из полка за историю с пропажей денег из солдатских писем. По словам очевидцев, Окунев сделал замечание студенту Давыдову о том, что он не прямо стоял во время исполнения гимна в 12 часов, но затем в течение двух часов ночи между ними не было произнесено ни слова. В начале третьего часа утра, когда Окунев уходил уже из зала, он обозвал Давыдова мерзавцем. Тогда, отойдя в переднюю, Давыдов, выхватив студенческую шпагу, ударил ею Окунева по шее. Первой пулей из браунинга Давыдов был ранен в верхнее предплечье, следующая же пуля, раздробившая череп, положила его насмерть. Последние четыре

пули попали в уже мертвого Давыдова. На присутствовавших это убийство произвело ужасное впечатление. Большинство бросилось к выходу, но нашлось несколько женщин полусвета, которые тут же над трупом говорили: „Собаке собачья смерть“. Г-н Окунев в течение двух часов находился на свободе, пока прибывший около 4 часов утра судебный следователь не отдал приказа об его аресте»[592].

«И при предыдущих императорах гвардейцы не давали прохода женщинам и безнаказанно оскорбляли мужчин даже из высших слоев общества. Но Николай II стал открыто поддерживать беспредел. Студент Давыдов не только не был революционером, а оказался любимым племянником известного композитора А. К. Лядова, который к тому же был профессором Петербургской консерватории и Придворной певческой капеллы. А. К. Лядов потребовал суда над убийцей, но Николай II велел закрыть это дело»[593].

Севастополь. 1906.

«9 января 1906 года. Телеграмма Николаю II от полковника Думбадзе отправленная из Севастополя 9 января 1906 года в 7 часов 40 минут пополудни: „Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что сего числа около 4 часов пополудни матрос 33-го флотского экипажа Иван Кириллов, содержащийся под арестом в здании 31-го экипажа и обвиняемый в числе других мятежников-матросов, задержанных вверенным мне полком в ночь 15 ноября, пользуясь редкой железной решеткой, вылез на подоконник второго этажа. На неоднократные требования часового, ефрейтора 2-й роты тоже вверенного мне полка, Алексея Зайцева, войти внутрь матрос Кириллов отвечал площадной бранью, говоря: ‹вы кровопийцы, за 15 копеек суточных и рюмку водки убиваете своего брата›. Зайцев, видя, что слова не действуют, произвел в него выстрел, пуля попала в рот и убила Кириллова наповал. Убитый матрос Кириллов отправлен мною в морской госпиталь. Командир Брестского полка полковник Думбадзе“»[594].

Лодзь. 1906.

«21 января 1906 года в Лодзи, при арестовании на Млынарской улице на сходке хлебопеков около 200 человек, ружейными выстрелами убит проходивший мимо некто Пржиборский и тяжело ранен его товарищ Янковский, умерший от раны»[595].

Варшава. 1906.

27 января 1906 года. Из прошения присяжных поверенных округа Варшавской судебной палаты в совет министров: «2/15 января с. г. в губернском городе Люблине был расстрелян без суда, а в силу лишь распоряжения временного люблинского

военного генерал-губернатора работник Марковский 17 лет, задержанный по обвинению в убийстве начальника железнодорожной станции.

3/16, 4/17 и 18/31 января с. г. в Варшаве опять расстреляны без суда шестнадцать лиц, а именно: Розенцвейг 17 лет, Гольдштейн 23 лет, Рыфкинд 18 лет, Шаер 19 лет, Пфеффер 20 лет, Фарцейг 18 лет, Крыштал 18 лет, Кернбейзер 18 лет, Шпиро 17 лет, Скуржа 15 лет, Игалсон 19 лет, Грауман, Пухач, Мендзелевский и Блюменфельд неизвестного нам возраста, по официальному сообщению, за „анархическую пропаганду, изготовление бомб, покушения с ними и грабежи". Итак, без суда подвергнуты расстрелу, если считаться только с опубликованными фактами, 17 человек, в большинстве случаев, несовершеннолетних»[596].

Магометановское. Христиановское. 1906.

Январь 1906 года. «На усмирение бунтующих жителей селения Магометановское в начале января 1906 года из Владикавказа прибыл отряд полковника Ляхова. В ходе обстрела было убито и ранено около 40 сельчан. Около ста человек подвергли аресту. С 10 января заработал военно-полевой суд. После судебного разбирательства 15 человек присудили к каторжным работам. 7 января отряд Ляхова направился в селение Христиановское. Артиллерия разрушила дома бунтовщиков. Под стражу взяли 100 человек»[597].

Очаков. 1906.

«6 марта 1906 года. На острове Березани расстреляны лейтенант П. Шмидт и матросы Частник, Гладков и Антоненко»[598].

Одесса. 1906.

«17 апреля 1906 года. Волнения в одесской тюрьме. Политический заключенный Беккер застрелен, и смертельно ранен Лубанец»[599].

Одесса. 1906.

«5 мая 1906 года. Студент Лубанец, подстреленный в тюрьме начальником караула Тарасовым одновременно с покойным Беккером, ночью скончался, после двухнедельных мучительных страданий»[600].

Калуга. 1906.

«15 мая 1906 года. Надзиратель тюрьмы Амосов выстрелом из револьвера убил арестанта Губинского»[601].

Петербург. 1906.

«1 июня 1906 года Николаю II была подана через дежурного флигель-адъютанта следующая петиция от депутатов Государственной думы, членов Государственного совета, академиков и других представителей интеллигенции (около 400 под-

писей): „Ваше Императорское Величество. Обращаемся к вам с ходатайством о сохранении жизни осужденных к смертной казни, ввиду предстоящего изменения действующего законодательства по этому предмету. Озабоченные умиротворением страны, просим вас воспользоваться Вашим верховным правом помилования и отсрочить исполнение приговоров до того момента, когда Государственной Думой положено будет начало приближению нашей системы наказаний к требованиям народной совести и к мнениям русской юридической науки“»[602].

Уже и ранее, в адресе на тронную речь, Государственная дума просили приостановить казни. Но ни на адрес, ни на эту петицию Николай II не обратил никакого внимания. В своем дневнике 1 июня 1906 года он записал вот что: «Утром представились уходящие и вновь прибывшие в Конвой казаки. Был занят докладами до часа. Завтракали: гр. Ростовцев и Лавриновский (деж.). Ездил верхом один. Была сильная жара. От 6–8 час. принял Столыпина и Горемыкина. Обедали вдвоем и затем поехали в театр на любительский спектакль. Было удачно и скоро. Читал до 12 час.»[603].

Петербург. 1906.

«9 июля 1906 года. Манифест о роспуске Государственной Думы.

Первая Государственная Дума, открытая 27 апреля того же года тронною речью, в которой государь приветствовал в лице ее членов „тех лучших людей, которых он повелел возлюбленным своим подданным выбрать от себя“, была распущена на основании манифеста, в котором было сказано: „Выборные от населения вместо работы строительства законодательного уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от Нас (Государя Императора) местных властей, к указаниям Нам (Государю Императору) на несовершенство законов основных, изменения которых могут быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению“.

Манифест был подписан Государем Императором Николаем II 9 июля 1906 года, но не был контрассигнован (подписан) ни одним министром, несмотря на то, что по закону все подобные акты должны быть контрассигнованы министром. Около 4 часов ночи на 9 июля этот манифест был расклеен по улицам Петербурга, двери и ворота Таврического дворца, где заседала Дума, заперты и к ним приставлена полицейская стража, чтобы не допустить в Таврический дворец ни одного депутата. Манифест о роспуске Думы не был прочитан в Государственной

Думе. Дума была разогнана после 72 дней заседаний, представлявших из себя непрерывный конфликт Думы с правительством. За все это время Дума успела принять только два закона: один, принятый ею по собственной инициативе, отменял навсегда и безусловно смертную казнь, другой представлял из себя видоизмененный правительственный проект об ассигновании правительству на продовольственную нужду голодающих губерний 15 миллионов рублей. Правительство требовало 50 миллионов; Дума понизила эту цифру ввиду того, что она не доверяла добросовестности правительства при расходовании этих денег. Депутатом Аладьиным было подчеркнуто, что заведывать этим делом будет Гурко, которому Дума не имеет основания доверять, а также и то, что при расходовании продовольственных сумм в карманах чиновников министерства остается до 3/4 ассигнованных денег. Через несколько месяцев было возбуждено по инициативе печати дело об исчезновении приблизительно 800 000 рублей из продовольственных средств, при чем сильное подозрение падало на товарища министра внутренних дел (Гурко). Первый из этих законопроектов о смертной казни не вошел в силу, так как не был обсужден Государственным Советом. В. Водовозов»[604].

Терюки. 1906.

«18 июля 1906 года. По постановлению „Общества Народной Расправы“ убит черносотенцами в Терюках (бывший) депутат Москвы в Государственной Думе М. Я. Герценштейн, член конституционно-демократической партии»[605].

Екатеринослав. 1906.

«21 июля 1906 года. Часа в три дня полицией был внезапно оцеплен находящийся в центре города Яковлевский сквер и все гуляющие в нем захвачены. Захватили группу людей, о чем-то горячо споривших; захватили человека, сидевшего в отдалении на скамейке и читавшего роман; захватили господина, пившего в будке сельтерскую воду; захватили двух наборщиков „Южной Зари“, проходивших через сквер; захватили, наконец, старика лет шестидесяти — меламеда.

Все взятые были собраны вместе, и тут же, вскоре, начался обыск. К несчастью, у двух молодых людей нашли револьверы. Этого оказалось достаточно для того, чтобы начать избиение. Обладателей револьверов сшибали кулаками на землю, топтали ногами, подымали, вновь сшибали, били по лицу кулаками и отобранными револьверами. При этом пристав клялся искоренить „революцию жидов“.

Затем арестованных увели в 4-ю часть, а весь сквер, по приказанию пристава, вскопали, ища бомбы. Конечно, ничего не нашли»[606].

Свеаборг. 1906.

«29 июля 1906 года. Расстрел восьми руководителей и участников Свеаборгского восстания: подпоручика Аркадия Петровича Емельянова, подпоручика Евгения Львовича Коханского, нестроевого старшего разряда Терентия Яковлевича Детинича, рядового свеаборгского крепостного пехотного полка Николая Матвеевича Воробьева и фейерверкеров: Василия Евсеевича Тиханова, Макара Ивановича Иванова, Петра Герасимовича Герасимова, Василия Ефимовича Виноградова»[607].

Елизаветград. 1906.

«30 июля 1906 года. Один уголовный, ссылаясь на болезнь, просил оставить его до следующего этапа. Получив отказ, он заявил, что добровольно не пойдет этапом. Конвойные силой присоединили арестанта к партии. Последняя начала шуметь. После холостых залпов конвойных завязалась свалка между арестантами и солдатами. Один пересыльный солдат 52-го Виленского полка, Белошапка, выхватил ружье у конвойного. Последний отобрал ружье и застрелил Белошапку. Крестьянин Линцков, бывший артиллерист, обратился к конвойным с речью, но тотчас был убит. Арестанты скрылись в камеры»[608].

Ревель. 1906.

«5 августа 1906 года. В Ревеле расстреляны 17 матросов „Памяти Азова“ и один агитатор»[609].

Кронштадт. 1906.

«7 августа 1906 года. В Кронштадте расстреляно десять человек: крестьянин П. П. Конаков, студент Тер-Мкртычанц, сын ремесленника К. Н. Иванов и семь нижних чинов минной роты: младшие унтер-офицеры Тихон Герасимов и Трофим Дорошенков, рядовые: Петр Виноградов, Николай Рюмаев, Федор Сильченков, Яков Степанов и Михаил Филиппов. Из судившихся с ними суд приговорил: 81 человека к отдаче в каторжные работы на сроки от четырех до 20 лет, 33 человека к отдаче в исправительные отделения на сроки от двух до четырех лет и семь человек к заключению в гражданские тюрьмы на два года»[610].

Петербург. 1906.

«19 августа 1906 года. Опубликовано Высочайше утвержденное положение совета министров об учреждении военно-полевых судов.

Совет министров, полагал, на основании статьи 84 свода основных государственных законов, издания 1906 года, постановить: в местностях, объявленных на военном положении или положении чрезвычайной охраны, генерал-губернаторам, главноначальствующим или облеченным их властью

предоставляется в тех случаях, когда учинение лицом гражданского ведомства преступного деяния является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании, предавать обвиняемого военно-полевому суду с применением в подлежащих случаях наказания по законам военного времени для суждения в порядке, установленном нижеследующими правилами:

„1) военно-полевой суд учреждается по требованию генерал-губернаторов, главноначальствующих или лиц, облеченных их властью, в месте, по их указанию, начальниками гарнизонов или отрядов и главными командирами и командирами портов по принадлежности в составе председателя и четырех членов из офицеров от войска или флота;

2) распоряжение генерал-губернаторов, главноначальствующих или лиц, облеченных их властью, должно следовать безотлагательно за совершением преступного деяния, по возможности в течение суток. В распоряжении этом указывается лицо, предаваемое суду, и предмет предъявляемого обвинения;

3) суд немедленно приступает к разбору дела и оканчивает рассмотрение не далее, как в течение двух суток;

4) разбирательство дела производится при закрытых дверях в присутствии, по правилам, установленным в отделении пятом, главы третьей, раздела 4 военно-судебного устава;

5) приговор по объявлении на суде немедленно вступает в законную силу, безотлагательно и, во всяком случае, не позже суток приводится в исполнение по распоряжению военных начальников, указанных в статье 1 настоящих правил“.

На основании этого закона за шесть месяцев приговорено было к смертной казни 950 человек»[611].

Свеаборг. 1906.

«21 августа 1906 года временный военный суд вынес 22 смертных приговора участникам свеаборгского восстания. Кроме того, к каторжным работам на срок от 12 до 13 лет приговорены 33 солдата, на четыре года тоже 33 солдата, в дисциплинарный батальон на срок 3–4 года — 195 человек, в военные тюрьмы на 3–4 месяца — 298 человек»[612].

Шлиссельбург. 1906.

«28 августа 1906 года. По приговору военно-полевого суда повешена в Шлиссельбургской крепости Зинаида Васильевна Коноплянникова»[613].

Москва. 1906.

«31 августа 1906 года. По приговору военно-полевого суда повешен Владимир Мазурин в Москве»[614].

Москва. 1906.

«3 сентября 1906 года. Повешен, по постановлению окружного суда, в Москве Зверев, 19 лет, по обвинению в вооруженном сопротивлении»[615].

Севастополь. 1906.

«3 сентября 1906 года. В Севастополе расстреляны матросы Дейнега и Кошуба»[616].

Свеаборг. 1906.

«5 сентября 1906 года был вынесен приговор участникам восстания на Скатуддене. 17 человек были приговорены к расстрелу, семь человек на каторжные работы без срока, семь человек к каторге на 20 лет, четыре человека в каторгу на 15 лет, четыре человека на восемь лет, десять человек на шесть лет, 21 человек на четыре года, восемь человек в исправительные арестантские отделения на шесть лет и десять человек туда же на пять лет. В тот же день 17 человек были расстреляны: Яковлев, Кузин, Насал, Кульбаков, Ягненков, Роговицкий, Муравьев, Назаров, Парфенов, Елизаров, Цеховский, Ермохин, Николайчук, Татарченко, Соловьев, Большаков, Санцевич»[617].

Одесса. 1906.

«7 сентября 1906 года. В Одессе расстрелян Леви Тарло 19 лет»[618].

Свеаборг. 1906.

«11 сентября 1906 года был вынесен приговор минерам, которые не участвовали в восстании, поскольку сидели под арестом. На этот раз было вынесено четыре смертных приговора. Пять человек были приговорены к бессрочным каторжным работам, 18 человек к каторге на срок от 20 до шести лет, 31 человек в арестантские отделения сроком на шесть лет, 61 человек в арестантские отделения на четыре года»[619].

Кронштадт. 1906.

«21 сентября 1906 года. В 6 часов утра приведен в исполнение смертный приговор над 19 матросами. Из судившихся с ними 114 человек были приговорены к каторжным работам (12 к бессрочным и 102 к различным срокам от четырех до 20 лет) и 425 человек к тюремному заключению на разные сроки»[620].

Иркутск. 1906.

«10 октября 1906 года. Беспорядки в иркутской тюрьме. Убито несколько политических, смотритель и его помощник»[621].

Кронштадт. 1906.

«14 октября 1906 года. По приговору военно-полевого суда в форте № 6 казнены: В. Тубилевич, А. Мамаева, Г. Венедиктова и рядовые К. Власов и А. Ипатов за намерение бросить бомбу в Кронштадтский военный суд»[622].

Царское Село. 1906.

«28 октября 1906 года. Самоубийство политического заключенного Севастьянова в царскосельской тюрьме»[623].

Иркутск. 1906.

«23 ноября 1906 года. В Иркутске расстрелян сапер, участник майских беспорядков»[624].

Москва. 1906.

«29 ноября 1906 года. В Москве по приговору военно-полевого суда повешены четыре человека. Военно-полевой суд 28 ноября четырем подсудимым, обвинявшимся в нападении на городового, вынес приговор, по которому они лишались всех прав состояния и присуждены к ссылке в каторжные работы без срока. В тот же день командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант Гершельман передал дело вторично на рассмотрение военно-полевого суда при новом составе судей. Вторичный суд, рассмотрев дело, признал подсудимых виновными и приговорил к смертной казни через повешение»[625].

Петербург. 1906.

«2 декабря 1906 года. В СПБ неудачное покушение на жизнь бывшего московского генерал-губернатора вице-адмирала Дубасова. Покушавшиеся пойманы.

4 декабря 1906 года. Повешены, по приговору военно-полевого суда, В. Березин и П. Воробьев, покушавшиеся на жизнь вице-адмирала Дубасова»[626].

Радом. 1906.

«7 декабря 1906 года. В Радоме расстрелян Вернер, обвинявшийся в соучастии в убийстве полковника Плотто. Впоследствии выяснилось, что Вернер не принимал участия в убийстве, а только указал полковника революционерам»[627].

Одесса. 1907.

«19 января 1907 года. В Одессе повешены четыре человека, выбежавшие, вместе с другими жильцами, из обстреливаемого полицией дома. Ничего общего с анархистами они не имели. Мать двоих из них сошла с ума»[628].

Никольск-Уссурийский. 1907.

«В Никольске-Уссурийском за март 1907 года записано 44 убийства»[629].

Александровск-Грушевск. 1907.

«24 апреля 1907 года. Столкновение между казаками и рабочими. В результате один рабочий был убит и несколько человек ранено»[630].

Петербург. 1907.

«В ночь на 3 июня 1907 года по распоряжению Столыпина были арестованы 55 членов фракции РСДРП, а утром был

издан царский Манифест о роспуске второй Думы. Одновременно (вопреки Конституции, то есть без одобрения Думой, уже распущенной) был опубликован новый избирательный закон»[631].

Тобольск. 1907.

«Бывший раньше спокойным Тобольск в июле 1907 года (21 июля) сделался ареной поджогов и убийств: два поджога, целый ряд грабежей, четыре убийства, одна женщина сначала изнасилована и потом убита; около Тобольска убита также семья из трех лиц. Напуганные обыватели не спят, по очереди дежурят всю ночь»[632].

Рига. 1907.

«15 ноября 1907 года. В Риге расстреляны два человека, на смертный приговор которым был подан протест прокурором, так как они были невинны»[633].

Для любителей умиляться «Россией, которую мы потеряли», цитата из статьи Д. Н. Жбанкова 1907 года: «Вот несколько особенно ярких фактов людского озверения и бессмысленно часто совершенных убийств, записанных за 1907 год.

В Бахмуте 4 января зарезаны домовладелец Давидович 65 л., его жена 63 л., внучка 13 л., прислуга 15 л. и сторож 70 л. Около Пятигорска убиты хозяин хутора Коммиссаров, его жена, два сына 13 и девяти лет и работник. В Уфе того же числа зарезаны семья Володкевич и жена пристава, всего семь лиц. В с. Яновке, Каневского уезда 10 января вырезана вся семья богатого крестьянина из четырех взрослых и трех детей. В селении Таврической губ. 16 янв. вырезана семья из пяти человек. В с. Самодуровке Хвалынского уезда 23 янв. сын убил мать из-за 45 руб., которые она носила на кресте. В Киеве 25 янв. убиты пять человек: Островский, его жена, мать, студент и кухарка; у последней почти напрочь отрезана голова. В Псковском уезде 25 янв. убита семья в десять человек. В слоб. около Новочеркасска зверски вырезана семья богатого крестьянина Молчанова: у него вырезан живот, у жены разрезан рот до ушей, дочь задушена. В Умани 6 февраля убита семья из шести человек: муж, жена и четверо детей. В Бахмутском уезде изнасилованы и убиты в отсутствие священника его жена и прислуга. В Елисаветграде 13 февраля ранен сторож и изнасилована его жена. На ст. Дно Моск.-Варш. жел. дор. убита семья Симонова из десяти человек. В деревне около Николаева 17 февр. убиты муж и жена Романенко и 15-летний рабочий. Убийцею оказался отец этого последнего. В с. Байбакове Полтавской губ. 17 февр. убит свящ. Логинов, жене и прислуге выколоты глаза. В Аткарском уезде 3 марта изувечены старики Фили-

повы: мужу перебили челюсти и вырвали язык, а жене разбили весь череп. В Черкасском уезде 6 марта ограблен и избит священник, дочь его изнасилована; отец умер от испуга. В Нахичевани 8 марта татары убили четверых поезжан свадебного поезда, изнасиловали и убили невесту. В Аткарском уезде 8 марта убиты и сожжены крестьянка и ее две дочери-девочки. В с. Кужи Казанской губ. 17 марта зарезана вся семья богатого крестьянина из восьми лиц. В Ахалцихе уволенный пристав Попов убил своего заместителя пристава Петрова. В с. Злынка Херсонской губ. 25 марта убит домохозяин, ранены жена, грудной ребенок и прислуга. В Екатеринбургском уезде 2 апр. убита семья машиниста из семи лиц. В Новониколаевске 3 апреля убит сторож и ранены дочь и служащий купца. Один из захваченных грабителей оказался соседом — состоятельным домохозяином. В Кутно 4 апр. зарезана семья кузнеца: четверо убиты, четверо смертельно ранены. В Таганрогском округе 5 апр. убиты мать и дочь, работник и двое детей; девятилетняя девочка изнасилована и убита. В селении Минской губ. 25 апреля убиты лавочник, жена, ребенок и прислуга. В Костроме 5 мая рабочие избили и поджарили подрядчика. В Юрьевце 5 мая зверски убит мещанин Сухов: выколоты глаза, отрезаны уши. На ст. Щимок Николаевской жел. дор. 7 мая была свадьба в семье У. и около 30 гостей и родственников после пира остались ночевать в этом доме. Ночью, когда все спали, шайка напала на дом, подожгла его с трех сторон и разграбила. Трое из ночевавших сгорели, девять человек сильно обожжены и изувечены, так что жизнь их в опасности. В селении Петербургской губ. 13 мая изранены два крестьянина, у одного отрезан язык. Около Архангельска 20 мая убиты три старухи 93, 70 и 70 лет. В Верхнеднепровске 24 мая вырезана вся семья Петрова из шести человек. В Баку 29 мая татары облили керосином перса Абасали и сожгли. В с. Плоском Черниговской губ. 3 июня убит 60-летний Юргевский, в убийстве участвовала его единственная дочь, девушка 20 лет. В Кременчугском уезде 7 июня вырезана семья из шести человек бедного сторожа еврейского кладбища. В Рязани 7 июня ограблена на 70 коп. и задушена десятилетняя девочка, торговавшая квасом. В Черниговской губ. ограблен на 5 руб. и убит 13-летний крестьянский мальчик. В Тамбове 22 июня ограблен дом купца Оводова: трое убиты, четверо ранены. В Аткарске 25 июня ограбившие церковь предварительно убили беременную жену сторожа, опасно ранили двух сторожей, жену и трех малых детей одного из них»[634].

Таблица I. Общая таблица пострадавших от травматической эпидемии с февраля 1905-го по июль 1907 года

Годы и месяцы	I. Погромы			II. Смертная казнь		III. Террор снизу				IV. Самоубийства	Общее число пострадавших
	Пострадало от всевозможных погромов			Число приговоренных к казни	Казнено по суду и без суда	Пострадало представителей власти и капитала				Число самоубийств	Всего
	Убито	Ранено	Всего			Убито	Ранено	Покушений	Всего		
1905. Февраль	571	717	1288	11	7	14	11	5	30	2	1325
Апрель и май	419	434	853	5	2	42	87	12	141	2	996
Июнь	355	452	807	6	3	72	74	13	159	18	987
Июль	101	300	401	21	12	52	50	7	109	18	540
Август	2246	1222	3468	26	4	40	41	11	92	15	3579
Сентябрь	185	84	269	15	2	82	89	19	190	9	470
Октябрь	3747	7257	11004	5	–	60	66	7	133	10	11147
Ноябрь	213	293	506	1	–	19	11	2	32	9	547
Декабрь	5187	1722	6909	2	378	43	44	11	98	6	7391
ИТОГО в 1905 г.	13024	12481	25505	96	408	424	473	87	984	85	26982
1906 Январь	501	4	505	32	386	59	48	18	125	27	1043

Февраль	38	98	136	60	295	70	80	6	156	55	642
Март	15	49	64	74	130	77	95	25	197	48	439
Апрель	72	196	268	26	9	90	114	25	229	84	590
Май	89	223	312	70	20	71	125	9	205	14	551
Июнь	330	425	755	60	7	72	88	4	164	15	941
Июль	437	520	957	45	10	238	175	14	427	32	1426
Август	275	887	1162	89	65	341	358	50	749	39	2015
Сентябрь	44	94	138	228	208	290	246	50	586	39	971
Октябрь	41	71	112	249	192	231	255	22	508	66	878
Ноябрь	23	61	84	224	220	180	193	24	397	72	773
Декабрь	21	10	31	176	120	228	263	28	519	66	736
ИТОГО в 1906 г.	1886	2638	4524	1333	1662	1947	2040	275	4262	557	11005
1907 Январь	62	400	462	168	150	215	204	11	430	93	1135
Февраль	70	312	382	137	74	209	218	17	444	95	995
Март	69	200	269	73	19	216	199	13	428	91	807
Апрель	83	228	311	84	11	163	207	3	373	120	815
Май	104	281	385	87	33	267	329	15	611	125	1154
Июнь	95	153	248	106	24	310	341	20	671	184	1127
ИТОГО в 1907 г.	483	1574	2057	655	311	1380	1498	79	2957	708	6033
ВСЕГО в 1905–1907 гг.	15393	16693	32086	2084	2381	3751	4011	441	8203	1350	44020

Таблица из статьи Д. Н. Жбанкова «Травматическая эпидемия в России», опубликованной в 1907 году. Автор оговаривает, что данные не полны. Журнал «Демоскоп» сравнил данные из статьи Жбанкова с официальными, основанными на судебно-медицинских экспертизах (из «Отчетов о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России...»). И вот что получилось[635].

Годы	По Жбанкову (1905 и 1907 неполные)		По „Отчетам...“	
	самоубийств	убийств	самоубийств	убийств
1905	85	13 856	3074	15 043
1906	557	5495	3277	18 894
1907	708	2174	3748	19 341

«К началу 1908 года в тюрьмах Российской империи сидели 200 тысяч человек. Число высланных составило 75 тысяч человек, из них 88 % политических ссыльных. В 1907 году были месяцы, когда из одного Петербурга высылалось по 4000 человек. В одном Нарымском крае за 1908 год покончили с собой 26 ссыльных. За 1906–1907 годы приговорено к смертной казни 2717 человек, казнено 1780, в том числе военно-полевыми судами казнено 144 человека. К каторге приговорено 3873 человека, к пожизненной ссылке 502 человека. К заключению в тюрьму и аресту осужден 5751 человек, в арестантские отделения 2586 человек, в дисциплинарные батальоны 1538 человек, к заключению в крепости 1307 человек. Из числа депутатов 1-й Государственной думы осуждено 180 человек: 168 к тюремному заключению, пять к заключению в крепости и аресту, четыре к штрафу, два к лишению священнического сана и один к ссылке на поселение»[636].

Тургай. 1908.

«Май 1908 года. Город Тургай. Избиение одного казаха солдатом из местной казачьей команды во время ярмарки. К месту избиения собралось много казахов и русских. Казаки начали стрелять и убили одного и тяжело ранили другого, который впоследствии скончался. Возмущение прибывших достигло высшего накала, причем зверством казаков возмущались и казахи, и русские. Житель Тургая Владимир Тимофеевич Рябиков открыто возмущался поведением казаков и призывал собравшихся дать им отпор. Безоружная толпа устроила потасовку с солдатами. Однако царские каратели оценили тургайское событие как антирусское, что нашло отражение в об-

винительном акте по привлечению активных участников события к уголовной ответственности»[637].

Ош. 1909.

«9 сентября 1909 года. Город Ош. Восстание заключенных в городской тюрьме. В жестокой схватке арестанты потеряли десять человек убитыми и девять ранеными. Специальный военный суд в Оше по этому делу приговорил 11 человек к смертной казни, а 19 — к каторжным работам на 6–20 лет»[638].

Зерентуй. 1910.

«Ноябрь 1910 года. Поводом к выступлению политических каторжан в Зерентуе послужило назначение начальником тюрьмы Высотского, уже известного зверским обращением с арестантами в Пермской губернии. Высотский грубо обращался с каторжанами, заключал их в карцер, подвергал другим наказаниям. Начались избиения заключенных. В ответ на это 83 чел. объявили голодовку. Между тем начальник тюрьмы продолжал репрессии. 28 ноября были подвергнуты истязанию розгами М. Сломянский и Ф. Петров, который после этого покушался на самоубийство. В знак протеста против новых издевательств четверо заключенных приняли яд и вскрыли себе вены. Трое из них остались живы, четвертый — социалист-революционер Е. С. Созонов, осужденный на вечную каторгу за покушение на министра внутренних дел Плеве, — умер»[639].

Старые Атаги. 1910.

«1 декабря 1910 года. Терская область. В селении Старые Атаги убит абрек Абубалар Хасуев»[640].

Старые Атаги. 1911.

«1 марта 1911 года. Терская область. В селении Старые Атаги убит абрек Аюб Тамаев»[641].

Якутия. 1911.

«Как свидетельствует журнал „Сибирские вопросы“ (№ 13–14, 15.04.1911. СПб.), цена на хлеб доходила до четырех рублей за пуд и хлеб стал совершенно недоступен бедноте. Во многих улусах Якутии вместо хлеба питались сосновой корой да водой, были целые улусы, страдающие от цинги. Весной прошел голодный тиф. Люди стали пухнуть от голода, смертность была очень большая. В Ботулинском наслеге из 38 заболевших умерло 12 человек, то есть около 30 процентов. Журнал отмечает, что во всем этом в значительной степени оказалась виновата администрация...

Газета „Новое время“ (15.02.1913. СПб.) писала: „Якутский губернатор в последнем всеподданнейшем отчете констатирует быстрое вымирание инородцев в Якутской области. Ла-

мутов в 1896 году насчитывалось до 3 тыс., теперь их осталось 2000 чел. Столько же осталось чукчей, в начале 1900 года насчитывавших 6 тыс. Юкагир сто лет назад было до 3700 человек, теперь 751 чел. Чуванцев в 1862 году было 259, в 1890 году — 143 чел., а теперь, по данным отчета, — пять человек. Приходит в упадок скотоводство области. Против предыдущего 1911 года количество оленей уменьшилось на 11,8 процентов, рогатого скота — на 12,9 процентов“»[642].

Кутомар. 1912.

«В 1912 году происходили организованные выступления политических заключенных Кутомарской и Алгачинской тюрем. Они выступали против попыток администрации ввести военно-уголовные правила обращения с политическими каторжанами. Новые распоряжения были направлены к усилению и без того жестокого режима, введенного в годы реакции в Алгачах и Кутомаре. В знак протеста заключенные объявили голодовку, которая продолжалась 15 дней, пять политических каторжан Кутомарской тюрьмы покончили самоубийством. Покушения на самоубийство происходили и в Алгачинской тюрьме»[643].

Киев. 1912.

«Ночью на 1 мая в кафе-шантан „Аполло“ явились две компании офицеров в сопровождении дам. Тут была не одна зеленая военная молодежь. Газеты называют фамилию одного генерала, одного полковника генерального штаба, и сам герой столкновения — подполковник (по другим известиям, полковник) по фамилии Лилие. В отдельный кабинет был вызван хор и пианист Штрейнберг. Кутили до утра. В 4 часа полковник Лилие потребовал у пианиста, чтобы тот сыграл „Саратовский марш“. К несчастию, пианист не умел играть „Саратовского марша“ без нот. „Ответ этот, — эпически повествует газетная хроника, — почему-то возмутил полковника Лилие, и он, выхватив отточенную шашку, воткнул ее острием в голову пианиста, ниже правого уха. Клинок вышел через рот наружу, задев сонную артерию. Штрейнберг тут же скончался. После него осталась большая семья, без всяких средств существования“»[644].

Ташкент. 1912.

«1 июля 1912 года восстали два саперных батальона в Троицком лагере под Ташкентом. 14 руководителей восстания повесили, около 200 участников приговорили к каторге, сдали в дисциплинарные части»[645].

«Военный суд жестоко расправился с восставшими. Оправдано было только семь человек. 15 солдат были приговорены

к смертной казни. Среди них руководители восстания солдаты Гессен, Савкин, Онучкин, Слободской, Котляр и др. Приговорено было к каторге на различные сроки 112 человек, в арестантские роты — 79, в дисциплинарные батальоны — 15»[646].

Севастополь. 1912.

«2 июля 1912 года в Севастополе, в военно-морском суде, закончилось слушанием дело 16 матросов броненосца „Иоанн Златоуст“. Матросы обвинялись в том, что подстрекали команду перебить офицеров, завладеть кораблем и поднять восстание. Десять обвиняемых были приговорены к расстрелу, пятеро — к каторге, один был оправдан.

Утром 10 июля близ Херсонесского монастыря были расстреляны гальванер Зеленин, машинист Карпишин и электрик Селяков; семерым смертная казнь была заменена бессрочной каторгой» («Речь» № 179 от 3(16) июля 1912 года).

«26 июля 1912 года военно-морской суд в Севастополе приговорил к расстрелу матроса Полонского, покушавшегося на убийство своего ротного командира капитана Битковского («Речь» № 203 от 27 июля (9 августа) 1912 года).

«2 августа 1912 года военно-морской суд в Севастополе приговорил к смертной казни через повешение матросов Борцова, Лясковского, Щетинина, Бабича и Масленникова, покушавшихся на побег из военно-морской тюрьмы. Первые три были повешены. Бабичу и Масленникову казнь была заменена бессрочной каторгой» («Речь» № 210 от 3(16) августа 1912 года).

«11 октября 1912 года в Севастополе, в военно-морском суде, началось рассмотрение дела 142 матросов, обвинявшихся в подготовке восстания во флоте. Морские казармы, где происходил процесс, были оцеплены войсками. Суд приговорил к смертной казни 17 человек и 106 человек к каторге на разные сроки. В конце ноября из осужденных были казнены одиннадцать матросов, остальным казнь была заменена каторгой»[647].

Петербург. 1912.

«Осенью 1912 года корнет Доне застрелил буфетчика офицерского собрания солдата 2-го эскадрона Мочалина. Тот отказался дать ему бутылку шампанского, поскольку корнет уже задолжал более 200 рублей. Доне решил, что это является нарушением субординации и по уставу он может привести к повиновению нижнего чина любыми средствами. Корнет выхватил револьвер и убил Мочалина выстрелом в голову. Военный суд приговорил его к лишению прав состояния и четырем годам арестантских рот. Но тут вмешались Романовы. Великий

князь Николай Николаевич лично доложил императору дело корнета Доне. По его ходатайству Николай II заменил Доне арестантские роты разжалованием в рядовые»[648].

«В результате крайне тяжелых условий тюремного заключения смертность в тюрьмах за период 1905–1912 годов была необычайно высокой. Так, по отчетам тюремного управления: покончили жизнь самоубийством: в 1905 году — 40; в 1906-м — 42; в 1907-м — 118; в 1908-м — 123; в 1909-м — 145; в 1910–1912 годах — 500. Всего за 1905–1912 годы — 968. Умерли от болезней: в 1905 году — 1646; в 1906-м — 1659; в 1907-м — 2345; в 1908-м — 5150; в 1909-м — 7139; в 1910–1912 годах — 20 536. Всего за 1905–1912 годы — 38 475.

По отчетным данным 1913 года среднесуточный состав арестантов, пользовавшихся больничным лечением, равнялся 15 672; за год поступило в тюремные больничные учреждения 145 108 чел., которые в общей сложности провели в тюремных больницах 5 358 578 суток. Покончило самоубийством — 43, покушалось на самоубийство — 78, убито при различных „происшествиях“ — 24 и ранено — 72.

По исчислениям С. Ушеровича, за 23 года царствования последнего Романова было: казнено по суду и расстреляно карательными отрядами — 6107; убито в восстаниях и демонстрациях — 17 582; ранено — 28 051; убито в погромах — 21 000; ранено в погромах — 31 000; умерло в тюрьмах с 1905-го по 1912 год — 30 424; покончило самоубийством в тюрьмах в 1905–1912 годах — 928. Всего — 135 092 человека»[649].

«В 1908–1916 годах только в Томской губернии были убиты 29 полицейских, чинов лесной стражи, сельских старост, 89 ранены и избиты, одновременно погибли 13 крестьян и 14 ранены. Наряду с анархическими тенденциями в природе крестьянства к росту аграрного террора вели репрессии правительства. По подсчетам Э. Ш. Хазиахметова, по политическим мотивам в 1905–1912 годах осудили 105 250 человек, к смертной казни приговорили в 1906–1913 годах 6312 человек, на каторгу в 1905–1912 годах отправили 7656 человек, на поселение — 49 589 человек. В итоге жертвами правительственных репрессий стали 154 996 человек, не считая убитых карательными отрядами и черносотенцами»[650].

Новониколаевск. 1915.

«Опасная эпидемия тифа разразилась в начале 1915 года в Новониколаевске. Ее очагом стал район вокзала из-за большей скученности беженцев, транзитных пассажиров, военнослужащих, военнопленных. Вспышке способствовало антисанитарное состояние города, отсутствие водопровода и канализации, загрязненность помещений, занятых перечис-

ленным выше контингентом. В январе 1915 года заболело 40 чел., в марте — 1170, в апреле их число достигло 1699 чел. Болезнь распространялась прежде всего среди военнопленных. Тифознобольные размещались в двух бараках-землянках: из 1100 больных в одном из них выжило 70, в другом — из 1200 — около 300 чел. В помещениях было тесно и холодно, не хватало питьевой воды. Пытавшихся выйти из них казаки нагайками загоняли обратно. Снег, используемый для получения питьевой воды, был желтым от экскрементов. Каждый третий врач и из числа задействованных в обслуживании больных умер. Всего в Новониколаевске к июлю 1915 года сыпным тифом переболело 4083 чел., из них 1249 умерли; холерой, брюшным тифом, дизентерией — около 2 тыс., из них умерли 400 человек»[651].

Петроград. 1915.

«Только с июля 1914 года по январь 1915 года в Обуховскую больницу Петрограда поступил 1291 чел. с признаками отравления суррогатами алкоголя, в том числе денатуратом — 861 (из них 11 чел. умерли), политурой — 382, смесью их — 4825. Многие больные были доставлены в больницу в бессознательном состоянии. Среди пациентов преобладали чернорабочие, торговцы, а также ремесленники и заводские рабочие, при этом подавляющее большинство их (712 чел.) владели грамотой»[652].

Петроград. Москва. 1916.

«Исследования 1913–1915 годов показали, что качество черного хлеба в столице еще более ухудшилось. Большинство проб признавались недоброкачественными вследствие плохой выпечки: мякиш был маркий, малоупругий, с избытком воды (50–54 %). В 1915 году количество влаги в мякише иногда доходило до 60,61 %, в представленных образцах были найдены личинки мучных жучков, тараканы, грязное сено, навоз, капля дегтя, окурок с махоркой, плесень, семена куколя и сорных трав, крысиный помет, песок. Лишь 18 проб (6,5 % от проверенных) оказались удовлетворительны. Неудивительно, что периодически фиксировались случаи отравления хлебом. Например, за пять дней декабря 1915 года в московские больницы обратились 225 человек (евших за обедом ржаной кислый хлеб, купленный в булочных Ф. Тихомирова и его пекарне) с признаками токсического гастрита, но в действительности пострадавших было значительно больше»[653].

Верный. 1916.

«14 августа 1916 года. Город Верный. Военно-полевой суд приговорил Байбосына Тамабаева к смертной казни через повешение за „агитацию среди киргиз своего рода <...> к восста-

нию“. Байбосын Тамабаев был повешен публично, на глазах жителей Большеалмаатинской волости»[654].

Джизак. 1916.

«20 августа 1916 года. Был повешен осужденный судом при Джизакском карательном отряде Мухаммед Хамра Ходжаев»[655].

Тулон. 1916.

«В ночь с 20 на 21 августа 1916 года в артиллерийском погребе крейсера „Аскольд“, стоявшего на ремонте в Тулоне, произошел маломощный взрыв. Командование обвинило в случившимся матросов крейсера, считавшихся до этого „неблагонадежными“, хотя прямых доказательств причастности экипажа так и не было найдено. После скорого суда и следствия четверо аскольдовцев — Захаров, Бешенцев, Шестаков и Бирюков — были приговорены к смертной казни. Моряков расстреляли 15 сентября в форте Мальбуск. Больше ста человек из экипажа „крамольного“ крейсера было сослано в плавучие тюрьмы и штрафные батальоны»[656].

Верный. 1916.

«7–9 сентября 1916 года. Город Верный. 7 сентября отрядный суд верненского гарнизона приговорил Бекбулата Акишеева к смертной казни за участие в восстании против мобилизации на тыловые работы. Приговор был приведен в исполнение 9 сентября 1916 года в окрестностях Верного, на сопке Бурундай»[657].

Джизак. 1916.

«10 сентября 1916 года. По приговору военно-полевого суда в Джизаке были повешены: Назыр Ходжа, Ходжа Абдусалямов, Мулла Раим Абдураимов, Нуретдин Маруф Ходжаев, Зия Кары Абдуллаев, Абдурахман Абдужабаров Джевачи, Джайнак Абдурасулев»[658].

Нарын. 1916.

«Октябрь 1916 года. В начале октября царским властям с помощью предателей удалось поймать одного из известных руководителей восстания в Северной Киргизии Канаата Абукина и его сына Исхака. Канаат с сыном были переданы начальнику карательного отряда полковнику Слинко. Сын Канаата Исхак по приговору военно-полевого суда в Нарыне был повешен. Сам Канаат закован в кандалы и отправлен в Верненскую тюрьму, где был несколько раз допрошен царскими судебно-прокурорскими чиновниками. Дальнейшая судьба Канаата Абукина точно не выяснена. Есть две версии. Одна версия утверждает, что он отравлен в верненской тюрьме, другая версия — что он покончил в тюрьме жизнь самоубийством, разбив свою голову о каменную стену»[659].

Троицк. 1916.

«6–7 ноября 1916 года. Город Троицк. Временный военный суд в Троицке рассмотрел дело повстанцев Карабалыкской волости. К суду было привлечено 16 человек. На суде подсудимые вели себя очень спокойно и смело. По ходу дела было видно, что суд проводится только для показа, на самом деле было ясно, какой приговор уготован подсудимым. Подсудимые Нурмухамедов, Сеитов, Кумпаев и Саденов за преступления, предусмотренные 263, 268 и 1459 статьями Уложения о наказаниях, были приговорены к смертной казни через повешение. 27 ноября 1916 года приговор военного суда был утвержден командующим войсками Казанского военного округа, а 13 декабря прокурор Казанского военного округа дал указание прокурору Троицкого окружного суда о приведении приговора в исполнение. В ночь на 14 декабря 1916 года приговор над четырьмя осужденными карабалыкцами был приведен в исполнение»[660].

Маргелан. 1916.

«14 ноября 1916 года. Ферганская область. По приговору военно-окружного суда казнен 20-летний ткач Нормухамед Рахматулла Максумов»[661].

Самарканд. 1916.

«8 декабря 1916 года. По приговору Особого временного суда были повешены: Исмаил Баба Рузы Мухаммедов, Кары Камаль Бабаджанов, Мулла Ширкуль Артыкхалов, Иноятулла Файзыбаев, Касымбай Саидбаев, Мухаммед Латиф Кусейнбаев»[662].

Западный фронт. 1917.

«За первую половину января 1917 года жалобы на плохое питание и обмундирование поступили от солдат 39 полков и трех батальонов Западного фронта. Из 38-го корпуса сообщалось, что из-за несвоевременного подвоза теплых вещей многие солдаты обморозились и 60 человек замерзли совсем»[663].

По этому разделу хроники набирается до 68 тысяч жертв режима Николая II. И эти данные, разумеется, далеко не полны. В основном это цифры из книги С. Ушеровича, разумеется, с исключением раненых и жертв, отнесенных к другим разделам. Перечень показывает широкое распостранение расстрелов, но не может претендовать на полноту охвата. До сих пор подсчеты жертв этого периода не сделаны. Понятно, что режим Николая II такие изыскания не поощрял. Как ни странно, но и советская власть этим не была озабочена и от своей научной обслуги таковых подсчетов не требовала. Хотя могла заказать и оплатить их. А уж тем более это стало никому не нужно после роспуска СССР и ликвидации Советов в России.

Погромы и карательные экспедиции

Китайские, еврейские, армянские, антиреволюционные, немецкие, продовольственные погромы и деяния карателей в Прибалтике, Сибири и Закавказье

Благовещенск. 1900.

«1 июля 1900 года в районе Айгуня с китайской стороны были обстреляны два русских парохода — „Михаил“ и „Селенга“. Семь человек было ранено. А 2 июля со стороны поселка Сахалян китайцы открыли огонь уже по Благовещенску. В результате обстрела в городе погибло два и было ранено шесть человек. На следующий день обстрел повторился: было ранено еще два человека. Всего в результате этих и последующих обстрелов в Благовещенске были убиты пять человек. В Благовещенске начались волнения: горожане опасались того, что, если противник перейдет к более активным действиям и начнет вторжение на российскую территорию, китайцы, проживающие в городе, могут оказать поддержку своим соотечественникам. Учитывая то, что на тот момент в Благовещенске находилось меньше 2000 солдат, переживания жителей города вполне можно было понять. Пойдя, так сказать, навстречу пожеланиям трудящихся, генерал-губернатор Амурской области К. Н. Грибский отдал приказ собрать всех китайских жителей Благовещенска и переправить их за Амур. Силами полиции и добровольцев были устроены облавы, в ходе которых несколько тысяч человек было интернировано. Облавы сопровождались массовыми грабежами, избиениями и убийствами. 4 июля первая партия численностью от 3 до 6 тыс. человек была отправлена в поселок Верхне-Благовещенский. Из-за жары часть людей стали отставать, тогда пристав отдал приказ всех отставших „зарубить топорами“, в результате было убито несколько десятков человек. В поселке к конвою присоединились вооруженные жители-казаки во главе со своим атаманом. Они выбрали место для переправы. Ширина Амура составляла здесь более 200 метров, глубина — более четырех при мощном течении. Подогнали китайцев к урезу воды и приказали им плыть. Когда первые вошедшие в воду почти сразу утонули, остальные идти отказались. Тогда их стали гнать — сначала нагайками, потом стрельбой в упор. Стреляли все, у кого были ружья: казаки, крестьяне, старики и дети. После получаса стрельбы, когда на берегу создался большой вал из трупов, начальник отряда приказал перейти на холодное оружие. Казаки рубили шашками, новобранцы — топора-

ми. Спасаясь от них, китайцы бросались в Амур, но преодолеть его быстрое течение не смог почти никто. Переплыло на другой берег не более ста человек. В последующие дни аналогичная участь постигла еще три группы численностью несколько сотен человек. По оценкам историков, в ходе бойни погибло от 3000 до 7000 китайцев. Эта замечательная операция довольно подробно была описана в официальном обзоре военных действий в Китае, составленном генерал-майором Овсяным для русского военного ведомства. После того, как от китайцев был „освобожден" Благовещенск, аналогичные зачистки были проведены по всей Амурской области. Особенно активно они шли в Засейском районе. Китайцы либо убивались на месте, либо переправлялись через Амур, их дома сжигались. Еще один примечательный случай произошел на землях Амурского казачьего войска: 5 июля в станице Поярково было собрано 85 китайцев, 33 из которых были сняты с парохода „Саратов", шедшего из Харбина в Айгунь. По приказу председателя амурского войскового правления полковника Волковинского все 85 человек были расстреляны. Много дней по Амуру мимо Благовещенска плыли трупы и скапливались на отмелях. На запросы станичных начальников, истреблять китайцев или нет, Волковинский отвечал телеграммами: „Китайцев уничтожить... нужно быть сумасшедшим, чтобы спрашивать каждый раз распоряжения... Все мои приказы исполнять без всяких уклонений и не самовольничать, глупостями меня не беспокоить". Полицейские приставы сообщали в окружное полицейское управление, что в восьми волостях в окрестностях Благовещенска найдено 444 трупа китайцев, но, скорее всего, это заниженные данные. 7 июля, когда „Благовещенская утопия" завершилась, губернатор Грибский выдал указание: „Мирных, безвредных китайцев, а тем паче безоружных, никоим образом не обижать". То же указание было доведено губернатором до общественности в специальном постановлении от 9 июля, которое было напечатано в виде листовки и распространено в городе. „До сведения моего дошло, что некоторые жители гор. Благовещенска, а также лица из крестьянского и казачьего населения вверенной мне области допускают различного рода насильственные действия против живущих на нашей территории мирных маньчжуров и китайцев..." „Прискорбные случаи насилия" вызваны „вспыхнувшей озлобленностью против возмутительного вероломства китайцев, начавших против нас враждебные действия, без всякого с нашей стороны повода". Для пресечения „дальнейших каких-либо посягательств на личность и имущество проживающих у

нас мирных китайцев“ губернатор приказал виновных карать по всей строгости закона. А „в видах предупреждения заразных болезней от разлагающихся на берегу Амура трупов убитых китайцев, плывущих в значительном количестве по реке“, все эти трупы собрать и захоронить.

Начатое предварительное судебное следствие было свернуто. „По соглашению трех министров — егермейстера Сипягина, статс-секретаря Муравьева и генерал-адъютанта Куропаткина — в феврале 1902 года было испрошено разрешение на окончание дела без предания суду виновных“. По результатам же административного расследования Грибский был отстранен от должности, однако „во внимание к прежней отличной его службе и боевым заслугам во время военных действий на Дальнем Востоке в 1900 году“ был оставлен на службе. Ему были официально предъявлены претензии в нераспорядительности — не отдал письменного приказа о депортации, ограничившись устным распоряжением, не проконтролировал техническую возможность переправы, не донес вовремя о случившемся по инстанции и т. д. Через некоторое время он был назначен губернатором одной из западных областей империи. Чуть больше „пострадали“ трое непосредственных исполнителей. Полицмейстер „за бездействие власти и нераспорядительность“ был отстранен от должности. Помощник пристава, признанный виновным в том, что „при переправе китайцев через Амур вплавь он не только не удерживал конвойных и частных лиц от насилий над китайцами, но и сам призывал стрелять по ним и рубить их топорами“, был „уволен от службы без прошения и подвергнут аресту на гауптвахте в течение двух месяцев“. Полковник Волковинский, оставивший, в отличие от Грибского, много письменных распоряжений об убийствах, был также „уволен от службы без прошения, с воспрещением вновь поступать на службу и с арестованием на гауптвахте в течение трех месяцев“. Все остальные были полностью освобождены от всякой ответственности — не только судебной, но и административной»[664].

Кишинев. 1903.

6–7 апреля 1903 года. «За два месяца до погрома в небольшом городке Дубоссары исчез, а потом был найден убитым четырнадцатилетний подросток Михаил Рыбаченко. Единственная ежедневная кишиневская газета „Бессарабец“, возглавляемая известным антисемитом П. А. Крушеваном, стала обсуждать возможную ритуальную подоплеку этого убийства и занялась перепечаткой циркулировавших среди населения Дубоссар слухов, поддерживавших эту версию. В частно-

сти, сообщалось, что труп был найден с зашитыми глазами, ушами и ртом, надрезами на венах и следами веревок на руках. Выдвигалось предположение, что подросток был похищен и обескровлен евреями с целью использования его крови в каком-то ритуале. В одной из статей писалось, что один из убийц-евреев был уже пойман и рассказал о деталях преступления. Статьи вызвали волнения среди жителей города и усилили существовавшие предрассудки и суеверия против евреев. Появились опасения, что подобное убийство может произойти и в Кишиневе.

По требованию следователя, установившего к тому времени отсутствие ритуального характера убийства (настоящий убийца был найден позднее — мальчика убил его дядя из-за наследства), в „Бессарабце" было опубликовано официальное опровержение напечатанных ранее домыслов. Приводились результаты вскрытия, показавшего, что подросток погиб от множественных колотых ран, а не от кровопотери, отсутствие надрезов, швов на глазах и т. п. Опровержение помогло прояснить обстановку, но не успокоило волнения — многие горожане сочли его попыткой властей скрыть преступление под давлением евреев»[665].

«Погромщиками были в основном молдаване, а также несколько специально для этого приехавших в Кишинев русских. Группы еврейской самообороны под руководством Я. Бернштейн-Когана были разоружены полицией и войсками, а их участники арестованы. Ужасы Кишиневского погрома (убито 49 человек, ранено 586, разгромлено более полутора тысяч еврейских домов и лавок) взволновали общественное мнение Европы и Америки, и в пользу пострадавших со всех концов света поступали пожертвования. Дело о погроме рассматривалось в Кишиневе сессией особого присутствия Одесской судебной палаты в конце 1903 года и начале 1904 года. Интересы потерпевших защищали О. Грузенберг и С. Е. Калманович, а также адвокаты-христиане Н. П. Карабчевский, А. С. Зарудный, С. С. Соколов и другие. Признанные виновными погромщики получили легкие наказания»[666].

Гомель. 1903.

«Еврейский погром в Гомеле 1–2 сентября 1903 года. Основную массу рядовых погромщиков составляли рабочие Либаво-Роменских и Полесских железнодорожных мастерских, крестьянская молодежь, занятая в городе на поденных и сезонных работах, в основном на железной дороге и строительстве, а также „босяки-золоторотцы" — представители городского люмпен-пролетариата. В ходе погрома к ним присоедини-

лись крестьяне пригородных деревень. В результате погрома погибли не менее 12 человек — семь евреев (по другим данным — до 12) и пять христиан. Жертвы среди христиан были вызваны действиями войск, обстрелявших скопления людей. Тяжелые увечья получили восемь человек, всего же было ранено около 50 человек. Значительный материальный ущерб был нанесен не менее чем 400 еврейским семьям, около 250 жилых и торговых помещений были повреждены и разрушены, при том что наиболее сильно пострадала еврейская беднота»[667].

Александрия. 1904.

«В августе-сентябре 1904 года в ряде городов и местечек Украины и Белоруссии погром учиняли новобранцы, призванные на русско-японскую войну. Особенно жестоким был погром в городе Александрия Херсонской губернии, где толпа ворвалась в синагогу в Йом-Киппур и зверски избила молящихся (около 20 евреев погибли)»[668].

Баку. 1905.

6–10 февраля 1905 года. Город Баку. Из отчета сенатора Александра Кузьминского Николаю II: «6 февраля 1905 года, в воскресенье, около полудня, в центре города Баку, возле армянского собора, на площади Парапет, был убит армянами проживавший в Баку зажиточный мусульманин, житель селения Сабунчи, Бакинского уезда, Ата-Рза Бабаев. <...> Побудительные причины к убийству Бабаева остались точно не выясненными, но существует не лишенное основания предположение, что оно находится в связи с имевшим место 12 января 1905 года убийством конвойными нижними чинами из армян арестанта-мусульманина Бала-Аги-Мамед-Рза-Оглы, содержавшегося под стражею по обвинению в убийстве армянина Мисаха Енгоянца, и что Бабаев, мстя за убийство Бала-Аги, покушался на убийство солдата-армянина, а это, в свою очередь, вызвало месть со стороны армян, которые и убили Бабаева.

Весть об убийстве Бабаева весьма быстро облетела мусульманское население города Баку и разнеслась также по всему Балахано-Сабунчинскому нефтепромышленному району, где у Бабаева было много родных, приятелей и знакомых. <...> Короткое время спустя после убийства Бабаева на ближайших к Парапету улицах появились небольшие группы городских татар, в пять-десять человек, которые кинжалами и выстрелами из револьверов стали убивать показывавшихся на улицах армян; в свою очередь и армяне также подстреливали татар, появлявшихся в армянской части города. Особенно участились случаи убийств и поранений вечером, когда в числе других пострадали несколько человек русских и между ними ученики

7-го класса реального училища Яков Лебедев и технического училища Иван Волков. В общем, по сведениям Михайловской городской больницы и данным предварительного следствия, за весь день 6 февраля было убито 18 и ранено 27 человек, из коих шесть русских, 25 армян, девять татар и пять других национальностей.

7 февраля, с утра. В городе все было тихо и спокойно. <...> Вдруг, часов с десяти, в разных частях города послышались выстрелы, сначала довольно редкие, а потом все больше и больше учащавшиеся. Уже в начале 11-го часа утра заведывающий 2-м следственным участком города Баку Михнович, проходя по своему участку, видел в разных местах несколько лежавших на улицах трупов убитых армян. Необычайная паника охватила население города. Все лавки мгновенно закрылись, всякое движение по улицам прекратилось, каждый спешил укрыться в своей квартире. Изредка лишь появлялись татары то в одиночку, то небольшими группами, будучи вооружены большими револьверами наподобие офицерских. А также берданками и винтовками, у многих из них находившимися, и кинжалами, открыто нападали и убивали появлявшихся на улицах армян. Последние большею частью заперлись в своих домах и в проходивших татар стреляли из окон, из-под ворот и с крыш. <...>

Во втором часу дня раздались крики, возвещавшие о разгроме армянских магазинов на Базарной улице; в течение нескольких часов татарами были разбиты и разграблены, между прочим, некоторые мануфактурные магазины в караван-сарае Лалаева, во дворе которого оказались убитыми укрывавшиеся армяне, в центре города ресторан „Шаропань“ и в крепости, недалеко от канцелярии 262-го пехотного Сальянского резервного полка, магазин золотых и серебряных вещей Артема Бабаянца.

Точная цифра убитых и раненых в течение 7 февраля не могла быть установлена, так как многие подобные случаи своевременно не были зарегистрированы, а некоторые трупы лежали на улицах неубранными в течение одного и даже двух дней, и время убийства этих лиц установлено не было. Во всяком случае, по данным предварительного следствия, далеко не полным и неточным, за время 7 февраля констатировано более ста случаев убийств и поранений.

После сравнительно спокойной ночи, на следующий день, 8 февраля, число убийств и случаев разгрома увеличилось, и самые погромы приняли более ужасающий и ожесточенный характер. В этот день многочисленные скопища вооружен-

ных татар, в присутствии многих посторонних лиц, нередко чинов полиции и казачьих разъездов, разбили и разграбили, между прочим, на Большой Крепостной улице, недалеко от казарм Сальянского полка, лавку Исая Тер-Осипова, винный погреб Касабова, в коем убили самого хозяина, его брата и двух неизвестных армян, вторично караван-сарай Лалаева, где в квартире Николая Калустова убили и поранили восемь укрывавшихся армян, и в центральной части города, на Цициановской улице, большой бакалейный магазин братьев Егиазаровых. <...> Наибольшей интенсивности и жестокости достигли действия татар-громил в местности, прилегающей к Воронцовской, Сураханской и Церковной улицам. <...>

Покончив с домом Асланова, татары-громилы перешли к двум расположенным на Церковной улице рядом, каменным двухэтажным домам Бабаджанова и Лазаревой. В этих домах, занятых исключительно почти одними армянскими семьями, в числе других квартирантов проживал в одной квартире присяжный поверенный Николай Татосов с семьею, состоявшей из жены, двух малолетних детей, десятилетней свояченицы и девятилетнего племянника, а в другой квартире, в верхнем этаже, нефтепромышленник Александр Адамов с женою и тремя малолетними детьми. По рассказу Хачатура Асланянца, служившего поваром у Адамова, первые выстрелы в квартиру Адамова были направлены в то время, когда Адамовы с перебравшимися к ним, для большей безопасности, из нижнего этажа Татосовыми около 3 часов дня обедали в столовой. В видах самозащиты и для острастки Адамов, лежа на полу в гостиной комнате, стал через дверь отстреливаться из трех охотничьих ружей от толпы татар. Крики о помощи к проезжавшим по улице казакам и неоднократные просьбы Татосова по телефону ко всем властям о присылке казаков или солдат для спасения их ни к чему не приводили, а между тем толпа татар все ближе подступала. Чтобы привлечь внимание казаков или полиции, Татосов стал играть на трубе, а 14-летний мальчик Николай Адамов — бить в барабан, но и это не помогло. Тогда вся семья Адамовых и Татосовых перешла на чердак; в комнате же остались только Александр Адамов, продолжавший отстреливаться, и повар его Асланянц, заряжавший ружья и подававший их своему хозяину. Около 6 часов вечера показался снизу дым; не довольствуясь грабежом, татары-громилы подожгли дом Бабаджанова, обливая его в местах, доступных действию огня, керосином. Асланянц предлагал Адамову попытаться спастись бегством, но Адамов отклонил это, сказав: „все равно нет спасения, давай стрелять до конца“. Од-

ним из выстрелов, произведенных с улицы, Адамов был ранен в лицо; пуля, пробив правую щеку, раздробила ему челюсть. Адамов с помощью Асланянца кое-как полотенцем перевязал рану, во рту болтались разбитые зубы, рукою он пробовал оторвать раздробленную и мешавшую ему часть челюсти и до последней возможности продолжал стрелять в толпу татар. Будучи затем контужен в ногу, Асланянц решился оставить своего хозяина и, спустившись по карнизу на крышу соседнего татарского дома, случайно спасся от смерти. Пожар вскоре перешел на смежный дом Лазаревой, который, так же как и дом Бабаджанова, совершенно сгорел, а все бывшие в помянутых домах лица <...> или сделались жертвою огня и сгорели, или же были изрублены и убиты ворвавшимися татарами. <...> Разгром домов Бабаджанова и Лазаревой и стрельба вокруг них на улице продолжалась до 11 часов ночи, а пожар прекратился гораздо позже.

Сколько именно человек сгорело и было убито в означенных домах, невозможно с точностью установить, но, во всяком случае, жертв огня и насилия было не менее 28, так как на другой день после происшествия найдено было на улице против сгоревших домов пять трупов убитых армян и в проходе дома Лазаревой три полуобгоревших трупа, а затем при осмотре подвалов этих домов обнаружено девятнадцать совершенно обуглившихся скелетов и обгоревшие кости еще одной жертвы. <...>

9 февраля утром убийства и погромы продолжались в разных частях города. Вооруженные татары врывались в армянские дома, грабили имущество и убивали попадавшихся им армян. В этот день особенное внимание обращает на себя разгром и поджог на Шемахинке большого двухэтажного каменного дома богатого местного армянина Балабека Лалаева. Дом этот, выходящий фасадом на три улицы: Кубинскую, Шемахинскую и Капитанинскую, в течение трех дней выдерживал осаду. Еще в понедельник, 7 февраля, татары произвели в окна дома с прилегающих улиц одиночные выстрелы. С 8-го числа толпы татар стали бродить вокруг дома, обстреливая его со всех сторон, и как бы караулили, не покажется ли Лалаев на улице. Все время Лалаев и жена его по телефону и лично просили представителей власти, проезжавших во вторник утром по Шемахинке, спасти их детей от неминуемо грозившей им опасности; но просьбы их оставались безуспешными, а между тем с каждым часом громившие татары ожесточеннее накидывались на дом Лалаева, пронизывая пулями все окна и двери. Когда опасность стала особенно сильно угрожать, Лалаев

с семьею перешел в квартиру проживавшего в его доме управляющего промыслами в Российском нефтепромышленном обществе Игнатия Урбановича, где пробыл несколько часов, не переставая по телефону осаждать все власти усиленными просьбами о скорейшем избавлении его от опасности. Вскоре телефон перестал действовать. Тогда <...> Лалаев с женою Анною, братом Григорием, воспитанником Матевосянцем и другими бывшими в доме его лицами, вечером перебрался в подвал и оставался там в течение всей ночи.

Рано утром 9-го числа дом Лалаева подвергнут был особенно сильной бомбардировке; по словам штабс-капитана Зуева, проживавшего саженях в ста от того места, дом Лалаева в то время осаждала толпа татар в несколько сот человек. Около девяти часов толпа эта вломилась в дом и, не находя Лалаевых, стала поджигать дом, обливая его в разных местах ведрами керосина; в то же время поджигатели старались вызвать Лалаева, уверяя, что ему ничего не будет. Когда подвал начал наполняться дымом и в нем невозможно было оставаться, Балабек Лалаев с женою вышли на улицу, прося с поклонами у толпы пощады. При появлении их толпа издала неистовый, дикий крик радости и, бросившись к ним, произвела в Лалаева около двадцати выстрелов, из коих несколькими он был убит; теми же выстрелами была убита и жена Лалаева в тот момент, когда она, при виде направленных в мужа ее револьверов, хотела собою прикрыть его, а затем оба они были изуродованы ударами кинжалов; у них были распороты животы и рассечены лица. <...> Тут же были убиты Григорий Лалаев, Матевосянц и два человека прислуги. <...> После того толпа татар некоторое еще время доканчивала разграбление дома Лалаевых, а затем отправилась громить другие небольшие дома. <...> Вскоре к месту происшествия подошла учебная команда Сальянского полка и несколькими ружейными залпами разогнала всех татар. <...>

Бакинские кровавые события происходили отчасти в 1-м и, главным образом, во 2-м и 3-м полицейских участках города Баку. За все время этих событий, с 6-го по 9 февраля включительно, согласно именному списку бакинского полицмейстера, было убито 232 человека, из них 192 армян, 36 татар и 4 русских, и поранено <...> 185 человек, в том числе 66 армян, 83 татар и 36 других национальностей. Сведения эти, во всяком случае, не вполне верны, так как многие убитые и раненые, особенно из мусульман, были унесены и скрыты родственниками их, без заявления о том полиции. За то же время разграблено 138 торговых заведений, лавок, мастерских и частных квартир.

В дни вооруженных столкновений полициею были задержаны: а) 7 февраля армянин Акоп Мурадьянц, убивший выстрелом из револьвера Мамеда-Абдул-Гусейн-Оглы, но, как потом оказалось, Мурадьянц, следуя по Набережной улице с товарищем своим Бабаянцем, сам подвергся нападению нескольких татар и отстреливался от них в положении самообороны; б) 8 февраля во дворе разграбленного дома Асланова 12 татар с некоторыми малоценными вещами; сами задержанные утверждали, что они укрывались в доме Асланова от выстрелов армян и обнаруженные у них вещи нашли в том же доме; и в) 9 февраля четыре армянина на крыше дома Адамова по подозрению в том, что они стреляли с крыш в татар. Во всех остальных случаях виновные в убийствах, грабежах и поджогах не были задерживаемы на месте преступлений и остались необнаруженными. Из чинов полиции за время беспорядков пострадал только городовой Шадрин, убитый Анохом Ованесовым в то время, когда он хотел задержать одного из армян, причем названный Ованесов также был убит залпом, произведенным в него подоспевшим к месту происшествия военным патрулем. <...>

Беспорядки, происходившие в городе Баку 6–9 февраля, распространились и на прилегающие к городу нефтяные промыслы. На Биби-Эйбате, состоящем в ведении бакинской уездной полиции, 8-го и 9 февраля татарами были разграблены духан Аветиса Погосова и сапожная мастерская Акопа Акопова, а также убиты десять армян и ранены девять человек. <...>

На Балахано-Сабунчино-Раманинских промыслах, подведомственных в полицейском отношении особому полицмейстеру, беспорядки приняли более крупные размеры. Уже 7 февраля в этом районе были ранены два армянина; в течение 8-го и 9 февраля совершен был ряд убийств, поранений и разгромов лавок Петроса Погосова, Ширипа Акопова, Арутюна Агавелова, Оганеса-Мугдусы Саядова, Андрея Шахбазова, духана Саакьянца, погреба Абгара Джабарова и других заведений, а 10 февраля утром <...> в Раманах толпа татар напала на промыслы и стала их обстреливать. На промысле Манташева, ворвавшись на вышку, татары убили двух армян, а пятерых ранили. На промысле Каспийского товарищества толпа татар убила в казармах одиннадцать армян-рабочих. На промысле Питоева тогда же было убито восемь армян и ранено шесть, частью во дворе, частью же в казарме, где рабочие спасались в ящиках под нарами. <...>

Всего за время беспорядков, с 7-го по 10 февраля, в Балаханах, Сабунчах и Раманах убито: армян 32 и татар 5; ранено ар-

мян 29, татар 4 и двое других национальностей; разграблено разных заведений и строений 37 армянских и одно еврейское. Кроме того, 9 февраля подожжен дом Амиросланова, в котором сгорели квартиры Погосова и Цатурова. За все эти дни никто из убийц, грабителей и поджигателей не был задержан полицией на месте преступления. <...> Полицмейстер Хомицкий, имея в своем распоряжении сотню казаков Лабинского казачьего полка, не оказывал никакого противодействия нападению татар на армян, не обезоруживал и не задерживал их; в последний же день, 10 февраля, узнав о появлении толпы вооруженных татар на промыслах в Раманах, он медлил прибытием туда с казаками. <...> прибыл уже в то время, когда 11 армян было поранено и более 20 рабочих убито, причем трупы некоторых из них были еще теплые»[669].

«По данным Бакинского статистического бюро и татарско-русско-армянского комитета по оказанию помощи пострадавшим, армян было убито 205, из них семь женщин, 20 детей (до четырнадцатилетнего возраста) и 13 стариков (старше пятидесяти пяти лет); ранен 121 человек. Мусульман убито 111, ранено 128; среди убитых две женщины (одна — шальной солдатской пулей); детей и стариков не отмечено. Имущественно пострадавших армян — 451, мусульман — 62 („СПб вед.“, 25.5.1905)»[670].

Феодосия. 1905.

«7 февраля 1905 года рабочие еврейской табачной фабрики и табачной фабрики Стамболи забастовали, затем к ним присоединились рабочие коробочной фабрики. Они устроили демонстрацию, состоявшую почти из 800 человек, и двинулись к порту... Перед портом дорогу толпе преградила городовая полиция, во главе с приставом Захаренко, однако демонстранты силой присоединили к выступлению грузчиков. Из порта толпа направилась к зданию думы, где возле памятника Александру III должен был пройти митинг. Перед думой стали произноситься антиправительственные речи. Почти сразу после начала митинга началась драка между забастовщиками и портовыми рабочими, не желавшими бастовать. Был убит один человек, Избито около 15, рабочие ограбили лавку и квартиру, принадлежавшие Фендису Брунштейну. Через час подошла рота 52-го Виленского полка, и драка была остановлена»[671].

Житомир. 1905.

«24 апреля 1905 года. Погром в Житомире.

Житомирский погром отличался от предшествовавших ему еврейских погромов особенно откровенной организацией. Это был не обычный погром, а организованное нападение

черной сотни на революционеров, форменное сражение между хорошо вооруженными и организованными хулиганами и еврейской самообороной.

Главной целью житомирского погрома было, очевидно, не разгром еврейского имущества, а истребление „демократов“, и только на третий день, когда самооборона, затрудняемая в своих действиях войском и полицией, была разбита, начался еврейский погром в обычном смысле слова: разгром еврейских домов и еврейского имущества.

Погром начался в субботу. В разных местах весь день происходили стычки между черносотенцами и еврейской самообороной, но самый ужасный день борьбы был в воскресенье. Нападение на евреев произошло в этот день одновременно в двух местах: в центре города, на площади, и на Подоле. Собравшиеся на площади громилы начали переходить к нападению, бросая камни и разбивая стекла в еврейских домах. Узнавши об этом, „самооборонцы“ поспешили на помощь, но были оцеплены полицией и войсками на противоположном от хулиганов тротуаре. К ним подошли студент Николай Блинов и известный в городе доктор Бинштоп. Узнав, в чем дело, они отправились переговорить с полицеймейстером и попросить его увести бунтующую толпу громил. В ответ на это полицеймейстер предложил им сначала убедить евреев разойтись. Передав это евреям, которые стали расходиться, парламентеры поспешили обратно к цепи солдат, но как только они подошли к солдатам, на Бинштока набросились хулиганы и на глазах у полиции стали его бить. Бинштоку удалось вырваться из рук хулиганов, а Блинова, который пытался обратиться к солдатам с речью, прикончили на месте — у Блинова оказались штыковые раны на лице и огнестрельная рана на спине.

Бессильная на площади ввиду полиции и солдат, самооборона поспешила на Подол, где произошло главное столкновение между черной сотней и самообороной. Выстроившись в правильные ряды, черносотенцы стали планомерно наступать на самооборону, осыпая ее градом ружейных и револьверных выстрелов. Однако теснимые самообороной хулиганы стали уже отступать, когда около пивоваренного завода Махаева хулиганы получили значительное подкрепление и окружили самооборону со всех сторон: только немногим самооборонцам удалось прорваться, большинство же было перебито. В этом месте шесть человек было убито и несколько десятков ранено — почти исключительно революционеры (рабочие и студенты). В других местах в тот же день было убито восемь и ранено 50 чел.

В понедельник начался разгром еврейских домов и обычная картина еврейского погрома; во вторник город был объявлен на военном положении, и погром прекратился сам собой»[672].

Баку. 1905.

«11 мая 1905 года, около 3 часов дня, Бакинский губернатор, т. с. кн. Михаил Александрович Накашидзе, в сопровождении стражника Захария Такайшвили, ехал на фаэтоне по Воронцовской улице гор. Баку, мимо площади, называемой Парапетом. Когда фаэтон свернул налево на Врангельскую улицу и поравнялся с табачным магазином Кушнарева, в него был брошен разрывной снаряд, взрывом которого были убиты на месте сам кн. Накашидзе, стражник Такайшвили и находившиеся вблизи магазина Кушнарева персидско-подданные Мешади Касум Али-оглы и Гасан Кулам Мирза-оглы. Кучер же фаэтона Мешади Азиз Ибрагим-оглы был отброшен на 10–15 шагов и поднят на мостовой Великокняжеского проспекта, сильно израненный, он умер 18 мая»[673].

Нахичевань. 1905.

12–15 мая 1905 года. «Погром длился три дня (12–15 мая). „Мусульмане режут армян, поджигают их дома, в которых заживо сгорают и задыхаются женщины и дети; грабят армянские лавки, не щадят никого и ничего, — писало ‹Русское слово› (24.5.1905). — За три дня только в одном г. Нахичевани... убито и сожжено свыше 100 армян... Число же убитых мусульман... ничтожно и определяется двумя-четырьмя жертвами“»[674].

Нахичеванский уезд. 1905.

«В Джаграх (под Нахичеванью) татары сожгли 100 армянских домов, убили 51 армянина и ранили 13. В Тумбуле убили 20 человек и сожгли село... По официальным данным, с 12 мая по 13 июля 1905 года в одном Нахичеванском уезде подверглось нападениям 47 армянских селений, из которых только пять не пострадали. 18 „лишились части скота“, 10 были полуразрушены, 19 — полностью разрушены, сожжены и обезлюдели. В ответ армяне разгромили одно татарское село (Иткран, в 10–15 дворов). Было ограблено 2240 армянских домов и лавок, из которых подожгли 138, разрушено и осквернено 20 церквей (см. „Тифлисский листок“, 4.8.1905; в дальнейшем — „Т. Л.“; „СПб. вед.“, 11.8.1905)»[675].

Эривань. 1905.

23–28 мая 1905 года. «Сигналом к резне послужил выстрел в воздух, произведенный 23 мая на татарском базаре пьяным татарином. Татары немедленно перебили находившихся на базаре армян и разграбили армянские лавки. Ночью они на-

пали на армянский квартал, уже защищенный баррикадами, но были отбиты. Было убито и ранено 26 армян и два татарина (один убит и один ранен) („Каспий“, 9.6.1905, „СПб. вед.“, 11.8.1905).

На следующий день перестрелка продолжалась. „Стреляли со всех концов города, из всех домов. Женщины падали в обморок, дети обезумели от страху. <...> Не было дома, из которого не было бы пущено до десяти ружейных или револьверных выстрелов“ („Каспий“, 9.6.1905)

Губернатор созвал в своем доме армянских и татарских представителей на мирное совещание (где, между прочим, татары признали свою вину в развязывании резни, что и было запротоколировано — „СПб. вед.“, 11.8.1905). Он пообещал наказать виновников, однако ограничился тем, что обыскал караван-сарай и арестовал нескольких татар, у которых нашел армянские вещи. Тогда на следующий день (25 мая) дашнакцаканы, руководимые Думаном (неукоснительно придерживавшимся принципа „око за око“), напали на татарский квартал. В один татарский дом бросили три бомбы, убив всех в нем находившихся (20 человек). Всего было убито и ранено 100 татар. Губернатору, двинувшему в город войска из Канакера, Думан послал короткую записку, предлагая сохранять нейтралитет и помнить о судьбе Накашидзе. Губернатор передал власть начальнику гарнизона. На следующее утро город был объявлен на военном положении, и стрельба стихла»[676].

Джагры. 1905.

«Май 1905 года. Одной из первых акций вновь организованной самообороны был разгром села Джагры. После уничтожения армянской части (село было смешанным) Джагры стали базой и сборным пунктом для окрестных татарских шаек, громивших армянские села. Отряд из 150 человек (бывших солдат и унтер-офицеров) под командой Аслана Мшеци и его помощника, местного учителя Ованеса Петросяна, двинулся на Джагры. Ночью армяне заняли господствующие высоты, а на рассвете, неожиданно напав, перебили все взрослое мужское население, а село сожгли. Армян погибло не больше десяти человек, в том числе Аслан.

Затем подверглась разгрому другая татарская база — село Карабулах. Ваган Папазян по кличке Комс (Граф) с 50 бойцами ночью окружил село, и утром армяне открыли убийственный огонь с окрестных высот. Татары, с криками метавшиеся по улицам, были безжалостно перебиты. Армяне вошли в заваленное трупами село и начали поджигать дома. По ним открыли огонь несколько татар, укрывшихся в одном из до-

мов. В дом бросили мощную бомбу; от взрыва рухнула крыша. Вскоре поступило известие, что множество татар идут на помощь своим, и армяне без потерь оставили горящее село (см. „Гракан Терт“, 9.2.90)»[677].

Екатеринослав. 1905.

21 июля 1905 года. «На прошлой неделе, 20 июля, у нас в Екатеринославе на рабочей бирже облили серной кислотой одного околоточного надзирателя. На второй день, вечером, когда рабочие опять собрались в садике, два хулигана возле одного трактира поранили друг друга ножами. Публика начала собираться. В это время выскочил из толпы один околоточный надзиратель и закричал, что это все жиды делают. „Вчера одного они облили серной кислотой, а ножами сегодня взялись нас резать. Бей жидов!“ — крикнул он. На его зов, конечно, отозвались черносотенники. Началось избиение всех проходивших евреев, в особенности „демократов“. В некоторых местах начали громить лавочки и даже дома. Организованные рабочие, принадлежащие ко всяким революционным партиям, начали давать отпор. Началась стрельба. По обыкновению, как всегда бывает при таких случаях, прибыли охранители порядка — казаки и конная полиция — и взяли под свое покровительство хулиганов, а на защищавшихся начали нападать под видом установления порядка. Наша организация дала знать на заводы вооруженным и невооруженным организованным рабочим. Человек пятьдесят прибежали в город, и канонада возобновилась, но мы ничего такого серьезного не могли сделать, потому что казаки и полиция защищали хулиганов, а в нас стреляли. Не останавливаясь подробно на всех эпизодах этого факта, оказалось в результате: один убитый еврей, несколько раненых с обеих сторон и несколько лавочек и домов разгромленными»[678].

Белосток. 1905.

«30 июля 1905 года. Белостокская резня.

Из мести против еврейских революционеров казаками и полицией в один день на разных улицах города убито 36 человек и много ранено. Стреляли в прохожих, в окна, всюду, где только показывался еврей»[679].

Керчь. 1905.

«31 июля 1905 года. В Керчи патриотическая демонстрация во главе с градоначальником переросла в еврейский погром. Во время погрома по распоряжению градоначальника был обстрелян отряд еврейской самообороны: погибло два его члена (один из них — русский гимназист П. Кириленко). В погроме наряду с портовыми рабочими и другими местны-

ми жителями активно участвовал табор цыган, специально приехавших в город для грабежа еврейского имущества»[680].

Шамлых. 1905.

«Начало августа 1905 года. Елисаветпольская губерния. В начале августа в ауле Шамлыхе Елисаветпольской губ. на постоялом дворе были убиты и ограблены несколькими татарами (в том числе хозяином двора) местные русские: крестьянин М. Попов и крестьянка М. Галкина. Попов был разрезан на части, при этом „ног, рук, носа, ушей не найдено". Раненую Галкину добили камнями („Т. Л.", 18.8.1905)»[681].

Агдам. 1905.

15 августа 1905 года. «„В Агдаме полный произвол; на улицах селения встречаются вооруженные татары; лавки заперты — несколько армянских лавок разграблено <...> Когда мы проезжали, горели водочные заводы Хубларова, Арунова и др. Заводы эти окружены толпою татар, вооруженных скорострельными ружьями. Толпа, что уцелело от огня, торопливо укладывает в арбы и увозит в свои села; толпой, видимо, руководит чья-то рука, так она смело и нагло действует" („Т. Л.", 23.8.1905). Разгром водочного завода Хубларова подробно описан одним из рабочих (грузином): „раздался стук в ворота... через несколько минут ворота были разбиты, и во двор ворвалась толпа татар, человек в 300 и начала стрелять в старавшихся скрыться рабочих, из которых девять было убито. Все они — армяне. Трупы их изрезаны были кинжалами, у некоторых головы отделены от туловища. В это время другая часть толпы, стоявшая за воротами, подожгла забор из сухого хвороста. Потом начался разгром завода и жилых помещений. Все было разграблено и увезено, бывшие на складе спирт, коньяк и вино были зажжены" („Т. Л.", 25.8.1905)»[682].

Шуша. 1905.

«16–18 августа 1905 года. Поводом к шушинской резне послужило убийство татарина-фонарщика неизвестными (но татары были, конечно, убеждены, что это дело рук армян) („Т. Л.", 17.8.1905). 16 августа около 2 часов дня в татарской части города два татарина подошли сзади к бывшему мировому судье Лунякину, шедшему из тюрьмы, и выстрелом из револьвера убили его наповал. Вскоре у Эриванских ворот (в армянской части) татарин ранил в ссоре армянина-объездчика, а под городом был ранен армянский крестьянин. Это послужило сигналом („Т. Л.", 8.9.1905). На татарских рынках немедленно были перебиты все находившиеся там армяне („Г. Т.", 9.2.1990). Армяне стали запирать лавки, в разных частях города поднялась перестрелка, а к вечеру армяне и татары, заняв позиции, откры-

ли друг против друга убийственный огонь. Вся ночь прошла в перестрелке... Татары, находившиеся в армянской части, были взяты в плен армянами, и наоборот, другие армяне были взяты в плен татарами („Т. Л.“, 8.9.1905). На следующий день армяне кинулись в маленький татарский поселок за Эриванскими воротами, к складу Насира, официально — дровяному, а подпольно — оружейному (Насир как бы заведовал татарским арсеналом, и армянам это было известно). Вооружившись и поджегши разгромленный склад, милиционеры заняли позиции у ворот и отбили прорывавшихся в город татар из Агдама, Малыбеглу и других окрестных селений...

Татары, вооруженные насосами, обливали дома армян керосином и поджигали их. Благодаря сильному ветру огонь быстро переходил от одного здания к другому... повсюду около пожаров стояли вооруженные татары и производили стрельбу. Делали они это, видимо, для того, чтобы не допустить армян к защите своего имущества. Таким образом огонь уничтожил более 200 домов, большинство армянских лавок, аптеку Григорьева, театр Хандализова и мировой отдел... Уничтожено огнем 240 домов; убито 318»[683].

Аскеран. 1905.

«22 августа 1905 года. Дашнакские отряды самообороны заняли старинные укрепления Аскеранского прохода. Дважды армяне отбивали атаки татарской конницы. 22 августа к Аскерану подошел большой отряд конных татар, возвращавшихся из Шуши в Агдам. Зная, что проход занят армянами, татары выслали на разведку из Ходжалу 30 всадников. Они не вернулись. Выслали еще 11 — те тоже не вернулись. Татары решили, что их товарищи прошли безопасно; на самом деле они были окружены и быстро уничтожены все до одного. Татары сожгли 340 домов („Т. Л.“, 4.11.1905).

Но ободренные татары двинулись мимо старинных крепостных стен, тянущихся с двух сторон прохода. Неожиданно из-за стен ударили залпы... Татары были окружены и легко перебиты; часть пыталась прорваться к караван-сараю Гасан-аги, но полегла под пулями отряда, засевшего на старом татарском кладбище. Из двух сотен, подошедших к Аскерану, в живых осталось только шесть человек („Г. Т.“, 9.2.1990)»[684].

Минкенд. 1905.

«Август 1905 года. „Татары организовали... орды во главе с сеидами и беками, местами при содействии полицейских чинов из татар, объявив ‹газават› <...> с священными знаменами вырезывают все армянское население без разбора пола и возраста... В селении Минкенд вырезано свыше трехсот душ всех

возрастов. Внутренности армянских детей бросали на съедение собакам“ („Сын отечества“, 30.8.1905, вечерн. вып. В дальнейшем — „С. О.“)»[685].

Колпино. 1905.

Август 1905 года. «После усиленной агитации за время стачки и митинга 9 июля власти всполошились. Несколько рабочих уволено под разными предлогами, появилось больше шпионов и нечто вроде черной сотни. Главные главари ее Федор Кривоногов и Александр по прозванию Вятский открыто нападают с ножами и металлическими палками на мирных жителей, нескольких серьезно ранили, одного (Михаила Никитина) убили, и, несмотря на жалобы, протоколы и судебные следствия, эти хулиганы продолжают оставаться на свободе и терроризируют население»[686].

Баку. 1905.

«20 августа — 7 сентября 1905 года. 17 августа забастовали кучера и кондукторы конки (среди которых было много армян). Забастовщиков уволили и заменили солдатами, и 19 августа конка пошла. Разъяренные забастовщики стали нападать на заменивших их солдат, причем с оружием. В субботу, 20 августа, произошло очередное нападение служащих конки. Трое армян обстреляли конку и убили солдата-кучера, после чего вышла перестрелка с преследовавшими их казаками, в результате которой один из нападавших был убит.

Эта стычка послужила сигналом. Лавки немедленно захлопнулись, конку убрали („Р. С.“, 28.8.1905).

Тем временем жители окружающих сел, у самих татар известные как отчаянные подонки и головорезы, и татарские рабочие, давно рассорившиеся с другими национальностями на промыслах, напали на Балаханы. Армянских рабочих было больше, все они были вооружены и могли бы отбить нападение; но татары ворвались с факелами и начали поджигать вышки, рабочие казармы, лавки... Вскоре Балаханы были охвачены пламенем. 2 тысячи рабочих, собравшись в круг и поместив в середину женщин и детей, отступили к зданиям Совета съезда нефтепромышленников и промысловой больницы и засели там („Т. Л.“, 11.9.1905).

„— Три дня Балаханы, Забрат, Раманы напоминали ад: озверевшая толпа била, грабила, расстреливала, жгла. Некоторых русских щадили. Других истребляли так же, как и армян. Раненых швыряли в горящие мазутные ямы или дорезывали. Подле промыслов Манташева окружили безоружную толпу человек в 30 и всех искрошили кинжалами и бейбутами. В Раманах замучили, перестреляли, сожгли более 300 человек...

— Сколько же убитых и раненых?

— Теперь трудно определить. Много погибло в огне. По приблизительному подсчету, убито человек 300–400, а ранено около 700.

— Всех или только армян?

— Всех. Татарам сильно навредила картечь... На третий день доставили из города еще два орудия и принялись палить в толпы татар и персов. А так как они держались густыми кучами, то им влетело. Человек до 300 избили картечью“ („Т. Л.“, 11.9.1905).

На промыслах Манташева в Биби-Эйбате тысячи рабочих были несколько дней осаждены в рабочих казармах, без пищи и воды (водопровод повредили татары). Там же человек 200 татар ворвались на завод Арефьева и потребовали у русских выдать армян. Русские отвечали, что все армяне ушли; но сторож-лезгин заявил, что русские прячут армян на заводе. Тогда татары пригрозили вырезать русских, и рабочие по одному начали выдавать армян. Сторож зорко следил, считал выдаваемых и, если видел, что кого-то хотят скрыть, называл фамилию. Выдали всех. „Тогда татары принялись их убивать — не просто убивать, а резать живыми, потрошить и вырезывать внутренности — и тут же бросать собакам“.

Так же поступили англичане на заводе Борн („С. О.“, 6.9.1905).

В рабочих казармах несколько дней находились в осаде тысячи рабочих, без пищи и воды. Загуляевский водопровод, снабжавший промыслы водой, был разрушен татарами.

В Раманах 70 армян укрылись в амбарах; татары облили амбары керосином и сожгли.

Бурового мастера Саркисьянца, скрывавшегося у знакомого татарина, обманом выманили из убежища, убили, тело разрезали на части и сожгли.

В Раманах администрация отдала восемь служащих под защиту караульных — татар и лезгин. Они убили всех мужчин, а женщину-армянку с двумя детьми оставили и насиловали четыре дня — пока ее не отбили казаки („Р. С.“, 5.9.1905).

Баку наполнился „грандиозными клубами черного дыма“, смешанного с песком (был страшный ураган).

Промыслы сгорели дотла. Не удовлетворившись сожжением промыслов, татары подожгли также лесопильные склады, находившиеся в центре города. „Благодаря беспощадному избиению поджигателей со стороны войска уцелела почтово-телеграфная контора, вся охваченная дымом“ („Т. Л.“, 25.8.1905).

Время от времени по городу проходили мирные процессии из почтенных граждан и духовных лиц обеих религий. На

короткое время резня затихала, потом возобновлялась с новой силой.

„Сегодня также шли по городу мирные процессии, после чего в доме Меликова на Набережной убили трех армян“ („Т. Л.“, 28.8.1905).

Из окон татарских домов в Баку продолжали лететь пули в русские патрули. Тогда было решено дома, из которых велась стрельба, обстреливать артиллерией. В ночь на 27 августа был бомбардирован дом Алиева; осколком был убит сын хозяина. При обыске в квартире Алиева нашли несколько ружей и штыков, множество патронов.

Этот обстрел произвел на татар сильное впечатление. Но вскоре татарские приставы догадались указывать патрулям на армянские дома, утверждая, будто оттуда ведется стрельба. По таким ложным указаниям были обстреляны дома Филиппьянца, Зейца и др. („С. О.“, 8.9.1905, второй вып.)»[687].

Иркутск. 1905.

«Полиция и жандармерия начали организовывать черную сотню. Это побудило революционные группы приступить к организации самообороны. Немедленно же было создано несколько боевых дружин, на первых порах плохо сплоченных и вооруженных. Не дремали и черносотенцы, усиленно готовясь к разгрому. Уже раздавались крики „бей жидов“, и вскоре же произошли стачки между дружинниками и погромщиками, в одной из которых были убиты два брата Винеры (студент и гимназист)»[688].

Грозный. 1905.

«10 октября 1905 года. Расстрел чеченцев на грозненском базаре солдатами и казаками. Убиты 17 человек»[689].

Кади-Юрт. 1905.

«17 октября 1905 года. Абрек Зелимхан около станции Кади-Юрт остановил пассажирский поезд и расстрелял 17 пассажиров»[690].

Томск. 1905.

«18 октября 1905 года занятия еще шли в одном только Коммерческом училище. И утром этого дня 300–400 учащихся средне-учебных заведений, собравшись у мужской гимназии, двинулись по направлению к Коммерческому училищу. Версты три прошла молодежь с пением революционных песен. Администрация не вмешивалась. Дойдя до Коммерческого училища, толпа, значительно выросшая, выбрала делегатов, которые направились к директору училища и потребовали прекращения занятий. Требование было удовлетворено, но выпуск учеников производился преднамеренно медленно.

Учащиеся собирались уже двинуться в обратный путь, как неожиданно налетела сотня казаков, предводимая полицмейстером. Команда: „в нагайки!“ — и началась дикая расправа. Били нагайками, шашками, топтали лошадьми, гимназисток хватали за косы, поднимали на воздух. Многие дети увезены были с поля битвы тяжело избитыми, окровавленными»[691].

«20 октября 1905 года около часа дня у здания полицейского управления собралась толпа в 200–300 человек. Взяв из помещения полиции портрет Николая, толпа двинулась через Базарную площадь в направлении к городской управе. Побив здесь камнями окна, она двинулась к дому архиерея. По дороге толпой были убиты: Яропольский, Гейльман, студент Евстафьев и ученик железнодорожного училища Шарыгин. Полиции не было, толпы никто не сдерживал. У дома архиерея толпу благословлял сам Макарий, после чего толпа двинулась к собору, где по распоряжению Макария началось молебствие. По мере приближения к Соборной площади толпа увеличивалась. Внутри расположенного на той же площади здания Главного управления Сибирских железных дорог (большой трехэтажный каменный корпус) собрались в это утро несколько сот служащих, пришедших за получением жалованья (накануне начальник дороги инженер Штукенберг заявил, что жалованье будет выдаваться 20 октября). Настроение собравшихся служащих было спокойное. Толпа манифестантов возбуждала только любопытство. Но, когда распространился слух о совершенных толпой убийствах, началась паника. Некоторые из служащих стали уходить. Выходившие подвергались избиению, избит был в это время архитектор Оржешко. Вскоре к зданию Управления подошел отряд милиционеров человек в 50 (30 человек вооруженных управой, часть вооруженных Томским комитетом, остальные добровольно примкнувшие со своим оружием). Когда отряд приблизился к толпе, стоявшей между собором и губернским правлением, толпа кинулась на отряд с палками, камнями. Начальник отряда студент Нордвиг приказал дать залп в воздух. Толпа быстро отступила: остался лежать один раненый черносотенец (кто-то выстрелил в толпу). Раненый был подобран студентом Зеленским, который на случайно проезжавшем извозчике повез его в расположенную вблизи больницу. Толпа кинулась преследовать Зеленского и камнями убила раненого. Спустя короткое время толпа стала вновь собираться. Молебствие в соборе окончилось. Вышедшие из собора, двинулись с портретом Николая в сторону, противоположную от здания Управления. Видя это, некоторые служащие стали расходиться, но были изби-

ты, а некоторые убиты на крайних углах площади. Здесь был убит Д. Д. Вольфсон. Между тем уходящая толпа была встречена казаками и пехотой, с которыми повернула назад к зданию Управления. Казаки, заняв угол Почтамтской улицы и Соборной площади, спешились и стали готовиться к стрельбе по милиционерам. Пехота, расположившаяся за оградой собора, также направила ружья на милиционеров. Милиции пришлось укрыться в здании Управления в надежде, что ей удастся через черный ход выйти на боковую улицу. Оказалось, что и во дворе стоял караул, который никого не пропускал. Около 3 часов дня на соборной ограде взвился белый флаг с вызовом парламентера. Нордвиг в сопровождении одного милиционера с поднятым белым платком пошел на переговоры. К нему вышел офицер и потребовал сдачи оружия и ареста милиции. Предложение это было отвергнуто. Постепенно черносотенная толпа начала облегать здание и, не встречая противодействия со стороны войск, стала громить здание, бить стекла и уничтожать все, делая попытки прорваться внутрь здания. Поняв грозящую опасность, попавшие в осадное положение скрылись на второй этаж и забаррикадировали вход на этот этаж тяжелыми шкафами с книгами, оставив на лестнице первого этажа пять милиционеров для первой встречи в случае нападения. Нордвигу удалось по телефону связаться с городской управой. Но городской голова Макушин сообщил, что на его просьбу очистить площадь от толпы и увести войска губернатор ответил решительным отказом, а городская управа сама ничего предпринять не может и поэтому предлагает осажденным самим выпутаться из создавшегося положения. Около 4 часов дня вошли в Управление полицмейстер, комендант города и начальник гарнизона. Они предложили отряду милиции сдаться, а если отряд этого не желает, то пусть не задерживает тех, кто намерен уйти, особенно женщин. Представители власти гарантировали уходящим безопасность. Отряд заявил, что сдаваться не будет, но, не желая в то же время брать на себя ответственность за других, предложил прибывшим подняться на второй этаж для личных переговоров с осажденными. Представители власти большого доверия к себе не внушали, но все же нашлось несколько человек, которые направились вместе с прибывшими к выходу. Через несколько минут в здание были брошены тела только что вышедших: некоторые были тяжело ранены (инженер Клионовский и другие), а остальные были убиты. В числе убитых был инженер Шварц. Сидевшие в засаде поняли всю безнадежность выбраться из здания и решили остаться, рассчитывая на сравни-

тельную безопасность в каменном здании с бетонными сводами первого этажа. Стемнело. Было пять часов. Толпа все больше зверела от беспрестанно чинимых избиений и убийств. На площади появился большой костер (был мороз в 10°). И вдруг в толпе родилась адская мысль поджечь осажденных. Ворвавшись в правую половину первого этажа, толпа быстро сложила гигантский костер из ломанной мебели, шкафов с книгами, облила его бочкой керосина и подожгла. Одновременно подожжено было здание и с другой стороны, возле которой стоял военный караул. Вскоре подожжен был и расположенный рядом театр. Огонь стал быстро распространяться, вырываться в окна, ярко освещая площадь. Внутри Управления раздались крики: „горим!". Началась паника. Осажденные стали рваться к выходу. Свободными от огня были только выходы во двор. Первые же выбежавшие были схвачены толпой, раздеты донага и растерзаны. Удалось прорваться группе в 60–70 человек, окруженных отрядом милиции, но далеко не всем. Среди убитых в это время был и начальник отряда Нордвиг. В течение часа-полутора огонь держался в нижнем этаже, затем по лестнице проник в верхние этажи. Осажденные подымались все выше— на третий этаж, наконец, на чердак. Некоторые думали найти спасение на крыше, но падали, сраженные пулями солдат. Расстреливались и те, кто кидался к окнам, хотел спастись по дождевым трубам. На площади в это время стояла пожарная команда и бездействовала: войска не давали пожарным приступить к работе. Около 8 часов вечера, вследствие усилившегося огня, толпа отступила от здания, и тогда явилась возможность оцепить здание солдатами. Однако всякий, кто выскакивал из здания, убивался выстрелами солдат. Огонь подымался все выше. К 11 часам пламя вырывалось изо всех окон, а вскоре рухнула крыша, похоронив тех, кто оставался в живых... В это время в соборе заканчивал молебствие сам Макарий, а перед собором опьяненная кровью толпа с диким ревом кружилась вокруг костра. И тут же рядом торжествовал победу местный губернатор и, изображая из себя Нерона, любовался со своего балкона чудным зрелищем. На настоятельные со всех сторон требования прекратить ужасы, у него был один ответ: „ничего сделать не могу, всем теперь дарована свобода". В результате этого погрома были убиты 66 человек и 129 ранены. Возможно, число жертв достигало и нескольких сотен. Были единичные жертвы и в последующие дни, когда разыгралась вакханалия разгромов и грабежей. В награду за успешное выполнение приказа „жги и бей" власть бросила лозунг „громи и грабь". С 21-го по 24 октября шел разгром ев-

рейских магазинов, лавок, квартир и предприятий. Громила черная сотня вместе с казаками, солдатами и полицией. Из окружающих Томск деревень массами стекались крестьяне, которые обозами увозили из города награбленное. Все наиболее ценное и негромоздкое оставалось в руках громил городских. Никаких мер к остановке разгрома власть не принимала. Он был прекращен только 24 октября. В этот день у разбитых пустых магазинов и лавок была поставлена „охрана“»[692].

Киев. 1905.

«18–20 октября 1905 года. Погром начался вслед за стрельбой войск по участникам митинга близ думы. Он продолжался до 21-го. Убитых около 150, раненых до 300 человек»[693]. «За три дня погрома в Киеве, по официальным данным, было убито 47 человек и ранено более 300»[694].

Херсон. 1905.

«18 октября 1905 года. Вчера состоялся митинг численностью около трех тысяч человек. Сегодня прекращены занятия во всех учебных заведениях. На улицах происходят избиения. Слышны выстрелы. Есть убитые и раненые»[695].

Ростов-на-Дону. 1905.

«18–20 октября 1905 года. После получения манифеста Николая II состоялся грандиозный митинг. Когда стемнело, многие участники митинга стали расходится. И в этот момент на оставшихся набросились черносотенцы. Началось избиение участников митинга. Свирепость бандитов дошла до того, что работницу социал-демократку, несшую знамя, убили и воткнули ей в рот древко знамени. Нападение черносотенцев и казаков у тюрьмы послужило сигналом к всеобщему погрому в городе. Этот погром продолжался три дня. Громили еврейские магазины, убивали их владельцев, охотились за революционными рабочими»[696]. «По донесению германского консула в Ростове-на-Дону (им был Карл Вальтер), сведения из которого были опубликованы членом Государственной Думы России В. П. Обнинским („Новый строй“. Часть 1. С. 14), погибло 176 человек и около 500 было ранено»[697].

Симферополь. 1905.

«18–19 октября 1905 года. Еврейский погром. Его жертвами стали 43 еврея, 20 караимов, армян и русских, похороненных 20 октября. Утром 18 октября, после принятия Николаем II манифеста, была устроена манифестация с красными флагами. Толпа прошла по городу, обходя учебные заведения, где к ней присоединялись учащиеся, затем она направилась к тюрьме с целью освободить политического заключенного Неручева. Однако вопрос о его освобождении был решен с гу-

бернатором еще накануне вечером, и Неручев уже находился на свободе. В 10:30 из первого полицейского участка начальнику тюрьмы позвонил пристав Баланчивадзе и сообщил о продвижении демонстрантов к тюрьме с целью освобождения политических заключенных. Начальник тюрьмы сразу отправил запрос в 51-й Литовский пехотный полк о предоставлении охраны тюрьме.

К 11 часам дня к зданию тюрьмы подошла толпа, состоящая преимущественно из молодых евреев, с криками „Ура! Освободить политических!".

Крики демонстрантов услышали заключенные, которые поломали сначала замки, а потом бревном вышибли тюремные ворота и стали разбегаться через площадь в разные стороны. Ко времени прибытия войск из тюрьмы сбежало 127 человек (двое из них были убиты толпой), оставшиеся же арестанты оказали войскам сопротивление, которое было подавлено с применением оружия. К 6 часам вечера в тюрьму было возвращено 80 человек, среди которых было четверо политических заключенных, из девяти сбежавших.

По освобождению арестантов толпа с красными флагами и одним белым с надписью „Да здравствует свобода!" двинулась по Екатерининской улице в город.

Во время беспорядков в тюрьме в городе была организована так называемая патриотическая манифестация, состоящая преимущественно из чернорабочих. Сначала она направилась к первому полицейскому участку, где по просьбе пристава Баланчивадзе из казенной палаты был вынесен портрет императора. Затем толпа двинулась вверх по Лазаревской улице к дому Волкова. Здесь губернатор дал патриотической манифестации разрешение на сопровождение военных музыкантов. Продвигаясь в полк за музыкантами, обе толпы встретились в переулке Фабра, в котором произошло первое столкновение.

Затем патриотическая манифестация вошла в городской сад, где происходил митинг, но еврейская самооборона открыла по ней огонь из револьверов. „Патриоты" стали избивать евреев, участников этого собрания, после чего устремились в город, где начали громить еврейские лавки. Больше всего пострадали лавки и магазины, находящиеся на Екатерининской улице.

Пристав второго полицейского стана Илья Яковлевич Чупринко и бывшие городовые симферопольской полиции Семен Никитович Ермоленко, Петр Филиппович Богданов, Станислав Иванович Пахановский, Евдоким Иванович Кузьмен-

ков, Адриан Павлович Морозов, Кириленко, Архип Петрович Дремов призывали к избиению евреев и участвовали в нем в городском саду. Во время этой свалки полицейские использовали шашки и револьверы, что было подтверждено и экспертизой. В отношении этих чинов был составлен обвинительный акт, и они проходили под судом. Некоторые подсудимые были взяты на поруки Союзом русского народа.

8 июня 1907 года исправник Мелитопольского уезда ходатайствовал у Таврического губернатора о даровании царской милости приставу Чупринко, который на полтора года находился в арестантской роте и был лишен прав и преимуществ.

А 21 сентября 1907 года император даровал помилование всем участникам симферопольского еврейского погрома, включая и полицейских, а в мае 1908 года Чупринко занял должность пристава третьего стана в Мелитопольском уезде»[698].

Одесса. 1905.

«18–22 октября 1905 года. В ходе начавшегося 18 октября 1905 года в Одессе погрома еврейская самооборона и студенческая милиция, в которую входили и евреи, и христиане, поначалу смогли приостановить антиеврейские беспорядки на целом ряде улиц; многие погромщики были убиты и ранены, свыше 200 антисемитов разоружены и взяты в плен под стражу в здании Новороссийского университета.

Лишь после того, как генерал-губернатор города Александр Каульбарс двинул против „революционеров“ (к которым была отнесена и еврейская самооборона) войска, включая казачьи части, и приказал им использовать все виды оружия, вплоть до артиллерии, погром возобновился и продолжался несколько дней...

Погром проходил и в районах, примыкавших к Одессе. Сообщается, что евреев, пытавшихся бежать, убивали в поездах или топили в Черном море.

Погибло свыше 400 евреев (до 500 евреев), в том числе 50 бойцов самообороны. Более 5 тысяч получили ранения»[699].

Феодосия. 1905.

«19–24 октября 1905 года. 19 октября, около 8:30 утра, воспитанники учительского института приглашали рабочих табачной фабрики Стамболи бросить работу и отправиться на митинг, что те и сделали. К 9 часам манифестация направилась к мужской гимназии... К манифестации присоединились гимназисты и гимназистки. Толпа насчитывала около 300 человек. У некоторых на груди были красные бантики. Манифестанты потребовали открыть здание гимназии для проведения в нем митинга, на что власти дали отказ.

Председатель Феодосийской земской управы г. Грамматиков объявил собравшимся, что для митинга отводится концертный зал городского здания, где также помещалась городская управа, ресторан. На это было сказано, что если зал не вместит всех желающих, то манифестация вернется в гимназию и „силой возьмет все классы и другие помещения".

Толпа направилась к городскому зданию. К этому времени она уже насчитывала около 800 человек. По пути произносились речи, пелись песни. Появились красные флаги с надписями „Земля и воля", „Свобода, равенство, братство", флаг с шестиконечной звездой, один черный флаг с надписью „Вечная память павшим за свободу". Толпа манифестантов частью вошла в концертный зал, а частью осталась возле памятника Александру III. На площади, где по большей части звучали антиправительственные речи, было много любопытных, не принимавших участия в манифестации.

В 11 часов утра со стороны соборной площади по Итальянской улице стала приближаться толпа с пением национального гимна, портретом государя, было четыре флага. По пути толпа встретила священника, Николая Васильевича Владимирского, настоятеля Феодосийского собора, который к ней присоединился. Он шел впереди патриотической демонстрации, неся в руках крест.

Перед входом в клуб выстроилась еврейская боевая дружина, около 40 человек, закрыв, таким образом, проход в него членам патриотической манифестации, которая остановилась недалеко от памятника.

Один из рабочих, в синей блузе, Василий Панченко, приблизился к самообороне с требованием снять шапки во время исполнения гимна, но, получив отказ, схватил одного из членов самообороны и был убит револьверным залпом. Патриотическая манифестация отступила назад, самооборона успела скрыться в здании клуба. Евреи открыли стрельбу из окон. В них полетели камни, разбросанные между фонтаном и памятником, приготовленные для починки мостовой. Всех людей, выходивших из клуба, тут же избивали дубинами. Началась свалка. Около 12 часов дня была разбита тюрьма, и из нее бежали заключенные. После первых выстрелов у клуба появился пристав Захаренко, помощник пристава Муравьев, несколько городовых. Чуть позже к клубу подошла полурота солдат 52-го пехотного Виленского полка.

В здании управы со стороны ресторана начался пожар... Здание полностью сгорело.

20 октября был базарный день, из-за чего в город приехали крестьяне, которые также приняли активное участие в погроме. Ситуация обострилась. Власти просили помощи у центра: „Положение особенно серьезное и опасное, — заявлял исправник Ионин, — Толпа народа возбуждена нелепыми слухами, бросается в разных частях города, производит бесчинства и поджоги. Войск мало. Три роты, выбившиеся из сил. Опасность грозит всему мирному населению города. Начинается паника“.

Окончательно беспорядки во всех частях города были подавлены только к 24 октября. Были убиты 14 человек. У 11 были достаточно серьезные травмы»[700].

Юзовка. 1905.

20–22 октября 1905 года. «В Юзовке 20 октября банда черносотенцев напала на демонстрантов, начала громить магазины евреев, а затем все подряд. Погром продолжался до 22 октября. За это время, по приуменьшенным данным полиции, было убито десять и ранено 38 человек, разбито и разграблено 84 магазина и свыше 100 частных квартир»[701].

Казань. 1905.

«21 октября 1905 года. Власти объявили в городе военное положение, привлекли в помощь солдат, юнкеров, черносотенцев и некоторых представителей православного духовенства. 21 октября по зданию городской Думы был открыт огонь из винтовок и пулеметов. К вечеру забаррикадировавшиеся в этом здании революционеры прекратили сопротивление. Они были арестованы и отправлены в тюрьму. На улицах происходило избиение лиц, подозреваемых в участии в революционных действиях. Общее число жертв расправы составило около 45 человек убитыми и ранеными. Целую неделю в городе продолжались погромы, направленные прежде всего против еврейского населения»[702].

Тула. 1905.

21 октября 1905 года. «Тульский губернатор М. М. Осоргин писал об обстановке в Туле в октябре 1905 года: „Тревожное настроение в Туле нарастало. Приближалась гроза. Но полиция была совершенно деморализована, а единственный пехотный полк состоял из запасных, крайне ненадежных. Понимал я, что положение в Туле может сыграть решающую роль и для данной местности, и для Москвы. Попади в руки революционеров Арсенал, революция оказалась бы вооруженной по-настоящему“... Чтобы предотвратить такую возможность, тульские власти, по-видимому, и подготовили ту черносотенную провокацию, которая завершилась кровавой расправой 21 октября.

К десяти утра 21 октября в Кремле собрались тысячи горожан. Местный живописец Глаголев принес российский триколор, приказчик книжного магазина Буковникова — портрет Николая II, который тут же украсили венком из живых цветов из кремлевской оранжереи Рознатовского. Кто-то в толпе предложил пройтись маршем по Киевской к дому губернатора, поздравить начальника губернии с царским праздником и просить подать телеграмму на высочайшее имя. Несколько тысяч человек с оркестром двинулись по главной улице города.

По ходу следования этой процессии — до дома губернатора, потом к ныне снесенной Спасской церкви, стоявшей на ул. Посольской, и снова на Киевскую — демонстранты избили 13 прохожих, которые якобы не сняли шапки перед портретом императора. Двое из них позже скончались. Но среди раненых была и учительница Шешорина: она заступилась за гимназиста, которого истязала разъяренная толпа. И потомственный почетный гражданин Барков, который вступился за старика: его забили до смерти у Спасской церкви. Ни полиции, ни казаков на улице не было.

Около пяти часов вечера на перекрестке Киевской и Посольской произошло вооруженное столкновение между боевой революционной дружиной и черносотенцами. На помощь черносотенцам сразу же подоспели казаки и полицейские. Всего было убито 25 человек и 63 ранено (по другим данным, убитых было около 40, ранено свыше 100 человек) <...>

Никто из виновников той бойни в итоге осужден не был — дело развалили в суде»[703].

Раздельная. 1905.

«21 октября 1905 года по пути следования поезда № 32, в котором ехали погромщики, из него выбросили двух зарезанных евреев. В этот же день были еврейские погромы на станции Бирзула и станции Раздельная, где на почтовый поезд № 3 напала толпа громил, убила девять пассажиров-евреев и ранила 35. Железнодорожные служащие станции Раздельная были так напуганы происшедшими на их глазах событиями, что направили 21 октября 1905 года начальнику Юго-Западных железных дорог телеграмму, в которой говорилось: „Вследствие массовых убийств пассажиров поезда № 3 на станции Раздельная служащие этой станции настойчиво просят прекратить пассажирское движение на станции Раздельная как со стороны Одессы, так и с Бессарабской ветви, и со стороны Бирзулы. В противном случае не ручаемся за жизнь служащих и пассажиров, и целость станции. Просим вас ходатайствовать об увеличении воинской охраны станции немедленно“»[704].

Кишинев. 1905.

«Погром с 18-го по 20 октября 1905 года. Разгромлены магазины. Убито 60 человек, ранено около 200»[705].

Саратов. 1905.

«Погром с 19-го по 21 октября 1905 года. Около четырех часов дня с Театральной площади по Царицынской улице двинулась толпа в двести человек, громя по пути дома евреев. С пяти часов вечера, как отмечалось в тех же документах, в разных местах города группы „простого народа“ стали громить еврейские магазины и квартиры, подожгли молитвенный дом и синагогу и не давали пожарным тушить огонь. Для прекращения беспорядков власти подтянули дополнительные войска казаков, полиции и пехоты, что еще более распалило погромщиков...

Вернувшийся с поездки по губернии губернатор П. А. Столыпин дежурил по городу. По данным полиции, за 19–20 октября в городе было убито три человека и семь умерло в больнице, разгромлено 168 магазинов и квартир, ранено 124 человека, из которых 68 тяжело, с вещами задержано 52 человека. Среди евреев убитых не было. За эти дни в городе было разграблено 53 магазина, 53 квартиры, 13 домов, пять аптек, четыре мастерских, две парикмахерские, две фабрики, один склад, одна молельня и одна синагога. Ущерб, причиненный еврейской общине, составил около миллиона руб.»[706].

Вольск. 1905.

«20 октября 1905 года. Саратовская губерния. В Вольске состоялась массовая демонстрация интеллигенции и учащейся молодежи. Колонна с красными флагами и пением революционных песен двигалась по Московской улице. Собравшиеся около земской управы черносотенцы напали на мирное шествие. Петербургская газета „Новая жизнь“ так описывала их расправу: „Черная сотня орудовала здесь не менее трех часов. Избито и изувечено много детей... Били не просто, а с издевательством и мучительством“. Студент Петербургского политехнического института Георгий Яблочков был убит»[707].

Чернигов. 1905.

«Октябрь 1905 года. В ходе октябрьских погромов 1905 года в Черниговской губернии было убито 76 евреев, сотни ранены и ограблены. Общины Нежина, Новгород-Северского, Новозыбкова, Стародуба и Суража пострадали больше других. В Чернигове после объявления царского манифеста 17 октября 1905 года банды черносотенцев устроили погром, разграбили еврейские магазины, лавки и дома, было несколько убитых, много раненых»[708].

Баку. 1905.

«20–30 октября 1905 года. „Патриотическая“ демонстрация началась утром 20 октября. По улице двинулась „толпа, состоявшая из босяков, безработных и нескольких, по-видимому, интеллигентных лиц“. В основном это были русские, но примешались и „подонки татарского населения под разными знаменами“. Несли портреты Николая и персидского шаха. Били всех, кто не понравится, но в основном, конечно, армян. Один армянин был зарезан даже у подъезда генерал-губернаторского дома. Было сожжено до двух десятков армянских домов...

В разгар погрома армянские депутаты обращались к тогдашнему главе правительства графу С. Ю. Витте и получили ответ: „Что же я могу сделать? По всей России так! От меня это не зависит!“ („Т. Л.“, 2.11.1905). По прошествии трехдневного срока было, наконец, издано распоряжение о противодействии насилиям („Т. Л.“, 23.10.1905), однако погромы продолжались до 30 числа. 24 октября погромщики ворвались в армянскую богадельню и убили шесть женщин и детей; но затем подоспела самооборона, и громилы бежали, оставив до 30 человек убитыми („И. О.“, 26.10.1905)»[709].

Орша. 1905.

«Погром с 20-го по 23 октября. 21 октября в Орше было решено устроить патриотическую манифестацию, на которую съехалось население окрестных сел и деревень. Во время шествия манифестантов был произведен выстрел из „первого еврейского дома“, что и послужило своеобразным сигналом к началу погрома, длившегося в течение нескольких дней. Как сообщал городской голова Стратонович в телеграмме на имя графа Витте, только 22-го числа, при бездействии властей, было убито 30 евреев»[710]. «Убито более 40 человек и разграблены лавки»[711].

Красноярск. 1905.

21 октября 1905 года. «По примеру других городов, Красноярским союзом „Мира и Порядка“, руководимым неким Афанасием Смирновым, также было решено организовать патриотическую манифестацию. Манифестация была назначена на 21 октября и приурочена к какому-то „царскому дню“. О готовящейся манифестации черносотенцев вскоре стало известно. Собрание в железнодорожных мастерских, состоявшееся утром 21 октября, было посвящено почти исключительно вопросу о противодействии черной сотне, в случае если она попытается и в Красноярске устроить погром. Тут же была организована боевая дружина из добровольцев-рабочих, и рабочие вместе с дружиною отправились на митинг в

Народный дом, где их с нетерпением уже ожидали горожане. <...> Около трех часов дня патриотическая манифестация проследовала мимо Народного дома от Старой соборной площади по направлению к Новому собору. Проходя мимо Народного дома, манифестанты кричали: „Ура!“, „Да здравствует монархия!“. <...> После молебна черносотенцы выстроились на Соборной площади, и к ним обратились с речами Афанасий Смирнов и еще какой-то неизвестный субъект. П. К-ов, описавший Красноярские события в июньской книжке журнала „Былое“ за 1907 год, говорит, что речи клонились к тому, чтобы возбуждать толпу против забастовщиков и находящихся в Народном доме. На обратном пути, проходя мимо Народного дома, часть манифестантов, очевидно, возбужденная призывами своих руководителей, бросилась на охрану, стоявшую у входа в Народный дом. Раздался провокаторский выстрел, и началась перестрелка, продолжавшаяся, впрочем, недолго. Черная сотня была отбита. Между тем около Народного дома собралось довольно значительное количество публики, пришедшей посмотреть, что будет, или случайно не попавшей в зал. На нее-то и набросилась часть манифестантов; им помогали в этом полицейские, казаки и отдельные солдаты. При перестрелке был убит один из наших дружинников — рабочий Журавский. Когда перестрелка прекратилась и наступило как будто некоторое затишье, часть публики устремилась к выходу. Митинг был объявлен закрытым. Однако вскоре же стало известно, что дом окружен черносотенцами, и идут войска и казаки. По сведениям, полученным от нашей охраны, выходить было опасно, вышедшие могли подвергнуться избиению. Поэтому, по поручению Комитета, я возобновил собрание и предложил всем оставаться спокойно на местах и ждать дальнейших известий. Присутствовавшие, несмотря на то, что состав митинга был крайне пестрый, проявили замечательную дисциплинированность. Все быстро успокоились и расселись по местам. Каковы же были наши средства защиты? Когда, успокоив присутствовавших в зале, я вышел в коридор, чтобы лучше ознакомиться с положением дел через дружинников, я нашел у одной из главных боковых дверей К. Кузнецова, А. Рогова, Журавлева, Б. Шумяцкого и др.— всего человек десять. Такие десятки были рассеяны и по другим постам. В общем, охранявшая нас дружина, набранная преимущественно из рабочей молодежи, состояла, вероятно, из пяти-шести десятков. Это было немного, но народ был надежный, и для отпора черносотенцам дружинников было достаточно. Со стороны же войск прямого нападения на Народный дом ожидать было

трудно... Из лиц, находящихся в Народном доме, был убит лишь один дружинник. Пострадала от черносотенцев главным образом публика, находящаяся вблизи Народного дома и большей частью даже не причастная к революционному движению. Били и мужчин, и женщин; последних, по воспоминаниям П. К-ова, почему-то предпочитали бить по животу. Среди избитых было несколько учениц фельдшерской школы, сопровождавших раненых в больницу, находящуюся недалеко от Народного дома. Разозленные черносотенцы ничего не разбирали, и в числе избитых насмерть оказался даже товарищ прокурора Ераков, вмешавшийся в толпу черносотенцев в наивном намерении отговорить их от погрома. Смертельная рана ему, по заключению врача, была нанесена шашкой, что указывает на то, что в избиении принимали участие и отдельные казаки. Всего было убито в этот день 11 человек и тяжело ранено около 40 человек. Из раненых пять человек умерло через несколько дней („Былое", 1907 год, июнь)»[712].

Батум. 1905.

«21 октября 1905 года. В три часа дня на окраине города произошла перестрелка между войсками и демонстрантами. С обеих сторон были убитые и раненые»[713].

Екатеринослав. 1905.

«21–23 октября 1905 года. Погром. В ходе погрома погибло 67 человек и 100 человек было ранено»[714].

Рига. 1905.

«22–23 октября в Московском Форштадте начались крупные беспорядки. ЛСДРП и Бунд в специальной листовке 24 октября дали следующую оценку происходящему: царская полиция образовала толпу, которая напала на евреев. В результате нападения погибли семь человек и ранены 28... Практически попыткой погрома можно назвать трагические и хаотические события в воскресенье 23 октября. В обеденное время, около 12 часов, от церкви Святого Иоанна началось патриотическое монархическое шествие, в котором принимали участие главным образом рабочие Кузнецовской фабрики числом не более 100–150 человек... Те, кто нес царские портреты и иконы, потребовали снять шляпы перед „святынями", что совсем не хотели делать наблюдавшие. В стычку ввязались по крайней мере три стороны: демонстранты-монархисты, среди которых были вооруженные люди, казаки, охранявшие шествие и пытавшиеся обеспечить порядок, вооруженные патрули латышских и еврейских рабочих. Погибшие были уже во время стычки возле церкви... Демонстранты буквально слонялись по многочисленным улицам предместья... К четырем часам попо-

лудни толпа приблизилась к еврейскому приюту на Ярославской улице, где заняли скрытую позицию члены еврейского патруля самообороны и десять вооруженных латышских социал-демократов... Ворвавшихся в приют встретил огонь его защитников; очень скоро стычка переросла из попытки погрома в вооруженное столкновение между царской полицией и казаками и еврейскими и латышскими революционерами... Потери были следующими: были убиты (застрелены) два еврея: Янкель Поплак и 18-летний студент Залман Гуревич... Среди погибших было больше латышей — первым был член латышского рабочего патруля самообороны Янис Берзиньш, раненный в столкновении на Большой Горной улице 22 октября и скончавшийся от ран. 23 октября погибли: Индрикис Екабсонс (застрелен), Карлис Волдемарс (заколот), Янис Креслиньш (забит камнями) — все трое были членами латышских боевых дружин и защищали еврейский приют. Еще двое латышей — Вильгельм Йонатс и Крустиньш Берс погибли в схватке с монархической толпой на улице... Погибли также трое русских... Общее количество пострадавших было следующим: 11 убитых и 36 раненых»[715].

Москва. 1905.

«23 октября 1905 года. В Инженерном училище состоялся митинг официантов, на котором присутствовало около 10 тысяч человек, и митинг служащих Брестской железной дороги. На Инженерное училище напала толпа черносотенцев (более 5 тысяч человек), шедшая из Марьиной рощи к Кремлю. Студенческая боевая дружина открыла по черносотенцам огонь, обратив их в бегство. Черносотенцы потеряли троих убитыми и семерых ранеными. В тот же день было опубликовано объявление московского градоначальника о запрещении демонстраций»[716].

Егорьевск. 1905.

«24 октября 1905 года. Погром. Убито двое»[717].

Байрамча. 1905.

«26–27 октября 1905 года. Бессарабская губерния. Село Байрамча. Погром евреев, жертвой которого пали два члена еврейской самообороны, И. М. Вольман и И. Х. Буганов»[718].

Ржев. 1905.

«31 октября 1905 года. Раненый во время погрома ретушер фотографии Малькова скончался»[719].

«Манифест 17 октября 1905 года спровоцировал в Российской империи волну погромных акций. С 17 октября по 1 ноября 1905 года по России прокатилась волна больших и малых погромов — 358 более чем в ста городах. По тогдашним

данным — около 4 тысяч убитых и 10 тысяч раненых и покалеченных»[720].

Лично императором Николаем II «по представлениям министров и ходатайствам союзников были помилованы, начиная с 1906 года, 426 человек, осужденных за убийства, грабежи и разбои во время погромов; из них обращали на себя внимание: пристав Ермолов, убивший беззащитного врача в его же собственной квартире, притом выстрелом в спину; Михалин — вор-рецидивист и убийца Баумана, на похоронах которого произошла одна из грандиознейших демонстраций мирной оппозиции; купец Шевалев, убивший в Казани прис. поверенного Двинского; бывший офицер Боборыкин, исключенный в свое время из полка; человек этот в публичном месте поносил членов первой Думы и выстрелил в заступившегося за них чиновника Жилинского; корнет Бурчак-Абрамович, перестрелявший немало народа в мирном уже селе, и др.; остальные принадлежали к темной городской массе и, конечно, не ведали, что творили.

Если принять во внимание, что всего осуждено было в 86 погромных процессах 1075 человек, то число помилованных составит 39,5 % всех осужденных; участвовали они в погромах, от которых пострадало 14 288 семейств (преимущественно еврейских), с составом в 125 572 лица, при чем убито было 740, ранено 908 чел. и убытков причинено на 23,5 миллиона рублей»[721].

Елисаветполь. 1905.

«18–20 ноября 1905 года. „Частная телеграмма. Елисаветполь. В городе идет армяно-татарская резня, город горит. Возле керосиновой станции Елисаветполь пехота преградила путь надвигающейся на город орде татар. Произошла перестрелка: солдаты стреляли пачками, татары разбежались. Сейчас окрестности станции со всех сторон окружены вооруженными полчищами татар. Станция защищается добровольцами-милиционерами и небольшим количеством пехоты. Так как в дневной перестрелке солдатами убито несколько татар, то ночью ожидается нападение на станцию. Сейчас 12 часов ночи, город в огне; слышна беспрерывная перестрелка. Получено известие, что из Алабашлы движется на Елисаветполь около 500 татар, разгромивших там немецкие сады и вырезавших всех армян. Неподалеку за лакричным заводом, по слухам, сконцентрированы 1000 человек татар“ („Кавказский рабочий листок“, 20.11.1905).

15 ноября в город приехал Такайшвили. Первым делом он заявил, что „в Елисаветпольской губернии все спокойно, и он

слагает миссию военного генерал-губернатора“. В тот же день елисаветпольцы братья Хачатуровы были убиты под станцией Даль-Маметлы татарами. Глядя на бездействие полиции, армяне говорили: „Что же это такое! Чайкендцев убили, под Алабашлы тоже убили армян, дойдет очередь и до нас!“. <...> Утром 18 ноября, около 10 часов, на татарском Шайтан-Базаре послышались первые выстрелы. Началась паника, лавки закрылись, народ бросился врассыпную...

По данным елисаветпольского комитета Дашнакцутюн, „в городе убито и пропало без вести не менее 150 армян, главным образом, безоружных“. „В татарской части, — констатирует корреспондент ‹Тифлисского листка›, — не осталось ни одного армянского дома и магазина, как в армянской части ни одного татарского...“»[722].

Гетабек. 1905.

«Ноябрь 1905 года. На дорогах шайки татар убивали десятки безоружных армян-батраков немецких колонистов, которых хозяева изгоняли на верную смерть в страхе перед татарами. Под самым Елисаветполем татары напали на армянскую часть села Гетабек (тат. Кедабек); армяне убили 42 человека, сами потеряв 22; но татар было много больше, и армянам пришлось оставить горящее село <...> „В местности Кедабек и соседних... селениях уже несколько дней беспрерывно происходит резня между армянами и татарами. Мусульмане буквально истребляют всех без разбора. Армянские селения сожжены мусульманами дотла, а имущества разграблены, повсюду на улицах валяются неубранные трупы армян“ („Т. Л.“, 6.12.1905)»[723].

Тифлис. 1905.

«23 ноября 1905 года. С утра 23 ноября поползли слухи, что в этот день будет резня. Лавки закрылись, учеников распустили по домам... „К 3 часам дня, — говорит газетный отчет, — в Михайловскую больницу было доставлено 22 убитых и раненых. Изуродованные трупы производят страшное впечатление“ („Т. Л.“, 27.11.1905)»[724].

Нахичевань. 1905.

«27 ноября 1905 года в Нахичевани татары напали на казаков и убили четверых. В отместку казаки разгромили татарский базар в Нахичевани, а затем и село Джагры, в котором укрылись бандиты, перебив при этом множество татар, большей частью ни в чем не повинных. („Н. О.“, 6.12.1905)»[725].

Пойлы. 1905.

«4 декабря 1905 года на станции Пойлы вооруженные татары ворвались в вагон, вытащили армянина Аракспянца, ехавшего из Казаха в Тифлис, и изрубили его „на глазах мате-

ри и войсковой части, охранявшей станцию“, причем „на вопрос возмущенных пассажиров, почему охрана не предотвратила этого зверства, солдаты ответили, что им не приказано“ („Н. О.“, 6.12.1905)»[726].

Зангезур. 1905.

Декабрь 1905 года. «17 декабря джиджимлинцы угнали скот дыгцев; последние уничтожили оба Джиджимлу, убили 15 татар; гаджиларцы угнали 100 голов скота хазнаварцев, одного взяли в плен; ханцахцы напали на Гаджилар; почтовая дорога занята татарами, телеграф тоже... Дарабасцы, услышав о смерти Степаняна, набрались храбрости, напали на крестьян-армян, убили священника Мкртича с четырьмя армянами; голова отправлена влиятельному татарину в подарок; голова Степаняна переходит из рук в руки по всему Капану. Армяне убили 278 дарабасцев-татар, разгромили селения, напали на Кюртлер, убили 120 татар („Т. Л.“, 1.1.1906)»[727].

Пенза. 1906.

«1 января 1906 года. В ночь на 1 января Меллер-Закомельский выезжает из Москвы с отрядом, состоящим из одного генерала, 13 офицеров и 184 „нижних чинов“ при двух орудиях и двух пулеметах... Оказывается, что „завоевать“ Сибирь можно было двумя ротами. Этот отряд в Сибири был увеличен на 200 человек отрядом подъесаула Алексеева. Как сообщал Меллер-Закомельский в своем обширном рапорте царю после возвращения из Сибири, „подвиги“ его начались на следующий же день после выезда отряда из Москвы. „1 января на станции Узловой был встречен нами первый поезд с запасными, шумевшими и безобразничавшими... Пришлось пустить в ход приклады и штыки. На станции Пенза один отставленный от эшелона запасный ослушался и ударил часового, схватив его за ружье, за что и был пристрелен... Нижние чины, ехавшие в пассажирских поездах, нередко занимали места в первом и втором классах... таких пересаживали на места, а упорствующих водворяли прикладами, а потом нагайками, ввиду того, что действие прикладом выходило слишком энергичным“... Такие способы „водворения порядка“ храбрый генерал считает не только нормальными, но его генеральский ум не может переварить даже каких-либо сомнений в нормальности этих способов. „Не могу умолчать, что начальник эшелона № 232 капитан второго ранга Скороходов, после того как чины вверенного мне отряда приняли необходимые меры для водворения порядка среди нижних чинов упомянутого эшелона на станции Боготол, позволил себе совершенно ложно обвинить моих офицеров и нижних чинов в истязании мат-

росов“. Стрелял, порол, бил прикладами, и вдруг генерала „совершенно ложно“ обвиняют в каких-то неведомых ему истязаниях»[728].

Маньчжурия. 1906.

«9 января 1906 года. Ренненкампф прибывает из Харбина на станцию Манчжурию и, конечно, жестоко расправляется с железнодорожными рабочими, вздумавшими отметить годовщину Кровавого воскресенья демонстрацией. Здесь, среди других работников, он арестовывает и по приговору военно-полевого суда расстреливает А. И. Попова (Коновалова) — руководителя социал-демократической организации, одного из активнейших сибирских работников. На суде Попов отказался давать показания»[729].

Иланская. 1906.

«12 января 1906 года. Иланская — деповская станция. Небольшой поселок вокруг нее населен исключительно рабочими и служащими. Уже 8 января через Иланскую проехал начальник железной дороги. Он „подробно осматривал депо“ и „лично“ наблюдал за передачей паровозов, арестовал 15 мастеровых и машинистов и трех телеграфистов. Казалось бы, и делать больше было нечего, тем более что „никаких вооруженных восстаний“ на станции Иланской не было, но фактически железнодорожное движение находилось в руках выборных рабочих органов, как и по всей Сибирской железной дороге. 12 января, утром, состоялось общее собрание рабочих и служащих станции Иланской. Было ли оно созвано со специальной целью высказаться по поводу бывших арестов или нет, неизвестно, но на этом собрании было принято постановление о поездке в Канск с просьбой об освобождении арестованных. Рабочие забыли о 9 января, и просительные настроения снова восторжествовали. В Канск (30 верст) поехало до 400 рабочих, но никто из них вооружен не был. Не надо забывать, что это было 12 января, когда „законный“ порядок уже был восстановлен, проехали карательные экспедиции, на станции Иланской стояла охрана. Добившись приема у начальника гарнизона, рабочие узнали, что вопрос об освобождении зависит „от начальника, который скоро прибудет“ (о Меллер-Закомельском уже знали). О результатах поездки в Канск было доложено на общем собрании, созванном вечером, и на нем было решено ждать приезда „начальника“. Были выбраны делегаты для переговоров с ним по поводу освобождения арестованных. В 10 часов вечера к станции подошел поезд с карательным отрядом. На платформе толпилось много народу. Послышалась команда: „разогнать эту сволочь“. В ход пошли при-

клады и нагайки. Избранные делегаты пытались поговорить с генералом, но он их не принял и приказал расстрелять. В депо ожидали результатов переговоров человек 700–800, среди них много женщин и детей. Узнав о том, что к депо идут солдаты, часть их поспешила уйти, и в депо, в момент его окружения, оставалось человек 400. Солдаты, ворвавшись в помещение, открыли стрельбу. Началась паника, послышался крик женщин и плач детей. Кто старался спрятаться, кто бросился к выходам. Выбегающих убивали или избивали. Кто-то догадался потушить электрическое освещение и выпустить пар. Это на некоторое время внесло замешательство в ряды нападающих и дало возможность скрыться нескольким „счастливцам". Но затем были принесены фонари, и избиение продолжалось. Не щадили никого; очевидцы рассказывают, как на их глазах офицеры из наганов стреляли в детей. У генерала „потерь не было", и это служит лучшим доказательством того, что никакой стрельбы и даже сопротивления избиваемые не оказывали. В результате усмирения было убито не менее 50 человек. Сколько было раненых и избитых, в данный момент установить точно не представляется возможным. Раны и следы избиения приходилось тщательно скрывать, чтобы вновь не попасть в руки карателей в качестве „бунтовщика". В рапорте Николаю II об этой бойне Меллер-Закомельский врал так: „Мне доложили, что рабочие собирались в депо на сходку. На станции стоял эшелон Терско-Кубанского (?) полка, и с частью этого отряда и ротой охраны станции Иланской послал оцепить депо, где была сходка. Когда нижние чины вошли в депо, по ним открыли огонь. Им ответили на огонь тем же, и в один миг всех разогнали, при чем, как оказалось впоследствии, из числа застигнутых в депо было убито 19, ранено 70 и арестованных 70"»[730].

Лжец не только приуменьшил число жертв до 19, но и сообщил свою глупейшую выдумку, что вошли солдаты в депо беспрепятственно, но потом по ним якобы стреляли, хотя и ни разу не попали. «На другой день утром, в полуверсте от станции, за семафором было найдено еще семь трупов в одном месте. Это послужило основанием для запроса Государственной Думы правительству. Депутат от Енисейской губернии Н. Ф. Николаевский уточнял: „На другой день после этого за семафором, в 100 саженях от того места, где была бойня, нашли еще семь трупов, и вот относительно этих трупов было недоумение, каким образом они оказались здесь. Это выяснилось через томских солдат, которых часть была взята Меллером-Закомельским в поезд, чтобы в Чите производить опера-

ции такого же рода. Когда Меллер-Закомельский вернулся, то эти солдаты тоже были возвращены в Канск и помещены для охраны канской тюрьмы. Вот они и сообщили, что эти семь человек были взяты в поезд Меллером-Закомельским. Для того чтобы узнать, насколько томские солдаты надежны в своих действиях, Закомельский велел вывести этих людей за семафор и приказал томским солдатам расстрелять их. Солдаты говорили, что положение их было ужасно: если они откажутся стрелять, то семеновцы расстреляют и их, и тех семерых человек. Если же они их только подстрелят, то семеновцы добьют окончательно. В результате эти семь человек были расстреляны ими наповал" („Сибирские вести", № 10 от 12 июля 1906 года)».

«К арестованным рабочим было предъявлено обвинение жандармской полицией по статье, гласящей „вооруженное сопротивление"; все эти арестованные числились по тюрьме за Меллером-Закомельским, и через три месяца с небольшим их разослали на время военного положения по разным глухим углам Енисейской губернии, где они до сих пор терпят страшную нужду и буквально голодают.

После учиненного массового убийства Меллер-Закомельский со станции Тинской (50 верст от Иланской) телеграфировал в Петербург, что на станции Иланской он со стороны рабочих встретил упорное вооруженное сопротивление, что произошел бой, рабочие усмирены и что потерь во вверенной ему части нет».

Рапорт Меллера-Закомельского Императору Николаю II от 8 февраля 1906 года: «Я нахожу, что для пользы дела необходимо было разгромить Читу, а не вступать со всякими союзами и комитетами в дипломатические переговоры. Разгром Читы послужил бы прекрасным уроком всем этим революционным обществам и надолго отнял бы у них охоту устраивать революции. Бескровное же покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления» (Рапорт // Былое. 1917. № 3. Сентябрь. С. 142).

«Другой [агитатор] около станции Иланской, вскочив на ходу в мой поезд, начал пропаганду среди нижних чинов, но был выброшен на ходу и вряд ли когда-нибудь возобновит свою преступную деятельность. Два таких агитатора, из которых один был в военной форме, выданные эшелонами запасных на станции Мысовой и вполне уличенные в их преступной деятельности по найденным у них прокламациям и по их собственному признанию, были расстреляны» (Рапорт // Былое. 1917. № 3. Сентябрь. С. 138). То есть Меллер-Закомель-

ский считал неэффективным бескровное усмирение волнений и полагал, что агитация сама по себе должна наказываться смертью.

«Собственной Его Величества Николая Александровича Романова рукою на докладе командира карательной экспедиции на Восточно-Сибирской железной дороге было начертано: „Переговорите с Вел. Кн. Николаем Николаевичем. Возможно ли оказать помощь отсюда? Для примера необходимо было бы, арестовав зачинщиков-вольноопределяющихся, предать их военно-полевому суду и расстрелять. Действие будет потрясающее“»[731].

Гомель. 1906.

«13–14 января 1906 года. Погром в Гомеле. Хотя официальные данные упоминают лишь об одном погибшем, произведенные на основе донесений полиции, рапортов командиров армейских команд и показаний очевидцев подсчеты показывают, что в ходе погрома были убиты не менее четырех человек и 11 человек получили ранения»[732].

Ревель. 1906.

16 января 1906 года. «Очень тяжелы подробности расстрела Бернгарта Лайпмана. Несчастный 16 января только что вернулся из Ревеля к своей семье. Это был образованный человек, музыкант и интеллигентный деятель (брат его довольно известный в Ревеле художник). Едва только Лайпман вошел в свой дом, как появился с шестью солдатами офицер запаса фон Ренненкампф (брат маньчжурца). Лайпмана арестовали, предъявив ему обвинение в том, что он будто бы подговаривал крестьян не платить помещикам аренды. Военный суд собравшихся офицеров был краток — Лайпману присудили 100 ударов плетью. Лайпман запротестовал, категорически заявив, что он предпочитает расстрел, чем такой позор. Его заявление уважили. Несчастного расстреляли!»[733]

Мысовая. 1906.

18 января 1906 года. «На станции Слюдянка карательными войсками задержан эшелон с оружием, следующий из города Чита в город Иркутск. Шестеро сопровождавших эшелон читинских дружинников во главе с Иваном Бабушкиным арестованы и по приказу генерала Меллер-Закомельского расстреляны на станции Мысовая»[734].

Мозгон. 1906.

«16 февраля 1906 года карательным отрядом Меллер-Закомельского на станции Мозгон были расстреляны телеграфисты станции Хилок: Алексей Цехмистер, Иннокентий Леонтьев, Иван Тримазов и Николай Беловицкий»[735].

Хилок. 1906.

«18 февраля 1906 года каратели расстреляли рабочих и служащих на станции Хилок: Степана Галова, Федора Боровицкого, Аветиса Мкртичяна, Владимира Шардзиевского, Адольфа Марчинского, Вениамина Розенфельда, Павла Беляева. Они были деятельными членами Хилокской организации РСДРП»[736].

Верхнеудинск. 1906.

«23 февраля в Верхнеудинске в здании железнодорожной школы состоялся суд при отряде Ренненкампфа, рассмотревший дело тринадцати служащих станции Верхнеудинск... Смертный приговор был вынесен Гольдсобелю, Медведникову, Гордееву, Шульцу, Милютинскому, Носову, Микешину, Лиморенко и Нашинскому. Пигилевич, Седлецкий и Дмитриев были приговорены к каторжным работам.

Затем Ренненкампфом был утвержден следующий окончательный приговор: подсудимых Гольдсобеля, Медведникова, Гордеева, Шульца и Милютинского подвергнуть смертной казни через повешение, а остальных — сослать на каторгу: Нашинского, Лиморенко, Микешина, Носова, Ингилевича и Седлецкого на восемь лет, а Дмитриева на четыре года.

25 февраля вблизи станции Верхнеудинск приговоренные судом к смертной казни Гольдсобель, Медведников, Гордеев, Шульц и Милютинский были повешены. По приказу Ренненкампфа семьи казненных были немедленно высланы за пределы Забайкальской области.

Всего генералами Меллер-Закомельским и Ренненкампфом был казнен 31 человек, из них Меллер-Закомельским 13 человек — без суда и следствия.

Кроме того, Ренненкампфом было сослано в каторжные работы 63 человека: 36 человек без срока, один на 20 лет, трое — на 15 лет, один — на 12 лет, двое — на 10 лет, 16 — на восемь лет, один — на шесть лет и трое — на четыре года. Трое отправлены на поселение с лишением всех прав состояния, приговорены к арестантским ротам — четверо, к тюремному заключению на восемь лет — один, к заключению в крепости — двое и один офицер приговорен к исключению со службы с лишением воинского звания»[737].

Батум. 1906.

«24 февраля 1906 года. С отрядом по Батумскому участку разъезжает штатный служащий, чиновник особых поручений при начальнике дороги, военный инженер Крылов и расстреливает своих же служащих; на одной станции Квириллы расстреляно 12 совершенно невиновных человек»[738].

Чита. 1906.

«2 марта 1906 года были расстреляны руководители читинских рабочих — А. А. Костюшко-Валюжанич (в Чите он жил под фамилией И. И. Григоровича), И. А. Вайнштейн, П. Е. Столяров, Э. В. Цупсман»[739].

Вологда. 1906.

«1 мая 1906 года, в 12 час. дня, городские рабочие, ремесленники, приказчики и интеллигенция собрались на митинг в Народном доме. Часть отправилась на митинг в загородный сад, откуда предполагалось устроить демонстративное шествие по городу, но, когда они дошли до гостинодворских рядов, они были встречены камнями собравшейся кучки хулиганов. Вскоре к хулиганам присоединились стражники и дали несколько залпов по демонстрантам.

После того наполовину пьяная черная сотня, под прикрытием стражников, с шумом и криками направилась к Народному дому и начала свою расправу, все окна были выбиты, библиотека общества „Помощь“, так же как и ученическая, и библиотека политического клуба, и книжный магазин, находящийся в Народном доме, были уничтожены до основания. Вооружившись обломками от разбитой мебели, хулиганы начали избивать попавшихся им под руку интеллигентов. Часть хулиганов взяла находившийся в Народном доме портрет государя и отправилась по городским улицам с пением гимна.

Оставшиеся подожгли дом. Выйти из Народного дома не было никакой возможности, так как с одной стороны черносотенцы обсыпали его камнями, а с другой — стражники стреляли.

В городе в то же время происходило избиение интеллигенции и учащихся. Редакция и типография газеты „Северная Земля“ были разгромлены до основания. В ходе погрома в Вологде были убиты пять человек и ранены 28»[740].

Муром. 1906.

«1 мая 1906 года солдаты избили толпу в Муроме, убито два человека, ранено шесть человек, сильно избито 60 человек»[741].

Царицын. 1906.

«1 мая 1906 года.

Казаки и полиция разоряли нагайками ополченцев за пение солдатской песни и отправились на Торговую площадь, где собралась толпа, только что бывшая свидетельницей избиения ополченцев. Толпа требовала удаления казаков, обещая немедленно разойтись. Вдруг неизвестно откуда раздался выстрел, который послужил сигналом побоища. Со страшным остервенением бросились казаки на толпу и начали стрелять „пачками“ по народу. В панике толпа разбежалась, оставив на

местах много раненых»[742]. «Имелись десятки раненых и избитых. Четверо умерло от ран. Похороны рабочих Летюхина и Федулова 3 мая собрали тысячные толпы. 5 мая состоялись похороны Ольги Голубевой, 10 мая — Ильи Боровского, также умерших от тяжелых ран»[743].

Эривань. 1906.

«27 мая 1906 года в Эривани в ходе армяно-азербайджанских столкновений погибли 26 человек»[744].

Яндырка. 1906.

Терская область. 26–30 мая 1906 года. «26 мая 1906 года близ станицы Троицкой был обнаружен труп убитого ингуша. Выяснилось, что он ездил наниматься на работу в станицу. Новость быстро распространилась по округе. 29 мая группа вооруженных ингушей напала на работавших неподалеку казаков. В соседних станицах и аулах поднялась тревога. На следующий день с обеих сторон вышли отряды вооруженных мужчин, вступивших в бой. Казаки прибыли из станиц Слепцовской, Нестеровской, Михайловской, Самашкинской, Осиповской, Фельдмаршальской. В сражении с казаками участвовало до двух тысяч ингушей.

Из Владикавказа были направлены батальон пехоты и пулеметная рота. Войска вклинились между казаками и ингушами, требуя прекращения перестрелки. Ингуши стали стрелять в солдат. Тогда командир отдал приказ открыть огонь из пулемета, после чего ингуши отступили. Погибло пять казаков (ранено трое) и семь ингушей (ранено двадцать). Впрочем, эти данные не совпадают с информацией газеты „Кавказские вести“, утверждавшей, что войска, отправленные 30 мая 1906 года для прекращения столкновений между карабулакскими казаками и ингушами, открыли огонь из пулеметов по аулу Яндырка. Ингуши потеряли 30 человек убитыми и ранеными, казаки — пять человек убитыми плюс несколько раненых»[745].

Белосток. 1906.

«1–3 июня 1906 года. Погром в Белостоке.

В результате погрома в Белостоке было убито до 200 человек, ранено 210, разгромлено 169 квартир и лавочек. В селе Старосельцы около Белостока убито 50 евреев. Зверства были невероятные: в глаза вбивали гвозди, женщин с распоротыми животами выбрасывали на улицу и прочее»[746].

Рига. 1906.

3 июня 1906 года. «Число наказанных за участие в революционном движении учителей в Лифляндской губернии, следующее: в Вольмарском уезде — 32, в Венденском — 24, в Рижском — 13. Расстреляны всего 11 учителей и повешены двое»[747].

Кутаиси. 1906.

30 июля 1906 года. «После ранения уездного начальника Кегамова ошибочно захвачен невиновный Ревазашвили и по дороге в тюрьму застрелен казаками, которые застрелили и его случайно встретившегося знакомого Швелидзе, сказавшего: „Дорогой друг, за что убили?". У него казаки отрубили голову и отрезали обе руки. Затем казаки поджигали дома, магазины, грабили и насиловали жен чиновников, гимназисток, 11-летних девочек. В Мингрелии застрелили также невиновного в этом ранении Василия Ашибая. Много селений сожжено и разграблено; многие избиты; в некоторых домах сгорели люди»[748].

Седлец. 1906.

«26 августа 1906 года. Военный погром в Седлеце.

В результате погрома в Седлеце были убиты 142 человека, ранены 450»[749].

Ольгинское. 1907.

Терская область. «23 мая 1907 года большая группа ингушей Назрановского округа во главе с жителями Базоркинского ворвались в Ольгинское, расположенное в 12 верстах от Владикавказа. Местные жители при виде вооруженных грабителей стали разбегаться — некоторые пытались оказать бандитам сопротивление. На подмогу прибыли 15 солдат Апшеронского полка со станции Беслан во главе с поручиком Белявским. В течение четырех часов они вели бой. После того, как власти получили сообщение, что на Ольгинское идет толпа ингушей численностью от трех до четырех тысяч, из Владикавказа к шести часам вечера прибыла казачья сотня Кизляро-Гребенского полка под командой сотника Дериглазова. Казаки выбили из горящего квартала вооруженные толпы ингушей. Ожесточенная перестрелка не стихала до полуночи. Десять домов были сожжены, до 30 человек (с обеих сторон) погибли и получили ранения...

27 мая 1907 года министру юстиции доложили об очередном вооруженном столкновении близ Владикавказа между осетинами, которые проживали в Осетинской слободке, и ингушами, служившими сторожами в кадетском корпусе, расположенном по другую сторону Терека. В результате этого столкновения было убито трое ингушей (братья Котиевы, причем труп одного из них упал в реку и был унесен Тереком, где его так и не смогли найти) и ранено двое осетин (участник конфликта Суджаев получил легкое ранение, а урядник резерва Харсиев — тяжелое)»[750].

Ведено. 1907.

Ноябрь 1907 года. «В результате карательной экспедиции в Веденском округе под руководством начальника окру-

га полковника Галаева в чеченских поселениях, подвергшихся мощному артиллерийскому обстрелу, не оказалось ни одного убитого. По этому поводу газета „Речь“, позволившая себе усомниться в правдивости информации, разразилась саркастическим пассажем: „Шестьдесят разрывных снарядов, выпущенных в селениях, населенных жителями, и ни одной человеческой жертвы!“. Подобное, по мнению газеты, следовало признать чудом»[751].

Гудермес. 1909.

«14 марта 1909 года. Терская область. „Охотничий отряд“ войскового старшины Вербицкого устроил погром чеченцев на гудермесском базаре. Были убиты три человека и десять ранены»[752].

Москва. 1915.

«26–28 мая 1915 года. Начало погрому положил „бабий бунт“ 26 мая. Среди женщин, лишившихся возможности подрабатывать в Комитете великой княгини Елизаветы Федоровны (сестры императрицы), распространился слух, что заказы переданы австрийской фирме „Мандль“. Начались демонстрации, полиция не рискнула разгонять буянов, действующих под прикрытием патриотических плакатов, портретов императора и государственных флагов. К тому же полицейские знали, как их ненавидят за освобождение от мобилизации в армию. Беспорядки разрослись под влиянием рабочих фабрики Гюбнера, потребовавших удалить с предприятий „немцев-эльзасцев“. После разгрома фабрики Р. Шредера и зверского убийства четырех „немок“ вечером 27 мая ситуация вышла из-под контроля. 28 мая московский градоначальник А. А. Адрианов предложил рабочим составить перечень всех служащих-немцев, что подлило масла в огонь. В тот же день была разгромлена аптека Ферейна на Никольской улице, из ее подвалов извлекли пять пудов спирта и распили его. Затем демонстранты собрались на Красной площади, требуя отречения императора, пострижения императрицы в монахини и передачи престола великому князю Николаю Николаевичу. После разгрома водочной фабрики Шустера погромщики разъярились еще больше. На Мясницкой улице толпа совершала обход магазинов, руководствуясь имеющимися „путеводителями“. Магазины православных и евреев не трогали. Но скоро „идейные“ установки были нарушены. За два часа было разгромлено восемь „неприятельских“ магазинов и семь контор; заодно — русский и французский магазины»[753].

Болхов. 1915.

«В сентябре 1915 года в Болхове Орловской губернии по случаю очередного призыва в армию толпа побила стекла и

двери в булочной германского подданного Г. Тецлова. На следующий день двухтысячная толпа разнесла булочную, затем магазин Шестакова. Расхищением обуви занялись по преимуществу женщины; мужчины предпочли казенную лавку с денатурированным спиртом. Толпа требовала „Долой немца!“, а на появление вооруженного наряда отреагировала криками „Долой полицию!“. Полицейские начали стрельбу в воздух, шальной пулей был убит местный обыватель. Расследование установило, что среди погромщиков были местные мещане, выздоравливающие солдаты, наконец, мобилизованные. Последние соглашались отправиться на фронт только вслед за пристроившимися на местных заводах купеческими сынками. Перед судом предстали десять мещан, три крестьянина, один старший унтер-офицер и один солдат — все православные. Семеро из них получили от двух до восьми месяцев тюрьмы»[754].

Богородск. 1915.

«1 октября 1915 года тридцать женщин-работниц пришли на рынок за сахаром и, обнаружив, что он распродан, пришли в ярость, обвинив купцов в бессовестности и спекуляции. Полиция появилась быстро и силой вывела женщин из лавки, но они вернулись на городскую площадь и там продолжили возмущаться и сыпать обвинениями в адрес торговцев. Число недовольных неуклонно возрастало и достигло нескольких тысяч человек. Преимущественно это были женщины и молодежь, и не только рабочие, но и крестьяне, которые пришли на рынок из ближайших деревень. Вскоре толпа двинулась в сторону лавок и дала выход своему гневу. Кто-то швырял камнями в окна лавок, кто-то вламывался в них и выбрасывал товары, другие расхватывали их. Несомненно, имея все возможности, но не желая применять оружие против женщин и подростков, местная полиция оказалась беспомощной и не смогла остановить их.

В последующие дни продовольственные беспорядки расширились: теперь их целью стали не только бакалейные лавки, но и магазины поставщиков одежды и других мануфактурных товаров. 4 октября в город прибыли казаки, которые открыли огонь по восставшим, убив двух и ранив несколько человек. Убитыми оказались: 20-летний неквалифицированный рабочий, приписанный к крестьянству, и девушка-работница с текстильной фабрики 23 лет, также зарегистрированная как крестьянка. Среди серьезно раненых были: 12-летняя девушка, дочь фабричного сторожа; крестьянка из Данковского уезда, расположенного на юге соседней Рязанской губернии, и мужчина, которого, судя по всему, не смогли опознать.

Также была ранена крестьянка из Рязани, которая проживала в Богородске, и крестьянская девочка 15 лет из деревни Богородского уезда.

После расправы волнения перекинулись на соседние фабрики. 2 октября остановили работу рабочие ткацкой фабрики Морозова. В течение нескольких последующих дней к ним присоединились десятки тысяч рабочих не только с ближайших фабрик, но и из Павловска, Обухова и Орехова.

Пиком этих волнений, в которых согласно отчетам полиции, приняли участие в общей сложности более 80 тысяч рабочих, стала забастовка. Прежде всего, рабочие требовали повышения зарплаты для компенсации растущих цен. Забастовка продолжалась до 7 октября и закончилась определенным успехом — рабочие получили 20 % надбавки к зарплате. Но беспорядки среди работниц на ткацкой фабрике в Богородске продолжались в течение нескольких недель и в конце концов 30 октября также вылились в забастовку, которая охватила около 12 тысяч работниц и продолжалась несколько недель»[755].

Баку. 1916.

«Между 14-м и 16 февраля 1916 года большинство русских женщин в Баку — крупнейшем городе Закавказья — учинили „бабий бунт“, во время которого они бродили по улицам, громили лавки и мельницы. Когда бунт закончился, девять убитых остались лежать на тротуаре, 57 человек было ранено»[756].

Оренбург. 1916.

«2 мая 1916 года. В 1916 году на территории региона сложился продовольственный кризис. По сравнению с 1914 годом цены на продукты питания увеличились в 3–6 раз. Из товарооборота исчезли соль, сахар, мыло, табак, бумага, также наблюдался острый недостаток хлеба и мяса. В Оренбурге и Орске и других рабочих поселках были введены продовольственные карточки на муку, соль и сахар. В регионе прослеживалось падение реальной заработной платы: к январю 1916 года цены на продукты питания возросли в четыре раза, тогда как заработная плата оставалась на прежнем уровне (около одного рубля в день). С началом войны на оставшихся фабриках были введены „жесткие законы военного времени“: установлен 11,5-часовой рабочий день, введен запрет забастовок, митингов и рабочих собраний.

Оренбург стал местом разгрузки военно-санитарных поездов: в 1916 году было принято 48 поездов с 23 тысячами раненных.

В этих условиях „забастовочное движение поднимается на новый уровень“. В регионе произошли 12 забастовок, носив-

ших „наступательный характер“. Бастующие выступали против увольнений и требовали повышения заработной платы.

2 мая в Оренбурге произошел самый громкий „голодный бунт“.

Ущерб от погромов 2 мая составил 852,9 тыс. рублей, из них — галантерея Бутома — до 60 тыс. рублей, магазин готового платья Леск — до 150 тыс. рублей, магазин часов и золотых изделий Вольфсон — до 40 тыс. рублей, магазин готовой обуви Гершенгорина — до 12 тыс. рублей и т. д. Двое людей погибли — казак и человек из толпы, шесть человек были ранены — прокурор, заместитель прокурора, прапорщик, городовой, двое рядовых. С награбленным товаром арестовано 188 человек, из них около 80 человек женщины и дети, много учащихся и чиновников. Генерал-майор Бабич заявлял, что в произошедшем погроме „нет никакой политики“.

Тем не менее „голодный бунт“ продолжился на следующий день. 3 мая пострадали магазин Аблязина и кондитерская фабрика Абрюкина»[757].

Зима. 1916.

«Иркутская губерния. В мае 1916 года в Зиме произошел бунт женщин-солдаток, которые требовали „солдатского денежного пайка“. Получив отказ, солдатки вышли на базарную площадь и стали громить лавки торговцев. К ним присоединились рабочие, ремесленники и крестьяне. Беспорядки продолжались несколько дней. На подавление стихийного восстания в Зиму спешно выехали генерал-губернатор и губернский прокурор в сопровождении роты солдат и сотни казаков. Они учинили свирепую расправу, свыше 50 человек было убито и ранено, 250 человек арестовано»[758].

Самара. 1916.

«5 ноября 1916 года на Троицком рынке в Самаре произошел погром торговых лавок, переросший в разгром магазинов и различных торговых точек города.

События начались утром на Троицком рынке. При его открытии торговцы выставили на продажу только мясо низших сортов, а цену на него назначили как за высший сорт. Разумеется, многочисленные домохозяйки, пришедшие в это время на рынок за покупками, стали требовать хорошего товара по нормальным ценам. Торговцы отказывались, ссылаясь на то обстоятельство, что из-за роста военных и прочих налогов в стране сильно выросли затраты на производство и доставку мяса.

Уже вскоре около мясных прилавков собралась возмущенная толпа, из которой раздавались выкрики: „Для богатых любого мяса хватает, а нам дают одни объедки“, „Богатым все

можно, а нас считают за быдло“, „Наши мужья умирают в окопах, а мы в тылу умираем с голоду“. А когда раздались призывы: „Бей торгашей!“, домохозяйки бросились ломать мясные лавки. К женщинам тут же присоединились мужчины и подростки.

Разгромив рынок, избив торговцев и разграбив их мясные запасы, толпа вышла на Троицкую улицу и начала бить витрины соседних магазинов. Не помогли утихомирить погромщиков и подоспевшие наряды конной полиции, которые попытались было разогнать участников беспорядков с помощью плетей. Это еще больше озлобило бунтарей, и в полицейских полетели камни, палки и вообще все, что попадалось людям по руку.

В довершение всего кто-то из толпы несколько раз выстрелил из нагана в шеренгу стражей порядка, в результате чего один из городовых был ранен в руку. Эта стрельба формально развязала руки блюстителям закона, и тогда по команде полицмейстера они открыли по толпе огонь из ружей. Три человека из числа бунтовщиков были убиты на месте, и еще несколько десятков ранено. Буквально за пять минут толпа рассеялась на отдельные группы, которые продолжали кидать в полицейских камни с крыш и из подворотен. После этого начались погромы и поджоги магазинов и лавок на улице Панской, и тогда городская управа приняла решение ввести в Самару войска.

К полудню 5 ноября в район улиц Троицкой и Панской прибыли четыре роты солдат во главе с начальником Самарского гарнизона. Погромщиков вытесняли из торговых рядов и отлавливали по всему городу в течение нескольких часов, но лишь с наступлением темноты криминальная ситуация в Самаре немного стабилизировалась.

По данным полиции, всего в тот день, кроме Троицкого рынка, было разгромлено свыше 50 магазинов, аптек и мелких лавок. Задержано около 70 человек, но их могло быть гораздо больше, если бы не откровенная симпатия к бунтовщикам со стороны военнослужащих. Как сообщалось в полицейских отчетах, часто нижние чины одобряюще высказывались по отношению к восставшим, отказывались вытеснять толпу с рынка и даже заставили городовых отпустить немало задержанных под предлогом того, что они не виноваты, а до беспорядков их довела нищая и беспросветная жизнь»[759].

Новониколаевск. 1916.

«„Сахарный бунт“ в Новониколаевске 9 ноября 1916 года. Поводом для него явился резко обострившийся дефицит продуктов и товаров и введение карточной системы, прежде всего на сахар. Карточки отоваривались крайне нерегулярно через принадлежащую городскому самоуправлению продовольст-

венную лавку на Базарной площади в центре города. В начале ноября город получил закупленную им партию сахара, и было объявлено, что с 9 ноября начнется выдача его по три фунта на душу. Однако вскоре выяснилось, что половина поступившей партии предназначена кооперативам, поэтому городская управа приняла решение перевешать сахар в пакеты по одному фунту и 9 ноября выдачу не производить, о чем население попытались предупредить через местные газеты, которые большая часть горожан не читала, тем более солдатки. Поэтому с утра 9 ноября у лавки собрался приличный „сахарный хвост". „Никакие увещания полиции разойтись по домам не имели успеха, — информирует очевидец, — а в это время публики все прибывало, как весной вода полая. Изголодавшие солдатки с детьми на руках окончательно наэлектризовали публику". Конные и пешие городовые во главе с полицмейстером Г. П. Бухартовским оттеснили толпу. „Однако, — как сообщается в рапорте томского губернатора министру внутренних дел, — толпа, к которой присоединились недавно призванные на службу ратники, возвращавшиеся в тот момент с учений, будучи подбадриваема последними, а также подстрекаема примкнувшими к толпе двумя нижними чинами, вернувшимися с фронта, стала снова скопляться". Для пресечения беспорядков полицмейстер вызвал воинское подкрепление, которое прибыло в количестве 25 чел. под командой штабс-капитана Никитина. Убедившись в невозможности предотвратить разграбление лавки и „будучи сам ушиблен несколькими камнями", Бухартовский заявил Никитину, „что гражданскими властями все меры к пресечению беспорядков исчерпаны", и просил принять меры, предусмотренные уставом гарнизонной службы. Было произведено несколько залпов поверх голов, но собравшиеся, „убедившись в отсутствии жертв, стали вновь наступать на магазин Сибирского товарищества, а затем, выбив стекла", ворвались в него и начали расхищать товар. Полицейским с солдатами удалось оттеснить толпу, были опущены железные шторы на окнах, и растаскивание прекратилось, причем штабс-капитана Никитина ранили камнем в голову, и с площади он „удалился, сдав команду прапорщику". Толпа же выросла до нескольких тысяч человек и, несмотря на прибытие в качестве подкрепления части местной воинской команды во главе с военным комендантом Новониколаевска подполковником Некрасовым, смяла заслон и, выломав окна и двери, „стала расхищать из лавки сахар". По распоряжению Некрасова производится несколько залпов. Убита одна женщина и ранены пять, из которых еще одна скончалась в больнице. Прибывшие на место происшествия во главе с на-

чальником гарнизона генерал-лейтенантом Коцуриком четыре учебных команды (250 чел.) от каждого из расквартированных в городе запасных полков вытесняют толпу с площади. В итоге были разбиты и разграблены несколько лавок частных торговцев и потребительского общества „Экономия“, расхищено около 400 пудов сахара и из магазина Сибирского товарищества товаров на 10 тыс. руб. Во время пресечения бунта многие полицейские получили ранения и ушибы, в частности, полицмейстер Г. П. Бухартовский „отделался“ четырьмя ушибами камнями, из них два в голову. Задержали 74 участника беспорядков, из них 54 женщины, под стражу взяли 25 чел., впоследствии осужденных Омской судебной палатой к различным срокам тюремного заключения»[760].

«В 19 выступлениях (из 62) применялось огнестрельное оружие. В общей сложности погибло 19 участников выступлений. Было учтено 34 раненых из числа участников выступлений (цифра явно неполная, так как многие скрывали свое участие в событиях). Более точной являлась цифра пострадавших (получивших ушибы, поранения) полицейских, казаков, солдат и офицеров, а также других представителей местных властей. Таких оказалось 145 человек (в 30 выступлениях), что в четыре раза превышает соответствующее число среди участников выступлений.

Десятки участников выступлений были арестованы („за погромы и хищения“). В Баку в феврале 1916 года задержаны 123 мужчины и 83 женщины. В 1916 году в Оренбурге 2 мая, в Ставрополе 21 июня, в Самаре 5 ноября ситуация для властей становилась столь тревожной, что объявлялось „особое положение“ со всеми вытекавшими из него ограничениями массовых сборов людей, а также их передвижения. Нередко официальные сообщения о выступлениях населения на почве дороговизны предметов первой необходимости напоминали „военные сводки“. В телеграмме управляющего губернией по поводу событий в Оренбурге 2 мая 1916 года читаем: „Сделано распоряжение [о] воспрещении собираться на улицах группами более трех человек, выходить из квартир после 9 часов вечера без особого пропуска... Казенные, кредитные и общественного пользования учреждения охраняются войсками. Торговля денатурированным спиртом воспрещается“. 2 мая 1916 года толпа солдаток и горожан разгромила в Оренбурге 30 магазинов и хлебных лавок. Посланный на ее разгон казачий отряд забросали камнями, ранив шестерых офицеров и 46 казаков. С помощью пехотных частей волнение было подавлено, а 188 его участников арестованы. В ноябре 1916 года

в связи с нехваткой продовольствия произошли волнения населения Троицка и Соль-Илецка.

Как отмечал ДП МВД 21 октября 1915 года, „Ко времени призыва в войска ратников 2-го разряда поступает ряд сообщений о произведенных ими обычно на железнодорожных станциях во время остановок поездов бесчинствах, сопровождавшихся битьем стекол и порчей железнодорожного имущества, разгромом станционных буфетов и ближайших лавок, расхищением оттуда товаров, денег, и столкновения с чинами полиции...“ Случаев подобного рода выступлений ратников насчитывалось 82. „...Подобного рода стихийные выступления голодных масс, — отмечалось в агентурном донесении по Петрограду от 25 января 1917 года, — явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех — анархической революции...“»[761].

«Дореволюционные юристы отмечали, что в Российской империи рост преступности превышал прирост населения. С 1874-го по 1912 год количество осужденных в стране утроилось. По неофициальной статистике, учитывающей не только санкционированные приговоры, накануне Первой мировой войны в империи ежегодно совершалось 2,5 миллиона (!) уголовных преступлений»[762].

По неполным данным хроники к этому разделу насчитывается более 12 500 убитых в погромах и карательных экспедициях. С. С. Ушерович в 1933 году насчитывал 21 тысячу жертв погромов. И с тех пор никаких других подсчетов жертв погромов в Российской империи не производилось. Вообще об отдельных аспектах репрессивной политики режима Николая II за весь советский период писали только три (!) автора: Ушерович, Гернет и Касвинов. Причем только первый приводил какую-то статистику николаевских репрессий.

Вооруженные восстания

Восстания в Андижане, Владивостоке, Лодзи, Севастополе, Москве, Ростове-на-Дону, Сормове, Кронштадте, Свеаборге, Камышине, Средней Азии, Петрограде и других местах; а также вооруженный террор

Андижан. 1898.

«Андижанское восстание. Организатором восстания был Мухаммед-Али (или Дукчи-ишан), житель села Мин-Тюбе Маргиланского уезда. Ишан убедил своих сторонников в гарантированном успехе мятежа, обещал каждому присоединившему-

ся к выступлению волшебные палочки, которые должны были предохранить своих обладателей от пуль русских солдат. Также ишан объяснил им, что в случае начала русскими стрельбы их ружья вместо пуль будут выплескивать воду, а сами солдаты будут падать по взмаху его рук.

Около 7 часов вечера 17 мая 1898 года в усадьбе ишана собрались готовые к выступлению „воины газавата". Их, а также присоединившихся к ним 250 конных и 600 пеших бойцов за веру, повел за собой представший перед ними в зеленом одеянии на белом коне ишан. Одновременно в сторону Оша и Маргилана должны были двинуться и другие отряды; еще одна группа должна была идти к Андижану, предварительно перебив русских лесничих в горах и уничтожив казаков в кишлаке Каракуль. По дороге к ишану с его войском, двигавшимся к Андижану, присоединялись новые сторонники. Вблизи города к нему примкнули 200 жителей Андижана и группа, которая должна была атаковать Маргилан, но не сумевшая это сделать из-за того, что гарнизон города бодрствовал, а не спал, на что был расчет восставших. Встретившиеся войску ишана два верховых русских торговца были зарезаны и разорваны на куски.

Информация о нападении на несколько городов была получена русскими должностными лицами около 2 часов дня, и, хотя она не выглядела достоверной, в Оше и Маргилане были предприняты меры к отражению нападения. Курьер же, отправленный из Маргилана в Андижан, был перехвачен сторонниками ишана и убит.

На подступах к Андижану ишан получил сообщение о расположении казарм 4-й и 5-й рот Туркестанского линейного батальона и решил напасть на лагерь 4-й роты, которая в составе 52 человек уже спала в не имевшей стен летней казарме. Подобравшись к казарме и убив дневального, воины ишана принялись избивать палками и резать ножами лежавших солдат. Один унтер-офицер смог вырваться из атакованной казармы и добежать до расположения 5-й роты, а спавший в лазарете близ казармы 4-й роты молодой поручик открыл огонь из револьвера по разъяренной толпе. Вызванная на помощь 5-я рота атаковала мятежников и начала расстреливать их из винтовок, стрелявших, вопреки уверениям ишана, отнюдь не водой: на поле боя остались 18 убитых и несколько раненых воинов ишана, зеленое знамя, дубинки и ножи. Из состава 4-й роты было убито 22 солдата, 19 серьезно ранено. События с начала нападения на казарму и до окончания расстрела мятежной толпы заняли не более 15 минут. Уже через

день Дукчи-ишан был арестован, один за другим были пойманы и его ближайшие соратники. (Всего по делу о восстании было арестовано 546 человек.) На селения, через которые проходили повстанцы, направляясь к Андижану, обрушились репрессии. На полосе шириной в одну версту (ширина была лично обозначена на плане самим Николаем II) на всем протяжении этого пути все кишлаки были снесены и сравнены с землей. На эту территории были завезены русские переселенцы из Наманганского уезда Ферганской области, приехавшие туда из южных русских губерний, а также отставные и запасные чины. Лидеры и виднейшие участники восстания предстали перед судом. Их обвинили в том, что, „задумав ниспровергнуть российское владычество в крае", они склонили „население многих волостей и городов восстать вооруженною рукою и объявить газават". Главные обвиняемые были повешены в Андижане 13 июля 1898 года: казнили самого „ишана-веретенщика" Мадали, его помощника Гаиб-Назара, волостного управителя Кучинской волости Субханкула Араббаева, который командовал одним из отрядов ишана, Рустамбека Сатибалдыбекова, владельца лавки в черте лагеря, способствовавшего внезапному нападению, Мирзу-Хамдама Усманбаева и Бабатая Гайнабаева — помощников ишана, лично участвовавших в нападении. Ради устрашения тела повешенных оставались неубранными целый день на площади в Андижане. Обвиняемым был также предъявлен гражданский иск от имени семей убитых русских солдат из расчета выдачи 5000 рублей на семью каждого убитого. Иск был удовлетворен за счет конфискации имущества осужденных. В Сибирь сослали 208 человек, среди них 136 киргизов, 52 узбека, тринадцать кашгарцев, четыре „тюрка", три таджика»[763].

Петербург. 1902.

2 апреля 1902 года. «Степан Валерианович Балмашев, сын известного саратовского революционера-народника В. А. Балмашева, родился 3 апреля 1881 года, в день казни Андрея Желябова и Софьи Перовской, и назван в честь Степана Разина. Он учился в Казанском и Киевском университетах, участвовал в студенческих волнениях 1901 года. Чуткий и ранимый, очень добрый... Степан Балмашев примкнул к Боевой организации эсеров и по ее заданию осуществил террористический акт против министра внутренних дел и шефа жандармов Д. С. Сипягина.

Главный каратель империи („Дикая Свинья", как расшифровывали его инициалы обыватели), Сипягин жестокими репрессиями против рабочих, крестьян, студентов... восстановил против себя широчайшие слои русского общества... 2 ап-

реля 1902 года Балмашев в адъютантской форме с погонами поручика подошел к Сипягину в Мариинском дворце и смертельно ранил его двумя выстрелами в упор, после чего „громко и твердо заявил“ окружающим: „Так поступают с врагами народа!“»[764].

Белосток. 1903.

«13 июля 1903 года два члена Белостокской боевой дружины социалистов-революционеров убили городового»[765].

Бердичев. 1903.

«14 октября 1903 года в Бердичеве был убит помощник пристава»[766].

Якутск. 1904.

«18 февраля 1904 года. Вооруженное сопротивление политических ссыльных в Якутске. При осаде дома, в котором забаррикадировались политические ссыльные, убит Ю. Матлахов; Костюшко, Хацкелевич и Медяник ранены»[767].

Гельсингфорс. 1904.

«3 июня 1904 года. В Гельсингфорсе убит из револьвера финляндский генерал-губернатор Бобриков. Убийца Евгений Шауман застрелился»[768].

Петербург. 1904.

«15 июля 1904 года. По приговору Боевой организации партии социалистов-революционеров убит в Петербурге около Варшавского вокзала министр внутренних дел В. К. Плеве»[769].

Москва. 1905.

«2 (15) января 1905 года. Покушение на жизнь Д. Ф. Трепова в Москве. Покушение находится в связи с избиением демонстрантов на улицах Москвы 5-го и 6 ноября 1904 года. Стрелял воспитанник торговой школы Полторацкий (19 лет). После первого выстрела, которым было прострелено пальто Трепова, Полторацкий был схвачен жандармами и во время борьбы успел выпустить еще несколько пуль, но безрезультатно»[770].

Москва. 1905.

«4 февраля 1905 года. По постановлению Боевой организации партии социалистов- революционеров, И. П. Каляев бросил бомбу в великого князя Сергея Александровича в Москве. Великий князь был убит на месте. Каляев арестован и предан военно-окружному суду в Москве»[771].

Рига. 1905.

«2 мая 1905 года в Риге, бомбой, брошенной в полицейский наряд, был убит городовой, тяжело ранен околоточный надзиратель и убит из револьвера другой городовой»[772].

Гросс-Вюрцау. 1905.

«15-го мая в Добленском уезде, Курляндской губернии, во дворе имения Гросс-Вюрцау убит был тремя неизвестны-

ми, из которых двое были в серых костюмах велосипедистов, а один в черном пиджаке, полицейский урядник, намеревавшийся отправиться в церковь для охраны порядка»[773].

Митава. 1905.

«3 июня 1905 года. Был убит выстрелом из револьвера 3 июня, в Крон-Сесанской церкви, Митаво-баусского округа, барон Александр Бистром и ранен предводитель дворянства, барон Ган»[774].

Одесса. 1905.

14 июня 1905 года. Восстание матросов на броненосце «Князь Потемкин Таврический».

«После отказа команды броненосца есть суп из червивого мяса капитан броненосца Голиков приказал немедленно собраться и построиться всем матросам. К собравшейся команде он вышел окруженный всеми офицерами и двумя врачами и начал грозить матросам расстрелом, если они будут упорствовать и не есть супа. После грозного напоминания об участи забывающих воинскую дисциплину он вызывает вперед желающих есть суп. Никто не трогается с места. Тогда капитан приказывает вызвать караул. Видя бесполезность сопротивления, тут все вышли вперед. Случайно застряли на месте 30 матросов из дальних рядов. Видя это, старший офицер броненосца Гиляровский отдал приказ оставшимся матросам не трогаться с места и, чтобы приказ его был в точности исполнен, вместе с вахтенным офицером Ливенцовым загородил им дорогу. Приближающемуся караулу он приказал окружить отставших матросов. Вдруг среди гробовой тишины раздался голос матроса Вакуленчука. „Братья, отчего вы нас покидаете?“. Этот крик отчаяния пробудил всех, и в толпе матросов начался зловещий ропот. Тогда Гиляровский приказал караулу стрелять, но последний отказался исполнить его приказание. Гиляровский выхватил винтовку у матроса и погнался за Вакуленчуком. В это время появляются вооруженные матросы во главе с матросом Матюшенко. Вакуленчук, смертельно раненый Гиляровским, падает в воду. Но его сейчас же оттуда вытаскивают матросы, а тяжело раненого Гиляровского бросают за борт. За ним следуют артиллерийский офицер Неупокоев и мичман Тон. Матросы начали искать капитана Голикова. Вскоре он был найден, расстрелян и выброшен за борт. Еще были убиты и выброшены за борт: старший врач Смирнов, вахтенный офицер Левенцов и прикомандированный от военного министерства поручик Григорьев. Остальные офицеры были обезоружены и арестованы. В Одесский порт в этот день 14 июня, часов в 10 ночи, из Тендровского залива, в со-

провождении миноносца № 267, пришел броненосец „Потемкин Таврический“».

Затем было противостояние с эскадрой без стрельбы. «„Потемкин“ принял к себе на борт капитана „Георгия Победоносца“ и на шлюпке высадил его вместе с офицерами около Дофиновки. Только один из офицеров — Григорьев — не пожелал воспользоваться этой милостью со стороны взбунтовавшихся матросов и застрелился на корабле. Вечером 18 июня в порт, где стоял „Георгий Победоносец“, вошел учебный транспорт „Прут“. Некоторое время он переговаривался с броненосцем. Все думали, что „Прут“ также присоединяется к восставшим, но он скоро ушел в море.

После его ухода на „Георгии“ поднялась тревога. Большинство команды, не видя никакой поддержки со стороны города, совершенно придавленного военным положением, испугалось и решило принести повинную начальству. Во главе раскаявшихся стоял боцман.

Говорят, они обманным образом связали своих противников, которых к тому же было не боле семидесяти человек, а сами послали депутацию в город к командующему войсками и вручили ему георгиевское знамя. По просьбе команды на корабль снова были водворены командир его капитан I ранга Грузевич и шестнадцать офицеров „Георгия Победоносца“, пощаженные бунтовщиками и уже отбывшие в Николаев. Арестованных зачинщиков под строгим конвоем отправили в Керчь для предания военному суду»[775].

Виндава. 1905.

«15 июня 1905 года в Венденском уезде, Лифляндской губернии, в Прауленском лесу устроена была засада, в которую попал казачий разъезд, потеряв при этом офицера убитым и казачьего урядника раненым, а также трех лошадей. На другой день, 16 июня, в Вальмарском уезде на ярмарке Лидерн убит был неизвестным злоумышленником местный полицейский урядник, а через день другой урядник найден был убитым на дороге в Венден — в Роненбурге»[776].

Гробин. 1905.

«В ночь на 17 июня 1905 года в Гробинском уезде был убит в своем имении „Меженек“ помещик барон Адольф Бистром»[777].

Курск. 1905.

«17 июня 1905 года в Курске стоял прибывший из Воронежа товарный поезд с эшелоном конно-горной батареи, состоящий из одного вагона 1-го класса, где помещался офицер, и товарных вагонов. В последних, в страшной тесноте, при 30-градусной жаре, жались нижние чины. На окрик команди-

ра, почему он не садится, один из них отвечал, что в вагоне невозможно дышать от тесноты, и от имени товарищей просил, чтобы прицепили еще вагонов. Офицер (поручик Михолапов) накричал на солдата и, когда тот стал возражать, велел связать его. Тогда солдат (канонир Бажиков), уже связанный, обругал офицера. Офицер выхватил шашку и одним взмахом почти снес ему голову. Солдат без крика, мертвый упал на платформу. Весть о происшедшем моментально разнеслась по мастерским, и в короткий промежуток времени громадная толпа окружила поезд. Офицер скрылся в вагоне. Вагон был облит керосином, подожжен, и убийца-офицер погиб в пламени. Солдаты же эшелона все время молча сидели в своих вагонах»[778].

Херсон. 1905.

«20 июня 1905 года. Бунт в херсонском дисциплинарном батальоне. Заключенные 3-й роты Золотарев, Глидун, Рогачев, Пархоменко и Харчук решили расправиться с командиром батальона полковником Давыдовым, командиром 3-й роты капитаном Миргородским и унтер-офицерами Коваленко и Карасевым. Решено было устроить беспорядок в 3-й роте, во время которого Рогачев и Пархоменко должны были убить полковника Давыдова и капитана Миргородского, а унтер-офицеров Глидун — Карасева и Харчук — Коваленко. Утром 20 июня, когда все роты батальона были выстроены, началось шевеление в строю 3-й роты после команды „смирно“. Командир батальона обращает внимание ротного командира на беспорядок. Пока капитан Миргородский был занят наведением порядка в своей роте, на полковника Давыдова налетели несколько солдат с ружьями наперевес, в том числе Рогачев и Пархоменко, и начали колоть его штыками. Полковник Давыдов отбивается шашкой и падает весь в крови. Происходит общее замешательство. На помощь полковнику поспешили Миргородский, Карасев и Коваленко. Миргородский и Коваленко были ранены штыками. Нападавшие бросились на берег Днепра в кусты и скрылись. Вскоре все участники бунта, в количестве 31 человека, были арестованы и преданы военному суду. Из них 24 августа 1905 года были расстреляны: Рогачев, Пархоменко, Ермишев и Харчук»[779].

Феодосия. 1905.

«22 июня 1905 года броненосец „Потемкин“ пришел в Феодосию с целью запастись продовольствием и углем. 23 июня катер с „Потемкина“ подошел к паруснику с углем, пытаясь взять его на буксир. Однако, когда матросы взошли на судно и стали поднимать якорь, на берегу появилась рота солдат, которая из-за прикрытия дала залп по матросам. После первых

же выстрелов несколько раненых упали в воду. Стрельба продолжалась, причем расстреливались плывущие. <...> Стреляли в матросов солдаты Виленского полка под командованием полковника Герцыка. <...> Когда на „Потемкине“ увидели тела убитых товарищей, командой овладело негодование. <...> Однако было решено не открывать огня по Феодосии, уйти в Румынию и сдаться румынским властям»[780].

«Когда во время смотра Виленского полка полковник Герцык объявил благодарность за „успешный обстрел“ потемкинцев, рядовой Могидловер прямо из строя три раза выстрелил в полковника»[781].

Москва. 1905.

«28 июня 1905 года. В Москве убит граф П. Шувалов, известный своими репрессиями в Одессе в 1903 году. В Москве Шувалов был заместителем Д. Трепова и продолжал его политику. 28 июня он был убит Куликовским по постановлению Московского комитета партии социалистов-революционеров»[782].

Дурбен. 1905.

«9 июля 1905 года был убит из засады близ Дурбена, Гробинского уезда, фон Бреверн, комиссар по крестьянским делам Либавского уезда»[783].

Полтава. 1905.

«15 июля 1905 года. Из-за слухов об аресте солдат Севского полка взбунтовался 1-й батальон этого полка и направился к местной тюрьме. Охрана тюрьмы не позволила толпе ворваться во двор. Тогда повстанцы решили присоединить к себе расположенные вблизи 2-ю и 3-ю батареи 9-й артиллерийской бригады. Ворвавшись в казармы артиллеристов и захватив с собой четыре орудия, повстанцы вновь появились перед воротами тюрьмы, наведя на них орудия. Против повстанцев начальником 9-й пехотной дивизии генералом Полковниковым было выслано три роты 33-го пехотного Елецкого полка и две сотни 16-го Донского казачьего полка. Произошло вооруженное столкновение. В результате повстанцы были рассеяны. Было пять убитых и пять раненых с той и другой стороны»[784].

Борисов. 1905.

«3 августа 1905 года в Борисове, Минской губернии, социалисты-революционеры бросили с крыши одного из домов бомбу в разъезд драгун, причем был убит один драгун и три лошади, ранено же трое драгун»[785].

Рига. 1905.

«7 сентября 1905 года. В ночь на 7 сентября 1905 года группа вооруженных рабочих боевиков совершило неожиданное нападение на Рижскую центральную тюрьму на Матвеевской

улице для освобождения заключенных... В нападении приняло участие около 50 человек... Одна группа боевиков осталась во дворе, а другая тайно проникла в здание тюрьмы, в то время как третья заняла боевые позиции для отражения нападения со стороны тюремной охраны. Были взломаны двери камер и освобождены двое заключенных — член Рижского комитета ЛСДРП Я. Лацис-Крюгер и Юлий Шлесер, организатор боевой бригады на заводе „Феникс", которые ранее были приговорены к смертной казни. Охранники Матвеевской тюрьмы потеряли убитыми 15 человек при нападении боевиков»[786].

Тифлис. 1905.

«8 октября 1905 года. Убит инспектор верийского городского училища Прокофьев. Убийца, исключенный ученик школы, задержан»[787].

Харьков. 1905.

11–14 октября 1905 года. «В течение трех дней на улицах были баррикады. Район вокруг университета был осажден войсками. <...> Состоялись торжественные похороны жертв последних событий, представлявшие небывалое зрелище. Войска отсутствуют. На руках несли 14 гробов. Среди убитых есть женщины и дети»[788].

Вильно. 1905.

«16 октября 1905 года. В 14 часов на Георгиевском проспекте неизвестный выстрелил в губернатора и ранил его. Произведенным со стороны войск залпом убито пять человек и ранено 38 человек»[789].

Петербург. 1905.

17 октября 1905 года. «В тот день, когда была объявлена „конституция" русского самодержавного царя, у технологического института было брошено кем-то три бомбы. Первая бомба упала на противоположной стороне у тротуара. Этой бомбой убиты три солдата и две казацкие лошади. Это послужило сигналом для стрельбы. Солдаты, подчиняясь команде, дали последовательно несколько залпов по институтским окнам. Стрельба продолжалась с 12 часов до 2 часов ночи. В то же время примчавшиеся к месту действия конногвардейцы рубили шашками прибежавших на выстрелы граждан. Технологическая площадь была оцеплена солдатами, начиная с Бронницкой улицы и Загородного проспекта, Первой роты и до Обуховского моста; туда не пускали никого, а за этой цепью нещадно били. На улицах были убитые и израненные»[790].

Петербург. 1905.

«18 октября 1905 года, на углу Загородного проспекта произошло покушение на генерал-майора А. М. Шмакова. Когда

последний выходил из Царскосельского вокзала, его окружило несколько человек, которые были убеждены, что он — командир лейб-гвардии Семеновского полка. Один из них, сын генерал-майора Смирнова, пытался убить генерала Шмакова, но был задержан и зарублен двумя жандармами. Генерал Шмаков не пострадал»[791].

«18 октября, в 11 часов 30 минут, после набега драгун на толпу против технологического института, на месте осталось 12 человек раненых; одного из них пришлось вынести на руках. Тяжело раненым в голову оказался профессор Евгений Викторович Тарле, которому была подана первая помощь по доставлении его домой. Вследствие сильной потери крови Евгений Викторович потерял сознание. Ввиду того, что у Евгения Викторовича началась рвота, есть основание предполагать, что он, кроме поранения головы, получил и сотрясение мозга»[792].

Кронштадт. 1905.

«26–28 октября 1905 года. 24 октября солдаты и матросы Кронштадта предъявили ряд требований политического и экономического характера. Комендант приказал арестовать 400 солдат. Матросы пытались освободить арестованных солдат, но так как они не были вооружены, то попытка окончилась безуспешно. Вечером 26 октября вооруженная толпа матросов и солдат принялась громить казенные винные лавки и офицерские квартиры. 28-го на рейд прибыл миноносец и две канлодки, открывшие артиллерийский и пулеметный огонь по очагам сопротивления восставших. К середине дня Кронштадтское восстание было подавлено. В городе объявлено военное положение, началось разоружение участников восстания, повальные обыски и аресты. За время восстания с обоих сторон было убито 17 и ранено 82 человека»[793].

Владивосток. 1905.

«30 октября 1905 года началось восстание во Владивостоке. На базарной площади Владивостока собралось более 2 тыс. матросов Сибирского флотского экипажа, 10 тыс. солдат Хабаровского резервного полка и рабочие мастерских военного порта. Избранная ими делегация была направлена к коменданту с требованием объявить в частях манифест 17 октября, отменить запрещение посещать митинги и собрания, выдать заработанные деньги, улучшить пищу и обращение с матросами и солдатами со стороны офицеров, назначить немедленно демобилизацию запасных и отправку их на родину. Комендант крепости не принял делегацию. Это вызвало негодование собравшихся. Из-за отсутствия руководства восставшие не зна-

ли, что им предпринять. Они разгромили и сожгли офицерские особняки, здания Общественного и Морского собраний, военно-окружного суда, разбили карцеры и караульные помещения, выпустив из них арестованных, убили несколько ненавистных им офицеров. Вызванные с полевых позиций войска отказались стрелять в своих братьев. Восстание охватило и другие части: 1-ю и 2-ю Владивостокские крепостные минные роты в бухте Диомид, Восточносибирскую и Новокиевскую минные роты в бухте Посьет (в 150 км от Владивостока), отряд миноносцев, военный транспорт „Тобол" и другие корабли, стоявшие на владивостокском рейде. Видя, что восстание принимает широкие размеры, комендант крепости генерал Казбек спешно подтянул к городу еще один полк и батальон с Русского острова и отправил телеграмму командующему войсками Приамурского военного округа с просьбой поднять по тревоге казачьи части, расположенные в различных гарнизонах Приморья, и срочно перебросить их по железной дороге во Владивосток, что и было сделано в те же сутки. В ночь на 31 октября матросы Сибирского флотского экипажа изгнали из казарм офицеров и совместно с рабочими и солдатами крепости развернули вооруженную борьбу с верными правительству частями. Обе стороны понесли значительные потери: 182 человека убитых и раненых. 31 октября восстание приняло более организованный характер. Свыше тысячи солдат, матросов и рабочих собрались на митинг, вызвали коменданта крепости и командира военного порта и повторили им свои требования. Собравшиеся заставили генерала Казбека прочитать им царский манифест и дать обещание осуществить его и выполнить все их требования. Участники митинга организовали вооруженную демонстрацию. Демонстранты разоружили охрану крепостной гауптвахты, выпустили всех арестованных (около 100 чел.), уничтожили документы, а здание гауптвахты сожгли. Та же участь постигла старую и новую городские тюрьмы и полицейские участки. Местные социал-демократы не были подготовлены к тому, чтобы использовать создавшиеся благоприятные условия для вооруженного восстания, взять на себя организацию и руководство вооруженными силами восставших частей гарнизона. Восставшие не знали, что делать дальше. Хитростью и уговорами, а кое-где и силой военным властям удалось вывести наиболее революционные части за пределы крепостного района. Разобщив восставших, разбросав их по различным гарнизонам, усыпив их бдительность показной эвакуацией запасных, военные власти предприняли карательные меры. В крепости начались массо-

вые аресты. Специально учрежденная следственная комиссия рассмотрела свыше 500 дел. Сотни солдат и матросов были приговорены царским судом к каторжным работам, тюремному заключению, арестантским ротам»[794].

Владивосток. 1905.

«12 ноября 1905 года, прибывшие из плена порт-артурцы проводили митинг в своей казарме. Дежурный офицер капитан Новицкий решил разогнать шумевших порт-артурцев. Он потребовал немедленно разойтись. Это требование встретило дружный отпор, и наиболее ярые артиллеристы стали спорить с дежурным офицером, окружив его тесным кольцом. В пылу спора один из артиллеристов ударил капитана Новицкого. Последний выхватил свой револьвер и застрелил этого канонира. Остальные в первый момент остолбенели и дали дорогу офицеру, но скоро бросились вслед за ним. Угрожая револьвером, капитан постепенно отступал и наконец укрылся в ближайшем здании Чуркинского военного собрания. Порт-артурцы окружили собрание и потребовали выхода дежурного офицера. В это время в собрании находилось за обеденным столом несколько офицеров. Они поочередно выходили к солдатам и пытались уговорить их успокоиться и разойтись. Более других старался поручик Лилеев, но злобно настроенные солдаты стали его бить, и от полученных ран он к вечеру умер. По телефону были вызваны 13-я и 14-я роты владивостокской крепостной артиллерии с винтовками для усмирения порт-артурцев. Последние взломали двери и ворвались в здание собрания. Боясь быть растерзанным, капитан Новицкий предпочел застрелиться. В начавшейся свалке были тяжело ранены в голову штабс-капитан Тимофеев и поручик Трофимов и легко ранены три офицера. Прибывшие 13-я и 14-я роты разогнали порт-артурцев и всех сопротивляющихся арестовали»[795].

Севастополь. 1905.

11–15 ноября 1905 года. «11 ноября на площади, между казармами флотских экипажей и казармами Брестского полка, собрался многолюдный митинг, в котором участвовали вместе с матросами портовые рабочие. В это время подошли боевые роты от экипажей флотской дивизии, от морского учебного отряда и учебная команда Белостокского пехотного полка, под командой штабс-капитана Штейна, сюда же прибыл начальник учебного отряда Черноморского флота, контр-адмирал Писаревский, одновременно заведующий морскими командами, расположенными в казармах, и отдал распоряжение: „стрелять в толпу, если она не разойдется“. Услышав это

распоряжение, матрос боевой роты Петров тремя выстрелами смертельно ранил штабс-капитана Штейна и легко в лопатку адмирала Писаревского. Петрова арестовали, но по требованию митинга освободили»[796].

«...Прибывший 14 ноября на восставший крейсер „Очаков“ лейтенант П. Шмидт поднял на мачте красный флаг и сигнал „Командую флотом“, после чего на миноносце „Свирепый“ обошел другие корабли Черноморской эскадры, призывая их присоединиться к восстанию. На сторону восставших перешел броненосец „Святой Пантелеймон“ (бывший „Потемкин“). Силы восставших — 8,2 тысячи человек, правительственных войск — 10 тысяч человек. С крейсера „Очаков“ направлена телеграмма императору Николаю II: „Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и не повинуется больше вашим министрам. Командующий флотом П. Шмидт“. 12:00. Командующий правительственными войсками генерал Меллер-Закомельский предъявил восставшим ультиматум с требованием капитуляции. 15:00. Верные правительству корабли Черноморского флота и крепостная артиллерия открыла огонь по восставшим кораблям и казармам. Восставшие открыли ответный огонь. Миноносец „Свирепый“ пошел в торпедную атаку, но, попав под сосредоточенный огонь, был выведен из строя; его командир И. Сиротенко погиб. Артогнем уничтожен один из номерных миноносцев восставших. Броненосец „Святой Пантелеймон“ не мог поддержать восставших огнем, так как с орудий оказались сняты ударники. Крейсер „Очаков“ отбивается с двух бортов, ведя огонь по броненосцу „Ростислав“ и береговым батареям. 16:30. Разгром мятежных кораблей. Пытавшийся спастись с горящего крейсера „Очаков“ лейтенант П. Шмидт перешел на миноносец № 270, который был подбит огнем с броненосца „Ростислав“. П. Шмидт захвачен. 16 ноября 1905 года. 6:00. Правительственными войсками при массированной поддержке артиллерии взяты восставшие казармы. В штурме казарм принимал участие Брестский полк, солдаты которого „искупали свою вину перед государем“»[797].

Ташкент. 1905.

«15–16 ноября 1905 года. Восстание в Ташкентской крепости 1-го Ташкентского резервного батальона. В перестрелке с карателями были убиты шесть человек и ранен 21»[798].

Тукумс. Талси. 1905.

Тукумское вооруженное восстание 30 ноября — 2 декабря 1905 года возглавлял Тукумский комитет ЛСДРП. «В Тукум-

се повстанцы окружили отряд драгун из 40 человек в корчме. Осада длилась несколько дней, наконец повстанцы подожгли корчму, причем погибли частью от пуль, частью же от огня до 20 драгун и подполковник Миллер: трупы оказались изуродованными. Остальные драгуны и офицеры бежали»[799].

«Над Тукумсом взвился красный флаг. Однако восстание было подавлено крупным отрядом регулярных войск. Под влиянием Тукумского восстания вооруженное восстание охватило и Талси 3–5 декабря. Восставшие ворвались в арсенал, заняли здания государственных учреждений, освободили политзаключенных. Власть в городе перешла в руки восставших, но продержалась недолго. Город был подвергнут артиллерийскому обстрелу и восстание подавлено. В Талси сгорело 23 дома. На улицах оказалось до 25 трупов и 10 раненых»[800].

«Как рассказывал командовавший подавлением этого восстания генерал Хоруженко: „На станции Перин остановка. <...> Подхожу к группе молодежи и спрашиваю одного:

— Ты что тут делаешь?

Он говорит:

— А ты кто такой?

<...> Я позвал солдат и говорю:

— Я покажу тебе, кто я такой!

И приказал расстрелять его“»[801].

Киев. 1905.

«18 ноября 1905 года. Восстание солдат 4-го и 5-го понтонных батальонов 3-й саперной бригады (800 человек). Восставшие саперы под командованием подпоручика Б. Жадановского с оружием двинулись в город. По пути к ним присоединились часть Курского пехотного полка, саперная рота, а в городе — около тысячи рабочих Южнорусского завода. Пятитысячная демонстрация опрокинула преградившие ей путь три сотни казаков, но у казарм Азовского полка на Галицкой площади была встречена огнем Миргородского пехотного полка. После короткой перестрелки, в которой был тяжело ранен подпоручик Б. Жадановский, толпа восставших была рассеяна»[802].

Пятигорск. Минеральные воды. 1905.

«1 декабря 1905 года. Митинги шли повсюду за митингами. Во главе движения стояла минераловодская группа партии социалистов-революционеров, издававшая во время „свобод“ свою газету „Народ“. Центром восстания в Терской области был город Пятигорск.

Выразилось восстание: в обезоружении и аресте властей, обыске правительственных учреждений и конфискации част-

ных оружейных магазинов и казенного оружия. Было столкновение боевых дружин с правительственными войсками около станции Кавказской, результатом чего было убитых восемь казаков и один легко раненый кондуктор-дружинник. По наступлении реакции арестовано было 34 железнодорожных рабочих станции Минеральные Воды и преданы суду выездной сессии Тифлисской судебной палаты»[803].

Харбин. 1905.

«3 декабря 1905 года. Военный мятеж в Харбине. Кавалерия генерала Мадритова ворвалась ночью в Харбин и подожгла казармы, при чем убила около трехсот солдат и посторонних, бежавших из подожженных казарм. Войска, не примкнувшие к мятежникам, стреляли ночью в мятежников, но попадали в темноте друг в друга. Наконец, кавалерия Мадритова была окружена со всех сторон мятежниками. Произошла свалка. Были пущены в ход даже пулеметы. Убитых и раненых с обеих сторон очень много. Тем временем и пламя с горящих казарм перекинулось на соседние здания и полгорода выгорело в одну ночь»[804].

Москва. 1905.

«6 декабря 1905 года. Начало забастовки в Москве. Исполнительный комитет Московского С. Р. Д., которому было поручено руководство выступлениями пролетариата, опубликовал призыв к забастовке в следующей формулировке:

„Московский Совет Рабочих Депутатов, Комитет и Группа Российской Социал-демократической Рабочей Партии и Комитет Партии Социалистов-Революционеров постановили: объявить в Москве со среды, 7 декабря, с 12 часов дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание“...

На некоторых дорогах произошли различного рода столкновения. Так, напр., на Киево-Воронежской произошло столкновение с ломовиками, упорно требовавшими выдачи грузов. Боевая дружина дала отпор ломовикам; несколько человек при этом было ранено. В другом месте, на Казанской дороге, убито было двое машинистов, не подчинившихся общему решению о приостановке движения и самовольно поведших поезда...

„По приблизительному подсчету, в первый день, 7 декабря, забастовало всего — считая только фабрики и заводы — свыше 50 000 человек. А вместе с железнодорожными служащими и рабочими, число которых очень трудно поддается учету, цифра эта значительно возрастает. По сведениям № 2 ‹Изв. С. Р. Д.›, она достигает 100.000“.

9 декабря 1905 года. Вооруженное восстание в Москве.

Вечером 9 декабря артиллерийским огнем был разгромлен дом Фидлера... „В училище при обыске найдено 13 бомб, 18 винтовок и 15 револьверов Браунинга“. Осажденные потеряли трех человек убитыми и 15 ранеными»[805].

«10 декабря строительство баррикад развернулось повсюду. Топография баррикад в основном была такова: через Тверскую улицу (проволочные заграждения); от Трубной площади до Арбата (Страстная площадь, Бронные улицы, Б. Козихинский пер. и др.); по Садовой — от Сухаревского бульвара и Садово-Кудринской улицы до Смоленской площади; по линии Бутырской (Долгоруковская, Лесная улицы) и Дорогомиловской застав; на пересекающих эти магистрали улицах и переулках. Отдельные баррикады строились и в других районах города, например в Замоскворечье, Хамовниках, Лефортове. Баррикады, разрушенные войсками и полицией, вплоть до 11 декабря активно восстанавливались.

Дружинники, вооруженные иностранным оружием, начали атаковать солдат, полицейских и офицеров. Современник и участник событий, историк, академик Покровский определял вооруженность так: „вооруженных несколько сот, большинство обладало мало годными револьверами“, и „700–800 человек дружинников, вооруженных револьверами“. Бои развернулись на Кудринской площади, Арбате, Лесной улице, на Серпуховской и Каланчевской площадях, у Красных ворот. Вечером 10 декабря восставшие разграбили оружейные магазины Торбека и Тарнопольского. Первый пострадал значительно, так как в нем от пожара произошел взрыв. Остальные торговали только револьверами — единственным товаром, на который был спрос.

10 декабря восставшим стало ясно, что свой тактический план: зажать в Садовое кольцо центр, продвигаясь к нему из окраин, — им выполнить не удалось. Районы города оказались разобщенными, и управление восстанием перешло в руки районных Советов и уполномоченных Московского комитета РСДРП в этих районах. В руках восставших оказались: район Бронных улиц, который обороняли студенческие дружины, Грузины, Пресня, Миусы, Симоново. Общегородское восстание раздробилось, превратившись в серию восстаний районов. Наиболее упорные бои велись в Замоскворечье (дружины типографии Сытина, фабрики Цинделя), в Бутырском районе (Миусского трамвайного парка, фабрики Габая под управлением П. М. Щепетильникова и М. П. Виноградова), в Рогожско-Симоновском районе. В ночь с 14-го на 15 декабря из Петербурга по действовавшей Николаевской железной

дороге прибыли две тысячи солдат Семеновского лейб-гвардии полка.

К утру 15 декабря, когда солдаты Семеновского полка прибыли в Москву, действовавшие в городе казаки и драгуны при поддержке артиллерии оттеснили повстанцев из их опорных районов на Бронных улицах и Арбате. Дальнейшие боевые действия с участием гвардейцев шли на Пресне вокруг фабрики Шмита, превращенной тогда в арсенал, типографию и лазарет для живых повстанцев и морг для павших. 16–17 декабря центром боев стала Пресня, где сосредоточились дружинники. Семеновским полком был занят Казанский вокзал и несколько близлежащих железнодорожных станций»[806].

«Чуть ли не диктаторская власть, данная каждому дикому солдату, порождает немало случаев жестокого произвола. На углу 4-й Ямской и Лесной улиц, около трактира Пустошкина, днем проходил какой-то господин. Стоявший невдалеке солдат неожиданно выстрелил, уложив незнакомца на месте»[807].

«Ранним утром 17 декабря Николая Шмита арестовали. Тогда же артиллерия Семеновского полка начала обстрел фабрики Шмита. В тот день фабрика и соседний особняк Шмитов сгорели. При этом часть их имущества успели растащить по домам не занятые на баррикадах местные жители. Подразделения лейб-гвардии Семеновского полка захватили штаб революционеров — фабрику Шмита и подвергли Пресню слепому обстрелу с помощью артиллерии „по площадям“. 18 декабря вооруженное восстание было прекращено. Семеновский полк занял Пресню. 19 декабря на сахарном заводе за Трехгорной заставой каратели арестовали дружинников: Ф. М. Мантулина, И. М. Волкова, Афанасьева, Попова и других. Все они были расстреляны в тот же день. По сведениям 47 московских больниц, в ходе восстания погибли 1059 человек. Причем самих дружинников-повстанцев было убито только 13. Из числа их противников погибли 35 человек: 18 солдат, десять городовых, пять офицеров и два жандарма. А остальные 1011 жертв московского вооруженного восстания были мирными жителями, погибшими в основном от беспорядочных артиллерийских обстрелов. По социальной принадлежности убитые делились так:

1) 705 рабочих, крестьян, мещан и ремесленников;

2) 122 работницы, крестьянки и служанки;

3) 23 чиновника, 21 студент и учащийся,17 купцов, 11 лиц неизвестного звания, пять врачей, три женщины-врача, два адвоката, артист, дьякон, инженер, литератор, учительница;

4) восемь мальчиков до трех лет, 78 мальчиков от трех до 15 лет, 11 девочек до 15 лет»[808].

«В центральном комитете при Всероссийском медицинском союзе зарегистрировано по 17 декабря более 1000 убитых и раненых. Для характеристики, насколько эта цифра не дает полных сведений, приведу следующий пример: вчера в бюро союза обратилось до 20 лиц, у которых в эти дни несомненно погибли или пропали без вести родственники. По проверке тысячного именного списка нашелся только один пропавший, а где же еще 19?»[809]

Ростов-на-Дону. 1905.

«8 декабря 1905 года. Декабрьская забастовка в Ростове-на-Дону.

Декабрьская забастовка в Ростове-на-Дону была объявлена Советом рабочих депутатов, в силу полученного из Москвы сообщения, что Петербургский и Московский С. р. депутатов совместно с совещанием 29 представителей железнодорожных организаций объявили всероссийскую забастовку. Не имея возможности поднять вопрос о целесообразности забастовки, к которой, как к „последнему средству", готовились гораздо позже, С. р. депутатов 8 декабря объявил всеобщую политическую забастовку. В ночь с 8-го на 9-е были арестованы 12 человек из Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, Железнодорожного бюро и Донского комитета РСДРП, но по требованию рабочего комитета выпущены.

Этот успех, проявивший и слабость, и растерянность администрации, поднял настроение рабочих и повлиял на ход самой забастовки. 10 декабря забастовка была всеобщей. По решению С. р. депутатов, не бастовали только рабочие водопроводов, хлебопекарен и молочных лавок. Агитация была расширена, и митинги устраивались почти беспрерывно. Настроение все время было бодрое и боевое. Авторитет Совета рабочих депутатов все более укреплялся. Между тем администрация понемногу оправлялась и стала готовиться. Ростов и Нахичевань были объявлены на положении чрезвычайной охраны.

Совет рабочих депутатов, в ответ на объявление чрезвычайной охраны, призывал к продолжению стачки и митингов. 11-го и 12-го митинги продолжались, но уже чувствовалось приближение грозы.

13 декабря в 2 часа дня без каких-либо предупреждений раздались пушечные залпы, направленные в Темерницкое поселение, где жили рабочие.

Первые выстрелы попали в церковь, училище, в частные жилища и, наконец, шестой заряд попал в толпу. Этим снарядом было убито шесть и ранено восемь человек. В разбегавшуюся

толпу выпущено было еще 15 зарядов. В то же время в городе появились казаки, которые стреляли без всякого предупреждения по всем улицам, убив и ранив около ста человек. Собрание руководителей организаций призвало боевые дружины организоваться для самообороны во время погромов, к охране митингов и трупов убитых товарищей. Во время военных действий власть переходила к начальникам боевых дружин.

На следующий день снова начался обстрел Темерницкого поселения, однако из 30 выпущенных зарядов только несколько попало в здание столовой, где тысячная толпа готовилась к похоронам убитых товарищей. Обстреляв Темерник, полбатареи и сотня казаков бросились в атаку, но бомбами быстро были отброшены назад. Геройский отпор, данный рабочими, нагнал такого страха на казаков, что они больше не рисковали спускаться в Темерник. Все Темерницкое поселение, Нахичевань, вокзал и все железнодорожные пути были в руках рабочих. 14-го и 15-го пришла помощь со станций Тихорецкой и Кавказской.

В Темерницком поселении рабочие ввели военную охрану. По ночам ходил патруль, охраняя жителей и следя за действиями казаков. Жители Темерника и окрестные крестьяне охотно помогали дружинникам в привозе провизии и т. п. 17, 18 и 19-го, благодаря туману и дождю, бомбардировки не было. 19-го Ростов был объявлен на военном положении. 20-го с 7 часов утра начался усиленный артиллерийский обстрел Темерницкого поселения. В течение шести часов было выпущено 150 снарядов. Дружинники отражали нападение, стреляя из ружей в батареи. К 5 часам иссякает запас ружейных патронов, и дружинники решают оставить темерницкие позиции. Под прикрытием ночной темноты дружинники со всеми боевыми запасами и оружием покинули Темерник, предупредив о том население, которое на следующее утро выкинуло белый флаг.

Темерник перешел в руки правительства, и жители его оценили этот факт достойным образом: вместе с дружинниками покидали они свои дома, захватывая с собой наиболее ценные вещи. Они знали, что предстоит разгром. До тех пор, пока дружинники были на Темернике, их имущество и жизнь были в безопасности, теперь же, когда город был отдан в распоряжение казаков, они спешили уйти из Темерника. Сопротивление рабочих было сломлено»[810].

Харьков. 1905.

«План восстания в Харькове, намеченного на 12 декабря 1905 года, разрабатывался местным большевистским под-

польем во главе с Федором Сергеевым. Узнав об их планах, местные власти решили опередить их, и в 5 часов утра завод Гельферих-Саде, с которого восстание и должно было начаться, был оцеплен полицией и верными правительству войсками. Взять с ходу завод им не удалось.

На помощь блокированным на заводе рабочим дружинам пришла колонна рабочих паровозостроительного завода и железной дороги общей численностью около трех тысяч человек во главе с большевиком Матвеем Мурановым. Деблокировать завод им не удалось, так как правительственные войска, открыв огонь из артиллерии и стрелкового оружия, рассеяли колонну. Одновременно рабочие железнодорожных мастерских предприняли попытку поднять восстание, однако и она была успешно подавлена. По официальным данным, в результате боев в Харькове погибли 14 и получили ранения еще 96 человек»[811].

Александровск-Грушевск. 1905.

«12 декабря 1905 года. Рабочие дружины В. Васильева и С. Тополина захватили Южный и Екатерининский вокзалы и Слободу. 13 декабря 1905 года. В 2:00 отряд полиции захватил Южный вокзал, арестовав председателя БСК В. Васильева. Дружинники отбили вокзал у полиции, однако она увела арестованного с собой. В город прибыли рабочие дружины из городов Синельниково, Никополь, Нижнеднепровск. К концу дня после баррикадного боя под натиском войск и полиции восставшие оставили Екатерининский вокзал, потеряв 15 человек убитыми и 20 ранеными. 14 декабря 1905 года. После упорного боя с восставшими рабочими, правительственные войска взяли последний оплот восставших — Южный вокзал. Александровское восстание подавлено; повстанцы потеряли 56 человек убитыми и 240 ранеными. „Войска потеряли 24 нижних чина и двоих офицеров, 60 черносотенцев“»[812].

Сормово. Канавино. 1905.

«12 декабря в 10 часов утра на Сормовском заводе началось восстание. Отряды рабочих начали брать под контроль прилегающую территорию. Весь день происходили стычки и перестрелки, обе стороны понесли потери.

13 декабря шеф жандармов полковник Левицкий докладывал начальству: „Насильственно остановлены действия телеграфа, телефона, вокзал в руках комитета во главе с Акимовым. В Сормове баррикады, телефонные столбы спилены“. По приказу губернатора в Сормово были переброшены казаки и рота жандармов с пушками. Повстанцы заняли здание церковно-приходской школы. Полным драматизма был штурм дома

Ивана Чурыгина. Когда в здание ворвались полицейские, в них была брошена бомба. Взрывом были убиты два человека, еще двое получили ранения. После этого рабочие бежали через черный ход, а проникшая в здание группа захвата по ошибке изрубила саблями попавшихся под руку студента и старуху, в дыму приняв их за боевиков.

13–14 декабря восстание охватило Сормово, а 14–15 декабря Канавино.

Рано утром 14 декабря полиция начала артподготовку. Позиции орудий находились у здания „Общественного собрания служащих“, откуда до главной баррикады было 800 метров. Первые три снаряда пролетели выше здания школы, четвертый разорвался у баррикады.

После этого пушка повстанцев открыла ответный огонь. Из окон последнего этажа рабочие наблюдали в бинокль результаты попаданий и корректировали огонь. Однако полицейские все же стреляли гораздо точнее. Один из снарядов влетел прямо в окно, пробил внутренние перегородки и взорвался в задней классной комнате, убив и ранив шесть человек.

После длительного обстрела здание получило серьезные повреждения и было объято дымом, баррикада также была местами разрушена. Около 14:00 казаки двинулись к баррикаде. Однако, когда заграждение уже было близко, рабочие взорвали замаскированный на обочине фугас. Его с помощью электровзрывателя привели в действие двое засевших в парикмахерской рабочих.

Сила взрыва была такой, что в радиусе 200 метров в домах выбило все стекла. Это на время остановило наступавших, которые засели за домами и продолжили обстрел. Школу они постепенно обходили с фланга.

В итоге Мочалов принял решение прекратить бой. К ночи выжившие рабочие разбежались по домам и окрестным лесам, а тяжелораненых отнесли в заводскую больницу. Губернатор Фредерикс телеграфировал министру внутренних дел Булыгину: „Вчера в Сормове действиями артиллерии, казаков, полиции все баррикады уничтожены“.

Был и штурм Московского вокзала. В полдень 15 декабря артиллерия открыла массированный огонь по зданию и баррикадам, прикрывавшим подходы к нему. При этом часть снарядов взрывалась с перелетом в Гордеевке. После нескольких часов непрерывного обстрела остатки дружины Акимова вывесили белый флаг и сложили оружие.

Канавино и Сормово довольно сильно пострадали в ходе боев. В Сормове было разрушено 15 жилых домов и погибло

43 жителя. При подавлении восстания в Сормове было зарегистрировано раненых, умерших от ран и убитых около 80 человек. Под новый год в Нижнем Новгороде и Сормове были введены дополнительные меры безопасности. Губерния была объявлена на „положении чрезвычайной охраны“, на улицах ввели комендантский час, запрещалось передвигаться группами более двух человек, доступ в окрестные леса также был закрыт. Все легальные и нелегальные организации рабочих по распоряжению губернатора были закрыты. Вплоть до Рождества шли аресты и обыски, всего было задержано около 300 человек. При этом рабочего Шимборского, пытавшегося устроить драку с конвоирами, застрелили прямо на улице, а его коллегу Минина закололи штыками»[813].

Челябинск. 1905.

«15 декабря 1905 года. Ввиду забастовок дорог около десяти тысяч запасных из Владивостока задержаны в Челябинске. Социал-демократическая партия воспользовалась запасными и освободила арестованных агитаторов; сопротивления не было оказано ввиду малочисленности войск: всего две роты и одна сотня казаков. Ночью на 15-е декабря запасные и железнодорожные служащие подожгли близлежащие к станции склады сена и деревянные бараки с целью захватить станцию. Меры по тушению не были приняты ввиду нападения на станцию. Пехота и казаки всю ночь огнем отбивали атаки нападавших»[814].

Тамбов. 1905.

«15 декабря 1905 года. Известного палача вице-губернатора Богдановича смертельно ранили молодые рабочие вагоноремонтных мастерских Катин и Кузнецов. Последние, будучи схвачены, в тот же день, ночью без следствия и суда были расстреляны»[815].

Горловка. 1905.

«16–17 декабря 1905 года. У главной конторы машиностроительного завода собралось около тысячи рабочих с семьями. Члены стачкома предъявили директору завода требование: отменить приказ о шестичасовом рабочем дне и снижении в связи с этим зарплаты. Директор отказался, но рабочие, угрожая оружием, заставили его принять эти требования. Вскоре на заводской двор прибыли драгуны и солдаты. Получив подкрепление, полиция потребовала от рабочих выдать руководителей стачки, но получила отказ. Тогда по приказу пристава и командира роты солдаты и полицейские дали два залпа по рабочим: 18 человек было убито, многие ранены.

После этого столкновения руководители стачки Гречнев и Снежко разослали срочные депеши всем боевым дружинам

Донбасса с просьбой о помощи. Уже в ночь на 17 декабря в Горловку прибыли дружинники из Авдеевки, Алчевска, Дебальцево, Гришино, Енакиево, Кадиевки, Харцызска, Ясиноватой — всего собралось около четырех тысяч человек, из них 600 — с огнестрельным оружием. Руководители боевых дружин на совещании выработали план восстания. Все дружинники были разделены на три отряда. Утром 17 декабря рабочие начали наступление на казармы, где были расквартированы царские войска. После двухчасового боя дружинники овладели казармами, но на помощь правительственным войскам из Енакиева прибыл отряд казаков. Получив подкрепление, солдаты оттеснили восставших к железнодорожной станции. В схватке погибли десятки рабочих. Следствие по делу продолжалось два года. Вначале предполагали судить арестованных обычным судом присяжных, но затем правительство решило передать дело в военный суд. С 7-го по 19 декабря 1908 года дело участников Горловского вооруженного восстания рассматривал в Екатеринославе суд Одесского военного округа. Из 131 подсудимого военный суд признал виновными 92; 32 были приговорены к смертной казни через повешение. Но позднее смертная казнь была утверждена восьми осужденным, а остальным ее заменили бессрочной каторгой. Казнь состоялась в ночь на 4 сентября 1909 года»[816].

Тифлис. 1905.

«22 декабря 1905 года. Столкновение революционеров с войсками в Тифлисе при обысках и арестах. Разрушен орудийным огнем дом, при чем убито 34 человека и ранено 30. Ранено три казака и один солдат. Захвачены склады бомб»[817].

Барсуки. 1905.

«23 декабря 1905 года. Терская область. Убийство в селе Барсуки начальника Назрановского округа подполковника Митника при попытке отобрать оружие у встречных горцев»[818].

Ртищево. 1905.

«24 декабря более 1200 забастовщиков Ртищевского узла приняли бой с двумя ротами солдат и казачьей сотней. Об этом столкновении полковник Зворыкин телеграфировал своему шефу: „...На станции Ртищево убито шесть и ранено до десяти человек, в селе Гривки убито два и ранено четыре человека, в имении Шимановской убито два человека“. 26 декабря Столыпин приказывал Зворыкину: „Продолжайте с неослабной энергией ликвидацию РСДРП, советов рабочих депутатов и других подобных групп, руководящих политическими забастовками и вообще революционным движением, не прекращая работы до полного их уничтожения“»[819].

Иркутск. 1905.

«26 декабря 1905 года в Иркутске убит помощник полицмейстера Драгомиров, а в Яренске стражник»[820].

Красноярск. 1905–1906.

«28 декабря 1905 года — 2 января 1906 года. 3-я и 4-я роты железнодорожного батальона заняли оборону в здании главных железнодорожных мастерских. „Осталось сначала в мастерских человек до 700–800, преимущественно рабочих и солдат железнодорожного батальона. Последних было сотни две-три. Подавляющее большинство осталось сознательно; лишь отдельные лица остались случайно, не успев уйти. Когда баррикады не были еще вполне готовы, часть дружины начала обучаться стрельбе из винтовок, с которыми не все умели обращаться. Дружинники выстраивались в средине сборного цеха в одну шеренгу человек в 12. Солдат железнодорожного батальона, стоя против шеренги, объяснял, как надо закладывать патроны и спускать курок, и проделывал соответствующие операции. Вслед за ним то же проделывала шеренга. Потом начинала обучаться следующая партия и т. д. Часть обучалась у товарищей в одиночку. В самом же начале обучения произошел несчастный случай. Так как манипуляции проделывались с холостыми патронами, то особых мер предосторожности не принималось. Однако у одного из дружинников в ружье оказался заряженный патрон, и когда он спустил курок, раздался выстрел, и стоявший против него солдат, смотревший на обучение, был убит наповал. Случай этот произвел тяжелое впечатление“»[821].

«К 6 часам вечера того же дня отряд, в составе трех батальонов Красноярского полка, учебной команды 10-го Омского полка и двух сотен казаков начал осаду мастерских. <...> Около полудня 2 января по цеху была открыта стрельба из ружей и пулеметов. Стреляли со стороны тюрьмы и с противоположной стороны, через забор, идущий вдоль пути от железнодорожного театра по направлению к проходной будке № 2. Стреляли и со стороны проходной будки и пространство между котельным цехом и выступом. Здесь стоял паровоз, служивший вместе с грудой железного лома естественной баррикадой. Так как это место не считалось особенно опасным для нападения, на его укрепление не было обращено достаточного внимания. Было упущено из виду, что паровоз, защищая верхнюю часть туловища, оставляет открытыми ноги. Этим следует объяснить тот факт, что почти все случаи ранений наших дружинников произошли на этом пункте в самом начале перестрелки. Внутри цеха мы были почти недосягаемы для пуль,

так как окна на довольно значительную высоту были заложены железными и чугунными плитками. <...> Хотя пулеметы беспрерывно рассыпали по крыше сборного цеха свою мелкую дробь, проникавшую через верхние части окон, а им вторили пули, производя сильный треск при ударах о стропила, железные колонны и верхушки паровозов, нижняя половина цеха оставалась вне прямого действия пулеметного и ружейного огня. Опасность грозила лишь от рикошетов, но сила их внизу в большинстве случаев была невелика, и здесь главным образом падали мелкие осколки. С нашей стороны наиболее удобным пунктом для стрельбы был второй этаж модельного цеха, господствовавший над прилегавшей с этой стороны частью города. Отсюда, по-видимому, были убиты нашими дружинниками два казака. Перестрелка продолжалась несколько часов. Наконец выстрелы стали становиться все реже и реже, и в четвертом часу пополудни стрельба совершенно прекратилась. С нашей стороны было легко ранено человек восемь»[822].

«2 января 1906 года решено было выморозить осажденных, для чего стрельбой из пулеметов разбить в здании окна. Обстрел из пулеметов вызвал ответный огонь осажденных, и завязавшаяся перестрелка продолжалась три часа. 30-градусный мороз при разбитых окнах и отсутствие топлива принудили революционеров сдаться. Всего было отправлено в тюрьму 296 гражданских лиц и 183 солдата 2-го железнодорожного батальона, всего 479 человек. Кроме того, за время осады было задержано и отправлено в тюрьму 48 гражданских лиц и 24 солдата, пытавшихся выйти из мастерских. За время осады революционеры потеряли убитым одного человека и ранеными троих солдат железнодорожного батальона, семерых рабочих и одну женщину, в войсках осаждавших были убиты три казака и один солдат 7-го Красноярского полка и ранены три солдата того же полка»[823].

Сочи. 1905–1906.

«С 28 декабря по 1 января в Сочи происходило вооруженное столкновение между революционерами и гарнизоном, состоявшим из 23 чинов пехоты и 50 полицейских стражников. Мятежников было около 1000 человек <...> Они держали гарнизон в осаде в казармах, при чем был убит один стражник и ранено восемь стражников, легко один солдат. Из девятифунтовой старой пушки, отлитой 31 декабря 1705 года, выпущено было до 40 старых ядер, поднятых когда-то с затонувшего корабля, которыми крыши и стены казарм пробиты во многих местах. Во время перестрелки мятежники громили сочинские дачи, отбирая оружие, и убили заведующего опытной

станцией Ляховецкого, а также писца канцелярии окружного начальника, дела которой сожгли. Вечером 1 января истомленный гарнизон был вынужден сдаться. По прибытии затем из Батума миноноски и транспорта с войсками главари мятежников скрылись»[824].

«Обнаруженных казаками в Сочинском парке 5 января 1906 года вооруженных А. Куция и И. Багатурия, который являлся командиром гагринских дружинников, тут же расстреляли»[825].

Пенза. 1906.

«2 января 1906 года. В 7 часов вечера на Пушкаревской улице тремя выстрелами из револьвера убит начальник 78-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Лисовский»[826].

Владивосток. 1906.

«9 января 1906 года. Восстание матросов Сибирской военной флотилии. Восставшими захвачен арсенал. 10 января 1906 года. Второй день восстания. После многотысячного митинга колонна демонстрантов, в том числе более 2 тысяч вооруженных матросов и солдат, двинулась к штабу крепости, где была встречена пулеметным огнем правительственных войск. Генерал Селиванов приказал пулеметной роте открыть огонь, как только демонстрация повернет по Алеутской улице к штабу крепости. В результате этого расстрела демонстрации были убиты 28 человек. Среди демонстрантов была убита бывшая шлиссельбургская узница Л. А. Волкенштейн. 11 января 1906 года. Выступление артиллеристов на Иннокентьевской батарее. Рано утром солдаты потребовали у командира батареи ключи от погребов, угрожая в случае отказа взломать двери и обстрелять город и бухту. Ключи были выданы. Затем батарея потребовала прибытия коменданта крепости. Опасаясь выполнения угрозы, генерал Селиванов с несколькими офицерами штаба крепости и плац-адъютантами прибыл к Иннокентьевской батарее. Артиллеристы потребовали освобождения арестованных 8 января товарищей, но получили решительный отказ. Тогда они решили расстрелять коменданта. Сделав несколько холостых выстрелов из винтовок, солдаты попросили сопровождающих генерала Селиванова офицеров отойти в сторону и три назначенных артиллериста залпом выстрелили из своих винтовок в коменданта крепости, ранив его. Подбежавшие офицеры отнесли генерала в ближайший лазарет. <...> Затем вооруженная масса отправилась к крепостной гауптвахте для освобождения арестованных членов солдатского комитета. Около полудня возбужденная масса подошла к гауптвахте. Находившийся здесь комендант горо-

да подполковник Сурменев категорически отказал в освобождении арестованных. Озлобленные отказом солдаты подняли подполковника Сурменева на штыки. Затем они ворвались в помещения, смяли караул, разбили двери карцеров и камер и освободили всех арестованных. Провозглашена „Владивостокская республика“. Однако „Владивостокская республика“ просуществовала недолго. Воспользовавшись пассивностью восставших и отсутствием единого руководства, царские власти 26 января ввели во Владивосток крупные силы карательных войск, которые жестоко подавили второе Владивостокское восстание. К суду были привлечены свыше 2 тысяч человек, 85 человек приговорены к смертной казни (29 человек казнены), остальные отправлены в тюрьмы и на каторгу»[827].

Борисоглебск. 1906.

«16 января 1906 года. Покушение М. Спиридоновой на жизнь советника губернского правления Луженовского.

Спиридонова стреляла на платформе станции Борисоглебск в то время, как Луженовский выходил из вагона. Попытка покончить с собой выстрелом из револьвера окончилась неудачно. Ее схватили казаки и подвергли страшным истязаниям и пыткам. Луженовский умер от ран, а истязавшие Спиридонову казачий подъесаул и полицейский пристав Жданов были впоследствии убиты революционерами»[828].

Рига. 1906.

«17 января 1906 года. В 8 часов утра совершено нападение на сыскное отделение при здании полицейского управления в центре города <...> Нападавшие вошли в сыскное отделение под видом просителей, тяжело ранили дежурного городового и одного часового, другого часового убили выстрелом из револьвера, затем увели пять арестованных»[829].

Никольское. 1906.

«18 января 1906 года. В 7,5 часов вечера пятью выстрелами из револьвера убит наповал директор правления фабрики Саввы Морозова С. А. Назаров»[830].

Полтава. 1906.

«18 января 1906 года. В Полтаве убит старший советник губернского правления Филонов. Филонов убит на улице по дороге в губернское правление за жестокую расправу с крестьянами во время своей карательной поездки по уезду»[831].

Севастополь. 1906.

«27 января 1906 года. Покушение на жизнь адмирала Чухнина в Севастополе. По приговору боевой организации партии социалистов-революционеров Измайлович стреляла в Чухнина на его квартире. По приказу Чухнина Измайлович

была немедленно расстреляна без суда. Чухнин был тяжело ранен, но выздоровел»[832].

Батум. 1906.

«21 февраля 1906 года. Неизвестный человек, собиравший деньги от имени революционного комитета, при задержании ранил жандарма пулей и сам тут же застрелился»[833].

Варшава. 1906.

«26 февраля 1906 года. Вечером произошли два кровопролитных столкновения. В первом столкновении убито трое рабочих и ранено столько же; из солдат никто не пострадал; во втором — убиты наповал околоточный Шалтан и городовой Волков, сопутствовавшие патрулю. В них стреляли двое неизвестных, которых полицейские, отделившись от патруля, хотели задержать. Убив Шалтана и Волкова, неизвестные бросились бежать, но выстрелами патруля один из них был убит. Другой скрылся»[834].

Смоленск. 1906.

«17 марта 1906 года в Смоленске убит начальник губернского жандармского управления полковник Гладышев»[835].

Тверь. 1906.

«25 марта 1906 года. По постановлению летучего отряда партии социалистов- революционеров бомбой убит губернатор Слепцов в Твери; убийца остался неизвестным, был тяжело ранен и впоследствии казнен»[836].

Тифлис. 1906.

«26 марта 1906 года. Волнение в войсках в Тифлисе.

На солдатском митинге было арестовано 100 солдат; Мингрельский полк потребовал освобождения арестованных. Две роты полка отделились и стали стрелять в безоружных товарищей. Много убитых и раненых»[837].

Москва. 1906.

«23 апреля 1906 года. В Москве ранен бомбой генерал-губернатор адмирал Дубасов. Бросивший бомбу Борис Войноровский, член Боевой организации партии социалистов- революционеров, убит на месте»[838].

Екатеринослав. 1906.

«23 апреля 1906 года шестью социалистами-революционерами, стрелявшими залпами из револьверов, убит временный генерал-губернатор — Желтоновский»[839].

Севастополь. 1906.

«14 мая 1906 года. В честь 10-й годовщины коронации Николая II происходил парад у Владимирского собора. Принимал парад комендант крепости генерал Неплюев. Когда Неплюев пошел по направлению к шеренгам войск, из толпы

зрителей выбежал молодой человек, оказавшийся рабочим Макаровым, и бросил ему под ноги бомбу. Бомба развалилась на две части, раздалось шипение, но взрыва не последовало. Макарова схватили, но он успел крикнуть, обращаясь к толпе: „Товарищи, бросайте вторую!“. Толпа в панике бросилась врассыпную, и в этот момент в гуще толпы раздался сильный взрыв, которым на месте были убиты неизвестный мужчина в штатском платье и мальчик-реалист. Еще 11 человек были ранены. Доставленный в больницу труп убитого мужчины был разорван на две части в области груди: отдельно лежала голова, шея и одна рука, отдельно — туловище и ноги. Покойный оказался бывшим матросом с „Очакова“ — Фроловым. Очевидно, он нес бомбу под пальто и в момент паники, когда толпа бросилась бежать, его затолкали, и бомба взорвалась у него на груди. Макаров, юноша-рабочий, как несовершеннолетний был приговорен к десяти годам каторжных работ, но в июне 1907 года бежал с другими товарищами. Однако в том же 1907 году он был повешен в Петербурге»[840]. А в книге «Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки» о том же взрыве написано: «Взрывом было убито шесть человек из публики, городовой, сам Фролов и ранено 37 человек»[841]. Второе более достоверно, потому что Б. Савинков в своих воспоминаниях писал то же.

Кутаис. 1906.

«16 мая 1906 года, вечером, в Кутаисе было брошено несколько бомб в проезжавшего на вокзал генерал-губернатора Алиханова и в то же время по генералу была открыта стрельба из револьверов. Генерал был ранен, а двое из конвоировавших его казаков были убиты»[842].

Рязань. 1906.

«7 июня 1906 года. Возмущение Болховского полка в Рязани. Один офицер убит и несколько ранено»[843].

Самара. 1906.

«21 июня 1906 года в Самаре убит бомбою губернатор Блок»[844].

Тамбов. 1906.

«25–26 июня 1906 года. Восстание в 7-м запасном кавалерийском полку. 25 июня нижними чинами были предъявлены требования командиру полка. 26 июня расследованием были обнаружены три главных руководителя движения, и немедленно последовал их арест. Когда арестованных препровождали под усиленным конвоем в тюрьму, караул, ослушавшись офицера, не дойдя до тюрьмы, вернулся в полк вместе с арестованными. Эскадроны немедленно явились к штабу полка в полном

боевом вооружении и выстроились в боевом порядке, желая освободить арестованных товарищей. Были вызваны для усмирения две роты Кромского и Борисоглебского полков, эскадрон драгун-нежинцев и сотня казаков. Бунтовщики при приближении этого карательного отряда засели в убежищах вокруг казарм и открыли стрельбу. Был убит командир 8-й роты Борисоглебского полка и легко ранено много солдат; у нежинцев четыре лошади убиты и две ранены. <...> Перестрелка, продолжавшаяся около часа, прекратилась, но восставшие покорности не изъявили, хотя потеряли трех человек убитыми. <...> утром 27 июня солдаты выразили готовность покориться. <...> Семь нижних чинов, наиболее замеченных в подстрекательстве к беспорядкам, скрылись, а 49 были арестованы»[845].

Севастополь. 1906.

«28 июня 1906 года. К концу июня адмирал Чухнин оправился после ранений, полученных в январе этого года при покушении Измайлович. Утром адмирал Чухнин отправился на катере на Северную сторону, на свою дачу „Голландия". Оставив на пристани состоявших при нем в охране жандармских унтер-офицеров и других сопровождающих, адмирал отправился в сад и начал со старшим садовником осматривать цветники. Помощником садовника на даче был матрос Акимов. После возвращения из японского плена Акимов был определен на службу помощником садовника на дачу „Голландия". Он по собственной инициативе решил воспользоваться благоприятным случаем и убить адмирала Чухнина. Взяв охотничье ружье, Акимов произвел из-за куста два выстрела картечью в адмирала. Заряды крупной картечи попали: первый в голову, а второй в область груди. Почти немедленно подбежали жена, дочь и адъютант и вместе с садовником вынесли подстреленного адмирала на пристань, к катеру. В первый момент никто стрелявшего не искал, и Акимов беспрепятственно покинул „Голландию". Затем садовник бросился в дом, к телефону, но телефонный провод был перерезан. О ранении Чухнина было тотчас сообщено Николаю II. От него был получен запрос: „Срочно сообщить о состоянии здоровья Чухнина и о подробностях его ранений". Затем было получено „молитвенное благословение" царя и царицы с пожеланием выздоровления. Но хирурги ничего не смогли сделать, и вечером 28 июня адмирал Чухнин умер»[846].

Красноярск. 1906.

«В июне 1906 года вспыхнули волнения среди солдат 31-го Восточно-Сибирского полка. Пьяный офицер поранил шашкой солдата. В порыве возмущения товарищи раненого уби-

ли офицера. По приговору военно-полевого суда трое солдат были расстреляны»[847].

Тифлис. 1906.

«4 июля 1906 года. Бомбой, брошенной из гимназии, убит в Тифлисе пристав Мартынов. Гимназия немедленно была обстреляна, после чего в ней сделан обыск, во время которого убит инспектор и тяжело ранено два учителя»[848].

Дешлагар. 1906.

«17 июля 1906 года. Дагестанская область. В урочище Дешлагаре, в части 83-го пехотного Самурского полка, произошло вооруженное восстание, причем нижними чинами были убиты: командир полка полковник Лемкуль, командир 3-го батальона подполковник Покровский, капитан Саркисов, штабс-капитан Моргунов и полковой священник. 18 июля мятежники сдались. Зачинщики восстания: унтер-офицер Федот Самойленко, мастеровой старшего разряда Федор Нога, рядовые Яков Голубятников, Федор Яковенко и Петр Чаус — были затем расстреляны»[849].

Свеаборг. 1906.

«17–20 июля 1906 года. Вечером 16 июля солдаты минной роты потребовали у командира выдачи „винных денег“, которые перестали выдавать. 17 июля минная рота отказалась идти на занятия. Тогда комендант крепости приказал двум пехотным ротам обезоружить минеров и разжаловал в рядовые унтер-офицеров и ефрейторов, лично срывая с них „лычки“. Артиллеристы крепости в полночь с 17-го на 18 июля 1906 года подняли восстание (2 тысячи человек с орудиями и пулеметами). В крепости Свеаборг в восстании приняли участие: 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10-я роты, нестроевая рота, команды; учебная, рабочая, лабораторская и специальная свеаборгской крепостной артиллерии. Восставшие захватили острова: Михайловский, Александровский, Артиллерийский и Инженерный. Возглавили восстание подпоручики А. Емельянов и Е. Коханский.

Находившиеся в момент восстания на этих островах офицеры были арестованы. Двое офицеров — заведующий практическими занятиями полковник Натара и подпоручик Жаков были убиты. Один из офицеров, штабс-капитан Борк, застрелился сам, не желая сдаваться артиллеристам, намеревавшимся его арестовать. Перед этим он, отстреливаясь, ранил четырех из напавших на него артиллеристов. Но захватить Комендантский остров восставшим не удалось, там они вступили в перестрелку с пехотными частями. Утром 18 июля 1906 года началось восстание на полуострове Скатудден. Над расположением роты был поднят красный флаг. С судов „Финн“ и „Эмир

Бухарский“ по восставшим был открыт огонь из 47-миллиметровых орудий. Около 12 часов дня к берегу подошел катер. Сошедший с него мичман де Ливрон направился к флагштоку, намереваясь сорвать красный флаг. 10–15 матросов бросились навстречу. Офицер успел сорвать красный флаг, но был тотчас же убит. Из Гельсингфорса к матросам подошел отряд финских красногвардейцев, численность около 100 человек. Во 2-м часу дня повстанцы со Скатуддена попытались прорваться в город, но у моста были встречены казаками и двумя ротами 2-го стрелкового полка. Отряд повернул обратно. Часть его переправилась на занятые восставшими острова, а 110 матросов и 11 гражданских лиц было арестовано. Скатудден был занят правительственными войсками.

Восставшие начали артобстрел из 11-дюймовой артиллерии островов Комендантский и Лагерный, где укрепились правительственные войска. 19 июля 1906 года от спешной и неосторожной стрельбы на Михайловском острове взорвались снаряды и порох. Взрыв повлек потерю до 60 человек артиллеристов убитыми и ранеными, был ранен один из руководителей восстания подпоручик А. Емельянов. Днем к крепости подошли броненосцы „Цесаревич“ и „Слава“ и крейсер „Богатырь“ из Кронштадта. Считая, что корабли захвачены восставшими, подпоручик Е. Коханский на катере прибыл на броненосец, где был арестован. Встав на дистанции, недосягаемой для огня крепостной артиллерии, эскадра открыла по восставшим огонь из 13- и 14-дюймовых орудий. Сильнейший обстрел продолжался часа три, до наступления темноты. В результате обстрела на островах, занятых восставшими, вспыхнули пожары, угрожавшие взрывами пороховых погребов и складов со снарядами. На рассвете 20 июля 1906 года бомбардировка островов, занятых восставшими, возобновилась. Будучи не в состоянии отвечать на огонь эскадры, повстанцы сдались и подняли над занятыми островами белые флаги. Несмотря на это, бомбардировка прекратилась не сразу, продолжаясь до 9 часов утра. Правительственные войска, прибывшие в город Гельсингфорс из Санкт-Петербурга, а также части с острова Лагерный при поддержке корабельной артиллерии начали штурм крепости. Повстанцы же после поднятия белого флага бросились спасаться на лодках. По этим лодкам был открыт орудийный и ружейный огонь с Николаевского острова и с берега, где были расположены стрелки Финляндского полка. Много лодок с беглецами было потоплено. До полудня 20 июля шли расстрелы безоружных, бежавших на лодках. Все оставшиеся на островах около 1000 солдат, 66 финских

красногвардейцев и десять штатских русских были арестованы. На островах было найдено 17 трупов военнослужащих и два трупа штатских. Но это была только часть погибших, так как было известно, что много убитых спущено восставшими в море. Неизвестно также, сколько бежало и спаслось, а сколько погибло при бегстве»[850].

Кронштадт. 1906.

«19–20 июля 1906 года. В 11 часов ночи матросы 2-й дивизии (11, 16 и 20-й флотские экипажи), одевшись в темные фланелевые рубашки (форменки) и поснимав белые чехлы с фуражек, вышли во двор. Часть матросов бросилась в канцелярию, где ими был убит штыками дежурный офицер — штабс-капитан по Адмиралтейству Стояновский. Затем взломали ящики с патронами и револьверами. Вооружившись и набрав патронов, матросы вышли во двор, где к ним пристроились безоружные матросы. Вскоре к ним подошел младший флагман 2-й дивизии контр-адмирал Беклемишев в сопровождении капитана 1-го ранга Родионова. Беклемишев приказал собравшимся матросам разойтись. В ответ раздалось несколько выстрелов, которыми Беклемишев был тяжело ранен, а Родионов убит. Матросы 2-й флотской дивизии с присоединившимися к ним рабочими порта пошли к казармам Енисейского полка. Вооруженных в этом отряде было всего 45 человек. Подойдя к казармам, матросы стали кричать, чтобы солдаты присоединялись к ним. В ответ раздались выстрелы и зарокотал пулемет. Матросы, отстреливаясь, бежали.

Матросы 1-й флотской дивизии пошли по улицам Кронштадта без всякой определенной цели. Двигаясь по городу, они убили офицеров Мальцева и Шумова, арестовали офицера Добровольского, которого кто-то потом застрелил. Они захватили арсенал, где обнаружили 100 старых винтовок без патронов. В это время к арсеналу подошла рота енисейцев, сразу же открывшая пачками огонь по собравшейся у арсенала толпе матросов. Бросая захваченное оружие, матросы стали разбегаться. Теснимые со всех улиц окружившей город пехотой, матросы были загнаны в казармы экипажей. После небольшой перестрелки казармы были заняты пехотой. Матросы были обезоружены и арестованы. К 10 часам утра 20 июля восстание 1-й и 2-й дивизий было подавлено.

Минная рота, вместе с частью саперной роты и электротехнической ротой были расположены за городом, в лагерях. Как только в лагере стало известно о начале восстания в городе, минеры разобрали оружие и двинулись к саперному лагерю, а оттуда, вместе с присоединившимися к ним са-

перами — к минному городку, где были розданы патроны. Одновременно производились аресты офицеров, при чем были убиты: командир 6-го понтонного батальона (бывший командир минной роты) полковник Александров и временный командир крепостной минной роты капитан Врочинский. Девять офицеров были арестованы и посажены в сарай. Затем минеры двинулись по косе к станции Литке, где ими был обезоружен пехотный караул и разбит погреб, в котором хранились ружейные патроны. Захватив подошедший в это время к станции Литке поезд, минеры отправились на нем, потушив огни, к форту „Константин". Ворвавшись в форт, минеры пытались поднять на восстание артиллеристов, но те отказались присоединяться к ним. Тем временем из города подошли верные Николаю II войска и открыли огонь. Большая часть восставших побежала к пароходу „Минер", где и укрылась. Всего на пароходе „Минер" и в форте было арестовано 142 человека. За ночь в морской госпиталь было доставлено всего девять трупов, в том числе четырех офицеров, и около 20 раненых.

С утра 20 июля крепость и город Кронштадт были объявлены на осадном положении. В 15 часов 30 минут 20 июля военно-полевой суд уже вынес семь смертных приговоров солдатам-минерам: унтер-офицерам Михаилу Алексееву и Оскару Пурвину и рядовым: Вениамину Казакову, Ивану Бакланову, Михаилу Озерову, Алексею Якушеву и Михаилу Васелла. В 17 часов 30 минут того же дня они все были расстреляны»[851].

«Память Азова». 1906.

«В бухте Папон-Вик в 60 км от Ревеля стоял учебно-артиллерийский отряд Балтийского флота, в состав которого входили крейсера „Память Азова", „Воевода", „Абрек", учебное судно „Рига" и шесть миноносцев.

19 июля на „Память Азова" тайно прибыл член РСДРП А. Коптюх с решением Ревельского комитета поддержать свеаборгцев восстанием на кораблях учебно-артиллерийского отряда. Но после ночного собрания Коптюх был найден караулом и арестован. Это послужило толчком к выступлению матросов. Они отключили динамо-машину и в темноте похитили часть винтовок. Около трех часов ночи на крейсере раздались первые выстрелы, которыми был убит вахтенный офицер мичман Зборовский и тяжело ранен старший офицер корабля капитан 2 ранга Мазуров. Сопротивлявшиеся офицеры были оттеснены к корме, часть их покинула корабль на баркасе, оставшихся пятерых арестовали. По баркасу был открыт орудийный и ружейный огонь. Из сбежавших командир крейсера Лозинский был убит, у мичмана Погожева были оторва-

ны ноги, два офицера ранены. Оставшиеся в живых офицеры, достигнув берега, убежали в лес. Коптюх был освобожден и вместе с артиллерийским квартирмейстером крейсера Н. Лободиным возглавил повстанцев.

Матросы избрали командиром крейсера Лободина и комитет, в который вошли Коптюх и еще десять матросов. Обсудив положение, судовой комитет решил попытаться поднять восстание на других кораблях отряда, а затем двинуться в Ревель, чтобы получить поддержку от рабочих города и пополнить запасы продуктов и угля.

Утром 20 июля крейсер поднял красный флаг, снялся с якоря и встал у выхода из бухты, чтобы не выпустить в море другие корабли, если они не захотят присоединиться к восстанию. Приготовившись к бою, крейсер дал сигнал кораблям отряда следовать за ним. Но поднять восстание на них не удалось. Их орудия офицеры привели в негодность, а часть команды свезли на берег. Крейсеры „Абрек“ и „Воевода“ были посажены на прибрежную отмель, а на миноносце „Послушный“ открыли кингстоны, и он затонул на мелководье. Попытка восстания на „Риге“ была также пресечена. Оставшись в одиночестве, „Память Азова“ взял курс на Ревель.

Неудача удручающе подействовала на многих участников восстания, особенно на колеблющуюся часть учеников-комендоров. Усилились сомнения в успехе начатого дела. Пока судовой комитет совещался, оставленные на свободе унтер-офицеры и кондуктора вместе с арестованными офицерами стали готовить захват крейсера.

В 17 часов „Память Азова“ бросил якорь на Ревельском рейде, где его ожидали приведенные в боевую готовность четыре роты 146-го Царицынского полка, казаки и полиция города. Власти запретили выход из порта судов и шлюпок, а рабочие и матросы, появляющиеся в порту, немедленно арестовывались.

После очередного совещания судовой комитет решил потребовать от властей под угрозой бомбардировки города подвоза на крейсер продовольствия и угля. Также решено было отправить делегацию в Ревельский комитет РСДРП. В это время, испортив орудия и вооружившись, унтер-офицеры и большинство учеников-комендоров освободили арестованных офицеров. Между ними и восставшими матросами началась перестрелка, в ходе которой было убито более 20 человек и около 50 ранено. В самом начале боя был тяжело ранен и застрелился Лободин.

Подняв сигнал „Терплю бедствие. Прошу помощи“, офицеры обратились к командиру порта за помощью в окончатель-

ном подавлении восстания. Немедленно на крейсер прибыли две роты пехоты и отряд жандармов, которые жестоко расправились с последними очагами сопротивления. Было арестовано 307 человек, в их числе А. Коптюх. После предварительного расследования часть матросов освободили, 169 человек отправили в Кронштадт, над 91 человеком 30 июля начался суд особой комиссии, который уже 4 августа вынес свой приговор. Арсений Коптюх и 17 матросов были приговорены к смертной казни, 12 человек осуждены на каторгу, 13 — направлены в дисциплинарные батальоны, 15 — приговорены к другим наказаниям»[852].

Одесса. 1906.

28 июля 1906 года. «28 июля Тамара по телефону осведомилась, может ли она быть принята Каульбарсом. Ей ответили, что генерал ее ждет в 7 часов... В 4 часа дня Тамара, одетая в черное шелковое платье, с револьвером за корсажем, вышла из гостиницы, направляясь к дворцу Каульбарса. В руках ридикюль, в котором лежал заранее приготовленный снаряд, оказавшийся адской машиной с часовым механизмом, установленный для взрыва на 7 часов вечера, то есть в то время, когда назначен был прием. Механизм адской машины помещался в особом цилиндре, соединенный с бомбой и с запальной трубкой, у которой был предохранитель. Пройдя несколько шагов, Тамара нечаянно уронила черный мешочек-ридикюль со снарядом, произошло шипение, но так как предохранитель не был открыт, взрыва не последовало. Тамара быстро схватила с земли ридикюль со снарядом и, увидев, что за ней наблюдает полицейский надзиратель Лисицкий, скорыми шагами направилась обратно в ворота Петербургской гостиницы и, войдя в свой номер, выстрелом браунинга лишила себя жизни. Все это произошло быстро, в одно мгновение. Прибежавшая полиция застала в номере на полу молодую женщину мертвой; на груди виднелось кровавое пятно. Выстрел был смертелен: пуля прошла ниже соска, под которым была видна рана. Такая же рана виднелась и на спине, так как пуля прошла навылет. В углу комнаты валялся черный ридикюль с разрывным снарядом. Один из полицейских обнаружил на столе конверт, адресованный: „Следователю по моему делу“, а в нем сложенный лист бумаги с письмом следующего содержания: „Убиваю командующего войсками барона Каульбарса по приговору боевого летучего отряда социалистов-революционеров максималистов. Тамара Принц“. При разряжении обнаруженного снаряда произошел взрыв, как из восьмидюймового орудия. Сила взрыва была так велика, что вокруг образовалась глубокая яма, а в домах задрожали стекла, Эксперты утверждают, что, если

бы он взорвался во дворце, половина дворца была бы разрушена до основания»[853].

Варшава. 1906.

«2 (15) августа 1906 года. Кровавая среда. В 19 городах Польского Царства был проведен одновременный террористический акт, направленный на представителей российской власти, в основном на полицейских, жандармов и агентов охранки.

Различные источники существенно различают общее число погибших российских чиновников от 19 до 80 человек и раненых от 43 до 69 человек. Сообщалось, что в Варшаве в этот день пострадало около 100 человек гражданского населения, 50 полицейских и было убито около 200 российских военнослужащих»[854].

«В Варшаве на разных улицах убито из револьверов 25 городовых, солдат и жандармов и много ранено. В Варшаве казаками и полицией в течение двух дней ранено более 200 частных лиц, убито — 15»[855].

Самара. 1906.

«8 августа 1906 года в Самаре убит командир Борисовского полка полковник Георгиу. Преступники облили труп спиртом и подожгли квартиру»[856].

Петербург. 1906.

«12 (25) августа 1906 года, суббота — был приемный день Столыпина на казенной даче на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге. Прием начался в 14:00. Около половины третьего к даче подъехал экипаж („ландо“), из которого вышли двое в жандармской форме с портфелями в руках. В первой приемной, столкнувшись с генералом А. Н. Замятниным, ведшим запись на прием, террористы бросили к следующим дверям портфели и бросились прочь. Раздался взрыв большой силы, пострадали более 100 человек: 27 человек погибли на месте, 33 — тяжело ранены, многие потом скончались»[857].

Камышин. 1906.

«Утром 27 августа 1906 года на станцию Камышин прибыл вагон с арестованными. Городские власти предприняли все, чтобы благополучно доставить их в тюрьму: 58 заключенных сопровождали 56 конвоиров во главе с помощником городского исправника Крыловым. На Базарной площади у Народного дома возбужденная толпа обступила арестованных и конвой. Конные стражники стали разгонять народ нагайками. В ответ в охранников полетели камни. Толпа начала наседать. Не выдержав натиска, охрана открыла огонь по безоружным людям. Был убит один человек, горожанин Попов, раненых никто не считал.

Выстрелы на площади всколыхнули весь город. На митинге у Народного дома выступили члены РСДРП. Руководство восстанием взяли на себя временный исполнительный комитет РСДРП и штаб восстания. От Базарной площади толпа с пением „Марсельезы“ направилась к полицейскому управлению, но в районе лютеранской церкви путь им преградила полиция.

На улице Саратовской у домов купцов Альтухова и Лихтенвальда также состоялся митинг. Попутно из купеческих магазинов было разворовано оружие. Здесь же начали сооружать баррикаду, для чего повалили телеграфные и электрические столбы. Время начала постройки баррикад определяется показаниями начальника камышинской почтово-телеграфной конторы Попкова: „В день беспорядков действия телеграфа прекратились с 8 часов утра по Петербургскому времени по всем трем проводам — Саратов, Тамбов и вокзал железной дороги“. Всего было срублено 28 столбов. При постройке баррикад также использовались листы железа, доски, камни, ящики — словом, все, что попадалось под горячую руку. Баррикады возвели на четырех улицах: Саратовской, Грязной, Царицынской и Базарной. Газета „Саратовский листок“ сообщала о сооружении 11 баррикад на четырех улицах Камышина.

Восставшие разделились на три боевых группы. Основная группа действовала на баррикадах на улице Саратовской, вторая группа попыталась захватить полицейский участок на углу улиц Грязной и Успенской, третья пыталась захватить военное управление. При приближении восставших к военному управлению военные, оборонявшие здание, открыли огонь. Услышав выстрелы, полицейские на Саратовской улице также открыли огонь по восставшим.

Перестрелка продолжалась до 5 часов вечера. К полуночи революционный штаб принял решение прекратить восстание. Активисты камышинской большевистской организации — Торгашов, Васильченко, Нагорнов, Оловянишников — скрылись из города, а после в лучших традициях того времени эмигрировали из страны. Горькая статистика кровавого дня такова: убиты один полицейский и двое ранено; среди восставших 15 убитых и 60 раненых»[858].

Севастополь. 1906.

«27 августа 1906 года в Севастополе убит начальник жандармского управления полковник Рогальд»[859].

Ташкент. 1906.

«6 сентября 1906 года в Ташкенте убит прокурор Шарыгин, а 18-го, там же, главный ветеринарный врач Курицын»[860].

Асхабад. 1906.

«17 сентября 1906 года. Во время заседания военного суда в Асхабаде неизвестный выстрелом из револьвера убил прокурора генерала Ринкевича и сам был смертельно ранен дежурным офицером»[861].

Симбирск. 1906.

«21 сентября 1906 года в Симбирске смертельно ранен губернатор Старынкевич»[862].

Севастополь. 1906.

«14 октября 1906 года убит заведующий политическим розыском чиновник Михайлов»[863].

Москва. 1906.

«20 октября 1906 года. Покушение на московского градоначальника генерал-майора Рейнбота. Покушавшийся был схвачен агентами охранного отделения и ранен самим градоначальником выстрелом из револьвера»[864].

Иркутск. 1906.

«30 октября 1906 года на генерала Ренненкампфа было совершено покушение. Он шел по улице вместе с адъютантом штабс-капитаном Бергом и ординарцем поручиком Гайзлером, в это время эсер Н. В. Коршун, сидевший на лавке, бросил им под ноги „разрывной снаряд“, но устройство сработало наполовину: генерал, адъютант и ординарец были лишь оглушены взрывом. Покушавшийся был арестован и казнен»[865].

Полтава. 1906.

«4 ноября 1906 года в Полтаве убит временный генерал-губернатор Полковников»[866].

Рига. 1906.

«7 декабря 1906 года. В Риге убит агент сыскного отделения. Покушавшийся покончил самоубийством»[867].

«Собранные данные историков показывают, что без суда погибло более 2000 жителей Латвии, военный суд вынес 427 смертных приговоров. В Сибирь было отправлено 2652 человека, около 7–8 тысяч были лишены свободы»[868].

Тверь. 1906.

«9 декабря 1906 года. В Твери в губернском земском собрании убит из револьвера граф Игнатьев. Стрелявший Ильинский произвел в себя выстрел, но остался жив. В апреле 1907 года он был осужден на 15 лет каторжных работ»[869].

Омск. 1906.

«15 декабря 1906 года в Омске был убит генерал-губернатор Литвинов»[870].

Петербург. 1906.

«21 декабря 1906 года. В Санкт-Петербурге убит выстрелом из револьвера градоначальник генерал-майор В. Ф. фон дер Лауниц. Покушавшийся убил себя выстрелом из револьвера.

27 декабря 1906 года. В Санкт-Петербурге убит главный военный прокурор генерал-лейтенант В. П. Павлов во время обычной утренней прогулки. Покушавшийся, матрос Егоров, расстрелян по приговору военно-полевого суда»[871].

«29 декабря 1906 года. Созревал план осуществить взрыв Петроградского охранного отделения. Было решено, что по собрании всех необходимых сведений один из членов группы, переодетый жандармским офицером, придет в отделение, имея на себе начиненный взрывчатым веществом жилет, произведет самовзрыв и погубит себя и личный состав отделения. Была заказана жандармская форма. Сроком покушения было выбрано 6 января 1907 года. В ночь на 29 декабря трое членов этой группы были застигнуты у себя на квартире полицией, но оказали вооруженное сопротивление, убили двух околоточных надзирателей, двух городовых и скрылись»[872].

Пенза. 1907.

«25 января 1907 года пензенский губернатор С. В. Александровский погиб от руки террориста. Убийство произошло в Зимнем театре по окончании спектакля. Кроме губернатора Александровского, террористом были убиты помощник пензенского полицмейстера Михаил Яковлевич Зарин, городовой Михаил Антонович Саблин и пожилой театральный декоратор Румянцев, пытавшиеся остановить преступника»[873].

Борисоглебск. 1907.

«7 апреля 1907 года. Тамбовская губерния. Из рапорта борисоглебского уездного исправника А. Д. Бурьянова прокурору Тамбовского окружного суда: „7 апреля, около 7 часов вечера, в городе Борисоглебске на углу Дворянской улицы и Старо-Базарной площади около дома Типицына двумя выстрелами из револьвера Браунинга убит старший городовой Борисоглебской городской команды Семен Мясоедов“»[874].

Александровск-Грушевск. 1907.

«24 мая 1907 года в Александровск-Грушевске смертельно ранен полицмейстер Колпиков»[875].

Чита. 1907.

«28 мая 1907 года в Чите был убит начальник каторги Метус»[876].

Асхабад. 1907.

«В Туркестанской области летучий отряд 29 мая 1907 года убил в Асхабаде начальника жандармского полицейского управления железных дорог Ульянина»[877].

Севастополь. 1907.

«14 июня 1907 года в Севастополе была брошена бомба в охранное отделение, при чем был убит служащий Гурчихин и ранен Колачев; кроме того, в Севастополе, убиты двое рабочих по подозрению в сообщении жандармам сведений. Тут же необходимо указать на то, что 17 июня, при совместном участии социалистов-революционеров с лицами других организаций, в Севастополе, с целью освобождения политических арестованных, был произведен взрыв в тюрьме, при чем был убит часовой. Из числа заключенных 21 человек бежал»[878].

Александрополь. 1907.

«В Закавказской области, летучим отрядом, 3 июля 1907 года, убит бомбами в Александрополе ехавший из офицерского собрания генерал-губернатор Алиханов. Сидевшая с ним в экипаже дама была также убита, а кучер, сын и дочь ранены»[879].

Екатеринодар. 1907.

«20 июля 1907 года в Екатеринодаре убит помощник полицмейстера Журавель»[880].

Пятигорск. 1907.

«23 июля 1907 года в Пятигорске был убит бывший генерал-губернатор Карангозов»[881].

Севастополь. 1907.

«15 сентября 1907 года. Для руководства восстанием „Военное бюро“ партии по соглашению с Центральным комитетом „Всероссийского офицерского союза“ командировало в Севастополь из Выборга члена союза капитана запаса артиллерии Глинского. Помогать Глинскому в деле восстания вызвались члены союза же штабс-капитан Белостокского полка Никитин и Виленского полка поручик Максимов. Был сформирован „Повстанческий комитет“ в составе представителей от „Партии социалистов-революционеров“ и других революционных организаций, разработан план восстания. Главные надежды революционеры возлагали на Брестский пехотный полк, где пропаганду вел вернувшийся из дисциплинарного батальона грузин рядовой Джемухадзе. Джемухадзе, известный в кружках под именем Александра, хвастался, что при начале восстания он даст до 200 человек сорганизованных нижних чинов. В полк должен был явиться Максимов с революционерами, и с 5-й роты, по взрыву бомбы, которую должен был бросить Джемухадзе в 4 часа ночи, должен был начаться бунт. По тому же сигналу Никитин должен был поднять Белостокский полк. Их должен был поддержать флот и артиллерия. Эту последнюю должен был подготовить Глинский. По

плану рисовалось нечто грандиозное, действительность же показала, сколь нелепы были их надежды. Такой серьезный замысел, как военное восстание, стал известен властям. По всем частям были приняты меры предосторожности, но это не остановило революционеров. В ночь на 15 сентября Глинский и девять рабочих переправились на Северную сторону и залегли в канаве неподалеку от артиллерийских казарм, дабы по сигналу из Брестского полка поднять артиллерию на бунт. Но жандармские власти произвели осмотр всей той местности и арестовали Глинского с его товарищами, что явилось для них полнейшей неожиданностью. В то же время, неподалеку от казарм Брестского полка, Максимов совещался со своими помощниками, назначенными поднять Брестский полк. В четвертом часу утра Максимов и два революционера, переодетые офицерами, не зная про арест Глинского, проникли в расположение Брестского полка. Полк стоял поротно, в полном порядке. Разыскав Александра Джемухадзе, революционеры узнали у него, что „дело" их погибло: полк в порядке, бомба, сигнальная, была брошена, но не разорвалась. В шестом часу утра революционеры, воспользовавшись тем, что офицеры 5-й роты вышли из ротного помещения, бросились туда, обезоружили фельдфебеля и, объявив роте, что все офицеры полка арестованы, а их ротный командир убит, приказали роте строиться и увлекли за собою на двор небольшую часть нижних чинов. На происшедший шум выбежали офицеры. Революционеры открыли по ним огонь и ранили командира первого батальона и дежурного по полку офицера. В командира 5-й роты была брошена бомба, но она не разорвалась. Видя неудачу, революционеры с присоединившимися к ним тремя нижними чинами бежали и скрылись на Корабельной стороне. Что же касается Никитина, то он, не дождавшись со своими помощниками сигнала к бунту, скрылся, не рискнув идти к белостокцам»[882].

Екатеринодар. 1907.

«21 сентября 1907 года убит правитель канцелярии генерал-губернатора Руденко»[883].

Самарканд. 1907.

«10 октября 1907 года в Самарканде был убит пристав Вишневский»[884].

Владивосток. 1907.

«17 октября 1907 года. На вечерней поверке минеры первой роты выразили желание доложить командованию свои претензии. Офицеры не стали их слушать и приказали разойтись. Минеры отказались выполнить это приказание, за что

132 человека были арестованы и преданы военно-окружному суду. Многим грозила смертная казнь. 5 октября для обсуждения мер по освобождению арестованных собрались представители частей гарнизона. Большевики, понимавшие, что в условиях разгула реакции активные революционные действия будут обречены на провал, предлагали провести в защиту минеров митинг. Но эсеры, спекулируя левыми фразами, настаивали на организации вооруженного восстания. Под их влиянием это выступление было назначено на 21 октября.

Полиция, осведомленная о собрании, арестовала 50 его участников. Командование гарнизона, торопившееся расправиться с минерами, назначило суд на 17 октября. Зная о дате восстания, оно рассредоточило корабли по разным бухтам, усилило полицейский надзор. Из Раздольного во Владивосток были вызваны драгуны и казаки. В сложившейся обстановке эсеры на очередном совещании представителей частей добились решения о переносе начала восстания на 16 октября. В этот день на рассвете небольшие группы солдат, матросов и рабочих прибыли в расположение рот минного батальона в бухте Диомид и дали сигнал к восстанию. Минеры разобрали винтовки и двинулись к казармам полка за пулеметами, но здесь их встретили пулями. В завязавшейся перестрелке несколько человек были убиты. Восставшие отступили. В знак солидарности с минерами забастовали рабочие порта и мастерских. Колонны демонстрантов направились к казармам Сибирского флотского экипажа. Однако рабочим не удалось соединиться с матросами: солдаты, охранявшие казармы, разогнали демонстрантов.

Утром 17 октября к местам стоянки кораблей в бухте Золотой Рог стали стекаться на митинг рабочие порта и матросы флотского экипажа. Но вместо митинга стихийно вспыхнуло вооруженное восстание. К борту миноносца „Скорый“ подошла шлюпка с тремя эсерами, которые сообщили о начале восстания. Направленный ими машинный содержатель Яков Пойлов спустился в каюту командира лейтенанта Штерна и выстрелом из револьвера убил его и смертельно ранил мичмана. Затем Пойлов выбежал на верхнюю палубу и, открыв стрельбу, убил командира соседнего миноносца.

Над „Скорым“ взвился красный флаг. Вскоре такие флаги были подняты на миноносцах „Сердитый“ и „Тревожный“. Однако остальные корабли не поддержали восставших.

„Скорый“ отошел от стенки и начал артиллерийский обстрел здания военно-окружного суда, дома губернатора и казармы 12-го Восточносибирского стрелкового полка. За „Ско-

рым“ отошел от стенки и „Тревожный“, но унтер-офицеры успели вывести из строя рулевое управление, и миноносец подошел к угольной стенке. Красный флаг на нем был спущен. Вскоре офицеры и солдаты 12-го полка захватили „Сердитый“.

Миноносец „Скорый“ под обстрелом отдельных кораблей, а также солдат с берега отошел к Гнилому Углу. Он дважды пытался прорваться в море, но был буквально засыпан снарядами и, получив серьезные повреждения, выбросился на берег в районе Штабной пристани. Почти вся его героическая команда погибла. Снятые со „Скорого“ участники восстания были перевезены на транспорт „Колыма“, стоявший в бухте Новик, с которого они вскоре были вывезены на миноносце „Усердном“ и сброшены в море.

Во Владивостоке было введено осадное положение. Смертные приговоры следовали один за другим, исполнение их не задерживалось. 24 ноября (7 декабря) 1907 года в бухте Улисс были расстреляны 16 нижних чинов Владивостокского крепостного минного батальона: Снятовский, Дмитриев, Чабан, Ульяновский, Шеломихин, Владимир Фоменко, Евсей Фоменко, Попов, Зорин, Копылов, Рубцов, Ермолаев, Подлужный, Крессов, Соляный, Кононов. В этот же день был повешен в тюрьме участник восстания минеров Дмитрий Парневов. 28 ноября (11 декабря) 1907 года в бухте Тихая были расстреляны еще 19 человек: 18 революционных матросов Сибирского флотского экипажа: Константин Герасимовский, Дмитрий Сивовал, Николай Данилов, Григорий Мешанин, Василий Васятин, Степан Печенкин, Пантелеймон Пархоменко, Тихон Отребухов, Василий Боханов, Иван Титенко, Алексей Золотухин, Дормидонт Нашиванкин, Яков Шипунов, Иван Чарошников, Николай Масленников, Иван Пушкин, Афанасий Шаповаленко, Дмитрий Головченко и с ними рядовой минного батальона Прокофий Бондаренко.

19 февраля 1908 года во Владивостокской тюрьме был повешен участник восстания 16 октября 1907 года в бухте Диомид минер Кирилл Кудрявцев, арестованный охранкой после его возвращения из Харбина, куда он скрылся после восстания. 3 марта 1908 года был повешен за революционную пропаганду в войсках ответственный организатор и агитатор Владивостокской социал-демократической военной организации большевиков Григорий Моисеевич Шамизон. 2 сентября 1908 года во Владивостоке были повешены: машинист крейсера „Аскольд“ Леопольд Энгельбрехт и машинист подводной лодки „Сом“ Григорий Соколов, бежавшие после восстания в

Шанхай и арестованные там исполнявшим обязанности русского консула Беренсом, к которому они, под влиянием острой нужды, обратились за покровительством, как к земляку Энгельбрехта. Всего с ноября 1907 года до марта 1908 года Приамурский военно-окружной суд рассматривал дела арестованных участников восстания: 46 человек были приговорены к смертной казни, сотни отправлены на каторгу, в тюрьмы, дисциплинарные батальоны»[885].

Кисловодск. 1907.

«17 декабря 1907 года в Кисловодске убит пристав Болдырев»[886].

Красноуфимск. 1908.

«5 января 1908 года в Красноуфимске членом боевой дружины был убит председатель местного отдела „Союза русского народа“ Свиридов»[887].

Безданы. 1908.

«26 сентября 1908 года. Боевая группа, возглавляемая будущим главой Польши Юзефом Пилсудским, напала на почтовый поезд, перевозивший деньги из Варшавы в Петербург, на станции Безданы, недалеко от Вильно. Группа состояла из двадцати человек — 16 мужчин и четырех женщин. Среди них была и будущая вторая жена Юзефа Пилсудского Александра Щербинская, трое будущих премьер-министров Польши Томаш Арцишевский, Александр Пристор, Валерий Славек и другие видные деятели будущей Польской республики. 26 сентября четверо из боевиков ехали на поезде пассажирами, а остальные ждали на станции Безданы. Когда поезд прибыл на станцию, боевики бросили бомбу в поезд. В короткой перестрелке был убит один русский солдат из охраны и пятеро ранено, после этого охрана прекратила сопротивление. Боевики взорвали почтовый вагон и сейфы в нем динамитом, переложили деньги в мешки и скрылись. Сумма экспроприированного составила 200 812 рублей»[888].

Осиновское. 1908.

«П. Д. Турчанинов хотел установить связь с Якутской и Нарымской ссылками и к весне 1909 года осуществить вооруженный побег с захватом парохода. Однако Н. Дронов, И. Кадинер, М. Самойлов и еще несколько человек внезапно произвели ограбление фактории фирмы „Рошет“ в Селиванихе. Полиция арестовала участников ограбления и вышла в сторону Ворогово. Но 8 декабря 1908 года в Осиновском во время ночлега при помощи местных ссыльных арестанты совершили нападение на конвой, из которого двоих убили, пятерых разоружили. Через день была ограблена почта, а 11 декабря

совершено нападение на другой конвой из четырех чел. (убито двое полицейских), и вооруженный отряд вырос до десяти человек, то есть отсекалась возможность остановить банду силами местных полицейских отрядов»[889].

Туруханск. 1908.

«20 декабря 1908 года вооруженная группа под руководством Н. Дронова заняла Туруханск. Пристав накануне покинул город под предлогом инспекции территории. Его помощник был убит вместе с несколькими казаками и жителями»[890].

Хатанга. 1909.

«5 февраля 1909 года. По Указу Николая II от 4 января 1909 года в Туруханском крае объявлялось военное положение, а Енисейский уезд был переведен в „состояние усиленной охраны“»[891].

«Для ликвидации вспыхнувшего в конце 1908 года в заполярном Туруханском крае мятежа ссыльных была направлена команда 31-го полка под начальством поручика Н. Д. Нагурного. 27 января 1909 года стрелки прибыли в Туруханск. На тот момент отряд восставших анархистов находился на расстоянии в 700 верст. Перед Нагурным стояла задача настичь их в безлюдной пустынной тундре, в условиях полярной зимы, когда морозы доходили до 40 градусов ниже нуля. Отряд ссыльных удалось настичь в селе Хатанга, практически на берегу Северного ледовитого океана. В коротком бою 5 февраля охотники (один офицер и 18 стрелков) убили пятерых анархистов, троих ранили, остальные десять человек сдались сами»[892].

Из 13 арестованных «до Туруханска не доехали еще пятеро: один умер от ран, четверо были застрелены при попытке бежать... Военное положение было снято 29 июля 1909 года, а войска полностью эвакуированы»[893].

Красноярск. 1909.

«После показательных экзекуций в Туруханском крае было решено провести заключительный суд не в Енисейске, а Красноярске... 27–29 сентября 1909 года Временный военный суд постановил признать виновными в убийствах и грабежах всех членов банды. В результате четверо обвиняемых были повешены, четверо — отправлены на бессрочную нерчинскую каторгу»[894].

Петербург. 1909.

«В ночь на 17 декабря 1909 года членом партии, бывшим городским учителем Вятской губернии Петровым, был взорван при посредстве адской машины на конспиративной квартире начальник Петербургского охранного отделения полковник Карпов»[895].

Ассинское. 1910.

«Октябрь 1910 года. Терская область. Абрек Зелимхан с четырьмя абреками на мосту в Ассинском ущелье устроил засаду карательному отряду, убил начальника назрановского округа князя Андронникова и поручика Афанасьева, тяжело ранил штаб-ротмистра Данагуева и шестерых всадников»[896].

Киев. 1911.

«1 сентября 1911 года император, его дочери и приближенные министры, Столыпин в их числе, присутствовал на спектакле „Сказка о царе Салтане" в городском театре Киева. На тот момент у шефа охранного отделения Киева была информация о том, что в город прибыла террористка с целью совершить нападение на высокопоставленного чиновника, а возможно, и на самого царя. Данная информация была получена от Дмитрия Богрова. Во время второго антракта спектакля „Сказка о царе Салтане" Столыпин разговаривал у барьера оркестровой ямы с министром двора бароном В. Б. Фредериксом и земельным магнатом графом И. Потоцким. Неожиданно к Петру Столыпину приблизился Богров и выстрелил из браунинга дважды: первая пуля попала в руку, вторая в живот, задев печень. От мгновенной смерти Столыпина спас крест Св. Владимира. Раздробив его, пуля изменила прямое направление в сердце. Этой пулей оказались пробиты грудная клетка, плевра, грудобрюшная преграда и печень.

Через два дня во Владимирском соборе был отслужен торжественный молебен о выздоровлении Столыпина. Собор был переполнен, многие плакали. Последующие дни прошли в тревоге, врачи надеялись на выздоровление, но 4 сентября вечером состояние Столыпина резко ухудшилось, он начал терять силы, пульс начал слабеть, и около 10 часов вечера 5 сентября он скончался. Богров был повешен 12 сентября 1911 года»[897].

«По семь месяцев отсидели в сердобской тюрьме крестьяне села Змеевка Лаврентий Богомолов и Гаврила Мартынов. Вина их, как свидетельствует обвинительное заключение, состояла в том, что они откровенно, но нелестно отозвались об убитом 1 сентября 1911 года в Киеве П. А. Столыпине. В кругу крестьян Мартынов сказал: „Законами Столыпина и царя Николая Кровавого весь трудовой народ в цепи закован. Надо бы убрать и того, кто постарше Столыпина". Богомолов добавил: „Душителю по заслугам... Собаке — собачья смерть"»[898].

Киев. 1913.

«Солдат 6-го понтонного батальона в мае 1913 года, доведенный до отчаяния издевательствами фельдфебеля, выстрелом из винтовки ранил его и бежал из казармы. Преследуемый

городовыми, он ранил одного из них штыком. Забежав в квартиру своего ротного командира, он и его также ранил. Загнанный солдат долго отстреливался от окружавших его городовых и специальных отрядов, пока выстрелами не был тяжело ранен. Солдата вылечили, судили и 28 июня расстреляли»[899].

Шали. 1913.

«27 сентября 1913 года. Терская область. На хуторе близ селения Шали был убит карательным отрядом известный абрек Зелимхан»[900].

Новгород. 1914.

«10 марта 1914 года в Новгороде были расстреляны два солдата 37-й артиллерийской бригады, приговоренные к смертной казни за убийство фельдфебеля»[901].

Екатеринослав. 1914.

«18 июля 1914 года на сборном пункте при управлении воинского начальника, явился не подлежащий призыву местный союзник Кузьма Мартынов с флагом, речью своей возбудил неудовольствие толпы призывников, в числе которых были в пьяном виде. Толпа бросилась на Мартынова и вступившегося за него околоточного надзирателя, а затем стала теснить наряд полиции и стражников. Наряд по распоряжению пристава Жилы открыл стрельбу. Убит солдат — артиллерист действительной службы, подобрано двое тяжело раненых — женщина и мужчина. Наблюдается сильное возбуждение против полиции, и производится следствие»[902].

Самара. 1914.

«20 июля 1914 года запасные, возбужденные толпой, потребовали приема на военную службу стражников. Неудовлетворенные отказом, напали на полицию, отбиты залпом. Ранено трое запасных, контужен запасный офицер и помощник пристава»[903].

Новониколаевск. 1914.

«21 июля 1914 года четырехтысячная толпа мобилизованных двинулась от вокзала к воинскому присутствию. К ним присоединились рабочие. Был поднят красный флаг. В ответ на выстрелы полицейских собравшиеся разграбили оружейный магазин и вступили в перестрелку с правоохранителями, в помощь которым прибыли солдаты местного гарнизона. В ходе столкновения двое призванных были убиты, еще двое ранены, ранения получили два десятка солдат и полицейских, офицер и пристав. 23 июля при отправке эшелона с мобилизованными произошло еще одно серьезное вооруженное столкновение, в ходе которого погибло 16 и ранено 25 чел. 24 июля на железнодорожной станции произошел еще один кровавый инцидент. Запасным из проходящего эшелона, во избежание

столкновений, запретили выходить из вагонов. Последние отказались выполнять приказ, и в результате начавшейся перестрелки с вызванной воинской командой погибло девять человек, 22 получили ранения (четверо из них умерли)»[904].

Барнаул. 1914.

«В Барнауле к 22 июля 1914 года собралось до 20 тысяч мобилизованных. Часть из них ночевала на улице, плохо было организовано питание. Их требования выдачи „кормовых“ и пособий семьям, улучшения условий содержания, вежливого обращения игнорировались. Обозленные призывники избили стражей порядка, начали громить казенный винный склад, где вспыхнул пожар. Пожарным не давали его тушить. Как пишет А. С. Муравлев: „В разгоряченной толпе послышались призывы к разгрому и грабежу. К месту пожаров, охвативших около девяти часов вечера уже целые кварталы, стекались все новые и новые толпы запасных и городских жителей. Разобрав оружие в разбитых ими же оружейных магазинах, они стали громить дома, лавки, склады“, здание местного отделения „Русского для внешней торговли банка“. К вечеру 22 июля город находился в руках мобилизованных. Полицейские в форме боялись появляться на улицах. Чиновники разбежались из присутственных мест. Уездный воинский начальник скрылся. Прибывшая на пароходе из Новониколаевска воинская командами выстрелами рассеяла грабителей, хотя стрельба продолжалась всю ночь. Утром 23 июля полиция подобрала на улицах города около 40 трупов, немало грабителей погибло в огне. Из числа запасных 112 человек были убиты или сгорели, несколько сот получили ранения. Сгорело 45 больших зданий, в том числе 32 жилых дома. Пострадали несколько маслоэкспортных контор, складов, пакгаузов, магазинов. Материальный ущерб, по оценке властей, составил более 4,5 млн руб. За участие в грабежах и сопротивление правоохранителям арестовали 155 человек. Следствие по барнаульским беспорядкам продолжалось до середины 1915 года. Судебный процесс, по которому проходило 200 человек, начался 27 октября 1915 года. 15 человек приговорили к тюремному заключению на срок от четырех до восьми лет; 82 привлеченных по этому делу получили сроки от одного месяца до четырех лет в арестантских ротах; 32 человека — тюремной отсидки на срок от одного месяца до трех лет»[905].

Царицын. 1914.

«22 июля 1914 года произошло кровавое столкновение в Царицыне между женами и родственниками призываемых в армию рабочих-новобранцев, потребовавших выдать по-

собие, и конвойной командой. Последние открыли огонь по безоружной толпе. В результате 19 человек были убиты и 25 ранены»[906].

Ишим. 1914.

«24 июля 1914 года в Ишиме „группа запасных, подстрекаемая двумя своими товарищами, учинила беспорядок с сопротивлением офицеру. Вызванная последним полурота стала заряжать ружья, при зарядке несколькими случайными выстрелами убит прохожий старик, ранен запасный. Порядок восстановлен, зачинщики арестованы, вызван военный следователь“. <...> Кроме того, в Ишиме в тот же день утром на сборном пункте при управлении уездного воинского начальника запасные общей численностью до 30 человек пытались силою войти в управление, „требуя кормовые деньги либо еще не полученные, либо не полагающиеся им по правилам; при этом двое главарей, из них один запасный, гвардеец-фейерверкер Ефим Усольцев и другой, по приметам Алексей Каверзнев, с другими неустановленными личностями схватили за руки помощника начальника сего управления штабс-капитана Клитина, не впускавшего их во двор. Ввиду этого по команде командира охранной роты капитана Пучковского был произведен один ружейный залп, коим убит крестьянин Большесорокинской волости, ранен запасный Александр Мельников. После залпа совместными действиями чинов общей и жандармской полиции порядок был тотчас восстановлен“»[907].

Ставрополь. 1914.

«23 июля 1914 года в Ставрополе разгромлена одна винная лавка, ренсковый погреб прибывшими из волостей пьяными запасными. Раздражающе подействовало повышение цены хлеба до восьми копеек за фунт. В столкновении стражниками убито двое, среди стражников один ранен в глаз камнем; несколько ушиблено»[908].

«С 14 июля 1914 года в Омском военном округе, который включал в себя и территорию Кузбасса, было введено „положение о подготовительном к войне периоде“. Полиции и жандармерии было предписано „особенно усилить надзор за недопущением возникновения забастовок“. 18 июля началась мобилизация, по которой были призваны все запасные, с 22 июля начался призыв ратников государственного ополчения, а 24 июля во всех губерниях было введено положение чрезвычайной охраны в связи с произошедшими в ряде мест волнениями запасных. В Кузбассе такие волнения имели место в Кузнецком уезде в селах Бачатское, Брюхановское, Березовское, Гурьевское, Кольчугино, в Мариинском — в селе Аниси-

мово, в Томском уезде — в селе Поломошном, на станциях Тутальская и Тайга. В Кузнецке и Мариинске уездных центрах волнения сопровождались разгромом винных лавок, полицейских участков, воинских присутствий, избиением городовых. В Томской губернии, по данным Министерства внутренних дел, было привлечено к суду до 1400 человек, ранено и избито 33, убито 136 участников волнений»[909].

Сенгилей. 1914.

«20 июля 1914 года в г. Сенгилей произошло буйство запасных нижних чинов, призванных по мобилизации, сопровождавшееся разграблением казенных винных лавок. На сборном пункте был открыт огонь, убито пятеро, ранено четыре человека. Арестованы зачинщики»[910].

Сызрань. 1914.

«28 июля 1914 года буйства 3 тысяч запасных в Сызрани, по которым применено оружие. Семь человек убито»[911].

«При подавлении волнений во время всеобщей мобилизации с 19 июля по 1 августа 1914 года были убиты 247 человек и ранены 258 человек. Полиция и войска потеряли 12 человек убитыми и 94 ранеными»[912]. Несомненно, что никакого особого энтузиазма война с Германией и Австро-Венгрией среди масс трудящихся не вызывала.

Радзивиллов. 1914.

«9 декабря 1914 года около станции Радзивиллов командир 102-го пехотного Вятского полка полковник Довбор-Мусницкий встретил двух солдат и набросился на них с руганью. Затем выхватил револьвер и двумя выстрелами в упор тяжело ранил солдат. Самодурство Довбор-Мусницкого, получившего вскоре чин генерала и командование дивизией, осталось безнаказанным»[913].

Минск. 1914.

«18 декабря 1914 года. За разгром имения Юзефин 20 мобилизованных солдат „...были привлечены к следствию в качестве обвиняемых, причем из них Николай Коханович 18 декабря 1914 года казнен во исполнение над ним приговора Минского военно-окружного суда...“»[914]

Львов. 1915.

«20 февраля 1915 года на перегоне за Львовом в 11 часов вечера начальник эшелона прапорщик Васин проходил по вагонам. В одном из них большая часть „нижних чинов“ спала, а некоторые сидели и в разговорах между собой вспоминали о покинутых на родине семьях. Прапорщик остановился, стал прислушиваться к разговору и затем сказал: „Грустить не нужно, я тоже оставил в России родных, два дома в Киеве, млад-

шего брата уже убили; но я все же не падаю духом“. На слова прапорщика один из солдат (взводный командир 103-й маршевой роты Юрченко) сказал: „Вам, человеку богатому, с нами равняться нельзя“. Кто-то из солдат в это время крикнул: „Я-то оставил только одну лошадь“. На вопрос прапорщика, сознают ли солдаты, что они сказали, Юрченко ответил, что „теперь для меня все равно, так как умирать один раз“. Прапорщик почуял в солдате своего врага и не замедлил тут же расправиться с ним. Выстрелом из револьвера прапорщик Васин убил Юрченко и „случайно“ этим же выстрелом еще ранил двух „нижних чинов“»[915].

Перемышль. 1915.

«9 марта 1915 года, около девяти часов утра, в Перемышле, тотчас же по сдаче его русским войскам, проезжавший вместе со своим штабом по одной из улиц города начальник 81 пехотной дивизии генерал-лейтенант Чистяков заметил какого-то русского солдата, разговаривавшего с местными крестьянами. Генерал Чистяков „без всякого повода со стороны нижнего чина“ и „совершенно неожиданно, по словам документа, для всех свидетелей (офицеров штаба дивизии), не видевших никакой необходимости в принятии столь суровой меры“, избив солдата хлыстом, обратился к сопровождавшему его ординарцу со следующими словами: „Отведи его туда (указывая рукой на пустырь вправо от улицы) и застрели, как собаку“. Ординарец-казак, „исполнив приказание начальства“, доложил генералу: „Ваше превосходительство, приказание исполнил“. Далее следует обычный для царской армии диалог. Генерал: „Спасибо, молодчина“. Казак: „Рад стараться“»[916].

Фронт. 1915.

«18 декабря 1915 года на инспекторском смотре 7-го армейского запасного батальона, где насчитывалось 22 тысячи человек, рядовой Иванов заявил производившему смотр генералу Смирнову, что кормят солдат плохо, суп — одна вода, что хлеба дают всего по одному фунту в день. Генерал начал кричать на Иванова, заявив, что если бы солдат и совсем не кормили, то и тогда они не должны жаловаться. Генерал приказал командиру батальона высечь солдата. В тот же день Иванов был высечен, получив за жалобу 50 ударов розгами... Телесные наказания розгами были официально введены в армии приказом Николая II в начале ноября 1915 года»[917].

Киев. 1916.

«В ночь с 8-го на 9 января 1916 года из воинского эшелона между станциями Норовка и Бобровница на железнодорожном пути из Нежина в Киев стали выскакивать солдаты и раз-

бегаться по селам. Конвой стрелял, в результате был убит один солдат»[918].

Новониколаевск. 1916.

«В феврале 1916 года в 23-м Сибирском стрелковом запасном полку в Новониколаевске призванный из Барнаульского уезда рядовой Казанцев во время дежурства поставил винтовку, закурил папиросу и отказался назвать свою фамилию командиру роты. Вместо дисциплинарного наказания прапорщик Степанов приказал под угрозой расправы избить нарушителя воинской дисциплины. У Казанцева было сломано девять ребер и их осколками порвана печень. Вскоре он умер, а прапорщика перевели в другую роту на должность младшего офицера. Произошедшее, согласно информации жандармов, вызвало „большое недовольство“ солдат»[919].

Хива. 1916.

«13–15 февраля 1916 года. В ночь на 13 февраля повстанцы Джунаид-хана проникли в столицу вассального ханства и пленили самого хана. Первый министр хана Матвафа Баккалов был зарезан. Также были убиты три ханских министра. На следующий день повстанцы вступили в сражение с подходившими к Хиве русскими головными отрядами, проявив, как писал начальник Аму-Дарьинского отдела, „безумие вступить в борьбу с войсками его императорского Величества“. 15 февраля после сражения с повстанцами русские войска заняли Хиву. 4 марта 1916 года „Высочайшим указом“ Хивинское ханство, Аму-Дарьинский отдел и все левобережье Аму-Дарьи до Чарджуя были объявлены на военном положении. Только к июню 1916 года повстанческое движение в Хиве в основном было ликвидировано. Главарь восстания Мухаммед-Курбан-Сердар бежал в Персию. Карательная экспедиция расправлялась с мятежниками. Оружие у них было отобрано, зачинщики были казнены, на иомудов была наложена контрибуция»[920].

Жмеринка. 1916.

«15 февраля 1916 года. Произошли волнения солдат в эшелоне между станциями Долинская и Жмеринка. Солдаты проклинали войну и царя, в некоторых вагонах громко читались большевистские листовки. Офицеры приказали конвоирам открыть ружейную стрельбу по вагонам. Тогда солдаты остановили поезд, большими группами выпрыгивали из вагонов, „бросали камни, наносили удары, вырывали винтовки, срывали патронные сумки. Приказания начальника поезда и офицеров прекратить буйства и сесть в вагоны нижние чины не исполнили“. Восстание солдат было подавлено усиленными отрядами жандармов. Семь человек военные власти расстреляли, многих посадили в тюрьму, эшелон был расформирован»[921].

Фронт. 1916.

«Ратник 1-го пехотного запасного полка А. Ф. Бобров 14 марта 1916 года, по его словам, „подошел к подпрапорщику Дикареву, закатил ему ножом в грудь и сказал: ‹Пущай этого человека не будет, а я преступник›“. Далее Бобров добавил: „Меня никто не подговаривал. Я сам задумал отомстить за то, что Дикарев строго относился ко всем: по докладу Дикарева разжаловали двух унтер-офицеров — георгиевских кавалеров“. В ротной канцелярии, сейчас же после убийства, на вопрос офицера: „Почему ты ударил ножом подпрапорщика?“ — Бобров ответил: „Я свое дело сделал. Вы все только нашего брата обижаете, а мы все — одна семья!“. Бобров — участник войны на германском фронте, в рядах 178-го пехотного Венденского полка дважды раненый — попал в тыловую казарму, где установился тюремный режим, толкавший наиболее чутких людей на путь протеста и борьбы. Бобров поплатился жизнью за свое выступление; 15 марта военно-полевым судом он был приговорен к смертной казни через расстреляние. 16 марта этот приговор был приведен в исполнение „перед строем 8-й маршевой роты“»[922].

«3 июня 1916 года был расстрелян по приговору военно-полевого суда за призыв к восстанию против офицеров рядовой кавалергардского полка Вальдемар Ларман»[923].

Ходжент. 1916.

«4 июля 1916 года. Первым произошло восстание в Ходженте. 4 июля возбужденные городские низы, среди которых было немало женщин, подошли к дому участкового пристава. Они потребовали отложить мобилизацию до окончания полевых работ и разъяснить им правила набора рабочих. Не получив ответа на свои требования, участники выступления перешли к решительным действиям. Они начали теснить полицию и бросать в нее камни. Полиция вынуждена была отступить, восставшие же преследовали ее до самых ворот крепости, где столкнулись с вооруженными часовыми, преградившими им дорогу. Толпа набросилась на часовых и полицейских, пытаясь силой завладеть их оружием. По безоружным восставшим был открыт огонь. Два человека были убиты и 30 ранены»[924].

Андижан. 1916.

9 июля 1916 года. Ферганская область. Андижанский уезд. Город Андижан. «9 июля начальник Андижанского уезда огласил царский указ о наборе рабочих и призвал горожан поддержать его. Однако в толпе собравшихся раздались голоса: „Не пойдем на работы!“. Опасаясь гнева участников манифестации, уездный начальник бежал. Его преследовало около

500 человек. Но вскоре прибыл карательный отряд, посланный на помощь уездному начальнику. Последний стал призывать к благоразумию, спокойствию, предлагая разойтись. Участники выступления требовали, чтобы уездный начальник дал расписку в том, что распоряжение о наборе рабочих будет отменено. В противном случае восставшие грозили „сейчас же перерезать всех пятидесятников и должностных лиц и разгромить их имущества". По указанию уездного начальника карательный отряд пытался разогнать толпу, но безуспешно. Восставшие кидали в полицию и казаков камни, кетмени, палки. С криком „Бей их!" они набросились на уездного начальника и окружавших его царских чиновников. В результате столкновения были жертвы как среди карателей, так и среди восставших. Повстанцами, в частности, был убит сын волостного управителя, который „пытался уговорами успокоить толпу и не допустить до учинения беспорядков". Выступление было подавлено»[925]. «Среди демонстрантов были убиты три человека и ранены 12. Позже от ран умерли Саид Ахрар Шарифбай, Хаджибай Максудали Кары и другие»[926].

Андижанский уезд. 1916.

10–13 июля 1916 года. Ферганская область. «10 июля выступили жители Алтын-Кульской волости Андижанского уезда. Они до смерти избили волостного управителя и двух его джигитов. Вечером следующего дня в десяти верстах от Андижана были обнаружены тела нескольких джигитов и волостного управителя, также убитых повстанцами. 11 июля восстали жители Базар-Курганской волости. Их гнев, как и всюду, был направлен против местных должностных лиц. Повстанцы разгромили дом старшины кишлака Чаума, сожгли его векселя и другие бумаги, перебили посуду и попортили вещи, а самого старшину задушили. 12 июля выступило население Балыкчинской волости Андижанского уезда. Повстанцы убили пятидесятника кишлака Халмурад-Курган и избили джигита волостного управителя. В тот же день жители кишлака Бек-Абад Ярбашинской волости напали на сельского старшину, однако ему удалось скрыться. На следующий день восстали узбеки и киргизы Султан-Абадского участка Джал-Кудукской волости. Они убили старшину Кызыл-Аякского сельского общества и его писаря. Сюда был направлен карательный отряд, который открыл огонь по безоружной толпе. Трое повстанцев были убиты и 31 попал в руки карателей. Восстанием были охвачены Сузак и другие горные районы Андижанского уезда, населенные киргизами. Рядовые скотоводы этих кочевых и полукочевых районов избивали и убивали волостных управителей и аильных старшин, и уничтожали посемейные списки»[927].

Кокандский уезд. 1916.

9–12 июля 1916 года. Ферганская область. «9 июля восстали трудящиеся Араванской волости. У канцелярии волостного управления в кишлаке Газы-Яглык рано утром собралась толпа, в которой было немало женщин и детей. В канцелярии находились волостной управитель, его писарь, джигиты и сельский старшина. Восставшие обвинили волостного управителя в том, что он переписывает все мужское население и по его вине всех призовут в действующую армию. Толпа потребовала выдать ей эти списки. Волостной управитель вынужден был передать списки призываемых в руки восставших, которые, однако, этим не удовлетворились. Они потребовали от волостного управителя заверить эти списки своей подписью и печатью, чтобы они стали документом, гарантирующим их детям освобождение от воинской повинности. Получив отказ волостного управителя, толпа набросилась на него и окружавших его людей. В результате столкновения волостной управитель, его писарь и джигиты были убиты, а списки уничтожены. Против восставших был направлен карательный отряд из 25 вооруженных солдат и нескольких полицейских, которым удалось сломить сопротивление араванцев и взять под арест 316 человек, в том числе 29 несовершеннолетних.

В ночь с 9-го на 10 июля выступили жители Яны-Курганской волости Кокандского уезда. Восставшие разграбили имущество сельского старшины, подожгли его дом. Они разыскали посемейные списки и разорвали их в клочья. 11 июля поднялось население Ганджирванской волости. Повстанцы окружили канцелярию волостного управления и потребовали выдать списки призываемых, однако волостной управитель сумел уйти через черный ход. Ожесточившиеся повстанцы принялись громить его дом. Прибывшему карательному отряду из 42 человек восставшие твердо заявили: „Мы вас не признаем и никого не дадим на военную службу“. Начальник Кокандского уезда, возглавлявший карательный отряд, сначала решил уговорить восставших. Он обратился к толпе со словами: „Садитесь, выслушайте меня“. В ответ восставшие гневно заявили: „Мы тебя не признаем, убьем всех вас и никого не дадим“. Некоторые из них, вооружившись палками, смело напали на карателей, однако победу одержать не смогли и потеряли много людей, 134 человека было арестовано. 12 июля серьезное волнение произошло в Язавинской и Якотутской волостях Кокандского уезда. Восставшими был сожжен дом управителя Язавинской волости, „убит пятидесятник и разграблен его дом“. Более 650 повстанцев собирались напасть и на участко-

вого пристава, находившегося в тот момент в волости. Но его предупредил об этом один из местных феодалов, и он заблаговременно скрылся. Этот феодал, предавший интересы восставших, был убит участниками выступления»[928].

Скобелевский уезд. 1916.

10–11 июля 1916 года. Ферганская область. «10 июля вспыхнуло восстание в Старом Маргелане. На центральной площади города собралось 20–25 тысяч человек. Среди них было немало женщин. Вскоре явились представители властей, которые объявили о предстоящей мобилизации в трудовую армию. Это вызвало гнев и возмущение присутствовавших. В толпе раздавались крики: „Не дадим“, „Бей их!“. Вот что пишет по этому поводу полицмейстер Маргелана в своем рапорте от 10 июля 1916 года: „Никакими способами нельзя было успокоить толпу, и она не дала мне возможности произнести ни одного слова, продолжая неистово кричать и размахивать руками. Так длилось минут десять, когда толпа стала обтекать меня кругом, подломив подо мною помост; в то же время я получил несколько ударов в спину и бока. С обнаженным револьвером мне удалось прорваться через кольцо толпы и выйти через заднюю стену чайханы. Там я вскочил на лошадь и бросился в объезд базара“ по направлению к уездному управлению. После бегства полицмейстера один из четырех городских аксакалов пытался успокоить собравшихся, но восставшие „стали наступать на него, бросая палками и камнями“. Он был буквально смят восставшими. Были убиты: мингбаши Махмудбек Шахруханов, мингбаши Мавлянбек Бадалбаев, старший полицмейстер Павел Суянов, торговец Хасан Хаджи Назрулла Ходжаев, полицейские Хомуджан Иракбаев и Сахиб Назар Алиев-Ходжаев. Из Скобелева (Ферганы) прибыла сотня 6-го Оренбургского казачьего полка. Ружейно-пулеметным огнем было убито и ранено 63 человека. Многие из активных участников восстания были арестованы. Военно-полевой суд приговорил 15 человек к смертной казни через повешение. На следующий день восстание началось в Файзабадской волости Скобелевского уезда. Во дворе мечети в Файзабаде повстанцы зарезали местного казия. Они пытались „расправиться и с волостным управителем“, но тот спасся бегством и вскоре привел карательный отряд. Участники выступления оказали сильное сопротивление карателям, забрасывая их камнями. В тот же день восстали жители Яккатутской волости. Они собрались у дома волостного управителя, который, однако, бежал и скрылся в городе в уездном управлении. Повстанцы избили его сына, разграбили дом и убили шестерых джигитов,

старшин и пятидесятников. Они вступили в бой с прибывшим карательным отрядом, но потерпели поражение. 11 человек были убиты. В селении Ишангузар Файзабадской волости тысячная толпа убила волостного управителя и напала на солдат. От пуль карателей погибли три дехканина и четыре были тяжело ранены»[929].

Ташкент. 1916.

11 июля 1916 года. «Толпа собралась у полицейского управления. Полицмейстер Мочалов пытался запугать народ, применяя „площадную брань“, но добился обратных результатов. Женщина-узбечка Розбон-биби Ахмеджанова пробилась из толпы вперед и стала кричать в лицо полицмейстеру: „Не отдам сына, лучше убей меня!“. Полицмейстер ответил: „Если хочешь, получай!“ — и выстрелом из револьвера убил Ахметжанову. Тогда толпа напала на полицейское управление. Городовые дали залп и укрылись в здании. Около 10 часов утра к управлению прибыл полковник Колесников с шестью казаками. Они открыли стрельбу и убили шесть человек и 15 ранили. К 11 часам сюда подошли три взвода войск и рассеяли толпу огнем. Восставшие потеряли 11 человек убитыми, каратели — одного. Еще шесть раненых участников восстания умерли на следующий день»[930].

Наманган. 1916.

11 июля 1916 года. Ферганская область. Наманганский уезд. «11 июля жители Намангана стали собираться на центральной площади „Курраш хана“ старого города. Их число быстро увеличивалось и достигло нескольких тысяч человек. Среди них было много женщин. Полиция пыталась разогнать толпу, но безуспешно. Собравшиеся требовали „прекращения работы по составлению посемейных списков и выдачи им на руки уже составленных списков“ и заявляли, что „будут убиты старшины, аксакалы, народные судьи, чины полиции, чиновники и вообще все лица, причастные к составлению посемейных списков и наряду рабочих“. Был вызван карательный отряд, вооруженный пулеметом и винтовками. Между карательным отрядом и безоружными восставшими произошло столкновение; в течение трех часов карателям „приходилось то отступать, то вновь теснить толпу и занимать прежние места“. Толпа с криками „Ур!“ („Бей!“) напирала на солдат и полицию, все сильнее тесня последних и пытаясь отнять у них оружие. По повстанцам был открыт огонь, но они продолжали сопротивляться. Восставшие потеряли более 70 человек, из них 12 были сражены пулями карателей насмерть, ранены 64 и умерли от ран 27 человек. Одновременно с наманганцами выступили

дехкане Кепинской волости. Они пришли к волостному управителю и потребовали выдать им посемейные списки. Управитель отказался выполнить это требование, за что повстанцы избили его до смерти. Они разыскали посемейные списки и материалы комиссии по переписи скота и хозяйства местного населения, сложили их в кучу и сожгли во дворе конторы волостного управления. Прибывший карательный отряд арестовал 120 человек»[931].

Карабалык. 1916.

9–12 июля 1916 года. «В урочище Сары-Баксы 10 июля собрались трудящиеся Карабалыкской волости и решили уничтожить составленные волостным управителем призывные списки и убить самого управителя Кадырова, так как он являлся ярым поборником немедленного призыва молодежи, принимал строгие меры к этому и донес начальнику об оказании сопротивления аульным старшинам. 12 июля, когда Саим Кадыров находился в юрте старшины, группа приблизительно в 300 человек пришла к этой юрте и уничтожила списки, вытащила Кадырова, начала избивать его; затем он был убит. На основании данных следствия по этому делу были арестованы 13 человек, среди них: Абдулла Саденев, Аксабай Кумпаев, Рыскали Сеитов, Бекмухамед Нурмухамедов. В числе 13 были также те, которые 9 июля избили старшину и, как говорится в постановлении тургайского губернатора, „произвели беспорядки, подстрекали киргиз к сопротивлению властям“. Таким образом, арестованные обвинялись в убийстве волостного управителя С. Кадырова и в учинении беспорядка. 29 июля 1916 года все арестованные были отправлены этапом в город Троицк»[932].

Шарихан. 1916.

12 июля 1916 года. Ферганская область. Скобелевский уезд. Селение Шарихан. «Огромные массы восставших напали на полусотню казаков. Из толпы посыпались камни, кирпичи и палки. Был ушиблен один солдат, другой был ранен ножом. В это время был дан залп, которым были убиты 16 человек и несколько были ранены. Через некоторое время снова собралась большая толпа. Вновь был открыт огонь, Потеряв одного убитым и несколько ранеными, повстанцы отступили»[933].

Джизак. 1916.

13–18 июля 1916 года. Самаркандская область. Джизакский уезд. «Утром 13 июля большая группа повстанцев убила джизакского старогородского старшину Мирзаера Худоярханова. Узнав об этом, джизакский уездный начальник полковник Рукин вместе с приставом отправился на фаэтоне в старый го-

род, надеясь уговорить народ не бунтовать. Одновременно он приказал полковнику Афанасьеву следовать за ним с воинской командой из 15 солдат. Не доезжая до старого города Рукин встретил большую толпу пеших и конных. Попытка Рукина вести переговоры с населением не удалась. Повстанцы напали на представителей власти, пустив в ход камни и палки. Рукин, пристав штабс-капитан Зотоглавов, охранник Камил Саиббаев и переводчик Мирза Хамдам были убиты. Толпа двинулась дальше и встретилась с командой Афанасьева. Солдаты дали несколько залпов, и толпа разбежалась, потеряв 15 человек убитыми. Местные феодалы провозгласили джихад против русских. Санзарский „бек" Туракулов со своей бандой на Санзарском участке убили 43 русских, в том числе 14 детей. Подобный джихад имел место и в Зааминской волости. 14 июля там был убит пристав и еще 45 русских мужчин, женщин и детей. До 70 человек, преимущественно женщин и детей, было взято в плен, и их принуждали принять ислам. Для подавления джихада в Джизакский уезд были отправлены воинские части. 15 июля 1916 года из Ташкента в Джизак был направлен карательный отряд из 12 рот пехоты и трех сотен казаков при шести орудиях под командованием полковника Иванова. Утром 16 июля отряд прибыл в Джизак. Военные действия против восставших проходили с 18-го по 22 июля 1916 года. Старый город Джизак был сожжен и сровнен с землей. Население было перебито или изгнано. Истреблялись сотни и тысячи людей, ничего общего не имевших со „священной войной". С зааминцами и санзарцами было покончено к 26 июля, после того, как карательный отряд „дважды разбил скопища зааминского главаря Мулла Риза, убив последнего". В период с 14 июля по начало августа 1916 года весь Джизакский уезд был разгромлен и опустошен. По данным начальника Джизакского уезда, было подвергнуто полному или частичному разрушению и сожжению 51 селение уезда. Данных о числе жертв нет, но перепись 1897 года показывала в Джизакском уезде 222 436 человек, а перепись 1920 года — 103 297 человек. Население города Джизака составляло в 1920 году 10 % от данных о его численности на 1897 год»[934].

Суфикишлак. 1916.

13 июля 1916 года. Ферганская область. Андижанский уезд. Джалалкудукская волость. «Восставшими в Суфикишлаке был убит кизылаякский сельский старшина Юлдаш Хасанбаев и его писарь Мулла Юлдаш Султан Ходжаев. Спешно посланная сюда воинская часть, подавив восстание, убила троих повстанцев, арестовала 49 наиболее активных участников. В ию-

ле 1916 года в Ферганской области, по официальным данным, из числа восставших было убито 56, ранено 109, из которых впоследствии умерло от тяжелых ран 28 человек. В действительности убитых и раненых было значительно больше, ибо восставшие быстро уносили убитых и раненых. По официальным, неполным данным, восставшими в Ферганской области было убито 34 человека, в том числе восемь волостных управителей, 11 сельских старшин, восемь джигитов и местных полицейских и другие»[935].

Чиндаул. 1916.

14 июля 1916 года. Ферганская область. Село Чиндаул. «У дома волостного управителя собралась тысячная толпа с требованием выдать списки. Была открыта стрельба, в результате чего были убиты семь человек»[936].

Нижний Ашт. 1916.

«17 июля 1916 года. Ферганская область. Селение Нижний Ашт. Толпа в 1000 человек убила пять человек из состава местной администрации»[937].

Катта-Курган. 1916.

20 июля 1916 года. Город Катта-Курган. «Толпа до 2 тысяч человек двинулась к полицейскому управлению с требованием освобождения арестованных. Против демонстрантов была направлена команда 7-го Сибирского запасного полка из 57 человек во главе с прапорщиком Стеблюком. Воинская команда преградила путь демонстрантам у медресе старого города. Прапорщик приказал народу разойтись. Но „возбужденная толпа не слушала, бросала камни“. Стеблюк приказал открыть стрельбу. Демонстрация была рассеяна огнем, и „толпа оставила на месте стычки пять человек убитых“»[938].

Каунчи. 1916.

21 июля 1916 года. Ташкентский уезд. Зенги-Атинская волость. Кишлак Каунчи. «Усмирение беспорядков карательным отрядом прапорщика Болтина. В результате были убиты три человека, ранены два человека и задержаны свыше 40 местных жителей»[939].

Тойтюбе. 1916.

21–22 июля 1916 года. Сырдарьинская область. Ташкентский уезд. Селение Тойтюбе. «21 июля в Тойтюбе прибыл пристав из Пскента и оставил четырех солдат. С утра 22 июля к дому волостного управителя Бек-Мухаммеда Маллябаева подошла толпа в несколько тысяч человек. Четыре солдата открыли огонь с балкона дома и убили трех повстанцев. Солдатам удалось бежать, а волостной правитель был убит и дом его сожжен»[940].

Ергазар. 1916.

Июль 1916 года. Уральский уезд. Чиликская волость. «В местности Ергазар было созвано собрание для составления списков набираемой молодежи. Узнав об этом, молодежь напала на управителя волости и старшин, избила их и уничтожила списки. В волость прибыл карательный отряд, который арестовал 19 человек и заключил их в уральскую тюрьму. В отношении четырех арестованных — Айтжана Избасарова, Имангазы Байчувака, Исы Аймбетова и Казыхана Ажаева — дело было выделено в особое производство, как о руководителях беспорядка. В начале октября состоялся в городе Уральске временный военный суд при закрытых дверях. Приговор суда был предельно краток: он не содержал никаких конкретных данных о доказательстве виновности подсудимых, о показаниях свидетелей, лишь констатировал, что подсудимые признаны виновными в учинении беспорядков. В нем говорилось, что указанные выше лица виновны в вооруженном выступлении против властей с намерением не допустить исполнения царского указа от 25 июня 1916 года о призыве казахов на работы в действующую армию, и при этом совершено насилие над должностными лицами при исполнении ими служебных обязанностей. При лишении всех прав состояния они были приговорены к смертной казни через повешение. Осужденные были публично повешены в городе Уральске. Перед смертью один из осужденных на предложение муллы раскаяться и принять правоверное причащение ответил: „Я перед царем не виноват, мне каяться нечего, я боролся против его несправедливости, я не проводил ночь вместе с его дочерью. Кровь свою не прощу и народу своему завещаю месть“»[941].

Лбищенск. 1916.

22 июля 1916 года. Уральская область. Лбищенский уезд. Кран-Каракульская волость. «22 июля с полусотней казаков уездный начальник прибыл в волость и потребовал составления списков и призыва казахов на тыловые работы. Должностные лица разъехались по аулам для выполнения указаний начальника, но были выпровожены. Начальнику передали, что джигиты призывного возраста не желают подчиняться. Тогда уездный начальник приказал командиру полусотни Горбунову применить оружие против собравшихся людей, что он и сделал. В результате был убит один человек и волость изъявила готовность выполнить царский указ»[942].

Уч-Курган. 1916.

24–25 июля 1916 года. Ферганская область. Булак-Башинская волость. «Восстание дехкан кишлака Уч-Курган. Они ок-

ружили дом волостного управителя и разгромили его. На следующий день повстанцы разгромили несколько магазинов, принадлежащих местным баям. Однако в столкновении с карательным отрядом, прибывшим из Оша, восставшие потерпели поражение. Трое из них были убиты и 15 арестованы»[943].

Преображенское. 1916.

Июль 1916 года. Уральская область. Темирский уезд. «В конце июля в поселке Преображенское собрались на ярмарку сотни казахов. Они разгромили лавки торговцев-татар, избили их. Для восстановления порядка был направлен отряд казаков во главе с приставом Музаффаром Тяукиным, казахом по происхождению. Отряд Тяукина в степи обнаружил несколько сундуков с вещами, зарытых жителями близлежащих аулов из опасения погромов, и конфисковал их. На требование хозяев вещей вернуть их Тяукин ответил выстрелами в собравшихся и убил шесть казахов»[944].

Лепсинск. 1916.

Июль 1916 года. Семиреченская область. Лепсинский уезд. «Каратели под началом помощника уездного начальника Маслова открыли огонь по протестующим, и около 90 человек оказались убитыми. Арестованные были отправлены в Лепсинск, и когда в пути уставшие арестованные садились на землю, их тут же убивали. Таким образом в пути были убиты 12 человек. Из Манкачи-Садыровской волости карательный отряд отправился в соседнюю Мамбетай-Кысчанскую волость, где было еще спокойно. Однако отряд и здесь арестовал около 40 казахов, из которых по дороге в Лепсинск шесть человек были убиты»[945].

Карабалапан. 1916.

Конец июля 1916 года. Семипалатинская область. Усть-Каменогорский уезд. «Поскольку население Таинтинской волости отказалось выполнить требования царского указа, в конце июля в эту волость выехал карательный отряд под командой помощника начальника уезда Брюханова. Брюханов вызвал в урочище Карабалапан должностных лиц и аксакалов волости и потребовал немедленно выполнить указ. Должностных лиц сопровождали 2–3 тысячи вооруженных повстанцев. Они были вооружены союлами, палками с острыми железными наконечниками. На требования Брюханова собравшиеся ответили отказом и заявили: „Не пойдем, мы не боимся этой горстки войск“. Затем повстанцы пытались окружить полусотню. Брюханов приказал отряду стрелять, и ружейным огнем повстанцы были рассеяны. При этом были убиты и ранены более 60 человек. В помощь Брюханову была выслана рота пешей

ополченческой дружины. 1 августа соединенный отряд выступил к месту побоища „с целью более жестоко наказать киргизов этой волости за дерзкое нападение на полусотню казаков и принудить киргизов выполнить предъявленные им требования администрации“. Но повстанцы после предшествовавшего жестокого побоища рассеялись, и должностные лица доставили лишь несколько человек как главарей и зачинщиков. К следствию привлекли 18 человек, из них 15 заключили в тюрьму, а троих отдали на поруки, поскольку они получили тяжелые ранения и не могли вынести перевозки. Кроме того, по данным следствия, были убиты или умерли от ран еще 14 человек при сопротивлении их карательному отряду»[946].

Джил-Арык. 1916.

7 августа 1916 года. «Восстание в Киргизии началось нападением на почтовую станцию Джил-Арык на тракте Пишпек — Пржевальск и село Новороссийское в ущелье реки Большой Кемин. Повстанцами были захвачены и уничтожены служащие партии инженера Васильева в числе 12 человек, занимавшиеся изыскательской работой по реке Чу, сожжены селения Орловка, Белый Пикет, Быстрорецкое и другие русские населенные пункты и почтовые станции, расположенные в долине реки Чу к югу от Токмака»[947].

Белоцарское. 1916.

10 августа 1916 года. «Первое сражение повстанцев с отрядом царских войск под командованием заведующего полицейской частью Загорных волостей Пишпекского уезда Меньшикова. В этом сражении отряд Меньшикова был разгромлен, а он сам убит. После этого было сожжено село Белоцарское, его мужское население перебито, а женщины и дети взяты в плен»[948].

Сазановка. 1916.

15–18 августа 1916 года. Пржевальский уезд. Деревня Сазановка. «В Сазановке сконцентрировались жители сожженных восставшими русских сел: Курского. Долинки, Григорьевки и Семеновки. С 15 августа началась осада Сазановки 10 тысячами повстанцев четырех волостей. Осада длилась с 15-го по 18 августа. В результате сражения гарнизон Сазановки, потеряв 13 человек убитыми и 21 человека ранеными, вынужден был отступить к селу Преображенскому, где к этому времени сконцентрировались жители всех русских сел от Сазановки до Преображенского, включая монахов Иссык-Кульского монастыря. Эти села, как и многие здания монастыря, повстанцами были уничтожены. В числе других убитых жителей этих уничтоженных сел были также несколько фанатичных монахов, не пожелавших покинуть свои кельи»[949].

«Среди убитых были семь монахов и послушников Иссык-Кульского монастыря. Священник И. Роик был уведен в горы и убит за несогласие принять ислам, его жена и дочь изнасилованы. Известны факты зверского уничтожения грудных детей, которых просто разрывали пополам. Дикая расправа произошла 13 августа с 9 до 11 часов утра с беззащитными учащимися Пржевальской сельскохозяйственной школы, подвергшейся нападению кочевников. „Кроме служащих школы, там собрались жители села Высокого; большинство из них было перебито самым жестоким образом, а часть молодых женщин и девушек уведена в плен". Были убиты управляющий школой, учителя, эконом и четыре ученика. Как сообщал свидетель И. А. Поцелуев, „мне рассказывали несколько случаев очевидцы, что дунгане девочек-подростков разрывали на две части, наступив на одну ногу, за другую тянут кверху, пока жертва не разделится на две половины"»[950].

«Еще более жестокой и бессмысленной была расправа в Иссык-кульском скаутском лагере, где было замучено около 70 подростков младших и средних классов гимназий Верного. Мальчиков искололи пиками, головы были разрублены или размозжены камнями. Девочки были посажены на колья монастырской ограды, на следующий день, когда в лагерь прибыла казачья сотня, некоторые из них были еще в сознании. Были убиты учитель и его молодая беременная жена, живот женщины был распорот, а неродившийся ребенок раздавлен»[951].

Столыпино. 1916.

10 августа 1916 года. Более 5 тысяч повстанцев атаковали Столыпино. В столкновениях было убито более 100 повстанцев, один унтер-офицер, четыре казака и около 30 переселенцев. Осажденные сумели прорваться и отошли к Токмаку»[952].

Мерке. 1916.

Август 1916 года. Сырдарьинская область. Ауелиатинский уезд. «В районе Мерке были совершены нападения на русское население сел Новотроицкого, Кузьминок и других, были убиты 44 русских»[953].

Токмак. 1916.

11–22 августа 1916 года. «В конце первой — начале второй декад августа восстание приняло особенно широкий размах, что вызвало панику в высших кругах царских колониальных властей. В телеграмме туркестанского генерал-губернатора от 17 августа 1916 года, адресованной военному губернатору Семиреченской области, говорится, что „в Токмакском участке и Каркаре положение остается тяжелым". В другой его телеграмме указывается, что число восставших в некоторых районах Токмакского участка колебалось от 10 до 20 тысяч человек.

В связи с тем, что в Пишпекском уезде, и в частности в Токмакском участке, восстание нарастало, царское правительство вынуждено было принять срочные меры. Оно направило сюда из Верного карательный отряд из 100 казаков и 70 солдат. 11 августа отряд прибыл в Токмак. Здесь к нему присоединилось 350 дружинников, составивших две пеших и одну конную дружину. На следующий день за Токмаком, в десяти верстах от гор, произошло столкновение карательного отряда с восставшими, возглавляемыми Маасымом, Коджо, Мамбеталы и Бакатай-батыром. Около полутора тысяч повстанцев смело вступили в бой с вооруженными царскими карателями. „Они производили атаку, — пишет по этому поводу в документе, датированном 13 декабря 1916 года, прокурор Верненского окружного суда, — на отряд Бакуревича, причем им удалось прорваться к автомобилю, на котором был помещен пулемет, часть казаков была окружена киргизами, и один из них был убит". Особую отвагу проявил повстанец Аалы (его фамилия не упоминается). Он направил своего коня на автомобиль, в котором сидели казаки, и выбил одного из них пикой. Его не испугали ни пулемет, которого он не видел раньше, ни град пуль. Конь Аалы был убит, и вместе с ним он упал на землю. Каратели поспешили отрубить смельчаку голову. Храбро сражались и другие участники выступления. В результате пулемет карателей был выведен из строя, а сами они бросили поле боя и бежали в Токмак. Заведующий Токмакской полицейской частью писал об этом поражении карательного отряда: „Киргизы дали казакам бой, и казаки были принуждены вернуться со степи в Токмак, не очистив окрестностей Токмака от засевших там киргизов".

На следующий день по следам карательного отряда повстанцы подошли к Токмаку, в котором скрывались начальник Пишпекского уезда, участковый пристав и ряд других царских чиновников. Началась осада села. Она продолжалась десять дней — с 13-го по 22 августа. Царский карательный отряд, насчитывавший вместе с дружинниками 520 человек, ограничился лишь обороной. Восставшие неоднократно пытались взять село приступом. Осажденным с трудом удавалось отбивать атаки. Вот что пишет по этому поводу начальник Пишпекского уезда: „С 14 по 22 августа ежедневно с 9 утра до 7 часов вечера приходилось сдерживать атаки киргизов в разных пунктах". 18 августа повстанцами был предъявлен ультиматум гарнизону Токмака: „Приказание от главных управителей мусульман, приказываем всем побросать оружие и покориться мусульманам и сообщить нам, если не послушаете, то

будете уничтожены...". Старик-киргиз, пришедший в Токмак для передачи ультиматума повстанцев, был повешен. 20 августа особенно трудно пришлось осажденным. „В этот день атаки восставших были настолько яростны, — подчеркивает военный губернатор Семиреченской области в отчете от 4 марта 1917 года, — что, несмотря на огонь пулемета, сметавшего целые ряды, они три раза бросались на приступ", однако взять Токмак не смогли»[954].

Пишпек. 1916.

Август 1916 года. «Пристав послал к восставшим в Кашка-Су своего представителя, который сообщил им, что набор рабочих прекращен и никто не собирается наказывать участников выступления. Всем, кто явится в Белогорку, он обещал обелительные знаки. Как только повстанцы собрались, каратели окружили их и разоружили. К вечеру их пригнали в село Беловодское, где поместили в очень тесном подвале. За ночь от недостатка воздуха задохнулись 30 человек. Утром 12 августа повстанцев вывели во двор. Егенберди Сарыкову отрубили руки и ноги. Царские колонизаторы зверски замучили и убили 154 участника выступления. Не менее зверски расправились царские каратели с другой группой повстанцев из Тулебердинской волости. 13 августа по распоряжению беловодского участкового пристава под конвоем вооруженного отряда 138 повстанцев были отправлены в Пишпек. В уездное управление привели только 35 повстанцев, а 103 человека были убиты по дороге якобы „за попытку к побегу". Приведенных арестантов заставили лечь на церковной площади и по приказу уездного начальника закололи штыками»[955].

Беловодское. 1916.

12–13 августа 1916 года. «Полицией были распущены слухи, что якобы можно получить удостоверение с надписью „мирный", выдаваемое якобы беловодским участковым приставом. Этот слух дошел и до восставших. Некоторые из них решили, что нужно добровольно явиться к беловодскому участковому приставу, чтобы получить удостоверение. Большинство же было за то, чтобы оставаться на местах и продолжать подготовку к решительному выступлению. Часть восставших колебалась. Именно в это время к ним прибыли царские чиновники, которым удалось уговорить повстанцев спуститься с гор в долину, к зимовкам.

Восставшие, спустившись в долину в надежде получить обелительный документ, отправили своих представителей к беловодскому участковому приставу, но они сразу же были арестованы царским карательным отрядом, которым командовал сам пристав. Карательный отряд состоял из десяти солдат, од-

ного стражника и около 30 переселенцев. По дороге в село Беловодское каратели убивали арестованных за малейшее неповиновение. Один из руководителей выступления Аден Исмаилов, назвав начальника карательного отряда обманщиком и негодяем, кинулся на него, но тут же был пристрелен.

Вечером 12 августа под конвоем карательного отряда около четырехсот арестованных было доставлено в село Беловодское, где их заперли в сарае. Однако население Кара-Балтинской и Булекпаевской волостей не знало об аресте своих представителей. Об этом не знали и жители Джамансартовской волости. Поэтому на следующий день — 13 августа — последние послали в село Беловодское к участковому приставу за удостоверениями 83 делегата, которые были также арестованы по распоряжению участкового пристава и заперты в большом сарае, принадлежавшем узбекскому баю. Сюда же привели повстанцев, пригнанных 12 августа. Теперь в сарае собралось 517 человек. Участковый пристав, приказав „покончить с арестованными", уехал.

Перед расправой стражник сказал арестантам: „Вы сеяли смуту и ослушались белого царя, а теперь увидите, что такое белый царь". Колонизаторам и карательному отряду была дана команда быстрее покончить с арестованными, и они немедленно приступили к выполнению команды. У дверей сарая поставили стол якобы для того, чтобы составить списки арестованных. Затем их стали выводить по два-три человека. Вооруженные палачи тут же у выхода из сарая расправлялись с восставшими. Некоторые повстанцы сопротивлялись. Так, Макебай (его фамилия не упоминается) вырвал из рук переселенца палку и убил его ею. Но безоружные арестанты не могли устоять против карателей. Все они были зверски перебиты. В жалобе жен убитых повстанцев говорится, что „стон стоял в тот день в селе Беловодском и кровавое море образовалось на месте побоища". Только некоторым заключенным чудом удалось спастись. Преодолевая боль и истекая кровью, они перепрыгнули через дувалы и скрылись в зарослях.

После варварской расправы с повстанцами была организована настоящая охота за людьми. Каратели расстреливали киргизов-бедняков, где бы они ни встретились: на полях и пастбищах, в домах и во дворах. Они не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин. Всего в трех волостях было убито более 1100 человек»[956].

Пржевальск. 1916.

10–12 августа 1916 года. Город Пржевальск. «Наступление повстанцев в районе Пржевальска началось 10 августа. 11 ав-

густа к восставшим присоединились дунгане села Ырдык (Мариинское). Восставшими дунганами были уничтожены селения: Богатыревка, Липинка и Иваницкое, причем большинство жителей села Иваницкого были перебиты. Узак Сауруков имел большое влияние в Нарынкольском участке Джаркентского уезда. Когда собралось совещание по мобилизации на тыловые работы, на него пришли представители соседнего Кульджановского участка, а также от двух уйгурских волостей: Аулчарынской и Кетменской. На собрании выступил аксакал Джаманке Мамбетов с призывом не давать людей и оказывать набору сопротивление. Он призывал подготовиться к вооруженному сопротивлению, если людей будут брать силой. Представители всех волостей поддержали предложение Джаманке Мамбетова. Участники собрания решили людей не давать, оказать вооруженное сопротивление набору и в случае поражения перебраться в Китай. На следующий день представители народа собрались около канцелярии начальника Нарынкольского участка Подворкова. Подворков старался объяснить, что берут не в армию, а на тыловые работы, но присутствующие заявили о своем несогласии с призывом. По приказу губернатора Узак Сауруков и Джаманке Мамбетов были арестованы, закованы в кандалы и отправлены в Пржевальск. Кроме них было арестовано еще 15 человек. Все они по постановлению уездного начальника были заключены в тюрьму на один месяц. В постановлении мирового судьи 4-го участка Джаркентского уезда от 26 июля о привлечении в качестве обвиняемых повстанцев указывалось, что на совещании в местности Кабак-Карагай, в 15 верстах от Каркаралинской ярмарки, Джаманке Мамбетов первым подал мысль и склонял к тому, чтобы не дать людей для набора, и призвал сопротивляться с оружием в руках исполнению высочайшего повеления о призыве инородцев. К его мнению присоединились Узак Сауруков и другие. Всего обвинялось 67 человек из различных волостей. Всем им было предъявлено обвинение по 13, 263 и 266-й статьям Уголовного уложения. Причем 15 человек, в том числе Узак Сауруков, Джаманке Мамбетов, были признаны как главари и основные зачинщики, а остальные как простые участники сопротивления. На предварительном следствии свидетелями обвинения выступили Подворков, стражник Горяинов, писари Р. Мамырбаев и О. Байнуруков. Их показания легли в основу тяжкого обвинения более полусотни человек, которые, по существу, не успели оказать сколько-нибудь существенного сопротивления. По имеющимся мемуарным источникам можно восстановить некоторые штрихи предва-

рительного следствия и произвол, царивший в тюрьме. Джаманке умер в тюрьме от избиения. Начальник тюрьмы отдал приказ страже в случае малейшего сопротивления или намерения к побегу употребить в дело имеющееся у каждого надзирателя оружие. Стража немедленно исполнила этот приказ. Султанкулов вспоминает, что надзиратели начали стрелять из окошечка железной двери. Камера наполнилась дымом. „В спину мне попали две пули, и я еле спрятался за большой дверью. На полу остались мертвыми шесть человек". Начальник Пржевальской тюрьмы 31 августа сообщил прокурору Верненского суда, что 12 августа заключенные якобы учинили побег. Среди них были казахи Джаркентского уезда, вожаки и агитаторы освободительного движения. Надзиратели начали в них стрелять, и оказались убитыми 59 человек. Среди убитых были Узак Сауруков и другие»[957].

Верный. 1916.

«Приказ семиреченского военного губернатора уездным начальникам от 14 августа 1916 года: „Одной из первых возмутилась в Верненском уезде Ботпаевская волость. Хорунжий Александров с сотней 10 августа в степи к северу от Таргапа настиг волость, три аула поголовно истребил, стойбища сжег, скот угнал, 12-го ботпаевцы изъявили покорность и выдали заложников". В телеграмме лепсинскому уездному начальнику 13 сентября Фольбаум писал: „Передайте всем войскам и крестьянам, что быстрое усмирение мятежа достигается исключительно одним путем, нанесением хотя бы одной мятежной волости примерного урока в виде истребления сразу нескольких сотен жертв"»[958].

Кукурчек. 1916.

15 августа 1916 года. Закаспийская область. Аул Кукурчек. «В аул прибыл пристав Золотарев и зачитал приказ о наборе рабочих. После чего туркмены открыли стрельбу из засады и убили несколько казаков»[959].

Яглы-Олун. 1916.

18 августа 1916 года. Закаспийская область. «У пограничного поста с Персией Яглы-Олун произошла перестрелка восставших туркмен с русскими пограничниками. Во время сильной перестрелки были убиты объездчик и рядовой стрелок Е. Тимофеев»[960].

Курбан-Каз. 1916.

«20 августа 1916 года. Закаспийская область. Пограничный пост Курбан-Каз. Стычка восставших туркмен-иомудов с пограничной охраной. В перестрелке были убиты объездчик и рядовые стрелки Олимпиев и Вандеев»[961].

Воздвиженская. 1916.

«26 августа 1916 года. Терская область. Восстание солдат Осетинской пешей бригады в слободе Воздвиженской, близ Грозного, в августе 1916 года. С первых дней пребывания в бригаде солдаты-ополченцы отказались от солдатского обмундирования, требуя национальной одежды, оружия, коней, протестовали против излишней муштры, требовали доброкачественной пищи и т. д. В бригаде было много представителей осетинской интеллигенции, учителей и учащихся, которые по-своему понимали цели и характер войны, ориентировались в политических событиях. В бригаде возникла подпольная группа во главе с А. Гостиевым; в нее входили: И. Худалов, С. Мулукаев, Х. Тавитов, Дз. Бугоев, А. Дзампаев, У. Едзиев и другие. По поручению С. М. Кирова в бригаду из Владикавказа приезжал М. Калагов. В августе ополченцы, возглавляемые группой, отказались выйти на строевые занятия. Для расправы с забастовщиками из Грозного были вызваны войска: два батальона пехоты и казачий кавалерийский полк. 26 августа 1916 года солдаты бригады были окружены войсками и подвергнуты обстрелу. Шестнадцать человек было убито, более тридцати тяжело ранено, остальные бежали»[962].

Рыбачье. 1916.

28 августа 1916 года. Пржевальский уезд. «В районе Рыбачьего произошло большое сражение с восставшими, во время которого карательный отряд под командованием хорунжего Берга уничтожил до 800 повстанцев»[963].

Преображенское. 1916.

28 августа 1916 года. Село Преображенское. «С 10-го по 29 августа продолжалась осада села киргизскими повстанцами. 12 августа Преображенское было окружено со всех сторон повстанцами, которые по несколько раз в день переходили в наступление. Преображенское было укреплено окопами, завалами из тополей, телегами, сохами и боронами. Эти сооружения были большими препятствиями для повстанцев, наступающих в конном строю. Несмотря на яростные атаки, повстанцы не смогли сломить сопротивление обороняющихся. 28 августа рано утром между осаждавшими и осажденными завязался бой, который продолжался до позднего вечера. Во второй половине дня на помощь осажденным прибыло подкрепление. Потеряв около 800 человек убитыми и несколько сот ранеными, повстанцы отступили в горы»[964].

Тюп. 1916.

28 августа 1916 года. «На берегу реки Тюп между повстанцами и отрядом карателей под руководством фон Берга про-

изошло столкновение. Повстанцы отступили, потеряв 80 человек убитыми и 12 ранеными»[965].

Пржевальский уезд. 1916.

«Жестокой была борьба повстанцев Курментинской и ряда других волостей Пржевальского уезда с карательным отрядом, которым командовал капитан Чадов. Первое сражение произошло 19 августа недалеко от урочища Мерке в районе Джыламыш. Вначале восставшие ограничивались обороной, но вскоре перешли в наступление. А карательному отряду „пришлось отступить на более удобное место“ и провести ночь в ущелье. На следующий день повстанцы попытались перейти в наступление, но безуспешно. Потеряв 85 человек, они отступили в горы. С 21 августа по 5 сентября между карательным отрядом и повстанцами произошел ряд серьезных столкновений.

Нелегко было преодолеть сопротивление повстанцев другому карательному отряду, во главе которого стоял сотник Волков. 25 августа в верховьях реки Тюп восставшие дали этому отряду бой, продолжавшийся семь часов. Потеряв около 100 человек, повстанцы покинули поле боя.

Не менее сильное сопротивление карательным отрядам оказали жители Центрального Тянь-Шаня. 30–31 августа в местности Тогуз-Торо около 500 повстанцев во главе с Чулак-батыром выступили против карательного отряда, которым командовал офицер Носаев. В течение суток отряд не мог переправиться через реку Нарын.

О сопротивлении и борьбе населения Центрального Тянь-Шаня, в частности Загорных волостей, Нарынского и Ат-Башинского участков, против царских карателей сообщается в рапорте начальника Пржевальского уезда Иванова и начальника карательного отряда Бычкова от 3 сентября 1916 года. Умоляя о помощи, они писали военному губернатору Семиреченской области: „По тщательно собранным сведениям, оказывается, что киргизы в количестве 60–70 тысяч человек, со скотом сосредоточились в сыртах... Имеющийся в наличности отряд в 500 человек является недостаточным для окончательного подавления восстания и может лишь ограничить свою деятельность отобранием скота, нанеся сравнительно легкий удар противнику... необходимо увеличить состав отряда, хотя бы придать к нему одну батарею, одну роту, если возможно, с пулеметом, и две сотни семиреченских казаков“. Военный губернатор Семиреченской области, сознавая серьезность положения на Ат-Башинском и Нарынском участках, прислал значительную военную силу. Царские каратели, получив подкрепление, резко усилили атаки против повстанцев, которые продолжали сопротивляться. Военный губернатор

Семиреченской области докладывал туркестанскому генерал-губернатору: „К началу сентября во всех уездах области, за исключением Пржевальского и южных частей Джаркентского и Пишпекского, наступило заметное успокоение... Пржевальские и загорные пишпекские кара-киргизы, а также киргизы рода ‹атабан› Джаркентского уезда не покорялись, причем кара-киргизы продолжали оказывать упорное сопротивление посланным против них как со стороны Пишпека, так и со стороны Андижана и Нарына войсковым отрядам“. 2 сентября в урочище Кара-Куджур восставшие попытались разгромить карательный отряд, но безуспешно.

На южном берегу Иссык-Куля 27 августа более 4 тысяч восставших под руководством Мурзака выступили против карательного отряда. Повстанцы весь день сдерживали натиск карателей. Они потеряли 300 человек убитыми, в том числе своего руководителя Мурзака, и отступили.

Храбро сражались восставшие с карательным отрядом 28 августа в ущелье Чичкан, недалеко от урочища Барскаун. На месте боя осталось 400 убитых повстанцев. Отряд отбил около миллиона баранов, принадлежавших коренному населению.

В начале сентября в районе Ак-Терека, Малого и Большого Джаргылчака произошел ряд серьезных столкновений повстанцев с карателями. Потери имела как та, так и другая сторона. Жестоким было сражение повстанцев с карательным отрядом войскового старшины Бычкова 18 сентября в ущелье Тон. Оно длилось более семи часов. Сопротивление карателям оказывали киргизы и казахи, населявшие западную часть Чуйской долины. 17 сентября в районе Мерке они выступили против карательного отряда. В результате столкновения 150 повстанцев было убито. Некоторый урон был нанесен и карателям»[966].

Семиречье. 1916.

«В августе 1916 года в Семиреченской области подверглись нападениям 94 русских селения, в которых было сожжено и разрушено 5373 двора, было убито 2030 человек, ранено 684, взято в плен и без вести пропало 1105 русских граждан»[967].

«Во время восстаний 1916 года, по данным на 1 января 1917 года, погибло 3968 представителей царской России, в том числе: в войсках убитыми 150 человек, ранеными — 67 человек, среди администрации — русских — 21 человек, туземцев — 54 человека, среди европейского населения 3235 человек, из них 3113 человек в одной Семиреченской области»[968].

Саратовское. 1916.

11–12 сентября 1916 года. Семиреченская область. Лепсинский уезд. «Около селения Саратовское произошло столк-

новение с карательным отрядом Маслова. Повстанцы не имели огнестрельного оружия, и поэтому карательный отряд, несмотря на свою малочисленность, легко отбил их атаки. На помощь Маслову был послан отряд Вязигина в составе 50 казаков и 25 конных ополченцев и отряд полковника Осипова. Все карательные отряды устремились в село Саратовское, вокруг которого группировалась основная масса повстанцев Лепсинского уезда. Когда повстанцы приблизились к оборонительному фасаду села, каратели их обстреляли и отбросили назад с большими потерями. Затем целый день 11 сентября отряд поддерживал одиночный огонь и залпами с оборонительных стенок отбивался от нападавших, все время пытавшихся ворваться в селение. С утра 12 сентября каратели перешли в активное наступление, разделившись на несколько маленьких отрядов. Повстанцы не выдержали удара и побежали. Часть их, около 200 человек, прижатая к берегу, „была изрублена и переколота". К вечеру сопротивление повстанцев было сломлено. После разгрома повстанцев Маслов задержал 90 человек, заподозренных в участии в восстании. Конвой довел до Лепсинска 85 человек, а пятерых расстрелял по дороге „при попытке к бегству"»[969].

Пишпекский уезд. 1916.

«В северной части Киргизии, по словам помощника туркестанского генерал-губернатора, карательные „отряды истребляли планомерно и систематически женщин и детей". Особой жестокостью отличались карательные отряды, которые возглавляли царские чиновники, состоявшие на службе в местном административно-управленческом аппарате. Так, казачий отряд, возглавляемый приставом Токмакского участка Бакуревичем, истреблял почти всех жителей коренной национальности, независимо от того, принимали ли они участие в восстании или не имели к нему прямого отношения. При этом Бакуревич не пренебрегал обманом и коварством. Так, в Кара-Булакской волости он взял несколько человек в качестве заложников, обещая сохранить им жизнь, однако их убили. А когда к нему пришли родственники убитых, он им совершенно равнодушно сказал: „Мои шутники потопили их по ошибке". По его же приказу были зверски убиты 16 мирных жителей Токмака. Он не жалел ни детей, ни стариков, ни женщин. Один из очевидцев рассказывал о том, как по приказу Бакуревича страшно пытали старика-киргиза, работавшего сторожем Токмакской библиотеки, и его сына-гимназиста. Измученный гимназист, не выдержав пыток, умолял царских палачей, „чтобы его не резали, а расстреляли". Издевательст-

ва и произвол царских карателей, руководимых этим участковым приставом, не имели границ. Обесчещенные „киргизские девушки <...> бросались со скал вниз головой на глазах у казаков“. По далеко не полным данным, карательным отрядом Бакуревича было замучено и убито 300 человек.

Не менее жестоко действовал карательный отряд, которым командовал помощник начальника Пишпекского уезда Рымшевич. Получив известие о назначении начальником карательного отряда, этот палач снял фуражку, перекрестился и сказал: „Наконец мне дали поручение любимое, я же им покажу“. И он сдержал свое слово, пройдя Чуйскую долину и Центральный Тянь-Шань огнем и мечом. Позже он заявил, что „блестяще выполнил приказ начальника Пишпекского уезда об уничтожении всех киргизских аилов и всего населения“ ряда волостей. Один из карательных отрядов, действовавший в западной части Пишпекского уезда, „оцепил толпу киргиз, погнал безоружных выстрелами, нагайками к утесу, внизу которого была река, и сбросил их туда“.

Такой же жестокостью отличались и другие царские каратели. Этого не могли отрицать даже высокопоставленные колониальные чиновники. Помощник туркестанского генерал-губернатора в телеграмме от 8 января 1917 года сообщает, что „войсками перебито много тысяч киргиз, все мятежники загнаны в горные районы“. Подобные сведения содержатся в отчете исполняющего обязанности военного губернатора Семиреченской области за 1916 год, в котором говорится: „Явилась жажда мести и самосуда, при которой, конечно, не учитывалось, причастно ли данное лицо к мятежу или нет“. Приведенные сообщения подтверждаются донесением консула России в Кашгаре от 1 декабря 1916 года. В нем сказано, что „в Пржевальском уезде собиралась значительная масса разного рода оружия войск, и они настолько начали энергично преследовать мятежников, что часто не отличали их от мирных жителей“. То же самое находим в дневнике Куропаткина.

IV Государственная дума, защищавшая интересы царского самодержавия, также вынуждена была обратить внимание на „поголовное истребление карательными отрядами“ коренного населения Семиречья, когда „киргизы уничтожались тысячами“. По приблизительным, но далеко не полным подсчетам А. Н. Зорина, только в Пишпекском и Пржевальском уездах карательными отрядами было убито 3 тысячи человек. Массовое истребление коренного населения сопровождалось насилиями и неприкрытым произволом, грабежом и угоном скота, разрушением десятков и сотен аилов»[970].

«Всего при подавлениях в Пишпекском и Пржевальском уездах были убиты около 3000 киргизов. Во всем Семиречье, по некоторым данным, погибли порядка 4000 представителей коренного населения, еще около 12 тыс. погибли при бегстве в Китай, в том числе утонувшими и погибшими от огня китайских пограничников. До 164 тыс. человек бежали в Китай»[971].

Караджар. 1916.

23–24 сентября 1916 года. Акмолинская область. Атбасарский уезд. «Отряд казаков в местности Караджар атаковал отряд повстанцев под командованием фельдшера Жаныбая Ниязбекова. Повстанцы, видя незначительное число карателей, двинулись было на них, но, встретив залпы винтовок, бросились бежать. Каратели преследовали их на протяжении десяти верст, убив 49 человек. У казаков один был легко ранен, а один пропал без вести. Каратели продолжали преследование повстанцев. На следующий день кочевники были настигнуты, и завязался бой. На этот раз было убито около полусотни повстанцев и многие тяжело ранены»[972].

Закаспий. 1916.

26 сентября 1916 года. Закаспийская область. «Восставшими было совершено нападение на имение Дубского. В перестрелке ранен один перс, со стороны нападавших один убит и один ранен»[973].

Каратальский. 1916.

29 сентября 1916 года. «Казаками 5-й Семиреченской сотни подкомандой полковника Осипова у выселка Каратальского Верхне-Каратальской волости Капальского уезда были убиты 22 киргиза»[974].

Гумбет-Кабуз. 1916.

30 сентября 1916 года. Закаспийская область. «В районе Гумбет-Кабуза произошел бой. 500 иомудов атаковали отряд полковника Стржалковского из 100 пехотинцев, 150 конных с тремя орудиями и двумя пулеметами. Бой длился с середины дня до 20 часов вечера»[975].

Киргизия. 1916.

«Сентябрь 1916 года. Теснимые со всех сторон царскими войсками, повстанцы вынуждены были, бросая свой скот и имущество по пути отступления, удалиться в горы или к китайской границе. Разобщенные отряды повстанцев не могли оказать серьезного сопротивления многочисленным, хорошо вооруженным отрядам царских войск.

Карательные отряды по пути своего продвижения уничтожали всех киргизов, в том числе женщин и детей, отбирая у них весь скот и имущество. Киргизы, даже и те, которые не

принимали никакого участия в восстании, из-за боязни быть уничтоженными царскими войсками убегали в ущелья высоких гор, обрекая себя на голодную смерть. Осенние холода, рано наступившие в 1916 году, довершили дело. Командиры карательных отрядов для уничтожения убежавших в ущелья отдельных групп киргизов, создавали отдельные отряды, занимавшиеся истреблением этих групп.

„Когда я с десятью казаками прибыл на место переправы, — пишет один из командиров отрядов, действовавших в районе Иссыгатских минеральных вод, прапорщик Волков, — партия других киргизов готовилась спуститься с горной площадки к переправе, я быстро поднялся на площадку и разомкнул людей и кинулся в рукопашную. Киргизов было приблизительно около 100 человек — человек 40 были перерублены, остальные разбежались".

Командир 21-го стрелкового полка Нехлюдов в своем рапорте от 24 августа 1916 года коменданту Пишпекского уезда писал: „Для уничтожения киргизов и подавления восстания необходимы решительные меры. Следует составить отдельные отряды в составе двух рот, двух сотен казаков, батареи, двух пулеметов и давать им задачи загонять киргизов в горы и после их там уничтожать". Как на практике осуществилось предложение Нехлюдова, видно из очень характерного донесения подполковника Гейцига генералу Фольбауму от 23 сентября 1916 года, где говорится: „Отрядом прапорщика Лескова в 40 верстах от Преображенска в ущелье отбито у киргизов 208 голов рогатого скота. Киргизы, оказавшие сопротивление, перебиты. У нас убита лошадь".

Согласно материалам, собранным полковником Колосовским в Семиреченском статистическом комитете, в Пишпекском уезде из 21 831 киргизского хозяйства, имевшихся до восстания 1916 года, к 1 января 1917 года осталось 12 518 хозяйств, убыло — 9313 хозяйств, то есть 42,66 %. В Пржевальском уезде из 34 594 киргизских хозяйств, числившихся до 1916 года, убыло 24 252 хозяйства, то есть 70,12 % всех хозяйств.

Число киргизов, убитых во время сражений, умерших от голода и холода, официальными царскими органами не учитывалось. Если за среднее число взять количество душ обоего пола, приходящихся на одно киргизское хозяйство по данным переписей — 5,1 человека, то количество убыли киргизского населения к 1 января 1917 года составляет: в Пржевальском уезде — 123 685 человек, из имевшихся до восстания 176 429 человек, то есть более 70 %. В Пишпекском уезде из 111 338 че-

ловек, числившихся до восстания, убыло 63 842 человека, то есть более 57 %.

Интересно сравнить этот жесткий итог действия царских усмирителей с потерями, понесенными царскими войсками и переселенцами. Всего во время восстания в сражениях с повстанцами, согласно данным советника Семиреченского уездного начальника Тескова, потери в войсках в Семиреченской области составили: убитых три офицера и 52 солдата, раненых 41, без вести пропавших 75 человек. Из гражданского населения переселенцев в Пишпекском уезде: убитых 98, без вести пропавших 65; в Пржевальском уезде: убитых — 2179 и без вести пропавших — 1299 человек.

Участник восстания из села Кочкорки Болекбай Мамаев рассказал: „По пути нашего бегства в Китай от пуль и шашек преследовавших нас царских отрядов, от голода и холода погибло много киргизов. Например, в нашей семье были убиты три брата, в пути от голода и болезни умерли две снохи. В самом Китае от голода и тифа умерли отец, мать и дети моих братьев. Из 42 человек нашей семьи и семей моих трех братьев умерли от голода и болезни всего 39 человек, осталось в живых три человека“.

„Не выдержав натиска преследовавших нас царских войск, — рассказывает участник восстания Бегельдиев, — несмотря на преграду китайских пограничников, в конце сентября мы ринулись в пределы Китая. Здесь на нас напали калмыки и начали нас грабить, отобрали имущество почти у всех киргизов, молодых женщин и девушек взяли себе в жены, оказывать сопротивление было невозможно, так как мы были обезоружены при переходе границы китайскими солдатами и чиновниками. Лишенные всего имущества и скота, мы начали голодать. Тут разразилась эпидемия сыпного тифа. Люди стали умирать десятками и сотнями, например: из 11 человек моей семьи погибло десять человек, остался я один“»[976].

Акмола. 1916.

1 октября 1916 года. Акмолинская область. Атбасарский уезд. «Казачий отряд Иванова в ста верстах от Джезказгана настиг и разгромил отряд повстанцев. Иванов сообщил, что в этом бою было убито свыше 300 повстанцев, много ранено»[977].

Теджен. 1916.

6 октября 1916 года. Закаспийская область. Город Теджен. «Нападение исламистов на город. Они переправились через мост, убили рабочих, работающих там сторожей, перерезали их семьи и стали продвигаться в город. Но нападение на Теджен было отбито. При отступлении отрядов Азиса Чапыкова

по его приказанию был убит сторож дороги около станции Геок-Сюр и семилетняя девочка этого сторожа»[978].

Тургай. 1916.

«Октябрь 1916 года. По приказу тургайского губернатора казачья сотня производила в Кустанайском уезде аресты лиц, не подчинившихся указу. В течение июля — сентября она подавляла восстание в Кустанайском уезде, а 6 октября выступила походным порядком в город Тургай по указанному губернатором маршруту при сопровождении прибывшего для этой цели помощника тургайского уездного начальника Ткаченко. Сотня следовала по аулам Тусунской, Наурзумской волостей, где Ткаченко, пользуясь военной силой, арестовал десятки людей как виновных, производил и другие насилия. О карательных действиях отряда Ткаченко идет речь в заявлении повстанцев, посланном уездному начальнику во время осады города. „Ввиду того, что помощник уездного начальника во время командировки по киргизским степям показал нечеловеческое отношение к нам, совершив убийство более ста человек, большинство из них женщин и детей, совершил еще насилие над женщинами, девицами и еще сжег несколько зимовок, мы, киргизы вверенного вам уезда, оскорблены такими поступками“»[979].

Красноводск. 1916.

10 октября 1916 года. Закаспийская область. «Начальник Красноводского уезда сообщал, что телеграф Чикишляр — Яглы-Олун на двое суток прерван. Чиновник Егоров, выехавший для исправления телеграфа, убит»[980].

Татыр. 1916.

21 октября 1916 года. Тургайский уезд. «Карательный отряд из 130 казаков и двух офицеров встретил у озера Татыр группу из 4 тысяч повстанцев. В результате боя повстанцы бежали, при этом погибли три казака и до 300 повстанцев»[981].

Тургайская область. 1916.

21 октября 1916 года. Иргизский уезд. «21 октября в урочище Шактыбай сотня казаков под командованием полковника Агапова встретила большую группу повстанцев и взяла более ста человек в плен. Для охраны арестованных был выделен взвод казаков, который, охраняя пленных повстанцев, запертых в зимовнике, зверски расправился с ними. Каратели расстреливали безоружных в окна и двери. Было тут же убито 11 человек, еще пять человек умерли от тяжелых ран, ранено 13 человек»[982].

Гомель. 1916.

«Восстание солдат 22–26 октября 1916 года на распределительном пункте в Гомеле. На этот пункт направлялись солдаты из различных тыловых частей, а также матросы Балтий-

ского и Черноморского флотов, списанные с кораблей за участие в революционном движении.

Ближайшим поводом к выступлению солдат послужило приказание об аресте казака 40-го Донского казачьего полка Никифора Басакина, не отдавшего чести начальнику пункта. Казаки заступились за своего товарища, заявили начальству, что не допустят ареста Басакина, и „вызывающе“ кричали: „Мы на войне кровь проливаем, а вы здесь за что-то арестовываете“. В то же время со стороны казаков раздалось обращение к другим „нижним чинам“: „Что же вы, братцы, смотрите, мы, вот, здесь страдаем, а они вот что делают“. Увещевания офицеров были безуспешны. По приказанию начальника пункта прапорщик Кузмичев с командой в составе десяти „нижних чинов“ пытался арестовать Басакина. Но когда прапорщик, Кузмичев явился к бараку № 1, то он увидел, что барак окружен громадной толпой солдат, которая кричала, что „не дадут товарища“, и призывала других „нижних чинов“, в числе около 3000 человек, помогать им. Особенно выдавался „по своей дерзости“ казак Жорин. Жорин, по словам обвинительного акта, „открыто возбуждая толпу“, говорил, что он однажды „задал двум пехотным офицерам так, что они всю жизнь будут помнить казацкую нагайку“. На слова начальника пункта: „Помни, ты за свое поведение будешь повешен“ — Жорин ответил: „Помирать все равно один раз, а пока мы вас поучим“. Толпа, поддерживая Жорина, кричала: „Бей их, кровопийцев, довольно войны“. Толпа протестантов росла. Начальник пункта и дежурный офицер пытались все же арестовать Басакина и успокоить бушевавшую толпу при помощи еще верных военным властям „нижних чинов“. Офицеры были встречены ружейной пальбой, а затем было брошено в одного из них несколько кирпичей. Часть толпы кинулась на гауптвахту, обезоружила находившихся там часовых и, разбив окна в камерах арестованных, освободила их. В это время подошла вызванная для усмирения беспорядков 1-я рота 483-й пешей Московской дружины, которая, согласно полученному приказанию, оцепила караульный двор, чтобы воспрепятствовать побегу оставшихся еще там арестованных. По прибытии роты толпа восставших частью рассеялась, частью же двинулась к главным воротам, где находилась прибывшая на усмирение караульная команда. Нахлынувшая толпа восставших оттеснила за ворота прибывшую на усмирение караульную команду, которая отбежала к гарнизонной гауптвахте, где была остановлена выбежавшим навстречу ей фельдфебелем Бондаренко. По приказанию фельдфебеля команда была рассыпана в цепь и от-

крыла огонь по восставшим. Последние, в свою очередь, дали несколько залпов по караульной команде. Спустя некоторое время прибыли вызванные для усмирения две роты „инородцев“, которым удалось рассеять восставших. Подавление восстания не прекратило, однако, брожения на пункте. Солдаты продолжали волноваться. Начальник пункта, обеспокоенный „неблагонадежным“ настроением пересыльных солдат, обратился к начальнику гарнизона с просьбой сделать распоряжение, чтобы полиция оказывала содействие военным властям в деле наблюдения за солдатской массой, вышедшей из повиновения командному составу. По требованию начальника гарнизона 26 октября 1916 года от полиции был выслан наряд, который производил обыски в домах близ пункта. Бродившие в этой местности солдаты, заметив полицию, стали собираться в группы. Полицейский наряд на Первой Госпитальной улице был встречен толпой вооруженных камнями и палками „нижних чинов“ человек в двести, которые с криками „Ура! Бей полицию!“ кинулись на полицейский наряд. Последний бросился бежать; трое городовых забежали в один из дворов на Госпитальной улице и заперли за собой ворота. Толпа стала ломиться в ворота и бить стекла в этом доме. Один из городовых произвел два выстрела. Толпа с криком „двоих наших убила полиция“ бросилась к пункту. Услышав шум и крики, дежурный офицер тотчас же доложил об этом начальнику пункта, с которым и вышел во двор, где у барака собралась кучка пересыльных. На вопрос начальника пункта: „В чем дело, ребята?“ — послышались крики: „Нас убивают, не дадим. Городовые двух солдат убили“. Раздался звон разбиваемых стекол, и из бараков в панике выбегали „нижние чины“. На вопросы офицеров: „Что случилось?“ — солдаты отвечали: „Из бараков выгоняют палками, шашками, кирпичами“. Толпа протестантов росла, и „приказание разойтись, — по словам начальника пункта, — не производило никакого впечатления“. Начальник пункта поставил у ворот взвод от кадра „инородческих команд“ и донес по телефону о вспыхнувшем среди „пересыльных“ волнении начальнику гарнизона. Толпа восставших ворвалась на гауптвахту, захватила винтовки караульных, освободила арестованных и разгромила вновь канцелярию судной части. Толпа (около 1000 человек) остановилась посреди двора и открыла пальбу. Завязалась перестрелка между ротой кадра „инородцев“ и „мятежниками“. Прошло полчаса. Часть восставших направилась к 143 тыловому этапу, но не была туда допущена выставленной охраной. „Мятежники“, рассчитывая на поддержку других частей, квартировавших в Гомеле,

направились к 224-й роте 43-го рабочего батальона и требовали присоединения ее к возмутившимся. Но эта попытка не имела успеха. Затем восставшие, в числе 500 человек, решили отправиться на вокзал, где имели в виду получить оружие для невооруженных „нижних чинов“. Прибывшие в это время в распоряжение начальника пункта „свежие части“ рассеяли восставших и произвели массовые аресты среди солдат. По показаниям некоторых свидетелей, в этом восстании принимали участие и „агитаторы“, в числе которых называли главным образом добровольца 194-го пехотного запасного батальона Георгия Римского-Корсакова. По делу о восстаниях на гомельском распределительном пункте было расстреляно 11 человек»[983].

Кременчуг. 1916.

«25 октября 1916 года восстали солдаты на распределительном пункте в Кременчуге. Они потребовали от командования улучшения содержания и прекращения войны. Прибывшие каратели убили двоих солдат и пятерых ранили. По приговору суда унтер-офицер М. Зелинский был расстрелян, а многие осуждены»[984].

Акмола. 1916.

25–26 октября 1916 года. Акмолинская область. Атбасарский уезд. «25 октября отряд казаков двинулся в верховья Терсаккана. Придя в зимовки четырех волостей, он учинил полный их разгром, сжег 20 аулов и убил более 30 человек. На следующий день отряд сжег 18 зимовок и убил десять человек. Это были, по существу, не повстанцы, а мирные жители»[985].

Кипчак. 1916.

29 октября 1916 года. Акмолинская область. Атбасарский уезд. «Отряд повстанцев (свыше тысячи человек) расположился вблизи реки Кипчак. 29 октября карательный отряд из 132 казаков и десяти пулеметчиков пошел в обход правого фланга повстанцев, чтобы отрезать их от стоянки. Повстанцы стояли спокойно за двумя гребнями горы и стреляли по отряду. С приближением отряда половина повстанцев стала подвигаться к нему, другая оставалась на месте. Спешенной полусотне казаков с пулеметом было приказано открыть стрельбу. После трех залпов полусотни и пулеметного огня среди повстанцев началось замешательство. Когда сотня казаков двинулась в атаку, повстанцы бросились бежать. Каратели преследовали их несколько верст и убили до полусотни человек»[986].

Караташ. 1916.

31 октября 1916 года. Закаспийская область. «Генерал Волковников сообщил начальнику Закаспийской области, что, по

донесению начальника Атрекской линии, „пять конных нижних чинов 5-го Сибирского стрелкового запасного полка: ефрейтор Серухин, стрелки Жерков, Горохов, Парамонов и Грушин высланы были с поста Караташ на пост Курбан-Каз со спешным донесением. На обратном пути в семи верстах от поста Караташ они были захвачены иомудами, убиты, раздеты догола и изуродованы“»[987].

Тургай. 1916.

«6 ноября 1916 года гарнизон и жители Тургая под руководством начальника гарнизона капитана К. П. Загайного, несмотря на отсутствие помощи со стороны, отбили попытку штурма. Накануне городские киргизы зажгли запасы сена, горевшие всю ночь. Утром дым от сена заволакивал всю местность, на расстоянии десяти шагов нельзя было ничего разобрать. Поджог, по всей видимости, являлся важной частью киргизского плана, нацеленной на маскировку штурма города. Ситуацию усугублял пронизывающий ледяной ветер. В этой обстановке Загайный поднял тревогу. И, как оказалось, не зря. На рассвете киргизы четырьмя колоннами, оглашая степь диким ревом, пошли на город. Численность атаковавших была определена приблизительно в 12 000 всадников. С 5:30 утра до 16 часов гарнизон отражал нападение, если бы не баррикады, о которых сарбазы не знали, они бы ворвались в город. Под огнем разбирать завалы киргизам было не так просто. Киргизы сожгли до ста окраинных жилищ и разграбили имевшееся в них имущество. Материальный ущерб города составил около миллиона руб. Часть киргизов погибла при обнаружении баррикад, другие — при наступлении по мосту, настил которого был разобран, и при бегстве через реку. Всего, по некоторым данным, погибло не менее 1000 киргизов. Погибло три дружинника, без вести пропали три женщины и три ребенка. Киргизами были убиты инспектор высшего народного училища Курбатов (начальник дружины из местного населения). Труп был изуродован до неузнаваемости. Убиты мещанин Чумаков и лавочник татарин Гумаров с женой»[988].

Музарт. 1916.

«Спасаясь от карателей, киргизские беженцы устремились в Китай. К. Баялинов, в числе других испытавший все тяготы, связанные с бегством, о гибели людей и скота на перевале Ак-Угиз рассказывает: „Утро встало пасмурное, перевал окутался туманом, пошел снег, поднялся северный ветер, который усиливался с каждой минутой, заметая дорогу снегом. Люди и скот скользили по обледенелой дороге, падали в пропасть. Среди голых камней не виделось ни одной травинки. Голод-

ные овцы и козы щипали свою собственную шерсть, лошади грызли стремена, верблюды опустились на колени и не могли больше подняться, быки сбрасывали навьюченную на них кладь, люди отморозили руки и ноги. Перевал гудел от стонов людей, ржания и блеяния животных. А снег все шел. Скоро наступила ночь, но и она не принесла успокоения. Люди и животные сбились в одну кучу. Холод пробирал всех до костей. Когда робкий свет зимнего утра осветил перевал, он оказался пустым. И люди, и животные, — все было засыпано снегом, все замерло, и только по редкому трепыханию овец можно было понять, что под снегом лежали не камни, а живые существа. За ночь умерло множество людей".

Большая группа повстанцев подошла к речке Музарт, на границе Восточного Туркестана. Здесь ее настиг карательный отряд. Беженцы, не имея оружия, не могли оказать сопротивления преследователям, многие бросились в бурную горную речку. Но на другом берегу этой речки стояли китайские пограничники, которые также обстреливали идущих им навстречу людей. Не считая убитых пограничниками, только царскими карателями за все время преследования было истреблено более 12 тысяч человек. Многие беженцы, особенно дети, женщины и старики, утонули в реке. Эта переправа правдиво описана участником перехода М. Элебаевым. „Утро было мрачное, туманное, тянуло холодом. В бескрайней степи столпился прикочевавший народ. Неожиданно позади грохнули один за другим два пушечных выстрела. Люди хлынули вперед, но тут пограничники открыли огонь и заставили огромное море народа отступить... Люди сгрудились между двух огней. Постояли они, постояли, затем опять двинулись к границе. Рыдания, вопли висели над толпой. Пушка грохнула еще раз, другой — теперь ближе. Народ решился: ‹Погибать так погибать!› — и пошел прямо на огонь пограничников... Несмотря ни на что, народ пошел вперед. Вот дорогу преградили бурные воды Музарта. Что тут делалось, сколько народу погибло! В одном месте плывет женщина, придерживая колыбель, в другом — лошадь тонет вместе с вьюками, в третьем — мертвого вынесло на берег, в четвертом — старик с криком бросается к тонущему ребенку, в пятом — кто-то рыдает над погибшим... Разве перескажешь все". О невероятных трудностях и огромных потерях беженцев при переправе рассказывают активные участники восстания И. Туманов, Т. Джумабаев и М. Джамбаев. Переправившись через Музарт, беженцы устремились вперед. Местные правители заставили их преподнести им большие подарки — лошадей, деньги, опий, ценные вещи

и т. п. У тех, кто не хотел делать подарки и подношения, они все отбирали, а сопротивлявшихся убивали. Не успели беженцы отойти от границы, как на них напали калмыки, кочевавшие в этих районах. Воспользовавшись беззащитностью киргизов, они отбили у них часть скота, отобрали немало имущества и женщин.

Без разрешения местных властей киргизы из 32 волостей Пржевальского и Пишпекского уездов расселились в Кашгарской провинции в оазисах Уч-Турфан и Ак-Су, а выходцы из семи волостей Джаркннтского и Пржевальского уездов устроились в Кульджинской провинции в районе Текеса»[989].

«В результате систематического недоедания, отсутствия элементарных санитарных условий среди беженцев вспыхнули эпидемии тифа и цинги, которые унесли около 10 тысяч человек. Общее число киргизов и казахов, погибших в Восточном Туркестане, к 1 мая 1917 года достигло 70–87 тысяч»[990].

Фронт. 1916.

«16 ноября 1916 года 409-му пехотному полку было приказано занять высоты 1366 и 1350. „Пройдя половину пути, — рассказывает командир 2-й роты, — в очень густом тумане, под дождем и снегом, я был остановлен фельдфебелем роты, который доложил мне, что вторая полурота отстала и сидит на склоне высоты 1468“. Ротный командир, приказав вести далее 1-ю полуроту младшему офицеру, вернулся к отставшей полуроте и скомандовал: „встать, идти вперед“. В толпе „нижних чинов“ раздались возгласы: „Одеть и накормить некому, а гнать вас много“. И только под угрозой револьвера „нижние чины“ двинулись вперед. Во время атаки высоты 1350 командиром роты была подана команда: „Вперед, в атаку! Ура!“. В ответ послышались возгласы: „Раньше накорми, потом будем воевать“. Под сильным пулеметным и ружейным огнем все „нижние чины“ пополнения, по словам офицеров, „несмотря на принятые командным составом самые строгие меры“, „бросились во все стороны и разбежались по лесу и в роту не явились“. По этому делу было расстреляно три человека»[991].

Юго-Западный фронт. 1916.

«17 ноября 1916 года вспыхнуло восстание солдат 326-го Белгорайского пехотного полка 8-й армии Юго-Западного фронта. Солдаты отказались идти в атаку и потребовали отправить их в тыл для отдыха. Командование 8-й армии приказало открыть по восставшим огонь. В ответ на это солдаты с криками „Долой войну!“ оказали энергичное вооруженное сопротивление. Испуганное командование отдало приказ отправить 326-й полк на отдых в тыл»[992].

Улпан. 1916.

«22 ноября произошел бой отряда есаула Фролова против 4000 киргизов у станции Улпан Иргизского уезда. Погибло восемь казаков, тела убитых были изуродованы. Всего 21–22 ноября отряд Фролова выпустил при столкновениях 43 снаряда, роты — 4300 патронов, сотня — 4000 патронов, огонь велся с 500 шагов»[993].

Тургайская область. 1916.

30 ноября 1916 года. Иргизский уезд. «28 ноября 1916 года генерал Лаврентьев издал приказ о командировании конного отряда в составе шести эскадронов, одной роты пехоты, шести батарей и двух пулеметов под начальством подполковника барона фон Розена. 30 ноября ему навстречу выступили повстанцы Аманкульской, Таупской и Кзыл-Жарской волостей, численностью до 6 тысяч человек. Утром 30 ноября произошло сражение карателей с повстанцами. Когда повстанцы сплошной массой двинулись на карательный отряд, по ним был открыт артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь. Потеряв много людей убитыми, они отступили. „Целые барханы были завалены трупами людей и лошадей“, — телеграфировал Лаврентьев в Оренбург. Каратели начали преследование. В 14 часов 30 ноября 1916 года произошел второй бой, в результате которого вся линия обстрела была покрыта трупами. В журнале военных действий отряда фон Розена отмечено, что убитых повстанцев — около 800 человек»[994].

Тюрежал. 1916.

30 ноября 1916 года. Акмолинская область и уезд. Урочище Тюрежал. «Повстанцы, решив своей массой до 1500 всадников преградить путь войсковому отряду, заняли сопки по обе стороны дороги и открыли ружейный огонь, но были рассеяны полусотней казаков и залповой стрельбой обеих рот. Повстанцы потеряли не менее 18–20 человек убитыми. В Акстарааккульской волости омская сборная сотня встретилась с группой повстанцев, которые бросились на казаков, но, встреченные ружейным огнем и потеряв убитыми 42 человека и много раненых, повернули назад и быстро бросились врассыпную по лесу. Преследуя убегающих, разъезд казаков в одном ауле Акстарааккульской волости „наткнулся на скопище вооруженных киргиз и перерубил здесь до 20 человек бунтовщиков“»[995].

Тургайская область. 1916.

3 декабря 1916 года. Иргизский уезд. «Подотряд под командой ротмистра Метельского в составе трех эскадронов, двух полусотен казаков, взвода артиллерии и одного пулемета со-

вершил ночной набег на лагерь повстанцев в урочище Тауп. Подотряд Метельского заманил повстанцев на ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Повстанцы, видя бесполезность своих атак, повернули обратно, рассеялись и скрылись за лагерем. Было убито, по данным карателей, более 500 человек»[996].

«К 20 декабря 1916 года за участие в мятеже на территории Туркестана к смертной казни был приговорен 201 человек. Всего к 1 февраля 1917 года к смертной казни за участие в мятеже в Туркестане было приговорено 347 человек. Впрочем, в связи со смягчением наказания казни подвергся 51 человек. 22 февраля 1917 года Куропаткин писал Николаю II: „Считая, что главными виновниками являются главари и туземцы, непосредственное участие которых в убийстве русских людей доказано, я признал возможным смягчить наказания для темной массы виновных“»[997].

Северный фронт. 1916.

«23 декабря 1916 года XII армия начала наступательные действия на фронте Рижского района с целью расширения плацдарма на левом берегу Двины и развития в дальнейшем операции в направлении на Митаву. Генералом И. К. Гандуриным 21 декабря был отдан приказ по 2-му Сибирскому корпусу начать 23 декабря Олайской ударной группе (5-я и 16-я сибирские стрелковые дивизии) наступления и захватить к рассвету 1-ю линию окопов противника. 23 декабря вечером в первом батальоне 17-го Сибирского стрелкового полка делались приготовления к выступлению. „Нижним чинам“ были розданы белые халаты на случай, если атаковать придется ночью. Время атаки еще не было объявлено. Командиры батальона и рот были собраны в штаб для получения окончательных распоряжений и приказаний для предстоящего боя. При ротах оставались младшие офицеры. В это время солдаты всех четырех рот забрали халаты, с винтовками в руках отправились к бараку батальонного командира и заявили, что в наступление не пойдут. <...> В течение ночи командир батальона и командиры рот старались уговорить и убедить солдат „обратиться к исполнению долга“, но в ответ из рядов раздавались восклицания: „Обороняться будем, а наступать не пойдем“. „Кругом измена явная! посылать людей среди белого дня!“ „Будет то же, что в мартовских и июльских боях“. „Везде у нас продажное немецкое начальство“. „Нас везде грабят, дома семьи голодают, у бедных последнее отбирают, а у богатых все оставляют“. „Рига уже продана. Почему до сих пор нет ответственных министров, а то нас на каждом шагу продают“. „По-

чему до сих пор сидят в тылу жандармы, городовые и всякая ...?“ „Терпеть больше нет сил“. К рассвету командиру 3-й роты удалось убедить солдат подчиниться долгу, и рота эта изъявила готовность идти в бой. Командир немедленно распорядился эту роту разместить отдельно от остальных рот полка. Другие же роты были отведены к штабу полка, куда в тот же день под вечер приехал командир корпуса генерал Гандурин. Роты были выстроены, и генерал обратился к „людям“ с вопросом, „почему они отказались идти в наступление“. Солдаты ответили, что „не пойдут“. „Прежде шли и жертвовали собой, но сейчас вокруг измена“. „Польша погибла благодаря изменникам, Николай Николаевич тоже ушел, видя измену, кругом измена“. На вопрос командира корпуса, неужели они и его считают изменником, послышался ответ: „Нет, а есть повыше; царь едет вперед, а немец рядом. Мы вперед не пойдем, но ни одной пяди не уступим немцу“. Командир корпуса, выслушав заявления, приказал „обратить их на работу“: „Вы с сегодняшнего дня будете у меня рабочим батальоном“. 24 декабря 1-й батальон был „беспрепятственно разоружен при штабе полка“, и генерал Хильченко „приступил к производству дознания“. Прежде всего он обошел выстроенные роты и требовал „выдачи зачинщиков и подстрекателей“ под угрозой „расстрела каждого пятого человека“. Требование это исполнено не было, и тогда генерал начал обходить роты и опрашивать каждого отдельно. Солдаты и офицеры, опрошенные при „расследовании“, показали, что генерал Хильченко при этом „применял угрозы, ругательства и хватал за горло, пока не добивался ответа“. Когда таким образом были опрошены все люди, роты были разведены по землянкам, и было приступлено к дознанию. „В помощь“ генералу Хильченко было назначено четыре офицера, которые производили опрос и записывали показания. „Общее руководство и наблюдение“ принадлежало генералу. Присутствуя при опросах то в одной, то в другой роте, генерал Хильченко, по словам очевидцев (офицеров и солдат), „применял насильственные меры, вынуждая показании угрозами, ругательствами и нанесением побоев“. 31 декабря „дознание было закончено“. 24 стрелка были преданы военно-полевому суду. Накануне заседания суда генерал Гандурин, собрав членов полевого суда, сказал речь, которую начал следующими словами: „Я приехал утвердить вас в мысли, что оправдания быть не может“. <...> Суд состоялся 31 декабря. Все 24 стрелка „были признаны виновными в явном восстании и возбуждении других словами и примером к уклонению от боя в районе театра военных действий“ и приговорены к смертной казни. 1 января

1917 года приговор был приведен в исполнение. Кроме „судебного преследования“ командующий армией „отрешил от командования полком“ полковника Бороздина „по несоответствию“; ротные командиры были переведены младшими офицерами в другие части; унтер-офицеров и ефрейторов разжаловали и перевели в другие роты, а солдаты трех рот (1, 2 и 4-й) были распределены по всем полкам армии. Одновременно произошел бунт в 55-м Сибирском стрелковом полку, в котором солдаты также от казались идти в наступление»[998].

«25 декабря 1916 года. 5-я и 7-я роты 55-го полка утром отказались идти в атаку. Командир 14-й Сибирской стрелковой дивизии генерал Довбор-Мусницкий рапортовал царю: „...доношу, что в боях под Ригой 23-го и 25 декабря стрелки некоторых рот 55-го Сибирского полка отказались идти в бой и на увещания офицеров грозили последним оружием... По моему приказанию, в 15S часа 25 сего декабря 13 стрелков 5-й и 7-й рот расстреляны стрелками тех же рот, в присутствии моем и представителей от всех рот и команд полков дивизии...“. На этом рапорте Николай II наложил резолюцию: „Правильный пример“»[999].

Тургайская область. 1916.

25 декабря 1916 года. «Участник событий поручик Станиславский вспоминал, что в начале ноября начались морозы и вьюги, в аулах солдаты отбирали волчьи чулки, которые хорошо грели ноги, и киргизские шубы. Движение колонны замедлилось, иногда снежные бураны заставляли отсиживаться в аулах целыми днями, во время таких стоянок киргизы делали налеты. Один раз налет киргизов увенчался успехом. Это произошло в ночь перед Рождеством. Два дня свирепствовал буран, отряд сидел в киргизских землянках и мерз. Киргизские аулы состояли из ряда землянок — ям, покрытых земляной крышей и имевших сверху отверстие — вход в землянку и выход для дыма. Караулов из-за пурги не выставляли, так как часовых могло замести снегом. К полуночи пурга стала стихать. Станиславский решил выйти из землянки и осмотреться. „В одной из землянок я услыхал выстрел, — вспоминал он. — Посмотрел вокруг — в белом мареве вьюги носятся какие-то темные силуэты. Это были киргизы. Я тотчас же поднял тревогу, и вскоре весь отряд был на ногах. Открылась стрельба, и киргизы бежали. Я насчитал 18 человек зарезанных солдат; впоследствии выяснилось, что около 30 человек были ранены киргизскими ножами. Они выскочили раздетыми из землянок и замерзли, так как была сильная вьюга и найти землянки им не удалось. В некоторых землянках я находил по десять

трупов. Здесь были и русские, и киргизы. Киргизов было убито человек 20–25“. Было решено начать погоню... Автор знал, что после удачного налета киргизы далеко не уходят и не выставляют дозоров. В 4 часа ночи вьюга стихла и можно было двигаться вперед. Взяв с собой 60 добровольцев, отряд выступил. „Через два часа мы были в ауле. Действительно, предположения мои оправдались. Киргизы были в ауле и притом пьяны. Мы бросили бомбы в землянки, где они спали. Человек 20 нам удалось захватить в плен, в том числе и двух немецких инструкторов. Киргизов мы тотчас же расстреляли, а немцев взяли с собой. Киргизы плакали, просили о пощаде и целовали нам ноги, но мои солдаты были безжалостны“. Пленные немцы „хотели выдать себя за киргизов, но это было нелепо. Немецкую физиономию от киргизской очень легко отличить. Когда немцы увидели, что это не удалось им, они сознались в своей национальности, но утверждали, что они просто авантюристы и искатели приключений. Конечно, это была сущая ложь. Их военная выправка служила лучшим доказательством их лжи. Несомненно, они были офицерами германской армии. Под конвоем десяти казаков я отправил их в Актюбинск“»[1000].

Аккерман. 1916.

«27 декабря 1916 года. Волнения в 12-м кавказском полку в городе Аккермане. Во время подавления волнений из числа восставших пятеро солдат были убиты и двое ранены. Военно-полевой суд при 302-м тыловом этапе Румынского фронта 11 января 1917 года за участие в восстании и за вооруженное сопротивление приговорил пять человек к расстрелу, 86 человек к каторжным работам сроком от восьми до 20 лет, 50 человек к дисциплинарной части на три года»[1001].

Закаспий. 1916.

28–31 декабря 1916 года. Закаспийская область. «Гюргенский отряд, численность около 8 тысяч человек, под командованием генерала Мадритова в боях с 28-го по 31 декабря разгромил восставших иомудов»[1002].

Фронт. 1917.

«14 января 1917 года к дежурившему на вышке старшему фейерверкеру 1-й батареи 1-го сибирского тяжелого артиллерийского дивизиона Василию Кусько подошли несколько человек пехотных солдат (у одного из них были погоны 222 Красненского полка) и повели разговор о предполагаемом наступлении. Пехотинцы говорили: „В наступление не пойдем, земля мерзлая, нельзя окопаться; если артиллерия откроет огонь за отказ идти в наступление, то переколем всю прислугу — артиллеристов“. 18 января Одоевскому полку пред-

стояло выступить на позицию на смену 224-му Юхновскому полку. Накануне, 17 января, вечером, когда стемнело, в роты приходили солдаты 1-го батальона и уговаривали солдат других батальонов не выступать в окопы. „Не ходите завтра на позицию, — говорили они, — если завтра пойдете, то стрелять будем“. Командующий полком приказал выступить каждому батальону самостоятельно. Собравшийся к шести часам вечера первый батальон построился в резервную колонну. Командир батальона поздоровался с солдатами, спросил, читали ли молитву в ротах, и скомандовал: „головная рота вперед“. Первая рота вытянулась в колонну по отделениям, за ней вторая рота вытянулась наполовину в той же колонне, в это время в лесу, справа и слева, раздался свист, и одновременно с этим из последних рядов 4-й роты раздались крики: „назад“, „не пойдем на позицию“, „смена“, „будем стрелять“. Послышалось щелканье затворов. Солдаты 1-й и 2-й рот возвратились сами на прежнее место в резервную колонну. Ротные командиры и младшие офицеры стали уговаривать солдат двинуться вперед и прекратить шум; увещания офицеров были безуспешны. Позже весь батальон двинулся к месту расположения 2-го батальона; в стороне раздавались одиночные выстрелы вверх. В остальных батальонах солдаты также отказались выступать на позицию. В 9 часов вечера командующий полком, предполагая напомнить солдатам „о воинском долге и присяге“, решил выйти к полку со знаменем, знаменным взводом и хором музыки, но при его появлении стоявшие до того в строю батальоны начали расходиться по землянкам, причем часть солдат забрала винтовки с собой. Раздавались взрывы ручных гранат, выстрелы вверх и выкрики: „стой, не ходить“, „будем стрелять“, „дайте нам свету“ (то есть мира). Ночью большая часть солдат спала, вокруг блиндажей ходил наряд, выставленный самими солдатами; между ротами, для поддержания связи, по словам командира 1-го батальона, „шныряли солдаты с винтовками, по-видимому, агитаторы“. 19 января вечером была сделана попытка вывести поротно полк на позицию. Как только 1-я рота вышла строиться, из расположения 2-го батальона были пущены три ракеты и раздались выстрелы со стороны 4-й роты, 2-го и 4-го батальонов; пули были пущены по лесу, а не вверх. 1-я рота тотчас же бросилась назад в землянки. Обо всем случившемся было доложено начальнику 56-й дивизии генерал-лейтенанту Е. А. Российскому, который решил приступить к аресту „зачинщиков“, если к вечеру 20 января полк полностью не выступит на позицию. В тот же день было получено распоряжение об отрешении от должно-

сти командира корпуса генерала от инфантерии В. Л. Шатилова и начальника дивизии Е. А. Российского. Вновь назначенные командир корпуса П. П. Скоропадский и начальник дивизии генерал Н. М. Потапов, не считая возможным принять там же, в непосредственной близости от неприятеля, „суровые меры“ по отношению к неповинующимся, решили развести полк побатальонно в различные пункты, где часть особо деятельных участников выступления в числе 51 человека была арестована. Главнокомандующий армиями фронта приказал, „не теряя времени, быстро расследовать и решительно, безотлагательно расправиться полевым судом с главными виновниками“. 22 января 1917 года был учрежден при 56-й пехотной дивизии военно-полевой суд. Отказ Одоевского полка сменить на позиции Юхновский полк был квалифицирован военным начальством как „уклонение от исполнения приказания принять участие в боевых действиях“, по каковой статье и были преданы военно-полевому суду двумя группами 30 солдат. Из числа этих солдат, в результате рассмотрения дел военно-полевыми судами и пересмотра их корпусными судами, восемь человек было расстреляно, 19 человек было приговорено к каторжным работам, один к заключению в военной тюрьме и два было оправдано. В дальнейшем были привлечены по тому же делу, но в порядке производства предварительного следствия еще две группы, всего 39 человек, из которых было предано корпусному суду 13 человек. Кроме того, 52 солдата были лишены унтер-офицерского звания»[1003].

Тургайская область. 1917.

27 января 1917 года. «К 17 января отряд подошел к Амударье, где в камышах укрылось до 40 000 киргизов. Однако атака результата не дала. „27-го числа решено было поджечь камыши. Два всадника должны были везти жгуты из камыша — жгуты были очень длинные. Эти жгуты были политы керосином. Каждый всадник имел смоляной факел. Решено было карьером подлететь к камышам, бросить жгуты и поджечь их. В то же время артиллерия должна была открыть огонь по опушке камышей, пулеметы и пехота должны были обстреливать камыши. Огонь должен был отогнать киргизов, которые могли бы загасить наши жгуты. Около 200 всадников со жгутами и факелами (один жгут везли два всадника) карьером понеслись к камышам. Вслед за ними двинулась пехота. Артиллерия открыла огонь по камышам. Наши всадники доскакали до камышей и зажгли их. Несмотря на огонь киргизов, потерь у нас не было. Вскоре вспыхнуло пламя, и камыши были охвачены морем огня. Киргизы пытались тушить его, но были отогна-

ны нашим огнем. Киргизы бросились на лед и пытались перейти на ту сторону реки, но наша артиллерия разбивала лед, и киргизы тонули в реке. Небольшая их часть, около 4000 человек, успела перейти реку, но тут наткнулась на наши пулеметы и была целиком истреблена. Около 7000 человек сдались в плен. Небольшая группа, около 3000 человек, прорвалась и отправилась на север, по направлению к Сибири. Очень много восставших погибло от казачьих пик и шашек, а также от нашей шрапнели. Артиллерия расстреливала толпы киргиз, которые не знали, куда им устремиться. Около 2000 человек сгорели живьем; среди сгоревших было очень много женщин и детей. Многих сдавшихся в плен наши казаки порубили шашками, почти всех выпороли. К 4 ч. ночи камыши догорели. Ветерок, повернувший в нашу сторону, приносил к нам золу и запах жареного мяса. Было холодно, и наши солдаты подошли поближе к камышу и грелись у тлеющего пепла“»[1004].

«Всего в ходе восстания в Средней Азии погибло 88 тысяч человек»[1005]. И этому можно верить, поскольку только в описании одного столкновения 27 января 1917 года сообщается, что из около 40 000 человек остались в живых менее 10 000.

Фронт. 1917.

«20 октября 1916 года на замечание офицера о мокрой шинели солдат 186 пехотного Асландузского полка Янкель Юхвиц ответил, что высушит ее после войны. Когда офицер и нижние чины стали говорить, что война еще не скоро кончится, он возразил, говоря, что война окончится, так как в России нет больше резервов, нет хлеба, и в армии безобразия. Тогда же стал роптать на тягость службы и на плохую пищу и начал доказывать, что гораздо лучше сдаваться в плен, так как в этом случае скорее окончится война. Когда офицер велел ему замолчать, заочно обозвал его дураком и назвал дураками всех офицеров и нижних чинов, которые воюют. Я. Юхвиц был приговорен к смертной казни через расстреляние. Приговор был утвержден 4 февраля 1917 года и 21 февраля приведен в исполнение»[1006].

Тургайская область. 1917.

23 февраля 1917 года. Тургайский уезд. «Сражение повстанцев с войсками. В донесении в Генеральный штаб было написано: „...был открыт артиллерийский огонь, но ввиду того, что в высланном накануне разъезде, был убит казак 3-й сотни, трудно было сдержать казаков, последние, желая отомстить мятежникам, бросились на них в рукопашную. Не выдержав натиска, мятежники, преследуемые четырьмя сотнями казаков, отступили. Во время схватки и преследования убито и из-

рублено около 400 человек киргизов, массу раненых и убитых мятежники увезли с собой. Потери отряда: <...> убиты две лошади и один казак, один казак ранен...“»[1007]

«В донесении о жертвах восстания генерал-губернатор Куропаткин сообщает, что по Семиречью со стороны русского населения киргизами было убито 2000 чел. Около 1000, преимущественно женщин, уведено в плен, сожжено 1300 усадеб, разгромлено 100. По другим сведения, в одном Пржевальском уезде переселенцев пострадало до 3244 чел., из них убито 1998 чел.»[1008].

«Центром восстания в Закаспии стал Красноводский уезд. Документы указывают на связь восставших с Персией (оттуда поставлялось оружие и туда же во время восстания бежала значительная часть иомудов).

Восставшие нападали на войсковые части, казачьи пикеты, поджигали русские поселения, нападали на рыбные промыслы. Русское население пришлось эвакуировать из района восстания туркмен. Иомуды были хорошо вооружены и совершали нападения большими группами. Очевидцы отмечают очень упорный характер восстания в туркменской среде и сильное сопротивление войскам.

Так, 27 сентября 1916 года между царскими войсками и иомудами произошло сражение за укрепление Ак-Кала на Гургене. Войска применили пулеметы и артиллерию.

Восстание среди туркмен-иомудов продолжалось до конца января 1917 года. Для усмирения беспорядков летом 1916 года, по официальным данным, части ТуркВО дополнительно были усилены 14 батальонами, 33 сотнями, 42 орудиями и 68 пулеметами.

Летом-осенью 1916 года войска потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 259 чел. Погибло семь русских и 22 „туземных“ чиновника. Больше всего пострадали крестьяне-переселенцы Семиречья: 2325 чел. убито и 1384 пропало без вести»[1009].

«Распределение жертв по уездам в соответствии с имеющимися неполными данными было следующим: Пишпекский уезд — убиты 98 человек, пропали без вести — 65. Пржевальский уезд (здесь почти не было русских войск) — убиты 2179 человек, пропали без вести — 1299, Джаркентский уезд — убиты 32 человека, без вести пропали 20, Верненский уезд — убиты 16 человек. Убиты два чиновника, 12 чинов разных ведомств, три офицера, 53 нижних чина, 41 ранен, 75 нижних чинов пропали без вести. Случаев массовой гибели солдат и офицеров было несколько: в Нарынском уезде погибли прапорщик

с девятью казаками и восемью солдатами; в осажденном киргизами селе Каркара Джаркентского уезда, по данным к 16 августа 1916 года, погибли 24 казака отряда нарынкольско-чарынского участкового начальника ротмистра М. Кравченко, и шесть казаков погибли в окрестностях Джаланаша»[1010].

«Нападению мятежников, не считая отдельных хуторов, заимок и пасек, подверглось 94 селения, в которых сожжено и разрушено 5373 двора. В селениях, на полях и по дорогам убито 1905 душ обоего пола, ранено 684, взято в плен и без вести пропало 1105. Незначительное число пленных и считавшихся пропавшими без вести обнаружены в последнее время в Кашгаре и Кульджинском районе и возвращены, но судьба большей части продолжает оставаться неизвестной. В рядах действовавших против мятежников воинских отрядов потери определились в 171 чел., из коих убито три офицера и 53 нижних чина, ранено 41 нижний чин, остальные пропали без вести»[1011].

Петроград. 1917.

«И полиция, и горожане ждали голодного бунта, который должен был стать закономерным результатом недостатка хлеба. 23 февраля рабочие праздновали международный женский день. Накануне на собраниях и митингах большевики призывали работниц отказаться от „несвоевременных“ выступлений. Тем не менее текстильщицы Невской ниточной мануфактуры объявили забастовку и толпой, с криками „Хлеба!“, двинулись снимать с работы рабочих соседних заводов. Движение разрасталось как снежный ком; к вечеру число бастующих достигло 60 тыс.; произошло несколько столкновений демонстрантов с полицией»[1012].

«24 февраля 1917 года. Около 11 часов утра колонна в 6–7 тысяч человек, двигавшаяся от Большого проспекта по Каменноостровскому, подверглась нападению со стороны полиции; была убита женщина и ранен рабочий»[1013].

«25 февраля 1917 года. Забастовали рабочие самого крупного предприятия Васильевского острова — Трубочного завода. Завод принадлежал казне, и начальник завода решил прибегнуть к помощи вооруженной силы, чтобы добиться возобновления работы; были вызваны солдаты запасного батальона Финляндского полка. Рабочие пришли к солдатам, убеждая их не стрелять; солдаты колебались. Тогда офицер выстрелил в одного из подошедших — молодого рабочего Дмитриева — и наповал убил его. Убийство рабочего вызвало взрыв возмущения. Рабочие Васильевского острова, бросая работу, выходили на улицу»[1014].

«25 февраля 1917 года. У здания Городской думы на Невском проспекте солдаты 9-го запасного кавалерийского пол-

ка открыли огонь по толпе. В результате девять человек были убиты и еще девять ранены»[1015].

«25 февраля 1917 года. На Петроградской стороне каратели ранили восьмерых рабочих и убили одного подростка в результате разгона демонстраций»[1016].

«24 февраля бастовало уже 200 тыс. рабочих. Полиция разгоняла митингующих, но они вскоре собирались в других местах. Этот день — в соответствии с обычной картиной голодного бунта — был ознаменован разгромом и разграблением большого числа булочных и других магазинов... Днем 25 февраля императрица телеграфировала царю: „Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба...“. 25 февраля демонстранты осмелели и стали нападать на полицейских; в течение дня произошло 11 серьезных столкновений. На Выборгской стороне демонстранты напали на два полицейских участка; несколько полицейских было убито. Обнаруживались все новые свидетельства ненадежности войск. Как свидетельствует А. Д. Протопопов, 24 февраля запасной батальон Литовского полка самовольно оставил казармы, захватил ружья и собрался на Марсовом поле, желая перейти на сторону рабочих. Однако полковой священник с крестом в руках уговорил солдат вернуться в казармы. Солдаты Финляндского полка после одного из столкновений вернулись в казармы и дали клятву не стрелять в народ. Казаки не подчинялись приказам и обнаруживали прямую склонность к братанию с толпой. Когда на Знаменской площади конная полиция атаковала митинг, казаки ударили ей в тыл и прогнали полицейских. На Казанской улице казаки освободили арестованных и избили городовых, обвиняя их в том, что они служат за деньги.

Вечером 25 февраля на Невском проспекте произошли два больших столкновения, в ходе которых офицеры, чтобы сдержать натиск толпы, по собственной инициативе приказывали солдатам открывать огонь. Властям становилось ясно, что без применения оружия не обойтись. Ближе к ночи командующий военным округом генерал С. С. Хабалов получил телеграмму царя с требованием во что бы то ни стало прекратить беспорядки. А. Д. Протопопов следовал сценарию, успешно реализованному 14 февраля. Полицейские пулеметчики заняли свои места на крышах домов. В ночь с 25-го на 26 февраля были арестованы почти все находившиеся в Петербурге активные деятели левых партий—свыше 100 человек, в том числе сестра Ленина А. И. Ульянова-Елизарова, пять членов комитета большевиков и остатки Рабочей группы. Исходив-

ший из традиционных представлений А. Д. Протопопов надеялся таким образом обезглавить революцию. Но, как вскоре выяснилось, арестованные ничем не руководили»[1017].

«26 февраля 1917 года стрельба по безоружным демонстрантам приняла массовый характер. У здания Городской думы, на Литейном и Суворовском проспектах, на Знаменской площади и в других местах звучал рожок — сигнал к стрельбе. Иногда солдаты после этого сигнала сначала стреляли вверх или холостыми патронами, иногда сразу раздавались боевые залпы. Пули попадали в толпу демонстрантов, ударялись в стены и стекла домов. Улицы оглашали крики ужаса. На тротуар падали убитые и раненые.

Особенно кровавый характер приняла борьба на Невском проспекте. Главная магистраль Петрограда обагрилась рабочей кровью. 26 февраля пали десятки борцов за свободу, больницы наполнились ранеными, мертвецкие — трупами. Это было «кровавое воскресенье» второй русской революции.

Вот отдельные эпизоды расправы с демонстрантами. По Невскому проспекту двигалась огромная масса рабочих. В передних рядах пели революционные песни. В районе Мойки отряд солдат запасного батальона Павловского полка преградил дорогу демонстрации. „Когда масса оказалась не в далеком расстоянии от солдат Павловского полка, солдаты по команде присели на колена и взяли ружья наперевес. Толпа остановилась, но задние ряды напирали. Положение было некоторое время неопределенное, но скоро оно разрешилось залпом павловцев; за ним последовал другой. Демонстрации больше не было: большинство разбежалось, некоторые полегли, из них часть — навсегда. На мостовой и на тротуарах валялись убитые и раненые. Приходилось не раз наступать на лужи крови. Убитые и раненые были тут же схвачены и отнесены в сторону, большей частью в здание Городской думы. На всех лицах было озлобление и негодование“.

Такую же картину увидели рабочие-выборжцы, подходя 26 февраля к Невскому проспекту: „Вдруг раздается беспорядочная стрельба, трещание пулеметов и навстречу нам, искаженные ужасом, бегущие. Жуткая картина ожидала нас на Невском: небольшое количество публики жмется по панелям: по направлению от Садовой до Казанского собора и от Казанской к Знаменской расположена полиция и еще кто-то, вооруженный ружьями, и стреляют по всем направлениям. Казалось одно — восстание ликвидируется. Демонстрация обезоружена, ничем не может ответить правительству, принявшему решительные меры. Кареты скорой помощи то и дело снова-

ли по Невскому, увозя раненых и убитых. Публика не расходилась, а жалась ближе к домам, молодежь же травила городовых из-за углов".

Поскольку царские власти перешли к массовому применению огнестрельного оружия, в качестве ударной силы для подавления восстания стали теперь использоваться не кавалерийские, а пехотные части, и прежде всего учебные команды запасных батальонов гвардейских полков. Солдаты этих команд были наиболее дисциплинированными частями запасных батальонов, и командование округа хотело опереться на них в борьбе с восставшим народом. Основной учебной команде запасного батальона Волынского гвардейского полка было приказано не допускать скопления народа на Знаменской площади. Выполнить этот приказ было трудно. Масса публики окружала дозоры волынцев и вступала в разговоры с ними, призывая не стрелять в народ. Солдаты не проявляли большого рвения в выполнении приказов офицеров. Командир учебной команды капитан Лашкевич арестовал за бездеятельность ефрейтора Ильина и выслал новые усиленные дозоры на площадь, чтобы рассеять демонстрантов, но и они не справились с поставленной задачей. Тогда был отдан приказ играть сигнал к стрельбе, солдаты взяли винтовки наизготовку. Толпы народа продолжали стоять плотной стеной, не веря, что солдаты будут их расстреливать. Но вот раздались залпы: некоторые солдаты стреляли в воздух, обозленные офицеры вырывали из рук таких солдат винтовки и сами стреляли в народ. После нескольких залпов толпа поредела, народ разбежался, оставив на площади убитых и раненых.

26 февраля, после царского приказа, войска вели себя не так, как в предыдущие дни. Их действия скорее напоминали 1905 год; сказывалась суровая дисциплина и слепое повиновение начальству, темнота и забитость солдатской массы. Многие солдаты не подпускали к себе рабочих, на их призывы к братанию отвечали площадной бранью и угрозами и по приказу офицеров стреляли в народ. Царские власти были довольны действиями войск 26 февраля. А. Протопопов сообщал, что в этот день значительные скопища народа образовались на Лиговской улице, Знаменской площади, а также при пересечении Невского с Владимирским проспектом и Садовой улицей, „причем во всех этих пунктах толпа вела себя вызывающе, бросая в войска камнями, комьями сколотого льда. Поэтому, когда стрельба вверх не оказала воздействия на толпу, вызвав лишь насмешки над войсками, последние вынуждены были для прекращения буйства прибегнуть к стрельбе бое-

выми патронами по толпе. В результате чего оказались убитые, раненые“»[1018].

«26 февраля 1917 года. На крышах домов, на колокольнях церквей, на пожарных каланчах были устроены засады, откуда полицейские вели огонь из пулеметов по рабочим демонстрациям. Вот один из многочисленных случаев пулеметной стрельбы по рабочим и студентам в день 26 февраля. „С левой стороны по Екатерининскому каналу идет группа демонстрантов с красным флагом и пением ‹Марсельезы› — это учащаяся молодежь — студенты и курсистки... Вдруг оглушительная трескотня: тра-та-та! Это пулеметная стрельба... И офицер кричит: ‹Кто хочет жить — ложись!› <...> На мосту два трупа и много раненых“»[1019].

«26 февраля 1917 года. На 1-й Рождественской улице были убиты десять человек»[1020].

«26 февраля 1917 года. Около пяти часов дня на углу Итальянской и Садовой улиц рабочими был убит прапорщик Павловского полка, набросившийся на демонстрантов с обнаженной шашкой»[1021].

«С 23-го по 26 февраля 1917 года в Петрограде состоялось 97 массовых митингов и 124 демонстрации. Рабочие провели 95 групповых схваток (из них 35 вооруженных) с полицией и жандармерией, отдельными казачьими разъездами, обезоружили 46, ранили и избили 47 полицейских, пятерых убили. Рабочие, студенты, трудящиеся города понесли тяжелые потери: 85 убитых, 267 раненых, 179 арестованных»[1022].

«26 февраля войска получили приказ стрелять в демонстрантов. С. С. Хабалов вывел на улицы самые верные, как он считал, части — учебные команды. К вечеру центр города с помощью пулеметов был „очищен“ от митингующих. Самый большой расстрел произошел на Знаменской площади, где действовала учебная команда Волынского полка во главе со штабс-капитаном И. С. Лашкевичем; здесь было убито больше 40 человек. Дальнейшее развитие событий было естественным и закономерным: произошло то, что уже не раз повторялось при подавлении голодных бунтов: войска перешли на сторону народа. Рабочие, очевидцы расстрелов, сразу же бросились к казармам запасных частей, умоляя запасников остановить своих товарищей из учебных команд, и уже вечером в день расстрела произошел первый солдатский бунт. Состоявшая из фронтовиков четвертая рота Павловского полка (1500 солдат) двинулась в город, но у восставших было лишь 30 винтовок, и, расстреляв все патроны, они были вынуждены сложить оружие и вернуться в казармы. Восстание Павловского полка было лишь первой вспышкой — можно было предви-

деть новые волнения. Всю ночь на 27 февраля генерал С. С. Хабалов получал тревожные сообщения из казарм, поначалу они не подтверждались, но в штабе ожидали нового солдатского бунта — и он произошел. Вернувшиеся после расстрелов солдаты Волынского полка на ночной сходке решили больше не подчиняться карательным приказам — однако речь об организации какого-либо выступления на сходке не шла. Когда утром И. С. Лашкевич пришел на построение, солдаты отказались повиноваться; штабс-капитан вышел во двор казармы — и тут из окна прогремел сразивший его выстрел. Кто стрелял — осталось неизвестным, но выстрел послужил сигналом к бунту»[1023].

«27 февраля 1917 года. В казарме 2-й роты Преображенского полка был убит командир этого полка полковник Богданович»[1024].

«27 февраля 1917 года. С 7 до 11 часов солдатские массы Волынского, Преображенского и Литовского полков восстали, захватили свои казармы, склады с оружием, вооружились, убили нескольких и разогнали ненавистных офицеров»[1025].

«27 февраля 1917 года. Волынцы, преображенцы и литовцы ворвались в казармы саперов с криками: „Ура, товарищи, за винтовки!". Восставшие убили командиров 6-го батальона и 5-й роты саперов»[1026].

«27 февраля 1917 года. Около 11 часов вооруженные солдаты при поддержке рабочих-выборжцев, после схватки с полицией, овладели зданием Главного арсенала и Главного артиллерийского управления на Литейном проспекте. Начальник складов Главного арсенала генерал-майор Матусов был убит. В руках восставших оказалось более 40 тысяч винтовок и 30 тысяч револьверов. После захвата арсенала восставшие овладели зданием Окружного суда и Дома предварительного заключения. В ходе перестрелки один солдат-сапер был убит охраной, которая затем разбежалась»[1027].

«27 февраля 1917 года. Массовый переход воинских частей на сторону восставшего народа. С помощью броневиков была проведена атака на телефонную станцию. Один броневик действовал со стороны Морской улицы, другой — со стороны Кирпичного переулка. Засада полицейских, стрелявших из пулемета, была смята»[1028].

«27 февраля 1917 года. В Московском районе к вооруженному восстанию присоединились солдаты лейб-гвардии Егерьского запасного полка. Солдаты выбросили с третьего этажа командира 4-й роты — монархиста, затем при поддержке солдат пулеметной команды блокировали здание Офицерского собрания. К 7 часам вечера восстал весь Егерьский

полк. Через час егеря подняли на восстание лейб-гвардии Семеновский запасной полк. К 11 часам вечера егеря и семеновцы присоединили к себе лейб-гвардии Измайловский запасной полк»[1029].

«27 февраля 1917 года. Группа солдат Кексгольмского полка во главе со штабс-капитаном Давыдовым, укрепившись в здании Офицерского собрания, (на углу Литейного проспекта и Кирочной улицы), открыла огонь из пулемета по колонне рабочих-выборжцев, шедших по Литейному проспекту. Один из пулеметчиков отказался расстреливать демонстрантов, за что был убит выстрелом в упор штабс-капитаном»[1030].

«27 февраля 1917 года. В течение нескольких часов группы рабочих и солдат с Выборгской и Петроградской сторон пытались прорваться через Тучков мост на Васильевский остров. Их напор сдерживался сильным военно-полицейским заслоном, прикрывавшимся пулеметно-винтовочным огнем с моста и близлежащих барж. Лишь под вечер заслон был уничтожен»[1031].

«27 февраля 1917 года. Солдаты вышли на улицу и направились поднимать другие полки; вскоре они соединились с рабочими Выборгской стороны, которые захватили оружие и сражались с полицией. Колонна солдат и рабочих двигалась по Петрограду от казармы к казарме; в некоторых случаях восставшим приходилось преодолевать сопротивление стоявших на проходных учебных команд, прежде чем запертые в казармах солдаты получали возможность присоединиться к „мятежникам“. В других случаях части сами выходили навстречу восставшим с музыкой и пением „Марсельезы“. Утром 27 февраля восставших солдат насчитывалось 10 тыс., днем — 26 тыс., вечером — 66 тыс., на следующий день — 127 тыс., 1 марта — 170 тыс., то есть весь гарнизон Петрограда. Днем 27 февраля С. С. Хабалов отправил отряд (сколько смог собрать — всего лишь около тысячи солдат) против „мятежников“, но после незначительных столкновений солдаты перешли на сторону восставших. После этого Хабалов сосредоточил последние верные царю части у Зимнего дворца и Адмиралтейства; генерал М. И. Занкевич вышел переговорить с солдатами и понял, что на них рассчитывать нельзя; солдаты понемногу самовольно покидали Дворцовую площадь. К утру у С. С. Хабалова в Адмиралтействе осталось только полторы тысячи солдат, которые потребовали у генералов отпустить их. О неудержимом и стихийном распространении солдатского бунта свидетельствуют события в Ораниенбауме. Здесь располагалось 70 тыс. солдат запасных частей, в том числе 1-й пулеметный полк с полутора тысячами пулеметов. Днем 27 февраля один из солдат принес в казармы слух о восстании в Петрограде;

гарнизон тотчас восстал и ночью, в 18-градусный мороз, установив пулеметы на санки, двинулся в Петроград. Заслышав о восстании, в Петроград двинулись десятки тысяч солдат из всех пригородов, и самое удивительное — к восставшим присоединились две тысячи моряков Гвардейского экипажа, незадолго перед тем присланные с фронта охранять царскую семью. Но полиция не зря готовилась к мятежу: около полусотни пулеметных расчетов, размещенных на крышах зданий, сражались с редким упорством и до последнего патрона. „Петроградская полиция самоотверженно, честно и доблестно исполнила свой долг перед царем и родиной, — свидетельствует полковник Д. Ходнев. — Она понесла огромные потери". Разъяренные солдаты устроили полиции „кровавую баню"»[1032].

27 февраля 1917 года. «С часу — двух дня выборжцы повели активное наступление на казармы Московского полка. Охрану казарм несла вооруженная учебная команда. Две попытки революционных солдат и рабочих установить контакт с солдатами-московцами закончились неудачей. На середине казарменного плаца остались лежать убитые и раненые пулеметным огнем парламентеры восставших. С подходом броневиков с Петроградской стороны начался штурм казарм. Взломав ворота и забор, огромная толпа ворвалась в казарменный двор. Спустя некоторое время удалось сломить сопротивление учебной команды и офицеров. В здании офицерского собрания восставшие расстреляли и закололи штыками до десяти офицеров, в том числе и командира учебной команды»[1033].

«27 февраля 1917 года. У Литейного моста выборжцы были встречены оружейным огнем роты солдат лейб-гвардии Московского полка. В результате короткого боя рабочие овладели мостом, убив офицера и нескольких солдат; остальные сдались восставшим»[1034].

«27 февраля 1917 года командир крейсера „Аврора" капитан 1 ранга Никольский в связи с забастовкой на заводе распорядился усилить вооруженный караул на крейсере; теперь его возглавляли не кондукторы, а офицеры. Вскоре на „Авроре" с согласия Никольского были размещены арестованные агитаторы и „подстрекатели". Через некоторое время в команде крейсера распространились слухи, что корабль собираются использовать как плавучую тюрьму. Поэтому Никольский, опасаясь осложнений с командой, настоял на том, чтобы задержанных убрали с крейсера. Когда конвой вывел арестованных на палубу, стоявшие на шкафуте революционно настроенные матросы отреагировали на их появление радостными криками: „Ура! Браво! Освободить!". Не подчинившись прика-

занию вахтенного начальника прекратить шум, матросы продолжали кричать и наносить оскорбления караульным, не уходя со шкафута. Тогда Никольский и старший офицер крейсера Огранович открыли по толпе матросов огонь из револьверов, и палуба мгновенно опустела. Выстрелами Никольского (он стрелял одновременно из двух револьверов) и Ограновича были ранены трое матросов: двое легко и один — Порфирий Осипенко — смертельно. Спустившись в каюту, Никольский доложил в штаб о случившемся; оттуда последовало предложение прислать сотню казаков для усмирения возможного бунта. Командир „Авроры“ категорически отказался от этой меры, рассчитывая на благоразумие команды. Затем был сыгран „Большой сбор“ поротно, и Никольский разъяснил каждой роте моряков ситуацию на крейсере и в городе, объясняя происходящие в Петербурге беспорядки изменой и провокацией, организованной немцами. Тем не менее в адрес командира и офицеров слышались открытые угрозы. Ночью на мостике „Авроры“ были установлены пулеметы, чтобы избежать нападения с берега.

Утром был созван офицерский совет, на котором решили не открывать огонь даже в случае попытки бунтовщиков овладеть крейсером. 14 офицеров, 11 кондукторов и трое гардемаринов не могли рассчитывать на поддержку большей части команды, следовательно, кровопролитие было бы бесцельным. После побудки 28 февраля команда крейсера приступила к приборке помещений. В 9 часов напротив „Авроры“ начали появляться группы рабочих, которые вскоре превратились в демонстрацию с красными флагами, лентами и повязками. Среди демонстрантов были и вооруженные люди. Из толпы послышались выкрики, призывающие команду крейсера бросить работу и идти в город. По свидетельству очевидцев, Никольский заявил, что не собирается задерживать команду на корабле и все желающие, кроме занятых вахтой, дежурствами и караулом, могут сойти на берег. После этих слов командир „Авроры“ ушел к себе в каюту.

Толпа тем временем заполнила корабль; спешившие на берег матросы торопились и переодевались в выходное платье. Все оружие, в том числе офицерское, было роздано на руки, частично — рабочим. Узнав о том, что 27 февраля офицеры стреляли в команду и среди нее были раненые, рабочие потребовали немедленной расправы над командиром и старшим офицером крейсера. Матросы решили отвести их в Таврический дворец, куда сводили сопротивлявшихся восстанию лиц. С Никольского и Ограновича сорвали погоны и начали, издеваясь, сводить их по сходням на берег. Там рабочие по-

требовали, чтобы офицеры шли во главе шествия с красными флагами в руках. Никольский и Огранович категорически отказались. Старшему офицеру „Авроры“ нанесли удар штыком в горло, и он, обливаясь кровью, упал на землю. Никольского снова стали заставлять нести красный флаг, однако он вновь отказался. В этот момент из толпы раздался выстрел; пуля попала Никольскому в голову, и он скончался на месте»[1035].

«27 февраля 1917 года. Карательный отряд из четырех рот под командованием полковника Преображенского полка Кутепова расстреливал толпы народа на Литейном проспекте, на Сергеевской улице, в районе Орудийного завода и других местах, открывал огонь по грузовикам, наполненным рабочими, убивал одиночек. Но тщетно! Весь район был запружен рабочими, все больше солдат из отряда Кутепова переходило на сторону народа»[1036].

Ораниенбаум. 1917.

«27 февраля 1917 года. Восстание в 1-м и 2-м пулеметных запасных полках. Офицеры обстреляли митингующих солдат из двух пулеметов, засев в Офицерском собрании. Пулеметчики потеряли 15–18 убитых и раненых. Восставшим удалось овладеть оружейным складом. После короткого боя пулеметчики разгромили здание Офицерского собрания»[1037].

Петроград. 1917.

«28 февраля 1917 года. На Выборгской стороне часам к 11 утра к казармам Самокатного батальона на Большом Сампсониевском проспекте, 84, были подтянуты три броневика, два орудия, вооруженные группы рабочих и солдат. Самокатчикам было предложено сдаться, но они ответили отказом. Броневики открыли пулеметный огонь, несколько выстрелов сделали из орудий. Барачные постройки загорелись. Через час сопротивление самокатчиков было сломлено. Они потеряли 16 человек убитыми (из них три офицера) и 39 ранеными. Потери были и среди повстанцев»[1038].

Кронштадт. 1917.

«1 марта 1917 года. Восстание в городе началось еще вечером 28 февраля. К утру 1 марта весь город был уже в руках восставших. Отряд полицейских, сопротивлявшийся в помещении участка на Козьем болоте, был уничтожен. Толпы матросов явились к дому ненавистного Вирена. Они вызвали адмирала на улицу и повели его к Якорной площади. Там матросы заявили адмиралу: „Ты своим варварским, диким режимом превратил Кронштадт в тюрьму; приготовляя вчера пулеметы для расстрела рабочих, солдат и матросов, ты не думал о сегодняшней смерти. Так вот теперь получай свое“. С этими словами матросы закололи Вирена штыками. В эту ночь, подобно Вирену, по-

гибло около 50 монархистов, флотских и армейских офицеров Кронштадтского гарнизона. Офицеров расстреливали у рва за памятником Макарову на Якорной площади»[1039].

Петроград. 1917.

«С 23 февраля по 2 марта 1917 года в Петрограде были убиты 313 революционеров. Из них 106 рабочих, 87 солдат, 28 студентов и 92 трудящихся. 1136 революционеров были ранены. Из числа защитников монархии были убиты 120. Из них: 24 полицейских и жандарма, 76 офицеров и 20 солдат. Ранены были 178 защитников режима Николая II»[1040].

По данным этой части хроники, в ходе вооруженных восстаний времен правления Николая II были убиты более 44 тысяч человек. Взято наименьшее число. Как уже указывалось, по данным из справочника Эрлихмана «Потери народонаселения в XX веке», одно только число жертв восстания 1916—1917 годов в Средней Азии оценивается в 88 тысяч человек. Но эта хроника не является всеобъемлющей, а представляет собой собрание наиболее доступных сведений. Хотя доступность различна. К примеру, поисковая система «Яндекс» выдает 148 миллионов ссылок на запрос о расстреле 1918 года в Екатеринбурге «царской» семьи Николая II (11 убитых), 79 миллионов ссылок на запрос о расстреле 1962 года в Новочеркасске (26 убитых) и только 7 миллионов ссылок на запрос о расстреле 1906 года на Иланской (50 убитых).

По всем пяти разделам хроники террора и репрессий режима Николая II набирается до 130 тысяч убитых. И это умеренная оценка. Если считать по максимуму, можно получить и в два раза больший результат. Пришлось отказаться от включения в хронику столкновений народа с полицией и армией, которые были, но не было убитых, а только раненые, или если вообще известен только факт столкновения, но нет данных о пострадавших. Это при том, что хроника является фрагментарной, не охватывающей полностью всего массива возможных данных. Даже сложно оценить, какую долю реальности, 20 % или 40 %, она отражает. Но в любом случае хоть какая-то сводка фактического материала по теме николаевских репрессий лучше, чем ее полное отсутствие.

Послесловие

Мы понимаем, что после выхода этой книги на нас ополчится масса оплаченных олигархией псевдоисториков, которые будут выискивать в хронике отдельные эпизоды и доказывать, что жертв было меньше или что они сами виноваты в своей гибели. Разумеется, ведь если бы А. И. Кирякин, памяти которого посвящена эта книга, вместо книг интересовался водкой, а библиотеке предпочитал трактир, никакая охранка его бы не арестовывала, в тюрьму не бросала, в Сибирь не ссылала. Тогда, если бы его не убили на войне «За веру, царя и Отечество», он мог бы и прожить не 25, а лет 50 и умереть не от рук защитников режима Николая II, а от цирроза печени. Но пролетарий Кирякин хотел быть человеком, а не человекообразным животным и был человеком. Поэтому люди его и помнят. А режим будущего «святого страстотерпца» Николая II занимался именно тем, что мешал России развиваться, насаждая средневековое мракобесие и репрессируя самостоятельно мыслящих людей.

Споры о количестве жертв, хотя бы Кровавого воскресенья (130 или 1300), не имеют смысла без новых фактов и документов. А препираться с ангажированными олигархией или олигархическим государством персонажами заведомо бессмысленно.

Но больше или меньше жертв было в том или ином конкретном случае — не так уж и важно. Ибо, как уже отмечалось, не только ответственность за убитых русских и нерусских рабочих и крестьян лежит на Николае II, но на нем же лежит ответственность и за убитых солдат, полицейских, казаков, чиновников и всех остальных. Ведь он сам назвал себя «хозяином земли русской», а потому должен нести ответственность за все те государственные зверства, которые при его хозяйствовании на этой земле творились.

Если нынешнее либеральное общество настаивает на ответственности Сталина за голод начала 1930-х годов или «ежовщину», то почему Николай II не несет ответственности ни за что? Хотя, как уже тоже было сказано, Сталин всю ежов-

скую банду расстрелял, когда разобрался, что она творила, а Николай II своих палачей только награждал и благодарил.

Сегодня говорят о якобы тоталитарном характере СССР Сталина, хотя это лживо. А вот царская Россия, и особенно — Россия царя Николая Кровавого и Последнего, была, как видим, воистину злобной антинародной тиранией, верховный глава которой заслуживает в истории народов России лишь презрения, ненависти и проклятий.

Примечания

[1] *Прудникова Е.* Всадники красной смуты. М., 2016. С. 25–27.

[2] Там же. С. 29.

[3] Три века. М., 2005. Том 6. С. 386.

[4] Вестник Финансов. 1911. № 23.

[5] Три века. М., 2005. Том 6. С. 388.

[6] *Прудникова Е.* Всадники красной смуты. М., 2016. С. 18.

[7] *Валянский С., Калюжный Д.* Русские горки. М., 2003. С. 60–62.

[8] Этот том «Словаря» вышел в 1913 году.

[9] Санкт-Петербургская, Псковская, Новгородская и Олонецкая губернии.

[10] Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. К. К. Арсеньева. Т. 14. СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1913.

[11] *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. СПб., 1912.

[12] *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М. 2005. С. 63–64.

[13] *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. СПб., 1912.

[14] Там же.

[15] *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград: Типография Министерства внутренних дел, 1916.

[16] URL: http://scisne.net/a-197 Как жилось крестьянам в царской России.

[17] Из «Объяснительной записки к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1911 год» (СПб. 1912. С. 194–200) // URL: http://scisne.net/a-281

[18] *Оницканский М. С.* О распространении холеры в России. СПб., 1911. С. 1–2 // URL: http://scisne.net/a-281

[19] *Прудникова Е.* Битва за хлеб. М., 2016. С. 21.

[20] *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в двадцати двух томах. М., 1984. Том XVII. С. 160–161.

[21] Цит. по: *Кара-Мурза С.* Гражданская война. Интернет-версия.

[22] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/11.html

[23] Там же.

[24] *Радциг Е.* Николай II в воспоминаниях приближенных // URL: http://scepsis.net/library/id_2077.html

[25] Николай II без ретуши. СПб., 2009. С. 23.

[26] Там же. С. 27.

[27] Там же. СПб., 2009. С. 35.

[28] Там же. СПб., 2009. С. 42–43.

[29] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1034730/Romanov_-_Vospominaniya_velikogo_knyazya_Aleksandra_Mihaylovicha_Romanova.html

[30] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/27981 Раздел «Нравственный облик Николая Александровича».

[31] *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // В сб. Николай II. СПб., 1994. С. 116–119.

[32] *Светлани Г.* Товарищ его Высочества. Нижний Новгород, 2002.

[33] *Гурко В. И.* Царь и царица // URL: http://www.rulit.me/books/car-i-carica-read-47849-3.html

[34] *Кони А. Ф.* Избранное. М., 1989. С. 106.

[35] Там же. С. 106–107.

[36] *Гурко В. И.* Царь и царица // В сб. Николай II. СПб., 1994. С. 354–356.

[37] Новогодний номер венской газеты Neue Freie Presse за 1910; *Буранов Ю. А., Хрусталев В. М.* Романовы. Гибель династии. М., 2000. С. 36.

[38] Письмо № 639 // URL: http://scepsis.net/library/id_2077.html

[39] «Воля монарха есть высший закон» *(лат.).*

[40] *Гурко В. И.* Царь и царица. С. 22–23.

[41] *Гурко В. И.* «Царь и царица» // URL: http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/ inside/almanah-doc/61750

[42] *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в двадцати двух томах. Том XVII. С. 233–237.

[43] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/09.html Великий князь Александр Михайлович «Книга воспоминаний».

[44] *Клейнмихель В.* В тени царской короны. Симферополь. 2013. С. 172.

[45] URL: http://fictionbook.ru/author/vladimir_hrustalev/romanovyi_poslednie_dni_velikoyi_ dinastii/read_online.html?page=5

[46] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/11.html

[47] *Гурко В. И.* Царь и царица. URL: http://detectivebooks.ru/book/7555556/?page=8,9

[48] *Большаков В. И.* По закону исторического возмездия. М., 1998. С. 445.

[49] URL: http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=804#4

[50] URL: http://historicaldis.ru/blog/43338968417/TSerkov-i-Nikolay-II:-o-slozhnyih-otnosheniyah-i-o-tom,-komu-kak

[51] Там же.

[52] URL: https://regnum.ru/news/society/2192933.html

[53] *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // В сб. Николай II. СПб., 1994. С. 116–119.

[54] *Урусов С. Д.* Император Николай II. Жизнь и деяния венценосного царя. Ницца, 1909. С. 163–167.

[55] *Урусов С. Д.* Император Николай II. Жизнь и деяния венценосного царя. Ницца, 1909. С. 163–167.

[56] *Редигер А.* История моей жизни. Глава седьмая // URL: http://militera.lib.ru/memo/ russian/rediger/07.html

[57] *Прудникова Е.* Всадники красной смуты. М. 2016. С. 54.

[58] Там же. С.18.

[59] *Прудникова Е.* Всадники красной смуты. М., 2016. С. 33–43.

[60] URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Петиция_рабочих_Санкт-Петербурга_для_подачи_ царю_Николаю_II

[61] *Максим Горький.* Рассказы о русских людях. Савва Морозов. М., 2000. С. 384–389.

[62] Николай II без ретуши. СПб. 2009. С. 142.

[63] *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. М., 1989. С. 114.

[64] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9445/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Noyabr %27 %29.html

[65] *Масси Р.* Николай и Александра. СПб., 2012. С. 139–140.

[66] *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010. С. 852.

[67] *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. СПб., 1912.

[68] *Шанин Т.* Революция как момент истины. М., 1997 // URL: http://bwbooks.net/index.php?id1=4&category=history&author=shanin-t&book=1997

[69] *Прудникова Е.* Битва за хлеб. М., 2016. С. 54–55.

[70] Библиотека хозяина / Под ред. А. П. Мертвого. Сколько в России земли и как мы ею пользуемся. Приложение к журналу «Нужды деревни». 1917. № 11.

[71] Николай II без ретуши. СПб., 2009. С. 161.

[72] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Бездненские_волнения

[73] Там же.

[74] Там же.

[75] *Водоватов Ф.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 1956. С. 115–116.

[76] *Кожевник А.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Горький, 1950. С. 198–199.

[77] *Котлов П.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1949. С. 158–159.

[78] *Водоватов Ф.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 1956. С. 324–325.

[79] *Засодимский П.* О крестьянских волнениях в 1905–1906 годах // Северный край. 1922. Март — апрель.

[80] Газета «Сын Отечества». 1905. № 226, 227 и 245. В статье Засодимского.

[81] Газета «Сын Отечества». 1905. № 240. В статье Засодимского.

[82] URL: http://khazin.ru/articles/23-istorija-i-kultura/12642-obedinenie-rabochii-podderzhivaet-pereezd-romanovyh

[83] *Куданенко В.* Действие будет потрясающее // URL: http://newstes.ru/2015/12/31/deystvie-budet-potryasayuschee.html

[84] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 70.

[85] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9445/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Noyabr %27 %29.html

[86] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 72–73.

[87] Там же. С. 70.

[88] Там же. С. 70–71.

[89] Там же. С. 71–72.

[90] Там же. С. 73.

[91] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 76.

[92] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9445/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Noyabr %27 %29.html

[93] История КПСС. М., 1966. Том 2. С. 383.

[94] Речь. № 179. 3 (16) июля 1912 года.

[95] Речь. № 203. 27 июля (9 августа) 1912 года.

[96] Речь. № 210. 3 (16) августа 1912 года.

[97] Исторический журнал. 1939. № 9. С. 136–139.

[98] История Сибири. Том 3. Л., 1969. С. 299.

[99] *Пыхалов И. В.* Великий оболганный вождь. М.: Яуза, 2010. С. 335–338.

[100] *Куданенко В.* Действие будет потрясающее // URL: http://newstes.ru/2015/12/31/deystvie-budet-potryasayuschee.html

[101] Там же.

[102] *Гиляровский В.* Карательная экспедиция Римана. Рассказ очевидца // URL: http://www.rusproject.org/node/1141

[103] *Никольский Е.А.* Записки о прошлом. М. 2007.

[104] *Обнинский В. П.* Новый строй. М., 1911. С. 172–173.

[105] Кто хочет привести в пример Новочеркасский расстрел, пусть прочитает соответствующую статью в «Википедии» и почувствует разницу.

[106] *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. М., 1989. С. 151.

[107] Там же. С. 150.

[108] Там же. С. 151.

[109] Там же.

[110] Там же.

[111] Там же. С. 152.

[112] Там же.

[113] Там же. С. 155.

[114] Витте. III — 479.

[115] *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз // URL: https://www.litmir. co/br/?b=60604&p=32

[116] А. Н. Куропаткин — военный министр с 1 января 1898 года по 7 февраля 1904 года.

[117] П. С. Ванновский — военный министр с 22 мая 1881 года по 1 января 1898 года.

[118] *Керсновский А. А.* История русской армии. М., 1999. С. 411–412.

[119] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/materialnoe-obespechenie-ofitserov-i-matrosov-russkogo-flota-nakanune-i-vo-vremya-pervoy-mirovoy-voyny#ixzz4V4emO3Yd

[120] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/materialnoe-obespechenie-ofitserov-i-matrosov-russkogo-flota-nakanune-i-vo-vremya-pervoy-mirovoy-voyny#ixzz4V4jGJUc8

[121] *Брюс У. Меннинг.* Пуля и штык. Армия Российской империи. 1861–1914. М., 2016. С. 361–362.

[122] *Керсновский А. А.* История русской армии. М.: Военное издательство, 1999. С. 488.

[123] 1905 Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. IX–X. С. 189.

[124] Правда. № 1104 (368). 1913. 8 мая.

[125] *Деникин А.* Воспоминания // URL: http://www.white-guard.ru/go.php?id=259&n=54

[126] URL: http://e-libra.ru/read/227452-lenin-stalin.-texnologiya-nevozmozhnogo.html

[127] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rost-antivoennyh-nastroeniy-soldat-kak-otrazhenie-krizisa-russkoy-armii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny#ixzz4V4EofOiv

[128] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rost-antivoennyh-nastroeniy-soldat-kak-otrazhenie-krizisa-russkoy-armii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny#ixzz4V4IIChRF

[129] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/brusilov/05.html Брусилов А. А. Воспоминания.

[130] *Волынец А.* Война без сапог // URL: https://topwar.ru/67084-voyna-bez-sapog.html

[131] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rost-antivoennyh-nastroeniy-soldat-kak-otrazhenie-krizisa-russkoy-armii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny#ixzz4V4GKE6EP

[132] Там же.

[133] *Капшуков С.* Революционное движение в царской армии в период первой мировой империалистической войны (1914 год — февраль 1917 года). Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1950. С. 184.

[134] *Ахун М., Петров В.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 19–20.

[135] *Шиловский М.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь // URL: http://sibistorik.ru/project/pmv1914/pmv1914-entire.pdf

[136] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rost-antivoennyh-nastroeniy-soldat-kak-otrazhenie-krizisa-russkoy-armii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny#ixzz4V4GKE6EP

[137] См.: Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). М., 1925. С. 21.

[138] См.: *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. С. 280.

[139] См.: там же. С. 296.

[140] См.: там же. С. 496.

[141] См.: там же. С. 433.

[142] См.: Россия в годы Первой мировой войны... С. 250–251.

[143] Журнал «Красный архив». Том 4 (17). М. — Л., 1926. С. 11.

[144] См.: Россия в годы Первой мировой войны... С. 16.

[145] Из современных работ о рабочем движении 1916 года см. подробнее: *Кирьянов Ю.И.* Социально-политический протест рабочих в годы Первой мировой войны. М., 2005; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

[146] См.: *Пушкарева И.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года в России. М., 1982. С. 91.

[147] См.: Россия в годы Первой мировой войны... С. 408.

[148] Кризис самодержавия... С. 610 // URL: http://www.politpros.com/journal/read/ ?ID=5468&journal=188

[149] URL: http://mikhaelkatz.livejournal.com/2488.html. (По материалам книги С. А. Нефедова «История России. Факторный анализ. Том 2. От окончания Смуты до Февральской революции».)

[150] Там же.

[151] URL: http://mikhaelkatz.livejournal.com/7046.html. (По материалам книги С. А. Нефедова «История России. Факторный анализ Том 2. От окончания Смуты до Февральской революции».)

[152] *Кони А.Ф.* Николай II // Избранное. М., 1989. С. 105–110.

[153] *Ратьковский И.С.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды. (1917–1920 гг.). М., 2017. С. 86–117.

[154] *Ананьев А.А.* Призвание Рюриковичей, или Тысячелетняя загадка России. М., 1999. С. 304–306.

[155] *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений. М., 1985. Том XXII. С. 206.

[156] Журнал «Русский Дом» № 7. 2012. С. 24.

[157] Журнал «Русский Дом». № 7. 2012. С. 25.

[158] Журнал «Русский дом». № 3. 2002. С. 6–7.

[159] URL: https://history.wikireading.ru/73919

[160] URL: http://3rm.info/35546-o-pochitanii-pravoslavnymi-serbami-carya-muchenika-nikolaya-ii.html

[161] ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 137, л. 2.

[162] URL: http://svidetely.blogspot.ru/2013/08/1930-1940-2-1941-45.html

[163] URL: http://svidetely.blogspot.ru/2013/08/1930-1940-2-1941-45.html

[164] URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=88828

[165] *Хазанов-Пашковский С.А.* Великий Князь Владимир Кириллович и Русское Освободительное Движение. СПб., 2015. С. 9–10.

[166] Там же. С. 8.

[167] *Хазанов-Пашковский С.А.* Великий Князь Владимир Кириллович и Русское Освободительное Движение. СПб., 2015. С. 13.

[168] URL: http://www.russia-talk.com/brazol.htm

[169] URL: http://scepsis.net/library/id_2748.html

[170] URL: http://scepsis.net/library/id_2748.html

[171] URL: http://www.russia-talk.com/brazol.htm

[172] *Шванебах П.Х.* Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 113.

[173] URL: http://scepsis.net/library/id_2748.html

[174] URL: http://www.russia-talk.com/brazol.htm

[175] URL: http://scepsis.net/library/id_2748.html

[176] *Александров К.* Русские солдаты Вермахта. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 504–505.

[177] URL: http://svidetely.blogspot.ru/2013/08/1930-1940-2-1941-45.html

[178] URL: http://svidetely.blogspot.ru/2013/08/1930-1940-2-1941-45.html

[179] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/programmy-politicheskih-organizatsiy-russkoy-monarhicheskoy-emigratsii-v-evrope-v-1920-30-h-gg-po-restavratsii-monarhii-v-rossii#ixzz4ZQmDd0ho

[180] URL: http://breviarissimus.livejournal.com/132468.html

[181] URL: http://labas.livejournal.com/969430.html

[182] URL: http://labas.livejournal.com/969430.html

[183] URL: https://profilib.com/chtenie/46673/ivan-solonevich-rossiya-v-kontslagere-3.php

[184] Из книги Киприана (Керна) «Восхождение к Фаворскому свету». М., 2006 // URL: http://www.pravoslavie.ru/put/070407003125.htm

[185] URL: http://svidetely.blogspot.ru/2013/08/1930-1940-2-1941-45.html

[186] Из книги *Орехов Д.* Подвиг царской семьи. СПб.: Невский проспект, 2002; и с сайтов URL: http://3rm.info/35546-o-pochitanii-pravoslavnymi-serbami-carya-muchenika-nikolaya-ii.html и URL: http://www.tzar-nikolai.orthodoxy.ru/n2/prosl.htm

[187] *Марасанова В.М.* Ярославский край в конце XIX — начале XX века. Ярославль. 1996 // URL: http://www.lib.uniyar.ac.ru/edocs/iuni/19950104.pdf; Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Выпуск 1. 1895 год. М., 1992. С. 62–63; Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 2011.

[188] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Выпуск 1. 1895 год. М., 1992. С. 65–66.

[189] Там же. С. 97.

[190] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Выпуск 2. 1896 год. М. — СПб., 1993. С. 54.

[191] Там же. С. 85.

[192] Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 2011 // URL: https://www.hse.ru/data/2012/03/18/1264937661/Trud_confl.pdf

[193] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Выпуск 4. 1898 год. М. — СПб., 1997. С. 110.

[194] Там же. С. 118–119.

[195] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Выпуск 5. 1899 год. М., 1998. С. 74.

[196] Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 2011 // URL: https://www.hse.ru/data/2012/03/18/1264937661/Trud_confl.pdf

[197] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Выпуск 5. 1899 год. М., 1998. С. 114.

[198] Там же. С. 118.

[199] Доклад «Социал-демократического союза горнозаводских рабочих» юга России на 2-м съезде РСДРП // URL: http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1903dok3.htm

[200] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Выпуск 5. 1899 год. М., 1998. С. 126.

[201] Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 2011 // URL: https://www.hse.ru/data/2012/03/18/1264937661/Trud_confl.pdf

[202] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Выпуск 6. 1900 год. М., 1999. С. 121.

[203] Там же. С. 130.

[204] Там же. С. 136.

[205] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Обуховская_оборона

[206] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. 1902 год. М., 2002. Выпуск 8. Часть 1. С. 81–82.

[207] Там же. С. 119.

[208] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9443/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Maii%29.html; Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. 1902 год. М., 2002. Выпуск 8. Часть 1. С. 123; *Олег Рыженко.* Как Тихорецк всколыхнул империю // Тихорецкие вести. 2016. 24 апреля.

[209] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. 1902 год. М., 2002. Выпуск 8. Часть 1. С. 165.

[210] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9445/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Noyabr %27 %29.html

[211] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. 1902 год. М., 2002. Выпуск 8. Часть 1. С. 195–196.

[212] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9444/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Mart %29.html

[213] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. 1903 год. М., 2005. Выпуск 9. Часть 1. С. 115–116.

[214] Там же. С. 117.

[215] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. 1903 год. М., 2005. Выпуск 9. Часть 1. С. 119.

[216] Там же. С. 123.

[217] Там же. С. 150.

[218] URL: http://kavkasia.net/kavkaz/k1/1361472910.php

[219] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. 1903 год. М., 2005. Выпуск 9. Часть 1. С. 213.

[220] Там же. С. 216.

[221] Там же. С. 240–242.

[222] Там же. С. 278–279.

[223] Там же. С. 283–284.

[224] Там же. С. 289–290.

[225] Там же. С. 292–293.

[226] Там же. С. 331–332.

[227] Там же. С. 339–340.

[228] Там же. С. 405.

[229] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. 1904 год. М., 2008. Выпуск 10. Часть 1. С. 90, 254.

[230] Там же. С. 106.

[231] Там же. С. 116.

[232] Николай II без ретуши. СПб., 2009. С. 234.

[233] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. 1904 год. М., 2008. Выпуск 10. Часть 1. С. 136–137.

[234] Там же. С. 141.

[235] Там же. С. 144.

[236] Там же. С. 170.

[237] Там же. С. 170.

[238] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бакинская_стачка_(1904)

[239] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кровавое_воскресенье_(1905)

[240] *Пушкарева И.М.* Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. в России (Неучтенные альтернативы начала революции) // Труды Института российской истории. Вып. 7 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2008. С. 74.

[241] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_1905—1907_годов_в_Риге

[242] *С. Г.* В тисках террора. М., 1926. С. 99.

[243] Они зажигали зарю. Таллин, 1967. С. 23–24.

[244] *Киров А.* Молодежь в 1905 году. М. — Л., 1926. С. 46–47, 104.

[245] *Хренов И.А.* Революционное выступление варшавских рабочих в январские дни 1905 года // Вопросы истории. 1952 № 2 // URL: http://libmonster.ru/m/articles/view/революционное-выступление-варшавских-рабочих-в-январские-дни-1905-года

[246] 1905: Стачечное движение. Материалы и документы. М. — Л.: Госиздат, 1925. С. 104.

[247] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 124.

[248] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Восстание_на_Тихорецкой

[249] 1905: Стачечное движение. Материалы и документы. М. — Л.: Госиздат, 1925. С. 105.

[250] Там же. С. 107–108.

[251] *Модестов В. В.* История рабочего движения в Донбассе (XIX век — февраль 1917 г.). Диссертация ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 1970. С. 396.

[252] Там же. С. 402.

[253] Там же. С. 402.

[254] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9444/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Mart %29.html

[255] Там же.

[256] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9439/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Aprel %27 %29.html

[257] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Иваново-Вознесенские_стачки; *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции.

[258] URL: http://www.hrono.info/sobyt/1900sob/19051907.php

[259] URL: http://naiwen.livejournal.com/1260932.html

[260] URL: http://www.hrono.info/sobyt/1900sob/19051907.php

[261] URL: http://www.hrono.info/sobyt/1900sob/19051907.php

[262] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9442/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Iyun %27 %29.html

[263] *Глик Б. К.* Революционное рабочее движение в Литве в 1905 году. Диссертация ... кандидата исторических наук. Вильнюс, 1952. С. 115–116.

[264] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Восстание_на_броненосце_«Потёмкин»

[265] *Яковлев Н. Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957. С. 363.

[266] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. М., 1986. Том 3. Книга 1. С. 252–253.

[267] Там же. С. 284.

[268] Там же. С. 347.

[269] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. М., 1986. Том. 3. Книга 2. С. 16–17.

[270] *Яковлев Н. Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957. С. 219.

[271] *Таран Константин.* Общественно-политическое движение в Черноморской губернии в период Первой российской революции (1905–1907 гг.) Банска Быстрица, 2014. С. 62–63.

[272] *Глик Б. К.* Революционное рабочее движение в Литве в 1905 году. Диссертация ... кандидата исторических наук. Вильнюс, 1952. С. 116–117.

[273] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. М., 1986. Том 3. Книга 2. С. 74–75.

[274] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 198.

[275] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9438/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Avgust %29.html

[276] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 55–56.

[277] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. М., 1986. Том 3. Книга 2. С. 278.

[278] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. М., 1991. Том 4. Книга 1. С. 72.

[279] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9438/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Avgust %29.html

[280] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. М., 1991. Том 4. Книга 1. С. 231–232.

[281] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 57.

[282] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 154.

[283] URL: http://www.vinogradovo.com/voskresensk/golutvin

[284] URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/1990s/1991/Polischuk_1991_6.pdf

[285] Революция. Как это было 110 лет назад // URL: http://rkd.dp.ua/2016/03/29/revolyutsiya-kak-eto-bylo-110-let-nazad

[286] *Водоватов Ф. Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 1956. С. 189.

[287] *Окунь С. Б.* Путиловец в трех революциях. 1933. С. 118.

[288] URL: http://elsso.ru/cont/his/234.html

[289] *Яковлев Н. Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957. С. 488.

[290] Они зажигали зарю. Таллин, 1967. С. 30.

[291] *Широкорад А. Б.* Прибалтийский фугас Петра Великого // URL: http://www.xliby.ru/istorija/pribaltiiskii_fugas_petra_velikogo/p18.php

[292] *Модестов В. В.* История рабочего движения в Донбассе (XIX век — февраль 1917 г.). Диссертация ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 1970. С. 435.

[293] URL: http://www.hrono.ru/sobyt/1900sob/19051907.php

[294] *Деева Е. А.* Революционные выступления рабочих Туркестана в октябре-ноябре 1905 года. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ташкент, 1962. С. 134–135.

[295] Зима. Город, который нам дорог. Красноярск: Сибирские промыслы, 2013. С. 26–27 // URL: http://www.zimadm.ru/pub/files/Zima_Kniga.pdf

[296] *Окунь С. Б.* Путиловец в трех революциях. 1933. С. 119–121.

[297] Генеральная репетиция. М., 1980. С. 109; На баррикадах Москвы. М., 1975. С. 100.

[298] История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. С. 80.

[299] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 9.

[300] *Глик Б. К.* Революционное рабочее движение в Литве в 1905 году. Диссертация ... кандидата исторических наук. Вильнюс, 1952. С. 172.

[301] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 10–11.

[302] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9446/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Oktyabr %27 %29.html

[303] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906.

[304] *Модестов В. В.* История рабочего движения в Донбассе (XIX век — февраль 1917 г.). Диссертация ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 1970. С. 440–441.

[305] Генеральная репетиция. М., 1980. С. 123–124.

[306] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 15.

[307] На баррикадах Москвы. М., 1975. С. 208–210.

[308] Там же. С. 210–214.

[309] *Модестов В. В.* История рабочего движения в Донбассе (XIX век — февраль 1917 г.). Диссертация ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 1970. С. 458–459.

[310] *Марасанова В. М.* Ярославский край в конце XIX — начале XX века. Ярославль, 1996.

[311] Генеральная репетиция. М., 1980. С. 192 // URL: http://www.vinogradovo.com/voskresensk/golutvin

[312] *Глик Б. К.* Революционное рабочее движение в Литве в 1905 году. Диссертация ... кандидата исторических наук. Вильнюс, 1952. С. 217.

[313] Революция 1905 года и самодержавие. Сборник документов. М. — Л., 1928. С. 182.

[314] URL: http://elsso.ru/cont/his/234.html

[315] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 21–22; *Яковлев Н. Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957. С. 338.

[316] *Модестов В. В.* История рабочего движения в Донбассе (XIX век — февраль 1917 г.). Диссертация ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 1970. С. 502.

[317] *Кожевник А.Е.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Горький, 1950. С. 386–387.

[318] *Владимиров В.* Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской жел. дор. 1906; На баррикадах Москвы. М., 1975.

[319] *Редькин П.К.* Крестьянское движение в Московской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1954. С. 240–241.

[320] *Обнинский В.П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 160.

[321] *Обнинский В.П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 21.

[322] Там же. С. 158.

[323] Там же. С. 159.

[324] Революция 1905 года и самодержавие. Сборник документов. М. — Л., 1928. С. 37.

[325] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9440/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Dekabr %27 %29.html

[326] *Обнинский В.П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 107.

[327] Там же. С. 22.

[328] Там же. С. 24.

[329] Там же. С. 24.

[330] *Кожевник А.Е.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Горький, 1950. С. 419.

[331] *Тагаров З.Т.* История рабочего движения в Черембассе. Диссертация ... кандидата исторических наук. Иркутск, 1961. С. 99.

[332] Генеральная репетиция. М., 1980. С. 258.

[333] История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Том 1. Орджоникидзе, 1987. С. 82.

[334] *Деева Е.А.* Революционные выступления рабочих Туркестана в октябре — ноябре 1905 года. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ташкент, 1962. С. 225–226.

[335] *Модестов В.В.* История рабочего движения в Донбассе (XIX век — февраль 1917 г.). Диссертация ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 1970. С. 537.

[336] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 114.

[337] *Модестов В.В.* История рабочего движения в Донбассе (XIX век — февраль 1917 г.). Диссертация ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 1970. С. 577–578.

[338] URL: http://tolstiyyoj.livejournal.com/32549.html

[339] *Жбанков Д.Н.* Травматическая эпидемия в России // Журнал «Практический врач». 1907 // URL: http://demoscope.ru/weekly/2013/0565/nauka03.php

[340] *Дзержинский Ф.Э.* Избранные произведения. М., 1977. Том 1. С. 125–126.

[341] История Сибири. Том 3. С. 357–358.

[342] *Окунь С. Б.* Путиловец в трех революциях. 1933. С. 224–225.

[343] *Окунь С. Б.* Путиловец в трех революциях. 1933. С. 225–226.

[344] *Меницкий И.* Революционное движение военных годов (1914–1917). М., 1925. С. 40.

[345] *Модестов В. В.* История рабочего движения в Донбассе (XIX век — февраль 1917 г.). Диссертация ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 1970. С. 757.

[346] *Модестов В. В.* История рабочего движения в Донбассе (XIX век — февраль 1917 г.). Диссертация ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 1970. С. 757.

[347] URL: http://www.enckostr.ru/showObject.do?object=1804623287

[348] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/8711/Костромская

[349] Из книги «Очерки истории ивановской организации КПСС» // URL: http://ivanovo.bezformata.ru/listnews/miting-pamyati-na-pl-revolyutcii-23-avgusta/36872703

[350] *Модестов В. В.* История рабочего движения в Донбассе (XIX век — февраль 1917 г.). Диссертация ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 1970. С. 783.

[351] Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Свердловск, 1927. С. 360.

[352] URL: http://www.kommersant.ru/doc/1551814

[353] *Семочкин Д. Г.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой русской революции 1905–1907 гг. (По материалам Симбирской, Самарской, Саратовской губерний). Диссертация ... кандидата исторических наук. Куйбышев, 1971. С. 87–88.

[354] *Федоров В. А.* История России. 1861–1917 // URL: http://www.studfiles.ru/preview/1619202/page:4

[355] *Живолуп Е. К.* Крестьянское движение в Харьковской губернии в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1950. С. 125–126.

[356] *Водоватов Ф. Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 1956. С. 115–116.

[357] *Попов В. И.* Крестьянское движение в Рязанской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1951. С. 63.

[358] *Кондриков Б. В.* Крестьянское движение в Тамбовской губернии в период революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Мичуринск, 1946–1949. С. 138.

[359] *Церцвадзе М. В.* Революционное движение 1902–1905 гг. в Гурии. Диссертация ... доктора исторических наук. Тбилиси, 1948. С. 85.

[360] Там же. С. 87–88.

[361] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. 1904 год. М., 2008. Выпуск 10. Часть 1. С. 108.

[362] *Семочкин Д. Г.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой русской революции 1905–1907 гг. (По материалам Симбирской, Самарской, Саратовской губерний). Диссертация ... кандидата исторических наук. Куйбышев, 1971. С. 115–116.

[363] *Тяжелов П. П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 157.

[364] *Гохлернер В. М.* Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. Саратов, 1953. С. 136–137.

[365] *Семочкин Д. Г.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой русской революции 1905–1907 гг. (По материалам Симбирской, Самарской, Саратовской губерний). Диссертация ... кандидата исторических наук. Куйбышев, 1971. С. 122.

[366] *Глик Б. К.* Революционное рабочее движение в Литве в 1905 году. Диссертация ... кандидата исторических наук. Вильнюс, 1952. С. 133–134.

[367] *С. Г.* В тисках террора. М., 1926. С. 92.

[368] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 54.

[369] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/mery-tsarskoy-administratsii-po-podavleniyu-dvizheniy-sotsialnogo-protesta-v-ingushetii-v-1905-1907-gg#ixzz4Wz0C32Hm

[370] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 54.

[371] Там же.

[372] *Церцвадзе М. В.* Революционное движение 1902–1905 гг. в Гурии. Диссертация ... доктора исторических наук. Тбилиси, 1948. С. 179.

[373] Там же.С. 182.

[374] Там же. С. 183.

[375] Ртищевская энциклопедия. Малиновское восстание // URL: http://wikirtishchevo.shoutwiki.com/wiki/

[376] *Куванов А.* Малиновская трагедия: крестьянские волнения в 1905 году // Путь Ленина. 1981. 10; 11; 13; 14; 17; 18 февраля. Из сборника «Хранитель времени». Ртищево, 2012.

[377] URL: http://wikirtishchevo.com/wiki/

[378] *Куванов А.* Ртищевская земля пылала в огне // Путь Ленина. 1975. 28–29 октября, 1–4 ноября. Из сборника «Хранитель времени». Ртищево, 2012.

[379] URL: http://wikirtishchevo.shoutwiki.com/wiki/

[380] *Куванов А.* Ртищевская земля пылала в огне // Путь Ленина. 1975. 28–29 октября, 1–4 ноября. Из сборника «Хранитель времени». Ртищево, 2012.

[381] *Кожевник А. Е.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Горький, 1950. С. 356.

[382] Там же. С. 357.

[383] Там же. С. 356.

[384] *Кожевник А.Е.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Горький, 1950. С. 333–334.

[385] *Кожевник А.Е.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Горький, 1950. С. 356.

[386] *Кожевник А.Е.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Горький, 1950. С. 357–359.

[387] *Гохлернер В.М.* Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. Саратов, 1953. С. 160, 164.

[388] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6317

[389] Там же.

[390] Там же.

[391] Там же.

[392] Там же.

[393] Там же.

[394] *Обнинский В.П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 57.

[395] *Тяжелов П.П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 204.

[396] *Обнинский В.П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 13–14.

[397] *Тяжелов П.П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 203.

[398] *Кондриков Б.В.* Крестьянское движение в Тамбовской губернии в период революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Мичуринск, 1946–1949. С. 211–217.

[399] *Живолуп Е.К.* Крестьянское движение в Харьковской губернии в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1950. С. 274–275.

[400] *Котлов П.Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1949. С. 114.

[401] Генеральная репетиция. М., 1980. С. 142.

[402] *Живолуп Е.К.* Крестьянское движение в Харьковской губернии в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1950. С. 294.

[403] *Тяжелов П.П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 199–200.

[404] *Котлов П.Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1949. С. 116.

[405] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9445/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Noyabr %27 %29.html

[406] *Засодимский П.В.* О крестьянских волнениях в 1905–1906 годах // «Северный Край». Журнал, издаваемый Вологодским Обществом изучения Северного Края. Книга № 2. Март — апрель 1922 года // URL: http://shapkino.ru/375-1/4263-4104

[407] *Кузьмин А.З.* Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1963. С. 380.

[408] *Живолуп Е.К.* Крестьянское движение в Харьковской губернии в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1950. С. 292–293.

[409] *Тяжелов П.П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 203.

[410] Там же. С. 205.

[411] Революция 1905 года и самодержавие. Сборник документов. М. — Л., 1928. С. 175–176.

[412] *Водоватов Ф.Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 1956. С. 320.

[413] *Тяжелов П.П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 201.

[414] *Обнинский В.П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 19.

[415] *Ушерович С.С.* Смертные казни в царской России. Харьков, 1933. С. 74.

[416] URL: http://darbabalss.eu/index/revoljucija_1905_1907_godov_v_latvii/0-26

[417] *Котлов П.Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1949. С. 122.

[418] *Котлов П.Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1949. С. 130–142.

[419] *Обнинский В.П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 104.

[420] Там же. С. 62.

[421] Там же. С. 63.

[422] *Котлов П.Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1949. С. 147.

[423] *Кожевник А.Е.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Горький, 1950. С. 395.

[424] Там же. С. 390.

[425] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 63.

[426] *Широкорад А. Б.* Прибалтийский фугас Петра Великого // URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1006983/Shirokorad_-_Pribaltiyskiy_fugas_Petra_Velikogo.html

[427] *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II.

[428] *Обнинский В. П.* Новый строй. Реакция. 1911. С. 262.

[429] *Тяжелов П. П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 222.

[430] *Шабуня К. И.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг. Минск, 1962. С. 281.

[431] Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. Сборник. М., 1936. С. 119.

[432] *Тяжелов П. П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 240.

[433] *Котлов П. Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1949. С. 158–159.

[434] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 48.

[435] Карл фон Сиверс в Эстонии. Документы и материалы // URL: http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/08/c61166c08270bb5ef451b53cb19e5329d5606aa8.pdf

[436] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 22.

[437] *Кожевник А. Е.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Горький, 1950. С. 437.

[438] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 48.

[439] *Кожевник А. Е.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Горький, 1950. С. 466.

[440] *С. Г.* В тисках террора. М., 1926. С. 7–8.

[441] Там же. С. 14–15.

[442] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9448/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Fevral%27%29.html

[443] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 48.

[444] Там же. С. 67.

[445] Там же. С. 23.

[446] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 24.

[447] *Тяжелов П. П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 240.

[448] *Обнинский В. П.* Летопись русской революции. М., 1907. С. 98–99.

[449] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 24.

[450] *Кожевник А. Е.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Горький, 1950. С. 439–440.

[451] *Семочкин Д. Г.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой русской революции 1905–1907 гг. (По материалам Симбирской, Самарской, Саратовской губерний). Диссертация ... кандидата исторических наук. Куйбышев, 1971. С. 232–233 // URL: http://ricolor.org/history/mn/nv/19

[452] *Обнинский В. П.* Летопись русской революции. М., 1907. С. 99.

[453] *Воскресенская Н. С.* Крестьянское движение в Тверской губернии в годы первой русской революции (1905–1907). Диссертация ... кандидата исторических наук. Калинин, 1974. С. 161.

[454] *Семочкин Д. Г.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой русской революции 1905–1907 гг. (По материалам Симбирской, Самарской, Саратовской губерний). Диссертация ... кандидата исторических наук. Куйбышев, 1971. С. 229.

[455] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6317

[456] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6321

[457] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6317

[458] *Кузьмин А. З.* Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1963. С. 484.

[459] *Водоватов Ф. Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 1956. С. 297–298.

[460] *Куванов А.* Ртищевская земля пылала в огне // Путь Ленина. 1975. 28–29 октября, 1–4 ноября.

[461] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6204

[462] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6317

[463] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6317

[464] *Тяжелов П. П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 263, 324.

[465] *Тяжелов П. П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 278.

[466] *Котлов П. Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1949. С. 184–185.

[467] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6237

[468] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6317

[469] *Водоватов Ф. Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 1956. С. 300.

[470] *Живолуп Е. К.* Крестьянское движение в Харьковской губернии в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1950. С. 333.

[471] *Тяжелов П. П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 280.

[472] *Водоватов Ф. Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 1956. С. 290–291.

[473] *Водоватов Ф. Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 1956. С. 292.

[474] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6317

[475] *Кузьмин А. З.* Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1963. С. 487.

[476] *Кузьмин А. З.* Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1963. С. 490.

[477] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6317

[478] Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1936. С. 177.

[479] *Кузьмин А. З.* Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1963. С. 485.

[480] *Котлов П. Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1949. С. 190.

[481] *Живолуп Е. К.* Крестьянское движение в Харьковской губернии в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1950. С. 348–349.

[482] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6317

[483] *Водоватов Ф. Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 1956. С. 301–303.

[484] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6317

[485] *Семочкин Д. Г.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой русской революции 1905–1907 гг. (По материалам Симбирской, Самарской, Саратовской губерний). Диссертация ... кандидата исторических наук. Куйбышев, 1971. С. 263.

[486] *Котлов П. Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1949. С. 186.

[487] URL: http://annales.info/rus/ussr/kamyshin.htm#_ftnref12

[488] *Бабичев М. М.* Аграрный вопрос и крестьянское движение на Кубани в период первой русской буржуазно-демократической революю-

ции 1905–7 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1958. С. 292.

[489] URL: http://gasur.ru/activity/publications/other_publications/chronicle/chr04.php; *Троцкий Л.Д.* Наша первая революция.

[490] URL: http://studopedia.ru/8_58698_krestyanskie-vosstaniya-v-ruminii-i-bessarabii.html

[491] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6321

[492] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=6317

[493] Там же.

[494] *Тяжелов П.П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1950. С. 303–304.

[495] URL: http://enc.cap.ru/?t=publ&hry=115&lnk=1159

[496] *Водоватов Ф.Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 1956. С. 324–325.

[497] *Воскресенская Н.С.* Крестьянское движение в Тверской губернии в годы первой русской революции (1905–1907). Диссертация ... кандидата исторических наук. Калинин, 1974. С. 174.

[498] *Шиловский Д.В.* Крестьянские выступления 1861–1916 гг. в Томской губернии как форма правонарушений // Сибирская заимка // URL: http://zaimka.ru/shilovsky-insurgence

[499] *Попов В.И.* Крестьянское движение в Рязанской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1951. С. 255.

[500] *Семочкин Д.Г.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой русской революции 1905–1907 гг. (По материалам Симбирской, Самарской, Саратовской губерний). Диссертация ... кандидата исторических наук. Куйбышев, 1971. С. 313–314.

[501] *Климина Т.И.* Крестьянское движение в Среднем Поволжье в 1907–1914 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград. 1952. С. 301–303.

[502] *Семочкин Д.Г.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой русской революции 1905–1907 гг. (По материалам Симбирской, Самарской, Саратовской губерний). Диссертация ... кандидата исторических наук. Куйбышев, 1971. С. 306.

[503] *Котлов П.Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1949. С. 192.

[504] *Кузьмин А.З.* Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1963. С. 531–532.

[505] *Есенина З.П.* Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в годы ее проведения в Тамбовской губернии (1907–1914 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1954. С. 247.

[506] *Жбанков Д. Н.* Травматическая эпидемия в России» // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/nauka03.php

[507] *Попов В. И.* Крестьянское движение в Рязанской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1951. С. 257.

[508] *Кузьмин А. З.* Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1963. С. 527.

[509] *Попов В. И.* «Крестьянское движение в Рязанской губернии в революции 1905–1907 годов». Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1951. С. 245–246.

[510] *Котлов П. Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1949. С. 198.

[511] *Попов В. И.* Крестьянское движение в Рязанской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1951. С. 253.

[512] *Бабичев Д. С.* Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. ИРУ, 1969. С. 46.

[513] *Попов В. И.* Крестьянское движение в Рязанской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1951. С. 256.

[514] *Кондриков Б. В.* Крестьянское движение в Тамбовской губернии в период революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Мичуринск, 1946–1949. С. 330–331.

[515] *Семочкин Д. Г.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой русской революции 1905–1907 гг. (По материалам Симбирской, Самарской, Саратовской губерний). Диссертация ... кандидата исторических наук. Куйбышев, 1971. С. 311.

[516] *Кожевник А. Е.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Горький, 1950. С. 497.

[517] *Гульцев Н. Н.* Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 280.

[518] *Климина Т. И.* Крестьянское движение в Среднем Поволжье в 1907–1914 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 293–294.

[519] *Гульцев Н. Н.* Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 291.

[520] *Климина Т. И.* Крестьянское движение в Среднем Поволжье в 1907–1914 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 248.

[521] *Есенина З.П.* Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в годы ее проведения в Тамбовской губернии (1907–1914 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1954. С. 249.

[522] *Климина Т.И.* Крестьянское движение в Среднем Поволжье в 1907–1914 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 245.

[523] *Водоватов Ф.Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 1956. С. 367–368.

[524] Сибирская заимка // URL: http://zaimka.ru/shilovsky-insurgence

[525] *Климина Т.И.* Крестьянское движение в Среднем Поволжье в 1907–1914 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 246.

[526] *Ильина А.И.* Борьба крестьян против столыпинского «землеустройства» и кулацких хуторов (1907–1914 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1954. С. 183–188. *Есенина З.П.* Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в годы ее проведения в Тамбовской губернии (1907–1914 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1954. С. 274–275.

[527] *Ильина А.И.* Борьба крестьян против столыпинского «землеустройства» и кулацких хуторов (1907–1914 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1954. С. 258.

[528] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 75.

[529] Там же. С. 73.

[530] *Климина Т.И.* Крестьянское движение в Среднем Поволжье в 1907–1914 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 240.

[531] История Сибири. Том. 3. С. 354–355.

[532] *Ильина А.И.* Борьба крестьян против столыпинского «землеустройства» и кулацких хуторов (1907–1914 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1954. С. 230–232. *Климина Т.И.* Крестьянское движение в Среднем Поволжье в 1907–1914 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 297–299.

[533] *Гульцев Н.Н.* Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 292.

[534] *Гульцев Н.Н.* Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 285.

[535] *Климина Т.И.* Крестьянское движение в Среднем Поволжье в 1907–1914 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 247.

[536] Там же. С. 251.

[537] Сибирская заимка // URL: http://zaimka.ru/shilovsky-insurgence

[538] *Ильина А. И.* Борьба крестьян против столыпинского «землеустройства» и кулацких хуторов (1907–1914 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1954. С. 254–255.

[539] *Гульцев Н. Н.* Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 295.

[540] *Климина Т. И.* Крестьянское движение в Среднем Поволжье в 1907–1914 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1952. С. 300.

[541] *Ильина А. И.* Борьба крестьян против столыпинского «землеустройства» и кулацких хуторов (1907–1914 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1954. С. 224–225 // URL: http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=478

[542] Сибирская заимка // URL: http://zaimka.ru/shilovsky-insurgence

[543] Беларусь в годы Первой мировой войны // URL: http://www.studfiles.ru/preview/5708214

[544] URL: http://hist.ctl.cc.rsu.ru/Don_NC/XIXend-XX/Obch_dvig2.htm

[545] *Ильина А. И.* Борьба крестьян против столыпинского «землеустройства» и кулацких хуторов (1907–1914 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1954. С. 250–251.

[546] *Ильина А. И.* Борьба крестьян против столыпинского «землеустройства» и кулацких хуторов (1907–1914 гг.). Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1954. С. 200–204.

[547] Беларусь в годы Первой мировой войны // URL: http://www.studfiles.ru/preview/5708214

[548] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Духоборческий_погром_(1895)

[549] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Давка_на_Ходынском_поле; *А. В. Рогачев.* Последний день Москвы. Ростов-на-Дону: Феникс; Москва: Алгоритм-книга, 2009. С. 151–159.

[550] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9448/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Fevral%27%29.html

[551] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9444/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Mart%29.html

[552] URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1912_chest_mundira_oldorfo.shtml

[553] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9448/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Fevral%27%29.html

[554] URL: http://www.ateism.ru/article.htm?no=1303

[555] *Трощкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 373.

[556] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9443/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Maii%29.html

[557] *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 375.

[558] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. 1903 год. М., 2005. Выпуск 9. Часть 1. С. 356–357.

[559] Там же. С. 358.

[560] Там же. С. 362–363.

[561] Там же. С. 374.

[562] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 117.

[563] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9442/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Iyun %27 %29.html

[564] URL: http://umarlavina.narod.ru/Abuzar/XXvek.html

[565] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. М., 1986. Том. 3. Книга 2. С. 15–16.

[566] 1905: Стачечное движение. Материалы и документы. М. — Л.: Госиздат, 1925. С. 112.

[567] *Куценко И.Я.* Кубанское казачество. Краснодар, 1993. С. 109.

[568] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9438/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Avgust %29.html

[569] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9438/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Avgust %29.html

[570] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9438/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Avgust %29.html

[571] *Обнинский В.П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 47.

[572] *Кузьмин А.З.* Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1963. С. 305.

[573] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 213.

[574] По сборнику воспоминаний и материалов «1905 год в Белоруссии» под редакцией М. Шульмана. Минск, 1925 год // URL: http://ludzi-na-baloce.livejournal.com/3323.html

[575] *Обнинский В.П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 8.

[576] Известия Совета рабочих депутатов. Санкт-Петербург. 1905. № 3. 20 октября.

[577] *Обнинский В.П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 9.

[578] Там же. С. 9.

[579] Генеральная репетиция. М., 1980. С. 113; На баррикадах Москвы. М., 1975. С. 334.

[580] Известия Совета рабочих депутатов. Санкт-Петербург. 1905. № 7. 7 ноября.

[581] *Климков В.И.* Расправы и расстрелы. М., 1906. С. 208.

[582] Известия Совета рабочих депутатов. 1905. № 9. 11 декабря.

[583] Известия Совета рабочих депутатов. Санкт-Петербург. 1905. № 10. 14 декабря.

[584] Известия Совета рабочих депутатов. Санкт-Петербург. 1905. № 10. 14 декабря.

[585] *Климков В. И.* Расправы и расстрелы. М., 1906. С. 53.

[586] *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Том 4. М., 1954. С. 9–11.

[587] *Климков В. И.* Расправы и расстрелы. М., 1906. С. 57.

[588] *Климков В. И.* Расправы и расстрелы. М., 1906. С. 58.

[589] *С. Г.* В тисках террора. М., 1926. С. 12–13.

[590] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 48.

[591] *Климков В. И.* Расправы и расстрелы. М., 1906. С. 117.

[592] Новое время. 1906. 3 января.

[593] URL: http://voencomuezd.livejournal.com/778658.html; URL: http://kytx.livejournal.com/1560.html

[594] Революция 1905 года и самодержавие. Сборник документов. М. — Л., 1928. С. 201–202.

[595] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 82.

[596] Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1936. С. 154.

[597] *Гатагова Л. С.* Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия 1860–1917 гг. М.: Новый Хронограф, 2016. С. 323.

[598] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9444/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Mart %29.html

[599] Там же.

[600] *Обнинский В. П.* Летопись русской революции.

[601] Там же.

[602] *Обнинский В. П.* Новый строй. Часть 1. С. 70.

[603] URL: http://www.rus-sky.com/history/library/diaris/1906.htm

[604] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9441/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Iyul %27 %29.html

[605] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9441/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Iyul %27 %29.html

[606] *Обнинский В. П.* Летопись русской революции. М., 1907. С. 46.

[607] 1905·Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 70.

[608] *Обнинский В. П.* Летопись русской революции. М., 1907. С. 95.

[609] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9438/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Avgust %29.html

[610] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 72–73.

[611] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9438/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Avgust %29.html

[612] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 70.

[613] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9438/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Avgust %29.html

[614] Там же.

[615] Там же.

[616] Там же.

[617] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 70–71.

[618] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9447/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Sentyabr %27 %29.html

[619] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 71–72.

[620] Там же. С. 73.

[621] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9446/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Oktyabr %27 %29.html

[622] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 76.

[623] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9446/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Oktyabr %27 %29.html

[624] Там же.

[625] Там же.

[626] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9440/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Dekabr %27 %29.html

[627] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9440/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Dekabr %27 %29.html

[628] *Обнинский В.П.* Новый строй. Реакция. М. 1911. С. 176.

[629] *Жбанков Д.Н.* Травматическая эпидемия в России // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/nauka03.php

[630] *Бабичев Д.С.* Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. ИРУ, 1969. С. 46.

[631] *Обнинский В.П.* Новый строй. Реакция. М., 1911. С. 202.

[632] *Жбанков Д.Н.* Травматическая эпидемия в России // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/nauka03.php

[633] *Обнинский В.П.* Новый строй. Реакция. М., 1911. С. 176.

[634] *Жбанков Д.Н.* Травматическая эпидемия в России // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/nauka03.php

[635] *Жбанков Д.Н.* Травматическая эпидемия в России // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/nauka03.php

[636] *Обнинский В.П.* Новый строй. Реакция. М., 1911. С. 178.

[637] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма против революционно-освободительного движения в Казахстане. Диссертация ... доктора юридических наук. Алма-Ата, 1966. С. 332.

[638] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 70.

[639] История Сибири. Том 3. С. 330.

[640] URL: http://umarlavina.narod.ru/Abuzar/XXvek.html

[641] URL: http://umarlavina.narod.ru/Abuzar/XXvek.html

[642] Василий Львович Алексеев, ученый-зоотехник, журналист // URL: http://ilin-yakutsk.narod.ru/2000-1/72.htm

[643] История Сибири. Том 3. С. 351–352.

[644] «Киевская Мысль». «Р. Слово», «Речь» (8 мая) // Статья В. Г. Короленко «Кто виноват?».

[645] История КПСС. М., 1966. Том 2. С. 383.

[646] Речь. 1912. № 68. 10 (23) марта.

[647] Исторический журнал. 1939. № 9. С. 136–139.

[648] URL: http://voencomuezd.livejournal.com/778658.html

[649] *Ушерович С. С.* Смертные казни в царской России. Харьков, 1933. С. 492; Энциклопедический словарь Гранат. Том 36 — часть 5. Столбцы 645, 650.

[650] *Ноздрин Г.А.* Социальный протест сибирского крестьянства во второй половине XIX — начале XX в. // URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/288/image/288_143-150.pdf

[651] *Кузменкина Л.А.* Пятнадцатый год // Вечерний Новосибирск. 1995. 30 янв.

[652] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kolbasa-delo-doveriya-falsifikatsiya-pischevyh-produktov-v-rossii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny-1914-1918-gg#ixzz4B0jbpxWo

[653] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kolbasa-delo-doveriya-falsifikatsiya-pischevyh-produktov-v-rossii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny-1914-1918-gg#ixzz4B0hkekla

[654] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма против революционно-освободительного движения в Казахстане. Диссертация ... доктора юридических наук. Алма-Ата, 1966. С. 384–385.

[655] *Ковалев А. П.* Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана и восстания 1916 года. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ташкент, 1953. С. 783.

[656] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Аскольд_(бронепалубный_крейсер)

[657] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма против революционно-освободительного движения в Казахстане. Диссертация ... доктора юридических наук. Алма-Ата, 1966. С. 377–378.

[658] *Ковалев А. П.* Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана и восстания 1916 года. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ташкент, 1953. С. 783.

[659] *Меджитов Дж.* Восстание киргизов в 1916 году. Диссертация ... кандидата исторических наук. Фрунзе, 1946. С. 175–176.

[660] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма против революционно-освободительного движения в Казахстане. Диссертация ... доктора юридических наук. Алма-Ата, 1966. С. 414–415.

[661] *Турсунов Х. Т.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 301.

[662] *Ковалев П. А.* Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана и восстания 1916 года. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ташкент, 1953. С. 783.

[663] Беларусь в годы Первой мировой войны // URL: http://www.studfiles.ru/preview/5708214/page:2

[664] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Китайский_погром_в_Благовещенске

[665] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кишинёвский_погром

[666] URL: http://www.eleven.co.il/article/12107

[667] Цайтшрифт. Том 8 (3). Минск — Вильнюс, 2013. С. 24 // URL: http://www.ehu.lt/files/periodicals/Cait%202013.pdf

[668] URL: https://docviewer.yandex.ru/?uid=114074510&url=ya-mail://161566636631919556/1.2&name=Погромы.docx&c=58bc5203ae2c

[669] Революция 1905 года и самодержавие. Сборник. М. — Л., 1928. С. 66–74, 77.

[670] *Шехтман П. И.* Пламя давних пожаров // URL: http://www.armenianhouse.org/shekhtman/docs-ru/contents.html

[671] *Кохан А. А.* Еврейские погромы 1905 года в Крыму и полиция. С. 106–107 // URL: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/34533/43-Kohan.pdf?sequence=1

[672] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9439/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Aprel %27 %29.html

[673] Каспий 1905. 18 августа.

[674] *Шехтман П. И.* Пламя давних пожаров // URL: http://www.armenianhouse.org/shekhtman/docs-ru/nakhichevan.html

[675] Там же.

[676] Там же.

[677] *Шехтман П. И.* Пламя давних пожаров // URL: http://www.armenianhouse.org/shekhtman/docs-ru/nakhichevan.html

[678] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. М., 1986. Том. 3. Книга 2. С. 69–70.

[679] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9441/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Iyul %27 %29.html

[680] URL: http://www.eleven.co.il/article/12058

[681] *Шехтман П. И.* Пламя давних пожаров // URL: http://www.armenianhouse.org/shekhtman/docs-ru/tatar.html

[682] *Шехтман П. И.* Пламя давних пожаров // URL: http://www.armenianhouse.org/shekhtman/docs-ru/shushi.html

[683] Там же.

[684] *Шехтман П. И.* Пламя давних пожаров // URL: http://www.armenianhouse.org/shekhtman/docs-ru/shushi.html

[685] Там же.

[686] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. М., 1991. Том 4. Книга 1. С. 155–156.

[687] *Шехтман П. И.* Пламя давних пожаров // URL: http://www.armenianhouse.org/shekhtman/docs-ru/august.html

[688] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 182.

[689] URL: http://umarlavina.narod.ru/Abuzar/XXvek.html

[690] URL: http://umarlavina.narod.ru/Abuzar/XXvek.html

[691] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 128.

[692] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 132–134.

[693] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 7.

[694] URL: http://krotov.info/lib_sec/22_h/hit/erer.htm

[695] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 7.

[696] *Яковлев Н. Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957. С. 221.

[697] URL: http://www.pseudology.org/Kojevnikov/Xrestomatiya/Rostov_Pogrom_1905.htm

[698] *Кохан А. А.* Еврейские погромы 1905 года в Крыму и полиция. С. 108–109 // URL: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/34533/43-Kohan.pdf?sequence=1

[699] URL: http://cyclowiki.org/wiki/Одесский_погром_(1905)

[700] *Кохан А. А.* Еврейские погромы 1905 года в Крыму и полиция. С. 109–110 // URL: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/34533/43-Kohan.pdf?sequence=1

[701] *Модестов В. В.* История рабочего движения в Донбассе (XIX век — февраль 1917 г.). Диссертация ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 1970. С. 439–440.

[702] URL: http://studopedia.info/8-55731.html

[703] URL: http://www.bloha.info/view/articles/1013275

[704] URL: http://krotov.info/lib_sec/22_h/hit/erer.htm

[705] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 44.

[706] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/manifest-17-oktyabrya-1905-goda-i-politicheskoe-protivostoyanie-v-povolzhie-v-oktyabrskie-dni-1905-goda#ixzz4ObBIwhRr

[707] URL: http://elsso.ru/cont/his/234.html

[708] Подробнее: URL: http://cyclowiki.org/wiki/Черниговский_погром

[709] *Шехтман П. И.* Пламя давних пожаров // URL: http://www.armenianhouse.org/shekhtman/docs-ru/october.html

[710] URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2014_3-1_03.pdf

[711] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 44.

[712] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 63–67.

[713] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 9.

[714] Подробнее: URL: http://cyclowiki.org/wiki/Екатеринославский_погром_(октябрь_1905)

[715] *Странга А.* Латыши и евреи: революция 1905 г. // URL: http://www.lu.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/materiali/studiju-centri/jsc/resursi/2006/EMM_6_p295-305.pdf

[716] Генеральная репетиция. М., 1980. С. 117.

[717] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 45.

[718] URL: http://cyclowiki.org/wiki/Еврейский_погром_в_Байрамча

[719] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 36.

[720] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 42.

[721] *Обнинский В. П.* Новый строй. Реакция. М., 1911. С. 239–240.

[722] *Шехтман П. И.* Пламя давних пожаров // URL: http://www.armenianhouse.org/shekhtman/docs-ru/elisavetpol.html

[723] Там же.

[724] Там же.

[725] Там же.

[726] Там же.

[727] *Шехтман П. И.* Пламя давних пожаров // URL: http://www.armenianhouse.org/shekhtman/docs-ru/end.html

[728] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 22–23.

[729] Там же. С. 29.

[730] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 25–26.

[731] URL: http://forum-msk.org/material/moscow/11283238.html

[732] URL: http://www.ehu.lt/files/periodicals/Cait %202013.pdf

[733] *Климков В. И.* Расправы и расстрелы. М., 1906. С. 105–106.

[734] История Сибири. Том 3. С. 285.

[735] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_1905_года_в_Верхнеудинске

[736] История Сибири. Том 3. С. 285–286 // URL: https://docs.google.com/viewerng/viewer?url=http://irkipedia.ru/PDF/histsib/3-6-3.pdf

[737] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_1905_года_в_Верхнеудинске

[738] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 50.

[739] История Сибири. Том 3. С. 286.

[740] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9443/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Maii %29.html; *Жбанков Д. Н.* Травматическая эпидемия в России // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/nauka03.php

[741] *Жбанков Д. Н.* Травматическая эпидемия в России // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/nauka03.php

[742] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9443/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Maii %29.html

[743] URL: http://www.volgograd-history.ru

[744] Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 491.

[745] *Гатагова Л. С.* Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия 1860–1917 гг. М.: Новый Хронограф, 2016. С. 270–271.

[746] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9442/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Iyun %27 %29.html

[747] *Обнинский В. П.* Летопись русской революции. М., 1907. С. 109.

[748] Там же. С. 105.

[749] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9438/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Avgust %29.html

[750] *Гатагова Л. С.* Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия 1860–1917 гг. М.: Новый Хронограф, 2016. С. 274–275.

[751] *Гатагова Л. С.* Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия 1860–1917 гг. М.: Новый Хронограф, 2016. С. 360.

[752] URL: http://umarlavina.narod.ru/Abuzar/XXvek.html

[753] *Булдаков В. П.* Первая мировая война и городское бунтарство в России: 1914–1916 гг. // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 86–87 // URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2015/03/selection-6.pdf

[754] Там же. С. 93.

[755] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/ne-hlebom-edinym-zhenschiny-i-prodovolstvennye-besporyadki-v-pervuyu-mirovuyu-voynu#ixzz4B0U9pvNG

[756] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/ne-hlebom-edinym-zhenschiny-i-prodovolstvennye-besporyadki-v-pervuyu-mirovuyu-voynu#ixzz4B0ZJocSF

[757] URL: http://orenpolit.ru/dose/item/1731-prodovolstvennye-volneniya-v-orenburge

[758] Зима. Город, который нам дорог. Красноярск: Сибирские промыслы, 2013. С. 28 // URL: http://www.zimadm.ru/pub/files/Zima_Kniga.pdf

[759] *Кирьянов Ю. И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // URL: http://august-1914.over.ru/kiryanov3.pdf

[760] *Шиловский М. В.* «Сахарный» бунт 9 ноября 1916 г. // Энциклопедия Новосибирск. Новосибирск, 2003. С. 757 // URL: http://sibistorik.ru/project/pmv1914/pmv1914-entire.pdf

[761] *Кирьянов Ю. И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // URL: http://august-1914.over.ru/kiryanov3.pdf

[762] *Гатагова Л. С.* Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия 1860–1917 гг. М.: Новый Хронограф, 2016. С. 400.

[763] URL: http://www.fergananews.com/articles/7740 // https://ru.wikipedia.org/wiki/Андижанский_мятеж

[764] *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 374.

[765] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 6.

[766] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 6.

[767] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9448/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Fevral %27 %29.html

[768] Там же.

[769] Там же.

[770] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9449/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Yanvar %27 %29.html

[771] Там же.

[772] *С. Г.* В тисках террора. М., 1926. С. 83.

[773] Там же. С. 85.

[774] Там же. С. 87–88.

[775] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9442/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_%28Iyun%27%29.html; 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 198–199.

[776] *С. Г.* В тисках террора. М., 1926. С. 88.

[777] Там же.

[778] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. IX–X, С. 189.

[779] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 210–211.

[780] *Камышицкий В.* 1905 год в Севастополе. 1925. С. 50–52.

[781] *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. М., 1989. С. 120.

[782] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9442/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Iyun %27 %29.html

[783] *С. Г.* В тисках террора. М., 1926. С. 88.

[784] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 191.

[785] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 27.

[786] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_1905—1907_годов_в_Риге

[787] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 155.

[788] Известия Совета рабочих депутатов. Санкт-Петербург. 1905. № 1. 17 октября.

[789] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 10; *Глик Б. К.* Революционное рабочее движение в Литве в 1905 году. Диссертация ... кандидата исторических наук. Вильнюс, 1952. С. 162.

[790] Известия Совета рабочих депутатов. Санкт-Петербург. 1905 № 2. 18 октября.

[791] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 155.

[792] Известия Совета рабочих депутатов. Санкт-Петербург. 1905. № 3. 20 октября.

[793] 1905·Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 9–11.

[794] История Сибири. Том 3. С. 274–275.

[795] 1905·Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 365–366.

[796] 1905·Материалы и документы. М. — Л., 1917. С. 215.

[797] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Севастопольское_восстание_(1905); Севастополь. Слава и гордость Отечества. М., 2008. С. 242–243.

[798] *Деева Е. А.* Революционные выступления рабочих Туркестана в октябре — ноябре 1905 года. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ташкент, 1962. С. 178–180.

[799] *Климков В. И.* Расправы и расстрелы. М., 1906. С. 146.

[800] Там же. С. 147.

[801] *Климков В. И.* Расправы и расстрелы. М., 1906. С. 148.

[802] 1905·Материалы и документы. М. — Л., 1927.

[803] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9440/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Dekabr%27%29.html

[804] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 19.

[805] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9440/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Dekabr%27%29.html

[806] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Декабрьское_восстание_в_Москве_(1905)

[807] *Климков В. И.* Расправы и расстрелы. М., 1906. С. 33.

[808] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9440/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Dekabr%27%29.html

[809] *Климков В. И.* Расправы и расстрелы. М., 1906. С. 76.

[810] *Бурцев В. Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9440/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Dekabr%27%29.html

[811] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 20.

[812] *Яковлев Н. Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957. С. 316.

[813] *Яковлев Н. Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957. С. 393–394.

[814] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 21.

[815] *Кондриков Б. В.* Крестьянское движение в Тамбовской губернии в период революции 1905–1907 годов. Диссертация ... кандидата исторических наук. Мичуринск, 1946–1949. С. 281.

[816] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Горловское_вооружённое_восстание

[817] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9440/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Dekabr %27 %29.html

[818] URL: http://umarlavina.narod.ru/Abuzar/XXvek.html

[819] *Куванов А.* Ртищевская земля пылала в огне // Путь Ленина. 1975. 28–29 октября, 1–4 ноября.

[820] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 35.

[821] 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 90.

[822] Там же. С. 95–96.

[823] 1905·Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 249–251.

[824] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 22.

[825] *Таран Константин.* Общественно-политическое движение в Черноморской губернии в период Первой российской революции (1905–1907 гг.). Банска Быстрица, 2014.

[826] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 160.

[827] 1905·Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 370–371.

[828] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9449/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Yanvar %27 %29.html

[829] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 162.

[830] Там же.

[831] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9449/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Yanvar %27 %29.html

[832] Там же.

[833] *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 166.

[834] Там же. С. 24.

[835] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 47.

[836] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9444/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Mart %29.html

[837] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9444/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Mart %29.html

[838] Там же.

[839] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 48.

[840] *В. Камшитский.* 1905 год в Севастополе. 1925. С. 144–145.

[841] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 42.

[842] Там же. С. 49.

[843] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9442/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Iyun%27%29.html

[844] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 48.

[845] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 143.

[846] *Камшитский В.* 1905 год в Севастополе. 1925. С. 149–151; Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 49.

[847] URL: http://library.kspu.ru/files/kzd2010/130.pdf

[848] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9441/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Iyul%27%29.html

[849] Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1936. С. 186.

[850] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 41–51.

[851] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 58–62.

[852] 1905. Материалы и документы. М. — Л., 1927. С. 63–64.

[853] Из эпохи борьбы с царизмом. Сборник № 4. Киев, 1925. С. 136–141.

[854] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кровавая_среда_(Польша,_1906)

[855] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9438/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Avgust%29.html

[856] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 48.

[857] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Взрыв_на_Аптекарском_острове

[858] URL: http://infokam.ru

[859] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 49.

[860] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 50.

[861] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9447/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Sentyabr%27%29.html

[862] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 48.

[863] Там же. С. 49.

[864] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9446/Burcev_-_Kalendar%27_Russkoii_Revolyucii_%28Oktyabr%27%29.html

[865] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ренненкампф,_Павел_Карлович

[866] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 48.

[867] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9440/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Dekabr %27 %29.html

[868] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_1905_года_в_Латвии

[869] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9440/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Dekabr %27 %29.html

[870] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 49.

[871] *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/9440/Burcev_-_Kalendar %27_Russkoii_Revolyucii_ %28Dekabr %27 %29.html

[872] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 51.

[873] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Александровский,_Сергей_Васильевич

[874] URL: http://otambove.ru/antiqua/?p=10480

[875] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 72.

[876] Там же. С. 71.

[877] Там же. С. 72.

[878] Там же. С. 71.

[879] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 72.

[880] Там же.

[881] Там же.

[882] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 75–77.

[883] Там же. С. 72.

[884] Там же.

[885] Краснознаменный Тихоокеанский флот. М., 1973 // URL: http://militera.lib.ru/h/tihookeanskiy_flot/index.html; Владивостокское вооруженное восстание // Борьба классов. 1936. № 9. С. 69–79.

[886] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 72.

[887] Там же. С. 79.

[888] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Безданская_экспроприация

[889] URL:http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/2VNMK/026_Baksht.pdf

[890] URL:http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/2VNMK/026_Baksht.pdf

[891] URL:http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/2VNMK/026_Baksht.pdf

[892] URL: http://gnkk.ru/upload/iblock/f91/f914981eb1a7dd2e6e5cb8792c1147ac.pdf

[893] URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/2VNMK/026_Baksht.pdf

[894] URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/2VNMK/026_Baksht.pdf

[895] Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918. С. 93.

[896] URL: http://umarlavina.narod.ru/Abuzar/XXvek.html

[897] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Убийство_Столыпина

[898] *Куванов А.* Ртищевская земля пылала в огне // Путь Ленина. 1975. 28–29 октября, 1–4 ноября. Из сборника «Хранитель времени». Ртищево, 2012.

[899] Правда. 1913. № 1104 (368). 8 мая.

[900] URL: http://umarlavina.narod.ru/Abuzar/XXvek.html

[901] Путь правды. 1914. № 34. 12 марта.

[902] *Ахун М. И. и Петров В. А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 11–12.

[903] Там же. С. 12.

[904] *Шиловский М. В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. С. 19–20; *Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А, Цепляев Л. Н.* Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 212–213.

[905] *Шиловский М. В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. С. 20 // URL: http://sibistorik.ru/project/pmv1914/pmv1914-entire.pdf

[906] Вестник Московского городского педагогического университета. Научный журнал. М., 2010. № 2 (6). С. 19 // URL: https://old.mgpu.ru/materials/12/12057.pdf

[907] *Шиловский М. В.* Первая мировая война... С. 18–19.

[908] *Ахун М. И. и Петров В. А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 13.

[909] *Дробченко В. А.* Кузбасс на рубеже XIX — XX вв. Анжеро-Судженск, 2010. С. 96–97 // URL: http://www.asf.ru/upload/doc/pub/drobchenko-kuzbass.pdf

[910] Научная библиотека «КиберЛенинка» // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rost-antivoennyh-nastroeniy-soldat-kak-otrazhenie-krizisa-russkoy-armii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny#ixzz4XkFs0OYs

[911] Там же.

[912] *Капшуков С. Г.* Революционное движение в царской армии в период Первой мировой империалистической войны (1914 г. — февраль 1917 г.). Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1950. С. 171.

[913] Там же. С. 184.

[914] *Суряев В.Н.* Революционное движение солдатских масс на Западном фронте и в прифронтовой полосе в годы Первой мировой войны (июль 1914 — март 1917). Диссертация ... кандидата исторических наук. Минск, 1991. С. 41.

[915] *Ахун М.И. и Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 29–30.

[916] *Ахун М.И. и Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 19–20.

[917] *Капшуков С.Г.* Революционное движение в царской армии в период Первой мировой империалистической войны (1914 г. — февраль 1917 г.). Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1950. С. 176, 182.

[918] *Марахов Г.И.* Революционное движение в армиях Юго-Западного фронта в 1914 — сентябре 1917 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1953. С. 82.

[919] URL: http://sibistorik.ru/project/pmv1914/pmv1914-entire.pdf

[920] *Ковалев П.А.* Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана и восстания 1916 года. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ташкент, 1953. С. 191–192; *Тарасов Ю.М.* Движение 1916 года в Закаспийской области. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ашхабад, 1955. С. 234.

[921] *Марахов Г.И.* Революционное движение в армиях Юго-Западного фронта в 1914 — сентябре 1917 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1953. С. 83–84.

[922] *Ахун М.И. и Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 32–33.

[923] *Капшуков С.Г.* Революционное движение в царской армии в период Первой мировой империалистической войны (1914 г. — февраль 1917 г.). Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1950. С. 179–180.

[924] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 158.

[925] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 158–159.

[926] *Турсунов Х.Т.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 279–281.

[927] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года... С. 159–161.

[928] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года... С. 161–162, 164.

[929] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 163–164; *Турсунов Х.Т.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 279–286.

[930] *Ковалев П.А.* Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана и восстания 1916 года. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ташкент, 1953. С. 305–309.

[931] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 164–165; *Турсунов Х.Т.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 286.

[932] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма против революционно-освободительного движения в Казахстане. Диссертация ... доктора юридических наук. Алма-Ата, 1966. С. 411.

[933] *Турсунов Х. Т.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 290.

[934] *Турсунов Х. Т.* Восстание 1916 года... С. 231–232, 245–247; *Ковалев П. А.* Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана и восстания 1916 года. Ташкент, 1953. С. 577, 580, 585–586.

[935] *Турсунов Х. Т.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 291–292.

[936] *Ковалев П. А.* Мобилизация... С. 337–338.

[937] *Ковалев П. А.* Мобилизация... С. 340–341.

[938] *Турсунов Х. Т.* Восстание 1916 года... С. 254; *Ковалев П. А.* Мобилизация... С. 573–574.

[939] *Ковалев П. А.* Мобилизация... С. 664.

[940] *Турсунов Х. Т.* Восстание 1916 года... С. 269–270.

[941] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма против революционно-освободительного движения в Казахстане. Диссертация ... доктора юридических наук. Алма-Ата, 1966. С. 416–417.

[942] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 605.

[943] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года... С. 171.

[944] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 603–604.

[945] *Турсунов Х. Т.* Восстание 1916 год... С. 308.

[946] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 422–423.

[947] *Меджитов Дж.* Восстание киргизов в 1916 году. Диссертация ... кандидата исторических наук. Фрунзе, 1946. С. 126, 132.

[948] *Меджитов Дж.* Восстание киргизов... С. 137–138.

[949] *Меджитов Дж.* Восстание киргизов... С. 152–153.

[950] *Ганин А. В.* Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской области. С. 107 // URL: http://orenbkazak.narod.ru/PDF/Semirechje1.pdf

[951] *Ганин А. В.* Последняя полуденная экспедиция императорской России: русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. С. 172 // URL: http://orenbkazak.narod.ru/PDF/Expedition.pdf

[952] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года... С. 199–200.

[953] *Турсунов Х. Т.* Восстание 1916 года... С. 274.

[954] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года... С. 148.

[955] Там же. С. 189–190.

[956] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года... С. 191–193.

[957] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 398–401; *Меджитов Дж.* Восстание киргизов в 1916 году. Диссертация ... кандидата исторических наук. Фрунзе, 1946. С. 158.

[958] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика ... С. 539.

[959] *Тарасов Ю. М.* Движение 1916 года в Закаспийской области. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ашхабад, 1955. С. 205–206.

[960] Там же. С. 207.

[961] Там же. С. 208.

[962] Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность. Владикавказ, 2014 // URL: http://soigsi.com/books/kavkaz.pdf

[963] *Меджитов Дж.* Восстание киргизов... С. 163.

[964] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года... С. 209; *Меджитов Дж.* Восстание киргизов... С. 157.

[965] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года... С. 227.

[966] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года... С. 228–229.

[967] *Турсунов Х. Т.* Восстание 1916 года... С. 320.

[968] ЦГИА Уз. ССР. Д. № 1100, ф. XI, 1916 г., лл. 158–160. Донесение генерала Куропаткина Военному министру 4 января 1917 года.

[969] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 395–397.

[970] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года... С. 222–223.

[971] *Ганин А. В.* Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской области. С. 113 // URL: http://orenbkazak.narod.ru/PDF/Semirechje1.pdf

[972] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 586–587.

[973] *Тарасов Ю. М.* Движение 1916 года... С. 215.

[974] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 409.

[975] *Тарасов Ю. М.* Движение 1916 года... С. 216.

[976] *Меджитов Дж.* Восстание киргизов... С. 170–172, 178–179, 191–192.

[977] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 587.

[978] *Тарасов Ю. М.* Движение 1916 года... С. 268.

[979] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 541.

[980] *Тарасов Ю. М.* Движение 1916 года... С. 217.

[981] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 541–543.

[982] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 563.

[983] *Ахун М. И., Петров В. А.* Царская армия во время империалистической войны. М., 1929. С. 96–100.

[984] URL: http://www.refsru.com/referat-26699-2.html

[985] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 588.

[986] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 588–589.

[987] *Тарасов Ю. М.* Движение 1916 года... С. 220.

[988] *Ганин А. В.* Последняя полуденная экспедиция Императорской России: русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. С. 197 // URL: http://orenbkazak.narod.ru/PDF/Expedition.pdf

[989] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года... С. 238–239.

[990] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года... С. 242.

[991] *Ахун М. И., Петров В. А.* Царская армия... С. 105.

[992] *Марахов Г. И.* Революционное движение в армиях Юго-Западного фронта в 1914 — сентябре 1917 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. Киев, 1953. С. 91.

[993] *Ганин А. В.* Последняя полуденная экспедиция... С. 201.

[994] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 572–574.

[995] Там же. С. 596–597.

[996] Там же. С. 574.

[997] *Ганин А.В.* Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской области. С. 118 // URL: http://orenbkazak.narod.ru/PDF/Semirechje1.pdf

[998] *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия... С. 106–111.

[999] *Капшуков С.Г.* Революционное движение... С. 282.

[1000] *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция... С. 201–202.

[1001] *Капшуков С.Г.* Революционное движение... С. 306–307.

[1002] *Тарасов Ю.М.* Движение 1916 года... С. 222.

[1003] *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 114–118.

[1004] *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция... С. 202–203.

[1005] *В. Эрлихман.* Потери народонаселения в XX веке. М., 2004. С. 18.

[1006] *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия... С. 73.

[1007] *Сапаргалиев Г.* Карательная политика... С. 554.

[1008] *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. 2011. № 8 // URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N8_2011/098_126.pdf

[1009] *Булдаков В.* Бунт // Родина. 2004. № 11. С. 70.

[1010] *Ганин А.В.* Кровавые уроки... С. 107.

[1011] URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7199

[1012] *Нефедов С.А.* История России. Факторный анализ. Том 2. М., 2011 // URL: http://mikhaelkatz.livejournal.com/2488.html

[1013] *Студенцова Э.Е.* Петроградский пролетариат в борьбе за победу Февральской буржуазно-демократической революции. Диссертация ... кандидата исторических наук. Ленинград, 1959. С. 171.

[1014] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. М., 1967. С. 143–144.

[1015] Там же. С. 148.

[1016] *Лейберов И.П.* Петроградский пролетариат в Февральской революции 1917 года. Диссертация ... доктора исторических наук. Ленинград, 1970. Часть 2. С. 168.

[1017] *Нефедов С.А.* История России. Факторный анализ. Том 2. М., 2011 // URL: http://mikhaelkatz.livejournal.com/3917.html

[1018] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. М., 1967. С. 172–173.

[1019] Там же. С. 174.

[1020] *Студенцова Э.Е.* Петроградский пролетариат... С. 186.

[1021] *Лейберов И.П.* Петроградский пролетариат в Февральской революции 1917 года. Диссертация ... доктора исторических наук. Ленинград, 1970. Часть 2. С. 267.

[1022] Там же. С. 283.

[1023] *Нефедов С.А.* История России. Факторный анализ. Том 2. М., 2011 // URL: http://mikhaelkatz.livejournal.com/4222.html

[1024] *Лейберов И.П.* Петроградский пролетариат... С. 381.

[1025] Там же. С. 382.

[1026] Там же. С. 384.

[1027] Там же. С. 385.

[1028] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. М., 1967. С. 195.

[1029] *Лейберов И.П.* Петроградский пролетариат... С. 426–427.

[1030] Там же. С. 435.

[1031] Там же. С. 455.

[1032] *Нефедов С.А.* История России. Факторный анализ. Том 2. М., 2011 // URL: http://mikhaelkatz.livejournal.com/4222.html

[1033] *Лейберов И.П.* Петроградский пролетариат... С. 365–367.

[1034] Там же. С. 372.

[1035] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Крейсер_«Аврора»

[1036] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. М., 1967. С. 196.

[1037] *Лейберов И.П.* Петроградский пролетариат... С. 498.

[1038] Там же. С. 486.

[1039] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. М., 1967. С. 169–170.

[1040] *Лейберов И.П.* Петроградский пролетариат... С. 503, 507.

Литература

1. *Александров Е.А.* Русские в Северной Америке: Биографический словарь / Под редакцией К. М. Александрова, А. В. Терещука. — Хэмден (Коннектикут, США) — Сан-Франциско (США) — Санкт-Петербург (Россия), 2005.

2. *Ананьев А.А.* Призвание Рюриковичей, или Тысячелетняя загадка России. — М.: Новости, 1999.

3. *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. — М., 1962.

4. *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. — М., 1929.

5. *Бабичев Д.С.* Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. — ИРУ, 1969.

6. *Бабичев М.М.* Аграрный вопрос и крестьянское движение на Кубани в период первой русской буржуазно-демократической революции 1905–07 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1958.

7. Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. — М.: Революционный социализм, 1918.

8. *Большаков В.И.* По закону исторического возмездия. — М., 1998.

9. Борьба классов. Журнал. — 1936. № 9.

10. *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Романовы. Гибель династии. — М., 2000.

11. *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. — М.: Наука, 1967.

12. *Бурцев В.Л.* Календарь русской революции. — 1907.

13. *Валянский С., Калюжный Д.* Русские горки. — М., 2003.

14. *Великий князь Александр Михайлович.* Книга воспоминаний. — М.: Вече, 2008.

15. *Витте С.Ю.* Воспоминания.

16. *Владимиров В.* Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской жел. дор. — 1906.

17. *Водоватов Ф.Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Казань, 1956.

18. *Воскресенская Н.С.* Крестьянское движение в Тверской губернии в годы первой русской революции (1905–1907). Диссер-

тация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Калинин, 1974.

19. *Ганин А. В.* Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской области.

20. *Ганин А. В.* Последняя полуденная экспедиция императорской России: русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг.

21. *Гатагова Л. С.* Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия 1860–1917 гг. — М.: Новый Хронограф, 2016.

22. Генеральная репетиция. Сборник. — М.: Московский рабочий, 1980.

23. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Том 4. — М., 1954.

24. *Гиляровский В.* Карательная экспедиция Римана. Рассказ очевидца.

25. *Глик Б. К.* Революционное рабочее движение в Литве в 1905 году. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Вильнюс, 1952.

26. *Горький А. М.* Книга о русских людях. — М.: Вагриус, 2000.

27. *Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н.* Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX — начало XX в.). — Новосибирск, 1978.

28. *Гохлернер В. М.* Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Саратов, 1953.

29. *Гульцев Н. Н.* Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Ленинград, 1952.

30. *Гурко В. И.* Царь и царица.

31. *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. — М.: Весь мир, 2010.

32. *Деева Е. А.* Революционные выступления рабочих Туркестана в октябре — ноябре 1905 года. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Ташкент, 1962.

33. *Дзержинский Ф. Э.* Избранные произведения. Том 1. — М.: ИПЛ, 1977.

34. *Дробченко В. А.* Кузбасс на рубеже XIX–XX вв. — Анжеро-Судженск, 2010.

35. *Есенина З. П.* Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в годы ее проведения в Тамбовской губернии (1907–1914 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1954.

36. *Живолуп Е. К.* Крестьянское движение в Харьковской губернии в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Ленинград, 1950.

37. Зима. Город, который нам дорог. — Красноярск: Сибирские промыслы, 2013.

38. Известия Совета рабочих депутатов. — Л.: Госиздат, 1925.

39. Из эпохи борьбы с царизмом. Сборник № 4. — Киев, 1925.

40. *Ильина А.И.* Борьба крестьян против столыпинского «землеустройства» и кулацких хуторов (1907–1914 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Ленинград, 1954.

41. Исторический журнал. — 1939. № 9.

42. История КПСС. Том 2. — М.: ИПЛ, 1966.

43. История рабочих Ленинграда. Том 1. — Л., 1972.

44. История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Том 1. — Орджоникидзе, 1987.

45. История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Л.: Наука, 1968–1969.

46. Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность. Сборник статей. — Владикавказ, 2014.

47. *Касвинов М.К.* Двадцать три ступени вниз. — М.: Мысль, 1989.

48. *Камшитский В.* 1905 год в Севастополе. — 1925.

49. *Капшуков С.Г.* Революционное движение в царской армии в период первой мировой империалистической войны (1914 — февраль 1917 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Ленинград, 1950.

50. *Керсновский А.А.* История русской армии. — М.: Военное издательство, 1999.

51. *Киров А.* Молодежь в 1905 году. — М. — Л., 1926.

52. *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.).

53. *Клейнмихель В.* В тени царской короны. — Симферополь, 2013.

54. *Климина Т.И.* Крестьянское движение в Среднем Поволжье в 1907–1914 годах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Ленинград, 1952.

55. *Климков В.И.* Расправы и расстрелы. — М., 1906.

56. *Ковалев П.А.* Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана и восстания 1916 года. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Ташкент, 1953.

57. *Кожевник А.Е.* Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905–1907 годах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Горький, 1950.

58. *Кондриков Б.В.* Крестьянское движение в Тамбовской губернии в период революции 1905–1907 годов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Мичуринск, 1946–1949.

59. *Кони А. Ф.* Избранное. — М.: Советская Россия, 1989.

60. *Котлов П. Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в первой русской революции 1905–1907 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Киев, 1949.

61. *Кохан А. А.* Еврейские погромы 1905 года в Крыму и полиция.

62. Краснознаменный Тихоокеанский флот. — М., 1973.

63. Красный архив. Журнал. Том 4 (17). — М. — Л., 1926.

64. *Куванов А.* Хранитель времени. Сборник. — Ртищево, 2012.

65. *Кузьмин А. З.* Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1963.

66. *Куценко И. Я.* Кубанское казачество. — Краснодар, 1993.

67. *Лейберов И. П.* Петроградский пролетариат в Февральской революции 1917 года. Диссертация на соискание степени доктора исторических наук. Часть 2. — Ленинград, 1970.

68. *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. — М., 1937.

69. *Марасанова В. М.* Ярославский край в конце XIX — начале XX века. — Ярославль, 1996.

70. *Марахов Г. И.* Революционное движение в армиях Юго-Западного фронта в 1914 — сентябре 1917 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Киев, 1953.

71. *Масси Роберт.* Николай и Александра. — СПб.: Амфора, 2012.

72. *Меджитов Дж.* Восстание киргизов в 1916 году. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Фрунзе, 1946.

73. *Меницкий И.* Революционное движение военных годов (1914–1917). — М., 1925.

74. *Меннинг Брюс У.* Пуля и штык. — М.: Модест Колеров, 2016.

75. *Модестов В. В.* История рабочего движения в Донбассе (XIX век — февраль 1917 г.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. — Ростов-на-Дону, 1970.

76. Молодежь в первой революции. — Астрахань, 1925.

77. На баррикадах Москвы. Сборник. — М.: Московский рабочий, 1975.

78. *Нефедов С. А.* История России. Факторный анализ. Том 2. — М., 2011.

79. Николай II без ретуши. Антология. — СПб.: Амфора, 2009.

80. *Никольский Е. А.* Записки о прошлом. М.: Русский путь, 2007.

81. Новосибирск. Энциклопедия. — Новосибирск, 2003.

82. Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. К. К. Арсеньева. Т. 14. — СПб.: Ф. А. Брокгауз и Е. А. Ефрон.

83. *Обнинский В. П.* Последний самодержец. — М.: Республика, 1992.

84. *Обнинский В. П.* Полгода русской революции. — М., 1906.

85. *Обнинский В. П.* Летопись русской революции. — М.: Издание В. М. Саблина, 1907.

86. *Обнинский В. П.* Новый строй. Революция. — М.: Типография русского товарищества, 1911.

87. *Обнинский В. П.* Новый строй. Реакция. — М.: Московское книгоиздательское товарищество «Образование», 1911.

88. *Окунь С. Б.* Путиловец в трех революциях. — 1933.

89. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. — М.: Терра, 1992.

90. Они зажигали зарю. — Таллин, 1967.

91. *Оницканский М. С.* О распространении холеры в России. — СПб., 1911.

92. Первая революция в России: взгляд через столетие. — М., 2005.

93. Первая российская. Справочник. — М.: ИПЛ, 1985.

94. Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. Том 3. Книга 1. — М.: Мысль, 1986.

95. Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. Том 3. Книга 2. — М.: Мысль, 1986.

96. Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. Том 4. Книга 1. — М.: Мысль, 1991.

97. Петербургский исторический журнал. — 2014. № 2.

98. *Попов В. И.* Крестьянское движение в Рязанской губернии в революции 1905–1907 годов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1951.

99. *Прудникова Е.* Битва за хлеб. — М., 2016.

100. *Прудникова Е.* Всадники красной смуты. — М., 2016.

101. *Пушкарева И. М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. — М., 1982.

102. *Пыхалов И. В.* Великий оболганный вождь. — М.: Яуза, 2010.

103. *Радциг Е.* Николай II в воспоминаниях приближенных.

104. *Редигер А.* История моей жизни.

105. Рабочее движение в России. Хроника. Выпуск 1. 1895 год. — М., 1992.

106. Рабочее движение в России. Хроника. Выпуск 2. 1896 год. — М. — СПб., 1993.

107. Рабочее движение в России. Хроника. Выпуск 3. 1897 год. — М. — СПб., 1995.
108. Рабочее движение в России. Хроника. Выпуск 4. 1898 год. — М — СПб., 1997.
109. Рабочее движение в России. Хроника. Выпуск 5. 1899 год. — М., 1998.
110. Рабочее движение в России. Хроника. Выпуск 6. 1900 год. — М., 1999.
111. Рабочее движение в России. Хроника. Выпуск 7. 1901 год. — СПб., 2000.
112. Рабочее движение в России. Хроника. Выпуск 8. 1902 год. — М., 2002.
113. Рабочее движение в России. Хроника. Выпуск 9. 1903 год. — М., 2005.
114. Рабочее движение в России. Хроника. Выпуск 10. 1904 год. — М., 2008.
115. Рабочий класс Урала в годы войны и революции. — Свердловск, 1927.
116. *Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды. (1917–1920 гг.). — М.: Алгоритм, 2017.
117. Революционеры текстильного края. Сборник очерков. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1980.
118. Революция 1905 года и самодержавие. — М. — Л., 1928.
119. *Редькин П. К.* Крестьянское движение в Московской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1954.
120. Родина. Журнал. — 2004. № 11.
121. *Рогачев А. В.* Последний день Москвы. — М.: Алгоритм-Книга; Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
122. *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. — Санкт-Петербург, 1912.
123. Русский дом. Журнал. — 2002. № 3.
124. Русский дом. Журнал. — 2012. № 7.
125. *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма против революционно-освободительного движения в Казахстане. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. — Алма-Ата, 1966.
126. *Светлани Г.* Товарищ его Высочества. — Нижний Новгород: Деком, 2002.
127. *С. Г.* В тисках террора. — М., 1926.
128. Севастополь. Слава и гордость Отечества. — М., 2008.
129. Северный край. Журнал. — 1922. № 2 (март — апрель).
130. *Семочкин Д. Г.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой русской революции 1905–1907 гг. (По материалам Симбирской, Самарской, Саратовской губерний). Диссертация на со-

искание ученой степени кандидата исторических наук. — Куйбышев, 1971.

131. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. — М.: Римис. 2005.

132. *Студенцова Э.Е.* Петроградский пролетариат в борьбе за победу Февральской буржуазно-демократической революции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Ленинград, 1959.

133. *Суряев В.Н.* Революционное движение солдатских масс на Западном фронте и в прифронтовой полосе в годы Первой мировой войны (июль 1914 — март 1917). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Минск, 1991.

134. *Тагаров З.Т.* История рабочего движения в Черембассе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Иркутск, 1961.

135. *Таран К.* Общественно-политическое движение в Черноморской губернии в период Первой российской революции (1905–1907 гг.). — Банска Быстрица, 2014.

136. *Тарасов Ю.М.* Движение 1916 года в Закаспийской области. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Ашхабад, 1955.

137. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в двадцати двух томах. Тома XVII, XIX, XXI, XXII. — М.: Художественная литература, 1984–1985.

138. Три века. Том 6. — М., 2005.

139. *Трощкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. — Тула: Автограф, 2000.

140. *Троцкий Л.Д.* Наша первая революция.

141. Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. — СПб.: Алетейя, 2011.

142. *Турсунов Х.Т.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1962.

143. *Тяжелов П.П.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1950.

144. *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. — Фрунзе, 1967.

145. *Урусов С.Д.* Император Николай II. Жизнь и деяния венценосного царя. — Ницца, 1909.

146. *Ушерович С.С.* Смертные казни в царской России. К истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год. — Харьков, 1933.

147. *Федоров В.А.* История России. 1861–1917.

148. *Ферро Марк.* Николай II. — М.: Международные отношения, 1991.

149. Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. — М., 1936.

150. *Церцвадзе М. В.* Революционное движение 1902–1905 гг. в Гурии. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. — Тбилиси, 1948.

151. *Шабуня К. И.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг. — Минск, 1962.

152. *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота // В сборнике «Николай II». — СПб., 1994.

153. *Шанин Т.* Революция как момент истины. — М., 1997.

154. *Шехтман П. И.* Пламя давних пожаров // Журнал «Pro Armenia». — 1992–1993.

155. *Шиловский М. В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. — Новосибирск, 2015.

156. *Шубин А. В.* Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. — М., 2014.

157. *Широкорад А. Б.* Прибалтийский фугас Петра Великого.

158. *Эрлихман В. В.* Потери народонаселения в XX веке. — М.: Русская панорама, 2004.

159. *Яковлев Н. Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года. — М., 1957.

160. 1905 год в Белоруссии. — Минск, 1925.

161. 1905 год в Сибири. — Новониколаевск, 1925.

162. 1905. Материалы и документы. — М. — Л., 1927.

163. 1905: Стачечное движение. Материалы и документы. — М. — Л.: Госиздат, 1925.